72.3(2К)
С20

ЕВНЕЙ БУКЕТОВ

Медеу Сарсеке

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Created by Nuritdinov's ZPDF

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1292

(1092)

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Медеу Сарсеке

ЕВНЕЙ БУКЕТОВ

ТРАГЕДИЯ СВЕТЛОЙ СУДЬБЫ

Buketov University

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2007

Created by free version of 2PDF

УДК 669(092)(574)
ББК 34.3г(5Каз)
С 20

Издание осуществлено при поддержке Карагандинского областного фонда «Сары-Арка» Республики Казахстан

Автор благодарит акима Карагандинской области РК Нурлана Зайроллаевича НИГМАТУЛЛИНА за содействие в издании этой книги

- 716648 -

Акад. Е.А. Бекетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті
ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНАСЫ

ISBN 978-5-235-03077-0

© Сарсеке М., 1997, 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2007

Buketov University

Created by free version of 2PDF

УРОКИ УЧИТЕЛЯ

Еще в молодые годы я восхищался разносторонними талантами Евнея Арыстанулы Букетова, который был не только неоспоримым авторитетом среди наших ученых-металлургов и химиков, но обладал еще и замечательным литературным даром. Из русской истории я знал о такой исключительно редкой личности, как А. П. Бородин, который помимо того, что весьма успешно занимался медициной и химией, создал подлинные музыкальные шедевры — романсы, симфонии. Вершиной его творчества в искусстве, как известно, явилась знаменитая опера «Князь Игорь», где он, кстати, очень тонко воспроизвел мотивы музыки народов Востока. Переплетение русских и восточных тем характерно и для его симфонии «В Средней Азии», благодаря чему его творчество стало особенно мне близким. Евней Арыстанулы напоминал мне этого прославленного человека, особую гордость у меня вызывало то, что он был наш, являлся живой частью нашей казахской земли, веткой могучего дерева, из которого произросли Абай, Ауэзов, Шакарим и другие

Buketov University

Created by free version of 2PDF

великаны национальной культуры. Потому я всей душой стремился хотя бы раз увидеться с ним. Подходящий для этого случай представился в 1975 году, когда Евней Арыстанулы приехал в командировку в Чимкент, в Казахский химико-технологический институт, где я, тогда еще кандидат наук, работал на кафедре химии. Во время встречи между нами как-то сразу завязался задушевный разговор. Узнав, что я начал готовиться к защите докторской диссертации, Ебеке дал мне конкретные рекомендации, горячо одобрив выбранное научное направление.

Меня покорили простота и скромность известного ученого, его дружеская манера общения с молодыми научными сотрудниками, полное отсутствие высокомерия и снисходительности по отношению к ним, и я с той поры старался держаться ближе к этому замечательному человеку. Судьба была в этом благосклонна ко мне — мы оба занимались научными изысканиями в области химических наук и наши встречи стали довольно частыми.

Одна из них произошла в Москве, где в январе 1981 года на ученом совете в Химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева состоялась защита моей докторской диссертации. Узнав, что Букетов прибыл в Москву и устроился, как и я, в гостинице Академии наук на Октябрьской площади, я поспешил к нему на встречу. Он был не один, вместе с ним в номере находился наш земляк — известный поэт Какимбек Салыков, работавший в то время на ответственной должности в аппарате ЦК КПСС. Евней Арыстанулы обрадовался моему визиту. Знакомя меня с Салыковым, он так отозвался обо мне: «Вот, настоящий батыр, не испугался Москвы и блестяще защитил здесь докторскую диссертацию!» Затем с истинно казахским радушием и гостеприимством усадил меня за стол и стал угощать домашними яствами, национальными кушаниями — казы, карта... Беседуя с Ебеке, я обнаружил, что он был в курсе моих научных исследований. Мы обсудили некоторые вопросы. Поразительно, уже тогда он предвидел бурное развитие электрохимии и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

рекомендовал мне сосредоточить свои исследования на этой отрасли. Благожелательный совет Евнея Арыстанулы, прозорливые слова ученого впоследствии стали моим жизненным ориентиром, главным вектором в моей профессиональной деятельности.

В ноябре следующего года по рекомендации ЦК КП Казахстана я был назначен проректором Карагандинского государственного университета. По прибытии в Караганду я отправился к Букетову. Евней Арыстанулы радушно встретил меня, выразив удовлетворение тем, что я направлен в университет, основателем которого являлся он сам.

В Караганде мы стали дружить семьями. Особой любовью Евнея Арыстанулы пользовался мой младший сын Галымжан, бойко говоривший на родном языке. «Этот батыр словно вырос в древней казахской степи — такая у него самобытная речь, для нынешней молодежи это редкость», — удивлялся Ебеке. Помнится еще один поучительный эпизод из нашего с ним общения: дело было в больнице, он извлек из-под подушки толстую книгу. «Мурат, — сказал он, протягивая ее мне, — эту книгу я взял у одного ученого-москвича, на днях должен вернуть хозяину. Хотел почитать ее, да врачи не разрешают. Предлагаю просмотреть на досуге, если имеешь желание...» Книга называлась «Путеводитель для русского человека по Средней Азии и Алтаю». Была издана в Санкт-Петербурге в 1901 году. Она оказалась весьма любопытной по содержанию, я быстро прочитал ее от корки до корки. В ней было много статистических данных, документального материала о различных губерниях и уездах, о численности населявших их казахов и русских, подробно описывались быт и нравы, царившие в те далекие времена в аулах и селах. Я переписал для себя наиболее примечательные места и вновь отправился в больницу, чтобы вернуть Букетову книгу. Узнав, что я сделал выписки, улыбаясь, он заметил: «В этой книге кладезь полезных сведений. Свет ведь не сошелся клином на одной химии. В общем, в книге много информации для ученого, который не ограничивается узкими рам-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ками одной науки. Я тебе ее и дал не просто так, а с умыслом. Я рад, что ты меня правильно понял!..»

Надо сказать, Евней Арыстанулы мог иногда озадачить окружающих его людей, что некоторыми воспринималось как чудачество, странность его своеобразного характера. На самом деле в его кажущихся резкими высказываниях всегда содержалось рациональное зерно, остроумный намек на конкретную ситуацию, отеческий совет, как проникнуть в научные тайны.

Весной 2004 года писатель Медеу Сарсеке из Семипалатинска обратился ко мне с просьбой поделиться воспоминаниями об Евнее Арыстанулы. До этого мы с ним не были знакомы. Я лишь знал, что он был автором документальной книги о Каныше Сатпаеве. Как оказалось, он был также учеником Букетова, ему посчастливилось не только слушать в студенческие годы лекции ученого-металлурга, но и защитить дипломную работу под его непосредственным руководством.

Наша беседа постепенно перешла к сложной и переменчивой судьбе Евнея Букетова. Мой собеседник сказал, что он работает над документальной книгой о нем, за это неимоверно трудное дело взялся по просьбе близких людей покойного ученого, ему активно помогают беззаветно преданные учителю питомцы и продолжатели научной школы Е. А. Букетова. Он знал о наших добрых отношениях с ним — оказалось, читал мои воспоминания о нем. Было заметно, что писатель основательно подготовился к встрече со мной, задал мне заранее заготовленные вопросы. Я постарался дать на них по возможности полные и точные ответы. Должен сказать, что говорить о человеке, которого высоко чтишь и безмерно уважаешь, — огромное удовольствие.

Мне импонировало и то, что Медеу Сарсеке не только знал Букетова с 1953 года, со своих студенческих лет в стенах Казахского горно-металлургического института, но и продолжал поддерживать с ним тесные отношения в последующие после окончания учебы годы. Именно это представляло автору будущей биогра-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

фической книги об Евнее Арыстанулы весьма редкую, можно сказать, уникальную возможность достоверно, выпукло, зримо воссоздать средствами художественного слова образ ученого. По профессии Медеке — металлург. А перо в его руках, как говорится, от Бога. Такое редкое сочетание писательского призвания и технической профессии обещало автору будущей книги верный успех. Преисполненный благих надежд и добрых ожиданий, я, конечно, выразил желание ознакомиться с рукописью будущей книги. Писатель обещал по завершении своего произведения представить мне такую возможность...

И вот передо мной лежит готовый к изданию экземпляр увесистой рукописи «Трагедия светлой судьбы». С нетерпением я приступил к ее чтению. Скажу честно, что у меня сразу же возникло ощущение новой встречи с Ебеке, с которым я часто общался, которого хорошо знал и очень уважал. Как читатель и ученый-химик, не понаслышке знакомый с научной деятельностью Евнея Арыстанулы и являвшийся его учеником, могу с уверенностью сказать, что автору книга несомненно удалась, с ее страниц Ебеке как бы снова пришел к нам таким, каким мы его знали. Жизнь есть жизнь. Она не всегда совпадает с нашими планами и желаниями, а подчас грубо навязывает свои условия, заставляет жертвовать чем-то дорогим. Все это испытал Ебеке. Автор сумел не только воссоздать достоверный образ своего героя, но и раскрыть разносторонние таланты неординарной личности, крупного ученого. Писатель убедительно пишет о Букетове как о талантливом переводчике и вдохновенном поэте, глубоком, вдумчивом писателе и одаренном ученом, причем выходце из аула. Увлекательно рассказывает о нелегком пути Букетова к вершинам науки, подкрепляя свой рассказ документами и свидетельствами очевидцев. В этом весьма занимательном и обстоятельном рассказе отражена сама жизнь во всех ее красках — свет и тени, без малейшего отклонения от истины.

Не скрою, возможно, в книге слишком обнажены неприглядные факты и события прошлых лет. Но та-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

кова правда жизни, и ничего тут поделать нельзя. Как говорится, из песни слова не выкинешь.

Не секрет, что становление казахстанской науки намного запаздывало, тем не менее такие опережавшие свое время личности, как Каныш Имантайулы Сатпаев и его талантливые последователи со своими трудами и открытиями, не дали ей оказаться в хвосте мировой науки. Кстати, и сегодня наша наука занимает достойное место. Вот только обществу об этом известно непростительно мало. Главная причина этого упущения кроется в недооценке обществом роли науки, а журналисты и писатели мало пишут о ее творцах, у нас почти нет специалистов-литераторов, интересующихся научными достижениями, глубоко понимающих их значение в развитии государства. Я знаю немного примеров литературы такого рода. Это прекрасные эссе Евнея Букетова «Святое дело Чокана» и его «Шесть писем другу», книга воспоминаний академика Ш. Ч. Чокина «Четыре времени года», известные произведения Медеу Сарсеке об академике Сатпаеве, документальная книга Нурмахана Оразбека «Шапык Чокин», недавно вышедшая в издательстве «Казахстан» в серии «Личность и время». Теперь к ним добавилось новое произведение «Трагедия светлой судьбы».

Что касается этой книги, допускаю неоднозначность ее восприятия читательской аудиторией. В книге много документального, кто-то, вероятно, найдет в ней себя, своих коллег и знакомых. Кому-то покажется спорным изложение определенной драматической части материала. Тем не менее нужно признать несомненную заслугу автора, создавшего довольно смелое, главное — правдивое произведение, достойное высокого имени Евнея Букетова, отражающее масштабную, уникальную, разностороннюю деятельность крупного ученого и Человека с большой буквы. Писателю удалось, основываясь на подлинных документах, по-своему и по-современному взглянуть на сложную судьбу своего героя с позиций и реалий нынешнего времени. Уверен, читателям, а особенно тем, кто ре-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

шился идти в своей жизни по тернистому пути научных изысканий, как воздух, нужна одна лишь правда, как бы горька и тяжела она ни была. И в этих дерзаниях во имя науки «Трагедия светлой судьбы» несомненно им окажет услугу, особенно всем тем, кто дорожит истинно национальными ценностями нашей культуры.

Мурат ЖУРИНОВ,
президент Национальной Академии наук
Республики Казахстан

Buketov university

Created by free version of 2PDF

...Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди — наша национальная гордость — долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Нурсултан НАЗАРБАЕВ,
первый секретарь ЦК КП
Казахстана
«Правда», 23 февраля 1990 года

Перед Евнеем Букетовым, как две нитки рельсов, было два пути: науки и литературы. Он не разделял их, старался пройти по обоим... Одолев пятидесятилетний рубеж своей жизни, в расцвете сил, он без задержки и издержек, по-прежнему уверенно идет к вершинам науки и искусства. В добрый путь, дорогой друг!..

Зейнолла КАБДОЛОВ,
академик Национальной
Академии наук Республики
Казахстан, 1975 год

Buketov university

Created by free version of 2PDF

Дорогой Евней Арстанович, Караганда стоит над громадной толщей угля, и Вам судьбой предначертано заниматься проблемой оживления ее... Конечно, получить дешевый бензин из угля — не так уж просто, все-таки откладывать это дело из-за сложности на будущее не стоит и времени терять нельзя...

Виктор СПИЦЫН,
академик РАН,
Герой Социалистического Труда
Москва, 1979 год

Buketov university

Created by free version of 2PDF

Дорогой, любимый мой брат Еслямбек!.. Знаю, нет рядом с тобой умного друга, способного дать тебе дельный совет. Что ж, в таких случаях приходится рассчитывать только на себя. Наш отец никогда ни на кого не обижался и был добрым, житейски мудрым человеком. Мать наша, покойная Бальтай, добрейшей души женщина, хотя жила бедно, всегда спешила чем-то помочь нуждающимся людям.

Евней БУКЕТОВ. 1 ноября 1983 года

Глава 1

К УРАЛЬСКИМ ПРЕДГОРЬЯМ С БЕРЕГОВ ЕСИЛЬ-РЕКИ* КАТИЛСЯ ГОЛОДНЫЙ ЛЮД В НАДЕЖДЕ СПАСТИ ДУШИ

I

Из шанырака** Арыстана, сына Бокета (Букета), доносился звонкий крик новорожденного младенца, девятого по счету. Это случилось на рассвете нового дня первого месяца года Коровы по мусульманскому летосчислению. Об этом событии сам новорожденный, став уже взрослым человеком, писал в автобиографии: «Я родился 23 марта 1925 года в ауле Багаты Октябрьского района (в годы советского правления этот район назывался — Тонкерис, затем долгие годы Октябрьским, с 1962 года Сергеевским, а в 1992 году получил имя Шалакына. — *М. С.*) в семье бедного шаруа***».

---

* Есиль — казахское название реки, позднее русские поселенцы переименовали ее в Ишим, в дальнейшем мы будем употреблять первоначальное название реки.

** Дословно: крыша дома, в данном случае означает родной дом.

*** Крестьянин.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Однако в эту запись мы вынуждены внести существенные коррективы.

Дело в том, что в своей книге воспоминаний «Друг мой, брат мой» Камзабай Арыстанулы, десятый ребенок этого шанырака, вносит вот такое уточнение: «Мы с Евнеем родились в небольшом ауле — "У мечети", названном так после появления в нем деревянной мечети. Через три двора от нее пролегала проселочная дорога, которая, огибая наше зимовье, тянулась вдоль старого русла реки и приводила путника в соседнее селение — "Большой аул"... На небольшом холме расположился третий аул, который назвали — "Аул у родника"». В воспоминаниях, написанных Камзабаем Букетовым в преклонные годы, после кончины старшего брата, воспроизведен план местности: среди широкой, неоглядной степи, как островок в океане, — небольшой холм, на западном склоне которого темнеют каменные бугорки — места захоронения людей из рода Алыпкаша; чуть ниже — возвышается мечеть с деревянной крышей и тремя окнами, выходящими на север, минаретом, верхушку которого венчает полумесяц; недалеко от мечети стоит домик с хозяйственными постройками, обнесенный частоколом; между мечетью и сопкой — три домика, один из них, с более просторным двором, художник-любитель отметил звездочкой — в этом доме и родился Евней Букетов. Камзабай Арыстанулы с грустью вспоминает: «Прошли годы, и трудно поверить в то, что от аула, близкого моему сердцу, где когда-то жили наши предки, проходили их трудовые будни, не осталось и следа. На месте "Большого аула" в настоящее время бушуют волны рукотворного Сергеевского водохранилища, а через "Аул у родника" проходит подземная водопроводная трасса в кокшетаускую сторону. И только бугорки на месте исчезнувшего аула "У мечети" да родовое кладбище на возвышенности неподалеку, где похоронено несколько поколений наших предков, напоминают о том, что здесь когда-то жили люди...»

Из той же книги мы узнаем, что три обособленных аула имели общее название Алыпкаш. Алыпкаш —

Created by free version of 2PDF

Buketov University

имя воина, проявившего беспримерную доблесть и стойкость в сражениях с джунгарами. Согласно преданиям, он до глубокой старости не сходил с коня и не выпускал копье из рук. А когда батыр был смертельно ранен, то соратники вынесли его, истекающего кровью, с поля боя и привезли, перекинув через седло боевого коня, в родной аул. На правом берегу Есиля, в местности Аютас, что вблизи и поныне стоящего здесь аула Каратал, тело его предали земле. Старожилы этих мест с тех пор чтят это место как святое, проложенная к нему тропа никогда не зарастает травой. А народная молва о ратных делах Алыпкаш-батыра передается из уст в уста, из поколения в поколение. В память о батыре его именем назван не только аул, где проживают многие его потомки, но и степное озеро, раскинувшееся в двухстах верстах от этих мест. На южном берегу озера жили люди из рода атыгай, на северном — сибанцы из большого рода керей. В автобиографической книге известного казахского писателя, потомка сибанцев, Сабита Муканова «Школа жизни» есть упоминание об этом озере: «В семи-восьми верстах от нашего родного аула Жаманшубара раскинулось поросшее высоким и толстым, как жерди, камышом озеро Алыпкаш. Вокруг нашего поселения из этого камыша делались защитные ограждения от снежных наносов, по мере их роста они наращивались, в некоторые годы ограждения напоминали стены неприступной крепости, не давая приезжим прохода в аул...»

В памяти потомков сохранилось множество легенд о батыре. Одна из них рассказывает о происхождении имени Алыпкаш: будто бы его отец Нак-батыр обладал недюжинной физической силой, но омрачало ему жизнь отсутствие наследника, которому он мог бы передать свое боевое оружие — рождались только девочки. И вот, когда отважному Наку уже было под семьдесят, его младшая жена родила, наконец, сына. Известно, что батыры отличаются крутым нравом, а Нак к тому же был неслыханным упрямцем. «Уа, тугоухий Бог мой! Не внимавший моей мольбе на протяже-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

нии целых пятидесяти лет, решил-таки потешиться надо мной, когда мне остался до могилы всего лишь один шаг?! — вопрошал он. — Аллах несправедливо поступил со мною, ну, нет, я никому не позволю насмехаться над отпрыском бесстрашного Нака, не быть ему сиротой, лучше его зарублю!.. — И, вынув из ножен саблю, поскакал в свой аул. Зная крутой нрав батыра, аульчане увезли младенца в соседний аул и спрятали.

По этой причине его сына назвали Алыпкаш (дословно: бери и убегай).

По словам очевидцев, могучий Нак дожил почти до 120 лет и превратился в конце концов в немощного дряхлого старца. Он стал так слаб и стар, что уже не мог самостоятельно сесть в седло. Потеряв все зубы, Нак вынужден был питаться лишь жидкой молочной кашей. Во время летней откочевки на джайляу для старого батыра изготавливали специальную волокушу из березовых стволов, на нее стелили молодые ветви, а поверх них — мягкую кошму. На подготовленное ложе укладывали обессилевшего старика, в волокушу впрягали пару быков, которые тянули ее в конце каравана. И вот, ведь, как складывается порой жизнь — погонщиком этих волов был не кто иной, как младший внук Нака, родившийся от шестого сына Алыпкаша по имени Кашкинбай...

Из воспоминаний Камзабая Букетова мы узнаем, что жители всех трех названных аулов, к началу XX века составившие самостоятельный род, являются потомками семи сыновей Алыпкаша Накулы. В августе 2003 года, путешествуя в тех местах, я, автор этой книги, посетил старый курган, расположенный на восточной стороне бывшего аула Алыпкаш. На высоком могильном камне прочитал эпитафию:

«Здесь, в широкой степи,
Под синими небесами, за Есиль-рекой
Потомки Алыпкаш-батыра обрели покой:
АЛИМБАЙ, ТОКА, КАШКИНБАЙ,
ТАСЕН, КОСТАНАЙ, ТОКБОЛАТ,
БОСТАН — ровно семь его сыновей...»

Акад. Е.А. Букетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті

Букетов University
Created by free version of 2PDF
716648

От пятого сына Алыпкаша, упомянутого на памятнике — КОСТАНАЯ, родились сыновья — Кошимбай, БОКЕТ* (нареченный при рождении — Тумырза) и Сактаган. У БОКЕТА было шестеро детей: сыновья — Арыстан, Ыбырай, Маутай, Канапия и две дочери — Казипа и Даляпраз.

В своей книге «Шесть писем другу» Евней Букетов вспоминает напутствие-благословение одного из аксакалов родного аула — Аягана (Алжигана). Перед отъездом Евнея на учебу в Алматы Аяган сказал ему: «Наш род был прославлен не только гремевшими по всей степи именами батыров, но еще нерушимой в веках крепкой дружбой между собой. Береги свою честь и достоинство, сын мой, как твой славный предок Алдакаш! Батыром можешь не быть, но не позволяй никому унижать себя! Да будет в пути конь твой рысист и помогут тебе великие духи наших предков, аминь!..»**

Когда сватали Кенжетай, будущую жену Бокета, ее свекор Костанай был во здравии. По словам Кенжетай-апа***, умершей в 1951 году в возрасте 93 лет, он был высоким, худощавым, кареглазым джигитом. Костанай был бедным шаруа, имевшим лишь небольшое хозяйство, едва позволявшее содержать семью. Несмотря на это держался он всегда независимо, с достоинством. Выручали его золотые руки, он мог сшить сапоги, сплести плетку для коня, смастерить инкрустированную металлом и костью кровать, изящный сундук, выковать подкову и саблю, он мял железо, словно тесто. Сыновья Костаная унаследовали его ремесло. Средний сын Бокет, живший скромно, довольствуясь малым, умер от неизвестной и продолжительной болезни в возрасте пятидесяти двух лет, когда его старшему сыну

---

* При оформлении советского паспорта в 1930-е годы в Курганской области Российской федерации имя Бокета исказили, переделав в Букет.

** В своем автобиографическом произведении Евней Арыстанулы изменил имена некоторых своих героев. Например, свой род он назвал — алдакаш, себя — Мажитом Мукановичем Нурбаевым, мать Бальтай — Умсын, бабушку Кенжетай — Патшайым...

*** Бабушка.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Арыстану было всего четырнадцать лет. Другой сын Бокета — Канапия умер молодым. Дочь Даляпраз была выдана замуж в пятнадцать лет, через два года она умерла при родах. Четверо детей Бокета, со временем создав семьи, жили отдельными домами и счастливо продолжили его родословную.

* * *

Алыпкаш-батыр, прапрадед детей Арыстана, жил в середине XVIII столетия, в конце долгого 250-летнего казахско-калмыцкого противостояния. То был период объединения сил для защиты своих территорий, период побед хана Аблая, сопровождавшихся постепенным вытеснением джунгарских завоевателей с северных и восточных окраин — с берегов благодатных рек Есиля, Нуры, Тургая, Кенгира, Сарысу — и, наконец, окончательного изгнания извечных врагов с обширных земель Прииртышья, богатых пастбищами. После этих побед почти все роды, рассеявшиеся в годы «великих бедствий» вдоль западных берегов Сырдарьи, Жема, Ойыла, Жаика, в окрестностях Бухарского ханства, возвратились в исконные места обитания. Именно в эти годы произошли решающие сражения с калмыками, десятилетиями совершавшими грабительские набеги на казахские аулы. Встретив ожесточенное сопротивление, калмыки потеряли воинственный дух. Молва гласит, что Алыпкаш-батыр в этих сражениях проявил исключительное мужество. Освободив от врагов плодородные земли северной границы казахских степей вдоль Есиля, он вместе со своими сородичами, везде и всюду следовавшими за ним, обосновался в этих местах. В ту пору земля между Есилем и Нурой была настоящим раем. Молоком и медом сочились берега ее рек. В лесах заливались соловьи, и по зеркальной глади озер величаво, как облака, плыли еще не пуганные никем белые лебеди. И люди, живущие здесь, были здоровыми и крепкими, красивыми, храбрыми воинами. Разрозненные сведения, дошедшие до наших времен из «Шежире» — родовых летописей,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

гласят, что сам Алыпкаш происходит из рода атыгай, ставшего многочисленным в середине XVI века и представлявшего собой одну из главных семи ветвей — Жети Момун (имя матери, считавшейся родоначальницей) племени аргын. Он является потомком БАИМБЕТА, который был наследным сыном КАЛКАШ-батыра, а тот — прямой наследник БЕГИМА, отцом последнего был ДАУТ. От БАИМБЕТА идет ветвь ЖОЛАМАН, от него рожден ДАУЛЕТЕЙ, а затем идет КАЙДАУЫЛ (прозванный народом ЖЕКЕ-батыр, иначе говоря, постоянный победитель в личных поединках). Затем продолжателем этого клана стал СЫРЫМБЕТ, породивший ХАНКЕЛДИ. У Ханкелди было несколько сыновей, один их них — достопочтенный НАК-батыр.

По своей численности потомки Баимбета, компактно проживающие поныне в Северо-Казахстанской области, уступают лишь роду керей. В XIX веке, до размежевания нынешних границ с Россией, земли баимбетовцев входили в состав Акмолинской области, в частности, обширного Петропавловского уезда и именовались Баимбетской волостью. В научной книге казахстанских историков В. Вострова и М. Муканова «Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX века)» указано, что род атыгай проживал между пограничными землями, переданными западносибирскому казачеству, угодьями Кокшетауского уезда и небольшим перешейком, всего в 150—200 километрах от Петропавловской крепости, по берегам Есиля и севернее его, вплоть до Томского уезда. В книге приводятся сведения о летовках аулов отделения Таузар, ветвей Кошебе, рода ашамайлы и керей в окрестностях озер Шошкалы, Сасыккошкар, Когалы и Алыпкаш. Можно предположить, что многочисленный род керей (пять волостей) и атыгай, племена канжыгалы, уак и кипчак этого же уезда в начале XVIII века между собой по-братски делили берег Есиля на зимневесенние стойбища. Летом часть родов передвигалась до Атбасара, часть шла на север до Томского уезда, а часть уходила на расстояние примерно 400—500 верст — до лесов и озер Менкесер.

Created by free version of 2PDF

Усилия степных богатырей по защите родных земель не пропали даром, на протяжении почти ста лет никто их не тревожил. Наступил долгожданный покой, аулы разрослись, множились табуны лошадей, овечьи отары, больше стало и другого скота. Но когда на северном берегу Есиля, над Красным яром, названным так из-за красного цвета береговой глины, русские войска построили Петропавловскую крепость, кончилось затишье. Новые хозяева сразу же стали укреплять так называемую Новоишимскую пограничную линию. Близкое соседство с ними ничего хорошего для казахских аулов не сулило. Пограничная крепость уже в 1808 году получила статус города (коренные жители сразу же назвали его Кызылжаром, то есть Красным яром). Через тридцать лет город стал центром Ишимского дуана, иначе говоря, округа, а с 1868 года уезд со всеми волостями был передан вновь созданной Акмолинской области. Разумеется, за эти годы новый округ усиленно заполнялся переселенцами из глубины России и казачьими войсками. За первые десять лет XX века число вновь прибывших составило более ста тысяч человек, их количество почти сравнялось с численностью коренного населения. Каждая новая волна переселенцев широко использовала особые привилегии, специально предоставленные царской администрацией. Незваные гости располагались на лучших, благодатных черноземах вдоль Есиля с лесами и озерами, богатыми рыбой, при этом вытесняя казахские аулы на окраины со скудными пастбищами, на безлесные и безводные территории. В результате в последней четверти XIX столетия в сотнях аулов, ранее благоденствовавших, количество поголовья скота резко снизилось, значительно сократились пути кочевок на весенне-летние пастбища, сотни аулов вынуждены были переходить на оседлый образ жизни. В числе их оказался почти весь род Алыпкаш-батыра, а также аулы рода атыгай (Куттыкадам, Маркаш, Аккошкар, Баганаты, Самбет и др.), которые были вытеснены со своих издавна обжитых мест.

В период весенних паводков воды Есиля, выходя из берегов, заполняли низины, и только через пару недель

Created by free version of 2PDF

Buketov University

река возвращалась в русло. С наступлением тепла в поймах рек поднимались густые травы. Потомки батыра Алыпкаша под зимовку выбирали поляну на возвышенности, окруженную с юга лесом. Они закрепились здесь окончательно во второй половине XIX века. С тех пор, можно сказать, алыпкашовцы забыли о летовке на джайляу. Да и раньше этот аул не славился многочисленными табунами лошадей, а поголовье коров и овец в каждом дворе не превышало десятка. На скудном пастбище вокруг аулов летом паслись овцы. А на зиму приходилось заготавливать сено в пойме реки. Некоторые семьи занимались земледелием. Они снимали небольшой урожай, в их закромах достаточно было своего хлеба, да и животноводство давало молоко и мясо, так что идти батрачить к русским не было необходимости...

Родственные три аула Алыпкаш, как уже говорилось, расположились на правом берегу Есиля. А на противоположном берегу реки находилась деревня Коноваловка, именуемая казахами Канабал. Жители этой деревни с саманными белыми домиками по своему благосостоянию не отличались от соседних оседлых казахов. Они так же, как и местные казахи, с утра до вечера, не разгибая спины копались на своих небольших наделах, ухаживали за немногочисленным домашним скотом, еле сводя концы с концами. Повседневная нужда заставляла жителей русских деревень и казахских аулов общаться между собой. О крепкой дружбе отца с «Рыжим Иваном» из соседнего села Двойники, прозванного казахами «тамыром», о его советах во время сева с добрыми чувствами вспоминает в своей книге Камзабай Букетов...

* * *

Отличительной чертой Алыпкаш-батыра был высокий рост и физическая сила, эти качества по наследству передались его потомкам. Костанай был крепкого телосложения, настоящим богатырем, и, по словам бабушки Кенжетай, его внук — Арыстан будто бы в точности перенял не только высокий рост и внуши-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

тельную фигуру деда, но еще и умение изготовлять домашную утварь — корытца, кувшины, деревянные ступы для талкана — кели*. Он был наделен практической смекалкой и слов на ветер не бросал. Арыстан выделялся из своих аульчан не только ростом, но и природным интеллектом, рассудительностью, трезвым взглядом на жизнь и пользовался у всех уважением.

На долю четырнадцатилетнего Арыстана выпало вывести в люди оставшихся без отца пятерых сирот-погодков. День и ночь трудился он в поте лица, терпеливо влача свою тяжелую ношу, следуя заветам предков. Всемилостивый Аллах послал ему спутницу Бальтай, которая была немногословна, заботлива, от зари до зари хлопотала по хозяйству, храня тепло и уют семейного очага. Ни в чем не мог он упрекнуть супругу, великую труженицу, которая за тридцать четыре года совместной жизни, прожитых в любви и согласии, произвела на свет четырнадцать детей!

В год, когда появился девятый ребенок в семье, Арыстану было уже за сорок. Рождение подряд шестерых сыновей и двух дочерей — были по сердцу отцу, однако его радости были недолгими: все его дети умирали друг за другом в малолетнем возрасте от неизвестных степнякам болезней... Бабушка Кенжетай, жившая в доме своего младшего сына Маутая, по-своему утешала подавленных горем Арыстана и Бальтай, когда они лишились и седьмого ребенка: «Бе-еу, милые, не теряйте веры в милость Аллаха. Он, давший вам семерых детей, даст и еще. Позаботьтесь только об оставшемся в живых младенце...».

То был мальчик по имени Зейнел-Габиден, которого весь аул звал ласково — Зейкен, он отличался необычайными способностями, будто был рожден для поэтического творчества. Мальчик уже в пятилетнем возрасте пел и играл на домбре. В семь лет он посещал аульную мечеть, читал некоторые суры** Корана и,

---

* Сосуд для изготовления талкана, пищи из зажаренной пшеницы.

** Главы Корана.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

конечно, благодаря этому прослыл одаренным шакирдом* муллы. Заметив музыкальные способности сына, отец смастерил ему маленькую домбру. Зейкен стал частым участником аульных праздников, его приглашали на различные торжества в соседние аулы, где он виртуозно исполнял народные песни, научился играть на самодельной сыбызге**. Его называли мальчик-певец с ноготок. Со временем в нем раскрылся поэтический дар, он стал сочинять юмористические стихи на бытовые темы. В отроческом возрасте Зейкен легко запоминал наизусть пространные кисы*** и дастаны**** о батырах, мог почти всю ночь напролет читать их аульчанам.

Когда Зейнел-Габидену исполнилось девять лет, Всемилостивый Аллах снова снизошел к молитвам родителей-горемык — в их семье родился ребенок. Мулла в мечети нарек младенца Ибн-Габиденом, а они очень хотели, чтобы младенец был похож на своего одаренного брата, потому вопреки желанию муллы младенца между собой прозвали — *ЕБНЕЙ-ГАБИДЕН* (видоизменяясь в документах, заполненных в русской школе, его имя стало звучать как Евней).

Когда малыш стал откликаться на зов и радовать родителей своей детской лучезарной улыбкой, неожиданно скончался его талантливый брат Зейкен, проболев всего лишь три дня. В те далекие годы ранняя детская смерть в казахских аулах была привычным явлением. Наверное, поэтому слова соболезнования произносились обычно однообразно: «Аллах забирает к себе всегда лучших, но он милостив в своих деяниях и подарит вам еще ребенка...» Бабушка Кенжетай считала, что в смерти одаренного ребенка повинна не болезнь, а сглаз недоброго человека.

Арыстан и Бальтай, у которых часто умирали дети, не спускали глаз с маленького Евнея, не отходили от

---

* Ученик.

** Инструмент наподобие флейты, изготовленный из тростника.

*** То же самое, что поэма.

**** Поэтические сказания.

Created by free version of 2PDF

BIK-Tour University

колыбели младенца. Когда Евнея отняли от материнской груди, он был передан на попечение бабушки, которая к тому времени из-под шанырака своего младшего сына перебралась в дом старшего сына. Властная Кенжетай, привыкшая управлять сыновьями, как и снохами, объяснила причину своего поступка по-житейски просто: «Евнейжан с сегодняшнего дня будет моим, а если вы хотите иметь своего — тогда уж снова молитесь Аллаху и просите у него другого...» Супруги не стали противостоять напору старой матери, как-никак она стояла у истоков рода Букетовых.

Воспитывавшийся у заботливой бабушки Евней называл своего отца — «ага» (дословно: старший брат), а мать по имени — Бальтай. Такое непривычное поведение ребенка в роду Букетовых не пресекали. Братья Арыстана — Ибрай и Маутай, сестра Казипа признали маленького Евнея младшим сыном своей матери, баловали его, постоянно носили на спине. Он рос, не зная запретов близких. Но не стал трудным ребенком. Никогда не переступал границ дозволенного, потому сызмальства прослыл «умным дитем».

II

Год Коровы, под знаком которой появился на свет Евней, по сравнению с предшествующим временем смуты ознаменовался в Степи воцарением спокойствия и благодати. Как говорили в старину, наступило время, когда воробьи откладывают яйца на спине овец.

А ведь сумятица в их прежней, относительно спокойной жизни началась с Февральской революции 1917 года, затем переросшей в Октябрьскую — в бунт вечных пролетариев, матросов и солдат, умело разжигаемый большевиками. Как пламя, он перекинулся и на казахские земли, перевернув все вверх дном. Последствия этих событий оказались тяжелыми особенно для казахских аулов на северных окраинах Степи, граничивших с Россией. Вначале они вынуждены были

Created by free version of 2PDF
Buketov University

платить дань правительству Колчака, созданному в Омске, потом постоянно терпели наезды голодных войск атамана Дутова, изымавших последние запасы еды и реквизировавших лошадей. Позднее через аулы бежали в Китай и Монголию белые войска, превратившиеся в разрозненные дикие банды. Чего можно было ожидать от толпы вооруженных и озлобленных поражением солдат, брошенных командованием, оторванных от родных мест и от близких? За малейший отказ в крове и пище они убивали безвинных степняков, бесчестили молодых девушек и женщин, оставляя глубокие травмы в душах людей. Наконец, досталось аулам и от местных белогвардейцев и сочувствующих им элементов, окопавшихся в Петропавловске...

Расхваленная большевиками Красная армия, пришедшая по пятам белых под лозунгом освобождения кочевых казахов от многовековой эксплуатации, не принесла ожидаемого облегчения: красных также приходилось обеспечивать лошадьми и провизией, выгребая последнее зерно из кладовых. Верно говорят: «Любому зарвавшемуся придет когда-нибудь конец». Все долго измывавшиеся над народом ушли в небытие. Насилие прекратилось, и настало мирное время для степняков. Советское правительство объявило автономию Степного края.

Трое сыновей Букета и их близкие родичи выстояли в этих испытаниях, не дав погаснуть своим очагам. Слава Аллаху, не исчезли, не сгинули без следа, как некоторые семьи во время тех лихолетий. Теперь снова надо было впрягаться в работу — пахать, сеять сообща, объединив хозяйственный инвентарь. Постепенно их жизнь стала налаживаться, единственная кобыла Букетовых и мелкий скот, тщательно прятавшиеся от чужих глаз, чудом уцелели, на них и была вся надежда. Во время появления на свет Евнея в 1925 году семья Арыстана считалась более-менее обеспеченной, не испытывала особого недостатка в питании. С весны до глубокой осени доили кобылу и пили целебный кумыс, заимели и рабочую лошадь, в общем относились к разряду среднезажиточных шаруа.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Евней рос и мужал. Его отличали неординарность мышления и редкая врожденная память, его поступки были по-взрослому взвешенны, обдуманны. Видимо, все эти качества он унаследовал от отца, а необычную тягу к лошадям — от дяди Маутая. Обычно ранним утром Евней вырывался из горячих объятий бабушки, чтобы не пропустить, как отец или дядья седлали своих коней, и, конечно, просился прокатиться с ними. Больше всех Евнея баловал дядя Маутай. Он неплохо играл на домбре, прекрасно пел. Аульчане превозносили музыкальную одаренность джигита-гуляки, иногда называли его Маутай-сэре*, то ли хваля его за артистические способности, то ли иронизируя. Но все же ни одно торжество в окрестности не проходило без Маутая, на некоторые гуляния он брал с собой неугомонного Евнея. Домочадцы особо не возражали, зная, что с мальчиком ему не загулять до утра...

Если дядя Маутай уезжал на несколько дней по делам, привыкший к вниманию старших ребенок повсюду следовал за другим дядей — Ибраем-ага. Его Карагер — вороной конь — был крепким, статным, быстроногим и норовистым. На него невозможно было сесть с лестницы, как на других смирных лошадей. Даже взрослые боялись крутого нрава коня. Однажды ранним утром Евней, увидев Карагера под навесом, подошел к нему и попытался погладить по гриве, но дотянуться до нее не мог. Тогда раздосадованный малыш ухватил коня за переднее копыто. Вороной не шелохнулся, спокойно разгонял мух длинным хвостом. В этот момент бабушка, озабоченная исчезновением внука, вышла во двор. Увидев его у ног вороного, она остолбенела от страха, потеряла дар речи. Евней, между тем, как ни в чем не бывало на четвереньках перебрался к задним копытам. У бабушки подкосились ноги, помутнело в глазах. А упрямый конь, никого не

---

* Сэре — разносторонне талантливые люди — они же поэты, акыны-импровизаторы, певцы, выделявшиеся из общей среды также своей привлекательной внешностью, всегда одевавшиеся красиво, настоящие степные щеголи.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

подпускавший к себе, кроме Ибрая, проявив невероятное смирение, тихо потрусил прочь...

Жизнь казахского аула, связанная с животноводством, была полна подобных случаев с маленькими детьми, когда они только начинали учиться ходить и познавать окружающий мир. Как и все его ровесники, Евней до первого снега ходил босиком, играл в асыки*, гонял самодельный мячик, изготовленный из шерсти коров...

Время, подобно скакуну, неумолимо мчится вперед. В первые годы советской власти жизнь степных жителей протекала, можно сказать, вполне размеренно, если не считать разных перегибов, допускавшихся слишком ретивыми активистами-белсенди, вообразившими себя истинными представителями государственной власти. Они постоянно выступали с речами о необходимости перестройки жизни. И, разумеется, вредили больше, чем приносили пользы. Тем более что особых крутых изменений в укладе жизни степного народа не происходило. Оседлое население трех аулов Алыпкаша, как уже было сказано выше, постепенно поправляло свое материальное положение, было довольно установившимся затишьем...

1928 год все три семьи Букетовых встретили с большой радостью. Евней оказался счастливым ребенком, в тот год он заимел сразу трех братишек: новое пополнение пришло в шанырак Арыстана, в его доме снова приняли младенца, нарекли — Камзабаем; вслед за ним и в семьях Ибрая и Маутая также зазвенели детские голоса...

III

Заняв должность ответственного секретаря краевого комитета ВКП(б) Казахстана, сталинский посланец Ф. И. Голощекин, которого тогдашняя казахская интеллигенция презрительно окрестила «Кужак» (дословно: худощавая щека; по смыслу — «Голый ко-

* Игра в кости.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

роль»), объявил о необходимости проведения в Казахстане «Малого Октября» с целью ускорить классовое размежевание своеобразного степного общества. Сказано — сделано. Летом 1928 года в автономной республике была развернута политическая кампания по уничтожению крупных баев, приведшая к тяжелым социальным последствиям.

В ауле Алыпкаш и раньше не было богачей, не было табунов лошадей, которые исчислялись бы даже сотнями голов. Семьи же со средним достатком образовались в самые последние годы, но и над ними нависла опасность экспроприации. Потому что запал красного актива — «белсенди», вооруженного лозунгом искоренения байства, был очень силен и требовал жертв. Воинственность голытьбы вылилась в поиск пособников, «прихвостней» баев и подкулачников. Всех охватила волна всеобщего кооперирования, объединения в так называемые «ТОЗы» (товарищества по совместной обработке земли), впоследствии перешедшая в лихорадку колхозного строительства. Земля стала общей, частная собственность на скот и имущество была отменена.

Эти кампании подорвали устои и традиции, складывавшиеся в степях веками, ввергли в отчаяние всех степняков. Одним из таких горемычных был Арыстан Букетов. Он не понимал сути нововведений, не мог согласиться на то, чтобы свою единственную кобылу с жеребенком отдать в общее стадо. И в один из погожих летних дней 1930 года он объявил сородичам, что покидает родные места. Его решение сорваться с насиженного места было воспринято аульчанами с недоумением: «Что же случилось, кто тебя здесь притесняет, куда ты собираешься переехать?» Но Арыстан был непреклонен и в одну из сред (этот день недели по народным приметам считается удачным) он сложил самое необходимое в арбу и тронулся в путь. Шестилетний Евней, взобравшись на своего молодого коня, погонял корову с теленком. Трехлетний Камзабай вместе с братишкой Маратом, который родился той зимою, расположились в телеге.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Одинокий, небогатый их обоз, медленно двигаясь, переправился на другой берег Есиля, к вечеру остановился на ночлег в ауле Баганаты (этот населенный пункт указан Е. А. Букетовым в автобиографии как место рождения). Семью Арыстана приютили в своей землянке знакомые люди, позже она перебралась в отдельную юрту.

Главе семьи и это место не приглянулось: и здесь также начали организовывать колхозы, из-за которых он распрощался с родным аулом, здесь тоже всех вынуждали нажитое имущество сдавать в общий котел. Именно в то лето в окрестностях Баганаты образовались два колхоза — Аккошкар и Куттыкадам. Человеку, освоившему много ремесел и привыкшему работать только на себя, за короткое время измениться и привыкнуть к ведению общего хозяйства было тяжело. Бедняга Арыстан, по-житейски рассуждая: «Чем общий бык, лучше отдельный теленок», решил подальше уносить ноги. Раза два съездив в аул Акан-Барак, где проживали родители жены, он объявил, что зимовать они будут в том ауле. Не найдя подходящего жилья, Букетовы поселилась в землянке тестя. Было тесно, но все разместились, как-никак близкие люди...

Классик казахской литературы Габит Мусрепов в своем замечательном произведении «Улпан — ее имя» неслучайно упоминает своих знаменитых земляков — поэтов: «Шарке сал*, слепой Тогжан, Нияз сэре, Сапаргали... все они наследники знаменитого из знаменитых Сегиз сэре (Мухаммед-Канафия Бахрамулы Шакшаков. — *М. С.*)».

А Сабит Муканов в первой книге своего широко известного произведения «Школа жизни» также повествует: «Атыгаец слепой Тогжан однажды посещает рынок в местечке Болатной. Торсан в то время, женившись на дочери Есенея (родившейся от вышеупо-

* Те же сэре, но более искусные, они выступают как цирковые клоуны.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

мянутых Улпан и старшего султана этого округа — Есенея), был чрезмерно кичлив и горд... Стоявшие холуи вокруг Торсана вдруг обращаются к Тогжану: "Эй, слепой, разве ты не знаешь Торсана?" Тогжан тут же, вспылив, на ходу выдает вот такое четверостишие:

"Я тебя знал еще с младенческих лет,
В молодости твоя мать потеряла честь,
В Кургане с есаулом спутавшись,
Ты появился от бородатого на свет"».

Смущенный безжалостным обвинением Торсан якобы повелел: «Чтобы этот слепой больше не болтал лишнего, дайте ему одного коня и прогоните прочь!..»

Корни Бальтай, суженой Арыстана, восходят к роду атыгай, а аул, расположенный на берегу реки Есиль, состоял весь из людей подрода этого племени — баимбетовцев, точнее сказать, потомков его ветви — Акан-Барак. От одного из ответвлений последнего подрода родился Ендибай, его сыновья — Акжан, вышеупомянутый слепой ТОГЖАН и Тайжан. У Тогжана было три сына — АКЖИГИТ, Байжигит и Ахмет. От Акжигита — БАЙЖАН, а БАЛЬТАЙ (нареченная от рождения — Умсын) — его единственная дочь.

Тогжан, о котором с уважением упоминали Габит Мусрепов и Сабит Муканов в своих произведениях, — широко известный поэт-импровизатор, поэтическое наследие его представлено во всех сборниках прошлого века. В одном из них, например, в поэтическом состязании с известным акыном Орынбаем, он представляет себя такими словами: «Я, Тогжан, ослеп в тринадцать лет, Аллах, отняв мое зрение, обрек меня слезы лить...» В другом стихотворении акын-импровизатор не менее искренен: «У атыгайца язык острый, слова печальные», — и далее продолжает: «Я — сын Ендибая, зовут меня Тогжан, опережавший всех, есть еще родной брат Акжан...» Из этих слов понятно, что Акжан тоже был даровитым акыном, но лидерство в поэзии он уступил более талантливому, острому на язык младшему брату, а сам сочинял шуточные сатирические стихи, славился острословием в бытовых спорах.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

«Бабушку мою по материнской линии звали Меруерт. Я ее еще застал живой... — отвечал на мой запрос Камзабай Арыстанулы. — Эти данные в 2003 году я узнал из подробных расспросов от Кайыржамал — старухи Тайжана. В том году ей стукнуло 82 года, она была в полном здравии и памяти. Короче говоря, мы, дети Арыстана, одновременно являемся прямыми потомками знаменитого в народе акына Тогжана, то есть праправнуками по материнской линии в пятом колене...»

Условия жизни в бедном ауле родственников жены также не устраивали Арыстана. Может быть, его больше беспокоили подрастающие трое малолетних сыновей, их дальнейшая судьба? Как их вырастить? Потому он снова в кругу своих заводил разговор о переселении в Россию. Окончательное решение об отъезде Арыстан объявил в тот день, когда потерялся их двухгодовалый жеребенок пегой кобылицы. Гнедую четырехлетку, коня Евнея, пришлось продать. «Евней долго плакал, когда лишился своего коня. Но вскоре ожеребилась наша кобылица, на свет появился симпатичный маленький жеребенок, который быстро вытеснил из его памяти боль по утрате того коня...» — вспоминает Камза-еке о последних днях пребывания в ауле Акан-Барак.

Семья Арыстана весной 1931 года в третий раз погрузила в арбу домашний скарб. На этот раз он был намного меньше, прошлогодняя обуза в пути — привязанная к оглобле корова с теленком тоже отсутствовала, что заметили даже дети (а куда она подевалась, не могли никак додуматься и позже). День за днем шагала пегая кобыла. Дети постоянно находились под навесом безворсового домашнего алаша* (родители попеременно шли за телегой пешком). Евней и Камзабай впоследствии вычислили тот долгий путь — он пролегал по территории нынешней Курганской области, неподалеку от поселений — Пресновка (районный центр Северо-Казахстанской области РК), Петухово, Макушино и Мокроусово. Они ехали к предгорьям древнего Урала.

---

* Предмет обихода, которым накрывают земляной пол жилой комнаты или юрты.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

События, произошедшие в детские годы, обычно остаются в памяти навсегда. Старшему из братьев Евнею было тогда семь лет, Камзабаю четыре, и все пережитое в дороге они запомнили. Например, как в русских деревнях угощали отбившуюся от своих казахскую семью, ехавшую с тремя малыми детьми неизвестно куда, помогали чем могли: кто даст ведро картошки, буханку хлеба, нальет молока, кто вынесет овощи. «Мать, видимо, из-за гордости про себя ворчала, что их еда отдает солью, но наш молодой родич — племянник дедушки Кошумбая по имени Исках, тоже ехавший с нами, наоборот, все нахваливал овощи, которыми угощали русские женщины, он ел с таким хрустом и смаком, так аппетитно, что и нам хотелось их отведать...» — пишет в воспоминаниях Камзабай Арыстанулы.

Братьям запомнилось, что всю дорогу отец был задумчив и молчалив. За многие дни пути он лишь один раз улыбнулся, когда Евней неожиданно закричал:

— Ага, смотрите! Заяц, заяц! — Встрепенулись сидящие в телеге дети: «Где, где же он, длинноухий?» А заяц уже пересек дорогу и исчез в чаще леса. Отец, шедший за телегой, спросил всполошившихся детей:

— Откуда, куда пробежал?

— Вон с того леска выбежал и исчез там, — показал Евней, указав на левую сторону дороги.

— Это хорошая примета, если пробежал с правой стороны на левую, мои милые!.. А ну, Бальтай, Аллах сопутствует нашему намерению. Значит, будем живы-здоровы и в здравии когда-нибудь присоединимся к своим! Если хоть капля молока осталась на дне торсыка*, капни на землю! — распорядился Арыстан, не скрывая свою радость.

Долгие скитания на чужбине да и полная неизвестность впереди, должно быть, порядком угнетали уставшую в пути и от жизненных невзгод женщину, и она, к удивлению детей, взорвалась:

— Как будто кто-то гнал тебя в эту глухомань. Что нам теперь остается — вернуться к своим?! Чтоб сдох

---

* Кожаный сосуд.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

этот заяц, что пересек нам дорогу, пропади пропадом длинноухая тварь!.. — Излив накипевшую в душе злость, Бальтай вдруг замолкла.

Спустя некоторое время Арыстан спокойно возразил супруге:

— Беу, Бальтай, видать, тебя одолела усталость. Ведь мы страдаем ради наших же троих птенцов, потерпи, скоро кончатся наши мучения... Зря не расстраивайся, будь спокойна, байбише!*

Арыстан угадал. Перед сумерками пегая кобыла, выбившаяся из сил, неожиданно прибавила шагу, густой лес начал редеть, и, наконец, извилистая дорога вывела их на большую поляну. Путники наткнулись на деревню, видать, зажиточную, потому что все дома в ней были срублены из толстых, вековых сосен. Остановились на окраине. Глава семьи начал обходить дворы в надежде найти ночлег.

Перед тем как отправиться в путь, Арыстан сделал кое-какие приготовления. У них фактически не было никаких документов (паспортная система в Казахстане была введена лишь в 1933 году). А у Арыстана весь запас русских слов исчерпывался несколькими фразами: «Здрасти, тамыр», «Хлеба продай», «Спасибо», «Бог тебе в помощь!» — и не больше. Поэтому, отправляясь в неведомый край, он предусмотрительно запасся запиской на клочке бумаги, где было сказано: «Предъявитель сего — может работать с железом, изготавливать деревянные изделия, сапожничает, подшивает валенки. Жена его мастерица-швея». Видимо, это и помогло. В той деревне нашелся добрый человек. Через некоторое время он возвратился к семье с высоким, как он сам, здоровым черным мужиком...

«Дядя Иван был человеком крепкого сложения, с густой черной бородой, вьющимися длинными волосами. Мы прозвали его Черным Иваном, знаю, что у него были сын и дочка примерно нашего возраста. Его белолицая супруга всегда ходила в чистой одежде, была очень опрятна и аккуратна. Вся семья Ивана встретила

* Жена.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

нас дружелюбно. Хозяйка усадила нас за стол, а потом разрешила поиграть с детьми», — вспоминает Камзабай Арыстанулы о днях пребывания в этой деревне.

Им повезло: по существу изгои, бедняги, не нашедшие надежного пристанища в своей необъятной казахской степи, далеко от родных мест, в предгорьях Урала, в деревне Малкизяк (так называли ее братья Букетовы) они встретили живое человеческое участие и сострадание. Иван оказался добрейшим человеком, в тот же вечер он отвел бедствующим инородцам свою пристройку во дворе, ставшую для них и домом и мастерской. И соскучившийся по работе Арыстан, предусмотрительно захвативший все нужные инструменты, начал шить сапоги, настилать полы, кому-то делать ремонт в доме. Бальтай тоже не сидела без дела, и ей нашлось занятие: помогала всем, кто не знал, как держать иголку, — шила платья, занавески, вышивала на них затейливые узоры (через годик-два она даже приобрела швейную машинку «Зингер» с ножным приводом и после этого прослыла мастерицей-рукодельницей). И Арыстан, и Бальтай за свою работу брали то, что приносили: одни — каравай хлеба, другие — яички, некоторые — кур... В общем, делились всем, что имели. А то, что переселенцы-казахи не говорили по-русски, не было помехой, через месяц-другой супруги научились жестами объясняться с жителями деревни, они быстро привыкли к новой обстановке. Пегая кобыла, не зная теперь упряжки, нагуляла жир на сочных лугах, стала приносить много молока. Семья Арыстана возблагодарила Аллаха за то, что он избавил их от постоянной заботы — чем завтра накормить детей...

Опасения главы семьи по поводу того, что дети замкнутся в незнакомой обстановке, оказались напрасными. Посреди деревни протекала небольшая речушка. Евней уже на следующий день после переезда стал купаться в ней. Вскоре он подружился с деревенскими мальчиками-одногодками, а повседневная игра с ними пошла на пользу: он начал понемногу учить русские слова: «здрасти», «дай хлеб», «мячик», «играть будем», «пей молоко»...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

* * *

Осенью того же года Евней, повесив на плечо сумку, сшитую матерью из лоскутов кошмы, переступил порог сельской школы. Школа, в которую он пошел, находилась на краю села, на противоположной стороне речки, разделявшей село на две части. Этот очаг знаний, с большими окнами, был построен на средства земства. Наверное, это было знаком судьбы. Единственная учительница этой школы оказалась достаточно образованной и опытной. Ей не чужды были «души прекрасные порывы», говоря словами Пушкина.

Августина Устиновна Тарасова родилась в 1885 году в семье польского аристократа Каминского, сосланного в город Ялутор Тобольской губернии за участие в восстании поляков за освобождение родины от владычества русского царя. В шестнадцать лет она закончила в Екатеринбурге женскую гимназию с Большой золотой медалью. Видимо, подражая передовой русской интеллигенции того времени, считавшей своим долгом идти в народ, молодая девушка добровольно поехала в самое захолустье Урала, в Мокроусово (современный районный центр нынешней Курганской области), оттуда — в Малый Кизяк (вот откуда искаженное Малкизяк в воспоминаниях братьев Букетовых. Кстати, и речка, протекающая посреди села, называлась — Малый Кизяк. Евней Арыстанулы узнал эти подробности во время посещения этих мест лишь в 1981 году).

А. У. Тарасова работала там в сельской школе целых 34 года. До конца жизни (она скончалась в 1936 году) служила просвещению простого народа. Выйдя замуж за крестьянина этого же села Федора Тарасова, родив ему пятерых детей, она навсегда связала свою жизнь с Малкизякской школой. Старший из сыновей Тарасовых — Герман выбрал профессию военного, дослужился до звания генерал-майора, погиб смертью храбрых в одном из последних сражений Отечественной войны, был удостоен звания Героя Советского Союза. Все дети Тарасовых получили высшее образование...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

«Евнея в школу постоянно провожал кто-нибудь из родителей, они же и забирали его по очереди после уроков. Такой обычай завели после того, как однажды он вернулся домой весь в снегу, мокрый, заплаканный и сильно перепуганный. Оказывается, когда он переходил речку, деревенские дети-озорники долго не давали ему прохода, сталкивали с высокого обрыва. Все они были старше его... Увидев совсем обессилевшего ребенка, один из взрослых мужиков разогнал глумившихся над первоклашкой пацанов, — вспоминает тот случай Камзабай Арыстанулы. — К сожалению, такое преследование чужака повторялось за зиму несколько раз...»

Как-то, увидев обиженного своего ученика, Августина Устиновна привела утиравшего слезы Евнея к родителям хулиганов, озорники получили хорошую трепку, наказание подействовало, но ненадолго...

Из письма Е. А. БУКЕТОВА — Б. Ф. ТАРАСОВУ, 4 июля 1982 года:

«Августину Устиновну знаю постольку, поскольку может знать семилетний мальчик, учившийся у нее в сельце Малый Кизяк. Я должен рассказать Вам, глубокоуважаемый Борис Федорович, все, что сохранилось в памяти с того времени. Учительница моя была дородная, пожилая женщина, говорившая громко и очень внушительно. Русским я не владел совершенно и, думаю, долго не мог выговорить правильно ее имя: так и сохранилось в памяти Агустастина, потом, уже повзрослев и разобравшись в тонкостях русского языка, стал догадываться, что должно быть: Августина Устиновна. О фамилии ни у меня, ни у отца и представления не было.

...Почему через годы я не могу забыть об Августине Устиновне? Потому что в трудное время для нашей семьи помогала выжить доброта и сердечность вашей матери. Вот тому пример: однажды отцу с одним из его друзей вздумалось поехать в станицу Лебяжье, чтобы обменять немногие имевшиеся у них золотые и серебряные вещички на съестное. Но в тот злополучный день их задержал бдительный милиционер. Моя мать, потеряв-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

шая единственного кормильца, со слезами на глазах, взяв меня за руку, направилась в школу; услыхав от нее о постигшем нас несчастье, Августина Устиновна велела Вашему отцу запрягать лошадь и немедленно выехала в районный центр, сумела освободить ни за что оказавшихся за решеткой горе-коммерсантов... Если бы не вмешалась Августина Устиновна, мой отец мог не вернуться и моя судьба, может быть, была бы совершенно другой?!

...Короче говоря, у меня постоянно было желание побольше узнать о моей первой учительнице, оставившей навсегда самые теплые воспоминания в моем сердце. Хотя упущено много времени, но все равно для себя поставил цель — разузнать.

В прошлом году я поехал посмотреть местечко, где впервые взял в руки букварь. Приехав в Мокроусово, зашел к начальнику милиции, чтобы он помог добраться до села Малкизяк, он переспросил меня и поправил: Малый Кизяк. От села осталось несколько нежилых изб да дуб возле школы, который я помнил. Нас сопровождал молодой милиционер, сам из бывших жителей Малого Кизяка, но об Августине Устиновне он ничего не знал. На обратном пути в Мокроусово, рассматривая экспонаты в краеведческом музее, в отделе, посвященном... генералу Г. Ф. Тарасову, увидел фотографию молодой, красивой женщины с маленьким Германом на руках; спрашиваю у музейного работника полное имя, отчество матери героя, отвечает: Августина Устиновна, значит, это моя Агустастина. Вот как я нашел свою первую учительницу, спасительницу моего отца...»

Все, кто часто общался с Евнеем Арыстанулы, знают, что большинство своих литературных произведений и научных трудов, а также критические статьи, путевые заметки он писал на русском языке, которым владел в совершенстве. Автор этих строк убедился в этом при встречах с ним в Алматы и Караганде. Вникнув в суть проблемы, Ебеке весело хлопал большими, как лопаты, ладонями, призывая собеседника помолчать. Брал авторучку, заправленную всегда черными

Created by free version of 2PDF
Buketov University

чернилами, некоторое время в раздумье вертел ее в руке и у своего виска, а затем начинал быстро писать. И не поднимал головы, пока не поставит точку. Писал он четко, разборчиво, без ошибок, просто и ясно.

Такие минуты вдохновения я наблюдал летом 1981 года, в конце мая, в его домашнем кабинете. Мы договорились в тот день отправить совместное письмо известному московскому писателю, уже обсудили детали и содержание. Вдруг Ебеке предложил:

— Давай напишем два варианта, каждый по-своему, а пошлем тот, у кого лучше получится...

Я корпел над бумагой более получаса, а мой учитель свое письмо закончил за несколько минут. Конечно, лучшим оказался его вариант.

Признав свое поражение, я откровенно сказал:

— Ебеке, ваш язык намного лучше, чем у некоторых писателей...

— Это влияние той среды, где я рос, — пояснил Евней Арыстанулы. — С первого класса я учился в русской школе, моими наставниками были прекрасно образованные люди, истинные педагоги... Особенно первая учительница по имени Августина, она была человеком исключительной чуткости, доброты. С семи лет она обучала меня русскому языку. Была для меня второй матерью, благодаря ей я научился читать, полюбил русский язык, у меня открылись глаза на мир. В то время нас учили писать изложения о том, что мы видели и слышали. Это были «Уроки на запоминания». Например, к доске прикрепляли картинку, вырезанную из какой-то книги, что мы видели на этой картинке — описывали, каждый по-своему. Августина Устиновна постоянно похваливала меня, а я, окрыленный ее поощрительными словами, старался писать еще больше и лучше. Уже в первые годы учебы я начал запоем читать Пушкина, Толстого, Тургенева, Фета, Тютчева, позднее и Лермонтова. Казахская литература, поскольку я находился в русской среде, была мне неведома. И только в Алма-Ате, в студенческие годы я начал открывать для себя соотечественников: Абая, Ауэзова, Мусрепова....

Created by free version of 2PDF

Buketov University

IV

В стране начался голод. В марте 1932 года в Малый Кизяк, где обосновалась семья Арыстана, стали прибывать толпами степняки из бывшего Петропавловского уезда и из довольно отдаленных мест — Атбасара и Кокшетау. Бросив свои дома, они шли куда глаза глядят. Обессиленные, голодные люди обходили деревенские дома с просьбой дать хоть что-нибудь съестное, многие из них рылись на помойках, видно было, что на протяжении нескольких дней они во рту не держали ни крошки хлеба. Охваченные паникой, люди не останавливались здесь, шли дальше. Они стремились скорее попасть в промышленные города Урала: Курган, Свердловск, Златоуст, Ирбит, Челябинск, чтобы не умереть с голоду. Трупы на дорогах, как вехи, отмечали это шествие. Местные жители иногда находили младенцев, завернутых в старые тряпки...

В той волне пеших беженцев иногда встречались знакомые Арыстана. Увидев, что его семья особо не нуждается, дети накормлены, гонимые голодом бедняки выражали удивление: «Эй, Арыстан, ты оказался хитрее всех нас, догадавшись переехать к русским, где легче добыть пропитание. Ты всех нас опередил». Они же рассказали ему о тяжелом положении оставшихся в Алыпкаще аульчан и его близких родственников. Люди остались без скота, его отобрали еще в прошлом году. И куда-то отправили. Оказалось, что родственник, который помог семье Арыстана переехать в Малый Кизяк, средний сын деда Кошимбая, по имени Искак, пропал без вести, наверное, где-то умер. Старший сын родной сестры Арыстана Казипы, проживавший в том же ауле, тоже неизвестно куда подевался, и судьба других близких людей — в руках Всевышнего. В родном краю свирепствует голод, люди готовы грызть землю и, чтобы как-то спастись от голодной смерти, бегут в русские поселения. Но многие от истощения умирают в пути и их некому даже похоронить. Беспомощные старцы, которые не смогли покинуть аулы, умерли либо уже не поднимаются со своих постелей...

Created by free version of 2PDF

Buketov University

После таких жутких известий домочадцы Арыстана потеряли покой и сон, они стали чаще смотреть на дорогу, ведущую на восток, откуда в толпе беженцев могли появиться их близкие. Потеряв терпение, Арыстан запряг пегую кобылу в легкие сани, погрузил в них муку, мясо, крупу и тронулся в путь. Ни уговоры семьи, ни предостережения рассудительных людей, что степь полна голодающими и опасна для одинокого путника, не смогли его удержать.

Когда Арыстан собрался в путь, еще лежал снег. Вернулся он в Малый Кизяк, когда уже начиналась весенняя распутица. Он привез старую мать, младшего брата Маутая и его с жену с их единственным сыном Саматом, ровесником Камзабая. Арыстан рассказал, что нигде не останавливался, ехал день и ночь, пока не добрался до аула Алыпкаш; увидев своих родственников живыми, сразу же отдал привезенные продукты семье Ибрая, так как ее положение оказалось вовсе невыносимым, и в тот же день, не мешкая, отправился в обратный путь. Все родичи держались на пределе сил, опоздай Арыстан на неделю, не застал бы их в живых. Арыстан будто бы чувствовал беду...

Добросердечный Иван снова проявил широту души: разрешил и родичам жить в том самом сарае, где ютилась семья Арыстана. Сарай разделили перегородкой, и все Букетовы разместились там.

Через месяц вся семья Ибрая Букетова тоже перебралась в Малый Кизяк. Он с сестрой Казипой и ее детьми малость подкрепились теми припасами еды, которые им подбросил старший брат. А затем, дождавшись весны, уповая на всесильного Аллаха, с двумя детьми пустились в дорогу. Они рассказывали, что вряд ли бы выжили, ожидая государственной помощи в Алыпкаше, перспектива умереть и остаться не похороненными была уже реальной. В трех, прежде многолюдных, аулах Алыпкаша почти не осталось мужчин. Весной 1932 года трудно было найти людей, чтобы предать земле умерших. В некоторых дворах не было ни одной живой души, даже кошек и собак — их давно съели. Некогда щедрая на урожай, плодородная

Created by free version of 2PDF
Buketov University

земля не возделывалась, богатые рыбой берега Есиля за короткое время обезлюдели.

Всеобщая насильственная коллективизация привела и русские деревни к обнищанию, но для казахских шаруа она оказалась убийственной. Местные белсенди принудили казахов сдать в колхозы весь свой скот, являвшийся единственным источником их существования. Колхозный же скот пошел под нож. Целые табуны гнали на мясокомбинаты, часть скота порезали сами хозяева. Больно так говорить, но все же напрашивается невольный вывод, что в своей основе эти преступные распоряжения имели одну лишь цель: уничтожить степняков или, по крайней мере, намного сократить их численность... В действительности так и вышло. Комиссией Верховного Совета Казахской ССР, специально занимавшейся этим вопросом лишь через шестьдесят лет, в 1991 году, было установлено, что в период 1931—1933 годов в Казахстане умерли более трех миллионов человек, то есть половина всего степного народа; многие спаслись от голода (точнее сказать, от массового геноцида) бегством в Сибирь, на Урал, а некоторые — в Китай и Среднюю Азию. В их числе были братья Букетовы...

А волны пеших переселенцев, накатывающие из степи, не прекращались, но не всех могли выручить русские деревни, тем более сами доедали последнее — черствый хлеб пополам с отрубями и лебедой. Все лето не было отбоя от толп переселенцев, просивших милостыню. Страдальцам, покорно стоявшим у порога дома, трудно было отказать. Они надоели всем. Некоторые переселенцы воровали — телят и кур, даже собак и кошек, чем конечно же выводили население русских деревень из терпения.

Тяжелые испытания выпали и на долю коренных малкизяковцев. Особенно трудно было Черному Ивану. Устроив у себя бедствующую казахскую семью, по существу превратил свой дом, как корили его односельчане, в советскую коммуну. Ведь теперь в его сарае жили три брата Букетовых с семьями... Не выгонять же их на улицу? Тем более во всех трех семьях —

Created by free version of 2PDF

Buketov University

дети-малолетки. Пришлось к сараю делать пристройку. Хорошо еще, что все три семьи Букетовых оказались уживчивыми, дружными и честными, они делили поровну все, что зарабатывали за день вместе с женами и детьми, не шумели, не ссорились. Кто пахал землю, кто валил деревья на лесозаготовках, кто пас общий скот. Расплачивались с ними не деньгами, а продуктами.

В голодное лето 1932 года Букетовы кое-как перебились. В тот год у них было ртов более чем достаточно: в семье Арыстана — трое детей погодков, у Ибрая — малолетний сын Жамбай и еще кроха-девочка, ровесница Марата; у Маутая также рос малыш... В общем, под одной крышей был небольшой детский садик. И у бабушки Кенжетай и ее трех снох, присматривавших за отпрысками, хватало хлопот...

Братья Букетовы работали от утренней зари до заката, не отставая от кряжистых русских мужиков. Их усердие было оценено, их признали своими, ровнями себе. Это и помогло братьям удержаться в Малом Кизяке. Осенью они, от души поблагодарив Черного Ивана, отделились от него, переселившись в другие дома деревни: Арыстан и Маутай со своими семьями сняли жилье у одной вдовы; семья Ибрая — разместилась в одной комнате большого дома русского мужика на окраине деревни, рядом с лесом.

Бесконечный поток переселенцев, наконец, иссяк. Прибившиеся к деревне уже пообвыклись в ней. Правда, в то лето на поляне в лесу у Малого Кизяка появилось огороженное мусульманское кладбище, где нашли последнее успокоение гонимые, как ветром перекати-поле, степные странники. Здесь же — могилка младшего сына Арыстана — Марата (по сведениям Камзабая Арыстанулы трехлетний малыш погиб случайно, играя с детьми, ударился о косяк двери и, проболев всего три дня, скончался)...

Летом 1933 года все казахи, которые обосновались в Малом Кизяке и в его окрестностях, объединились и организованно переехали на зеленый луг, находившийся в десяти верстах от деревни, где заранее каждой

Created by free version of 2PDF
Библиотека Университету

семьей был сооружен шалаш. Между собой они называли новое пристанище аулом. Название это было данью привычке. Юрты-то остались на старых зимовках. Вместо них построили примитивные шалаши, втыкая в землю пять-шесть жердей и соединяя их наверху. Крышей служила солома с дерном.

Взрослые работали в «Коммуне». Мужчины трудились в поле, женщины — в столовой. В столовую и к шалашам приходили группами, распевая новые песни. По мнению новоиспеченных агитаторов, часто приезжавших из районного центра, это были первые задатки коллективного труда, открывавшего дорогу в коммунистический рай. Доклады агитаторов воспринимались степняками, как сказка Шахерезады из «Тысячи и одной ночи». Неизвестно, наедались ли трудяги досыта, но молодость брала свое, и песни над лугом не умолкали. Все были довольны тем, что остались-таки в живых и они и дети...

Но по каким-то причинам районное начальство осенью того же года Коммуну распустило. Братьям Букетовым снова пришлось скитаться по деревням соседнего Макушинского района, чтобы где-то перезимовать и найти хоть какую-нибудь работу. Арыстана еще беспокоила и другая забота: устроить Евнея в школу, который должен был идти в третий класс. После долгих мытарств они переехали в Куприно — русское село, расположенное далеко от районного центра. Благо, там была приличная школа. «Мы жили в светлой комнате с четырьмя окнами», — вспоминает Камза-еке о тех далеких временах. Однако и здесь деревенские мальчишки не упускали возможности поиздеваться над единственным среди них беззащитным «басурманом». Евнея спасали длинные ноги, выходя из школы, он пускался наутек, и редко кому из озорников удавалось его догнать.

Однако дом, который Арыстан нанял для своей многодетной семьи, не стал надежным пристанищем (к этому времени в его семье прибавился еще один ребенок — сын Жартас). Хозяйка дома оказалась вовсе не вдовой, как представилась во время знакомства, у

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нее был муж. Он находился в розыске за какое-то преступление и тайком, по ночам, наведывался к жене. А однажды, уходя от нее, прихватил с собой все ценные вещи и часть одежды своих квартирантов. Опасаясь худшего, Букетовы решили переехать. Они нашли подходящее жилье на окраине села. Евнея пришлось снова провожать в школу и встречать после окончания уроков. Но это продолжалось недолго. Евней подружился с соседским мальчиком-ровесником Васей, они стали ходить в школу вместе, и сорванцам, которые пытались показать им силу своих кулаков, теперь давали надлежащий отпор вдвоем.

Все же и этот дом для Букетовых не стал спокойным обиталищем. Однажды семью Арыстана обворовали, она осталась почти ни с чем. «Искать вора через местную власть родители не захотели. К тому же както Евней пришел из школы заплаканный, значит, с кем-то он подрался или же озорники опять его обидели и побили», — вспоминает Камзабай Арыстанулы последние дни, проведенные в Куприно.

Этот непрятный случай стал последней каплей, переполнившей терпение Арыстана, и в середине зимы он с семьей переехал в село Сахалин (видимо, названное так из-за большой отдаленности от районного центра), где было много казахов, откочевавших с Северного Казахстана. Подходящая работа сразу нашлась. Но возникла другая проблема: в селе не было школы и Евнею пришлось все второе полугодие просидеть дома.

С наступлением весны жители Сахалина вышли в поле: целинные земли вокруг села, не знавшие прежде плуга, были для них сущей благодатью... Власти решили здесь организовать государственное зерновое хозяйство, для чего создали специальное отделение «Опытного поля». Для переселенцев-казахов это было «манной небесной»: занятие нашлось не только взрослым, но и детям; Евнею и Камзабаю, которому уже пошел седьмой год, на пшеничном поле поручили прополку; и что замечательно — всем работающим детям в виде оплаты ежедневно выдавали хлеб. Как-то

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Евней с поля возвратился с целой буханкой, а Камзабай принес полбуханки хлеба. Не отщипнув от них ни крошки, мальчики с гордостью вручили свои дары бабушке. Бабушка несказанно обрадовалась их первым заработкам и громко запричитала: «Вот мои маленькие жеребята тоже уже стали кормильцами!» — и с радостью раздала весь хлеб соседям...

В то лето на «Опытном поле» произошло неординарное событие. Однажды, в ясный день послышался гул, напоминавший раскаты грома. Все находившиеся в бараке высыпали наружу: в небе, как птица, парило какое-то чудовище с крыльями и парой колес, похожих на тележные: люди, разинув рты, не успели даже рассмотреть, что это за чертовщина, как диковинный аппарат, сделав круг над толпой, сел на краю пшеничного поля. Зеваки ринулись к этой «чертовой телеге».

Однако, прибежав, остановились на некотором расстоянии — кто знает, чего можно ожидать от этого чуда-юда. Из «чертовой телеги» вдруг выскочил обычный человек в кожаном шлеме, с огромными очками на глазах, а когда он поздоровался, стоящие вдалеке степняки вовсе растерялись. Он, приветливо махая рукой, позвал всех к себе, но наблюдатели остались на месте. В этот момент всех взрослых удивил маленький Евней:

— Это — аэроплан, я видел его снимок в учебнике, смотрите, какие у него крылья, как у птицы! А этого дядю в шлеме — летчиком называют...

Один из взрослых недовольно прикрикнул на него — надо же, шпендик Арыстана поучает нас, взрослых.

Летчик между тем молча стал таскать мешки, сложенные на краю пшеничного поля, и заносить их в свою «железную птицу».

— Вот это да! Смотрите! Наш Евнейжан умница, он сразу разобрался, что к чему. В мешках — яд, который вчера привез из города наш бригадир. Это для обработки пшеничного поля, глушить сорняки, — сказал кто-то из взрослых.

Вдруг Евней взял за руку Камзабая и потащил его к аэроплану. Как взрослый, подал руку летчику. Взрослые, тоже осмелев, приблизились к нему, стали помо-

Created by free version of 2PDF
Buryat University

гать. Евней же стал разговаривать с неожиданно «свалившимся» с неба незнакомцем. А когда завертелись пропеллеры, он быстро поднялся на крыло аэроплана. Аульчане не успели ахнуть, как он уже сидел внутри этой «чудо-телеги».

Через мгновение мальчуган поднялся в небо на белокрылом аэроплане, и тот закружил над их головами. Он махал сельчанам рукой и улыбался, а те стояли в растерянности, думая, чем же все это кончится. Через несколько минут белокрылая «птица», закончив опыление, приземлилась на том же месте. Мальчик был в восторге от своего воздушного путешествия.

Напомню, что это произошло в 1934 году. Когда на поля начали выходить первые трактора, автомобили, в небе появилась сельскохозяйственная авиация. Поэтому приходится лишь удивляться отваге девятилетнего мальчика. После этого полета он стал для рабочих «Опытного поля» героем, всеобщим любимцем. Взрослые ему предрекали: «С малых лет видно, что из этого мальчугана будет толк, если будет жив-здоров, его ждет большое будущее...» Евней взахлеб рассказывал всем о своем приключении, а повзрослев, днем и ночью мечтал и всех убеждал, что непременно станет летчиком...

Осенью Арыстан отвез старшего сына к своему шуряку Касыму Акжигитову (младшему брату тестя Байжана), работавшему секретарем парткома в совхозе поблизости от Петропавловска. Отец хотел, чтобы ребенок не отстал в учебе, как бы трудно ни было. В прошлом году Евней не смог закончить третий класс, упущенное надо было наверстывать. Итак, Евней сел за парту средней школы Шаглинского совхоза. Здесь все ему понравилось.

Между тем казахи-переселенцы стали постепенно здесь укореняться, в Макушинском районе, обрастать добром. Все работали. Кто купил коров, кто кобылиц, так что молока было вдоволь. Хватало картофеля и зерна. Большинство, поняв цену образования и знания русского языка, потянулось поближе к городу, с целью дать своему подрастающему поколению возможность учиться.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

А Касыма Акжигитова перевели на другую работу, притом далеко от города, где не было школы. Тогда Арыстан отвез сына в Петропавловск, где после долгих поисков нашел земляка. Тот взял мальчика к себе... Через пару месяцев, приехав с провизией в город, Арыстан обнаружил своего дитятю совершенно неухоженным, немытым и больным. Одежда его была вся истрепана, сам он осунулся, похудел. Оказалось, земляк заставлял его с утра до вечера работать в своем дворе, так что Евнею некогда было готовиться к урокам. К тому же к хозяевам часто приезжали многочисленные гости и иной раз Евнею негде было спать. Неудивительно, что он клевал носом на уроках, интерес к учебе у него пропал, да еще какие-то недомогания одолели.

Арыстан решил покончить с учебой сына. «Зачем ему образование, если он здоровье подорвет?..» — негодовал он. Но Евней воспротивился: «Ага, не трогайте меня, как-нибудь перетерплю. В этом году я должен закончить третий класс. Не поеду я в аул!..»

В расстроенных чувствах Арыстан отправился на базар. И там от случайного встречного услышал, что в Петропавловск недавно перебрался его сват Султангазы, брат мужа родной сестры. У Султангазы еще не было детей, и Арыстан предположил, что семья его свата с удовольствием возьмет под свою опеку маленького Евнея. Потратив два дня на поиск родственников, Арыстан узнал-таки их адрес, нашел их дом в старой части города — называемой Ойкала, на окраине Петропавловска, где в то время компактно проживали городские казахи. Все получилось так, как он задумал. Устроив Евнея у сватов, он возвратился домой в приподнятом настроении, распевая свою любимую песню — «Аккум».

Житье и учеба Евнея с тех пор наладились. То, что он учится в уездном городке, радовало не только родителей, но и всех родственников. Мальчик часто им посылал письма, в которых сообщал о здоровье и успехах в школе. Он писал на русском языке, но родители по-прежнему не могли их понять без толмача.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

По-казахски Евней не писал, так как не знал ни латинского, ни арабского алфавита. Его письма с трудом разбирал и отвечал на них только Маутай. А он знал только латинский алфавит*, все же Евней ответные письма малограмотного Маутая-ага кое-как разбирал и в конце концов сам начал писать по-казахски, разумеется, употребляя русские буквы.

Зиму 1935 года семьи Арыстана и Маутая провели в отделении совхоза «Красногвардейский». Ибрай же, услышав о том, что на родине положение улучшилось, стал скучать, захандрил, все чаще стал напевать «Елим-ай»**. Когда не пелось, то ходил в подавленном настроении, будто бы что-то потерял. В конце концов он не выдержал и отправился с семьей на родину.

А два брата — Арыстан и Маутай пасли овец. Овчарня и землянка, где они жили, находились на берегу озера Менкесер. Вода в озере была соленая, берега ее летом покрывались налетом, похожим на снег желтоватого цвета. Казахи с давних пор вывозили отсюда соль. После переселения сюда русских крестьян вся территория обширной Менкесерской волости отошла к ним, как и это озеро. Но добыча соли, пригодной для пищи, не прекратилась. Соль стала предметом обмена между кочевыми казахами и новыми поселенцами. Зимой и летом из Менкесера везли соль на лошадях и верблюдах, за нею приезжали даже из Петропавловска, Пресновской станицы и других мест. От приезжих братья получали новости с родины и передавали с ними весточки о себе. Землянка гостеприимных Букетовых в летние месяцы никогда не пустовала. В ней останавливались добытчики соли, да и они сами в погожие дни заготавливали соль, чтобы реализовать ее приезжим за определенную плату — этот промысел приносил им некоторый доход. По воспоминаниям Камзабая Арыстанулы, отец, расставив из

---

* В 1920—1930-х годах казахи использовали упрощенный вариант арабского алфавита, а потом перешли на латиницу, которую использовали до 1940 года.

** Ностальгическая казахская песня о потерянной родине.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

проволок петли, всю зиму отлавливал зайцев, которые в изобилии водились в камышах вокруг озера.

В воспоминаниях его описан и такой эпизод: «С наступлением лета Евней приехал в сопровождении дяди Султангазы с женой. Они были хорошо одеты, в том числе и мой брат. На Евнее был выглаженный темно-синий костюм, на брюках стрелки, как у тех родственников, которые прошлым летом приезжали к нам из Челябинска. Фуражка под цвет костюма, белая сорочка завязана красным галстуком с блестящим зажимом. Все жители зимовья побежали им навстречу, я тоже бежал, но, увидев шикарно одетого своего повзрослевшего брата, растерялся. Вместо того чтобы подбежать к нему и обняться, как все родные, я залез на металлическую бочку, валявшуюся здесь же, и оттуда подглядывал, как вместе с сопровождающими приезжими мои родители его обнимают. Потом, когда сам Евней подбежал ко мне, стащил с бочки, начали обниматься, у нас обоих потекли слезы: мы так соскучились за долгую зимнюю разлуку».

Для братьев-подростков эта встреча была настоящим праздником. Тем более событие на самом деле было исключительное: в роду Букетовых Евней был первым обучавшимся целых три года в специальной школе, сам Арыстан и два младших его брата, когда проживали в ауле Алыпкаш, одну-две зимы подряд ходили в мечеть, но их учеба ограничивалась заучиванием наизусть двух-трех стихов священного Корана и не продвинулась дальше. А Евней оказался не только в роду Букетовых, но и во всем обширном клане Алыпкаша единственным юношей, который учился в русской школе.

Маутай сразу же потребовал от Евнея надлежащие бумаги об его успехах в школе и, взяв их, долго, любовно рассматривал пятерки в свидетельстве об окончании третьего класса. А затем, размахивая им, громко объявил: «Вот Евнеяжана успехи! Гляньте на эту бумагу, как он всех ровесников своих опередил! Каков наш отпрыск?! Молодец, ты всех нас превзошел, ты настоящий Букетовский внук, достойный славы само-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

го Алыпкаш-батыра. Будь всегда таким, мы гордимся тобою!..» Слова Маутая вызвали у всех в доме одобрение. Родители также выразили мальчику свое удовлетворение: «Лишь бы Аллах помог ему!..», а бабушка Кенжетай начала причитать в своей манере: «Сразу видно, что мой жеребенок похудел, думаете, так легко учиться, притом долгие три зимы...»

* * *

В то же лето Маутай, младший из Букетовского рода, также направил свои стопы в родные края. Бабушка Кенжетай тоже поехала с ним. Ее возраст уже приближался к восьмидесяти годам, она забеспокоилась: как бы навсегда не остаться на чужбине, ведь ее заветным желанием было быть похороненной рядом с мужем...

А Арыстан не захотел возвращаться. Но, поняв, что один уже не сможет справиться с отарой овец, пасти их и вдобавок сторожить всю ночь, сдал ее и переехал на железнодорожную станцию Макушино. Проблему жилья на зиму решил по-своему просто: поблизости от станции, в лесу из тальника соорудил шалаш. Сам нанялся возчиком на стройку. Рядом с шалашом, в бараке жили такие же рабочие, как и он. Все казахи, около тридцати семей. Дети их тоже ходили в школу. Евней пошел в четвертый класс, Камзабай — в первый. Единственной проблемой было то, что школа находилась на расстоянии четырех-пяти километров от их жилья. Семьи, где имелись дети школьного возраста, договорились между собой, что школьников будут подвозить по очереди. Лишь у Арыстана было двое учеников, потому ему пришлось в неделю два раза отпрашиваться с работы. Из-за этого он терял в заработке, но что поделаешь — ради детей пришлось терпеть и это. Однако из обременительного положения его выручили братья: в октябре приехал Ибрай и заявил, что бабушка не может жить без Евнея, потому велит отдать любимого внука на ее попечение. Видимо, этого хотели и дяди. Убедительным их доводом было то, что в родных местах можно было спокойнее учиться. Ибрай

Created by free version of 2PDF

после возвращения на родину обосновался в селе Марьевка, в Октябрьском районном центре, где была хорошая средняя школа,

А на чужбине постоянной работы не было, жилья тоже, и все переселенцы-казахи перебивались случайными заработками. Пора уже было осесть на одном месте, как те, что добрались до больших городов Урала, где была развитая промышленность, и уже приобрели приличные специальности и, соответственно, кров. Потому обитатели шалашей однажды собрались, чтобы обсудить, как им быть дальше. Судили-рядили долго и приняли решение всем вместе весной 1936 года вернуться на родину. Сказано — сделано. Ранней весной тридцать семей поднялись спозаранку и на подводах отправились на восток, в родные края. Живности у них было немного: кобылы с жеребятами, несколько дойных коров, мелкий скот. Караван находился в пути несколько суток, прежде чем усталые и измученные переселенцы достигли желанного берега Есиля, вблизи Петропавловска. Здесь их ждали. Прибывших приняли руководители стройки, разместили в заранее подготовленном палаточном городке, семьи с детьми — в отдельных палатках, а малосемейных — в общих. Словом, все были довольны. По правде говоря, эти люди за пять лет скитаний на чужбине уже привыкли ко всяким передрягам, ведь бывало еще хуже. Они притерпелись к тесноте и лишениям, зная, что вместе легче пережить любые беды...

Правительство приняло решение о строительстве второй линии железной дороги Москва—Владивосток, и на всех участках бывшей Великой Сибирской стальной магистрали в том году закипела работа. Там, куда прибыли новобранцы из Курганской области, возводилась плотина, чтобы направить течение Есиля-реки по другому руслу для сооружения моста. Все, у кого имелись подводы, возили грунт на лошадях или быках — гравий, песок, землю из карьеров. Единственная кобыла Букетовых стала и рабочей лошадью. Тот, кто нанимался на стройку со своим гужевым транспортом, получал дополнительную плату.

Created by free version of 2PDF

В конце мая приехал Ибрай Букетов вместе с Евнеем. Мальчик закончил четвертый класс на отлично. К удивлению домочадцев, за зиму он порядочно подрос. Несколько дней побыв дома с младшими братьями, Евней заявил по-взрослому, что он тоже пойдет в карьер, помогать отцу. Кстати, испокон веков казахи тринадцатилетнего подростка считали мужчиной, иногда без его согласия подростка даже женили. В тот год Евнею исполнилось двенадцать лет, и родители сочли, что ему пора зарабатывать себе на хлеб. Он присоединился к строителям плотины в качестве возчика земли, а отец, передав ему вожжи пегой кобылы, взялся за привычную для себя работу: ремонтировать обувь рабочих... Незаметно пролетело лето. Перед началом учебного года приехал Маутай, чтобы забрать Евнея. По договоренности трех братьев Евней должен был продолжить обучение при их всемерной поддержке.

С наступлением осени стройплощадка замерла. Возведение плотины отложили до следующего года. Все жители палаточного городка получили расчет и разбрелись кто куда. Тридцать семей, приехавших из Курганской области, решили остаться здесь, другие отправились в свои бывшие аулы, некоторые отправились искать счастья в Петропавловске.

Арыстан не захотел следовать их примеру. Он был суеверным человеком, верил в приметы. Дело в том, что два его брата, переехавшие в родные места, потеряли своих детей из-за какой-то болезни, и это, видимо, его настораживало. Не хотел рисковать детьми... В конце концов он решил возвратиться в зерносовхоз «Макушинский». В райцентре устроился сапожником в ОРСе железной дороги, а жена там же — портнихой.

В начале лета Ибрай снова привез Евнея к родителям. «Теперь заберу в аул Камзабая, — заявил он. — Ведь он уехал из родных мест несмышленышем, совсем не знает тамошних родственников, пора его представить всем близким....» Ибрай внушал детям: «Настоящего джигита всегда тянет к земле отцов, лишь безродные бродяги живут там, где их сытно кормят», а брата увещевал: «Ты, Арыстан, уже приближаешься к

Created by free version of 2PDF

Библиотека Университета

возрасту зрелости, своему пятидесятилетию, пора тебе осесть в одном месте...». Но Арыстан всячески уклонялся от ответа, говорил, что главная его забота — вырастить достойными людьми своих детей, что до осени никуда уехать не сможет — у него контракт со стройкой. Ибрай же качал головой: «Это только отговорки, мы три брата, здоровые и взрослые, твоих четверых птенцов выкормим и вырастим. Бог нам детей не дал, и все наши помыслы с Маутаем теперь будут сосредоточены на воспитании твоих сыновей. Ты нас, пожалуйста, с ними не разлучай, если ты действительно нам единокровный брат!..» Арыстан же на самом деле тянул с переездом потому, что, заняв незаселенную землянку, все лето латал ее, подготавливая к зиме...

Но Ибрай был упрямым человеком, если он что-то задумал, всегда добивался своего. Он и Евнея подговорил повлиять на родителей. Приехав на каникулы, Евней постоянно хвалил свою новую школу и учителей, рассказывал, как все там замечательно. И было бы совсем хорошо, если бы и Камзабай учился вместе с ним. В Марьевке и жизнь интереснее. Мать Бальтай, сильно истосковавшаяся по родственникам и снохам, поддакивала сыну.

В конце концов все эти уговоры сломили сопротивление Арыстана. В октябре 1938 года семья Арыстана собралась в дорогу.

Прошло семь лет с тех пор, как она покинула родину. Будет ли это возвращение счастливым — на то воля Аллаха... Евнею уже исполнилось четырнадцать. Взяв за руку младшего брата Камзабая, он повел его за собой. Куда же деваться бедным родителям, когда не один, а двое сыновей уже тянутся туда, где они родились? Когда они прощались с аулом Баганаты, у Арыстана было трое малышей. Маратик остался на чужбине, не суждено было ему вновь увидеть родные края. Но Аллах милостив: он подарил Арыстану и Бальтай еще двух сыновей — Жартаса и Шабдана.

Возблагодарив Всевышнего, семья тронулась в путь.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

...Однажды кто-то из пришедших стал слишком жалеть нас, детей, гладил каждого из моих братьев по голове, называя сиротами, мать утерла слезы и, спокойно глядя на него, сказала:

Ушел наш кормилец, муж и отец,
Аллаха любимец — на земле — не жилец.
Разве оставит Всевышний детей
Того, кто уже в благодати небес.
Жалость земная им совсем не нужна,
Без милости их не оставит творец...

Евней БУКЕТОВ.
Шесть писем другу

Глава 2

ВОЗВРАТИЛИСЬ К БЕРЕГАМ ЕСИЛЯ СНОВА, НЕТ МИЛЕЕ СЕРДЦУ БЕРЕГА РОДНОГО

I

Судьба семьи Букетовых в то время не была исключением, она повторяла изменчивые судьбы тысяч таких же семей, пытавшихся вырваться из сетей вечной нужды и кочевавших в поисках лучшей доли в края, где нет ни слез, ни зависти, ни вражды.

Вернувшиеся в родные места раньше Арыстана его братья Ибрай и Маутай жили здесь вместе, поделив между собой небольшой двухкомнатный домик. А когда собрались все Букетовы под одной крышей, стало очень тесно. Вместе со старой бабушкой одних взрослых было семь человек, да еще четверо детей, двое из которых — школьники. За одним дастарханом* не помещались не только дети, но и взрослые, приходилось питаться поочередно, а вечером спать ложились, кто куда мог приткнуться, даже под стол... Младшие братья

* Дословно: скатерть.

Created by free version of 2PDF
Buketov university

усердно искали подходящее жилье и работу Арыстану в райцентре. Но зима была на носу, и семье с четырьмя детьми устроиться на квартиру в эту пору оказалось невозможно. Потому Арыстан решил обосноваться в селе Двойники — центральной усадьбе колхоза «Красная планета», вблизи бывшего их родного аула — Алыпкаш. На краю села он нашел сносное жилье, оно находилось рядом со скотобазой, куда он и устроился охранником.

Евней остался у дядей в Марьевке, он учился в шестом классе, Камзабай пошел в третий класс начальной школы села Двойники. Мизерной зарплаты Арыстана не хватало на то, чтобы прокормить семью. Пришлось вернуться к старому ремеслу — принимать заказы на пошив сапог и изготовление предметов домашнего обихода, Бальтай тоже подрабатывала, все выжимая из своего старенького «Зингера». И это их выручало: дети были одеты и обуты, накормлены...

Все заказы Арыстан выполнял на совесть, не гонясь за выгодой. Вскоре о нем пошла по селу добрая слава. Сапоги он шил по моде тех лет, особенно женские на высоких каблуках, для жен и дочерей колхозного и районного начальства с узорами на голенищах и медной пластинкой на заостренных носках. Между срочными заказами занимался тонкой, прямо-таки ювелирной работой: резьбой по дереву из кости — выпиливал чудные фигурки животных. Занимался чеканкой меди и серебра. (Из этих образцов его искусства у детей сохранились только четыре вещи: футляр из кости для зубочисток, изящная трость из березы, рукоятка которой отделана серебром, и костяные инкрустированные четки.)

Высокий, крепкий Арыстан производил на сельчан неизгладимое впечатление. Взгляд его карих глаз — пристальный и тяжелый — не каждый мог выдержать. Подводила его лишь искривленная правая нога: в юности Арыстан объезжал молодую лошадь, она сбросила его, он сломал ногу, которая неправильно срослась. Между тем его суровость была лишь кажущейся,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

в жизни он был снисходительным, мягким человеком, что свойственно сильным людям. Речь свою он уснащал пословицами и поговорками, попадая не в бровь, а в глаз. Любил петь народные песни и играть на домбре — из этого простейшего инструмента с двумя струнами лилась чистейшая, чарующая, навеянная степными мотивами и ковыльным раздольем музыка. Когда на сердце бывало грустно, он пел, и эти песни поднимали дух. Потом иногда разговаривал сам с собой: «Беу, этот бренный мир полон загадок. Творцов этих песен давно нет. А песни летят и летят над степью...»

У Аккума есть дочка по имени Инкар,
Слова ее слаще меда и шербета.
Буду слагать песни о ней без устали,
В жизни не встречал такую красивую...

Арыстан любил петь во весь голос в лесу, когда его песня повторялась далеким эхом. Сидящий рядом с ним в телеге маленький Камзабай иной раз спрашивал отца: «Коке*, кто сочинил эту песню? Где живет эта девушка Инкар?» — Отец, глядя в сторону, нехотя ронял: «Сынок, откуда мне знать». Камзабай вспоминал: «Говорил отец всегда ровным, спокойным голосом, но когда произносил очередное слово, в его голосе ощущался оттенок грусти. Всякие неприятности, подстерегавшие его каждодневно, накладывали на его поведение свой отпечаток... Позже, когда в стране наступили иные времена, я понял причину умолчаний, недомолвок отца. Оказывается, он пел широко известные песни таких знаменитостей, как Ахмет, Магжан, Миржакуп**, а мы еще были несмышлеными мальцами, чтобы понять смысл тех песен, но отчетливо запомнили их мотивы...»

---

* Дословно: папа, в прямом смысле уважительное обращение сына к отцу или старшим.

** Ахмет Байтурсунов, Магжан Жумабаев, Миржакуп Дулатов — члены национальной политической партии, просветители-поэты, все трое погибли в годы репрессий, их имена были открыты нашему народу только в 1990-е годы.

Created by free version of 2PDF
Bukefor University

II

Евней приезжал в Двойники все реже — не хватало времени. Когда же в свободные дни вырывался в село, там поднимался веселый шум, это был настоящий праздник — и для родителей, и для младших братьев. Еще когда семья жила в Приуралье, Камзабай старшего брата стал называть «бапа», что приблизительно соответствует обращению «коке», или «старший брат». Для Жартаса и Шабдана Евней также стал «бапой». Разумеется, он был достоин того: его знания и кругозор были намного обширнее, чем у младших братьев, всех его сверстников и даже многих взрослых аульчан...

Явившись в родительский дом, он переодевался в рабочую одежду и принимался чистить сараи, колоть дрова. Между делами Евней успевал поиграть с младшими братьями, проверить тетради Камзабая, исправить его ошибки и поучить его уму-разуму.

Евней никогда не забывал навестить всех родственников в ауле. Однажды бабушка Кенжетай, которая проживала у Маутая в Баганаты, неожиданно приехала в Двойники, устроила всем младшим и старшим взбучку: «Мой бота* и так устает от долгой учебы, а вы еще заставляете его работать!» Семья Арыстана, привыкшая к ее постоянным таким наскокам, не особенно обращала на нее внимания. Евней, исподтишка посмеиваясь над выходками и заступничеством старой бабушки, также пропускал ее воркотню мимо ушей. Иногда аульчане собирались на огонек у Арыстана, чтобы послушать рассказы Евнея, так как он из Марьевской библиотеки привозил с собой интересные книги. Пожилым землякам он вслух читал былины про отважных богатырей «Кобланды» и «Алпамыс». В его исполнении народный эпос приобретал торжественность и драматичность. Вместе с ним слушатели восхищались подвигами батыров, переживали за них, когда они вступали в смертельные поединки с врагами, бурно приветствовали победу героев: «Какой удар! Ка-

---

* Верблюжонок.

Created by free version of 2PDF

кая сила!..» Некоторые в знак уважения к чтецу приглашали его к себе домой.

Евней, не привыкший к праздности, легкой жизни, начал помогать отцу с шестого класса средней школы. На летних каникулах, после недельного отдыха дома, он шел к колхозному бригадиру Михаилу Козлову просить работу. Бригадир, прозванный сельчанами Беспалым Мишей из-за искалеченного пальца руки, давал Евнею задания наравне со взрослыми: подросток пахал землю, погоняя двух быков; работал на конной сенокосилке; складывал скирды — и так все летние месяцы... Именно тогда выявился поэтический дар юноши: на доске показателей стали появляться стихи на русском языке, едко и остроумно высмеивающие отстающих и лентяев, а рядом с ними — хвалебные в адрес передовиков. Некоторые обиженные, глубоко уязвленные насмешками юного критика попытались проучить его с помощью кнута, но бригадир Миша строго осек этих «воспитателей».

Екатерина ТАТАРНИКОВА:

«С Евгением Букетовым мне довелось учиться в Марьевской средней школе в пятом классе. Сидели мы с ним за одной партой в течение года. Очень развитый, не по годам смышленый и в то же время обыкновенный с виду мальчишка. Самыми примечательными были конечно же его исключительные, феноменальные способности. Кстати, это обстоятельство порой оборачивалось против самого "вундеркинда". Вступить в спор с учителем и одержать победу для Жени ничего не стоило. Не каждому учителю такие дискуссионные выпады юного эрудита были по душе. Сейчас уже не помню конкретных ситуаций, но знаю, что его конфликты с педагогами привели даже к тому, что Женя был вынужден оставить школу и сдавать экзамены экстерном...»

Иван БЕЛЕТЧЕНКО:

«Наше сближение произошло летом 1939 года. Группу отличников учебы премировали туристическими путевками по Алтаю. В нее вошли ученики 9—10-х классов —

Created by free version of 2PDF

школьные активисты. Евней был единственным "младшим" школьником, он перешел в 8-й класс и путевки удостоился за особые успехи в учебе. Уже тогда стали проявляться его выдающиеся способности в точных науках и литературе.

Туристический лагерь был разбит на реке Катунь. В жаркий день все мы стремились быть ближе к воде. Течение в реке быстрое, изредка несло спиленные деревья. Они-то и стали нашей приманкой. Большое удовольствие доставляло прокатиться верхом на бревне по шумной реке. Однажды наш взор привлекла проплывавшая недалеко от берега сосна с ветвями и корнями. Оседлали мы эту лесину и не заметили, как понесло ее к водопаду. Это увидели взрослые на берегу. Они начали кричать, махать руками, Евней первым бросился в воду, увлекая за собой остальных ребят. Трагедии не произошло. Но охотиться за бревнами мы перестали. Это маленькое приключение еще больше сплотило и сдружило нас в течение почти сорока лет жизни.

Воспитывался и рос Евней в среде, где могли подтолкнуть его на путь творчества. Ему не приходилось общаться с инженерами, учеными, агрономами. Их в то время не было ни в родных Баганатах, ни в Марьевке. Мы видели для себя идеал в наших школьных учителях, нам очень повезло в этом плане. Перед Великой Отечественной войной в Марьевской средней школе, единственной в районе, сложился хороший коллектив учителей, замечательных воспитателей и профессионалов. Среди них выделялись сестры Ольховые: Анна Гордеевна — химик и Варвара Гордеевна — географ, окончившие ленинградские вузы, доцент ашхабадского университета — Аминулла Максенович Мирзоев вел физику, а его супруга, Анна Михайловна, преподаватель того же университета — математику; Петр Михайлович Старцев был большим знатоком русской и зарубежной литературы; Анастасия Куприяновна Бурлакова — историк, ее супруг — первый секретарь райкома партии, из ивановских рабочих, пользовался большим уважением населения, много внимания уделял школе».

Created by free version of 2PDF
BrSTU University

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«В пятом классе семилетней школы я полюбил учителя истории. Он имел обыкновение требовать от учеников, чтобы они вспомнили и записали рассказанное им на уроке (наверное, оттого, что не было учебников). И я самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепкий, статный, чуть выше среднего роста, широколобый, со стрижкой ежиком русский человек, говоривший рокочущим басом. Он, по-видимому, обладал педагогическим даром, ибо ученики его слушали внимательно, хотя наш класс представлял собой разновозрастное сборище, так, рядом со мной, двенадцатилетним мальчиком, сидел Кривенко, большой конопатый юноша девятнадцати лет. И охотников поозорничать было достаточно.

Но когда Иван Антонович приступал к уроку, даже баловники прекращали свое озорство, умнейшего учителя слушали, впитывая каждое его слово, потому что он говорил что-то новое.

И вот я в мечтах видел себя учителем, причем непременно учителем истории, и представлял себе, будто слегка наклонившись вперед, как Иван Антонович, картинно размахивая руками, рассказываю о завоевательных походах Александра Македонского и восстании Спартака против вечного, гордого Рима. Я хожу в темном костюме, сатиновой косоворотке и фабричных ботинках с выдавленными на резиновой подошве затейливыми рисунками. Словом, иду на уроки, одевшись, как мой учитель. Но у меня нет того ежика, что у Ивана Антоновича, у меня бритая голова, потому что я — казах. И этот недостаток, я считал, не помешает мне стать, как Иван Антонович, учителем.

Эта мечта сидела во мне крепко почти до десятого класса, иногда перемежаясь различного рода мимолетными желаниями стать, например, летчиком-полярником (начитаешься о Чкалове, Потанине) или поэтом, подобно Пушкину или Джамбулу (случайно обнаруживаешь, что и ты мог бы рифмовать казахские и русские слова). В целом все мечты сходились к тому, чтобы окончить среднюю школу или педагогический техникум. Я уже в

Created by free version of 2PDF

Buketov University

седьмом классе считал себя достаточно ученым, потому что до этой ступени образования в нашем ауле никто тогда не дошел. Я полагал, когда я окончу техникум или среднюю школу, стану настолько недосягаем в своем аульном окружении, что никакой необходимости учиться дальше не будет...»

Иван ТРОФИМОВ:

«Казахских учащихся в нашей школе в то время было мало, особенно в старших классах. Поэтому я очень хорошо помню Женю Букетова: высокого роста, щупленький и с бритой головой, очень скромен. Он был очень любопытен, проявлял ненасытный интерес к химии, математике и другим предметам. С большим прилежанием изучал русский язык, принимал активное участие в школьных олимпиадах, его работа по химии была представлена на районную педагогическую выставку.

Его часто можно было видеть в нашей школьной, хотя и небольшой, библиотеке склонившимся над книгой. Часто беседовал с Агриппиной Федоровной Коробкиной, которая вела русский язык и литературу. Она очень ценила интерес Евнея к русской литературе...»

Ребенок, одинаково любимый всеми тремя семьями Букетовых, оправдал их надежды: он не только опередил своих сверстников, но и стал лучшим учеником Марьевской средней школы. Он начал посещать драматический кружок, а потом стал его руководителем... Когда в школе ставили трагедию А. Пушкина «Каменный гость», он выступал и в качестве режиссера, и в роли главного героя — Дон Гуана. Спектакль показывали в Марьевке несколько раз. Затем Евней перевел это произведение на казахский язык, и спектакль увидели жители Баганаты. Сейчас в это верится с трудом, но это было осуществлено благодаря энтузиазму пятнадцатилетнего подростка. В те годы он с упоением зачитывался произведениями А. Пушкина, знал наизусть многие стихи великого поэта, увлекся творчеством Лермонтова и Некрасова, а затем Сергея Есенина, Владимира Маяковского.

Created by free version of 2PDF

Камзабай БУКЕТОВ. «Друг мой, брат мой»:

«Однажды он приехал из Марьевки на зимние каникулы и привез большую сумку, наполненную бумагами. Точно не помню, в каком классе он тогда учился: в 7-м или 8-м, оказывается, он перевел на русский язык уже почти полкниги Сабита Муканова "Загадочное знамя", которая позже вышла в свет под названием "Ботагоз". Аульная молодежь заинтересовалась его переводом, желающим он зачитывал страниц десять, а потом насильно выпроваживал их из дома, умоляя не мешать ему. Этот его труд позднее пропал бесследно. Однажды я спросил Евнея: где же тот перевод? Он засмеялся, сказав, что это был детский лепет молодости».

Летом следующего года, после переезда в Двойники, Арыстан на южной окраине села купил старый деревянный дом, все лето ремонтировал его и привел наконец в божеский вид. Теперь у него было свое жилье, семейство его к этому времени разрослось — детей, вместе с последышем Еслямбеком, стало пятеро.

Всех их надо было накормить, одеть. Мальчики же в пылу игры забывали обо всем, возвращались домой чумазыми, нередко с разорванными рубашками или брюками. Мать ругала их на чем свет стоит, иногда награждала их подзатыльниками, громко сетуя на то, что Всевышний не дал ей хотя бы одну девочку. Тогда свекровка Кенжетай успокаивала сноху: «Беу, милая моя, не гневи понапрасну Аллаха, не забывайся. Будут живы, здоровы твои сыновья, вырастут и приведут тебе пятерых невесток, и тогда успеешь отдохнуть». Свекровь, которой шел девятый десяток, держала внуков и детей своих, тоже уже не молодых, в строгости. Жалела она и защищала лишь Евнея. И еще заступалась за своего сына — Арыстана, когда сноха начинала выражать недовольство мужем. «Прекрати, если супруги ладят — счастье им светит. Не перечь мужу, не командуй им — это дурной обычай, угодившая мужу — угодит и всему аулу», — властно говорила она.

Когда Арыстану перевалило за пятьдесят, он почувствовал, что быстро устает, что силы его истощают-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ся и уже не такие, как прежде, сердце стало давать сбои, беспокоили колющие боли в груди. Работа уже не так спорилась, как раньше. Шитье сапог только на первый взгляд легкое занятие, на самом деле сидеть в полусогнутом положении часами, день за днем, притом без движения, на низкой табуретке, мять и гнуть грубую кожу до кровавых мозолей на руках — тяжелый, изнурительный труд. От напряжения сильно устают глаза, немеет поясница. Вздохнув, Арыстан говорил домочадцам:

— В нашем роду не было мужчин, которые прожили бы более шестидесяти. Отец мой Бокет скончался в возрасте пятидесяти двух лет. А я уже приближаюсь к его возрасту. Наверное, тоже не перешагну этот порог...

Старая мать ему запрещала даже думать об этом и резко прерывала его:

— Сын мой, на все воля Аллаха и знать нам ее не дано, зачем зря пугаешь своих?

Чтобы замять неприятный разговор, посмеиваясь, Арыстан продолжал:

— Хорошо бы дождаться свадьбы Евнея, поцеловать родившегося внука и передать его на воспитание Бальтай, вот тогда уже можно спокойно отправляться на тот свет.

— И на это воля Аллаха. Только, сын мой, и на это терпение нужно.

Этот разговор неожиданно возобновился осенью 1941 года.

Эхо гремевшей в тысячах километров Великой Отечественной войны докатилось и до казахских степей: большинство мужчин призывного возраста надели солдатские шинели, и сразу же все заботы в тылу легли на хрупкие плечи женщин и детей-подростков. Учителей мужчин и раньше было мало, да и те ушли на фронт, а женщин-учителей не хватало: из-за этого отдел народного образования вынужден был направлять старшеклассников учителями в начальные классы, бывало, ученик шестого или седьмого класса, проучившись до обеда, после обеда шел преподавать чет-

Created by free version of 2PDF
Bukelov University

вероклассникам географию, историю, русский язык и литературу. Конечно, такие «учителя» выбирались из числа отличников.

В тот год Евней перешел в десятый класс. Осенью он приехал в Двойники, чтобы помочь отцу копать погреб. Лето они впервые на родине вырастили картофель, нужно было подготовить место для хранения урожая. Во время работы Евней завел неожиданный разговор.

— Ага, — обратился он к отцу, — ты часто стал говорить, что здоровье становится неважным. Содержать большую семью непросто... Может, мне повременить с учебой и тоже подыскать работу? И тебе будет легче...

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«...Когда я это сказал, отец перестал копать, упершись левой рукой об лопату, указательным пальцем правой руки в растерянности провел по лбу, стирая пот, и грустно посмотрел на меня своими карими глазами. Это меня поразило. Взгляд отца всегда становился таким, когда он бывал чем-то недоволен. В этих случаях тонкие губы его под свисающими редкими усами сжимались, глаза темнели, брови, сдвигаясь к переносице, принимали строгие, четкие и суровые очертания, и красивый нос с горбинкой, казалось, горбился еще больше, легкий румянец с нешироких скул сползал вниз во впадины щек. Особенно тяжело было выдержать этот взгляд, когда он смотрел сверху, положив свою седеющую бородку на грудь. Этого неодобрения взглядом нам, детям, было достаточно, чтобы понять его неудовольствие и поступать так, как он желает. Но видеть таким отца мне было нелегко, в нем появились не то отрешенность, не то бессилие, что, в общем-то, не было присуще этому человеку, очень полагавшемуся на казахское "тәуекел": это слово звучит даже более оптимистично, чем русское "авось". "Как хочешь, мой мальчик, — сказал он, вздохнув, — я так хотел, чтобы ты кончил десятый класс, но, видно, не судьба. Девять классов тоже неплохо, учиться девять лет подряд никому не удавалось в нашем роду, в нашем ауле я таких не знаю, — уже бодрее

Created by free version of 2PDF

добавил он. — Аллах дал тебе разум, и ты неплохо учился. Теперь тебе нужна удача, да поможет Аллах". Потом правой ступней вдавил лопату в землю, пошутил, глядя на меня: "А там, авось, и хорошая невеста найдется..."»

В шестнадцать с половиной лет Евней Букетов стал учителем русского языка и литературы в старших классах Ольгинской неполной средней школы. Так началась его трудовая биография. «Всю первую четверть школа не работала. Урожай выдался хороший, а убирать было некому — все мужики были на фронте. Женя работал на лобогрейке, а я вместе с другими женщинами днем копны на бричках возила, а ночью складывала скирды, — вспоминала эти тяжелые военные годы Александра Шумцова, работавшая вместе с Евнеем учительницей в Ольгинской школе. — ...Наступали холода. Надеть нечего, а у Жени одни штиблеты — туфли парусиновые и пиджачок. Женщины жалели его, кто носки, кто шапку, кто фуфайку принес, а он стеснялся, не брал. А деньги, которые он зарабатывал, на себя не тратил, посылал родителям».

Было холодно и голодно, но дети в школах продолжали заниматься. Рослого, худощавого, плохо одетого молодого учителя уже звали по имени-отчеству — Евней Арстанович. Несмотря на то, что он менял школы, учась с перерывами, знания его отличались систематичностью и глубиной, говорил он внушительным басом. Дети не сводили с него глаз, когда он читал им наизусть стихи, увлекательно рассказывал о разных событиях из истории наук.

«Ученики не пропускали ни одного его слова, у него была такая содержательная речь — невольно заслушаешься. Он завораживал любую аудиторию, независимо от возраста. Людей к нему тянуло, как магнитом. Там, где он появлялся, всегда царило оживление, слышались смех и шутки, — свидетельствует та же Александра Шумцова. — Когда находился в учительской, Евней наизусть декламировал стихотворения и спрашивал у своих коллег: "А ну-ка отгадайте, чье это про-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

изведение?" Конечно, откуда могли сельские учителя знать корифеев мировой поэзии? Слушатели, разведя руками, сдавались: "Сам скажи". Евней, улыбаясь, говорил: "Александр Блок, из поэмы 'Двенадцать', третья глава". Слушатели удивленно качали головами: "Откуда все это знаешь, когда ты успеваешь выучить?" — спрашивали. По его словам, однако, ни одно стихотворение он специально наизусть не заучивал. Ему было достаточно прочитать два-три раза понравившееся произведение, и оно оставалось в памяти. Для того чтобы не забыть, перед сном, мысленно еще раз его повторял. Иногда после таких упражнений, которые продолжались месяц или несколько дней, целые поэмы, циклы стихов оставались навсегда в его мозгу, как в хранилище, — надежном и всеобъемлющем...»

В то время школа была единственным заведением, где собирались грамотные люди. Сельские и аульные советы, партийные организации находили здесь себе агитаторов. Без них не обходились ни выборы в местные органы власти, ни собрания, ни митинги. Учителя Ольгинской школы были самыми образованными среди здешних служащих, именно они стали бойцами идеологического фронта (Шура Шумцова в 1941 году окончила Марьевскую школу с отличием, получила Золотую медаль за успехи в учебе. Она готовилась поступить в МГУ, но начавшаяся война помешала ее поездке в Москву). У других учителей образование было не выше семи классов. Поэтому Е. Букетов, окончивший девять классов, и А. Шумцова в дальней Ольгинке слыли профессорами. Однажды секретарь партийной организации поручил Евнею Букетову выступить с лекцией в избе-читальне. «Я, как старшая, посоветовала Жене подготовиться по газетам и рассказать о войне, — вспоминает Шумцова. — Каково было мое удивление, когда на первой лекции он выступил без всяких бумаг и записей, при полном зале, в котором кроме школьников собрались и местные жители...» Эти лекции, приуроченные к литературным вечерам, скрашивали сельские будни. Для Евнея они стали работой, приносящей радость и удовлетворение, тем более он

Created by free version of 2PDF
Buketov University

мог целыми часами читать стихи, поэмы любимых поэтов.... Однако не все субботние вечера он мог посвятить избе-читальне Ольгинки, иногда ему приходилось навещать родных братьев в Двойниках. Тогда его заменяла Александра Шумцова. «Доченька, тебе большое спасибо! В будущую субботу не забудь привести с собой того рослого "хлопчика", что уже выступал, пусть он разъяснит нам все события, все разложит по полочкам», — говорили сельчане.

В военные годы в селах все острее ощущалась нехватка учителей. Молодых учителей, таких как Евней Букетов, отдел народного образования Октябрьского района каждый год направлял в разные школы, чтобы не сорвать там учебный процесс. В автобиографии Е. Букетова указано, что за четыре года войны после Ольгинки он работал учителем в неполных средних школах сел Соколовка, Двойники, Жалтыр и Городецк. В некоторых из них он исполнял обязанности заведующего учебной частью школы. Иногда ему приходилось вести уроки по географии, истории, физике и математике, иной раз по всем этим предметам подряд.

III

Каждое хозяйство в районе получало задание по заготовке пушнины. В колхозе «Красная планета» для этих целей держали двух охотников. С осени до весны их освобождали от всяких работ, только бы они сдали в заготконтору определенное количество шкурок. Одним из колхозных охотников был Арыстан Букетов.

В те годы вокруг села на многие километры простирался густой лес. В нем водились зайцы, корсаки, хорьки. Немало было и волков. С молодых лет пристрастившийся к охотничьему промыслу Арыстан обычно ставил силки на зайцев, на более крупных зверей — капканы. Ружья у него не было, так как иметь личное оружие запрещалось, бывшую у него двустволку конфисковала милиция. Незаменимого в погоне за зверем

Buketov University
Created by free version of 2PDF

колхозного коня Тортобела* тоже забрали для нужд фронта. Но Арыстан, как и прежде, добывал зверя. Он выезжал на охоту на собственной кобыле, в сопровождении дворняги по кличке Алакус. Иногда он отправлялся вместе с напарником Иваном Колесниковым.

В начале декабря 1942 года снег шел подряд несколько суток, трещали морозы. Арыстан, не вытерпев долгого сидения дома, отправился в лес, который местные жители называли — Карашок. За несколько дней до этого пал колхозный бык, и тушу его закинули в яму на опушке леса, где был вырыт специальный скотомогильник. Арыстан тогда вырезал кусок мяса, прикрыл его соломой и там же поставил капкан на волков.

Теперь он решил проверить капкан. Долго пробирался к нему по глубокому снегу. Собака бежала впереди. Когда приблизились к месту, где лежала приманка, собака стала вертеться, беспокойно нюхать воздух и громко лаять. Арыстан, чувствуя добычу, подстегнул кобылу. Конечно, собака беспокоилась не зря: на месте, где лежал капкан, все было переворочено; на глубоком снегу отпечатались следы крупного зверя; но капкана не было, как будто его и не ставили... Матерый волк вырвал даже березовый кол, которым был закреплен капкан. С тяжелой ношей на железной цепи зверь не мог уйти далеко. И Арыстан, пришпорив кобылу, отправился вдогонку. По следам он преследовал волка почти три версты, наконец увидел хищника на краю березовой рощи. Верный пес, осмелев, пошел в атаку, но не на волка, а на цепь, которая волочилась за ним. Лязгнув зубами, волк чуть не вцепился в горло собаки...

Арыстан хотел подъехать на выручку своей дворняге, но кобыла заартачилась, не шла вперед, несмотря на понукания. Охотник привязал поводок к березе, скинул полушубок на землю и побежал к зверю, схватившемуся с собакой.

Хотя мороз час от часу крепчал, со лба его градом катился пот. Серый присел и жутко и протяжно завыл,

---

* Кличка коня, дословно: гнедой конь со звездочкой на лбу.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

как бы призывая своих сородичей на помощь. В этот момент Арыстан, резко вскрикнув: «Ах!», со всего размаху ударил зверя дубинкой по морде. Хищник упал замертво. Охотник ударил еще раз. Но похоже, второго удара и не нужно было. Зверь уже испустил дух.

Отдышавшись, Арыстан снял капкан, повесил его на сучок рядом росшего дерева. Вначале он подумал туда же повесить и волка, чтобы под вечер не таскаться с тяжелой ношей. Но с таким трудом добытого зверя оставлять в лесу не хотелось — не каждый день он попадается. Для любого охотника это завидный трофей. И Арыстан перетащил тушу волка туда, где оставил кобылу. Попытался переложить зверя на ее спину, но животное захрапело, встало на дыбы. «Ну, милая, не бойся, он же мертвый», — тщетно уговаривал ее охотник. Пришлось вытащить из дорожной сумки топорик, смастерить из ветвей березы волокушу. Погрузив на нее добычу, Арыстан привязал волокушу к седлу. Пока возился с ней, наступила ночь, в морозном небе ярко сверкали звезды. Когда он, наконец, сел в седло, почувствовал, что его трясет от холода, жуткий озноб сковывал тело. К полуночи впереди тускло засветились редкими огоньками избы, ветер донес лай собак. Арыстан еле добрался домой и, едва переступив порог, свалился со словами: «Ой, мне тяжело, байбише, помоги раздеться!». Он весь горел, грудь сжимало, дыхание стало прерывистым. Вызванная на следующий день фельдшерица, прослушав легкие, поставила диагноз: «Двухсторонняя пневмония», сделала укол, дала какие-то лекарства. Но с каждым днем состояние больного ухудшалось...

Высокая температура держалась на протяжении шести дней и ночей. Видимо, Арыстан почувствовал, что смерть стоит уже за плечами, и девятого числа того месяца, на заре он позвал к себе жену, взял ее руку, положил себе на грудь и еле слышным, слабым голосом сказал: «Единственная опора моя, Бальтай, я благодарен тебе и на том, и на этом свете. Ты подарила мне четырнадцать детей. Девять из них давно лежат в сырой земле, лишь пятеро — в твоих объятьях. Будь

Created by free version of 2PDF
Buketov University

им ангелом-хранителем. Двигателем нынешней жизни является не имущество, не богатство, а лишь — знание, если надо, продай единственную нашу кобылу и даже корову, непременно дай доучиться Евнею. Если он получит хорошее образование, за собой потянет всех своих братьев. Запомни это и обещай мне, что так и сделаешь. Тогда я буду лежать в сырой земле спокойно. Прощай, моя милая, суженая Аллахом», — сказав это, перед восходом солнца он навсегда закрыл глаза.

Арыстану было всего пятьдесят семь лет. Едва появившись на свет, он начал борьбу за существование, пережив немало черных дней и горьких утрат, он одолел бедность, но никогда досыта не ел, волей и трудами победив очередную преграду, тут же натыкался на следующую. Неукротимая его душа не знала покоя, и потому раньше времени износившееся его сердце, не выдержав переутомления и простуды, перестало биться.

Все близкие родственники и знакомые, жившие в этом селе и его окрестностях, пришли проводить Арыстана, сына Бокета, в последний путь. Семья по мере возможностей справила поминки. Отвезли покойного на санях туда, где находилась родовая могила алыпкашевцев, предали земле с подобающими почестями. Днем и ночью рыдали пятеро сыновей, старшему в марте следующего года должно было исполниться лишь восемнадцать лет; Камзабаю было четырнадцать, Жартасу — семь, Шабдану — пять лет, а самому младшему Еслямбеку — два годика... Бальтай же словно окаменела. Потеря мужа буквально подкосила ее. Старший сын ее, Евней, пишет в книге «Шесть писем другу»: «Я заметил, через месяц после смерти отца мешком повис на ней бархатный камзол-безрукавка, так ладно облегавший ее плотное тело... А ведь ей едва минуло сорок пять лет. В такую старушку превратилась... она в заботах, чтобы я и мои братья не выглядели оборванцами-сиротами...» Ясно, что у нее был сильный характер и, соответственно, воля. Тому свидетельство — отрывок стиха-плача, который мы при-

Created by free version of 2PDF

Bukefor University

водили в начале этой главы. Свой ответ, скорее всего презрение к родственнику, выражавшему излишнюю жалость к детям покойного Арыстана, она выразила такой импровизацией:

Есть братья отца, есть у них я —
Сиротливой не будет Арыстана семья.
Без милости их не оставит творец,
Жалость земная им совсем не нужна.

Из этих коротких стихов видно, что Бальтай, дочь Байжана, отчасти переняла поэтический дар славного предка своего, Тогжана Ендибайулы. Думается, от нее поэтический дар передался ее сыну — Евнею...

Теперь заботы об осиротевших четырех братьях и матере-вдове легли на плечи Евнея, как самого старшего мужчины в семье. Преподавание его в средних школах в какой-то мере выручало Букетовых, но теперь зарабатывать надо было больше. Кроме того, ему приходилось заниматься и домашним хозяйством. Приведем письмо Евнея Арыстанулы младшему брату Еслямбеку, написанное 16 сентября 1981 года на родном языке:

«...1943 год. Весна, где-то март. Все запасы еды без остатка израсходовали на поминки отца. Словом, обеднели до крайности, как говорится, покойник даже богатого разоряет, а бедного совсем оголяет. Покойная наша мать без оглядки, все, что было во дворе нашем, вложила в похороны. Не смогли содержать красную корову — она сама пала весной. То же случилось с серой кобылой. Я учительствовал в соседнем селе Ольгинке, кроме зарплаты ежемесячно получал спецпаек — около пуда зерна — вот всё, что было на всю семью для существования. Да еще по талонам выдавали кое-какую одежду. На один талон я однажды купил маленькие ботинки и принес домой. "Ой, мой вороненок, — сказала Бальтай сердито, — зачем купил ботинки, лучше бы материал на рубашку..." Тебе было 2,5 года, не ходил, ножки тоненькие — это результат плохого питания, взял тебя на колени, твои ноги обул в эти ботинки. Не успел завязать шнурки, ты начал нечленораздельно выкрикивать:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

"Эй-эй!..", выражая свою детскую радость, что-то по смыслу похожее на то, что очень красиво... Быстро сполз с моих колен, встал на ноги и начал, покачиваясь, делать первые шаги. У покойной нашей матери потекли слезы, она начала плакать навзрыд, тут же и я не выдержал, присоединился к ней. Конечно, это были слезы радости за тебя. Поэтому сразу забылось наше сожаление, что не купил материал на рубашку. В тот момент пришла наша тетя Жудырук, увидев новую покупку, начала ворчать: "Даже мальчики, живущие со здравствующим отцом, не покупают такие ботинки, к чему эта непозволительная роскошь?!.."

Лето того же года. Пятнадцатилетний Камзабай с раннего утра до заката солнца ходит за колхозным стадом, к тому же полуголодный, на ногах его деревянные башмаки — наподобие обуви. Он ежедневно вставал до восхода — и плелся на базу. Я уже учительствовал в Двойниках, как-то приехал домой. Пораньше встав, пошел в лес. Хотел починить ограду нашего огорода — через поломанную часть проходил скот и там пасся. Пока нарубил длинных жердей, отсучковал, перевалило за полдень. Еле передвигая ноги, добрался до дома. Покойная Бальтай приготовила для меня немного иримшика, укрыв кастрюльку полотенцем, подмигнув мне, чтобы я его съел, а тебя, Шабдана и Жартаса выпроводила на улицу... Я не успел взять ложку в рот, вы, все трое, ворвались в дом. Короче, все, что было в кастрюльке, мы съели вчетвером. "Ах, эти кутята, когда успели?.." — ахнула Бальтай. А я, усталый, голодный, притворившись сытым, свалился на кошму. Должен объяснить тебе, что наша мать, трудясь в поле и дома, постоянно ходила полуголодная, иной раз крошки хлеба не беря в рот, страшно уставала. Вот так мы жили и росли...»*

В тяжелом положении были почти все семьи, в некоторых аулах вовсе не осталось мужчин. Работали в основном женщины-вдовы и дети-подростки. На полевые работы выходили все, невзирая на возраст, потому что, не выработав нормы-минимума трудодней,

---

* Творог.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

нельзя было получить даже пуда пшеницы; а она была единственным пропитанием населения; прожарив ее и смолов на ручной мельнице, делали талкан...

Весной 1943 года, когда Евнею исполнилось восемнадцать лет, ему пришла повестка. Собравшись на призывной пункт, он мысленно попрощался со школой, братишками, а мать, по-мужски, сильно хлопнув по плечу старшего сына, сказала лишь: «Иди, значит, судьба! Пусть тебя бережет великий аруах славного деда-батыра!..» Наверное, всемилостивый Аллах услышал страстные мольбы сирот и старой бабушки, которая молилась в те дни с особым усердием: врачи, тщательно осмотрев вроде бы здорового, рослого парня, признали его негодным к военной службе из-за каких-то нарушений в легких и сердце. Случившееся сильно огорчило самого парня, хотя никаких болезненных симптомов он не ощущал. А домашние были рады, особенно бабушка Кенжетай. Словом, он вернулся к преподаванию в школе. Больше его в военкомат не вызывали...

Справедливости ради следует сказать, что больше всего забот по дому выпало на долю Камзабая, а не старшего брата, который значительную часть времени находился в школе. Пятнадцатилетний парнишка, надев отцовский рабочий фартук, разложив вокруг себя его инструменты, шил сапоги; кроме того, он пас скот, заготавливал дрова, делал скамейки и табуреты. И так целыми днями, не разгибая спины. Он был доволен тем, что с ним рассчитывались продуктами и мог он принести домой что-нибудь поесть... Закончив четвертый класс школы в Двойниках, он решил устроиться на постоянную работу. Близкие и дальние родственники одобряли его поступок: «Молодец парень, он настоящий продолжатель дела покойного Арыстана. Ему нет и шестнадцати лет, а он уже стал кормильцем бедствующей семьи...» Уставшая от постоянной нужды мать соглашалась с ними. Но приехал Евней и все переиначил:

— Нет, так не пойдет! Он и без того урывками учился, а теперь совсем хочет бросить учебу, это значит — отрезать ему дорогу к будущему. Осенью он пой-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дет в среднюю школу в райцентре, будет жить у дяди Ибрая... — заявил Евней непререкаемым тоном, дав понять, что он берет всю полноту власти в семье в свои руки.

Авторитет мужчины в семье Букетовых был абсолютным. И Камзабай начал посещать Марьевскую школу. «Брат, приезжая в райцентр по служебным делам, обязательно заходил в школу, справлялся о моих успехах и советовал мне, какие книги читать...» — рассказывал Камза-еке.

Зимой 1944 года Евней после неоднократных обращений в РОНО, сумел-таки перевестись учителем в начальную школу в Двойники. В это же время он был избран секретарем комсомольской ячейки колхоза «Красная планета». Вожак молодежи активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых правлением колхоза.

Возмужавший джигит, естественно, начал заглядываться на местных девушек. Имя красавицы, растревожившей сердце молодого учителя, нам известно из устных воспоминаний земляков Евнея Арыстанулы. В конце войны она училась на русском отделении филологического факультета Казахского государственного университета, родом была из соседнего села. Мы не будем упоминать ее настоящее имя, назовем условно — Карагоз. Тот факт, что в трудные годы девушка отправилась учиться в Алматы, говорит о многом — она была более продвинутой среди своих сверстниц, и, конечно, ее родители, вероятно, жили намного лучше других.

Первая любовь пронзает сердце, как молния. Она приходит нежданно-негаданно. Они встретились на берегу Есиля. И, казалось, знали друг друга давным давно. Так слились в одном — он и она. Их роман продолжался около двух лет, даже после отъезда Карагоз в Алматы, на учебу. Но потом... красавица с берегов Есиля вдруг перестала писать...

Нам неизвестно, как перенес наш джигит неожиданное охлаждение к нему возлюбленной. Но знаем, что он не смирился с поражением, решил бороться за нее до конца. И это побудило его к тому, чтобы изменить планы на будущее...

Created by free version of 2PDF

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Как рассказывала мать: было начало лета... она сидела у костра и пекла лепешки. Вдруг легонько скрипнула дверь и тихо открылась; оглянувшись, она увидела высокую, стройную чернявую девушку... незнакомую, но такую приятную лицом, что даже обрадовалась. Девушка стояла робко и молчала. Мать и говорит ей: "Садись, дитя мое. Рассказывай, кто ты, откуда?" Она присела, от стеснения мяла подол пиджака, не знала, куда девать свои руки. Девушка еще немножко помолчала, вытащила из кармана какую-то связку бумаг и сказала: "Передайте эти бумаги вашему старшему сыну, апа, это его письма..." Встала, подала, а у самой слезы на глазах...

Мать моя положила письма в свой сундучок, ежедневно перебирала и снова складывала их, сгорая от любопытства как-то узнать содержание. Она никого не хотела просить в ауле прочитать их, не желая, чтобы чужие языки обсуждали секреты ее сына. И вот, однажды заходит в нашу шушалу пожилая русская женщина в белом халате, на ломаном казахском языке приветствует и неумело садится на корточки далеко от очага. На полурусском, полуказахском справляется о здоровье детей, хозяйки дома; мать также на полурусском, полуказахском отвечает ей. Эта женщина — врач, а может быть, и фельдшер (для матери тогда были все "дохтурами") так понравилась, что она решила доверить ей мои письма. Она передала связку и попросила "дохтура" прочитать и рассказать содержание, но только, чтобы ни с кем об этом не делиться. Она пришла вечером и за маминым чаем рассказала, что ничего особенного в этих письмах нет, такие письма пишут все молодые люди, объяснение молодых о симпатиях, о любви, беседы о будущей жизни и так далее. Но когда она добавила, что автор письма очень грамотный парень, что таких грамотных по-русски в аулах она не встречала, мать возгордилась и сказала, что иначе и не может быть, ибо ее сын чуть не десять классов окончил. "Дохтур" на это ответила, что ей, наоборот, показалось, что автор писем окончил не менее учительского инсти-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тута, что это очень способный парень. "Скоро кончится война, грамотные люди стране очень нужны. Чтобы он время не упустил, надо его дальше учить", — посоветовала она.

И после этого мать только о том и думала, как учить меня дальше...»

Для всей семьи это стало самым важным, святым делом. Об этом сам Евней подробно говорит в своей автобиографической книге:

«Однажды мать, сидевшая за шитьем, посмотрела на меня своими зеленоватыми, слезящимися глазами, потом закрыла их. Она всегда делала так, когда хотела сказать что-то серьезное.

— Евней, тебе надо учиться. Отец так хотел, чтобы ты учился, но у него не хватило сил, да и война началась... А теперь близко ее конец, жизнь будет хорошей, и ты должен учиться. Аллах в этом тебе поможет.

— Ты это, Умсын, с Аллахом сама договорилась? Учиться еще успеем, надо хозяйство наладить, этих четверых братишек обуть, одеть надо... — сказал я тоном старшего, чуть насмешливо и назидательно.*

...Мать наклонилась, и иголка в ее руках продолжила свой бег, я же, считая разговор законченным, стал было натягивать на ноги сапоги, как заметил, что мать снова выпрямилась, отложив шитье в сторону, и снова закрыла глаза, что означало продолжение разговора.

— Послушай, сын мой! — сказала она, и в ее голосе я почувствовал незнакомую до этого твердость, хотя он звучал так же ласково, как обычно, но в нем появилась иная интонация, по-иному, в растяжку звучали слова, в особенности — "сын мой", которые она в мой адрес произнесла впервые. — Я теперь тебе — и отец, и мать. Это моя воля. Ты о нас не беспокойся, наша власть... никому не даст ни голодать, ни умереть. Мечтой отца не пренебрегай, Евней!

---

* Бальтай, в книге ее сына она названа по имени, данному ей при рождении.

Created by free version of 2PDF

И мать, как ни в чем не бывало, снова взялась за шитье. Я засунул портянки в голенища и отбросил сапоги. Я понял, что это говорит — не тетя Умсын, а моя мать, которая ни разу не напомнила мне о том, что она выносила меня девять месяцев, вскормила своей грудью и поставила на ноги... На этот раз она говорила об этом тоном, не терпящим возражения, кратко и жестко, так что не прислушаться к ее словам было нельзя».

IV

Камзабай БУКЕТОВ. «Друг мой, брат мой»:

«Когда выехали за деревню, Евней остановил подводу, посадил меня на свое место и сказал: "Трогай". Кони шли мерным шагом, а ехали по той самой дороге, по которой в тридцать первом году впервые тронулись с насиженных мест в поисках лучшей доли в предгорья Урала. И вот спустя четырнадцать лет мы снова едем той же дорогой, возвращаемся в те же места. Одного жаль — среди нас нет нашего предводителя — отца. Перед моими глазами ожили родные скалы, но они уже были ниже тех, что запомнились и казались высокими в малолетстве. К вечеру приехали в Баганаты. Здесь встретили нас радушно. Сначала мы обосновались в просторной землянке Маутай-ага, а к зиме, благодаря настойчивости Евнея, у нас был собственный дом с небольшим подворьем для скота. Евней работал в русской школе в восьми километрах от Баганаты. Я как-то не задумывался, почему же наша семья, бросив обжитый, хорошо подготовленный к зимовке дом в Двойниках, который сам отец выбрал, переехала в Баганаты. И только после смерти брата, размышляя над событиями тех лет, пришел к открытию, которое никогда не приходило мне в голову: война шла к победному концу, он решил ехать учиться. Вся затея с переездом, срочным сооружением жилья — все было подчинено одной мысли: не оставить нас далеко от родственников с надеждой, что те не дадут голодать нам. И его план полностью осуществился. А ведь в то время ему еще не было и двадцати лет...»

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Теперь главной целью Евнея стала дальнейшая учеба, остальные житейские проблемы отодвинулись на второй план. И тут, нам думается, неожиданный разрыв с Карагоз сыграл свою роль. Ведь он понимал, что умная девушка, студентка единственного университета в республике, не захотела продолжать переписку с ним, простым аульным учителем, даже не окончившим десятилетку. Ясно же, между ними была целая пропасть. Потому она решила с ним по-доброму расстаться (по мысли Камзабая Арыстанулы: «она не хотела связать свою судьбу с нами — быть снохой бедствующей вдовы — матери пятерых сирот, которые еле-еле сводили концы с концами»). И гордый парень вознамерился во что бы то ни стало добраться до Алматы, поступить в институт и восстановить связь с нею, доказать красавице, что он достоин ее внимания.

В начале 1945 года Евней обратился к директору Марьевской средней школы Семену Ивановичу Шабанову, фронтовику, демобилизовавшемуся из армии после ранения, с просьбой разрешить ему сдать экстерном экзамены за 10-й класс. Директор школы был рад пойти навстречу бывшему своему ученику, сказал, что этот вопрос согласует с заведующим РОНО. Вскоре он пригласил Евнея и сказал: «Вопрос улажен».

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Анна Агеевна (Анна Гордеевна Ольховая. — *М. С.*) *среди наших преподавателей отличалась, так мне казалось, какой-то необычной одухотворенностью, на красивом, чуть вздернутом лице с тонкими чертами ее большие карие глаза смотрели холодно и строго, к ее стройной, среднего роста фигуре очень шла независимая быстрая походка. Судья, конечно, я тогда был плохой, но у меня сложилось впечатление, что Анна Агеевна выражала мысли так ясно, четко, точно и красиво и так умела обходиться без обычных междометий, без слов паразитов, что ни один из наших учителей не выдерживал с ней сравнения. Речь ее не имела вынужденных пауз и остановок, казалось, нужные слова, образные и четкие, приходили к ней лично, сами собой. Преподавала она нам*

Buketov University

Created by free version of 2PDF

химию и биологию, предметы казались куда более скучными, чем, например, литература или история, но когда Анна Агеевна говорила мягким и мелодичным голосом о вечном движении в естественном мире, о том, что поведение какого-то ничтожного атома имеет для мироздания такое же значение, как и поведение планет, и что законы этого вечного и неустанного взаимодействия больших и малых, живых и неживых частиц должен человек познавать, изучать, искусственно разбив целое и неразъемное на бесконечно малые частицы, — мы слушали, разинув рты.

...Строгая была женщина Анна Агеевна, она не позволяла себе на перерывах или встречах вне школы каких-либо разговоров или шуток, проходя мимо, лишь легким кивком головы отвечала на приветствие. Это мы воспринимали как надменность — оттого, что она жила в таком знаменитом и большом городе, как Ленинград. Не было в ней той простоты, которая отмечалась и нравилась нам в большинстве наших учителей.

И вот, затаив дыхание и стараясь быть как можно спокойнее, стучусь в ее комнату. Слышу, как подходит к двери: "Вы — Букетов? Погуляйте и зайдите минут через двадцать!" — говорит она, по-видимому, увидев меня в окно. Сразу отметил про себя, что она обратилась ко мне на "вы". Вхожу через двадцать минут, она встает навстречу и подает мне руку, но каких-либо движений на ее лице, придающих хотя бы какую-то теплоту ее приветствию, не вижу: эта холодность гасит проявление радости на моем лице.

— Я уже все знаю, меня Семен Иванович предупредил, — говорит она, садится сразу же за стол, покрытый ветхой, но чистой скатертью, указывая мне на табуретку с противоположного конца стола, и приступает к делу. Рассказывает, что я должен знать по химии, чтобы сдать на аттестат зрелости, при этом она изредка откидывает движением головы густые, волнистые темно-русые волосы, спадающие на узенькие плечи. Потом начинает спрашивать и убеждается, что пройденное когда-то я знаю твердо на тройку; это ее, кажется, успокаивает, но никаких эмоций по этому пово-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ду она не выражает, только отмечает, что имеющиеся у меня знания по химии — достаточно хорошая база, чтобы теперь заниматься тем, что проходят в десятом классе, — "Органической химией". Затем предлагает мне приезжать по воскресеньям, примерно с двенадцати до двух. Она, как в школе, будет меня сначала спрашивать, а потом рассказывать новый материал и давать домашнее задание на следующую неделю.

Десять, а может быть, пятнадцать (сейчас точно не помню) подобных занятий, ровно по два часа каждый раз, провела она со мной, и где-то в начале мая, в дни празднования Победы в Великой Отечественной войне, она мне сказала, что я могу свободно сдавать экзамены и ее дальнейшая помощь вряд ли необходима. Я неумело и робко стал благодарить. Это были, пожалуй, первые мои слова, относящиеся к области чувств, за эти несколько месяцев регулярных встреч с ней. Она прервала меня:

— Не надо благодарить. Лучшей благодарностью для меня будет, если вы действительно поступите в вуз и... окончите его.

...Я искренне, безмерно благодарен многим своим учителям, помогавшим мне в том году, передо мной, как наяву, и сегодня встают их дорогие образы: нашего физика, больного, угрюмого на вид кавказца (доцента Аминуллы Максеновича Мирзоева. — *М. С.*), *заброшенного к нам не то из Западного Прикаспия, не то из Причерноморья, как потом выяснилось, по чьим-то злым и неправедным наветам; нашей учительницы математики* (Анны Михайловны Мирзоевой. — *М. С.*), *изможденной, преждевременно постаревшей женщины, обремененной большим семейством и мужем-инвалидом, настолько занятой, что я теперь удивляюсь ее терпению и выносливости».*

После нескольких месяцев тщательной подготовки Евней Букетов успешно сдал экзамены на аттестат зрелости. Конечно, сказался четырехлетний перерыв, оценки в аттестате были несколько ниже, чем он рассчитывал.

Первый этап поставленной матерью задачи пройден. Второй этап — поступить в высшее учебное заве-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

дение. Но куда пойти, какую профессию выбрать? Это необходимо было решить до наступления августа. Ему уже исполнилось двадцать лет, четыре года он работал учителем. Вообще был достаточно зрелым человеком, чтобы видеть перспективы своей будущей жизни. И выбрал он город Алматы неслучайно, там в то время был сосредоточен весь цвет национальной интеллигенции, слава о ее высших учебных заведениях дошла до самых окраин казахской степи. Он сразу же выбрал местом учебы — не университет, как он указывает в своей автобиографической книге, а единственное в Казахстане техническое учебное заведение — Казахский горно-металлургический институт (КазГМИ). Почему?

Не надо забывать, что прежде отсталая республика с кочевым скотоводством переживала стремительный взлет и к 1945 году уже превратилась в высокоразвитую индустриально-аграрную республику. Казахстан вышел на одно из первых мест в СССР по добыче и выплавке цветных металлов. Караганда стала третьей после Донбасса и Кузбасса угольной базой Советского Союза. Всему миру были известны гиганты цветной металлургии Рудного Алтая, Жезказгана, Балхаша и Чимкента. В республике были открыты богатейшие запасы нефти, свинца, меди, марганца, золота, серебра, хромитов. Большой вклад в освоение месторождений внесли казахстанские ученые и специалисты. На предприятиях полиметаллической и химической промышленности выросла целая плеяда своих инженеров, ученых, командиров производства, которые могли управлять этими отраслями промышленности. Всё это хорошо знал Евней Букетов, он же был с детства любопытным человеком, «ходячей энциклопедией», как прозвали его школьные друзья и учителя.

«Стихи великого Абая: "Будь разборчив в пути своем, / Если ты талантлив — гордись. / И надежным лишь кирпичом, / В стену строящуюся ложись..." как будто специально сказаны обо мне. К поступлению в горно-металлургический институт, видимо, подтолкнули меня эти крылатые слова», — говорил Евней Арыстанулы

Created by free version of 2PDF
BukeTOV University

своему земляку Мукашу Елеусизову, который учился в 1960-е годы в алматинской высшей партийной школе (газета «Северный Казахстан», 11 марта, 1995 год, «Незабываемая личность»).

«В нашем народе к ремеслу инженера, особенно горно-металлургической профессии, до сих пор неоднозначное отношение, — писал в воспоминаниях Евней Арыстанулы. — *Бытует мнение, что профессии металлурга и горняка — опасные, добыча ископаемых и их освоение очень вредны для здоровья... Когда я в 1945 году готовился к отъезду на учебу в Алма-Ату, к нам домой приехал младший брат отца Маутай-ага и сказал матери: "Ей, Бальтай, ты знаешь, куда твой сын едет поступать на учебу?" И дядя сразу же мне: "Ты брось такую вольность, не нужно нам, чтобы ты из-под земли добывал какие-то железяки, уголь и тому подобное. Как все аульные джигиты, выбери себе профессию учителя, агронома, зоотехника. Чуждой казахскому хозяйству профессии нам не надо, так что выполняй то, что я тебе сказал!" — заключил дядя свою назидательную тираду. Однако мать Бальтай тут же поддержала меня: "Нет, дорогой деверь, то, что мы узнали за всю жизнь, наверное, не сравнится с тем, что он вычитывает в газетах или в книгах за один день. Не будем ему перечить, пусть сам решает. Где бы ты ни находился, сын мой, будь здоров, пусть благословит твой путь Аллах! Поручаю Всевышнему твою судьбу!" — сказав, она предоставила мне свободу выбора...»*

Когда Евней Букетов отправился из Баганаты на учебу, он твердо знал, кем завтра станет. Его ссылки в автобиографической книге на повышенную стипендию в КазГМИ как решающий фактор в выборе будущей профессии — правдивы отчасти. Надо учесть вообще манеру его письма, его стиль изложения, в книге он постоянно подтрунивает над своими поступками, описывая их с высоты прожитых лет с веселым юмором и лукавыми намеками...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

По-моему, двадцатилетний возраст человека — самый интересный, важный и, конечно, он полон загадок. В этот период молодой человек, как говорил поэт, "и жить торопится и чувствовать спешит". Это время поиска, впереди много путей, а выбирать надо один и такой, чтобы потом не сожалеть.

Все пути жизни интересны, все профессии требуют знаний, вдохновения, воли. И еще, пылкое молодое сердце требует удовлетворения страсти, любви, чувств, разделенных близким другом. Если путь выбран правильно, думаю, впоследствии будет меньше ошибок, считай, что будущее твое будет плодотворным.

Евней БУКЕТОВ. Когда тебе двадцать лет. «Лениншил жас», 22 марта 1975 года

Created by free version of 2PDF

Глава 3

В АЛАТАУ ОН ОТПРАВИЛСЯ... ТОГДА, С ЮНОСТЬЮ ПРОСТИВШИСЬ НАВСЕГДА

I

Евней Арыстанулы в своей автобиографической книге подробно описывает, как, прежде чем отправиться в дальний путь, обошел всех — аксакалов и бабушек Баганаты. Этой традиции казахи придерживаются испокон веков. Есть неписаный закон предков: если издалека прибывает шестилетний мальчик, то шестидесятилетний старик обязан прийти к нему поздороваться; а если юноша отправляется в дальнюю дорогу, он должен обойти всех старших аула, получить от них благословение... А это был как раз такой случай — старший из шанырака покойного Арыстана надолго покидал родные места, уезжая в далекие предгорья Алатау, на учебу...

По понятиям аульчан он поступил не очень порядочно: ему следовало быть опорой матери, младшим братьям, вначале поставить их на ноги, да и оставлять девяностолетнюю бабушку на произвол судьбы — тоже

никуда не годилось. По всему видать, сетовали старшие, проучившись много лет в русской школе, он перенял там холодное отношение к своим домочадцам. Не думая о них, он отправляется на учебу на целых пять лет, и неизвестно, чем это кончится?..

От намерения учиться Евнея никто не смог отговорить. Мать сшила ему новую рубашку с короткими рукавами из голубой ткани. Евней надел ее и военные брюки-галифе, которые ему подарил родственник, положил учебники в солдатскую брезентовую сумку (тоже подарок земляка-фронтовика), накинул на плечи старую фуфайку. Перед дорогой он присел у порога дома, наказал обеим матерям, что с этой минуты главным лицом в их шанираке будет Камзабай и все житейские проблемы надо решать с ним. Камзабаю исполнилось семнадцать лет, он закончил седьмой класс и, прервав учебу в школе, работал в райцентре.

* * *

В своей книге «Шесть писем другу» Евней Арыстанулы скупо описывает первые годы студенческой жизни. Поэтому приведем лишь некоторые факты, и то взятые из официальных источников, сохранившихся в архивах института: почему-то абитуриент приехал в Алматы с опозданием на много дней (напомним, что в то время поезда с севера республики ходили в столицу Казахстана окружным путем; например, из Петропавловска надо было ехать в Новосибирск, а затем уж — по Турксибу в Алматы, значит, провести в дороге более пяти суток). Вступительные экзамены он начал сдавать 28 августа, а последний сдал лишь 6 сентября. По русскому языку и литературе, против ожидания, он получил — четверку, по математике письменно — тоже четверку, а устно — кое-как натянул на тройку; по физике — четверку. По химии также схватил тройку, по иностранному языку — тоже. Для бывшего отличника, одного из первых учеников Марьевской школы, — показатель, как видим, был не очень высоким... Но, невзирая на такие низкие баллы, он был принят в инсти-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тут: абитуриента выручило то, что в те годы в КазГМИ вовсе отсутствовал конкурс, экзамены устраивались для проверки знаний поступающих; принимали всех, кто подавал заявления.

Сначала в этом институте был лишь один факультет — геологоразведочный, в дальнейшем он стал Казахским горно-металлургическим институтом и был переведен в 1934 году из Семипалатинска в Алматы, в следующем году в нем открылись еще два факультета — горный и металлургический. В год поступления Евнея это единственное в Казахстане высшее техническое учебное заведение закончили 782 человека. Получив дипломы инженеров, все они выехали на заводы, рудники, шахты. Если бы не война, этот показатель был бы, по крайней мере, в два раза выше, потому что за четыре года из стен института отправились на фронт сотни студентов. Кроме того, резко сократился прием на учебу, а возвратившихся с фронта на студенческие скамьи было немного. Вместе с тем сохранившийся костяк преподователей института не ослабил учебный процесс, а по некоторым показателям опережал прежние темпы: например, в 1945/46 учебном году на дневном отделении в 39 группах обучались 748 студентов. Евней Букетов попал в группу — МЦ-45-1 (в технических вузах Советского Союза была принята такая шифровка в названиях групп, например, МЦ — значило, что в группе готовятся инженеры-металлурги по цветным металлам, следующая цифра обозначала — год поступления и последняя — номер группы). В это время в КазГМИ насчитывалось 25 кафедр, в них читали лекции 10 профессоров и 31 доцент...

После переезда в Алматы институту предоставили огромный пустырь на пересечении широкой улицы Головной арык (ныне проспект Абая) с проспектом Ленина (сейчас переименован в Достык). Здесь было несколько старых зданий, КазГМИ занял эти помещения, постепенно к ним прибавились два учебных и несколько корпусов общежитий, столовая, жилые дома для преподавателей и аспирантов. Все они были сооружены на скорую руку, не приспособлены для учеб-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ного процесса, не хватало в них и уюта, простейших удобств. Жили, как говорили тогда, в тесноте да не в обиде, на бытовую сторону не обращали особого внимания, все помыслы профессорско-преподавательского состава были нацелены на подготовку инженеров для растущей горнорудной и металлургической промышленности в республике. Разразившаяся война принесла новые трудности. Осенью 1941 года в институт для подкрепления из центра России, с Украины и берегов Балтики прибыли десятки профессоров и доцентов. Всех их кое-как обустроили, всем нашли сносное жилье. Конечно, пришлось уплотнить студенческие общежития — в них поставили двухъярусные кровати, таким образом, вместо четырех или шестерых человек в одной комнате размещалось в два раза больше. В следующем году по приказу Народного комиссариата цветных металлов СССР в Алматы был переведен Московский институт цветных металлов и золота, который объединили с КазГМИ. Численность студентов увеличилась в два раза, значительно возрос профессорско-преподавательский состав. Теперь здесь работали настоящие корифеи науки, авторы учебников, широко известные в Советском Союзе. В 1942 году КазГМИ получил статус вуза первой категории, сравнявшись с другими высшими техническими учебными заведениями Союза. И труд преподавателей теперь оплачивался по высшему разряду, стипендии студентов также были высокими Это резко повысило престиж Казахского технического вуза. Перед руководством города была поставлена задача: дополнительно изыскать жилье для сотен вновь прибывших преподавателей и студентов...

Автор этих строк поступил в КазГМИ, на тот же металлургический факультет в 1953 году, когда промышленность Казахстана, выполнявшая военные заказы, перешла на выпуск товаров народного потребления, а вокруг широким фронтом развернулось мирное строительство. Но, увы, несмотря на огромные перемены в республике, на громкую славу института, условия жизни, которые я видел своими глазами и испытал на соб-

Created by free version of 2PDF
Rudny University

ственной шкуре, были нелегкими. Занятия проходили в две-три смены, они начинались с восьми часов утра, а заканчивались иногда в девять вечера. В аудиториях не хватало мест, мы ездили готовиться к зачетам в публичную библиотеку города. За неделю занимали очереди в чертежном зале. Кое-как заполучив чертежную доску к вечеру, до утра просиживали за выполнением курсовых заданий. В столовой было не протолкнуться. К счастью, для всегда полуголодных студентов, на улице Головной арык, где она сейчас упирается во Дворец Республики и где установлен памятник Абаю, в то время стояли многочисленные общепитовские ларьки, прозванные «американками», в которых продавались дешевые чебуреки. В половине одиннадцатого звенел звонок на большую двадцатиминутную перемену, и мы гурьбой мчались к этим «американкам»...

Евней Арыстанулы поступил в КазГМИ на восемь лет раньше меня. Понятно, что в годы его учебы положение было еще более незавидное. Время-то было послевоенное. Рабочих рук не хватало. Производства едва поднимались. Это можно было наблюдать и в тогдашней столице Казахстана. Хлеб и другие виды продовольствия выдавались по карточкам, цены на рынке были баснословными. Найти где-нибудь приличное жилье было невероятно сложно. Правда, институт заключал договоры с частниками, обеспечивая таким образом своих питомцев, которым не доставалось места в общежитии, — квартирами, выдавала постельные принадлежности. На первом курсе и Евнею Букетову, у которого в городе не было знакомых и близких, приходилось ютиться в одной из таких квартир (кстати, я и мои сокурсники также прошли через такие жилища, обычно похожие на дровяные сараи, которые мы называли «курятниками»).

Камзабай БУКЕТОВ. «Друг мой, брат мой»:

«После первого курса он приехал на каникулы. На нем — военная гимнастерка из дорогого материала, подпоясанная широким офицерским ремнем, хорошие офи-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

церские брюки-галифе, хромовые сапоги. В руках клеенчатый чемодан, в общем, по тому послевоенному времени он был одет с шиком. Оказывается, один из его довоенных друзей, фронтовик-офицер Каиржан Рыспаев, был проездом в Алма-Ате. И, увидев, во что одет Евней — студент высшего учебного заведения, подарил все это из своих армейских запасов. Когда брат собрался обратно туда, он оставил мне гимнастерку, брюки и ремень. Я долго носил их и, конечно, только по праздникам...»

Среди студентов немало было фронтовиков. В документальной книге, вышедшей к 50-летию КазГМИ, приводятся такие данные: в первые месяцы войны из стен института на фронт добровольно ушли 200 студентов, 22 преподавателя и 3 сотрудника; таких добровольцев было немало и в последующие годы... Из них 45 человек погибли на полях сражений, шестеро студентов стали Героями Советского Союза. Многие фронтовики после победы вернулись в родное учебное заведение. В 1945—1949 годах в институте обучались 302 студента-фронтовика из тысячи студентов пяти курсов, то есть около одной трети всего студенческого состава. Е. А. Букетов в своих воспоминаниях «Первое занятие» писал: «В год, когда закончилась Великая Отечественная война, поступившие на учебу были в возрасте от 18 до 35 лет. Взрослые, среднего возраста, уже семейные, имевшие детей сидели рядом с нами, с безусыми юношами...»

Дирекция института и весь коллектив преподавателей к фронтовикам-студентам, вернувшимся живыми и здоровыми, относились с особым уважением: считали, что право учиться в престижном учебном заведении они заслужили тем, что проливали кровь в боях. За четыре года войны ветераны многое подзабыли, и все без исключения старались помочь им нагнать упущенное. Эти возмужавшие и закаленные в битвах люди показывали молодым пример настойчивости и упорства в овладении знаниями.

Один из них — Орынсеит Нурекин (в книге «Шесть писем другу» он назван — Баекином). Закончив пер-

Created by free version of 2PDF
Библиотека университету

вый курс военно-морского училища, он прервал учебу и ушел на советско-финскую войну, а затем все четыре года сражался на фронтах Великой Отечественной. Нурекин демобилизовался осенью 1946 года и сразу же приехал в Алматы. К тому времени прием студентов на первый курс уже закончился. Надеясь на снисхождение, орденоносный фронтовик зашел в кабинет директора КазГМИ, профессора М. К. Гришина. Выслушав боевого офицера, тот сказал: «Все предметы, которые изучаются на первом курсе, вы прошли семь лет назад. Поэтому я вас приму на второй курс. Обстрелянному в боях фронтовику преодолеть программу за два курса, думаю, будет под силу. Конечно, все зависит от ваших усилий и воли...» Так Орынсеит Нурекин становится студентом второго курса металлургического факультета. Понятно, что учиться ему было нелегко...

«Из тех, кто мне помогал, это Евней, — писал в своих воспоминаниях Орынсеит Нурекин. — *Из-за нехватки мест в общежитии мы жили в одном доме одного учреждения на улице Калинина. Кровати были двухъярусные, в одной комнате жили по 30—40 человек. После лекции готовиться к занятиям в общежитии не было возможности, некуда поставить стол, стулья. Место подготовки к занятиям — публичная библиотека. И вот с такими трудностями я кое-как закончил второй курс.*

Когда начался третий курс, мы стали жить в новом общежитии (во дворе института, 6-й корпус), построенном силами студентов. Комнаты были лучше, чем прежде, в нем было два этажа. Жили вчетвером в одной комнате: Евней Букетов, Жанабатыров Есентай, Федор Вернигор и я...

В то время продукты питания отпускали по талонам. Не хватало всего. Сами по очереди готовили пищу. Евней не умел, и когда подходила его очередь, всегда говорил: "Вы мне дайте какое-нибудь другое поручение", — и начинал искать причину, чтобы не готовить. Они все, молодые, были не привычны еще к общественной жизни, я их начал приучать, чтобы в комнате была чистота,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

чтобы ходили в опрятном виде, утром как встали — так убирали свою постель. Что хорошо, к моим строгим требованиям они прислушивались. Были очень дружными, как дети одной семьи.

По сравнению с нами Евней во многом нуждался, он плохо одевался, постоянно носил старую, износившуюся одежду. У меня была ткань, полученная на талоны, так называемое пионерское сукно. Из этого материала Федя Вернигор сшил Евнею неплохой костюм. Этот костюм он носил до окончания института. Однажды смотрю на его обувь: кирзовые сапоги до того износились, что даже невозможно их ремонтировать. Моя обувь, которую носил на бокс, как раз пришлась ему впору...»

Будни тех лет Е. А. Букетов так описывает в письме младшему брату Еслямбеку:

«Студенческие годы. Покойная Бальтай вдвоем с Камзабаем иногда присылали мне продуктовые посылки. Зачастую там было домашнее сливочное масло, его я не ел, нес на базар, на вырученные деньги покупал чай, высылал им в Баганаты. В одной из таких посылок в масле завелись черви, видимо, его не совсем просолили (помнится, это была осень 1947 года). То масло растопил на электроплите, топленку продал на базаре. Опять же купил чаю и отправил домой. Месячный заработок Камзабая — 300 рублей, а у меня стипендия более трехсот рублей. Мать шьет одежду и чаще всего бесплатно, иногда какая-нибудь сердобольная душа отблагодарит деньгами или вещами, она и этим довольна, что заработала. Зная честную, бескорыстную натуру матери, ясно представляю их положение, но Камзабай постоянно в своих письмах пишет, что у них почти райское житье, всего в достатке, этой надуманной похвальбой он поддерживает меня духовно. Во время летних каникул после второго курса мы двоем с ним накосили сена, сложили в поле в скирду и оставили до осени. Зимой при перевозке у Камзабая отобрали это сено, якобы мы накосили его на колхозном поле (это сделал наш родич по имени Карашолак, брат тебе известного Кубая, он был ярым активистом в колхозе). Камзабай пережил немало мук, по край-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ней мере, не меньше моего, чтобы как-то прокормить вас. Какие бы трудности ни испытывал, он ни разу не писал мне: "Прерви учебу эту окаянную..." Отсюда делай заключение, что до середины пятидесятых годов наша жизнь была очень тяжелой...»

II

Первые выпускники металлургического факультета, их было всего 25 человек, получили дипломы в 1940 году. Когда поступил на этот факультет Евней Букетов, уже состоялся шестой выпуск инженеров-металлургов. К этому времени здесь сложились определенные традиции.

Процесс подготовки высококвалифицированных кадров сложен и длителен. На это уходят годы. Для этого требуются настоящие наставники, подлинные энтузиасты своего дела. Фундамент первого казахстанского технического вуза закладывали именно такие незаурядные, широко образованные педагоги, видные ученые-металлурги. Первым деканом факультета был доцент В. И. Лукашов, после его ухода добровольцем на фронт обязанности декана исполнял второй доцент этого факультета А. И. Лайнер (впоследствии доктор технических наук, профессор, признанный специалист в области металлургии легких металлов). В 1945/46 учебном году на этом факультете преподавали известные в то время профессора: В. И. Трушлевич, Х. К. Аветисян, Ф. М. Лоскутов, В. В. Стендер... Здесь же в годы войны и послевоенные работал крупный специалист того времени профессор В. А. Ванюков (в 1930-е годы он был научным экспертом Наркомата тяжелой промышленности СССР; нарком и член Политбюро ЦК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе очень высоко ценил его рекомендации).

В те годы на факультете было шесть кафедр. Профессор В. В. Бутов возглавлял кафедру общей и аналитической химии. Кафедрой металлургических печей и технического оборудования производства цветных ме-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

таллов руководил профессор Б. Н. Резников, эвакуированный с Украины. Ведущим подразделениям факультета, таким как кафедры цветных, тяжелых, драгоценных и редких металлов, ставились особые задачи: именно здесь будущий инженер постигал азы производства, секреты плавок металлов...

КазГМИ, как и пять родственных ему институтов Союза, подчинялся Наркомтяжпрому (позднее Министерству цветной металлургии СССР), и высокопоставленные чиновники, работавшие в этом ведомстве, с учетом запросов действовавших в стране заводов, рудников и геологоразведочных служб на инженеров регулировали подготовку специалистов в этих шести вузах. В вузы каждый год спускался конкретный заказ на инженеров того или иного профиля, от чего зависело и количество принимаемых студентов. Скажем, кафедра благородных и редких металлов, руководимая доцентом Б. Н. Лебедевым, готовила небольшие группы инженеров, которые в будущем должны были работать только на выплавке из руды золота, серебра и платины. Образованной в 1939 году кафедрой «Электрометаллургия и физическая химия цветных металлов» руководил доктор технических наук, член-корреспондент АН КазССР, профессор В. В. Стендер. Самой крупной на факультете была кафедра тяжелых цветных металлов (свинец, цинк, медь, никель и другие элементы), так как почти все металлургические заводы СССР выплавляли эти металлы. Эту кафедру в нашем институте возглавлял профессор Х. К. Аветисян.

Доктор технических наук, профессор Хосров Курганович Аветисян был эвакуирован в Казахстан с Кавказа. В КазГМИ он руководил лабораторией цветных металлов Научно-исследовательского института металлургии и обогащения, основанного в годы войны в составе Казахского филиала АН СССР. На первом же учредительном собрании АН Казахской ССР (июнь 1946 года), он был избран членом-корреспондентом и получил одним из первых среди ученых Казахстана звание заслуженного деятеля республики в области науки и техники. Коллеги считали его крупнейшим тео-

Created by free version of 2PDF
Viktor Ukrainsky

ретиком металлургии цветных тяжелых металлов, главный труд Х. К. Аветисяна «Основы металлургии» в 1940—1980 годы был основным учебником по металлургии, его, как говорится, изучали от корки до корки во всех технических вузах СССР. В 1950-е годы этот труд был переведен на несколько иностранных языков.

Хосров Курганович читал лекции лишь третьему курсу, когда студенты нашего факультета приступали к постижению основ будущей профессии. К сожалению, в начале 1954 года, когда мы учились на втором курсе, он трагически погиб. Говорили, что его убили в собственной квартире какие-то бандиты-воры.

Евней Букетов после первого курса со своей группой был направлен в Прииртышье, на двадцатидневную практику, которая проходила на Лениногорском (ныне Риддерском) и Иртышском заводах, где выплавляли черновую медь и свинец. Во время практики студенты побывали и в Усть-Каменогорске, где познакомились со старым и новым производством выплавки свинца и цинка, где наблюдали работу профессиональных металлургов, которые выглядели, как сказочные богатыри в огненной стихии на площадках печей. Формулы, чертежи, описания оборудования, технология плавок, которые целый год они изучали в аудиториях института, теперь как бы ожили. В одном цехе, зачаровывая зеркальным блеском, бежал ручеек жидкого свинца, в другом — из ванны с раствором вынимались металлические листы цинка. Золотом и красными сполохами сверкала в огромных ковшах жидкая медь... Все это, увиденное первый раз в жизни, ошеломляло, оставляло незабываемые впечатления. Во время экскурсии всем студентам раздавали респираторы для защиты дыхательных органов от вредных газов. А войлочные или суконные костюмы, шапки и рукавицы, которые постоянно носят рабочие металлургических цехов, — лучшая защита от невыносимой жары, особенно когда восемь часов подряд стоишь у огнедышащей печи. Словом, студенты при первом же посещении металлургических заводов поняли, насколько опасна и сложна избранная ими профессия...

Created by free version of 2PDF

Через год у студентов металлургического факультета была вторая производственная практика на действующих казахстанских заводах. Их разделили на группы по 10—15 человек. Перед ними ставилась задача поработать на этих заводах месяц-другой, познать технологию получения того или иного цветного металла, участвуя в одной из операций разделения рудного концентрата. Это давало возможность будущему специалисту на деле применить знания, полученные в институтских аудиториях. Производственную практику в 1947 году Евней Букетов прошел на знаменитом Балхашском медном комбинате, построенном в годы второй сталинской пятилетки на берегу озера Балхаш — Голубого моря, как издавна называли его казахи. На этом комбинате он работал целых два месяца, наверное, заслужил хорошее вознаграждение, потому что своим домочадцам в Баганаты он привез кучу денег.

В конце следующего курса он отправился уже в третий раз на производство. На этот раз на Чимкентский свинцовый завод. Кстати, такая переориентировка предусматривалась учебным планом, делалось это для того, чтобы будущий инженер имел ясное представление о всех казахстанских металлургических заводах. Евнею предстояло самому выбрать себе профессию, по которой хотел бы специализироваться. Каждый практикант по возвращении должен был представить письменный отчет о технологии получения металла на заводе, о работе цеха, где трудился летом... За три года учебы Евнею Букетову удалось познакомиться почти со всеми действующими металлургическими заводами, которые были расположены на востоке, в Центральном Казахстане и на юге республики. И, конечно, эти поездки значительно расширили кругозор любознательного джигита. Молодой человек, до этого видевший лишь как пашут и сеют в поле, как собирают юрту, как запрягают лошадей и пасут баранов, буквально впитывал в себя все новое, что ему попадалось на глаза.

Он уже понимал, что стать настоящим инженером-металлургом сможет не каждый. Для этого нужно, как таблицу умножения, знать всю технологию производ-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ства, быть способным безропотно переносить адскую жару, в любых ситуациях сохранять самообладание и выдержку. Ведь придется ежедневно часами вкалывать вместе с плавильщиками у огнедышащих печей, где кипит горячий свинец и откуда течет жидкий, как вода, поток шлака, окутанный едкими клубами вредного для дыхания сернистого газа... Некоторые его сокурсники, пару раз побывав на этих заводах, решили перевестись в другие институты, разумеется, придумав для ухода благовидные предлоги.

Букетов же, наоборот, чем больше углублялся в производство, тем больше убеждался, что правильно выбрал профессию. Каждый курс он заканчивал с хорошими оценками. Эти успехи отражены в приложении к его диплому: только по двум предметам — тройки («Общая химия» и «Механизмы по поднятию на высоту и транспортировке грузов»), а пятерок — около тридцати, лишь по двенадцати предметам — четверки.

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Если честно сказать, с самого поступления в институт я думал о том дне (мне постоянно тот день снился), когда я стану инженером, поеду работать, получу квартиру, заберу к себе мать и братьев, создам им условия для нормальной жизни (с этой мечтой я учился и жил все время). И, конечно, необходимы были какие-то посторонние усилия, чтобы что-то противопоставить этой мечте, чтобы заронить в мою душу семя антимечты.

И здесь я должен рассказать о человеке, который сыграл в моей жизни такую роль. Он впервые дал мне понять, что кроме производственной, инженерной работы есть еще научная работа и что научным трудом могут заниматься и такие молодые люди, каковым в то время являлся я. Владимир Фридрихович руководил так называемой выпускающей кафедрой, на которую студент приходил уже на старших курсах и оформлялся там как специалист. Поэтому почти до окончания третьего курса профессора Пенера (речь здесь идет о профессоре В. В. Стендере. — *М. С.*) *приходилось видеть только издали...Однажды мне сказали, что вызывает к себе про-*

Created by free version of 2PDF

Rudensky university

фессор Пенер. Оказалось, что вызывал он не только меня одного, а нескольких студентов из тех, кто попал при распределении на его кафедру...

— Теперь вы пришли на кафедру, откуда, как говорят, выпорхнете специалистами. И нам надо сейчас поговорить, чем и как будем заниматься, вплоть до предварительного определения темы дипломного проекта. Это нельзя оставить на потом, молодые люди...

После этого он спросил:

— Пробовали ли вы участвовать в кружках, думать в научном плане над какой-либо проблемой?

Я напрямик ответил, что этого не было, потому что никто подобных заданий не давал. Это вызвало у него улыбку, которую я тогда не понял. Теперь же я думаю, что он улыбался моему простодушному признанию в том, что я приучен работать только по заданию. В конце беседы он вынул из стола брошюру и, назвав имя известного ученого, сказал, что книжка является частью его докторской диссертации и что он просит меня внимательно прочитать, не торопясь, свести содержание в конспект.

Дело в том, что я на основе своих знаний, после тщательного просмотра брошюры, решил покритиковать некоторые положения этой книги. Я был уверен, что действительно обнаружил в ней существенные недостатки, и критиковал ехидно, с чувством превосходства. Доцент Гулах, давший краткую рецензию на мой первый "научный труд", написал, что студент Букетов показал себя умеющим изучать научную литературу, подходить критически к исследовательскому материалу. Однако студенту впредь необходимо быть очень осторожным в критических оценках, более тщательно и всесторонне изучать объект критики, ибо в данном случае он не совсем правильно понял критикуемые положения и его критика, по существу, относится к версии, вытекающей из заблуждения рецензента, а не к той подлинной версии, которая присутствует в обсуждаемой книге.

Когда я прочитал деликатно написанную рецензию, то понял, что научная работа не для меня, и было мне так стыдно. Но утешил себя тем, что не собираюсь быть научным работником.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Хотя в жизни, оказывается, бывают такие повороты, и этот реферат сыграл в дальнейшей моей судьбе такую роль, которой я не ожидал.

...На четвертом курсе кафедра профессора Пенера стала для нас уже своей. Мы здесь проводили много времени, выполняя лабораторные работы. Он посещал лабораторию, подходя к каждому из нас, расспрашивал о работе. Мы его визитов и ждали, и боялись, потому что надо было говорить что-то конкретное в ответ на его расспросы, а дела у многих из нас ладились не сразу. Тем не менее мы этими лабораторными работами гордились и занимались с увлечением, потому что они выполнялись не по шаблонной прописи, а по специальному плану, разработанному преподавателями кафедры и утвержденному самим профессором.

В книге «Шесть писем другу» Евней Букетов с особой теплотой пишет, как уважаемый ученый однажды пригласил его к себе домой, и вечером за чашкой чая они беседовали о будущей жизни. Во время разговора профессор подошел к книжным полкам, достал довольно толстую книгу, автором которой являлся сам, и подарил ее Евнею.

«Мне довелось впервые стоять рядом с автором такого капитального печатного труда, — пишет Евней Арыстанулы. — *Потом он достал еще несколько книг объемом поменьше, автором которых был тоже он, я был вообще поражен этим. В конце профессор вынул из стола толстую папку, исписанную густым, твердым, отчетливым почерком хозяина. Это была, как он пояснил, рукопись новой книги, над которой он работал уже почти восемь лет. Я удивился тому, как буднично и просто профессор сказал об этих восьми годах».*

Профессор рассказывал о себе: он родился в семье научных работников, под влиянием родителей начал увлекаться химией; знал массу подробностей о становлении и развитии научных учреждений, вузов Ленинграда. В 1939 году по заданию правительства он приехал в Казахстан для организации в новом институте кафедры металлургии редких металлов... Это оказалось

Created by free version of 2PDF
Viktoy University

более сложным делом, чем он предполагал, потому что все делалось на голом месте, и собрать всех тех, кто сейчас преподает, было не просто. Казахские степи богаты разнообразными полезными ископаемыми. Очень дорогие, редко встречающиеся металлы не выделяются, безвозвратно уходят в отвалы. Стоит подумать, как их использовать в будущем. Это перспективная тема для научных поисков — было бы лишь желание.

Профессор привел в пример представителей нашего народа, сыгравших выдающуюся роль в развитии науки в республике, в частности академика-геолога, президента Академии наук.

« — Я пригласил вас не для того, чтобы рассказывать о себе, — сменил тему беседы хозяин дома. — *Это, как говорится, присказка. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что существует Академия наук республики, открываются новые вузы, партия борется за то, чтобы в каждой республике интенсивно развивалась национальная наука. Поэтому мы должны приложить максимум усилий, чтобы выращивать научные кадры из коренного населения. В этой области науки, которой занимаюсь я, пока еще немало трудностей. Первая трудность — не каждому предложишь заниматься научной работой. Вторая — требуется большое трудолюбие, без него успехов в научной работе не будет. Есть еще одна трудность. В науке новое открытие не так просто приходит, для того чтобы что-то доказать и достичь цели, иногда требуются десятки лет. Это может выдержать только человек, преданный науке. Четвертое — если бы вы, молодой человек, не теряя времени, с сегодняшнего дня занялись бы наукой, было бы отлично. По этому поводу ваш мыслитель Абай сказал: "Бестолково учась, я жизнь прозевал. Спохватился, да поздно, вот он — привал!.."*

Профессор чуть грустно посмотрел на меня, — продолжает Евней Арыстанулы, — *и, по-видимому, заканчивая свою речь, подытожил:*

— Все это я говорю к тому, что... вы уже, наверное, начали догадываться... что хочу вас, если вы согласи-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тесь, рекомендовать к себе в аспирантуру. Как вы на это смотрите?

Увидев, что я призадумался, профессор ушел из комнаты... Что надо сказать? Мне действительно надо было хоть немного подумать, настолько было неожиданным предложение. Это предложение разрушило все, что было заранее запланировано и обдумано. И вот теперь милый профессор Пенер предлагает мне остаться в аспирантуре, уже уверен в том, что не откажусь от его предложения, ибо почему бы он стал делать слишком прозрачные намеки на то, чтобы я не вел себя, как тот его аспирант, которого кровь предков призвала бездельничать... Профессор имел, конечно, достаточно сведений обо мне от руководства факультета, от преподавателей, иначе он не вел бы со мной такие серьезные переговоры. И, когда вернулся хозяин и сел на свое место рядом со мной, я сказал: "Вам виднее, я сделаю так, как вы скажете".

Так я решил свою дальнейшую судьбу...»

Завершен четвертый курс. В своей автобиографической книге Евней Арыстанулы пишет, что после этой беседы он был у заведующего кафедрой редких металлов еще дважды. Первый раз, чтобы определить тему дипломной работы и посоветоваться, где ему проходить последнюю производственную практику, второй раз — сдавал экзамен по предмету, который преподавал профессор. На экзамене получил высокую оценку, а для дипломной работы профессор предложил совершенно новую тему. Зная, что это будет каторжный труд, подобный сооружению египетских пирамид, дипломник все же не стал просить заменить тему на более легкую. Должно быть, здесь взыграло самолюбие студента-отличника, ему хотелось оправдать надежды своего руководителя, доказать, что он способен покорить и такую вершину, которую еще никто не покорял. Постепенно он увлекся, тема захватила его целиком.

Темой, предложенной профессором В. В. Стендером, Евней Букетов занимался более полугода. Назы-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

валась она: «Проект алюминиевого завода с выпуском высокочастотного металла, полученного электролитным способом». Такого производства в Казахстане в то время не было (нет и поныне). Поэтому дипломнику пришлось искать его за пределами республики. Подобный завод, где можно было собрать необходимый материал, он нашел на Урале. На Уральском алюминиевом заводе, построенном в годы третьей пятилетки, он пробыл несколько месяцев. Вернувшись, Евней Букетов летом 1950 года защитил свой проект. Комиссия оценила его дипломную работу на «отлично».

III

Годы, когда Евней Арыстанулы учился в Алматы, были периодом духовного подъема, расцвета национальной культуры. Интеллигенция столицы зачитывалась первыми двумя книгами эпопеи «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, уже удостоенного Сталинской премии, в Казахском театре оперы и балета имени Абая главные сольные роли исполняла знаменитая на весь Союз, дважды лауреат Сталинской премии Куляш Байсеитова, создавшая яркие реалистические образы в музыкальных драмах и операх «Кыз-Жибек», «Абай», «Чио-Чио-Сан» и других, кумиром зрителей был молодой певец этого театра Ермек Серкебаев. В столице существовало уже несколько театров: русско-казахские драматические (ныне им. М. Ауэзова и им. М. Лермонтова) и театр юного зрителя, Государственный театр оперы и балета им. Абая, филармония, национальный оркестр им. Курмангазы. В творческих коллективах трудились замечательные мастера, основоположники национального искусства, которые ныне составляют славу казахской театральной и музыкальной культуры.

...Неустроенность быта, недостаток питания, даже мизерные стипендии не мешали студентам алматинских вузов наслаждаться игрой чародеев искусства, быть в гуще культурной жизни города. Студенческая

Created by free version of 2PDF
Buketov University

молодежь тех лет умела отдыхать и веселиться. Не побывать хотя бы один раз в месяц в театре, пропустить очередную премьеру драматического театра или постановку классической оперы — считалось позором. Домоседу сразу навещивался ярлык отсталого человека и скряги. Бывало, тот же профессор Аветисян начинал свою очередную лекцию по металлургии с вопроса: «А ну-ка, поднимите руки, кто вчера побывал на новой постановке оперного театра "Чио-Чио-Сан". Как Элла Епонешникова замечательно пела арию мадам Баттерфляй. Изумительно!..» Если никто не поднимал руку, Хосров Курганович огорчался по-настоящему: «Очень жаль, молодые люди, что вы любите лишний час поспать, я не учел вашу лень, извините уж!» Подобные вопросы задавал не только профессор Аветисян, но и другие преподаватели КазГМИ (среди нас, студентов 1953—1958 учебных годов, ходил слух о том, что как-то член государственной экзаменационной комиссии срезал одного дипломника вопросом: «Сколько раз за пять лет учебы вы побывали в театре, какие спектакли смотрели за студенческие годы?»).

И вот у нашего героя повествования начали проявляться странные пристрастия: он не пропускал ни одного литературного вечера, что проходили в аудиториях Казахского педагогического института имени Абая, находившегося на той же улице, что и КазГМИ. В КазПИ встречи с поэтами и писателями стали традицией. К тому же в этом институте учились земляки Евнея, а потом он заимел там близких друзей. На первых порах был внимательным слушателем, но, заражаясь происходящим, стал задавать каверзные вопросы, после чего вспыхивали горячие споры.

В своих воспоминаниях о Сабите Муканове под названием «Он писал просто и доступно, а говорил всегда легендами», опубликованных впоследствии в избранных произведениях, Е. А. Букетов пишет: «Весна 1946 года. Нам удалось выследить, где будет выступать Сабе, чтобы хоть один раз увидеть, услышать его. Узнав, что состоится встреча с ним в республиканской центральной библиотеке имени А. С. Пушкина, мы с

Created by free version of 2PDF
Виртуальный

Кажикумаром Куандыковым, впоследствии ставшим известным искусствоведом и критиком, пришли сюда заранее и расположились ближе к трибуне. Сабе больше двух часов увлеченно говорил о становлении казахской литературы, о своем творчестве, отвечал на многочисленные вопросы и даже не забывал развлечь слушателей своими шутками. Кажикумар задал вопрос: "Сабит-ага! Скажите, как вы думаете, читатели больше читают ваше первое произведение 'Загадочное знамя' или написанное Вами позже 'Сырдарью'?" Кажикумар вообще любил задавать всем такие коварные вопросы. Сабит-ага, немного замешкавшись, ответил: "Эй, балашка*, на этот вопрос сам должен дать ответ. Честно говоря, я сам больше люблю 'Загадочное знамя'... В старину старики больше любили самого младшего, родившегося от токал**, в отличие от тех стариков я больше люблю своего первенца..."»

Частые посещения литературных вечеров, встречи с известными деятелями литературы и искусства расширяли взгляды молодых на мир, природу, окружающую действительность, помогали общему развитию. Романом одного из признанных корифеев казахской литературы Сабита Муканова «Загадочное знамя» Евней зачитывался еще в школьные годы. С юношеско-романтической увлеченностью когда-то пытался перевести его на русский язык, тем более родные места знаменитого писателя находились недалеко от их аула Алыпкаш. Об этом же Евней Арыстанулы пишет в своих воспоминаниях: «Осенью 1946 года мой друг Турсун Уалиханов, приехав в Алматы, пришел ко мне в общежитие. Поздоровавшись, он сказал: "Одевайся поприличнее, мы с тобой пойдем домой к Сабит-ага". Отец Турсуна — Идирис (сын родного брата Шокана, Макы Уалиханова) был приятелем с писателем, они жили когда-то в одном доме, были добрыми соседями. Поэтому отец поручил Турсуну: "Не возвращайся домой, не увидевшись с почтенным писателем". Сабит-

---

* Малыш.

** Младшая жена, более молодая, чем первая.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ага в то время жил по улице Артиллерийской (ныне Курмангазы). Пришли. Было вечернее время, хозяин, усадив нас в своем рабочем кабинете, начал говорить: "Е, балашки, живы-здоровы? Откуда вы, не узнал я вас?" — и тут же в доме погас свет... Для нас зажгли свечи, и мы продолжили разговор...»

Увлечение театром для восприимчивого, все схватывающего на лету джигита не прошло даром. Он не просто с восторгом созерцал и запоминал все происходящее на сцене, но как-то особенно наслаждался мастерством исполнителей, слушая их с упоением, отдыхал от ежедневных забот. Ему в театре было весело и радостно, Евней не пропускал выступлений своих любимых артистов — корифеев казахского искусства: Куляш Байсеитову он вообще обожал, голос ее был неподражаем, божествен. Бедный студент КазГМИ всякий раз после посещения оперного театра возвращался в общежитие воодушевленным. Когда в «академтеатре», так назывался Казахский драматический театр в то время, он видел игру таких мастеров сцены, как Калибек Куанышбаев, Серке Кожамкулов, Елубай Умирзаков, Камал Кармысов, Хадиша Букеева, Шакен Айманов, и других, сердце его билось в восторге, чувства переполняли грудь, и, казалось, будто сказочная сила поднимала его ввысь на крыльях мечты и песни. В те годы в этом театре была замечательная традиция: в осенние месяцы в течение трех-четырех дней давались спектакли по пьесе В. Шекспира «Укрощение строптивой» на казахском языке, в прекрасном переводе Мухтара Ауэзова. Роль жениха Петручо играл Шакен Айманов, строптивой красавицы Катарины — Хадиша Букеева. В сценах этого спектакля в ответ на капризы Катарины: «А что на шлеме — петушиный гребень?» Петручо дает ей такую отповедь: «Ни за кого другого ты не выйдешь. Рожден я, чтобы укротить тебя. И сделать кошку дикую — котенком, обычной милою, домашней киской... Так велит твой отец. Отказывать — не вздумай! Я должен мужем быть твоим — и буду!..» Разве можно забыть этот монолог, произносимый пылким, страстным голосом с грозным

Created by free version of 2PDF
Rykelov University

выражением лица бесподобного Шакена Айманова и не менее зажигательную, интригующую игру Хадишы Букеевой, истинной красавицы в жизни и на сцене?! Нет, конечно, и вполне объяснимо, почему алматинские театралы ходили на эти спектакли по многу раз. В том числе — Евней Букетов, за компанию тянувший за собой и своих сверстников. Это зрелище никого не оставляло равнодушным. А тех, кто приехал в столицу Казахстана за знаниями, после обыденной и скучной аульной жизни, эти спектакли поражали необыкновенной гармонией, фантастической красотой, поэзией чувств, торжеством и трагедиями любви.

Абдильда ТАЖИБАЕВ, народный поэт Казахстана. Из книги «Воспоминания»:

«Если память мне не изменяет, в июне 1947 года мы, человек десять писателей с семьями, жили в доме отдыха Совмина, по-домашнему расположившись в дачных домиках...

— Вот летнее пристанище вашего брата, — раздался голос Шахмета (Кусаинов. — *М. С.*). *Тут же к нам зашли и поздоровались Букетов Евней и Шахмардан Есенов. Поприветствовав, я попросил их сесть.*

— Вот два студента жаждут встретиться с тобой. Один — шурин тебе, другой же — брат. Пиши расписку, что получил их в полном здравии, — Шахмет, по своей привычке, все делавший быстро и шутливо, криво водрузив кепку на голову, по какому-то срочному делу поехал обратно в город...

Мы втроем пошли к расположенной чуть повыше двухэтажной даче, где жил Мухтар Ауэзов. На веранде сидели трое: Мухтар, Габит, Габиден (Ауэзов, Мусрепов, Мустафин. — *М. С.*).

Габит, скорее восхищаясь заметно высоким ростом молодых, пошутил:

— Он привел одних великанов, наверное, нас устрашить хочет...

— Вид у них не такой уж грозный, вроде бы смирные парни, — улыбнулся Габиден.

Created by free version of 2PDF

С почтением поздоровавшись со знаменитыми старшими, двое высокорослых джигитов встали рядом... Сидевшие за столом писатели смотрели на них с восторгом, как будто ждали еще чего-то необычного от будущих инженеров.

— Я знал русского инженера, который наизусть читал "Грозу" Островского, — вымолвил Габит.

— В среде русской интеллигенции такая традиция существует с давних пор, — поддержал его Мухтар. — В Ленинграде был у меня друг — химик, который самозабвенно читал наизусть "Дядю Ваню" Чехова от начала до конца...

— Вы, наверное, хотите вдвоем замучить моих братишек, — заступился я за молодых гостей.

— Дорогой жезде, не надо нас защищать. Мы тоже не лыком шиты, — сказал Евней, вызывающе посмотрев на своего друга... И, тут же встав, как бы на сцене, поклонился Шахмардану. Сам же изобразил Нысана Абыза**... и начал декламировать его монолог: "Отважный джигит мой, ты ростом, как возвышенный пик горный, а лицо твое яркое, как у птицы райской, кто ты такой, удививший меня?" Его друг, не замешкавшись, тут же изобразил Кебек-батыра, как истинный артист, и грозным, богатырским голосом ответил словами Мухтараага. Их чтение отрывка из драмы "Енлик-Кебек" продолжалось недолго и исполнено было с блеском, притом молодые студенты политехнического института ни разу не ошиблись, не пропустили ни одного слова, как профессиональные исполнители этих ролей.*

— Замечательно получилось, дети мои! — произнес Мухтар, встав с места, он крепко поцеловал двух великанов.

— Как будто они родились для ролей Абыза и Кебека! Настоящие степные богатыри! Даже если специально искать, не найдешь такой идеальной пары для сцены. В степи — истинные горняки, в городе — вот такие фанаты искусства, разве не так, друзья мои?!»

---

* Зять, муж сестры.

** Один из персонажей классической драмы М. Ауэзова «Енлик-Кебек».

Created by free version of 2PDF

Воспоминания старейшего поэта, который в то время, когда происходили эти события, по возрасту годился им обоим в отцы, — невольно наводит на мысль, что два будущих академика, впоследствии ставшие достойными соратниками великого Каныша Сатпаева (Евней Арыстанулы был чуть старше своего друга, хотя Шахмардан Есенулы учился на геологоразведочном факультете КазГМИ на один курс выше его), уже тогда выделялись среди своих сверстников не только знаниями, но и высокой духовной культурой.

Рахманкул БЕРДИБАЙ, академик НАН РК:

«В 1945—1946 учебном году я учился на первом курсе КазГУ. Проживал в университетском общежитии, которое находилось по улице Калинина, 115. Однажды в нашу комнату пришел рослый, бледнолицый парень. Познакомились. Оказался студентом горного института. Он был земляком Турсуна Махметова, который жил с нами в одной комнате (что он родственник Евнею по материнской линии, покойный Турсы-еке сказал мне, когда он работал в Семипалатинске. — *М. С.*)... *Евней стал приходить к нам почти каждую неделю, видимо, он искал собеседников.*

Однажды, когда он пришел снова, я почитал ему свои стихи. Он сразу проявил заинтересованность, одно стихотворение даже переписал в свой блокнот. Через некоторое время он принес свой перевод на русский язык этого стихотворения. Конечно, мои творения были далеки от истинной поэзии, это были лишь первые пробы на поэтическом поприще... Перевод Евнея я долго хранил в записной книжке, а потом вместе с блокнотом потерял. Но отчетливо помню две строки:

"Мир — ручей, журчащий в блеклом мираже,
В нем нет спокойных, теплых рубежей..."

Эти строки я привожу в подтверждение того, что Евней Букетов со студенческих лет неплохо знал казахскую и русскую поэзию и у него были задатки поэта...»

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Далабай ЕШПАНОВ, горняк, ветеран труда:

«Если мне не изменяет память, был 1946 год, я в то время был студентом третьего курса горного факультета, в нашей студенческой стенгазете, которая вывешивалась в коридоре первого корпуса один раз в месяц, в одном номере был опубликован "Гимн КазГМИ" одного русского парня. Написан он был в ура-патриотическом духе того времени: завтра, мол, став инженерами, поднимем мы советскую промышленность... и так далее и в таком стиле... Нам показалось, что стихи неплохие, хорошо рифмованные. Студенты ими зачитывались, хвалили и восхищались. Все говорили: "Замечательно написано!"

Через месяц в той же газете появилась критическая статья, в пух и прах разнесшая это же стихотворение, в статье говорилось, что в нем нет ни капли истинной поэзии, только пустые рифмованные слова, а содержание — на уровне пятиклассника и так далее. Мало того, в конце статьи автор предложил свой вариант институтского гимна. Читаем и снова удивляемся. В новом тексте гимна — прекрасные, точные слова, свежие эпитеты, образные сравнения. Там отражено все: энтузиазм студентов КазГМИ — будущих командиров тяжелой промышленности, наши мечты о будущем, стремление во что бы то ни стало — достичь высот в жизни, даже наше полуголодное существование с трудностями быта. Словом, мы восприняли новый текст гимна с энтузиазмом, почуяв в авторе истинного поэта, главное, он воспел нашу жизнь восторженно и правдиво. В припеве того стихотворения были такие строки:

Разбудив спящих медведей, мы перевалим за Саян,
Потревожив безоглядную степь, новую жизнь начнем...

Конечно, что может остаться в памяти после пятидесяти лет? Может быть, кое-что я уже позабыл. Но знаю, что этот "гимн" мы приняли и не раз распевали на вечеринках на мотив какой-то песни.

Теперь расскажу об его авторе. Это был наш Евней, всем знакомый Букетов. Надо отметить, что в те годы казахской молодежи в КазГМИ было очень мало, на каждом факультете — едва с десяток человек. Ну, а во

Created by free version of 2PDF

Buketov University

всем институте, думаю, было не больше пятидесяти. Среди них многие не то чтобы слагать стихи на русском языке, кое-как писали по-русски. Все это было связано с нашим окружением, где мы выросли... Тогда мы страдали от языкового барьера, у Евнея же были возможности не только раскритиковать стихи русского парня, но и дать ему достойный ответ. Наш джигит с берегов Есиля поправляет русского парня, как не восхищаться им?!..

Короче говоря, я, учившийся на один курс выше его, можно сказать, сразу же влюбился в него, мы быстро сблизились и последние два курса были неразлучны, постоянно ходили вместе, даже на вечеринки. По человеческим качествам он был чистым, честным и открытым со всех сторон товарищем, и кого бы то ни было он мог увлечь за собой, был настоящим лидером молодежи. И, конечно, он знал много, и это давало ему право быть нашим вожаком.

Дружба с Евнеем, начавшаяся в студенческие годы, продолжалась долгие годы, ничто — жизненные невзгоды, взлеты и падения, неурядицы семейной жизни, неудачи в работе — не омрачило наши отношения, не поколебало наши первоначальные жизненные устои, мы оставались вечными друзьями и единомышленниками, разумеется, пока он, истинный мой друг, внезапно не покинул нас...»

* * *

Как в детстве, в школьные годы, так и в институте, Евней всегда был первым. В группе МЦ-45-2 (на втором курсе деканат перевел Е. А. Букетова во вторую группу) было всего два парня-казаха — Евней и упоминавшийся нами выше Орынсеит Нурекин. Между тем это обстоятельство нисколько не помешало им стать лидерами в группе, позднее и на факультете. Ясно, что прежде всего это зависело от их поведения и человеческих качеств. И, конечно, от успехов в учебе.

Относительно Нурекина все понятно: он был намного старше других студентов, демобилизованный

Created by free version of 2PDF

Buketov University

воин, целых шесть лет сражавшийся на передовой в 1939—1945 годах, прошедший огонь и воду. С первых дней в институте он крепко взялся за учебу и к удивлению сокурсников за год успешно одолел программу двух курсов, а в дальнейшем не давал никому перегнать себя: и в этом, и не только в учебе, но и в других делах он всегда был впереди и примером для всех...

Что касается Евнея Букетова, то и он с первых дней поступления в институт с жадностью набросился на учебу, и не каждый преподаватель — будь то доцент или профессор, мог удовлетворить его любопытство, такова была его натура — все знать, во всем разбираться. Скажем, задавал такие вопросы: почему эта химическая реакция идет медленно, нельзя ли ее ускорить и тому подобные... Если у математика он молча решал сложные алгебраические уравнения, то на химии мог довести ассисента практических занятий до слез, явно чувствуя свое превосходство в знаниях. По своей натуре он был общественником. Любую работу, за которую он брался, доводил до конца. Сверстники в воспоминаниях о нем однозначно отмечают, что он умел увлекать людей за собой, у него со студенческих лет выявились организаторские способности. Наверное, потому он в первый же год учебы был избран комсоргом группы, а потом секретарем комсомольской организации металлургического факультета. Энергичность студента заметили старшие, и уже на третьем курсе Е. Букетова приняли кандидатом в члены ВКП(б), а в 1948 году Фрунзенский райком партии Алма-Аты вручил ему партийный билет. Скажем прямо, таких успехов в институте добивались лишь единицы...

Время бежит быстро. Казавшиеся когда-то слишком долгими пять лет учебы промчались, как скакун на конных состязаниях — байге.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Научная работа, научные изыскания — высшие проявления творческой деятельности. Это, я вам скажу, очень интересная работа. Истинное творчество одухотворяет, окрыляет человека. Нет большего удовлетворения, чем удовлетворение в творческой работе. И здесь я особо хотел бы отметить, что нужное изыскание ведет и должно вести к открытию, обнаружению новых, ранее неизвестных закономерностей, явлений природы, повторяю, ранее неизвестных, но существующих в природе закономерностей и явлений.

Евней БУКЕТОВ. Вечного любопытства тебе, студент. «Ленинская смена», 18 мая 1976 года

Глава 4

«О БОЖЕ, ГДЕ ЖЕ ЭТИ ГОДЫ, ПОЛНЫЕ РАДОСТИ И ЛЮБВИ»

I

Когда Евней Арыстанулы окончил институт, ему было двадцать шесть лет. Это возраст возмужания. Только закоренелый холостяк мог в эти годы оставаться один, не думать о создании своего очага. По казахскому обычаю такое поведение считалось постыдным, неприличным, за это осуждали. Все родственники, особенно бабушка Кенжетай и мать Бальтай, постоянно намекали ему на это, когда он приезжал на родину. Евней запоздал с женитьбой из-за учебы. Девушки конечно же занимали его ум, но ему некуда было привести избранницу сердца.

Когда он приехал в Алматы и стал студентом, сразу же начал искать Карагоз, свою возлюбленную. Хотел спросить: «С чем связан разрыв, в чем я виноват перед тобою?» Возвращение всех его писем можно было понять только так, что более к нему она не вернется. Но все же Евней не находил покоя, его мучила рев-

Buketov university

Created by free version of 2PDF

ность: «Почему она отвергла меня?» Ясно, что у него появился более удачливый соперник. Евней начал наводить справки через знакомых... В конце концов он узнал, что Карагоз еще в прошлом году вышла замуж за фронтовика-офицера, вся грудь которого была в орденах и медалях; ей пришлось бросить учебу и куда-то уехать, кажется, на запад республики... Отвергнутый джигит впал в уныние, он был растерян и убит печальной вестью. Не то от злости, не то с горя он пошел к «американкам», что выстроились у пустыря Головного арыка, и до беспамятства напился. И в таком состоянии придя в общежитие, подрался со студентом, с которым делил двухъярусную койку. О драке первокурсника стало известно дирекции института. Профессор М. К. Гришин издал приказ: «За организацию распития спиртных напитков в общественном месте зачинщика драки, студента первого курса Е. А. Букетова выселить из общежития».

Так потерпела крах его первая любовь, которую он впоследствии с иронией назвал «Трагедией без крови»...

Его победа на «любовном фронте» была впереди.

Онайбек Кудышев, друг молодых лет Евнея Букетова, в своих воспоминаниях о нем приводит такой эпизод: «Когда я учился в Москве, в Высшей комсомольской школе, часто ходил в так называемый "Дом коммуны", в многоэтажное здание, где размещались объединенные общежития Института стали и сплавов и Московского горного института, там же обитала моя будущая супруга Зылиха Сабитова. В этом же доме я близко познакомился с тремя ее подружками — девушками-казашками, которые также учились в московских вузах. Одну из них звали — Зубайра Ондасынова...» Далее узнаем и такие подробности: из Москвы комсомольский активист возвратился не один, сыграл там скромную свадьбу; молодожены после приезда на родину познакомили Зубайру со своим неразлучным другом Евнеем...

Милая Зубайра воспитывалась в семье известного государственного деятеля Нуртаса Дандыбайулы Онда-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

сынова, долгие годы работавшего председателем Совнаркома Казахской ССР. Она была дочерью его родного брата Дуйсена. Родилась Зубайра в Туркестане, училась там же, со школьных лет она выделялась среди своих сверстниц особой тягой к учебе. Разумеется, не без помощи брата Нуртаса, взявшего ее на попечение с малых лет, Зубайра оказалась в Москве и выбрала техническую специальность. В то время это был необычный выбор для казашки. Девушка была с характером и с головой на плечах. С Евнеем они встретились в Алматы, когда она приезжала в столицу Казахстана, чтобы повидать домочадцев дяди Нуртаса. Это было летом 1948 года. Как говорится, первая встреча — знакомство, вторая — уже приятное общение. Молодых людей потянуло друг к другу, и, расставшись, они стали переписываться...

Несколько месяцев спустя Евней первым сделал шаг к сближению, он предложил Зубайре перевестись в Алматы. И объяснился ей в своих чувствах, сказал, что хотел бы связать с нею свою жизнь, но для этого им надо жить в одном городе. Высокий, статный, симпатичный джигит, который за словом не лезет в карман, сразу понравился девушке. У него приятное, открытое, светлое лицо. Он доброжелателен и интересен, вдобавок ко всему — отличник, после окончания института останется в аспирантуре, значит, перед ним открываются большие перспективы. Такая целеустремленность импонировала ей... В общем, осенью 1949 года Зубайра Ондасынова, дочь Дуйсена, перевелась в Алматы. Ее приняли на четвертый курс металлургического факультета КазГМИ, а Евней уже заканчивал пятый курс.

В конце декабря 1949 года, после возвращения Евнея с Урала с готовым для защиты дипломным проектом, они, взявшись за руки, направились к дому Нуртаса Дандыбайулы, где проживала Зубайра, чтобы просить его благословения на будущую совместную жизнь. Дядя девушки хорошо знал национальные обычаи, обряды венчания, но как глава правительства строго придерживался советских установок по семейным

Created by free version of 2PDF
Buketov University

делам. Нуреке одобрил союз молодых и, обняв их, сказал: «Поживите, дорогие мои, у нас, пока не закончите учебу, а когда завершите учебу — пожалуйста, не задержу ни одного дня... Как получите свидетельство о браке — сразу же к нам, будем готовить комнату Зубайры — для вас, молодых...»

Евней, видимо, не ожидал такого радушного приема, к тому же он не хотел жить в апартаментах правительственного дома, где все подчинено строгим правилам «чиновничьего этикета». Он по-прежнему был аульным парнем с психологией и разными замашками — все делать по-своему разумению. Очевидно, кислое лицо будущего зятя выдало его внутренний протест.

— Джигит мой, я же тебе не сказал, чтобы ты постоянно жил у нас, как «кушик куйеу»*, раз ты пришел просить руки моей любимой племянницы, ставшей мне как бы родной дочерью, естественно, я и к тебе так же отношусь, как к своему сыну. Я уже посвящен в бедное положение твоей матери и братьев... Сам подумай, как я отпущу Зубайру в общежитие горного института, где в каждой комнате живут по 10—20 человек, там так тесно, что яблоку негде упасть... — сказал Нуртас Дандыбайулы.

Пришлось без возражений принять предложение старшего. Когда до наступления 1950 года оставались считаные дни, Зубайра и Евней стали обживать выделенную для них комнату в обширной квартире, специально оборудованной для председателя Казсовнаркома (этот дом сохранился по сей день, он находится на пересечении улиц Курмангазы и Фурманова). В тот же день началась их семейная жизнь, которая продлилась около тридцати лет. У молодых не было возможности устроить с размахом шумную свадьбу, так как оба жили на студенческие стипендии. Их покровитель

---

* Дословно: «приемный зять», в подтексте содержится оскорбительная интонация, так как казахское общество с давних времен строго осуждало, когда жених поселялся в доме невесты. Смысл осуждения: любой мужчина должен иметь свой очаг...

Buketov University
Created by free version of 2DD

Нуреке, подчиняясь партийной дисциплине, не стал устраивать для них большое веселье с приглашением сотен людей. Но, соблюдая обычаи предков, позвал родных и близких друзей к домашнему дастархану, угостив всех как следует, все они пожелали молодым счастья и успехов в жизни.

Из письма Камзабая Арыстанулы автору этой книги:

«Когда пришло известие о женитьбе Евнея, мать сказала: "Поезжай, ближе познакомься со своей снохой". Поэтому в середине июня 1950 года я отправился в Алма-Ату. В это время они уже жили отдельно, им выделили одну комнату в многоквартирном доме... Сноха мне понравилась: простая, вежливая, немногословная, заметно было, что она получила в семье приличное воспитание. Она обрадовалась, что я специально приехал, тепло встретила. Когда поживешь не один день, а дней десять в одной комнате, любого человека можно узнать поближе и определить его характер. Я в душе благодарил Всевышнего за то, что он нам послал такую воспитанную и милую сноху, как Зубайра. Я ведь вырос в семье, которая состояла только из мальчиков, а они, в том числе и я, по характеру были не ангелами, но она, наша сноха, находила общий язык со всеми нами. Это был подарок Бога нам, всем Букетовым. Что я не ошибся в своем предположении, показала жизнь...

Однажды Зубайра Дуйсеновна повела меня в дом своего дяди. Я, конечно, сам никогда бы не пошел в квартиру человека с таким высоким положением, но мне передали, что Нуреке распорядился так, чтобы меня пригласили в его дом. По обычаю казахов нужно угостить приехавшего издалека человека, а я, хотя молодой еще, но для них как-никак был сватом. Пришли. Я никогда не думал, что люди могут так роскошно жить. Выросший в бедной землянке, я как будто попал в царские хоромы, о которых рассказывалось в сказках... Я вначале растерялся. Там было много обставленных мебелью и коврами комнат. Помню только, что долго сидели в одной из больших комнат и смотрели кино, а какой фильм показывали — в памяти стерлось».

Created by free version of 2PDF

II

Евней знал, что материальное положение аспирантов не так уж отличается от студенческого. «Знал, что существуют так называемые аспиранты, люди, как шутили студенты, постоянно ищущие и домогающиеся. Видел двоих из них в нашем институте, — писал он в книге «Шесть писем другу». — Внизу, в нашем полуподвале, в тесной комнате под кабинетом Владимира Фридриховича возились с тиглями, что-то плавили. Говорили, что они — аспиранты. Особой зависти к этим людям не испытывал, потому что о сногсшибательных достижениях, мировых открытиях того или иного аспиранта в науке мы не слышали...»

Теперь по воле судьбы Евней сам оказался одним из тех аспирантов, на которых смотрел, как на бедных сирот, обделенных жизнью, лишенных земных, будничных радостей. В этом он винил своего профессора, увлекшего его своим красноречием на научную стезю, убедив, что он будет первопроходцем, пионером казахстанской науки в области редких металлов, пойдет непроторенными путями. Какое заблуждение, какие иллюзии, какая непоправимая, мальчишеская глупость — поверить в это! Главное — досадно, до слез обидно, что друзья, которые учились вместе, уже работают на производстве — в Балхаше, Усть-Каменогорске, некоторые обосновались в Чимкенте. Все они преуспевают, получают солидные оклады, премиальные, семейным сразу дали квартиры, щедро оплатили подъемные. Ведь в те годы цветная металлургия бурно развивалась. И на инженеров был большой спрос. А он сидит в полуподвальном помещении лаборатории, куда даже не проникает солнечный свет и свежий воздух. Подобно алхимику, пытающемуся превратить все металлы подряд в золото, с утра до позднего вечера колдует над приборами, ретортами, стеклянными колбами, тиглями. Хорошо, что не один, рядом с ним — пожилая лаборантка Варвара Кондратьевна, она ему помогает ставить опыты. Стипендия аспиранта — восемьдесят рублей, но за нее надо париться здесь сутками, чтобы

Created by free version of 2PDF
Buketov University

оправдать эту «дармовую» государственную поддержку. И так целых три года...

Но того человека, который его уговорил остаться в аспирантуре, в Алматы уже не было. Профессора В. В. Стендера неожиданно пригласили в один из крупных институтов Украины, когда Евней заканчивал четвертый курс. Там он возглавил кафедру, где готовились специалисты по редким металлам, хотя и здесь занимался тем же, а ведь Казахстан несравнимо богаче этими сырьевыми ресурсами, как он сам с пафосом провозглашал в своих лекциях. Тем не менее профессор В. В. Стендер, не только преподававший в КазГМИ, но и заведовавший специальной лабораторией в Институте металлургии и обогащения АН Казахской ССР, по приказу какого-то высокопоставленного чиновника из Москвы внезапно уехал...

* * *

Осенью 1949 года заведующим кафедрой легких и редких металлов был назначен Виктор Дмитриевич Пономарев. В то время ему было сорок лет. Он родился в Оренбурге. Окончив среднюю школу, поступил в Свердловский (ныне городу возвращено прежнее название — Екатеринбург) горно-металлургический институт. Здесь, на Урале, еще при Петре Первом зачинатель горного дела в России тульский кузнец и оружейник Демидов заложил первые чугунно-литейные заводы. На протяжении веков Урал был опорой державы — «броней» Российской империи и Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Славился этот край золотом и медью, самоцветами, а еще непревзойденными мастерами чугунного литья. Перед Отечественной войной Пономарев закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В 1939 году Наркомат цветной металлургии СССР направил его в Алматы старшим преподавателем КазГМИ. В тридцать девять лет он стал доктором технических наук. Уже в 1948 году ему было присвоено звание профессора. Наряду с преподавательской деятельностью в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

КазГМИ он руководил в академических институтах исследовательскими лабораториями, был заместителем директора по научной работе Института металлургии и обогащения АН КазССР. Скончался В. Д. Пономарев в 1968 году. «...Его исследования сложных пиро- и гидрометаллургических процессов являются основополагающими. Равно как исследования, связанные с многокомпонентными химическими системами, высокими температурами и давлениями, с влиянием различных типов энергий на механизм и кинетику химических реакций. Необходимо заметить, что наиболее важные аспекты его исследований — это шаг в третье тысячелетие, это уже элементы химии надмолекулярных структур, химии XXI века...» — говорилось в статье, опубликованной в 1999 году в академическом вестнике и посвященной 90-летию со дня его рождения.

Труды выдающегося ученого-металлурга были достойно оценены: он получил в 1954 году почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР; через четыре года стал членом-корреспондентом АН Казахской ССР, а в 1962 году его избрали действительным членом Академии наук; ученый неоднократно награждался правительственными орденами. В 1973—1974 годах были изданы его избранные труды в трех томах. Казахстанские ученые-металлурги и питомцы КазГМИ считают его основателем научной школы цветной металлургии в республике.

В 1955—1956 годах Пономарев читал нашему курсу лекции по технологии выделения из руды меди, никеля, алюминия. Профессор был плечистый, кряжистый, крепкого телосложения, но ходил почему-то сгорбившись, поэтому нам казалось, что он пожилой человек, а тогда ему было всего 44 года... Лекции он читал тихо, как будто шепотом. Несмотря на это, студенты слушали его с вниманием. Войдя в аудиторию, профессор, не глядя на студентов, у него была такая необычная привычка, и иной раз забыв поздороваться с ними, без всяких вступлений начинал излагать с кафедры свою тему...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

— На прошлой лекции мы остановились на особых качествах медных соединений, сегодня рассмотрим их свойства подробнее...

Открыв свои тетради, мы находили последнее предложение, произнесенное профессором в прошлый раз, и удивлялись его феноменальной памяти — он в точности повторял те же слова, на которых закончил лекцию три дня тому назад.

Его ученик, академик Е. А. Букетов, так запечатлел профессора в своей автобиографической книге «Шесть писем другу» (он здесь изменил его имя, назвав Дмитрием Викторовичем): «...мы особенно придирчиво вслушивались в то, что он читает, сличали прочитанное им с тем, что писалось по этому поводу в учебниках, и с удивлением обнаруживали, что он владеет своим предметом в такой степени, что многое излагает не по-книжному, а более оригинально и доходчиво. На лекциях он был строго вдумчив и напряжен и не позволял никаких отступлений для разрядки, к которым мы привыкли у других лекторов. Когда ему хотелось как можно проще сказать о чем-то трудном для понимания, Дмитрий Викторович сосредоточенно морщил лоб, отчего в межбровье вздувался бугорок, и говорил в этом случае, растягивая слова и строя четкие предложения для записи, и как будто виноватый смотрел под ноги: "Пока это научная загадка, разгадка ее — дело будущего, может, кому-нибудь из вас придется трудиться над этим", — говорил он...»

Евнею Букетову, решившему окончательно посвятить себя науке, необыкновенно везло на наставников. В. Д. Пономарев аспирантам предлагал трудные задачи, был очень строг с ними, требовал работать над темой месяцами, иногда годами. Никому из них не давал подсказок: что и как конкретно исследовать.

«На первую лабораторную работу, начатую осенью 1950 года, где пришлось досконально изучать выбранное сырье для исследования и выделение из его сложных химических соединений необходимого элемента, ушло полгода, потому что руководитель дал такое задание, которое до этого ни один лаборант не выполнял.

Created by free version of 2PDF
Vitebsk University

Чтобы узнать все свойства и поведение в разных реакциях того сырья, надо было проделать уйму черновой работы», — писал Евней Арыстанулы в своей книге. В результате были выявлены характерные свойства химического соединения, из которого хотели выделить редкий элемент (в данном случае речь идет о молибдене. — *М. С.*). По результатам эксперимента аспирант опубликовал небольшую статью в научном журнале.

Спустя немного времени руководитель сказал, что Евнею пора определиться с темой диссертации. После долгих раздумий, посоветовавшись с Виктором Дмитриевичем, Евней выбрал тему, которая звучала так: «Извлечение молибдена из вторичных отходов редких металлов».

Опыты продолжались целый год. Евней приходил в лабораторию в восемь утра, а уходил около десяти часов вечера. А желаемого результата все не было. Не было даже отдаленных проблесков того, что исследование завершится удачей. Десятки раз аспирант опробывал теоретически правильную методику во всевозможных вариантах: менял температуру раствора, добавки — все напрасно, не шел в руки обманчивый, неуловимый молибден. Институтская лаборатория была не приспособлена для таких опытов, реактивы приходилось доставать в академических институтах, иной раз он был вынужден идти к коллегам в университет, чтобы выпросить на время нужный прибор для измерений. Но, увы... Элемент будто дразнил, то маячил перед глазами, то пропадал без следа. Пора было менять методику, направление поиска, но таинственные твердые осадки, иной раз оседавшие на дне лабораторных сосудов, удерживали молодого исследователя от последнего шага к отступлению. А ответ руководителя всегда был кратким: «Ищите, молодой человек!..»

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Однажды тот металлический элемент, над извлечением которого я малоуспешно трудился, приснился мне в виде поросенка. Я увидел его в водоеме, наполненном раствором щелочи, применяемым мной в опытах. Когда

Created by free version of 2PDF
Buketov University

же он вылез из него и отряхнулся, я прочитал в поперечных полосах на белом его теле латинское название моего металла. Я был рад тому, что металл, наконец, выделился, но мне было неприятно, что он был поросенком и что теперь, вопреки наставлениям матери, должен держать это поганое животное в руках. От ласкового хрюканья поросенка мне стало не по себе, и я проснулся...

Когда рассказал свой сон Гайнетдину (видимо, Халет Нурмагамбетов — коллега Евнея Арыстанулы, он поступил в аспирантуру КазГМИ на год раньше его. Впоследствии став профессором, долгие годы преподавал в этом же институте. — *М. С.*), *он от души посмеялся и всерьез добавил:*

— Этот поросенок неслучайно тебе приснился. Тебе не меньше, чем на два месяца, надо завалиться в тартары и постараться забыть все, пока мысли не вернутся в каком-то свежем виде. Видно, что ты, как говорят, дошел.

И в самом деле, на улице было лето, а я торчал в мрачном, затхлом полуподвале над малоудачными опытами. Я вдруг почувствовал, что мне эта лаборатория осточертела. Меня охватило какое-то равнодушие ко всему, что делал, потянуло в родные края, к матери, братьям, в свой аул. Решил обратиться к профессору, чтобы он дал мне положенный двухмесячный отпуск. Дмитрий Викторович, потирая руки (это свидетельствовало о хорошем настроении), посмотрел на меня и сказал:

— Что ж, отдых всегда необходим. Поезжайте и будьте до тех пор, пока не потянет снова в лабораторию. От отдыха тоже часто влечет к работе. Пожалуйста, счастливого пути!»

Будто бы на крыльях он помчался на север, в родной аул. Близкие очень соскучились по нему, Евней уже не был в родных местах два года, в последний раз он приезжал сюда на отдых после окончания четвертого курса. Тогда прожил здесь целый месяц. На этот раз он приехал не один, а со своей избранницей, молодой женой Зубайрой. Она тоже закончила в тот год

Created by free version of 2PDF
Bakeu University

КазГМИ, получила диплом инженера-металлурга. Для всех родственников это была великая радость.

Вернувшись из Алматы, Камзабай восторженно рассказывал о снохе, расхваливал ее кроткий нрав, веселый, мягкий характер, умение вкусно готовить разные кушанья. Но все же старшие Букетовы высказывали опасение: «Этот наш баламут Камзабай, молодой же еще, раз его хорошо встретили там, в Алматы, наверное, оттого так и поет. Она училась среди русских в далекой Москау, вовсе забыла наши казахские обычаи. Ее воспитывали по-русски (жена Н. Д. Ондасынова была — русская, звали ее — Валентина Васильевна), значит, у нее не наш, казахский, характер; тем более дядя ее — недосягаемый для нас, большой шенеунік*; будет ли она признавать нас, неотесанных аульных стариков и все еще бедствующих сыновей несчастной Бальтай?..»

К тому времени семья Арыстана жила в райцентре в селе Марьевка, где Камзабай работал. Погостив у матери неделю, молодожены поехали к брату отца — Маутаю в Баганаты. Девяностотрехлетняя бабушка Кенжетай в начале года скончалась, пережив мужа на пятьдесят лет.

Зубайра понравилась всем, даже крайне щепетильным аульным старушкам: ее лицо светилось добротой, лучистый взгляд карих глаз, румяные щеки — все дышало свежестью юности. Она была всегда предупредительна и учтива, в присутствии старших не садилась, пока сами взрослые кивком головы не разрешали ей сесть; ко всем старшим обращалась со словами «ага», «ата», «апа», а младших Букетовых называла ласкательными именами.

Все родственники, жившие в ауле Баганаты, по обычаю должны были показать молодой снохе свой дом, поэтому молодоженов ежедневно звали в гости. Светски воспитанная сноха и в гостях вела себя безукоризненно, так что никто не смог ее ни в чем упрекнуть.

---

* Чиновник.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

— Как жаль, что не дожил бедный Арыстан до этих дней! — вздыхали родственники. — Его заветной мечтой было породниться с хорошим человеком и увидеть в своем доме вот такую милую и благонравную невестку; а он, человек от роду мудрый, видимо, сердцем чувствовал появление этого доброго создания... Молодец наш Евнейжан, как две капли воды похож на своего покойного отца и ростом, и лицом, и здравым умом. Корень от корня знаменитого Алыпкаша-батыра. Ни в Алматы, ни в Кызылжаре он не стал искать себе спутницу жизни, аж из далекой Москау вызвал ее к себе!.. Эх, поехать бы нам, троим-четверым старикам, к почтенному Нуреке, который вырастил для нас такой степной цветок, такую невестку-красу, сесть у него на самом почетном месте, посреди дорогого персидского ковра, лежащего на блестящем, как зеркало, полу. Погостить бы дней десять, чтобы все знали и видели, что мы — для него сваты. Не церемонясь, иногда поднимать край дорогого ковра, чтобы выплюнуть остатки насыбая... Этот безалаберный Камзабай, когда его позвал государственный человек к себе в гости, не смог в многолюдной Алматы найти ни одного достойного аксакала из нашего рода, прихватил бы с собой хотя бы пару таких, вроде нас, стариков и айда на дастархан... Почтенный Нуртас, сын Дандибая — большой чин в республике, у него дома бесплатно показывают кино, какое хочешь, а нас принял бы достойно. Что возьмешь с бедного парнишки Камзабая, молодозелено... Ах, жаль!..

— Ау, тяжелый женский труд всегда вознаграждается Аллахом, ведь бедняжка Бальтай всю жизнь маялась, чтобы вывести в люди своих пятерых сирот. Помяните мои слова: ее сноха будет опорой всем ее сыновьям, чует мое сердце, — рассуждал другой родич, восхваляя Зубайру.

То лето для Букетовского рода, а он насчитывал в Октябрьском районе уже более десяти шанырaков, было необычно радостным, почти праздничным. «В ауле жизнь стала веселее, чем раньше. Проблемы насущного были почти решены, и люди теперь были полны

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дум о многом таком, что возвысило бы их завтрашнее над сегодняшним. И у нас в семье наступило время достатка. Младший брат повзрослел, стал серьезным джигитом, и все младшие братишки неплохо учились и их условия жизни тоже начали нормализовываться...» — писал автор «Шести писем другу».

Когда наступила пора сенокоса, у Евнея раззуделось плечо: он захотел, как в юности, выйти в степь с острой, сверкающей в утренней росистой траве косой. Дядя Ибрай запряг свою кобылу с жеребенком, и вдвоем с Евнеем они отправились в пойму реки, где стояли высокие травы.

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«...Старая отцовская коса! Она сточилась настолько, что стала узенькой. Я не могу ее заменить новой, я привык к ней, удобной для моих рук рукоятке, к ее звуку, становящемуся звонче. Прерывистый звон от соприкосновения бруска с косой приятно раздается в ушах и возбуждает меня. Кошу, размахивая картинно косой, и со спокойным достоинством, как бывалый косарь, но это мне дается с трудом, сердце бьется часто и тяжело, дышу, как будто не хватает воздуха. Пришлось раздеться, снять рубашку, потом и майку. Чувствую, что надо сделать передышку, но стыдно перед дядей, потому что кошу-то всего минут десять-пятнадцать. Иду на хитрость: точу косу, хотя она еще не успела затупиться. Хитрость эту дядя легко улавливает, но делает вид, что не замечает моего состояния. Пока выкосил поляну вокруг шалаша, с меня сошло три пота.

— Располнел ты, галчонок мой, в нашем роду таких не было. Придется делать тебе выстойку — таң асу, — сказал дядя Ибрай и с жалостью посмотрел на меня.*

...Что такое хороший сон? Это когда утомленный человек добирается до желанной лежанки и, бездумно,

---

* Набравшую вес лошадь после небольшого бега несколько дней подряд выдерживают на приколе, чтобы подготовить для большого похода или бега.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

быстро и легко окунувшись в небытие, тут же, через мгновение раскрывает глаза, обнаруживая, как стало необыкновенно ясно в голове, как упругая бодрость овладела телом, как улетучились всякие сомнения в счастливом целесообразном предназначении жизни. А потом выясняется, что это мгновение растянулось не менее чем на треть суток, восемь-девять часов проспал человек на одном боку, не шелохнувшись, что не только не было каких-либо перерывов во сне, но и не было никаких сновидений. Такой сон может быть только в селе, в поле, на сенокосе.

Подходила к концу третья неделя моей жизни на сенокосе. Приятное разнообразие внесли выезды в аул по воскресным дням, рыбалка, беседы с наезжавшими ко мне товарищами, купания. А потом произошло следующее. Купался я однажды в Старице, испытывая то особое наслаждение, которое, наверное, знакомо лишь человеку, всхрапнувшему часок-другой после напряженного трудового утра, спрятавшись от полуденной жары в прохладном шалаше, и затем тут же попавшему в бодрящие объятия мягкой, прохладной воды. Помню, как плавал, и, осторожно вынырнув из воды, с улыбкой стал считать круги, расходящиеся от меня. И вдруг именно в этот момент... водяные круги "превратились" в химические уравнения и формулы, и с этого мгновения они не покидали меня, возвращаясь все чаще и чаще. Меня поразила ясность, установившаяся в голове и позволяющая мне здесь, на лугах, без помощи книг, к которым прибегал там, дома и на работе, без помощи товарищей, с которыми обсуждал свои научные злоключения, легко анализировать все, что мною сделано, и с уверенностью находить те пункты, где допустил ошибку и сделал лишнее и ненужное вместо того, чтобы делать совершенно другое, нужное и необходимое. Как это проверить? И вот с этого дня я потерял всякий интерес к сену и ко всей жизни на сенокосе, которой до сих пор с упоением наслаждался.

Словом, дней через десять после памятного купания, когда меня внезапно обступила моя химия, я оказался в своем полуподвале...»

Created by free version of 2PDF
BukeDyumiversity

Идея, которая пришла ему в голову на поле во время сна, потребовала шести месяцев непрерывных опытов и дала ему возможность успешно завершить задуманное. Это, конечно, было только начало большого, фундаментального исследования по теме диссертации. Чтобы довести его до победного конца, аспиранту понадобился еще год. Он считал, что ему невероятно повезло. Другие, потратив на бесплодные поиски десяток лет, отказывались от научной деятельности. Порой и Евней готов был забросить эту осточертевшую аспирантуру и пойти на производство. Что скрывать — бывали минуты малодушия и отчаяния. Все же он выстоял, не сломался, проявив упрямый Букетовский характер и рассудив, что все равно верблюду не убежать от вьюка...

«Эти два года мне ныне вспоминаются, как годы наиболее интенсивного обогащения знаниями, как годы сиюминутных радостей от результатов научного труда», — отмечал Евней Арыстанулы в своей автобиографической книге. — ...К концу третьего года обучения в аспирантуре мой шеф, суммируя полученные научные данные, нашел, что пора поставить точку и оформлять диссертационную работу... Но, если признаться честно, я был не очень доволен результатами своего труда. Я знал, что мною изучены основы совершенно нового принципа извлечения металла из сырья, но этот принцип по всем данным не был таков, чтобы говорить об его неоспоримом преимуществе перед существующими...»

Когда диссертация была готова, профессор В. Д. Пономарев сказал, что ее надо показать в родственном КазГМИ институте, в Москве, профессору Науму Соломоновичу Гликману, заведующему кафедрой редких металлов (это Наум Соломонович Грейвер, широко известный в научном мире. В «Шести письмах другу» фамилия московского ученого изменена). Диссертант уже прошел предварительное обсуждение на заседании своей кафедры, мало того, на научной конференции академического института он выступил со специальным докладом, получил положительный от-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

зыв и допуск к защите диссертации. Теперь ему предстояло пройти испытания у московских коллег, неизвестно еще, как они его встретят. Они ведь проводили схожие исследования...

Направление в Москву отодвигало защиту диссертации на неопределенный срок. К тому времени он уже был ассистентом кафедры в родном институте (срок обучения в аспирантуре — уже кончился). Друзья Евнея считали, что поездка в Москву — не особо нужное дело, это перестраховка Виктора Дмитриевича. Однако об этом не скажешь профессору. Короче говоря, хочешь не хочешь, надо было ехать.

Евней Арыстанулы, первый раз в своей жизни приехав в Москву, посчитал, что сразу обращаться к знаменитому ученому неприлично. Он избрал окольный путь и зашел вначале к его ассистентке — Елене Васильевне Белецкой («к светлокудрой... симпатичной красавице» — как описал ее автор автобиографической книги), она приняла его вежливо, выяснив суть дела, сказала, что профессор, у которого каждый час и минута расписаны, примет его только на третий день.

Профессор Н. С. Грейвер принял Евнея в назначенное время, приветливо поздоровался. Узнав цель его приезда, порекомендовал нескольких ученых, чтобы они ознакомились с диссертацией, а день обсуждения они должны были согласовать с ним. Разговор со светилом отечественной науки продлился не больше десяти минут. Джигит из Степи, привыкший к долгим церемониальным приветствиям и подробным расспросам аксакалов о том о сем, был шокирован таким кратким приемом. В своих записях он признается: «Я удивился, что он не поинтересовался жизнью, здоровьем. У нас такой холодный прием воспринимается как невнимание к гостю. Наверное, это правильно — не тратить впустую свое рабочее время...»

Молодой казахстанец с любопытством приглядывался к новой для него обстановке. Каждое посещение ведущего в Союзе института, его лабораторий, каждая встреча со столичными коллегами — аспирантами и ассистентами, младшими научными сотрудниками,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

как он сам, давали ему пищу для раздумий: «Видел, что у них больше традиционного порядка, разнообразнее и лабораторное оборудование. На последнее я смотрел с завистью: сколько мне приходилось бегать в институты нашей академии, чтобы поработать на их приборах. А здесь все было под руками. Между тем мне показалось, что молодые коллеги с этой кафедры не выглядят такими самостоятельными и уверенными в себе, в постановке и решении научных задач, как мои коллеги. Прогоняю от себя эту горделиво-нескромную мысль, считая, что недостаточно долго знаю своих новых знакомых, чтобы судить так строго...»

Итак, в назначенный день на заседании кафедры Евней сделал доклад по своей теме. Может быть, он слишком надеялся на успех. В общем, он вышел на трибуну без какого-либо текста. Голос его креп, когда встречал одобрительные кивки и взгляды внимательно слушавших профессора Грейвера, доцента О. Е. Штейна и Е. В. Белецкой. Но в середине доклада случилось нечто непредсказуемое: «В комнату вошел невысокий, опрятно одетый человек с густой гривой седых волос, сел в дальнем углу и смотрел на меня сквозь толстые очки, язык мой во рту и вовсе превратился в соленую воблу и двигался настолько неуклюже, что я, выдавливая слова, делал невероятные паузы... Дело в том, что на лацкане пиджака этого пожилого человека блестели два лауреатских значка, и я сообразил, что он и есть таинственный профессор Теплов Григорий Иванович, который руководит в каком-то секретном ведомстве настолько большими делами, что успевает бывать на кафедре только два раза в неделю. Причиной волнения было то, что в своем исследовании в некоторых местах я повторял ранние исследования этого знаменитого ученого, но конечные результаты были другими. По этому поводу я прошелся с критикой по его адресу... Профессор Наум Соломонович заметил мое смущение и в одном месте подсказал мне слово, которое у меня никак не произносилось».

Молодой исследователь, наконец, завершил свой доклад. Как ему казалось, слушатели прониклись до-

Created by free version of 2PDF

верием к нему, задавали много вопросов. Волнение прошло, он отвечал обстоятельно, четко, аргументированно. После него содокладчиком по его диссертации выступила доцент той же кафедры Штейн, она отметила, что подробно ознакомилась с работой и осталась довольна как новизной темы, так и грамотным проведением экспериментов, да и в беседе с автором диссертации убедилась в его компетентности в избранной области исследования. «И вообще, эта работа с научной точки зрения представляет значительный интерес...» — завершила она свой доклад. И другие выступающие признали полученные соискателем результаты удачными, лишь указали на погрешности, допущенные диссертантом в оформлении текстовой части работы. Когда Грейвер уже хотел подвести итоги обсуждения, профессор Теплов неожиданно попросил слова.

Джигит побледнел, у него перехватило дыхание, чаще застучало сердце, он уже со страхом смотрел на последний ряд, откуда поднялся патриарх отечественной науки. Сидящие в аудитории коллеги, которые до этого дружно поддерживали его, то ли с жалостью, то ли с укоризной и ехидством поглядывали теперь на растерявшегося диссертанта: «Эх, степняк, надо же было тебе выскочить с критикой этого "живого бога", что ты натворил? Вот наивная молодость, не знающая и не понимающая, куда падать, впрочем, что возьмешь с провинциала?!..» — говорили их лица.

— Я был у вас, — произнес Теплов, — лет десять тому назад, в конце войны. Тогда о подобных исследованиях не могло быть и речи. Я знаком с вашим руководителем профессором Виктором Дмитриевичем. Меня в первую очередь радует ваша смелость, молодой человек. Раз вы взялись за такую сложную проблему — значит, в Казахстане уровень знаний по металлургии поднялся до уровня европейских стран. Это стремительный шаг вперед, настоящий прорыв. Не останавливайтесь, удачи всем вашим замыслам. Это, во-первых. Во-вторых, я полностью поддерживаю выступивших товарищей. Исследование проведено на достаточно хорошем уровне. Когда-то я в своих работах из-за

Created by free version of 2PDF
Buketov University

спешки допустил небольшой прокол. Молодой коллега его заметил и внес исправление, спасибо...

Все сидящие в аудитории вздохнули с облегчением или это Евнею только показалось. У него отлегло от сердца.

Профессор Теплов, улыбнувшись, продолжал:

— Только одно замечание! Евней Арыстанович, вы, по-моему, ход одной из реакций трактуете чересчур субъективно. Здесь ваши выводы мне кажутся сомнительными... При защите кто-нибудь из оппонентов или экспертов ВАКа может к этому под благовидным предлогом попросту придраться. Поэтому я бы посоветовал вам еще раз вернуться к эксперименту и проверить ваш результат. Может быть, я ошибаюсь, но не мешает проверить эту реакцию... Не зря говорят: семь раз отмерь — один раз отрежь...

Евней не стал возражать и оправдываться, что у него не было возможности проделать все опыты так чисто, чтобы комар носа не подточил, наоборот, он понял, что в этом деле допустил поспешность, и заверил Григория Ивановича, что по возвращении все проверит...

Обсуждение в Москве закончилось полным признанием работы казахстанского исследователя. И он, уверенный в своих силах, заехал на химический комбинат, чтобы заручиться поддержкой производственников, ведь он открыл новый способ извлечения из руд молибдена, редчайшего металла, распространенность которого в природе и то в соединениях всего 0,0003 процента. Без него немыслимы выплавка спецсталей и развитие электропромышленности.

В среде производственников бытовало ошибочное мнение: что кандидаты наук, доктора — это важные, напыщенные белоручки, никогда не державшие в руках лопату. За государственный счет они учатся, ставят опыты, получив почетные звания, всю жизнь доят корову под названием наука, привыкли получать дармовые деньги в виде академических доплат и премий, а производственники — рабочая сила, добывающая им все блага. Видимо, такая позиция сказалась и на обсуждении: ведущие инженеры комбината выдвинули

Created by free version of 2PDF
Vitebsk University

множество контраргументов против применения нового способа казахстанского исследователя, объяснив это тем, что не все лабораторные результаты приемлемы на производстве, здесь нет возможностей выделить чистый металл в необходимых объемах. Все выступления свелись к тому, что внедрение нового метода в производство экономически нецелесообразно, так как замена старого оборудования на новое потребует больших затрат и в результате произведенный металл себя не окупит... «Мне, признаться, нелегко все это было выслушивать, — писал Евней Букетов, — потому что многое на самом деле было неясно из-за новизны самого принципа, на котором базировалась вся работа. Было досадно, что никто здесь не обращал внимания на то, что получило особое признание и высокую оценку в научных кругах. Здесь был совершенно другой подход, другой критерий оценки работы. Я уже волновался, чувствуя, как тону в болоте непонимания, сознавая в то же время, что не могу произнести в свою пользу ни слова, ибо оно было бы так же вредно, как барахтанье человека, засасываемого болотной жижей. Но все-таки, как бы ситуация ни складывалась, находятся люди, которые понимают тебя. Это почувствовалось в заключительном слове главного инженера комбината: "Наши инженеры обязаны хорошо знать действующую технологию, — подчеркнул он, — всячески совершенствовать ее, но это не означает, что мы должны быть глухи и немы ко всему тому, что предлагает наука..." Немолодой человек с рыжим ежиком волос с проседью, наконец, вразумил своих коллег и внес дельное предложение: "Конечно, заслушанная работа имеет много неясного с нашей точки зрения, по высказываниям наших товарищей, но имеем ли мы основание, исходя из этого, относиться к ней отрицательно? Наверняка не имеем. Многие недостатки технологии, имеющие место на нашем предприятии, вполне могут быть устранены. В этой работе подкупает совершенно новый подход, попытка решить вопрос принципиально иным путем, не как у нас на комбинате. Поэтому работу нам следует одобрить..."»

Created by free version of 2PDF

Buketov University

III

На литературных вечерах Евней каждый раз находил новых друзей. Сегодня известные широкой общественности Казахстана Зейнолла Кабдолов, Музафар Алимбаев, Сырбай Мауленов, Калтай Мухамеджанов, Рахманкул Бердибаев, Турсунбек Какишулы — видные писатели, поэты и ученые-литературоведы, сблизившись с Евнеем Арыстанулы в молодые годы, до последнего дня жизни оставались его добрыми, задушевными друзьями. Зейнолла Кабдолов, как и Букетов, приехав в Алматы, поступил в КазГМИ, чтобы стать инженером. А потом, по его же словам, «влюбившись» в Мухтара Ауэзова, бросил престижный институт, через год перевелся в КазГУ, на филологический факультет. Дружба двух будущих академиков началась в 1945 году, в аудиториях горно-металлургического института...

Зейнолла КАБДОЛОВ, академик НАН РК. «Селен и стихи»:

«Евней с молодых лет владел в совершенстве двумя языками, всегда достигал намеченной цели, был человеком слова и дела. Он ни на что не смотрел равнодушно, живо интересовался всем тем, что происходило вокруг. Такие черты нашего друга, великолепного товарища всегда были примером для нас. Корни этого, наверное, надо искать в литературе. Евней, целью которого было стать инженером-металлургом, никогда не считал, что физика и лирика разные, далекие друг от друга понятия, он их считал близнецами, как Есиля и Нуру. К доказательствам формул и теорем он приступал с вдохновением поэта. Когда он ставил химические опыты, одновременно читал стихи Абая, а по таблице Менделеева он поднимался и спускался, как "по лестнице" Маяковского. "Путь Абая" для Евнея был настольной книгой, ученого-писателя М. О. Ауэзова считал не только старшим братом всех литераторов, а учителем-устазом. В творчестве академика Букетова любовь к редкому элементу селену и стихам была одинаковой, секрет его целостной натуры — именно в этом...»

Created by free version of 2PDF

То, что Евней Букетов вновь увлекся литературой, было связано с вполне житейскими обстоятельствами. Он женился и, конечно, как глава семьи должен был подумать о материальном обеспечении, устройстве своего домашнего быта. Жена — студентка, сам он аспирант, к тому же летом 1951 года они по собственной воле освободились из-под опеки Нуртаса Дандибайулы. Теперь могли рассчитывать лишь на свои скромные стипендии. А денег не хватало. Поэтому Евней стал искать дополнительный заработок, который не был бы помехой занятиям в лаборатории. Вскоре такая работа нашлась в издательстве «Казгосиздат». Издательство в то время выпускало и техническую литературу, в том числе брошюры, пропагандирующие пятилетние планы, строящиеся новые гиганты индустрии, серия называлась: «Всеобщая библиотека». Брошюры выпускались на русском и на казахском языках. Специалистов-редакторов, владеющих двумя языками, было очень мало, а такие, если даже и находились, то с горем пополам могли лишь исправлять орфографические ошибки в казахском тексте и не больше. Издательству же нужны были люди не только технически подкованные, но и безупречно знающие казахский язык. И, выходит, Евнею Арыстанулы, как инженеру и владеющему еще обоими языками, сам Аллах велел стать редактором. Словом, с ним заключили договор и в порядке исключения разрешили рукописи брать домой. Что ж, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Этот воз пришлось Евнею тянуть более трех лет. Как он сам впоследствии с иронией вспоминал — это была чистая «поденщина».

Со временем он вошел во вкус редакторской работы, стал даже сам переводить небольшие брошюры, отточил стиль и язык. Эта практика и привела его в казахскую литературу, правда, вначале в качестве переводчика романов и повестей русских писателей. Об этом мы подробнее скажем чуть позже. Гонорары за литературные переводы явились неплохим подспорьем в его семейном бюджете, он уже мог помогать матери и младшим братьям...

Created by free version of 2PDF

Buketov University

* * *

23 февраля 1953 года в молодежной газете «Ленинская смена» была напечатана критическая статья Евнея Букетова под названием «О халтурном переводе и невзыскательных издателях». 29 марта того же года республиканская партийная газета «Казахстанская правда» опубликовала его большую, по своему содержанию разгромную рецензию на художественный перевод поэтических произведений В. Маяковского на казахский язык. Через неделю главный орган Центрального Комитета КПСС — газета «Правда» в номере за 6 апреля под рубрикой «Из последней почты» напечатала одобрительный отклик на эту статью под названием «Легкомысленное отношение к стихам великого поэта», что вызвало большой резонанс в литературной среде...

«Казахское учебно-педагогическое издательство выпустило в переводе на казахский язык сборник высказываний Н. Г.Чернышевского по педагогическим вопросам. Такая книга нужна педагогам республики. Но переводчик Т. Б. (в статье имя названо. — *М. С.*) подошел к делу настолько легкомысленно, что, читая перевод, трудно представить себе, что автор оригинала — Н. Г. Чернышевский, глубокий мыслитель и замечательный мастер слова» — так начинается вышеназванная первая статья Е. Букетова о неумелом переводе «Избранных педагогических высказываний» демократа-революционера. Сделав доскональный разбор текста, в заключение он пишет: «Книга изобилует грамматическими ошибками, опечатками. Многие примечания перепутаны, они не соответствуют высказываниям. Переводчик, редакторы книги Ш. Байжанов и Е. Утебаев халатно подготовили книгу к печати. По их вине казахские читатели вынуждены знакомиться с высказываниями великого мыслителя в извращенном виде...»

А во второй статье «О переводах на казахский язык произведений Маяковского» Букетов справедливо указывает на недостатки переведенных на казахский язык

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тридцати стихотворений и известной поэмы «Владимир Ильич Ленин». «Своеобразие стиля, ритмики Маяковского, его ступенчатая строка, частое применение слов и выражений, принятых только в самобытном русском языке, требуют большого, творческого труда переводчика, но если переводчик будет относиться к творчеству Маяковского, как сам поэт относился к своему творчеству, очевидно, можно добиться очень близкого к подлиннику звучания произведений Маяковского на казахском языке».

Евней Букетов не боялся критиковать всеми признанных авторитетов, даже тех, кто считал себя уже классиком казахской поэзии. Например, Т. Жарокова, которого местные литературоведы неуемно восхваляли, называя «талантливым подражателем поэта». «...он, известный переводчик, — писал в статье Букетов, — не зная тонкостей русского языка, не счел необходимым долго задумываться и перевел по-своему. Есть ли в казахском языке возможности для выражения ярких мыслей — образов Маяковского? Есть. Они не использованы переводчиком только в результате крайне легковесного отношения к творчеству великого поэта».

— Кто он такой, этот новоявленный критик? Судя по необычной фамилии — Букетов, наверняка из наших обрусевших казахов. Откуда взялся этот выскочка? — возмущались литераторы.

— Он критикует таких столпов казахской поэзии, как Таир Жароков, Касым Аманжолов, Абу Сарсенбаев, Калижан Бекхожин, Гали Орманов... А смотрите, кого он противопоставляет им — молодых поэтов, едва вылупившихся, якобы только они правильно поняли поэзию Маяковского и справились с переводами. Для этого критикана, наверное, заслуги и авторитеты не играют никакой роли, он не имеет никакого понятия об уважении к старшим!

— Расхваливает перевод Касыма Тогузакова, а Кабула Боранбаева тут же втаптывает в грязь.

— Нет, он силен, пишет по-русски блестяще, а казахский знает так же отлично. Несуразные переводы наших именитых поэтов расщелкал, как орехи. Всем

Created by free version of 2PDF
Buketov University

досталось от него. И поделом, молодец Букетов... Критика его справедливая, кривое дерево не выпрямишь. В его рассуждениях и в анализе — нет изъянов.

— Если он такой умный, почему сам не переводит Маяковского?

Словом, вторая статья неизвестного Е. Букетова вызвала настоящий переполох в среде столичной общественности.

«Нужно признать, что перевод, сделанный Т. Жароковым, довольно убедительно передает живые интонации поэта... — пишет Букетов. — Очевидно, это результат напряженной и вдумчивой работы. Переводчик хорошо усвоил ритмику Маяковского и умеет применять ее в переводе. Однако и здесь встречаются места, где поэт-переводчик не понял мысль, выражаемую Маяковским, и когда хорошее соседствует с плохим, это, конечно, удручает читателей. В поэме есть место (речь идет о поэме «Владимир Ильич Ленин». — *М. С.*), где Маяковский раскрывает в полемическом тоне свое назначение как певца "атакующего класса":

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!

В переводе Т. Жарокова эта строфа звучит так (подстрочный перевод мой. — *М. С.*):

Знаю,
лирик разъярится,
не стерпев,
критики
ринутся
с хлыстиками:
— Где же душа?! —
Одна проза же!
Где же песни?
Скажут: нет в словах складности.

Buketov university
Created by free version of 2PDF

Нельзя согласиться с таким переводом, в корне извращающим мысли великого поэта, и поэтому выражение "одна публицистика" имеет стержневое значение в этой строфе. Не случайно оно и зарифмовано. Следуя Маяковскому, необходимо было оставить слово публицистика на месте, а к нему, как говорил поэт, "достать рифму во что бы то ни стало". Жароков сделал наоборот — перевел почти точно первые две строки, а остальные кое-как приладил к первым, чем приглушил в переводе полемическую остроту строфы Маяковского, изуродовал ее».

«Самый неудачный перевод сделан К. Боранбаевым, стихи "Киев", напечатанные в сборнике 1950 года в оригинале:

Эй!
Пуанкаре!
Возьми нас?..
Черта!

Поэт главному врагу нашей страны заявляет: "Нас взять не хватит у тебя силы" — а переводчик говорит (подстрочный перевод с казахского мой. — *М. С.*):

Эй!
Пуанкаре!
Возьми нас...
Чертей!

Короче, переводчик доходит до такой нелепости, что мы — черти?! Перевод с начала до конца полон таких нелепых "перлов"... В. Маяковский — создатель новой системы стихосложения. Его стихи — ораторская речь, они звучат "весомо, грубо, зримо". Но некоторые казахские поэты стихи Маяковского стараются втиснуть в устаревший песенный размер, очень удобный для импровизации, но не для серьезной и углубленной работы над словом. Так переведено К. Бекхожиным замечательное по-своему лиризму стихотворение "Юбилейное". Из стихотворения совершенно выхолощен ритм Маяковского. Обезображено стихотворение "Сергею Есенину"... Знакомясь с переводами Маяковского,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

невольно приходишь к мысли, что на казахском языке нет еще пока настоящего Маяковского, который бы с нами, как "живой с живыми, говорил"».

«Во многих произведениях поэта, горлана, главаря воссоздаются политические события революционной поры, периода НЭПа, во многих он во весь голос говорит о времени и о себе. Все это можно перевести на казахский язык, — подчеркивает Е. Букетов. — Было бы лишь желание...» И тем, кто молчал три года, с того дня, когда был выпущен этот сборник стихов, он бросил нелицеприятный упрек: «Созданию полноценных переводов мешает отсутствие глубокой, принципиальной критики со стороны литературной общественности. Появившиеся в журнале "Литература и искусство" статьи Турганбаева и Нуркатова, а в альманахе "Казахстан" статья А. Нуркатова, посвященные переводам произведений Маяковского, написаны поверхностно, без глубокого анализа ошибок, допущенных переводчиками. Понятно, что такая критика не поможет поэтам-переводчикам в их дальнейшей работе». Эти слова были приведены в реплике «Правды» по поводу выступления казахстанской газеты, что свидетельствовало: молодой критик попал в самую больную точку. В конце статьи Е. Букетов так резюмирует свои мысли: «Хочется надеяться, что дальнейшее вдохновение и взыскательная работа поэтов-переводчиков дадут казахским читателям полноценного, полнокровного, многогранного Маяковского. Для этого у казахских поэтов есть все возможности...»

Публикации эти увидели свет в непростое время. То был очень тяжелый и кризисный период для национальной интеллигенции, когда многое охаивалось, оскверналось, предавалось проклятию, среди ученых выискивали националистов, травили и преследовали их, выдворяли за пределы республики, высылали в Сибирь видных историков и литераторов, объявив их чуждыми советскому строю элементами...

Букетов не поддался массовому психозу, своего рода ослеплению. В своей критике молодой человек ограничивался проблемами только художественного пе-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ревода. Статья отличалась боевитостью, язвительностью, сарказмом и больно задевала известных литераторов, но в ней не было, как у некоторых рьяных критиканов, даже намеков на неблагонадежность, тем более — политических обвинений. Это был чисто литературный разбор. Честно говоря, наша интеллигенция давно нуждалась в таком открытом обсуждении положения дел в литературе. Ведь неискушенные в дрязгах люди давно устали от взаимных наскоков литераторов, сведения счетов через печать.

Проблемы, поднятые Е. Букетовым, нашли понимание и поддержку общественности, и были сделаны надлежащие выводы: учебно-педагогическое издательство, признав замечания критика совершенно правильными, решило заново перевести и издать книгу Н. Г. Чернышевского; секретариат Союза писателей Казахстана также в ответ на выступление партийной газеты принял постановление о наведении порядка в издательствах. На ближайшее время был намечен пленум СП Казахстана, первым докладчиком на него пригласили аспиранта КазГМИ Евнея Букетова.

Таким образом, двадцативосьмилетний джигит, сосредоточенный на проблеме выделения молибдена из коунрадской руды, совершенно неожиданно был вовлечен в литературные баталии. С первых его выступлений, вызвавших небывалый общественный резонанс, профессионалы литературного цеха признали его своим. К такому дебюту он готовился с юных лет, с первого прикосновения к поэтической музе, с открытия для себя великих творений Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Блока, Есенина, Маяковского. Он тоже мечтал стать поэтом. Обстоятельства заставили юношу свернуть с этого пути, однако божья искра, доставшаяся ему от акына-предка, в нем не угасала. Однажды она вспыхнула и воплотилась в горячие строки. Мы уже говорили, что читать произведения В. Маяковского он начал в пятнадцать лет. А когда ему в руки совершенно случайно попались эти же произведения в переводе на родной язык, он был глубоко возмущен тем, что они искалечены до неузнаваемости,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

он не мог сдержать негодования и взялся за перо... Он не знал, к чему это приведет. А привело к тому, что в нем проснулся дар литератора.

Евней Букетов стал авторитетом в литературных кругах. 14 и 19 июля того же года в «Казахстанской правде» вышли две его статьи: первая называлась — «Грозное оружие» и посвящалась творчеству В. Маяковского; вторая была рецензией на комедию драматурга Шахмета Хусаинова «Весенний ветер», которая шла на сцене Казахского драматического театра.

Алматинские русскоязычные газеты начали заказывать ему статьи на литературные темы. Причины этого таковы: русских критиков было в Алматы немало, но все они не понимали казахского языка, они знакомились с произведениями национальных поэтов и писателей после того, как их произведения переводились на русский язык. С другой стороны, многие казахские литераторы не могли писать критические статьи на русском языке. А Евней Букетов владел обоими языками, образно говоря, мог писать обеими руками. Потому он стал желанным автором для печатных органов республики.

Еще одна большая его статья была опубликована осенью 1953 года в солидном журнале ЦК КП Казахстана «Казахстан коммуниси», в девятом номере под названием: «Критика и библиография на страницах журнала "Литература и искусство"».

В советской идеологии в те годы было незыблемое правило: вся партийная пресса во главе с газетой «Правда» время от времени печатала обзоры, в которых давалась оценка произведениям отдельных писателей (конечно, выбирались известные) или публикациям литературных журналов, конечно, при этом постоянно выявлялись «политические ошибки». Партия считала своим долгом следить и ставить «в угол» тех, кто посмел свернуть с марксистско-ленинских позиций. Правильны ли эти проработки — об этом никто не задумывался; в результате ломались судьбы, иногда трагически обрывалась жизнь людей, попавших под идеологический каток.

Created by free version of 2PDF

Вышеназванная обзорная статья Е. А. Букетова, опубликованная на нескольких страницах главного политического журнала республики, безусловно, тоже была написана по заказу редакции... Но молодой критик не изменил своим жизненным принципам, когда делал этот обзор примерно двенадцати рецензий, опубликованных в литературном журнале в 1952 году, он не навешивал позорных ярлыков тем, кого коснулось его перо, никого не обвинил в классовом перерождении, на все смотрел с позиции непредвзятого, не зомбированного красной пропагандой литератора и читателя. Однако, критикуя, он не молился на литературных богов, потому его обзор получился принципиальным, острым и содержательным, плохое критик называл — плохим, хорошее — хорошим. Например, Мукашу Сарсекееву, превозносившему «Избранные стихи» Таира Жарокова, Евней Букетов, указав на определенные недостатки в поэмах «Нарын», «Хлеб», «Песня о Зое», задает вот такие вопросы: почему известный критик умалчивает об этих недостатках, кстати, присущих Жарокову, Они ведь были заметны в его ранних произведениях, они остались и в поздних; и эти огрехи у зрелого поэта стали нормой; потому что он зачастую, в разгар вдохновения, отходя от основной темы, начинает расписывать мелкие, вовсе не нужные детали событий, притом часто использует бессмысленные, трафаретные, избитые сравнения. А почему обо всем этом критик прямо не говорит? Причина в том, что в течение последних двадцати пяти лет Таир Жароков печатал все, что бы ни писал и как бы ни писал. В его адрес слагались оды и никогда не звучала критика.... «Но почему так неровно творчество Таира Жарокова, почему рядом с хорошими произведениями он публикует примитивные, почему поэт не только не растет творчески, но даже не может достигнуть уровня тридцатых годов, когда им была создана, например, поэма "Поток"?.. Но, рецензируя сборник избранных произведений поэта, Мукаш Сарсекеев об этом предпочитает промолчать...»

Такое же замечание обозреватель журнала делает

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ученому-литературоведу Искаху Дюсенбаеву по поводу его рецензии на роман «Караганда» (автор известный писатель Габиден Мустафин). По мнению Е. Букетова, это даже не рецензия, просто слабый пересказ содержания произведения, роман же заслуживает всесторонней оценки. Далее обозреватель обращает внимание читателей на статью писателя Мукана Иманжанова, опубликованную в журнале «Литература и искусство», в первом номере за 1952 год, о положении в детской литературе и, одобрительно отозвавшись о поднятых им проблемах, замечает: «Автор, занимающийся детской литературой, хорошо знает тему и поэтому о достижениях и о недостатках говорит честно и прямо». В своем обзоре критик особо останавливается на двух рецензиях С. Кирабаева. Евней Арыстанулы, соглашаясь с положительной оценкой сборника стихов «Огни Магнитной горы» Сырбая Мауленова, недоумевает, как он, имеющий несомненно высокий интеллект, мог бездоказательно расхваливать заведомо слабый прозаический сборник С. Саргаскаева («Рассказы о дружбе»), утверждая, что он хорошо знает детскую жизнь, школу. «А где доказательства такого утверждения? — спрашивает Е. Букетов. — В статье их нет. Между тем С. Саргаскаев плохо знает жизнь, психологию детей. Об этом говорится и в указанной выше статье М. Иманжанова».

Разумеется, в статье, опубликованной пятьдесят с лишним лет тому назад, могут быть не совсем соответствующие сегодняшним дням понятия и взгляды. Время-то изменилось, и мы тоже. Несмотря на это, проблемы, поднятые молодым критиком, особенно его высказывания о необходимости постоянного духовного роста литераторов, повышении их мастерства не потеряли своей актуальности и сейчас. Например, вот такие: «Критика и библиография у нас значительно отстают от поступательного движения вперед всей казахской литературы. Наши критики рассматривают отдельные произведения писателей вне связи со всем творчеством, вне связи с развитием общества. Большинство критико-библиографических статей, опубли-

Created by free version of 2PDF

кованных в журнале, написаны бесстрастным, сухим языком... Это приводит к тому, что совершенно не раскрываются причины отдельных удач или неудач писателей и поэтов, причем критики забывают, что от них требуется не простая констатация фактов удачи или неудачи автора, а раскрытие причин их для того, чтобы помочь писателю в его дальнейшем росте...»

Мы не без причины углубились в содержание трех литературных трудов Евнея Букетова, чтобы показать сегодняшнему читателю его мировоззрение, интеллект. Прожив в Алматы всего восемь-девять лет, обучаясь в техническом вузе, он в течение года стал известным в когорте литературных критиков. Его боялись и уважали. Его бойкое перо удивляло многих, и, безусловно обладая безупречным литературным чутьем, он внес в казахскую литературу свежий ветер перемен и здоровую атмосферу.

IV

Для проверки химической реакции, что рекомендовал московский ученый Г. И. Теплов, соискателю из КазГМИ пришлось потрудиться почти шесть месяцев. По правде говоря, можно было вовсе не делать этого. Во время обсуждения сам Виктор Дмитриевич Пономарев небрежно бросил реплику: «Это на ваше усмотрение, уважаемый Евней Арстанович, как хотите, ведь Григорий Иванович Теплов не настаивал на этом». Соискатель слишком хорошо знал своего руководителя: его «на ваше усмотрение» — было равносильно приказу. Московский ученый не зря выразил свои сомнения, правда, сильно их завуалировав. Как он предполагал, так и вышло. После нескольких экспериментов все потвердилось. В результате к тексту диссертации добавилась полуторастраничная схема....

В июне 1954 года на заседании ученого совета Института металлургии и обогащения АН КазССР Евней Букетов предстал со своей кандидатской диссертацией.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«...Первым оппонентом был один из старейших профессоров нашего института, он особо серьезных замечаний мне не сделал, хотя все же сумел выискать не совсем правильно интерпретированную одну из найденных мной зависимостей. Некоторое замешательство вызвал старый академик нашей Академии, задав ехидный вопрос: "Кто составил вам доклад?" Чтобы нечаянно не запутаться, я решил доклад свой написать и, во избежание того, прочитать его. Читал, лишь изредка отрываясь от текста при необходимости показать то или иное место на развешанных демонстрационных чертежах. Старому академику это, очевидно, не очень понравилось. Из всех участвовавших в голосовании против меня было четыре голоса из двадцати одного, таким образом, защитился удачно. Четыре человека, которые показали себя "врагами", — как ни говори, были предвестниками хорошего, потому что все-таки не зря четыре года я мучился, за это время, видимо, по крайней мере, "вытоптал" урожайное поле четверых...»

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Дома, в столе, среди бумаг мне дорогих
Лежат странички с робкими стихами.
Когда раскрою, чувствую я в них —
Детства неподдельное дыхание.
Не рифмы влекут меня к этим страничкам,
Стихи лишь начало дальней, туманной мечты...
В них дочуркино сердце трепещет, как птичка,
В постижении света, добра, красоты...

Евней БУКЕТОВ. Асе.
13 сентября 1976 года

Created by free version of 2PDF

Глава 5

ПТИЦА МЕЧТЫ ПАРИТ В ВЫШИНЕ, С НЕЮ ХОТЕЛ ОН БЫТЬ НАРАВНЕ

I

Успешная защита диссертации укрепила положение Евнея Арыстанулы в институте. Но считать себя полноправным членом коллектива он еще не мог: постановление ученого совета должна была утвердить Высшая аттестационная комиссия; а это было довольно бюрократическое учреждение, со всех концов Советского Союза в комиссию поступали подобные работы — сотни, тысячи, они могли пролежать там годы, и соискателям приходилось набираться терпения, чтобы дождаться результата... Но нашему герою повезло: через полгода он получил официальный документ, где было сказано, что он отныне кандидат технических наук. Однако это не поднимало его служебного статуса. Вести занятия, читать лекции он мог, но, чтобы подняться на вторую ступеньку преподавательского звания, требовалось еще два-три года и нужно было опубликовать несколько трудов в научных изданиях...

Buketov university

Эти правила в высших учебных заведениях были узаконены соответствующими актами, и Евней Букетов не мог через них перешагнуть. Лишь осенью 1956 года он получил с нетерпением ожидаемое звание доцента...

* * *

В тот год я учился на четвертом курсе КазГМИ. Евней Арыстанулы нам читал курс «Металлургия редких металлов». Ему был тридцать один год. Нам тогда он казался намного старше, и судили мы об этом не только по его по внушительному виду, но и по занимаемому им положению...

Помню, на первом курсе нам преподавали супруги К. Оба доценты, знали свои предметы неплохо, отличались обширной эрудицией, прекрасно выглядели, даже стиль одежды у них был на зависть другим преподавателям. Словом, мы, студенты, смотрели на супругов с восхищением... Особенно на супругу Ш. Б..., когда она грациозно входила в аудиторию с легкой улыбкой и начинала писать химические формулы на доске тонкими, изящными пальцами пианистки, с накрашенными длинными ногтями, мы невольно любовались ею, будто бы перед нами выступает знаменитая актриса. Она читала курс о цветных тяжелых металлах, увлеченно рассказывала о производстве свинца и цинка, мы, джигиты, выросшие на степных просторах, далеких от промышленных городов, завороженно смотрели на ученую красавицу, очень чисто говорившую по-русски...

Однако с супругами К. мы не смогли близко общаться. Они для нас были недосягаемыми людьми. Оба держали нас на определенном расстоянии. На вопросы отвечали кратко, по существу, не допуская ничего личного, лишних разговоров. Мы, казахская молодежь, ни разу не слышали от них родной речи. Может быть, они так вели себя, чтобы мы, приехавшие из аулов, скорее привыкли к русскому языку. Но когда не возьмешь в толк некоторые понятия или не можешь членораздельно выразить свои мысли на русском языке, естественно, ждешь, что на выручку при-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дет преподаватель, но, увы, супруги-доценты были в таких случаях как бы глухи и немы.

А Букетов? Он с нами разговаривал просто, порою грубовато, иногда мог такое отколоть, что хоть стой, хоть падай. Бывало, не сдержавшись, ругал нас, окружавшую его молодежь. Питомец КарГУ М. И. Жамбеков в очерке, написанном для биобиблиографического указателя трудов Е. А. Букетова, приводит такое его высказывание: «Я всегда ругаю того человека, из которого что-то получится, а того, от которого нечего ждать, как от козла молока, я, похлопав по спине, посылаю подальше...» И мне вспоминается подобное: если доцента Букетова о чем-то спросишь, он, окинув тебя осуждающе-строгим взглядом, укажет на стул: «Садись», затем ответит на вопрос. Выслушав, благодаришь его. А он опять на тебя так взглянет, как водой холодной окатит, и спросит с усмешкой: «Эй ты, батыр, когда я подробно объяснял это, где ты был, наверное, свою девушку мысленно обнимал, а?» Или: «Что ты такой унылый? Деньги кончились? Какие вести из твоего аула?» Наши беседы с ним обычно заканчивались наставлениями: «Смотри, батыр! Не пропускай занятий, битье баклуш, праздные шатания могут обернуться бедой. Вылетишь из института — живьем закопаешь своих родителей!..»

Наставления Евнея Арыстанулы мы воспринимали без обиды, ибо понимали: его нагоняи — это добрый совет старшего брата, предостерегавшего младшего, чтобы не оступился. Некоторые студенты, когда бывали в затруднении, брали у него взаймы деньги. Мы, не стесняясь, делились с ним сокровенным, советовались или просили оказать помощь и не считали это зазорным. Ебеке на наши вопросы, заданные на родном языке, отвечал только по-русски. А во время экзаменов, когда кто-то не мог точно передать мысль и переходил на казахский — он не перебивал, лишь потом делал замечание: «Ау, ты, батыр, когда пойдешь на производство, тоже так будешь поступать?» Но никогда не снижал оценку. На оценки он был не жадным...

К нему тянулись не только казахские юноши, но и

Created by free version of 2PDF

немногочисленная русская молодежь. С ним было интересно говорить на отвлеченные темы — о литературе и искусстве, мировых новостях. Он был превосходным, умным собеседником, с ним можно было спорить, не боясь последствий, потому коллеги его называли «ходячей энциклопедией».

Между прочим, читать курс лекций по предмету «Металлургия редких металлов» не так-то просто — он один из самых сложных, так как технология извлечения металлов не очень поддается какой-либо систематизации, по мере развития производства она меняется, причем существенно. Если бы я знал об этом раньше, то никогда не выбрал бы такую профессию. Дело в том, что она очень узкая. В природе редкие металлы встречаются в мизерных количествах, добывать их — все равно что искать иголку в стоге сена, в тысяче тонн руды их может набраться лишь с десяток килограммов; чтобы извлечь их из этой громадной массы, приходится работать несколько месяцев; участвуют в этом процессе сотни людей; а всю годовую добычу редких металлов из недр Рудного Алтая можно увезти на одном автомобиле...

Поэтому производственники, имеющие задание по выпуску того или иного редкого металла, стараются делать это в последнюю очередь, для них главное — дать тысячи тонн свинца, цинка, меди, кадмия и других, более выгодных для предприятия металлов. А цехи редких металлов существуют на всех заводах как вспомогательные. Каким быть такому цеху — обычно целиком зависит от директора комбината, от его интуиции, коммерческой жилки, а также от объема государственных заказов. В общем, порой овчинка выделки не стоит... Отсюда и низкий спрос на специалистов такого профиля, найти им работу трудно. Инженерам по выпуску тяжелых цветных металлов всегда проще устроиться. Только в Восточном Казахстане действуют несколько комбинатов-гигантов. Они соответственно требуют специалистов-инженеров сотнями.

Что поделаешь, молодость плечами покрепче, а старость головою. Как бы то ни было, на четвертом

Created by free version of 2PDF
Rudny University

курсе из 75 студентов металлургического факультета более двадцати, в том числе и я, изъявили желание специализироваться по металлургии редких металлов. Сейчас я понимаю, что здесь не обошлось без влияния доцента Е. А. Букетова.

Лекции Евнея Арыстанулы отличались от лекций других преподавателей. Он читал свой курс увлекательно, я бы сказал, с задором, эмоционально. А некоторые наши доценты, даже профессора вызывали у студентов зевоту и наводили скуку бесконечными уравнениями и химическими формулами. Они ни на йоту не отступали от учебников. А Букетов, хотя и был намного моложе своих коллег-преподавателей, вносил в каждую лекцию живую мысль.

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«...Чтение лекций в русских университетах и институтах считалось самой почетной обязанностью профессора. Сохранилось немало воспоминаний о том, как ответственно относились к этой обязанности такие выдающиеся деятели русской культуры, как Менделеев, Сеченов, Тимирязев и многие другие. И я возмечтал подняться до их уровня... Я считал, что хорошее чтение лекций не только способствует легкому восприятию и дальнейшему усвоению трудного материала студентами, но и полезно для самого преподавателя, ибо дисциплинирует его мысли, чеканит словесные формулировки.

...Мой шеф учил меня, что фразы должны быть афористично-краткими, экономными на слова и в то же время совершенно полно и точно выражающими данное понятие, данную мысль. Впоследствии я понял, лекция должна была собирать и синтезировать главное, что написано у других авторов с возможными дополнениями от себя, и излагаться с точки зрения самого лектора...

Я старался на своих лекциях быть академически строгим, рассчитывал каждую минуту, подражая в этом Дмитрию Викторовичу. И все же не всегда был доволен собой, в особенности в первый год чтения. Например, в самом тщательно подготовленном материале, очень для меня ясном по содержанию и сути, вдруг обна-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

руживал пункты, где мои толкования оказывались не очень правильными. Покрывшись холодным потом, со стыдом должен был признаться студентам в ошибочности преподнесенных мной определений. Но именно эти тяжелые признания вспоминаю с благодарностью, ибо они внесли в мою самоуверенную натуру необходимую дозу научного скепсиса — никогда не считать лишним еще раз обсудить самые ясные вещи. Молодежь это понимает, а недостатки можно исправлять в последующем».

— По заказу музейных работников французские ученые изобрели «хитрый» замóк, который не откроешь никаким ключом. Каждое великое открытие — обыденное и простое — это аксиома в науке. А секрет замка был очень прост: действующий механизм его был изготовлен из селена, пропускающего электрический ток тогда, когда его освещают ярким светом. И вот, когда музейные работники, посвященные в этот секрет, карманным фонариком освещали отверстие замка, через потайную деталь проходил электрический ток — и замок мгновенно открывался... — Эту историю Евней Арыстанулы рассказал во время своей лекции, перечисляя редкие свойства селена. И такие занимательные факты нередко украшали его лекции.

Когда Евней Арыстанулы учился в аспирантуре, дополнительной работой его не загружали, а с началом преподавательской деятельности он активно включился в общественную жизнь института. Силы у него били через край, он только перешагнул тридцатилетний рубеж, и мир перед ним открывался во всю ширь — он по-прежнему увлекался литературой, регулярно ходил в театры, не пропускал премьеры.

Евней Арыстанулы был членом бюро первичной партийной организации металлургического факультета, отвечал за воспитательную работу среди молодежи; редактировал многотиражную газету «За инженерные кадры», выходившую раз в неделю. Это означало, что каждую неделю надо было прочитывать десятки страниц черновых материалов, исправлять, переделывать, иные дополнять.

Created by free version of 2PDF
Viktor Hrynchuk

* * *

В 1957 году, мы, группа студентов четвертого курса, специализировавшихся по редким металлам, вместе с Букетовым отправились на производственную практику в Лениногорск (ныне Риддер), на старый свинцовый завод. Поселились в гостинице «Алтай». Евней Арыстанулы жил в одноместном номере. После недельного осмотра заводских цехов некоторые из нас изъявили желание устроиться на работу. Руководитель практики посоветовал нам попроситься в экспериментальный цех завода. «Там вы сможете конкретно изучить процесс производства одного из редких металлов из сульфидов свинца», — сказал он. Итак, четыре джигита — Токен Габдуллин, Нуртолеу Мыкишов, наш шустрый друг К. и я, устроились в опытный цех, где занимались выделением таллия из отходов свинцового завода. Наша обязанность — получить чистый таллий из раствора. Добытый синевато-серый, очень мягкий, быстро тускнеющий на воздухе таллий мы сушили на электроплите и, сложив его в пластмассовое ведро, столько его набиралось за неделю, сдавали на склад, где он хранился в герметически закрытом контейнере. Занятие, надо заметить, вредное для здоровья, так как соединения таллия ядовиты. Во время работы приходилось надевать защитные очки, респираторы, на руки — резиновые перчатки, спереди повязывали клеенчатый фартук. В летнюю жару в небольшом, слабо проветриваемом помещении на четвертом этаже трудно было работать подряд восемь часов. А зарабатывали мы там совсем мало, гроши...

Редко встречающийся в природе таллий в основном сопутствует соединениям свинца (это так называемые сульфидные руды). Окиси таллия применяются в оптике, цветной фотографии и в медицинской промышленности. В 1960-е годы спрос на него значительно возрос.

От выпуска таллия завод не имел никакой выгоды. Наоборот, затратив много сил и времени, нес одни убытки. Увеличивать выпуск, очевидно, не имело смысла. Поэтому тем, кто работал на небольшой уста-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

новке, назначили самую низкую зарплату. До нас здесь работали только женщины. Когда мы, четверо студентов, присоединились к ним, они, быстро научив нас управлять установкой, с радостью перешли на другой участок цеха, где можно было заработать больше.

Начальник цеха по фамилии Попандопуло, грек по национальности, почему-то не любил студентов (как выяснилось позже, он окончил техникум и терпеть не мог людей с высшим образованием, боялся, что они подсидят его, отберут у него должность). В общем, мы не очень ладили с ним. Начальник цеха присвоил нам самый низкий разряд, а после окончания рабочего дня заставлял заниматься еще уборкой. Подметать двор приходилось троим. Наш шустрый друг К. сразу подружился с начальником цеха, вечером, после работы, он с ним отправлялся в пивнушку, которая находилась за оградой завода.

Свободное после работы время мы, трое неразлучных друзей, постоянно проводили вместе с Ебеке (в студенческие годы мы его называли так, а позднее все питомцы величали его «агай», что означает «старший брат»). Или он приходил к нам, или приглашал нас к себе в номер (помню, в то время он переводил какой-то роман на казахский язык). На ужин мы ходили вместе с ним в ресторан или в столовую, где питание было приличное. Наш сокурсник К. почему-то сторонился его. Руководитель практики спрашивал о причине такого его поведения. Мы отделывались разными отговорками вроде: «Ему некогда, ищет красавицу-татарочку». Ебеке хохотал так, что стекла окон дрожали, такой был у него громкий смех, и говорил: «Как так? Он же казах? Почему не жалует наших девушек, что за каприз или вы шутите?» Мы объяснялись полушутя, что у нашего сокурсника есть серьезный довод: он считает татарских девушек более красивыми, культурными и интеллектуальными, чем казашки. А главное — они всегда, мол, деликатны, нежно ухаживают за своими мужьями; значит, если женишься на татарке — считай, жизнь удалась на славу... Евней Арыстанулы не очень верил в это и, опять смеясь, качал головой.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Однажды мы рассказали Ебеке об отношении к нам начальника цеха и о том, что мы помимо основной работы стали постоянными уборщиками мусора. Реакция его была для нас совсем неожиданной: «Два месяца — не такой уж большой срок, потерпите!»

Все же то, что его питомцы стали подметалами у зарвавшегося начальника цеха, заставило задуматься Ебеке. Почувствовал он и то, что мы уже разочаровываемся в будущей своей профессии. Словом, через день-два он пригласил нас в свою комнату, разложил перед нами листы, исписанные химическими формулами. Когда мы внимательно рассмотрели их, поняли, что это рационализаторское предложение об изменении технологии выделения таллия, чем мы каждый день занимались в цехе. Новая схема давала возможность ускорить процесс извлечения металла и увеличить его количество.

— Уже месяц, как вы работаете в цехе, — сказал нам Ебеке, — значит, вам надо показать этому жалкому вельможе, что вы не простые рабочие, а мыслящие люди... Если написанное на этих листах дошло до ваших мозгов, подайте его как рацпредложение...

— А как же так, идея-то ваша?..

— Не моя, это я прочитал давненько в одном научном журнале. Если я предложу, мне могут сказать, что я плагиатор, и выйдет эта рационализация мне боком, а вы, как рабочие этого цеха, имеете полное право улучшать технологию...

Еще раз обсудив все нюансы рацпредложения, составив необходимые расчеты, мы переписали суть идеи на чистую бумагу. Каким-то образом это дошло до Попандопуло, и он, вызвав нас в свой кабинет, стукнул кулаком по столу: «Вы хотите вставить мне палки в колеса, ничего у вас не выйдет!.. Если не бросите эту затею, я вас всех четверых уволю с работы и напишу в характеристике, что вы все отъявленные лентяи, проходили практику плохо!..» Из кабинета начальника цеха мы вышли как побитые и, когда понуро плелись по территории цеха на свой участок, Токен Габдуллин неожиданно накинулся на К., к нему при-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

соединился Нуртолеу, они вдвоем повалили его на землю, приговаривая: «Щенок собачий, это ты нас этому греку продал, подхалим несчастный...» И начали его колотить. Токен был отъявленным матерщинником (но делал он это без злости) и горячим парнем. Я начал разнимать их, заступаясь за К., так как понял, что мои друзья сговорились без меня и затеяли эту драку с умыслом. «Ты не вмешивайся, отойди!» — крикнул Токен и, оттолкнув меня, раз-другой ударил беднягу К. В общем, на обед мы пошли без него, наш сокурсник ушел в гостиницу.

Токен Габдуллин, самый настырный из нас, решил не отступать от своего. После обеда переписали последнюю страницу нашего рацпредложения, теперь уж подписав только втроем, и отнесли его в технический отдел. Начальник техотдела, русский инженер, выпускник нашего института, весело буркнул: «Хорошая затея, ребята. Если Евней Арстанович, он же большой знаток по этим делам, одобрит — может быть, испытаем на днях...»

На следующей неделе главный инженер пригласил нас троих на заседание техсовета. После обсуждения все согласились с нашим предложением, приняли постановление о немедленном его внедрении в производство. Самое курьезное — организовать все это поручили тому же Попандопуло. По справедливости сказать, он не стал вредить, думаю, «воспитательная работа», проведенная с нашим другом, послужила ему уроком и он решил с нами более не связываться. Короче говоря, он активно помогал в проведении опыта. В результате намного увеличился выход таллия... После окончания практики начальник цеха дал нам похвальные характеристики и в конце даже написал, что мы «внесли рационализаторское предложение, в результате ускорился технологический процесс». И особенно в веселое настроение мы пришли, когда все трое в день отъезда получили солидные премиальные, так что сразу забылись мытарства двух месяцев практики. Евнея Арыстанулы уже не было в Лениногорске, он уехал раньше нас в Алматы.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

По приезде мы трое, договорившись заранее, пришли к нему в комнату, где он проживал в то время в нашем институтском общежитии. Считали, что мы у него в долгу и его надо как-то отблагодарить за услугу. Движимые этим благородным чувством, половину премии мы выложили на стол. Он, подробно расспросив о результатах эксперимента, оттолкнул конверт с деньгами и сердито произнес: «Джигиты, все это обратно положите в свои карманы». Мы же в те годы были неискушенными, простодушными юнцами и стали настойчиво приглашать его в ресторан. Ебеке, иронически улыбнувшись, покачал головой: «Всему свое время, батыры. Следующим летом вам предстоит защита дипломов, на эти деньги купите себе приличные костюмы, так будет правильнее. Эти костюмы, считайте, я вам подарил...» Как можно было возразить? Мы без спора согласились и уже хотели уйти, когда Ебеке вдруг спохватился: «Эй, подождите, кажется, рацпредложение вы оформляли вчетвером, куда делся ваш четвертый товарищ?» Два моих друга со значением посмотрели на меня, дескать, «выручай». И я с серьезным видом ответил: «Ебеке, он же в Лениногорске в ту пору встретил зазнобу-татарку, до рационализации ли ему было? Сам отказался». Ебеке заподозрил какой-то подвох и стал допытываться: «А что вышло из его ухаживаний?» Мои друзья в один голос подтвердили мою версию: «Ой, агай, все получилось замечательно. Думаем, где-то в преддверии защиты дипломного проекта он будет справлять свадьбу...» Евней Арыстанулы не очень поверил нашему вранью, но, что касается свадьбы сокурсника, наше предположение полностью оправдалось...

II

Из-под пера Евнея Арыстанулы в те годы вышел ряд статей. Одна из них, на наш взгляд, самая серьезная и глубокая, была опубликована в «Казахстанской правде» 4 апреля 1954 года под названием «У истоков великой дружбы» и посвящена разбору первой книги

Created by free version of 2PDF
Buketov University

романа известного казахского писателя Габита Мусрепова «Пробужденный край». Литературная общественность столицы снова всколыхнулась, прочитав два газетных подвала его нового выступления. «Смотрите, что он себе позволяет. Этот партизан-бузотер из горного института опять полез в чужой огород!» «Неужели он не нашел более подходящего для себя занятия, чем пускание крови наших корифеев?» — возмущались интеллектуалы.

После ознакомления с этой статьей, помещенной в «Избранных сочинениях» Е. А. Букетова под названием «Сокровенное», я пришел почти к такому же мнению. То ли время было такое, то ли кичливая, беспощадная молодость в нем бурлила, как бы то ни было, под огонь его критики попал патриарх казахской литературы, замечательный писатель. Честно говоря, я поразился резкому тону статьи, как мне кажется, в ней допущены необоснованные выпады...

Статья начинается словами: «Такой эпический роман для казахского общества — большое событие, огромное достижение национальной литературы». Далее, анализируя произведение, Е. Букетов отмечает: «Роман написан образным, сочным языком. Это несомненное достижение автора, свидетельствующее не только о широких возможностях казахского языка, но и о большом значении вдумчивого изучения писателем лучших творений русской литературы». Затем анализирует, как в романе отражено классовое расслоение в Степи, как ранее занимавшийся животноводством кочевой народ в XIX веке вступил в новый этап исторического развития. Описывая тот период, критик берет для разбора типичные судьбы двух бывших кочевников — Буланбая и Сугура, то, как они попали в Караганду и Акбуйрат — в те годы открывшиеся промышленные объекты, и отмечает, что автор правдиво описывает в своем романе изменение их психологии. Фактически половина рецензии «У истоков великой дружбы» — это положительный отзыв. А далее?

Листая страницы дней минувших, мы зачастую не придаем значения бушевавшим тогда страстям, поли-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тическим установкам, особенностям характеров отдельных личностей и преследуемым ими целям... А ведь из этого складывается лицо эпохи. Может быть, критик желал отличиться перед ЦК, следуя господствовавшей в то время идеологии, или таков был заказ партийной газеты, кто знает. В общем, другая половина рецензии — это сплошное перечисление недостатков этого значительного произведения национальной литературы. Недостатки, отмеченные критиком, особенно выпирают. Словом, получилось как в пословице: «Плохое колесо сильней хорошего скрипит...»

Евней Букетов нашел изъяны в образах вначале незаметных персонажей, а впоследствии играющих значительную роль в романе, некоторых русских людей. К самым неудавшимся он отнес образ Елизаветы Быковой, подвергнув сомнению ее революционную убежденность. Автор статьи свои выводы аргументирует так: марксизм в годы, описанные в романе, еще не получил широкого распространения... Поэтому Елизавета Быкова — нереальная фигура. При этом автор романа не учел противоречивости деятельности и духовного облика революционно настроенной русской интеллигенции того времени, не имевшей правильной и ясной теории и конкретной цели, что и нашло отражение в этом образе.

Второе действующее лицо из русских — Никон Ушаков — так же, как утверждает критик, исторически неверно показано. Несмотря на то, что он капиталист, зарабатывающий деньги на чужом горбу, в романе он всем помогает, всегда старается облегчить труд казахских рабочих, даже, как филантроп, хочет, чтобы казахские дети учились в технических школах. На самом деле он стремится к тому, чтобы всех казахов превратить в рабов, для еще большей эксплуатации. Но ведь Никон Ушаков не смог противостоять таким магнатам, как Рязанов, не проявил твердости характера, свойственной русским купцам. В конечном счете сострадалец-купец потерпел поражение. И поэтому в романе идущий вроде на подъем образ легко выпадает из поля зрения читателя.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«Группируя так события и ситуации, писатель не смог глубоко, всесторонне показать подлинный облик предпринимателей, не создал цельных, психологических образов рыцарей (?) наживы, объективно прогрессивная роль деятельности которых не является результатом их мнимой филантропии, — пишет критик. — Их деятельность была прогрессивна вопреки личным стремлениям...»

Окончательное мнение критика сводится к тому, что зарождающаяся казахская интеллигенция в романе показана очень бледно, поверхностно, дальше слабых попыток высветить ее общественную деятельность у писателя дело не пошло. И критик доходит даже до того, что навязывает свое мнение автору, рекомендуя учесть его при создании второй книги романа. «Хочется надеяться, что, работая над продолжением романа, Г. Мусрепов еще вернется к первому тому и сумеет исправить и дополнить то, что в первом издании книги вызывает неудовлетворенность. Такая работа сделает произведение еще более значительным, художественно ценным», — заканчивает он статью.

Пересказывая содержание этой статьи, мы, наверное, не смогли передать и одной десятой доли того, что критик хотел сказать. Однако и без того ясно: из статьи следует, что образы русских персонажей описаны в романе слабее казахских, даже неверны. Это, кстати, очень тяжелое обвинение. Молодой критик, к тому же любитель-литератор, указывает маститому писателю и советует пересмотреть некоторые художественные концепции его выстраданного детища.

Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Тем более если оно растиражировано республиканской газетой. Мы уже говорили о разном восприятии этой статьи литературной общественностью. Но читателю нынешнему, думаю, гораздо интереснее узнать, как поступил сам Габеке в этой весьма щепетильной ситуации.

«Однажды Габит Махмудович, позвонив домой Евнею, сообщил ему, что хотел бы встретиться с ним, — пишет в книге «Брат мой, друг мой» Камзабай Буке-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

тов. — Евней не растерялся, пригласил его к себе домой. Разумеется, в его доме был переполох, ведь известного писателя надо было встретить достойно. Естественно, мы успели кое-что подготовить, с волнением стали ждать гостя... Он пришел точно в назначенное время. Полноватый мужчина, среднего роста, в темных очках, в летнем костюме, с портфелем в руках. Поприветствовал нас, расспросил по исстари заведенному обычаю о здоровье наших родных и близких. Потом спросил: кто я? Услышав от Евнея, что я его младший брат, вроде бы успокоился и начал обстоятельную беседу с Евнеем. Вначале разговор шел о наших родных местах, ведь мы с ним земляки, наши аулы расположены близко друг от друга... И вот, наконец, они переключились на ту тему, что послужила причиной встречи. Это было уже после традиционного чая, поданного хозяйкой. Габит-ага достал свою книгу "Пробужденный край" и рецензию моего брата "У истоков великой дружбы". Я, чтобы не мешать, уединился подальше, в угол квартиры. Но я внимательно слушал их разговор, который продолжался два с половиной часа... Затем они стали долго и скрупулезно разбирать каждое предложение той статьи и соответствующие страницы в книге. Беседа их шла спокойно, на вежливом, светском языке, свои эмоции они сдерживали и разговаривали очень уважительно. Из всего, что происходило, мне понравилось — это такт, степенность именитого писателя, он ни разу не повысил голос, не ввязался в спор, как аксакалы нашего аула, каждое слово Габит-ага было взвешенным, доверительным, ровным...»

Ожидания обывателей того, что между писателем и критиком произойдет свара, не оправдались. Почтенный писатель — он был на двадцать три года старше своего критика — не посчитал для себя зазорным нанести визит Евнею Букетову. А молодой преподаватель КазГМИ, восприняв этот шаг старшего как проявление дружеского отношения к нему, не стал упираться, стоять на своем, признав, что в статье допущены некоторые сугубо личные суждения. Видимо,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

попросил извинения. В результате и старший, и младший поняли друг друга...

Нам известно, что после той встречи между ними завязалась дружба, которая продолжалась около тридцати лет. По такому случаю в народе говорят: «Если встречаются два хороших человека, расходятся друзьями». И напрашивается поучительный вывод: именно в этом проявились их неординарность и дальновидность, зрелость и возвышенность ума и сердца.

* * *

В списке «Литературные труды» Е. А. Букетова отмечено, что в 1954—1958 годах он активно участвовал в литературной жизни республики. В частности, в газете «Казахстанская правда» были опубликованы его рецензии на спектакли по произведениям казахской драматургии. Вот некоторые из них: о драме Сабита Муканова «Чокан Валиханов», которую показал Чимкентский драматический театр на гастролях в Алматы; о «Поэме о любви» турецкого поэта Назыма Хикмета, поставленной на казахском языке; статья о новой драме Шахмета Хусаинова «Вчера и сегодня», которую ставили в Казахском академтеатре; отчет о новой пьесе Абдильды Тажибаева «Майра»; а под рубрикой «Творческий портрет» помещен его очерк, посвященный жизни и творчеству народного артиста Казахстана Серке Кожамкулова. Далее мы читаем его заметки о спектакле республиканского русского театра им. М. Ю. Лермонтова по пьесе З. Шашкина «Степное зарево». В них он бегло коснулся содержания исторической драмы, рассказывающей о народном герое, революционере Токаше Бокине, зато по косточкам разобрал неубедительную игру русских актеров, выступавших в роли казахов, отмечая фальшивость игры и слепое копирование театральных штампов. С досадой критик отмечает, что только по одежде, чапанам и головным уборам — тымакам можно догадаться, что на сцене — казахи, во многих эпизодах степняки говорят и выглядят, как разна-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Портрет Е. А. Букетова.
Рисунок друга студенческих лет Тулеби Ахметбекова. 1972 год

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Мать ученого Бальтай (Умсун) Байжанкызы

Евней — ученик 7-го класса

Марьевская средняя школа

Created by free version of ZPDF

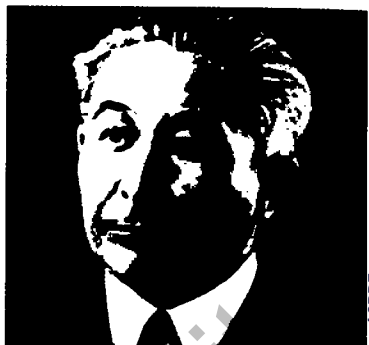
Buketov university

Первая учительница Евнея
А. У. Тарасова

Директор Марьевской школы
И. А. Трофимов

Евней Букетов — учитель Городецкой школы. *1945 год*

Created by free version of 2PDF



Академик, ректор КазГМИ
У. А. Байконуров

Е. А. Букетов с женой
Зубайрой Ундасыновой

Проректор КазГМИ
Е. А. Букетов со студентами
и коллегами.
1959 год

Created by free version of 2PDF

Buketovuniver...

Член-корреспондент Академии наук Республики Казахстан
А. Ж. Машани и доцент Е. А. Букетов.
Фото из студенческого альбома автора

Created by free version of 2PDF

С первым директором ХМИ, доктором химических наук Е. А. Азербаевым

Научные сотрудники ХМИ: М. Жамбеков, Ж. Абишев, Е. Букетов, Г. Биркая, С. Исабаев

Created by free version of 2PDF

С соратником В. П. Малышевым

Е. А. Букетов с группой научных сотрудников,
крайний справа — профессор из Москвы А. С. Пашенин

Created by free version of 2PDF

Директор ХМИ Е. А. Букетов со своими учениками А. Шокановым и М. Бакеевым

Во время отдыха с жезказганцами, слева направо: Н. Канафина, Д. Ешпанов, Г. Ундасынов, К. Салыков, Ш. Абдраманов и Е. Букетов

Created by free version of 2PDF

В редкие
часы отдыха

С группой научных
сотрудников ХМИ
и коллегами
из других НИИ

Created by free version of 2PDF

Медеплавильный гигант на берегу озера Балхаш, где по сей день производству служит одно из главных изобретений академика Е. А. Букетова

В дни выездной сессии Академии наук Казахстана 1961 года, слева направо: У. Байконуров, К. Сатпаев, В. Гурба, Ш. Есенов и Е. Букетов

Created by free version of 2PDF

Во время посещения Кармета: в первом ряду — секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана В. К. Акулинцев, директор ХМИ Е. А. Букетов, член Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаев, секретарь парткома комбината Н. А. Назарбаев и сопровождающие лица. *Темиртау*

Created by free version of 2PDF

ДИПЛОМ
ДОКТОРА НАУК

МТН № 002379

Москва 27 марта 1987 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 25 февраля 1987 г. (протокол № 6)
Букетову Евгению Арстановичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии
Ученый Секретарь Высшей Аттестационной Комиссии

Здание ХМИ,
построенное в 1972 году

В 1987 году
на его фасаде появилась
мемориальная доска

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Е. А. Букетов в гостях у туркестанцев — родственников жены

Х. К. Оспанов
и Е. А. Букетов

Created by free version of 2PDF

Портрет академика Е. А. Букетова.
Художник А. И. Осипенко

ряженные куклы. В общем, получился не театр, а балаган.

Помимо названных статей благодаря рецензии Е. Букетова русскоязычные читатели получили возможность ознакомиться с содержанием нашумевшей в те годы комедии узбекского драматурга Абдуллы Кахара «Больные зубы», поставленной Казахским драматическим театром...

Просматривая перечень рецензий и заметок, мы заметили: число публикаций начиная с 1953 года постоянно увеличивалось в течение четырех лет, а с 1957 года резко пошло на убыль. Скажем, за 1957—1958 годы Евней Арыстанулы написал всего три небольшие рецензии, притом последняя из них — лишь обзор «Два спектакля наших гостей» (о гастролях Чимкентского театра в Алматы). Ясно, все они были написаны по заказу редакции «Казахстанской правды», скорее всего по просьбе авторов драматических произведений.

Разумеется, на сценах театров иной раз ставились и такие произведения, где не было острых конфликтов, столкновений, все было обыденно и скучно. Кто сейчас вспомнит спектакли, которые мы перечисляли, и кто скажет, какие из них вошли в золотой фонд казахского искусства? Значит, критик был связан по рукам и ногам, волей-неволей он должен был написать положительный отзыв, закрывая глаза на существенные пробелы в самой драме, расхваливая явно слабые пьесы, а если спектакль получился неудачным — то уж здесь «вину» приходилось валить на режиссера-постановщика и участвующих в ней актеров, которые не смогли из настоящего произведения создать очередной шедевр. Например, в известной драме А. Тажибаева знаменитая певица Майра Увалиева-Шамсутдинова была превращена в пламенную революционерку, большевичку, бичующую своими песнями баев — ярых противников советской власти. А на самом деле она была лишь профессиональной певицей, мастерски исполнявшей под аккомпанемент гармони казахские, русские и татарские песни на базарах и ярмарках. Она

Created by free version of 2PDF
Buketov University

была, безусловно, талантлива и пользовалась любовью публики. В жизни же, бросив вызов обычаям и семейным традициям, она осталась глубоко несчастной женщиной и умерла в нищете... Драматург все исказил, конфликт, заложенный в основу драмы, был искусственным, ничем не отличался от прежних — избитых социальных схем, потому и сценическая жизнь «Майры» была недолгой. При этом Евней Букетов, при всей своей напористости и раскованности, не мог открыто говорить плохо о произведениях своих бывших покровителей Ш. Хусайнова и А. Тажибаева, иначе эти аксакалы могли смертельно обидеться. Видимо, это обстоятельство вынудило критика отойти не только от театрального жанра, но и вообще от литературной критики (не будешь же постоянно нарываться на неприятности, писать злые, бичующие чьи-то пороки статьи), поэтому он свои увлечения направил в другой жанр...

В 1953 году из печати вышла повесть И. Василенко «Артемка», переведенная на казахский язык Евнеем Букетовым. В следующем году Казгосхудлитиздат выпустил в его переводе сборник произведений классика французской литературы Эмиля Золя «Рассказы и статьи». Сатирическая комедия В. Маяковского «Клоп» в его переводе вошла в сборник «Пьесы», выпущенной в 1957 году. Через два года он издал перевод романа известного мастера болгарской прозы Ивана Вазова «Под игом».

Все они были переведены, как мы выше отметили, всего за четыре года. Читатель уже знает, что в эти годы он закончил аспирантуру, получил диплом кандидата технических наук, мало того, еще опубликовал много критических статей, преподавал в КазГМИ, активно вел общественную работу. Невольно подумаешь, как он везде успевал?

В статье «Как дела, художественный перевод?», опубликованной в газете «Лениншил жас» 4 июля 1975 года, Евней Арыстанулы, ведя речь о переводе лучших произведений национальной прозы на русский язык, с болью и возмущением говорит о том, как

Created by free version of 2PDF
Buketov University

московские писатели искалечили образный, сочный, колоритный язык казахских мастеров пера: «Давайте прочитаем первые два предложения знаменитого романа Габита Мусрепова "Пробужденный край", кстати, наши читатели наизусть знают начало замечательного произведения классика. Потому что именно эти два предложения сразу же втягивают читателя в водоворот событий, это бесспорная аксиома. Переводчик А. Садовский в своем переводе, изданном в Москве в 1962 году, эти предложения подает так: "Аулы двух баев жили и кочевали в яростном соперничестве и непримиримой вражде, никогда не теряли один другого из виду и остановились на этот раз в самом соседстве..." А в новом переводе, выполненном Н. Гордеевым и В. Дудинцевым (издан в 1972 году), эти же строки звучат: "И опять сошлись и теснят друг друга в яростном соперничестве два богатых аула, расположенные на очередной стоянке по пути к осенним пастбищам. Белые юрты пока не поставлены..."

О переводе лишь двух предложений Габеке на русский язык в двух публикациях можно говорить долго, оба перевода не только не доводят до читателя самую соль первоисточника, но еще и сильно обедняют мысль автора. Значит, оба перевода не сохранили подлинную суть этих двух предложений — и содержание, и художественную красоту. А такого, скажем прямо, достигает только подлинный мастер слова».

Автор статьи сознательно берет для сравнения два перевода преуспевших в этом московских писателей. И Садовский, и Дудинцев, и Гордеев — в то время были на коне, тем не менее они не справились с переводом лучшего казахского романа. Почему? По мысли автора, высокохудожественные произведения казахской литературы доходят до русского читателя в неузнаваемом, уродливом виде, значительно уступают оригиналу, зачастую перевод их поставлен на поток, для галочки, с тем, чтобы не говорили, что в Москве вовсе не занимаются ими. «В основном у нас не так мало переводится. Но как переводится?» — с горечью вопрошает Евней Букетов.

Created by free version of 2PDF

Дело еще и в том, что переводчики с казахского на русский язык вообще не знают ни слова по-казахски и перевод сводят к художественной обработке подготовленного для них подстрочника, а его делают люди, которые знают оба языка, но у них не достает словарного запаса, они не могут проникнуть в глубину текста, у них отсутствует художественное чутье. Посредник между автором и переводчиком не знает и не совсем понимает скрытый юмор, манеру письма Мусрепова, потому он толкует всё по своему разумению, меряет на свой аршин. А понимает он не так уж много да и торопится скорее закончить подстрочный перевод и получить гонорар за свой труд, свои жалкие гроши. Можно ли требовать от него полноценной работы и высокого качества при таком отношении к переводу классических произведений? Фактически несправедливо на них обижаться. Но как выйти из этого круга неудач? Вот главная мысль автора: профессиональный переводчик должен быть представителем того народа, которому принадлежит переводимое произведение, и он обязательно должен знать оба языка в совершенстве, кроме того, обладать литературными способностями, быть опытным писателем!..

И тут невольно напрашивается крамольная мысль: почему наши маститые литераторы, тот же Габит Мусрепов, Сабит Муканов или руководители Союза писателей Казахстана, признавая несомненный талант Евнея Букетова, в совершенстве владевшего русским языком, зарекомендовавшего себя высококвалифицированным переводчиком романов, повестей с русского, не предложили ему: «Евней, не попробовать ли тебе переводить с казахского на русский кого-либо из нас?..» Досадно, но он ни разу подобного предложения ни от кого из них не услышал, а сам не напрашивался, наверное, считая это неуместным. По-видимому, здесь сыграла свою роль наша закоренелая и вредная привычка не замечать, не ценить рядом находящиеся таланты, а искать авторитетных переводчиков за тридевять земель, в Москве («Как же, мои произведения переводят московские литераторы!»), и это нанесло

Created by free version of 2PDF
Букетов Университет

непоправимый вред становлению казахских переводчиков...

Хотя, справедливости ради, следует сказать, что однажды в 1955 или 1956 году Букетова пригласили в ЦК КП Казахстана и предложили стать собственным корреспондентом союзной «Литературной газеты». Но он отказался, мотивируя свой ответ тем, что он научный работник и желает таковым остаться.

— А литература? — спросил партийный чиновник.

— Это мое хобби, в свободное время увлекаюсь, в основном для души... — ответил Букетов.

И это было правдой. По этому поводу он позднее писал: «Как я смотрю на свои литературные труды? Смотрю хорошо, с удовлетворением. Это переводы и рецензии. Причины, толкавшие писать много, возникли от духовной потребности... заниматься переводами начал из желания помочь своим соотечественникам, которые плохо владели русским языком, вследствие этого не могли знакомиться с шедеврами мировой литературы. Мне нравился процесс переводческой деятельности: он неимоверно труден, зато получаешь творческое наслаждение... Большое счастье иметь возможность отказаться от того, в чем ты начал сомневаться, дать себе отдых и подумать над тем, что ты делаешь. Я имел возможность отказаться от писания. Вернулся к писательскому труду тогда, когда понял, что мне есть о чем писать, есть мысли, знания...»

III

Казалось, Евней Арыстанулы и Зубайра Дуйсенкызы были предназначены друг для друга. Такое сочетание супругов редко бывает в жизни. Они жили в мире и согласии, у них совпадало почти все — избранная профессия, взгляды на жизнь, желания, спокойные характеры, гостеприимство. Они понимали друг друга с полуслова, довольствовались тем, что есть, не искали несбыточного, материального достатка сверх меры. Близкие, знакомые, друзья-товарищи приходили к ним

Created by free version of 2PDF
Buketov University

с удовольствием, несмотря на то, что они в то время ютились в одной комнате коммуналки, но они создали там уютный семейный очаг.

Евней, с молодых лет поставивший перед собой высокую цель, ни шагу не отступал от нее: получил высшее техническое образование, успешно начал научную карьеру. По его примеру все его четыре младших брата, во всем подражая своему «Бапа», также закончили технические вузы. Материальное обеспечение матери, которая по-прежнему жила на родине, по очереди отправляя младших сыновей, по требованию Евнея, в Алматы (последыша в Караганду), он полностью взял на себя. Вслед за ним в Алматы первым приехал и поступил учиться Камзабай. Он вынужден был с юных лет работать и среднюю школу не смог закончить. Когда ему уже было за двадцать, старший брат потребовал: «Пока не обзавелся семьей, учись!..» В 1953 году Камзабай поступил в алматинский строительный техникум. После него в Алматы приехали братья Жартас и Шабдан. Оба учились в том институте, где Евней работал, и успешно закончили горный факультет КазГМИ. В учебе всем им значительную помощь оказала и Зубайра Дуйсенкызы, она опекала младших Букетовых, заменяя всем им мать. Выросшая в многодетной семье, она никого из молодых Букетовых не упрекала ни в чем, ровно и ласково относилась ко всем. А Шабдан постоянно жил у них, так как учился в алматинской средней школе...

Молодым супругам нелегко было нести эти заботы, не зря говорят: дом с детьми — базар, но они не роптали...

А вот своих детей им Аллах не послал, и от этого они чувствовали себя несчастными. Как они хотели, чтобы в их доме раздался звонкий детский смех!.. Но, увы... Со временем отсутствие дитя начало нарушать идиллию согласия, тепла и уюта в их очаге уже не было.

В книге «Родник Евнея» опубликовано стихотворение, вынесенное нами в эпиграф этой главы, она посвящена «Асе». А она — первенец его брата Шабдана,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

смышленая девочнка училась в школе только на отлично, писала стихи уже в детстве. «Сейчас дочка нашего клана, по воле судьбы, живет под Миланом в Италии...» — пишет в автобиографической книге К. А. Букетов. «Мой младший Гайса тоже учился хорошо. Сейчас живет в Алматы со своей семьей, имеет детей, пошел по стопам брата Евнея, занимается наукой, пока кандидат химических наук, — писал он в ответном письме по моему конкретному запросу, касающемуся старшего брата. — Зимой брат два-три раза в неделю приходил к нам домой, особенно долго разговаривал с Гайсой, чему-то его обучал, и то, что раньше задавал ему, повторяли, посидев пару часов, довольный уходил в свою квартиру. За четырнадцать лет совместного проживания в одном доме он ни разу не изменил этой привычке. Мы с супругой Бикен, естественно, любили своих птенцов не меньше его, но мы поражались, что он любил детей по-особому. Евнея обожали дети, так как он проявлял нежность и человечность в отношении к ним, особенно он много внимания уделял воспитанию ребят, у кого были хорошие задатки к учебе, он их всегда и постоянно опекал. Поразительно было то, что он никогда не показывал, кого из детей любит чуть больше, чем другого...»

Здесь описано характерное для Евнея Арыстанулы поведение, когда ему уже перевалило за пятьдесят.

С Зубайрой счастья стать отцом он так и не испытал. Не трудно понять всю глубину его душевной драмы. Одновременно эту драму переживала и Зубайра Дуйсенкызы. Ее страдания были еще тяжелее, чем у мужа: за долгие и унизительные обследования у врачей-гинекологов она уже поняла, что причиной бездетности является она сама. Мало того, она знала, самое страшное, что поправить это — уже невозможно...

Эти мучения супругов становились с каждым днем все более невыносимыми, а терпение, несмотря на их природный такт и уравновешанность, начало все равно иссякать. Взаимная любовь и привязанность шли на убыль, из года в год они приближались к роковой черте.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«В то время я учился в техникуме. Было лето 1956 года, — в очередном письме мне писал Камза-еке в августе 2003 года. — Однажды мать мне сказала: "Евней решил разойтись с Зубайрой. Причина развода — нет детей. Аллах свидетель, я очень полюбила ее, всегда думала, что строптивому по характеру Евнею сам Всевышний послал умную, спокойную женщину. Как услышала о намерении Евнея, лишилась сна... Единственный выход, чтобы они не развелись, — эту маленькую девочку, которую я воспитываю, отдать им, чтобы они удочерили ее..." Она имела в виду трехлетнюю дочку дяди Маутая, у которого скоропостижно скончалась жена, девочка осталась сиротой, и наша мать взяла ее к себе, звали ее Асима. В то время ей было чуть больше трех лет. Короче говоря, когда я возвращался в Алматы на учебу, то взял ее с собой. Брат и сноха меня встретили на вокзале, и там я сразу почувствовал по их выражению лиц что-то неладное. На следующий день начиналась учеба, поэтому я быстро ушел в общежитие. В субботу снова пришел к ним домой. Зуке ребенка искупала, подстригла ей волосы, одела ее во все новое. Асима стала маленькой красавицей. Смазливая девчушка, быстро привыкнув к ней, не отставала от нее ни на шаг, везде следовала за ней. На душе у меня стало теплее. Я просто поразился мудрости нашей матери... Брата дома не было, я не стал спрашивать, где он; обрадовавшись, что дело пошло на лад, ушел в общежитие.

Через несколько суток я снова пришел, Зуке мне сообщает: "Отпросись с занятий, надо этого ребенка отвезти к матери. Асиму привезли к нам поздновато, с твоим братом мы окончательно решили развестись. Евней ушел жить в общежитие..." — сказала так, как будто мне по голове обухом ударила. Некоторое время мы оба сидели молча, потом, как бы излив души, что-то друг другу сказали и даже прослезились. В тот час пришел Евней. Мне принес билет на прямой поезд в Петропавловск (в это время уже действовала прямая железная дорога Моинты—Чу, которая сократила время проезда почти втрое. — *М. С.*). Сходив к директору тех-

Created by free version of 2PDF
Viktor Universal

никума, он попросил освободить меня от учебы на одну неделю. Что поделаешь, беспрекословно выполнять, что говорит брат, — с малых лет для меня неписаный закон. Как побитый, захватив девочку, отправился в родной аул. Когда приехал, получил хорошую взбучку от матери: "Почему ребенка обратно привез, я же тебе сказала, во чтобы то ни стало через Асиму их помирить?!.." — кричала она на меня и долго проплакала. Сейчас я думаю, она очень любила свою первую сноху, с острой душевной болью переживала за тяжелую судьбу Евнея, верила в высокие человеческие качества Зуке, что она хорошая супруга сыну и нам отличная сноха. Видевшая разные жизненные ситуации, наша мать по этому поводу нисколько не ошиблась...»

IV

У Евнея Арыстанулы был притягательный, общительный характер. В те годы, когда мы учились на последних курсах, он жил в студенческом общежитии, был уже холостяком...

Однажды вечером я пришел к нему в комнату, чтобы показать свой новый рассказ. Иногда он собирал группу студентов в своей комнате и зачитывал нам отрывки из комедии В. Маяковского «Клоп», которую в это время переводил. На таких вечерах я, тоже грешивший сочинительством, нередко делился своими соображениями, поэтому мой визит к нему со своим рассказом был неслучайным. Евней Арыстанулы, бегло перелистав мое «творение», изрек: «Приглашай джигитов, кого найдешь, сейчас же прочитаем». Я привел несколько своих дружков и начал читать рассказ.

Этот рассказ до сегодняшнего дня не опубликован. Видимо, не очень достоин этого. Назывался он «Обманутая надежда», а сюжет был таким: алматинский студент влюбился в привлекательную девушку, которая проживала в другом городе. Соскучившись по ней, он

Created by free version of 2PDF
Buketov University

неожиданно приезжает туда и, встретив любимую в объятьях другого парня, тут же уезжает обратно...

Прочитал его минут за двадцать. Кончив, жду суда товарищей.

— Ну, высказывайтесь, — требует Евней Арыстанулы.

— По-моему, герой рассказа — слишком хлипкий парень, за свою любовь надо бороться, а он, молча проглотив обиду, уезжает обратно, — сказал один из слушателей.

— Ну, как не уехать, если та красавица, которой он свято верил, оказалась склонной к измене и перемене, как ветер мая. Такую вертихвостку нельзя изображать красавицей, надо ее показывать кривоногой...

— Правильное замечание! Даже лучше, если еще и узкоглазой показать, у которой не все шарики в голове...

— По-моему, ты в нашем институте зря вертишься. Тебе нужно было поступать в университет, на филологический факультет, лучше на журфак... — заметил еще один из умников. — Вы же, Ебеке, не знаете, что он во время лекций иногда пописывает вот такие опусы...

Мои знакомые, острые на язык, вместо того чтобы обсуждать мой рассказ, перешли на подковырки и насмешки в мой адрес. Евней Арыстанулы пока молчал. Мои же друзья вошли во вкус: мол, кто погонится за двумя зайцами, ни одного не поймает. В общем, разгорелся вечный спор о физике и лирике.

— Вы не по той тропе пошли, джигиты! — громко хохоча, воскликнул Ебеке наконец. — Вы же с удовольствием читали новый роман Даниила Гранина «Искатели»? Потому что в романе описывается близкая вам среда, люди производства. А вы знаете, что автор романа технарь? Благодаря этому он сумел верно, изнутри показать производственную атмосферу, создать правдивые образы своих героев — ему это всё знакомо, так как сам он когда-то работал в цеху. Так что, ребята, зря не критикуйте своего товарища...

Потом Ебеке по поводу моего рассказа высказал ряд замечаний, но в основном одобрил сюжетную кан-

Created by free version of 2PDF

Buket by University

ву, скорее, мое стремление к творчеству. И те, кто на меня ополчились, сразу утихомирились... Теперь же я думаю, что Евней Арыстанулы, несмотря на слабый рассказ, меня не зря поддержал...

Позднее в одном из первых номеров нашей институтской газеты «За инженерные кадры» был опубликован мой очерк «Наш любимый профессор». Подтолкнул меня к написанию этого очерка Евней Арыстанулы.

— Тебе известно, что нашему математику Николаю Степановичу скоро исполняется семьдесят пять лет? — спросил он меня.

— Знаю.

— А если я тебе, как редактор, закажу очерк о нем?

— О, агай, не смогу, ведь надо писать по-русски... — замялся я. — Освободите меня от этого поручения...

— Пиши на казахском, вообще всё, что думаешь об этом чудесном человеке. Ведь он ваш любимец... Если сумеешь написать стоящий очерк, за переводом дело не станет.

Профессор Старков был уважаемым человеком. На первых двух курсах он преподавал нам высшую математику, читал свой предмет прекрасно. Чудаковатый и бесхитростный по характеру, он был, когда требовалось, очень строгим человеком. Его биография просто поразительна: защитил кандидатскую диссертацию, когда ему исполнилось 66 лет; накануне своего 75-летия получил звание профессора; а по специальности, как ни странно, он был геодезистом, в 1930-е годы он вдоль и поперек исколесил казахскую степь — от берегов Каспия до снежных вершин Алатау, производя топографические съемки для географических карт.

Разумеется, писать о таком необыкновенном человеке с уникальной биографией не составляло особого труда. Но я решил не повторять анкету по учету кадров, а начал свой рассказ с одного частного случая, произошедшего лично со мной.

Это было на первом курсе, в 1953 году, на первом же экзамене...

— Уважаемый, как это так?! Ты не ответил на два

Created by free version of 2PDF
Buketov University

вопроса билета. Знаний — ноль!.. — сказал профессор Старков, сердито толкнув мою зачетку. Я угрюмо молчал. — Как же с такими слабыми знаниями ты сумел поступить в наш институт?..

Понуро склонив голову, я еле слышно произнес:

— Я медалист.

— А-а, что ты сказал?! Какая медаль?!

— Зо... зо-ло-тая...

Кинув зачетную книжку на стол, профессор удивленно взглянул на меня и сказал:

— Ну-ка, мил человек, проверим твою медаль на зубок. Настоящая или фальшивая?

Он написал в моей тетради уравнение с двумя неизвестными. Это была задача для школьника. Я легко справился с ней. Николай Степанович, проверив решение, подкинул еще пару уравнений, притом писал их, не глядя в книжки, придумывая на ходу. Эти оказались более сложными. Потратив на них четверть часа или чуть более, я справился и с ними. Профессор несколько подобрел, покачав седой головой, продолжал испытание... Над следующими задачами я потел целый час. В общем, пока двенадцать человек из нашей подгруппы в течение трех часов сдавали экзамены, я сидел возле Старкова.

Наконец мы остались в аудитории вдвоем.

— Уважаемый, медаль твоя действительно золотая!.. — буркнул Николай Степанович. — Вижу, ты нашей закалки, но в чем дело, почему ты не ответил на вопросы, поставленные в билете?

Я объяснил, что окончил аульную школу, его лекции в первые дни совсем не понимал...

— Ясно, мил человек, надо было подойти ко мне, остаться на дополнительные занятия, а ты, наверное, стеснялся... Попросить никогда не зазорно, а не знать предмет — это никуда не годится!.. Поэтому сейчас я тебе поставлю авансом тройку. Если я так не сделаю, тебя исключат из института или, в лучшем случае, лишат стипендии. Словом, со второго семестра мы вдвоем с тобой заново возьмемся изучать основы высшей математики...

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Куда же мне было деваться? Оставалось только благодарить ставшего вдруг снисходительным экзаменатора. А во втором полугодии на изучение высшей математики я бросил все силы. И подстегивал меня сам профессор Старков. Короче говоря, к летней экзаменационной сессии по этому предмету я подготовился основательно...

Николай Степанович был доволен мною, я ответил на все вопросы контрольного билета, но он в зачетке моей поставил четверку. Я же рассчитывал на пятерку и, насупившись, попросил задать мне дополнительные вопросы. Николай Степанович вместо ответа громко рассмеялся, хитровато взглянув на меня: «Дорогой, ты уже забыл, как мы договаривались зимой! В тот раз я тебе один балл дал в долг, сейчас его возвращаю, значит, мы уже квиты... Если и на следующем экзамене будешь отвечать так, как сегодня, считай пятерка тебе обеспечена, я не жадный на оценки!..»

Стержневым сюжетом очерка о Н. С. Старкове стал этот случай, честный мой рассказ о строгости и справедливости наставника. Конечно, не преминул я написать и о других его достоинствах, о его трудовой и преподавательской биографии...

Прочитав очерк, Евней Арыстанулы сказал:

— Правдивая вещь получилась. Будем переводить и печатать...

Естественно, перевел его на русский язык сам редактор газеты «За инженерные кадры». На мой взгляд, очерк при переводе получился еще лучше, засверкал всеми гранями. Но это для меня обернулось дополнительной нагрузкой...

Через неделю, после публикации очерка «Мой любимый профессор», меня пригласил Евней Арыстанулы и сообщил, что партбюро института приняло решение выпускать четвертую страницу многотиражки на казахском языке и что мне поручено готовить эту полосу. Готовить еженедельно целую страницу было не так-то просто и опытному журналисту, а каково мне, студенту технического института?.. Все же пришлось этим заняться. Я ходил по комнатам общежитий, со-

Created by free version of 2PDF
Polotsk University

бирал стихи студентов, рассказы и фельетоны, разные занимательные и смешные истории из жизни молодежи, дружеские шаржи (среди студентов КазГМИ в те годы очень много было любителей рисовать)... Словом, четвертая страница газеты стала популярной среди казахской молодежи института.

В результате совместная работа с таким литератором, как Е. А. Букетов, общение с этим разносторонне развитым человеком в конце концов привели меня на полную превратностей и тревог, страданий и быстро проходящей славы, одновременно захватывающую дух тропу писателя...

* * *

Со второй женой Евнея Арыстанулы — Алмой Битеевой я познакомился в Алматы, летом 2003 года, когда уже писал эту книгу. Я пришел к ней домой, предварительно созвонившись, притом не скрывая цели своего визита, того, что разговор будет о ее молодости, когда они с Евнеем Арыстанулы жили под одной крышей, как говорят, дружно и весело, а также и о причинах их дальнейших разногласий. Аллах свидетель, я не скрывал от нее своих намерений отразить в своем документальном произведении и семейные проблемы, какими бы они ни были неприятными и тяжелыми для нее, ведь читателей интересует и эта сторона жизни Букетова, хотя разбираться в чужой жизни, скрытой от посторонних глаз, — очень тяжело...

Что поделаешь, автору документального произведения надо знать и такие сугубо интимные стороны жизни своего героя. Иначе не получится правдивая книга о нем. Советская идеология заставляла авторов обходить их стороной. Потому и создавались стандартные, однобокие образы идеальных и во всем «правильных» людей, что вовсе не соответствовало действительности. Зарубежные литераторы отвергли этот метод так называемого «социалистического реализма» — создания мнимых, ходульных героев, наоборот, показывают

Created by free version of 2PDF
Bikol University

человека без прикрас, таким, какой он есть со всеми его слабостями, потому что в жизни нет человека без грехов и недостатков. «Почему же не поучиться, скажем, у известного французского мастера биографического жанра — Андре Моруа, создавшего такие шедевры, как, скажем, "Жизнь Александра Флеминга" и другие?» — думал я, решившись писать биографию своего героя.

Итак, в беседе с Алмой Битеевой я выяснил, что она родилась в 1935 году в семье Бекжана Битеева, у него было восемь детей (четыре девочки, четыре мальчика). Окончив русскую школу, она поступила в КазГУ на русское отделение филологического факультета. Глава семьи Бекжан-аксакал имел среднее образование. До 1940 года он закончил какой-то техникум, благодаря этому в годы войны перебрался в Алматы, работал управляющим республиканской конторы по сбору утильсырья. Должно быть, своим практическим умом он хорошо усвоил житейскую истину, что успех детей в жизни зависит от образования. Потому Бекжан все свои силы направил на то, чтобы все дети закончили вузы. Но, к сожалению, он не увидел плодов своей мечты, умер в 1960-е годы, и тяготы обучения младших детей легли на плечи его энергичной супруги...

— Евней в студенческие годы часто приходил к нам домой, я тогда была ученицей младших классов и еще ходила с длинной косой и белым бантиком... — с улыбкой вспоминала Алма Бекжанкызы. — А приходил он к нам потому, что мы с ним из одного племени — даже из одной подгруппы рода атыгай. Его предки жили в Северном Казахстане, а наши — в бывшем Кокшетауском уезде... Отец наш был замечательным рассказчиком, прекрасно знал родословную-шежире своего рода. Кроме того, он высоко ценил родственные отношения, считал всех атыгайцев своими близкими. Словом, они с Евнеем друг друга уважали... Однажды, когда Евней пришел, отца дома не было, ему пришлось долго ждать. Мне это надоело, и когда отец вернулся с работы, я, стремглав выбежав к нему на-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

встречу, выплеснула накопившееся во мне недовольство: «Этот длинный, как жердь, парень, твой родственник целый день ждет тебя», на что отец мне выговорил сердито: «Нельзя так говорить, доченька, когда джигит удался ростом — это очень хорошая примета: во-первых, это признак благородства! Во-вторых, он — из рода богатырей, предки у него — одни батыры...» Почему-то эти слова отца запали мне в память. Откуда я могла знать, что выйду замуж за него, которого высмеивала за высокий рост...

Судьба распорядилась именно так: когда Алма повзрослела, они снова встретились. Этому благоприятствовали некоторые обстоятельства: Евней Арыстанулы часто навещал своего друга, драматурга Калтая Мухамеджанова; их тянуло друг к другу, у них был общий интерес — они обожали театр, к тому же Евней в те годы стал грозным для драматургов критиком; и, конечно, начинающему драматургу он представлялся этаким мэтром. Долго ходивший в холостяках Калтай женился на красавице Фариде, а она была старшей дочерью Бекжана Битеева. И однажды холостяк Евней в квартире друга встретил повзрослевшую, похорошевшую, стройную девушку, она училась на последнем курсе университета. Это была та самая озорная девчонка, школьница Алма, когда-то бегавшая в доме Бекжана-аксакала, с длинными, почти до пят косами. В душе джигита что-то перевернулось, поднялась буря непонятных эмоций. Ему показалось, что он, наконец-то, встретил ту Карагоз, давно потерянную. Лишившись дара речи, он стоял как вкопанный. Девушка ушла в другую комнату, а Евней все глядел ей вслед. Он уже понял, что влюбился в нее с первого взгляда. Сердечная тоска его продолжалась довольно долго. Подойти к ней, пригласить куда-нибудь, не говоря уж о танцах, на вечер отдыха, хотя бы на новую постановку театра, он не решался. Порывы сердца сдерживала разница в возрасте. Хорошо, если примет она приглашение, а если скажет: «Нет, что вы, с каким намерением приглашаете?..», что делать тогда?..

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Любовные страдания друга заметил Калтай и однажды не то всерьез, не то в шутку сказал:

— Эй, холостяк, моя балдызка* уже заканчивает КазГУ, считай, что через пару месяцев ты ее потеряешь навсегда, ей уже за двадцать... Если заплатишь мне хороший калым** — посодействую в твою пользу, как-никак я — ее родной зять, и Алма будет твоя.

Намеки Калтая были услышаны. Евней стал действовать смелее, и Алма не отвергла ухаживаний ученого джигита (разница в возрасте была всего десять лет), в конце лета они справили свадьбу.

Свадьба — всегда веселье, но оно быстро проходит, как весеннее половодье. А вся будничная жизнь, как говорится, впереди. В следующем, 1959 году, 26 июля в шанираке Евнея впервые раздалось детское «уа-уа». Евней стал отцом, тогда ему исполнилось тридцать четыре года. Младенец огласил своим громким криком огромную квартиру (в это время Букетовы, покинув студенческое общежитие, получили четырехкомнатную квартиру в центре города). Счастливый отец, приоткрыв завернутую в одеяло дочь, долго всматривался в лицо крошки, потом удовлетворенно сказал: «Ух ты, уже качает свои права, как бы заявляя, вы меня узнаете? Истинная красавица! Мать наша правильно назвала ее: имя звучное и громкое — Акслу***, только Акслу, не иначе!..» А потом, балуя малышку, нежно звал ее — Аканай, с вариациями Акантай, чаще всего — Акакок. Последнее обращение, по словам Алмы Бекжанкызы, окончательно закрепилось за нею, отец в последние годы постоянно величал ее именно так.

В беседе с Алмой Бекжанкызы я поинтересовался: «А как вас звал супруг? Наверное, Алмажан? Или называл другим ласкательным именем?»

— О нет, хотя и любил страстно, никогда открыто не показывал свои чувства, в этом он был скуповат.

---

* Так называется младшая сестра жены по отношению к мужу.

** Выкуп за невесту.

*** Дословно: светлая красавица.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Меня он называл Алмабай, видимо, чтобы сочеталось с созвучным, ласкательным именем дочери — Аканай. Вообще, он был очень строг, требователен. Мне объясняли, что так его воспитала бабушка, он ведь с малых лет верховодил в своем доме. Покойная свекровь моя, Бальтай, была умной женщиной, она меня сразу предупредила, чтобы я ему ни в чем не перечила, что весь мужской род Букетовых привык командовать женщинами. Она говорила, что от этого вреда не будет, и, если хочешь добиться чего-то от него, можно всегда это получить лаской и умом... Я молодая была, в те годы не очень слушалась старших, повидавших жизнь. Сейчас я думаю, что свекровь моя была во многом права...

* * *

В «Шести письмах другу» в ироническом тоне говорится: «Переход в положение хорошо зарабатывающего научного работника, преподавателя высшего учебного заведения (каковым стал сразу же после защиты диссертации) очень тешил мое самолюбие, и, как я уже писал тебе, в определенный период я был очень доволен собой...»

К счастью, этот период благодушия и самодовольства продолжался недолго.

Пытливый ум Букетова постоянно жаждал новых впечатлений, достижений, открытий, и он снова окунулся в науку. Теперь его целиком захватила идея внедрения в производство более эффективной технологии выплавки меди, при которой бы значительно увеличился выход сопутствующих металлов — молибдена, селена, теллура. Что касается молибдена, то ему уже казалось, что проблема извлечения его из шламов положительно решена им еще в 1954 году в кандидатской диссертации. Содержащиеся в ней расчеты просто надо проверить на производстве, скажем, на том же Балхашском медеплавильном гиганте. Что обещает огромную выгоду для государства. Параллельно этому он мечтал повторно извлекать из гор отходов производст-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ва, на языке металлургов — отвалов, в бурю засыпавших пылью весь город Балхаш, редкие элементы, что также принесло бы миллионные прибыли, так как потребность в них растет из года в год.

Этот замысел по своей значимости не только в то время, но и сейчас (спустя пятьдесят лет, в XXI веке) поражает своим размахом. В голову молодому ученому-металлургу пришла просто уму непостижимая мысль. Да и сам он признает это в своих воспоминаниях: «Это был, конечно, очень дерзкий план. Но почему-то ныне этого не стыжусь. Не стыжусь, вероятно, потому что ни тогда, ни после я ни минуты не сомневался, что добьюсь успеха... Я надеялся только на упорный труд и верил, что он будет вознагражден. Мечты эти принимали, как теперь вспоминаю, просто глобальные размеры».

Итак, молодой ученый Букетов составил программу комплексного извлечения многих редких элементов из отходов цветной металлургии. Подключив к реализации программы нескольких аспирантов института и даже лучших своих студентов, он хотел немедленно начать исследования, понимая, что они могут затянуться на добрый десяток лет, а то и больше. Но сроки его не пугали. Кстати, он не был фантазером, некоторые новшества надеялся внедрить в производство в ближайшее время, а за счет полученных от этого дивидендов и финансовой помощи в широкомасштабную программу расширить тематику исследований. Государственных субсидий, выделяемых для высших учебных заведений на такие исследования, было недостаточно (они тратились на подготовку аспирантов и только мизерная часть — на незначительные исследовательские работы), потому весь расчет был на солидную помощь производственных комбинатов, которые очень нуждались в усовершенствовании своей технологии, ведь это было выгодно для них, было даже нужнее им, чем ученым...

Цель была ясна, усилия сплоченной команды сулили успех. Однако...

Автор «Шести писем другу» приводит один случай,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

произошедший с ним в тот напряженный период. Когда он приехал вместе с практикантами-студентами на один из заводов Урала, цех завода, выпускавший редкий металл, переезжал в новое здание. Наш ученый, узнав, что там собираются работать по старинке, срочно набрал деловых и знающих помощников и в короткий срок провел задуманный эксперимент в заводской лаборатории, после этого предложил заводчанам изменить производственный цикл и перенести в новый цех обновленную технологию. Его предложение обсудили на техническом совете. Ни один из инженеров-технологов не был против, наоборот, все дружно одобрили, даже высказали благодарность за помощь. Но начальник цеха, Манефа Максимовна К., мило улыбаясь, сказала: вначале надо переехать в новое здание, немного освоиться там, и тогда уж она с великим удовольствием возьмется внедрять новшество, предложенное уважаемым казахстанским ученым...

Такой компромисс устраивал обе стороны. Но когда Е. А. Букетов собрался уезжать, Николай Алексеевич (Алексей Николаевич Полукаров. — *М. С.*) — опытный производственник и рационализатор, потому и ставший близким приятелем Букетова, сказал ему напрямик: «Я хочу вас предупредить, Евней Арстанович, чтобы вы не очень обольщались и надеялись на заверение этой красивой бабы, через день-два она о нем забудет, как это с ней бывало не раз. То есть хочу сказать, что из-за предложения какого-то приезжего, оказавшегося умнее ее, не будет она нарушать свою привычную, спокойную жизнь. Если вы спросите ее: почему же, она, снова сладко улыбаясь, что-нибудь вам наплетет и будет так тянуть кота за хвост изо дня в день, из года в год, пока вы сами от всего не откажетесь...» «Николай Алексеевич оказался прав. Идея моя была похоронена и именно таким образом, как и другие идеи, как предсказывал друг», — пишет Е. Букетов.

Между тем это событие и другие случаи заставили Евнея Арыстанулы, наметившего комплексные иссле-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дования, скорректировать их в сторону сокращения. Такие заслоны науке создавались почти во всех отраслях промышленности Советского Союза. Причина этого одна — бюрократизм. Отдельные энтузиасты десятками лет пробивали свои идеи, отдавая этому все силы, с горем пополам добивались желаемых результатов, но чтобы внедрить их в производство, приходилось начинать все заново. Самое печальное, что конкретно препятствовавших этому консерваторов никогда не находили и не наказывали...

А выпуск редких металлов для казахстанских металлургов был совершенно новым делом. Хотя они назывались «редкими», в рудах казахской степи их было немало, некоторые встречались даже в виде компактных скоплений. Учитывая все возрастающую потребность в них, Госплан СССР постоянно увеличивал объемы их выпуска. Но, увы, технология получения их была сложной и до конца не отработанной. Намерение кандидата технических наук Е. А. Букетова направить это дело в нужное русло диктовалось острой производственной необходимостью. Потому он, несмотря на большую загруженность, ежедневно час-другой, иногда день-два в течение недели просиживал в лаборатории института. «Но как и в годы, когда был аспирантом, не смог уходить в проблему с головой, думать о ней днем и ночью, на долгие эксперименты не было условий. Но я жаждал деятельности, я верил в свои силы, мечтал о популярности...» — признается он в своих записях.

По прошествии довольно долгого времени он понял, что, работая в высшем учебном заведении, осуществить задуманное почти невозможно: «Я уже начал приходить к скептической мысли, что планы мои относительно широкого проведения намеченных исследований останутся планами, после окончания... аспирантуры я так и не приблизился к научной цели, о которой мечтал...»

Что делать? Может, перейти в академический институт, попроситься в специальную лабораторию, там найти сподвижников и ринуться в исследования?..

Buketov University

Created by free version of 2PDF

* * *

Осенью 1958 года по рекомендации тогдашнего директора КазГМИ Умирхана Аймагамбетулы Байконырова Е. А. Букетов был назначен заместителем директора по учебной части. На директорскую должность У. А. Байконыров был приглашен в 1952 году, до этого работал в Жезказгане, где был главным инженером и начальником крупной шахты. Умирхан Аймагамбетулы, как говорили сослуживцы, на свою «бедную голову», занимался и научной работой, даже имел ученую степень. Вот почему он и возглавил единственный технический институт республики. Байконыров уже более десяти лет руководил престижным учебным заведением, стал доктором технических наук, профессором, избрали его и членом в АН КазССР...

— В твои обязанности входит следить за успеваемостью студентов, создавать условия, чтобы они стали хорошими специалистами. Для этого, конечно, весь преподавательский коллектив института должен плодотворно трудиться, — наставлял директор учебного заведения своего нового заместителя. — Как будет работать первый руководитель института — его дело, пусть это вас не касается. А заместитель должен трудиться беспрерывно. Чем больше трудишься, тем больше бывает ошибок, просчетов — это закон жизни. Все предугадать, запланировать невозможно, будем их исправлять совместно — если такое случится... Мой авторитет во многом зависит от заместителей, таких как ты, от их умения работать... Один из путей добиться хороших результатов — стараться понравиться окружающим тебя людям, найти ключ к сердцам их, уметь ладить с ними и расставить кадры по их способностям. Это целая наука. Надо уметь верно определить характер каждого человека, его способности, дорогой...

После этих назиданий директора института Евней Арыстанулы крепко задумался, взвешивая свалившуюся на него ответственность. У него ведь не было опыта руководящей работы.

Created by free version of 2PDF

Приступив к исполнению своих обязанностей замдиректора по учебной части, Евней Арыстанулы решил послушать лекции некоторых коллег. Посетив лекцию доцента Р. А. Орманова (в автобиографической повести фамилия его изменена), он убедился, что коллега преподает физику на низком уровне. Хотя доцент Орманов неплохо знал свой предмет, Букетова удивило то, что он не умеет донести свои знания до слушателей, причина — неподготовленность к лекции, кроме того, он мельтешил, суетился перед доской, написав формулы, толком их не объяснив, тут же их стирал. Затем переходил к новым. Студенты не успевали записывать, не то чтобы усвоить...

После занятий заместитель директора предложил разобрать прошедшую лекцию. Но заведующий кафедрой, пожилой профессор, выгораживая преподавателя своей кафедры, стал на дыбы: «Лекция прошла неплохо. Рахат Ахметович несколько тороплив, но это дело поправимое...»

Евней Арыстанулы в тот же день продолжил разговор с профессором-физиком в своем служебном кабинете и прямо выразил ему свои претензии: «Вы, уважаемый профессор, несмотря на то, что доцент Орманов плохо читал свой курс, видя его значительные методические промахи, заступились за него. Я не понимаю вас...» Заведующий кафедрой вскипел, даже до конца не выслушав его: «Когда я стал профессором, вы, молодой человек, еще под столом ползали, если забыли об этом, могу напомнить!..» — и хлопнул дверью.

«Пришлось мне самому поговорить с Ормановым, — пишет автор «Шести писем другу». — Он не стал хорошим лектором, однако после беседы со мной начал лучше готовиться и читал довольно сносно. Зато, познакомившись со мной, Рахат Ахметович приобрел дополнительную возможность для изыскания нужных приборов, для обращения к нужным людям от имени института и периодически мобилизовал меня на эти дела. Словом, Орманов умел даже свои недостатки использовать в интересах своего дела».

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Недобросовестных преподавателей в институте оказалось не так уж мало. В борьбе с ними заместитель директора института добился некоторых успехов, но не избежал ошибок. Одной из таких проигранных ситуаций, по словам автора, был печальный случай с одним из талантливых химиков института. «Я проявил рьяную активность, оказывается, не поняв провокаций его явных недоброжелателей, и это послужило причиной его преждевременного ухода на пенсию...» — с глубоким сожалением пишет автор воспоминаний. Евней Арыстанулы сетует также по поводу недовольства своего любимого наставника В. Д. Пономарева тем, что он так быстро пожертвовал научной работой, согласившись на престижную должность. Виктор Дмитриевич время от времени ему напоминал, что научные исследования — его жизненное призвание, и давал конкретные задания...

«Должность заместителя директора ничего не прибавила к моему научному положению, наоборот, только усложнила, — говорит Евней Арыстанулы в своей книге «Шесть писем другу». — Кроме того, стал бывать в лаборатории намного реже, чем раньше. В то же время меня не покидала мысль о судьбе задуманных исследований...»

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Что же касается института, то он был представлен небольшим двухэтажным зданием бывшего общежития учебного заведения, комнаты которого, с редко расставленными канцелярскими столами и шкафами, даже отдаленно не напоминали научные лаборатории. Видимо, пословица "Пасу всего пять козлят, гонора на весь свет" — была сказана по такому поводу. Естественно, институт, несмотря на академическое название, таковым еще не являлся и при таком состоянии дел не скоро обещал быть таковым...

Евней БУКЕТОВ.
Шесть писем другу

Глава 6

ЧТО ДЕЛАТЬ — РАДИ НАУКИ ПРИШЛОСЬ ЖИТЬ С СЕМЬЕЙ В РАЗЛУКЕ

I

У Евнея Арыстанулы начались проблемы со здоровьем. При смене погоды, в пасмурные дни покалывало сердце, подскакивало давление и на плечи наваливалась непонятная тяжесть. Сначала он не придавал этому особого значения, но все же пришлось обратиться к врачам: оказалось, всему виной была чрезмерная полнота. Сердце не справлялось с восьмипудовой нагрузкой. Что поделаешь, перешел на диету, стал умеренно питаться, каждый день утром совершал пробежки. Врачи-кардиологи советовали сменить местожительство — переменчивый и влажный климат высокогорья для него был неподходящим, кроме того, они рекомендовали избегать конфликтов и ссор на работе и вообще сменить обстановку...

Эти обстоятельства наводили на невеселые мысли, заставили, когда уж сильно прижало сердце, подумать о покое, а также о перемене местожительства.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Когда сопутствует удача, как говорится, сам случай бежит к тебе. Вскоре Е. Букетов, о чем не думал, не гадал, оказался в Караганде. И произошло это благодаря Жармаганбету (Жармаку) Тюленову, который в то время заведовал лабораторией обогащения руд в Химико-металлургическом институте.

(С этим человеком я уже знакомил читателей в своей книге «Сатпаев». Вкратце повторю некоторые сведения о нем: Жармак Тюленулы был одним из тех, кто закладывал фундамент тяжелой индустрии в Казахстане в 1930-е годы; окончив Московскую горную академию, он в 1932 году стал работать в Карсакпае директором обогатительной фабрики; затем трудился инженером на Балхашском медеплавильном комбинате; а ХМИ был его последним местом работы, где ветеран трудился с первого дня организации института и до выхода на пенсию... Кстати, его знали и уважали первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, который вместе с ним учился в московском вузе, а также и президент АН Казахской ССР К. И. Сатпаев.)

Вот что рассказал Ж. Т. Тюленов в письме в журнал «Простор» в декабре 1978 года:

«В те дни я болел, был дома. Ко мне на квартиру пришел Евней Арстанович Букетов в сопровождении преподавателя Карагандинского пединститута, ранее работавшего заведующим идеологическим отделом Балхашского горкома партии Кудышевым Онайбеком.

Я был знаком с Е. А. Букетовым по Балхашу, куда он приезжал со студентами-практикантами из КазГМИ. После взаимных приветствий я поинтересовался причиной их посещения.

— Жаке, я пришел к вам по делу, — начал Букетов. — Как вам известно, я работаю в Алма-Ате заместителем директора в КазГМИ, но по состоянию здоровья мне оставаться там нельзя. По заключению врачей мне больше подходит климат Караганды. Я узнал, что у вас в институте не хватает научных кадров, был бы удовлетворен, если доверите мне руководство лабораторией...

— Я с удовольствием выполню вашу просьбу, толь-

Created by free version of 2PDF

ко не лабораторию, а должность директора института предложу вам. Вы не знаете, что мы ищем директора. Ваша кандидатура вполне устраивает нас, я буду рекомендовать вас президенту и уверен — он примет мое предложение, — сказал я. — Только не тяните с ответом, скажите прямо сейчас, мне нужно ваше согласие и делу конец...

Евней Арстанович дал согласие, в тот же день я позвонил Сатпаеву и сообщил о своих переговорах с Букетовым, на что тот сказал: "Хорошо, Жаке, я вскоре этим займусь"».

В «Шести письмах другу» сам Евней Арыстанулы подробно описывает первую встречу с президентом Академии наук, которая фактически повернула все его помыслы на сто восемьдесят градусов. Заметим, что рассказ ведется от имени выдуманного героя повествования — Мажита Мукановича Нурбаева...

«...Когда, робко открыв дверь, вошел в просторный кабинет, высокий, величавый аксакал грузно поднялся с кресла, вышел навстречу мне, обогнув большой президентский стол и, подавая руку, сказал:

— А-а, вот вы какой, Мажеке! Мне о вас академики, работающие у вас в институте, говорили... И я решил с вами познакомиться...

Президент перевел разговор на обстановку в нашем институте, и я уже, перестав волноваться, совершенно свободно рассказал ему о нашей жизни и о работе. Внезапно аксакал сам спросил меня о моих научных интересах. Кратко изложив содержание научных начинаний, суть которых президент легко уловил, я было заикнулся, что в наших условиях трудно развернуть задуманное исследование, как он будто обрадовался этому, улыбнулся и сказал:

— Мажеке, как хорошо, что у вас продумана вся дальнейшая работа в научном плане, что не собираетесь останавливаться на достигнутом... что у вас нет такой беды, когда человек, уже имеющий диплом кандидата наук, а иногда и докторскую степень, все еще ищет, кто бы подсказал ему, чем дальше заниматься, а еще ху-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

же, когда ничего не ищет... последнее бывает чаще, чем первое. Опасные явления, предвещающие застой... Вот я и пригласил вас, чтобы предложить вам работать в системе Академии наук, в этом случае будет возможность в любом масштабе проводить научные исследования...

Президент затем рельефными, убедительными мазками обрисовал задачи, стоящие перед этим научно-исследовательским институтом, при этом он указал на то, как совершенно естественно, без какой-либо натяжки мои личные начинания и интересы вписываются в проблемы по освоению минеральных богатств края, в котором находится институт. Меня приятно подкупило то, что академик сделал особый упор на необходимость моего личного научного роста, без которого невозможен, как он сказал, настоящий, неподдельный авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, мне не оставалось ничего для каких-либо расспросов, каких-либо суждений от себя, ибо все казалось жалким и ничтожным по сравнению с теми задачами, которые ставил передо мной этот большой человек. Улетучилось желание поскромничать, что такую ответственную работу смогу ли я... и посчитал, что перед этим человеком нельзя было фальшивить, он видел меня насквозь. Я только сказал, что поеду в этот институт, что если гожусь для работы под его руководством, буду стараться оправдать его доверие!

...Не знаю, как теперь описать мое состояние, когда вышел от академика Сатпаева. Это было, по-видимому, состояние внезапного соприкосновения с чем-то недосягаемым, сказочно высоким, когда ты вдруг чувствуешь, что это соприкосновение произошло потому, что ты оказался каким-то образом достоин его, и что за этим следует та высокая ответственность, которая потребует от тебя истинного, глубинного понимания значения твоих будущих замыслов и действий. Ведь человек, который беседовал со мной более часа, все время старался подтянуть меня к своему уровню простотой и приветливостью, своим неизменным уважительным обращением "Мажеке" и на "Вы", что звучало для меня непривычно, ибо аксакал годился мне в отцы, состоял в составе пре-

Created by free version of 2PDF

Вікіпедія University

зидиума Большой Академии страны, числился среди тех имен, которые символизируют самое выдающееся место, занимаемое наукой моей Родины в мире. В его мягких ладонях, с такой добротой и радушием касавшихся моих рук, хранится тепло от пожатия самых выдающихся людей нашего времени и нашей эпохи.

Чего скрывать, вот такие мысли владели мной, когда я шел от президента академии...»

* * *

Четырехкомнатную квартиру, которую получила молодая чета Букетовых, Алма обставила со вкусом. Муж, довольный красотой и уютом в своем шанырake, похвалил жену: «Молодец, Алмабай, прекрасно получилось, пусть это будет на счастье! Теперь отдыхай»; и, взяв на руки дочку, плюхнулся на новенький диван. Акслу, сидя у отца на коленях, дергала его за нос, уши, заливалась смехом и визжала от радости. Отец каждый день ей придумывал новые ласкательные имена, одно лучше другого: «Акботам» («Беленький верблюжонок») или «Аккызым» («Светлая дочурка»), «Акбикеш» («Беленькая моя дамочка»), «Аксауле» («Лучезарная моя»)...

После появления на свет дочки, казалось, солнце светило в этом доме не только днем, но и ночью, согревая его своим теплом.

В приподнятом настроении Евней спешил домой после аудиенции у президента Академии наук. Но загрустил, едва подумал о том, как преподнести жене эту важную новость: придется оставить прекрасную квартиру в центре Алматы, в которую они кое-как вселились после долгого прозябания в тесной комнатке общежития; а деваться уже было некуда, на днях ему предстояло отправиться в Караганду. Конечно, в ожидании, пока дадут там квартиру, Алма и Акакок останутся в Алмате.

Он вдруг замедлил шаг, будто бы споткнулся, чувствуя, что тяжелого объяснения не избежать, потом в уме мелькнуло: а может быть, пока не получит приказ

Created by free version of 2PDF
Buketov University

о назначении, ничего не говорить?.. Но дома, сев на диван и взяв на руки Акслу, все-таки окликнул жену:

— Алмабай, сегодня меня пригласил президент Академии наук... — и в своей обычной манере говорить обо всем прямо выпалил все, что было на душе. — Видимо, нам придется переехать в Караганду...

Лицо жены вытянулось, исчезла ее всегдашняя обворожительная улыбка, ямочки на щеках, которые так ее украшали, побледнели.

— Конечно, ты с радостью согласился, ведь пригласил тебя к себе не кто-нибудь, а сам Сатпаев, которого ты боготворишь.

— Пойми, это же академический институт... Я буду заниматься только своей наукой. А это моя давняя мечта...

— Ну и прекрасно!.. — «*Супруга произнесла это резко и язвительно, дав ясно понять, что она против того, чтобы я переходил с солидной должности в большом институте на руководство "конторой", где нет, наверное, ни одного нормального научного работника». — Ты на это сразу же согласился?!.. Ведь нет же никакого резона менять солнечную, теплую столицу на холодный и захудалый областной город...* *

Не будем строго судить молодую женщину. Она выросла в Алматы, в прекрасном городе у подножия Алатау, она была с детства влюблена в этот город, в его яблоневые сады и журчащие арыки, аллеи пирамидальных тополей и мечтала жить только здесь. И не могла себе представить даже на миг, что расстанется с любимым городом... Кстати, не одобряли его поступок и близкие друзья: «Не надо уходить с престижного места, Евней, умные люди издавна подсказывали: "Чем вдалеке грести лопатой, лучше по чайной ложке брать вблизи..."» А некоторые рассуждали: «В ближайшее время наш директор Умирхан Байконыров насовсем перейдет в систему Академии. Он уже действительный член Академии наук. А ты первый кандидат на его ме-

---

* Выделенные курсивом слова заимствованы из «Шести писем другу».

Created by free version of 2PDF

Buketov University

сто в институте. Это же проверенный и прямой путь к избранию в академию. Только надо торопиться с защитой докторской диссертации...»

Но, увы! Евней Арыстанулы не поддался на уговоры и лесть. В своем автобиографическом труде он так описывает свою тогдашную позицию: «Я оставался один на один со своей "окрыленностью" и показал свою строптивость. Во мне заговорил характер моих аульчан, я вдруг почувствовал себя джигитом, мужчиной из нашего аула, и поэтому не стал менять своего решения, не стал отказываться от слова, данного президенту...»

II

Фактически ХМИ был открыт по инициативе академика К. И. Сатпаева. После своего второго возвращения в руководство Академии наук в июне 1955 года он задумал расширить научные исследования, потому стал добиваться создания в нескольких крупных городах республики новых научных центров. В Усть-Каменогорске, Гурьеве (ныне Атырау) появились научно-исследовательские институты. И ХМИ, открытый с помощью и при содействии вице-президента АН СССР И. П. Бардина в октябре 1958 года в Караганде, был истинно его детищем. Он был призван содействовать развитию новой отрасли в Центральном Казахстане — горно-металлургической промышленности, внедрению новейшей технологии на действующих комбинатах. А Караганда была фактически географическим и индустриальным центром обширной Сары-Арки*, включавшей в себя Акмолинскую, Кокчетаускую, Карагандинскую, Павлодарскую, Костанайскую и Северо-Казахстанскую области, где были сосредоточены огромные сырьевые ресурсы и на основе их уже были созданы горные и химические комбинаты. Для

* Символическое название всей территории Центрального Казахстана, объединяющей восемь областей республики, расположенных в центральной части.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

укрепления нового научного учреждения правительство республики специальным постановлением от 27 сентября 1958 года выделило необходимые субсидии. Уже в следующем году в этом институте должны были работать 300 человек. А руководство Карагандинской области должно было предоставить институту здание и обеспечить его всем необходимым для успешного начала научной работы. В пятом пункте того же постановления местные власти обязывались в ближайшие два года выделить сотрудникам института сто квартир. В том же году ХМИ получал пять легковых автомашин и один автобус... В правительственном документе был еще один немаловажный пункт: новый НИИ приравнивался к основным подразделениям Академии наук, ему присвоили первую категорию. Это позволяло руководству ХМИ приглашать в институт опытных, высококвалифицированных научных сотрудников, объявлять открытые конкурсы на замещение вакансий.

Первым директором ХМИ был Ерден Нигметулы Азербаев, выпускник Саратовского университета. Перед назначением Каныш Имантайулы Сатпаев ему дал такое напутствие:

— Ереке, вы можете по-прежнему заниматься синтезированием углеродных соединений и свою докторскую диссертацию завершите, в буквальном смысле слова, сидя над угольными пластами Карагандинского бассейна. Это даст вам уникальную возможность скорее внедрить в производство ваши научные разработки... — говоря это, он, видимо, старался заинтересовать новой работой старого коллегу, который не очень хотел отрываться от привычной научной среды и уезжать из Алматы. — Вы химик, а то, что институт называется химико-металлургический, — не пугайтесь... Известный вам академик Иван Павлович Бардин уже уговорил одного из сильнейших ученых-металлургов с Урала, доктора технических наук, профессора М. И. Хайлова (фамилия и инициалы изменены, как это сделано у автора «Шести писем другу») переехать в Караганду, притом со своей группой научных сотрудников. Если двое ученых — вы химик, он металлург, возьметесь за дело в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

одной упряжке, я думаю, в новом институте изыскания сразу примут желаемое направление...

В начале октября 1958 года Ердену Азербаеву пришлось перебраться в Караганду. И он с ходу приступил к организации нового института: большинство научных сотрудников подобрал на месте, нашлись там энтузиасты, которые хотели заниматься наукой; некоторых пригласил из Алматы, обещав предоставить квартиры и наилучшие условия для научных исследований; значительным подкреплением стал приезд большой группы уральцев из Свердловского политехнического института и из НИИ Уральского отделения АН СССР во главе с Михаилом Исаковичем Хайловым.

Ерден Нигметулы специализировался по органической химии. Много лет занимаясь практической работой в этой отрасли, он приобрел громадный опыт, в общей сложности ученый посвятил углеродным соединениям более тридцати лет. А теперь в Караганде ему предстояло возглавить многоотраслевые исследования: по обогащению многозольного и мелкого угля, доразведке недр и добыче руд, выплавке стали и чугуна, а также улучшению технологии получения новых ферросплавов... Широкие горизонты! Лишь бы хватило запала, знаний, умений, чтобы объять, казалось, необъятное. Может быть, и хватило бы, если бы прямой и горячий ученый-химик сразу не напоролся на двуличие, амбиции подчиненных и неприкрытое противодействие. В тот период, буквально в считаные месяцы, под одной крышей собрались специалисты со всех уголков страны, и каждый из них воображал, что он пуп земли. Короче говоря, многие из них, особенно уральцы, вели себя независимо, самоуверенно, став своего рода кастой неприкасаемых, все замечания директора они с первых дней пребывания в институте принимали в штыки. Всячески подчеркивали свое превосходство над местными специалистами, давая понять, что не зря приехали в такую даль из глубины России, притом из такого региона, высокий научный потенциал которого известен всему Союзу и даже миру. Самым странным руководителю института было

Created by free version of 2PDF
Buketov University

то, что во главе, как сейчас говорят, оппозиции к нему стоял не кто-нибудь, а сам профессор М. И. Хайлов, его первый заместитель по научной работе, ответственное лицо, призванное по долгу службы быть правой рукой директора. Ведь его пригласили, чтобы он помог быстрее вывести ХМИ на союзный уровень.

— Вы, уважаемый директор, знайте свою органику и не вмешивайтесь в мои распоряжения. Основные исследования здесь будут делать мои люди. Извольте слушаться! — говорил он директору.

А если Ерден Нигметулы вежливо отвечал:

— Но Михаил Исакович, извините, мы здесь не овец пасли, как-никак занимались наукой...

На это пожилой коллега откликался долгим нравоучительным монологом:

— Нет, дорогой, похоже, что вы на самом деле в иные годы пасли баранов... Это видно из вашей биографии. Сами посудите, занимаясь тридцать лет органикой, вы до сих пор — всего лишь кандидат наук, а я докторскую степень получил в самое трудное для родины время, в годы Великой Отечественной войны. Как вы думаете, такие награды, как орден Ленина и Трудового Красного Знамени, за что мне дали?!.. Я и Государственную премию получил в 1942 году, когда она еще называлась Сталинской!.. Так что, мил человек, прежде чем со мной спорить, надо сделать хотя бы одну десятую доли того, что я сделал для Отечества... — И продолжал Михаил Исакович вещать свою, видимо, излюбленную тираду по целому часу, а немногословный Азербаев сразу не решался его прервать.

Раздосадованный директор института все же не смог долго терпеть постоянные и все более грубые наскоки своего заместителя, и порой их диалог заканчивался на повышенных тонах. Словом, с первых месяцев работы в коллективе назревал конфликт. Притом не только между двумя первыми руководителями, неприязнь друг к другу чувствовалась во всем коллективе. А неугомонный в перепалках Хайлов, наверное, желая утвердить здесь свое главенство, о каждом конфликте с Азербаевым доносил в канцелярию прези-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дента Академии наук Казахской ССР. Он жаловался на взрывной характер директора института, писал, что Ерден Нигметович не соответствует высокому званию первого руководителя многоотраслевого академического института, что научные знания его весьма узки — и так далее... Из Алматы академик-секретарь Шапык Чокин звонил в Караганду: «Ереке, что случилось? Канеке обижен на вас, неужели вы не можете поладить со своим заместителем, единственным доктором наук в вашем институте. Немедленно прекратите эти дрязги, пора уж взяться за работу!..» Ерден Нигметулы соглашался с ним, вроде бы мирился с Михаилом Исаковичем, стараясь уступать ему в спорах. Но проходил месяц-другой, неуживчивый Хайлов снова начинал атаки, притом все чаще подключал к спорам своих единомышленников. Групповые жалобы теперь отправлялись не только в президиум Академии наук, но и в партийно-советские органы...

Терпения Ердена Нигметулы хватило только на год. Он отправил в Алматы заявление об уходе с поста директора. Но президент академии его заявление не принял. И однажды вызвал Азербаева к себе.

— Потерпите, Ереке. Я в ваши научные способности верю, как в самого себя, организаторскими качествами вы тоже не обделены. Знаю, потому настаиваю, чтобы вы продолжали уже начатое серьезное дело в Караганде... — твердо сказал Каныш Имантайулы. — А с Хайловым придется помириться. Кстати, то же самое и ему скажем...

Но Ерден Нигметулы на этот раз был непоколебим.

— Если не освободите, Канеке, я никогда не завершу свою докторскую диссертацию, почти уже готовую. Поверите ли, как приехал в Караганду, ни одной страницы к ней не добавил, мало того, ни разу не удалось спокойно посидеть в лаборатории... Вообще, я человек науки и никогда не был и не стремился быть чиновником. Не по мне это. Прошу вас, не лишайте меня великого удовольствия — ежедневно заниматься научными изысканиями... Вы же знаете, какой долгий и тяжелый путь привел меня в науку, а эти бесконечные

Created by free version of 2PDF
Buketov University

споры и склоки для меня невыносимы. Боюсь, однажды вообще сорвусь и устрою драку. И тогда будет стыдно перед вами...

Последние слова ученого-химика подействовали на президента. Он хорошо знал биографию Азербаева. Знал, что в 1937 году тот, молодой исследователь, увлеченно занимавшийся органической химией, по доносу своих бездарных завистников-коллег попал в руки инквизиторов ОГПУ и застрял в лагерях на много лет, почти до 1950-х годов. Правда, и там, за колючей проволокой, в так называемой тюремной «шарашке», он занимался химией, принимая участие в изготовлении разных видов ядов. Ерден Азербаев освободился из этой подневольной «лаборатории» в годы «хрущевской оттепели», вот почему он задержался с защитой докторской диссертации, хотя по научному уровню он давно был доктором, высококлассным органиком.

— Ладно, Ереке, уговорили, но уступлю вам с условием: пока Карагандинский ХМИ не встанет на ноги, будете работать там!.. — сказал президент. — Будете руководить своей лабораторией, которую вы там создали....

* * *

В «Шести письмах другу» Евней Арыстанулы довольно обстоятельно описывает свою первую встречу с ученым-металлургом Хайловым:

«Он вошел подпрыгивающей, нервной походкой и, улыбаясь, подал суховатую руку. Я приподнялся навстречу, пожал его руку, но еще не успел вернуться в свое кресло, как увидел академика сидящим за приставным столиком напротив меня. Деловито доставая из футляра очки, он уже говорил, чуть окая.

— Погода-то у нас... не очень приветливо вас встретила... У меня жена, знаете ли, приболела, но теперь, слава богу, поправилась... Надо бы мне полупромышленные испытания проводить, я ведь здесь большие дела затеял... Да, да, большие... Знаете, мне покойный академик Ванин

Created by free version of 2PDF

Buketov University

(Е. А. Букетов, очевидно, не желая скомпрометировать имя известного ученого-металлурга И. П. Бардина, называл его другим именем. — *М. С.*) *говорил, чтобы я не оставлял это дело... Он очень меня, знаете ли, любил... Президент наш очень поддерживает меня... вернее, мою идею... Умнейший человек!.. Тут я недавно с секретарем обкома говорил, большие задачи перед институтом стоят, очень большие... Нам с вами много придется работать, ох, как много... Используйте, пожалуйста, мой опыт, я ведь работаю в науке уже полных тридцать три года... А знаете, как трудно здесь приходится, людей не хватает. В таком далеком от науки захолустье, ой, не знаю, чего вообще можно добиться. Здесь ведь нет специалистов... Тут я недавно встретился с главным инженером завода, им наша помощь нужна, очень нужна... Он очень обрадовался мне и прямо поразился, что в такую даль приехал, "такой знаменитый ученый, как я, говорит, что это для нас — божий подарок судьбы!.. "*

Все это он пересказывал просто, без натуги, с какой-то чуть ли не детской непосредственностью, перескакивая с темы на тему и повторяя слова "я тут", которые, как потом я убедился, были для него привычной частью речи. Он, по-видимому, вовсе не думал, что я его пригласил по делу и что необходимо осведомиться об этом.

— Михаил Исакович, разрешите вас перебить, я понимаю, как трудно здесь работалось, и думаю, не легче будет и теперь... но я хотел бы послушать вас об общем состоянии дел, о людях, тематике, планах, словом, обо всем, ведь нам с вами надо иметь общие взгляды на все, что здесь делается и будет делаться...

— Да, да, я с вами вполне согласен... Тут вот со мной приехали, вернее, я их пригласил, очень толковые люди, — и он сбивчиво начал объяснять,чем и почему толковы эти люди, но почему-то ухватился за фамилию Федорова и стал подробно говорить о том, что этот Федоров хотя и не имеет высшего образования, но мастер на все руки и что надо его беречь, он может принести большую пользу.

Я не был против Федорова, но академик настойчиво крутился вокруг его имени, не назвав больше ни одной фамилии из тех, кто подает надежды на научный рост.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Потом, правда, перескочил на фамилию Холода, пожилого кандидата наук, тоже приехавшего вместе с ним, и довольно долго хвалил его, называя своей правой рукой, при этом ни словом не упомянул о научных заслугах "правой руки".

Я в один момент, прервав коллегу, спросил, имеет ли он аспирантов, академик ответил, что как приехал в Караганду, по горло занят своей темой и над этим специально не думал, хотя никому не отказывает, кто желает у него учиться. От бывшего директора не было поддержки, все время уходило на добывание нужного оборудования и приборов, ездил в бесконечные командировки по этому же поводу.

Почувствовав тщетность своей попытки получить объективные, нужные сведения о людях, я заговорил о темах, разрабатываемых в институте. Михаил Исакович тут же подхватил мои слова и стал рассказывать о полупромышленных испытаниях, которые он намеревается проводить, и всю тематику института свел к проблемам, связанным с этими испытаниями. Я было деликатно напомнил ему, что заместителю директора надо было продумать необходимость решения многих других проблем, что широкий профиль института мыслится в плане организации в будущем научного центра республиканской Академии наук. Михаил Исакович посмотрел на меня своими серыми глазами, в которых я прочитал прямой укор своему неразумению, и сказал:

— Да, да, я вас понимаю... я никому не собираюсь мешать... и вам не буду мешать развивать... Потому что, уважаемый, вы тоже мечтаете в ближайшие годы защитить докторскую, я это хорошо знаю... Короче, надо договориться сразу, пока мы выведем ХМИ на широкую дорогу, забот у нас двоих хватит, лишь бы мы не мешали друг другу».

* * *

Новый директор знакомство со своим институтом начал с обхода рабочих мест сотрудников, и там же, непосредственно в лабораториях, завязались его пер-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

вые беседы с ними. Он предпочитал такое общение, по себе зная, что когда начальство вызывает подчиненного в свой кабинет, тот обычно чувствует себя скованно, разговора по душам не получается, ибо младший по рангу всегда начеку, думает, как бы чего не вышло, опасаясь сказать не то, что надо. А на своем привычном месте он сам себе хозяин и свободнее делится своими мыслями...

В одной из лабораторий Евней Арыстанулы встретил бывших своих студентов из КазГМИ — девушку и парня, одетых в синие халаты. Директор, заключив обоих в объятия, как старых знакомых, спросил, чем они занимаются. Оказывается, они проверяли одну химическую реакцию, известную по учебнику «Неорганическая химия».

— И что доказали? Не ошибся ли покойный Зелинский? — спросил Букетов.

— Николай Дмитриевич Зелинский — настоящий гений. Разве он мог какие-то нелепости внести в книгу? Проверяем, чтобы убедиться, как-никак нам надо навыки приобретать...

— А почему вы вдвоем проверяете одну и ту же реакцию?

— «Параллельная проверка — гарантия от ошибок» — это научное кредо нашего руководителя. Почему он этого требует, спросите у самого Жаке, — заявили они. — Мы только исполнители его воли...

Жаке — это тот самый аксакал Жармаганбет Тюленов, который содействовал его назначению в этот институт. Он был прекрасным производственником. Но Букетов не знал его научных способностей, не знал, пригодятся ли знания опытного инженера в ХМИ. А увиденное поразило его, шокировал сам по себе дилетантский подход к лабораторным экспериментам... Все же директор, соблюдая этикет, не стал делать замечаний, преждевременных выводов о пожилом заведующем лабораторией по обогащению руды. А про себя подумал: видимо, мы в институте не смогли дать этим молодым людям основательных знаний, раз они механически проверяют давно известную по учебникам реакцию...

Created by free version of 2PDF
Buketov university

В другом кабинете Евней Арыстанулы встретил еще одного своего питомца, который во время лекций всегда задавал сложные вопросы, не раз заставляя его краснеть.

— О, Жанторе батыр, любимец аксакала Нурлана, и ты тоже здесь?! — воскликнул Евней Арыстанулы. — Ну, рассказывай, тоже проверяешь учебник химии?

— О, да, примерно так и получается, но с другого конца. Нужно ведь доказать, что описанная реакция в учебнике — дает отрицательный результат в производственных условиях... — рассмеялся Жанторе, понимая, что делает бесполезный, скорее всего ненужный опыт.

— Не понял, выражайся яснее!

— Мой научный руководитель Порфирий Леонтьевич Холод (фамилия, отчество и имя изменены, так он назван в «Шести письмах другу». — *М. С.*) спит и видит, как выдать в мир научную сенсацию, он открыл одну нелепость в учебнике электрохимии...

Евней Арыстанулы прочитал поданную ему статью, напечатанную во всесоюзном журнале «Химия». Статья объемом всего лишь в сто строк была помещена под рубрикой «Информация к размышлению». По мнению автора, в учебнике эта реакция описана неправильно, в производственных условиях она не идет, если идет, то чаще всего получается отрицательный результат...

До директора уже доходили разговоры о странном стиле работы заведующего лабораторией электрохимии, о том, что он проверяет интеллектуальный уровень своих подчиненных, задавая им кроссворды, ребусы, и если они не могут их разгадать, проводит с ними нудные воспитательные беседы — мол, научному работнику нужно много знать и читать, а кроссворды помогают развивать память и ум...

В общем, осадок на душе после обхода лаборатории остался самый неприятный: не институт, а богадельня. Единственным слабым утешением явилась лаборатория добычи руды и геологической разведки. Некоторые сотрудники рассказали директору о завер-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

шении кандидатских диссертаций, советовались, где защищаться. Директор не стал углубляться в их проблемы, считая себя некомпетентным в этой области, но в целом был рад за них, все-таки хотя бы по этим направлениям науки что-то делалось.

* * *

После первых дней знакомств Евней Арыстанулы всерьез призадумался о том, куда попал, как и с кем придется поднимать новый научно-исследовательский институт в Центральном Казахстане. И чем больше он размышлял, тем острее чувствовал себя человеком, приблизившимся к самому краю пропасти. Все более убеждаясь в своем бессилии что-либо изменить, он стал жалеть, что переехал сюда, легко поддавшись на уговоры президента Академии наук... Но ведь теперь ему обратной дороги в Алматы нет. «Самое важное для ученого, — говорил великий естествоиспытатель Чарлз Дарвин, — это бесконечное терпение». Поэтому остается лишь один выход: работать не покладая рук, были бы добровольцы, желающие вместе тянуть эту лямку...

Букетов устроил общее собрание всех научных сотрудников института.

— Уважаемые коллеги, раз мы носим престижное звание академического института, у нас не должно быть никакого разграничения исследовательских тем на большие и малые, все они важны и нужны. Как первый руководитель вверенного мне НИИ, должен предупредить вас, что я буду всегда отдавать предпочтение тем темам, которые способны решать проблемы производственных комбинатов. Учтите, это требование жизни. Значит, отныне не будем попусту тратить драгоценное время на проверку химических реакций, давно описанных в учебниках. И такое времяпрепровождение, скажу прямо, отныне не будет считаться научной работой, соответственно, не будет за это и зарплаты. Это — во-первых... Второе, структура института — все отделы, лаборатории сохраняются

Created by free version of 2PDF
Buketov University

без изменений. Электрохимия, металлургия чугуна и стали, геологическая разведка, добыча руды и обогащение, химия органического синтеза и процессы коксования по-прежнему остаются объектами ваших исследований; лаборатория огнеупорных материалов будет работать так же, как и прежде; а лабораторию аналитической химии, как наиболее важную, будем оснащать приборами и укреплять кадрами... Третье, я сам намерен здесь начать исследования по редким металлам, поэтому для этой цели собираюсь открыть новую лабораторию. В четвертых, в ближайшее время в институте будет открыта аспирантура по специальностям: геология, добыча полезных ископаемых, черная и цветная металлургия. Отбор претендентов — по конкурсу... Пятое, отныне я буду, как директор института, оценивать работу всех лабораторий по тому: сколько внедрил тот или иной исследователь новшеств в технологию производственных процессов, сколько получено официальных свидетельств и патентов за изобретения, сколько человек учится в аспирантуре, сколько сотрудников сумели защититься... Как вы это назовете: соцсоревнованием или научным соперничеством — это уже на ваше усмотрение, мне важен результат, и победителем будет тот, кто имеет лучший показатель по исследованиям...

В заявлении нового директора не было ничего нового для коллектива ХМИ. Но тон, каким это произносилось, вызвал у присутствующих настороженность. Они почувствовали твердую руку. Кстати, прежде собрания заканчивались обычно поздней ночью, зачастую они превращались в шумные дебаты, участники их возвращались домой сильно уставшими. А сегодня? Почему-то словоохотливые ораторы вели себя тихо, будто выжидая чего-то. Правда, было несколько опрометчивых выступлений, кое-кто попытался пропеть обычные дифирамбы новому руководителю, но Букетов сразу же резко прерывал их, задавая встречный вопрос: что вы конкретно хотите предложить?

— Если кто не согласен с условиями, которые я поставил перед вами, или есть среди вас люди, считающие

Created by free version of 2PDF

их слишком жесткими, прошу высказываться, выходите сюда и скажите. Есть желающие? — Однако прямой и бесхитростный вопрос директора остался без ответа. — Значит, вам все ясно... С завтрашнего дня жду от каждого конкретных предложений. Не ждите моего приглашения, приходите сами, какое бы сложное дело ни было. Решим, согласовав с вами. У меня не будет графика приема посетителей, я к вашим услугам — весь день, если нужно будет, останусь и на вечер...

Евней Букетов был еще молод и не знал и не мог знать многих нюансов управления людьми. Поэтому разговор с подчиненными начал «с позиции силы», что объясняется его горячим стремлением оправдать доверие президента АН и скорее навести дисциплину и порядок в институте. Но руководить людьми — тоже наука, и нельзя не считаться с ее законами. Понимание этого к нему придет позднее, когда он набьет себе шишек в столкновениях с коллегами.

О своем первом впечатлении от знакомства с Евнеем Арыстанулы Букетовым вспоминает доктор технических наук, профессор, лауреат госпремий РК Виталий Павлович Малышев (в «Шести письмах другу» он выведен под именем Валерия Петровича Иванова) в своей книге «Поступью командора и пророка»: «В старом двухэтажном каменном здании бывшего общежития, первом пристанище Химико-металлургического института республиканской Академии наук, пол и лестницы были деревянными. Добротные деревянные же перила, толстые доски ступенек, многократно перекрашенные, вызывали странное ощущение основательности и допотопности. Зимой 1960 года, спустя полгода после начала моей работы здесь, я впервые услышал, как они заскрипели. Легкая тревога вынесла меня из комнаты первого этажа, рядом с лестницей, и я увидел нового директора — прямого, высокого, плотного — медленным, твердым шагом возносящего себя на каждую ступеньку, с устремленным прямо перед собой несколько отрешенным взглядом. Его рука только касалась перил, придавая всему движению упругий ритм и завершая впечатление, сходное с тем тревожным

Created by free version of 2PDF

Buketov University

восторгом, какое создает зрелище подъема ввысь тяжелого летательного аппарата. Это были шаги Командора, и от них заскрипел весь наш действительно допотопный институтский уклад с бестолковым тыканием во все местные проблемы, пустословием и бесхозяйственностью. Старые ступени не годились, а новые нужно было возводить нам самим — это было ясно по той целеустремленности, которая исходила из каждого движения нашего нового лидера и всегда оставалась самой характерной его чертой. Новый лидер, переступив порог, сразу же нарушил "тишину и покой", и нам надо было активно в этом его поддержать или искать тихое, теплое место работы, мы это сразу поняли...»

III

По лаборатории органической химии, которой заведовал Ерден Азербаев, споров не возникало. Оказалось, опытный ученый все заранее предусмотрел: у него было подписанное президентом Академии наук распоряжение об открытии филиала института в Темиртау, где находилась основная промышленная база; он даже сумел получить необходимые для исследования субсидии. Освободившись от директорской обузы, Ерден Нигметулы сразу же переехал в город металлургов, который находится в двадцати километрах от Караганды.

(Е. Н. Азербаев через два года успешно защитил докторскую диссертацию, в 1962 году был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР, а в 1969 году получил звание заслуженного деятеля науки республики. Он автор многочисленных теоретических трудов (их более 250) по выделению ацетилена и по химии углеводородов. Синтезировал около пятисот сложных соединений, многие из них в химической промышленности Союза приносили миллионы рублей прибыли, за свои новые разработки Ерден Нигметулы получил более тридцати авторских свидетельств.)

Created by free version of 2PDF
Baku State University

По прибытии в Караганду Евней Арыстанулы был настроен сразу немедленно приступить к своим исследованиям. Но этого не получилось. В здании общежития горного техникума, которое выделили для института, не существовало для этого условий. Здесь было так тесно, что все сотрудники работали поочередно, занимая друг у друга столы, даже стулья.

И новому директору, как и предыдущему, пришлось перераспределить комнаты в старом двухэтажном здании, тем более что помещение нужно было для вновь открываемой лаборатории. Понятно, очередное уплотнение вызвало недовольство сотрудников, привыкших к своим уголкам. У некоторых создалось впечатление, что директор за счет их создает комфорт для своих, новых сотрудников. Это было результатом тогдашней бедности. Постановление казахстанского правительства, как это часто бывало, осталось во многом на бумаге. Карагандинский горсовет тянул с выделением просторного помещения, откладывая решение вопроса на неопределенное время. А институт нуждался не только в просторных кабинетах, но и в самом элементарном — в лабораториях для проведения опытов.

Для экспериментов Е. Букетову нужна была настоящая шахтная печь, которая используется в процессе обжига полиметаллических концентратов из руд, разумеется, не в натуральную величину, но хотя бы в масштабе 1:10. Идея о ее установке созрела в его голове еще в Алматы. Эскиз печи его сотрудники, которых он набрал здесь, уже набросали на бумаге. Однако даже для во много раз уменьшенной в габаритах печи не хватало места во дворе здания, где располагался институт. Ведь нужно было построить не только печь, но еще и высокую трубу, изнутри обложенную огнеупорными кирпичами. Фактически это — маленький завод.

И во всем так — хоть разорвись, директор и рад был удовлетворить все запросы институтских сотрудников, но, увы — выше головы не прыгнешь. Он совсем измучился, едва что-то успевал достать, тут же выяснялось — нет другого, третьего...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Ему уже казались напрасными жертвы, которые он принес ради науки, покинув прекрасную Алматы, молодую жену с любимой дочкой. Изо дня в день откладывались намеченные им исследования, порою они представлялись ему несбыточными. Каждое утро, торопливо шагая на работу, он в уме прикидывал, что сегодня предпринять, где искать место для опытной печи. Мысль его постоянно вертелась вокруг того, что надо добиваться выделения обширного земельного участка, чтобы там построить и шахтную печь, и институтское здание с просторными кабинетами и лабораториями. Но на это потребуются годы и большие средства. А для этого надо иметь вес в науке, и институту надо заявить о себе, доказать свою состоятельность. Пока же он только начинает, ничего еще не создал и не доказал...

В тот день, когда был подписан приказ о создании новой лаборатории, Евней Арыстанулы позвонил в Алматы, в КазГМИ, аспиранту своей кафедры Угорцу:

— Марк, если хочешь быстрее стать кандидатом наук, перебирайся в Караганду, пока на должность младшего научного сотрудника.

Букетов привел веский аргумент для своего питомца. Марк Угорец отличался от всех своих сверстников особенным честолюбием. Он прилетел в Караганду на следующей же неделе и в тот же день получил назначение в новую лабораторию. Правда, из-за нехватки места ему пришлось разместиться в кабинете директора, заняв там дальний угол.

Обговорив с руководителем института тему исследования, он сразу же засел за расчеты и составление плана. Он был одержим идеей внедрения новых технологий в производство редких металлов, горел желанием довести это дело до победного результата; а как истинное дитя еврейского народа, Марк Залманович Угорец от природы был наделен исключительной предприимчивостью, чем и нравился Евнею Арыстанулы.

В первый же месяц его пребывания в Караганде он обратился к своему научному руководителю с сенсационным сообщением: недалеко от институтского корпу-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

са есть заброшенная котельная, он уже ее осмотрел, даже забрался внутрь; по его расчетам дымоход там как раз то, что им нужно; а шахтную печь можно соорудить на месте котлов; и еще, перегородив ее стенками, — оборудовать несколько просторных кабинетов... Разумеется, реконструкция заброшенного здания, если его дадут институту, займет уйму времени, но зато уже через несколько месяцев у них, наверняка, будет хоть и допотопная, но своя опытная установка!..

— У нас будет своя печь, Евней Арстанович! — воскликнул Марк Угорец, положив перед директором чертежи. — И мы ее будем использовать день и ночь, проводить там опыты сколько душе угодно...

Евней Арыстанулы устало взглянул на чертеж Марка, потом отложил в сторону, потом рассмотрел его внимательнее. В какой-то миг его озарило: Марк предлагал фактически единственный разумный выход.

Захватив с собой несколько человек из института, Букетов тотчас пошел в котельную, мимо которой все каждый день проходили, но никто не обращал на нее внимания... Видимо, ею не пользовались уже несколько лет, с тех пор, как близко стоящие к ней жилые дома были подключены к магистральной линии ТЭЦ. Ее вид был жалок: всё, что можно было унести, — давно растащено; везде валялись горы мусора; на окнах и дверях все стекла, косяки — выбиты; кругом гуляют сквозняки; на полу — пустые банки, бутылки, объедки; ясно, что в теплые месяцы она была пристанищем алкоголиков и бомжей... Молодые сотрудники, с испугом глядя на этот хлам, разбитые стекла и заржавевший металлолом, на разрушающиеся стены, — не могли представить, как можно здесь разместить экспериментальную лабораторию. Считая Евнея Арыстанулы деловым человеком, теперь они бросали на него угрюмые взгляды, недоумевая, зачем он их сюда привел. А он шагами начал измерять котельную вдоль и поперек. Затем, прочертив палочкой по бетону, в одном месте «расположил» шахтную печь, возле нее, ближе к стене, «поставил» пульт управления, а инженеру-специалисту, который будет управлять установкой, «выде-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лил» отдельный кабинет, мало того, вяло следившим за ним молодым коллегам «показал» их кабинеты. После этого он попросил собрать из мусора охапку бумаг, сунул ее в топку. Кто-то из курящих ребят поднес к ним спичку, и, к удивлению всех, бумага мгновенно вспыхнула. Загудело в трубе...

Евней Арыстанулы раскатисто рассмеялся:

— Смотрите, как гудит, такая тяга нам и нужна! Сам Бог сохранил нам это здание, как раз подойдет для лаборатории!..

Никто из окружавших не проронил ни слова. Молодые люди, никогда еще не работавшие на производстве, молчали, не зная, верить или не верить в то, что это жуткое здание, фактически свалка, развалюха без окон и дверей станет местом научных экспериментов.

— Самое сложное здесь — разобрать котлы, а убрать хлам и мусор, это мы и сами сможем... — сказал Угорец, догадавшись, что директор ХМИ воспринял его идею.

Коллеги посмотрели на него с удивлением, как бы осуждая — дескать, мы, научные работники, должны чистить отхожие места...

Евней Арыстанулы, поняв ситуацию, решил сразу рассеять их сомнения и заговорил в шутливом тоне:

— А вы знаете, что многие великие открытия были сделаны не в храмах науки и не в дворцах, а в таких же неприглядных, неприспособленных условиях?.. Джеймс Уатт сконструировал первую паровую машину на чердаке, где он скрывался от сварливой жены. А французские ученые, супруги — Мария Склодовская и Пьер Кюри, за неимением подходящего помещения два года подряд в сарае проводили опыты с радием и в дальнейшем их открытие привело к использованию атомной энергии. Они стали лауреатами Нобелевской премии!.. А у нас нет ни кола, ни двора. Когда будут, неведомо... Думаю, нам надо рискнуть и взяться за ремонт этого помещения. Месяца за три справимся... Ну, как?

— Главное — не нужно строить трубу. Та, что здесь есть, вполне пригодна... — торжествовал Угорец.

Created by free version of 2PDF
Bukefov.university

Младший научный сотрудник лаборатории по обогащению руд Виталий Малышев неожиданно включился в разговор:

— Евней Арстанович, возьмите меня старшим обжигальщиком. Это помещение — не убогий сарай супругов Кюри. Во всяком случае, я обещаю не посрамить вас, за мной и Нобелевская премия... — пошутил он.

— Какой прыткий! Захотел стать старшим печником. Виталий, ты сначала научись топить обыкновенную «буржуйку»! — съязвил кто-то из сверстников Малышева.

Так, в шутку и всерьез обсудив условия, решили использовать появившуюся возможность. Действуя по принципу: «Куй железо, пока горячо», директор ХМИ обратился в горисполком. А там — обрадовались, что одним махом убьют двух зайцев — на какое-то время отделаются от постоянных просьб руководства нового НИИ, который был для них, как подброшенное дитя, и еще будет приведен в порядок сильно захламленный участок... Словом, горисполком не медля вынес решение о безвозмездной передаче бездействующей котельной по улице Связистов на баланс ХМИ. Мало того, на переоборудование ее еще и выделили деньги.

Сразу же начали реконструкцию. Котлы и металлолом сдали во Вторчермет, пока там работали газорезчики, подготовили проект переустройства котельной. Затем пришли строители. Вслед за ними прибыли для оказания шефской помощи печеукладчики с Темиртауского металлургического комбината. Когда шахтная печь была готова, неожиданно выяснилось, что сечение электрического кабеля, ранее протянутого в котельную, не выдержит возросшей нагрузки. Единственный выход — проложить под землей, на метровой глубине новый кабель от стоявшей невдалеке трансформаторной будки. И тут, как назло, возникла еще одна загвоздка: по ходу прокладки кабеля из-за ограниченного пространства оказалось невозможно применить землеройную технику.

— Будем рыть вручную, другого выхода нет! — заявил директор института на планерке.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Утром придя на работу, он пригласил всех мужчин своей лаборатории и кое-кого из других отделений во двор института. Сам переоделся в спортивную одежду, чем немало удивил коллег. Встав у начала будущей траншеи, отмеченной колышками, Евней Арыстанулы, улыбаясь, взял лопату и громко сказал: «Ауп, бисмилла!*» — и начал копать землю.

Мужчины, приглашенные во двор, ясно, не могли, сунув руки в брюки, наблюдать за действиями руководителя института. Разобрали лежавшие там же ломы и лопаты и последовали примеру Евнея Арыстанулы. В тот день они работали до позднего вечера. Представлялось, прорыть ее на расстоянии триста метров — пара пустяков, надеялись управиться за одну-две недели. Тем более ежедневно, по очереди, выходили на работу более двадцати человек. Но, увы! Грунт оказался на редкость твердым, его не всегда брала не только лопата, но и кайло. Местами попадались одни камни, и приходилось вырубать их ломом. Парням, которые не привыкли к такому физическому труду, было особенно трудно. У некоторых на ладонях вздулись волдыри.

Наконец-то траншея была готова, но тут же возник другой вопрос: где взять специальный кабель, рассчитанный на большую силу тока. Он оказался дефицитным материалом, его выделяли лишь по разнарядке союзного Госплана.

Евней Арыстанулы, много дней помотавшись по разным инстанциям, обратился за советом к своему заместителю, знавшему толк в таких тонкостях. Академик Хайлов (он был избран сразу же по приезде в Караганду действительным членом АН Казахской ССР) позвонил помощнику первого секретаря обкома КП Казахстана. К удивлению директора ХМИ, Хайлова в тот же день пригласили к первому руководителю области.

О своем визите Михаил Исакович, смакуя подробности, рассказывал битый час — знайте, мол, наших. Не забывал лишний раз подчеркнуть, что он не зря за-

---

* Слово из Корана, напутствие перед началом благого дела.

Created by free version of 2PDF

нимает высокую должность в этом институте, что он незаменим в сложных хозяйственных ситуациях: ведь нынешний первый секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана Соломенцев знаком с Челябинска — учился у Хайлова в Уральском политехническом институте. Позднее, став секретарем Челябинского обкома партии, а потом председателем тамошнего совнархоза, Михаил Сергеевич Соломенцев никогда не забывал его заслуг, иной раз приглашал к себе и всегда говорил: «Я вас очень уважаю и ценю как большого ученого». И сегодня Михаил Сергеевич встретил его у самой двери, пригласив в кабинет, подробно расспросил о работе, о жизни. Узнав о цели визита, сразу же позвонил генеральному директору главка «Карагандауголь» — распорядился как можно быстрее доставить нужный кабель в ХМИ.

— Так что, дорогой, не менее чем через три дня кабель будет у нас во дворе. Наш первый секретарь всегда готов пойти навстречу, сказал, что если будет необходимость, запросто заходил к нему. Он мне никогда не откажет! Видимо, не зря нас и здесь, в Караганде, свела судьба. Помяните мои слова, Евней Арстанович, мы еще не раз будем пользоваться помощью Михаила Сергеевича. О, это человек дела, настоящий государственный муж!.. Самое главное, он высоко ценит мой труд и мои знания!..

Евней Арыстанулы с улыбкой слушал своего заместителя, временами покачивая головой.

— Вот так-то, дорогой мой, наш президент, уважаемый Каныш Имантаевич, думаете, меня с Урала зря затащил в эту глушь, окаянную Караганду? Конечно, с расчетом. Видите, какую работу я провернул всего за час?!.. — расхваливал себя Хайлов.

* * *

Долго ли сказка сказывается, а и она кончается. Завершились и строительство шахтной печи и переделка котельной. Теперь уже можно было приступать к намеченным испытаниям, оставалось лишь провести

Created by free version of 2PDF

пробный холостой нагрев печи, чтобы удостовериться в ее надежности.

Перед первым ее запуском для обсуждения всех его деталей в кабинете директора института было созвано внеочередное заседание ученого совета ХМИ. На него пригласили не только членов совета, но и всех, кто принимал какое-либо участие во введении в строй важного для института объекта.

Председатель совета — директор ХМИ огласил повестку дня. Кратко доложил о завершении строительства печи, с нескрываемым удовольствием сообщив, что теперь в институте появилась хотя и небольшая, зато своя действующая установка, где можно проводить полупромышленные испытания сотрудникам не только его лаборатории, но и других подразделений, если у них в плане намечены опыты, связанные с высокой температурой. Когда Евней Арыстанулы, сделав паузу, хотел перейти к изложению первого опыта, из того угла, где сидел М. И. Хайлов, послышались кряхтение. Директор ХМИ заметил, что его заместитель по научной работе явно не в духе: пришел раньше всех, не поздоровавшись с ним, молча уселся в дальний ряд и нервно постукивал пальцами по подлокотнику кресла, всем своим видом демонстрируя, что чем-то недоволен.

— Уважаемый Евней Арстанович, прошу немного вашего внимания, — тихо подал голос Михаил Исакович. — То, что строил печь весь коллектив института, это истина, как говорится, не требующая доказательств. Но вы об этом ни словом не обмолвились, не сказали спасибо даже тем людям, которые все лето, не разгибая спину, трудились на этом участке. И мне, старому человеку с седой головой, тоже пришлось кланяться первому руководителю области и выпрашивать дорогостоящий кабель. Я ожидал, что вы хотя бы мимоходом поблагодарите меня за это. Для воспитанного человека ваш поступок просто дик, нетерпим. Вы, конечно, можете не знать некоторых тонкостей, вы же еще молодой, только недавно получили назначение на высокую руководящую должность. Тем более что вы

Created by free version of 2PDF
Viktor University

выросли в глухой степи, в юрте, среди неотесанных пастухов, одевающихся в шкуры животных, как ваши предки-номады во времена кочевок. Откуда вам знать об этике и культуре при таком воспитании. В принципе я вам даже сочувствую... Но вы, уважаемый Евней Арстанович, сегодня допустили еще одну досадную оплошность. И как старший по возрасту и как единственный доктор наук в нашем молодом коллективе я вынужден поправить вас: ведь эта печь — наша общая, значит, все мы должны ею пользоваться... — Профессор Хайлов понял, что своим неожиданным заявлением завладел вниманием присутствовавших, и продолжал говорить, не торопясь, назидательным, менторским тоном. — Раз так, надо составить график на целый год, и все лаборатории ХМИ должны печью пользоваться поочередно, не давая огню в ней погаснуть... Что мы видим? Уважаемый наш директор хочет пользоваться печью единолично, для этого он уже подготовил научную программу, рассчитанную на несколько лет. А когда же другие желающие смогут воспользоваться этой установкой? Например, лаборатория черной металлургии, которую возглавляю я, также намерена проводить в этой печи важные опыты. Думаю, никто из вас не будет спорить, что это право я заслужил. Я ведь давно готовлюсь к таким испытаниям, по масштабу они намного значительнее, чем у других. Вам надо учесть и мое научное звание и заслуги. Вот так-то, дорогой! Короче, я вынужден официально заявить, что моя лаборатория в первую очередь будет проводить свои опыты в этой печи. Да, да, в первую очередь! Поэтому стоит ли сегодня обсуждать программу, предложенную нашим директором?

— Михаил Исакович, месяца три тому назад вы в этом кабинете долго толковали о начале подготовки полупромышленного испытания на Темиртауском металлургическом комбинате... — донеслось из задних рядов.

— Дорогой мой, — академик бросил уничтожающий взгляд на молодого коллегу, — вы, видимо, не можете отличить производственное испытание от ла-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

бораторного. Судя по вашим словам, вы в этом деле настоящий дилетант. Для того чтобы провести масштабное испытание, сначала нужно все довести до кондиции на малой модели — это проверенный метод в науке. Вы должны это знать. Если не знаете — запомните и постарайтесь более не задавать таких глупых вопросов... В Темиртау я поеду тогда, когда перейду к более масштабным испытаниям!..

— И сколько времени вы собираетесь пользоваться этой печью? — спросил Букетов.

— Это, голубчик, зависит от того, как удачно пройдет испытание...

— Я вам не голубчик, уважаемый Михаил Исакович. Я директор академического института, в котором вы работаете заместителем директора, то есть моим... И поэтому прошу вас более не ставить себя выше всех, а остальных считать мальчиками на побегушках — это не красит вас как интеллигентного человека, выходца из более цивилизованной страны. Не советую вам говорить с нами как с кочевниками, отставшими от цивилизации... — не повышая голоса сказал Букетов.

— А почему вы на меня кричите? Вы моложе меня на двадцать три года. Со мной это не пройдет! Сам президент Академии наук со мной так грубо не разговаривает...

Присутствующие в кабинете уже поняли, что опытный спорщик Михаил Исакович оседлал привычного конька и специально провоцирует Букетова на скандал, старается вывести его из себя. Для Хайлова это был испытанный прием: таким образом он добился ухода бывшего директора Азербаева. Обычно спор между ними возникал по пустякам и зачастую заканчивался руганью. Оба покидали этот кабинет взвинченными и озлобленными друг против друга, а потом целый месяц не то что не разговаривали, даже не здоровались.

Атака Хайлова на нового руководителя ХМИ была пробной...

— Михаил Исакович, я на вас голос не повышал. Грубить старшему по возрасту — не в традиции нашего народа. Мои слова слышали присутствующие, они

Created by free version of 2PDF
Buketov University

свидетели — ничего грубого я вам не сказал. Не берите грех на душу... Вы говорите: я никого не благодарил. Но ведь позавчера я издал специальный приказ: всем, кто участвовал в строительстве печи, объявил благодарность, первой в нем стоит ваша фамилия. Я думал, этого достаточно. Оказывается, надо было еще раз поблагодарить вас на этом представительном совещании. Видимо, это упущение с моей стороны. Виноват, прошу извинить! Но меня удивляют ваши претензии относительно использования печи. Я готов вам предоставить эту установку в первую очередь. Хоть завтра начинайте опыты!.. Но должен вас предупредить, что не только внутренняя футеровка ее, но и весь корпус установки не выдержат плавку чугуна. Извините, уважаемый академик, но эта печь — не домна, привычная для вас, на которой вы всю жизнь работали, это — всего-навсего маленькая модель шахтной печи, предназначенная для обжига полиметаллического концентрата при температурах не более пятисот градусов...

Коллеги поняли: директор пытается успокоить пожилого ученого и оставить ему путь к отступлению.

— Нет, дорогой, ничего у вас не выйдет, и зря вы стараетесь уговорить меня... Я не откажусь от своего намерения... — Хайлов встал с кресла и подошел к Букетову.

Находящиеся в кабинете люди уже догадались, что произойдет через минуту.

— Вы, уважаемый, наверное, уже слышали, что этот золотой значок лауреата Госпремии я получил в годы войны за то, что не отходил сутками от доменной печи, где испытывалась первая плавка по моему методу. Состав концентрата, объемы добавок и температурный режим всего процесса установлены были мною... — Хайлов ткнул пальцем на лауреатский значок на лацкане пиджака.

Коллектив ХМИ хорошо знал ту историю с опытной плавкой: Михаил Исакович много раз об этом повествовал. Присутствующие слушали его избитую проповедь всегда с иронией, прощая ему хвастовство из-за его преклонного возраста...

Bukelov university

— На той плавке, — продолжал он с пафосом, — некоторые перестраховщики, вроде вас, Евней Арстанович, неоднократно предупреждали: «Вы взорвете домну. Состав концентрата превышает все предельные нормы. Ничего, мол, не получится!..» А я пошел на риск. Потому что я знал и был уверен в успехе. Ради интересов Родины и отечественной науки пришлось рискнуть. Я сам стоял у раскаленной домны. О, это был потрясающий и самый счастливый миг моей жизни!.. В результате я открыл новый ускоренный способ переработки феррохрома, чем многократно усилил обороноспособность страны в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Это надо понимать и ценить, дорогой. А вы меня пугаете этой печью-игрушкой.

— А если вы угробите печь, которую мы с таким трудом построили, что тогда? — осмелился спросить кто-то из присутствующих.

— Тем более что установка находится на близком расстоянии от жилых домов... — добавил другой.

— Молодой человек, научное изыскание без риска не бывает!

Дискуссия, навязанная старым ученым, могла продолжаться целый день. Директор постучал карандашом по столу.

— Уважаемый Михаил Исакович, я никак не могу понять, из-за чего вы начали этот спор. Эта печь вам не нужна ни сегодня, ни завтра, вы в ней не сможете выплавить даже один килограмм стали или чугуна. Вы это знаете лучше всех нас. Для чего раздули эту дискуссию? Чтобы показать, что вы в нашем коллективе главная фигура? Считайте, что достигли своей цели. За то, что вы нам достали дефицитный кабель, я благодарен вам на всю жизнь! Только прошу вас: не претендуйте на эту печь! Мы ее построили для отработки выделения редких металлов, которых в природе очень мало. И она проектировалась с расчетом на малые объемы загрузки... Если лаборатория по обогащению руды подготовит свою программу испытания, рассчитанную на использование этой печи, пожалуйста,

Created by free version of 2PDF
Pikelov University

пользуйтесь. Я не против. И хочу напомнить: инициативу постройки печи проявила наша лаборатория, мы ее проектировали... Я поставил себе это целью еще в Алма-Ате: проводить опыты на небольшой установке и разработать на их основе новую технологию извлечения редких элементов. Потому и принял предложение руководства Академии наук и перевелся в Караганду... Поэтому предлагаю споры об этой печи, о том, кто будет ее хозяином, прекратить...

Евней Арыстанулы взял какие-то бумаги со стола и, по-видимому, хотел их зачитать, но стоявший рядом академик Хайлов не унимался:

— Товарищ Букетов, вы опять нагрубили мне! Даже подряд два раза!.. Этого я вам простить не могу и вынужден покинуть этот кабинет. — Взяв свой желтый потрепанный портфель, ученый направился к выходу.

Тут же, вслед за ним, поднялись со своих мест научные работники, приехавшие с Урала, и потянулись за своим предводителем.

В кабинете установилась гробовая тишина. Минуты через три Букетов произнес:

— Я ожидал: рано или поздно такое случится. И хорошо, что это именно сегодня произошло...

Жармак Тюленов, кашлянув, поднялся с места:

— Вам, Евней, я вынужден, как старший по возрасту и как секретарь партийной организации, сделать замечание: сегодня вы вели себя некорректно. Хайлов — единственный среди нас — доктор наук, академик, лауреат Госпремии СССР. Вам надо быть с ним поделикатнее...

— Интересное заявление! Строим печь мы, а пользоваться ею будет Хайлов, переделав в домну... — возмутился младший сотрудник лаборатории.

— Помолчи, молокос, когда взрослые разговаривают, не люблю, когда безусые юноши лезут со своими советами! — осек его Тюленов.

— Вечная перебранка отцов и детей. Отец козыряет от избытка ума, сын доказывает, что время работает на него... — съязвил кто-то.

Buketov University
Created by free version of DBD

Директор ХМИ постучал пальцем по столу.

— Видимо, сегодня — неудачный день... — улыбнулся с натугой Евней Арыстанулы. Было видно, что он растерян и не знает, что сказать. — И поэтому, пока окончательно не рассорились, быстро расходимся... Жаке, вас прошу задержаться...

* * *

Для Евнея эта ночь была очень беспокойной, он почти не спал. А ведь до того, как приехал в желанную Сары-Арку, настроение было бодрым, приподнятым. Все, что давило и угнетало в Алматы, осталось позади. Режима он придерживался прежнего: после просмотра по телевизору московской программы «Время», в 22.30, он ложился спать. Просыпался около шести часов утра, в течение получаса совершал пробежку, делал зарядку, обливался по пояс холодной водой. Потом садился за письменный стол и работал. В восемь часов просыпалась дочка Акслу, она всегда звала не маму, а его. Он любил поднимать ее с постели, умывать, а потом четверть часа играл с нею.

Когда он получил трехкомнатную квартиру в новом доме на Советском проспекте, сразу же перевез семью в Караганду. Алма устроилась преподавателем в местный пединститут, включилась в кипучую жизнь студенчества, но ненадолго. Она вновь ждала ребенка...

Вчерашнее событие совершенно выбило Евнея из колеи, дома он не мог найти себе места. Прокручивая в памяти все, что произошло, он в первую очередь обвинял себя в том, что поддался на провокацию академика и его подручных. Понимал подоплеку спора, затеянного этой группой: хотели показать ему свою силу — они верховодили в ХМИ и будут верховодить. Печь им не нужна, это всем ясно, им тоже. Тогда зачем Хайлову весь этот сыр-бор? А что, если бы он отказался от этой печи и сделал бы благородный жест: «Пожалуйста, берите, делайте свои опыты...» Взяли бы, куда деться, провозились бы месяца два-три, может, и полгода без толка, и сами бы отказались. «Нет,

Created by free version of 2PDF

Вікторія Сінчук

не мог я так сказать. Тогда бы я сам, своими руками похоронил свою идею, у которой уже немало молодых приверженцев. Они верят в идею, верят, что у нас со временем что-то получится. Мне никак нельзя отступаться от этого, нельзя медлить. Скорее надо начать эти опыты. Скорее всего, Хайлов мстил за то, что я не посоветовался с ним по поводу своего главного замысла. Да, я допустил оплошность, надо было пойти к нему, спросить, как делать, с чего начать...»

Но угодничать, лицемерить, льстить было не в его характере, он всегда говорил то, что думал. Так воспитывали его наставники, солидные русские ученые, ни перед кем не лебезил, не ходил на цыпочках. В Алматы В. Д. Пономарев во всем доверял ему, предоставляя полную самостоятельность, возможность поступать по своему усмотрению, чтобы соискатель учился на своих ошибках, сам находил единственно правильный путь к истине. А тут?.. Академик Хайлов всех учит уму-разуму, во все вмешивается. Если что-то спросишь, начнет ходить вокруг да около, отвечает с усмешкой, слова вроде красивые, а жгут, как крапива. И так нервы истреплет, что потом не рад будешь, что с ним связался. Недаром многие сотрудники избегали оставаться с ним наедине.

«Лучше уйду с поста директора, как мой коллега Ерден Нигметулы, заявив: "Вот кабинет, почтенный Михаил Исакович, садитесь в кресло директора и командуйте, как вам заблагорассудится, а мне оставьте лишь свою лабораторию..." Но что может дать науке этот смотрящий только под ноги старик, кичащийся своими былыми заслугами?.. Его же даже аспиранты не уважают». Евней вспомнил, как недавно одному молодому сотруднику предложил стать аспирантом Хайлова. Бедняга испугался: «Что вы мне предлагаете? Что я вам плохого сделал, в чем моя вина? Неужели вы не знаете, что Михаил Исакович не читает современные издания по своей отрасли науки, поэтому его научный уровень остановился на достижениях аж 40-х годов». «Не могу понять, — думал Евней, — почему такой умудренный жизнью человек, как Сатпаев, при-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

гласил Хайлова в Казахстан, дав ему карт-бланш на создание своей научной школы. Как мог рекомендовать нам такого гордеца и зазнайку академик Бардин, ученый с мировым именем? По словам Михаила Исаковича, покойный Иван Павлович его очень ценил и безмерно любил. За какие такие достоинства Бардин многие годы держал его при себе?.. Ведь сам Бардин внес неоценимый вклад в металлургическую науку Союза, он был классный специалист, много лет работал главным инженером на металлургических комбинатах-гигантах Кузнецка, Магнитогорска. Непонятно. Несовместимо... Может быть, я относительно Хайлова ошибаюсь, делаю скоропалительные выводы? Может, кто-то из коллег специально против меня натравливает?..»

В голову лезли разные мысли, не давали заснуть всю ночь. Только под утро его, обессиленного, сморил сон. И, надо же, приснился ему сон прескверный: Марк Угорец, приехавший в Караганду по его приглашению, пришел к нему домой, сел перед ним и заплакал. «Что с тобой, ты же мужчина?» — сердито выговаривает Евней, а тот плачет еще сильнее. Слезы бегут ручьем: «Вы меня обманули, Арстаныч. Зачем меня сорвали с хорошего места в Алма-Ате? У меня была в общежитии института отдельная комната, любимая девушка Анна, с которой я хотел связать свою жизнь. И вот я прилетел сюда. Что мне здесь делать?..»

Кто-то потряс Евнея за плечо.

— Ты всю ночь плохо спал... И мне не давал спать... — сказала недовольно Алма. — Уже десять часов утра. Вставай, в гостиной тебя ждет Марк. Уже два часа сидит, наверное, у него что-то неотложное. С ним пришел какой-то русский парень...

Этим парнем оказался сотрудник лаборатории обогащения руд Виталий Малышев. Оба вежливо поздоровались, справились о здоровье. Видимо, опасались, что он заболел.

— Нет, молодые люди, я здоров. Вечером поздно лег и вот проспал. Если есть в нашем коллективе «штатные стукачи», то могут записать прогул — нечем

Created by free version of 2PDF
Viktor Uriversity

мне оправдаться... — сказал Евней смеясь. — Ну, рассказывайте, с чем пришли?

Хозяйка пригласила всех на завтрак. За столом состоялся разговор: молодые люди пришли обсудить вчерашний инцидент; по мнению Марка, к запланированному опыту нужно приступать немедленно, просто надо сделать вид, что никакого спора вообще не было... А Виталий попросил перевести его в лабораторию Евнея, а в своей он больше не желает работать.

— С переводом ко мне придется чуть повременить... — остудил его Евней Арыстанулы. — Я бы тебя принял хоть сейчас, но Жармак Тюленович поднимет шум, мол, директор переманил от него перспективного сотрудника. Я не хочу давать лишний повод тем, кто ополчился против меня...

— А я, честно говоря, не хочу оставаться там ни одного дня. Целый год потерял зря. Тюленов — хороший инженер, но не ученый... Если не возьмете в свою лабораторию, то уйду совсем, на Урал уеду, к своему наставнику Василию Ивановичу Смирнову, — заявил Виталий.

— Да ты ставишь меня в неудобное положение, Виталий. Прошу тебя, потерпи хотя бы пару месяцев и добейся сам согласия Жаке. Тогда ты меня избавишь от мелких дрязг между лабораториями. Ну как?

Малышев в расстройстве почесал затылок. А Букетов воспринял это как знак согласия.

— А тебе, Марк батыр, не знаю, что ответить...

— Мы пришли, Евней Арстанович, к вам домой, чтобы предупредить вас заранее. В институте к вам сразу привяжутся доброжелатели-советчики — Холод и другие, чтобы помирить вас с Хайловым. Им это выгодно, они хотят пойти на компромисс, чтобы вы терпели их, если они даже ничего делать не будут... Они здесь привыкли углы подпирать, заниматься пустыми разговорами и получать солидные зарплаты... Вы только нам предоставьте свободу действий, можете для вида на время отойти в сторону... Дело в том, что вчера вечером с рудника Кайракты привезли рудное сырье для опыта. Значит, печку можно загружать сегодня...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Евней Арыстанулы знал деловую хватку своего подопечного, тот всегда видел конечную цель, никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня. Конечно, ему было по душе то, что предлагал Марк. Ему самому не терпелось начать опыты.

— Простите, если мое предложение покажется вам неуместным, — вмешался Малышев. — Может, Евней Астанович, вам лечь в больницу, поправить здоровье? А Марк Залманович, раз ему не терпится, пусть приступает к эксперименту!..

Хозяин дома, встав из-за стола, внимательно посмотрел на обоих и закруглил разговор:

— Спасибо вам, что пришли посоветоваться! Я сам решу, как поступить. А вы идите, распорядитесь, чтобы сырье сгрузили возле печи, и сегодня же пусть химики возьмут пробы...

IV

Наверное, многое все-таки происходит по «закону подлости». В общем, ничего не получилось у них с обжигом вольфрамосодержащей руды. Может, ошиблись в расчетах? Первое время печь не давала нужной температуры. С помощью техников с производственного комбината устранили этот недостаток, но выхода металла все равно не было. Вернее, выделились ничтожные граммы, о чем не стоило вообще говорить. Видимо, главная причина была в отсутствии профессионального опыта. Что делать? Пришлось директору института звонить своим знакомым металлургам в город Балхаш и просить прислать опытных обжигальщиков.

Настоящий друг никогда не откажет. Его однокурсник Орынсеит Нурекин, уже проработавший на медном гиганте более десяти лет, ставший там начальником цеха, направил в ХМИ своего технолога. Приезжий специалист, остановив печь, целый месяц разбирался в ее утробе, что-то поправлял, установил измерительные приборы. Теперь установка, хотя и невеликая по габаритам, стала походить на настоящую

Bukefov university

Created by free version of 2PDF

обжиговую печь (иные из них были — высотой с четырехэтажный дом). Ее снова нагрели, загрузили в нее концентрат. Но результат оказался прежний: не хотел даваться им дорогостоящий вольфрам, вернее его окисленное соединение. Но тогда почему они находят «следы» этого соединения в остатках обжига? Ведь это означает, что процесс теоретически продуман верно, неправильно ведется сам обжиг. Как его улучшить?

Вольфрам — один из редко встречающихся в природе тугоплавких металлов. Он нужен для производства нитей накаливания для электроламп, для других промышленных целей, например, как основа, при выплавке высококачественной легированной стали. Однако экономически выгодного способа отделения его от вольфрамосодержащих соединений пока не существовало. Сколько исследователей в мире ломали копья в дискуссиях, сколько потратили энергии и сил! Все напрасно. Если бы карагандинским исследователям улыбнулась удача и они подняли бы процент извлечения вольфрама хотя бы на 10—20 процентов, это стало бы мировой сенсацией. Но что поделаешь, это только в сказках все быстро делается...

Шли месяцы. В один из хмурых дней, когда все опять пошло насмарку, Евней Арыстанулы вспомнил о знакомом со старого уральского завода в Верхней Пышме, где он был со своими студентами-практикантами целый месяц, об Алексее Николаевиче Полукарове, знающем инженере и талантливом экспериментаторе. И еще он любил поэзию, наизусть знал много стихов Фета, Тютчева, Некрасова. По-видимому, и это также сыграло свою роль в том, что эти два человека — производственник и ученый из Казахстана подружились. Потом они иногда обменивались поздравительными открытками, чаще всего в канун Нового года. (Напомним, что именно Полукаров предупредил Букетова о том, что миловидная дама — начальница цеха, обещая внедрить его метод извлечения редкого элемента, на самом деле обманывает его.)

Евней Арыстанулы не зря вспомнил в те неудачные дни о Полукарове (в «Шести письмах другу» он назван

Created by free version of 2PDF
Вукетов University

Н. А. Полубричкиным). Наверное, в какой-то мере положившись на интуицию, он послал ему телеграмму с приглашением на работу в Караганду. Ответ он получил не от Полукарова, а от его коллеги, который объяснил ему, в какую ситуацию попал его слишком прямодушный приятель: оказывается, Алексей Николаевич не прижился в Верхней Пышме, так как не мог терпеть несправедливости, повздорил с инженерами, стоящими выше его рангом, но плохо знающими свое дело, отказывался выполнять их указания, и в результате ему указали на дверь...

Такова участь многих талантливых людей, не умеющих приспосабливаться, гнуть спину перед начальниками. Но такие таланты-самородки, как Полукаров, нужны как воздух, чтобы двигать прогресс. Понятно, что они неудобны, у них сложный характер, они мешают тем, кто хочет жить спокойно. Разумеется, колючий на язык и себе на уме Полукаров не изменится в Караганде, хлопот с ним не оберешься. Но он фанатик, не думающий о личной выгоде, честный трудяга.

Евней Арыстанулы отправил в Верхнюю Пышму вторую телеграмму с просьбой во что бы то ни стало найти Алексея Николаевича.

После долгих поисков Полукарова нашли в Одессе. Кандидат технических наук, талантливый экспериментатор работал грузчиком на фабрике игрушек. Получал, конечно, мизерную зарплату и, конечно, беспробудно пил горькую — у него не было постоянного жилья.

Евнею Арыстанулы не верилось, что умный и талантливый человек мог опуститься до такого состояния. Жалея его, вознамерился все-таки попытаться вернуть его к нормальной жизни.

...И вот однажды осенью, в конце рабочего дня в кабинет директора ХМИ вошел Алексей Николаевич Полукаров. Евней Арыстанулы не поверил своим глазам: настолько тот изменился за каких-то три-четыре года. В этом сгорбленном старике он едва признал прежнего неутомимого спорщика, человека с обширным кругозором, хорошо образованного.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Войдя в кабинет, Алексей Николаевич, чуть подавшись вперед, остановился у двери, даже не поздоровавшись, и потупился. На его изможденном лице застыла вымученная улыбка. Нет, это был не тот Полукаров, которого знал Евней Арыстанулы.

Обойдя стол, Букетов подошел к нему и обнял. И долго не выпускал из своих сильных объятий побитого жизнью человека, показывая тем самым, что он искренне рад встрече. Бедняга совсем растерялся. Давным-давно с ним никто так по-человечески не обращался. Полукаров не смог сдержать себя и вдруг расплакался.

Евней Арыстанулы, ничего не говоря, потащил его за стол. Посидели, молча глядя друг на друга, лишь через некоторое время хозяин кабинета произнес:

— Ну, дружище, с приездом!.. Тебе уже рассказали, для чего я тебя разыскивал по всему Советскому Союзу?

— А это и так ясно, Евней Арстанович... Вы видите мое состояние — хуже не бывает... Деваться мне некуда, что прикажете, то и буду делать, откровенно говоря, я нуждаюсь в вашем милосердии...

— Нет, Алексей, ты неправ, наоборот, мы нуждаемся в твоей помощи, — сказал Букетов. — У нас тут полный провал с экспериментами... Я тебя пока оформляю на ставку старшего научного сотрудника. В твоем распоряжении — минимум десять будущих кандидатов технических наук, все они будут делать то, что ты скажешь. Они все молодые, жаждут удивить мир, как когда-то мечтал ты, так что в твоих руках — их судьба, крепко подумай об этом... Опытную печь для обжига отдаю в твои руки. Там ты будешь главным инженером или главным обжигальщиком, называй себя, как хочешь, и командуй, как тебе заблагорассудится... Теперь насчет житейских проблем: пока поживешь в нашем аспирантском общежитии, а месяца через два-три горисполком должен выделить институту квартиры, одну из них, трехкомнатную, в центре города, я распоряжусь, чтобы отдали тебе. Но до этого ты должен уговорить свою жену с детьми переехать в Караганду, убедить ее, что взялся за ум. Ясно? Если у тебя есть вопросы, пожелания, скажи сразу, с завтрашнего

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дня мы приступаем к большой работе, свободного времени ни у тебя, ни у меня не будет, Алексей!..

Полукаров был ошеломлен. Ему казалось, что он ослышался. Откуда эта манна небесная посыпалась на его голову? Неужели все это директор ХМИ сказал ему? Кто он такой, что ему, бродяге, вдруг оказывают столько почета и уважения?

Алексей Николаевич не верил в реальность происходящего.

— Вы поняли, Алексей Николаевич, что вам Евней Арстанович предлагает полную свободу действий? — подал голос Малышев, до того сидевший в кабинете молча, не вмешиваясь в разговор старших.

— Евней Арстанович, я всю жизнь буду перед вами в долгу. Как мне вас отблагодарить?.. — робко спросил гость.

Евней Арыстанулы громко рассмеялся.

— У меня к тебе, Алексей, одна просьба. Если обещаешь выполнить, скажу...

— Говорите.

— Бросай пить. Навсегда!.. Дай обет, что даже в день защиты докторской диссертации ни грамма не возьмешь в рот. Алексей, я прошу тебя не как твой директор, а как коллега...

Полукаров закрыл глаза и в таком состоянии просидел довольно долго. Потом вдруг изменился в лице, оно стало чуть суровее. Дрожащим голосом произнес:

—Для того чтобы я снова не свернул на этот скользкий путь, сразу же впрягите меня в работу.

С того дня началось возвращение Алексея Полукарова в науку и в жизнь. Было трудно, иногда он едва не срывался. Возможно, ему помогло то, что его постоянно окружали молодые люди с чистой совестью, преданные науке. Это воодушевляло Алексея Николаевича, побуждало к исследованиям.

Получив в свое распоряжение обжиговую печь, он в первый же день досконально изучил ее. И тех, кто готовился провести очередной обжиг, придержал: «Подождите малость». Сел за стол и стал чертить и делать расчеты. Через неделю по требованию Алексея

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Николаевича поставили печь на реконструкцию. В поду печи, куда закладывался концентрат, установили механический смеситель-лопату для перемешивания сырья во время обжига. Заменили и поменяли местами термопары, измеряющие температуру в разных местах. «Главный печник» — так Полукаров назвал свою должность, считал, что вытяжная труба, которая досталась исследователям от бывшей котельной, создает слишком сильную тягу, поэтому в горловину ее вмонтировали перегородку для регулировки процесса обжига. Полукаров не упускал никаких мелочей в научных экспериментах. Поехал в Темиртау, к металлургам, просидел там в мастерской целую неделю, пока не соорудили по его чертежу перегородку с нужными регулировочными механизмами. Потом ее оперативно установили в горловину печи...

Наконец настал день, когда злополучную печь снова поставили на обжиг. Первое испытание показало, что печь работает неплохо, даже в три раза повысился выход металла. Это были уже не «следы» и не «признаки» вольфрама, а настоящий продукт. Исследователи обрадовались полученным результатам, фактически это был первый значительный успех после многих провалов. Потом, меняя параметры обжига, объем и состав руды, после 15-й загрузки, они добились пятикратного увеличения выхода металла.

Но сам «главный печник» был неудовлетворен результатами. Марк Угорец тоже был от них не в восторге. А руководитель исследований Е. А. Букетов на очередном обсуждении даже сказал: «Процент выхода металла намного ниже, чем у производственников. А нам нужно достичь, минимум, 70—80 процентов извлечения. Пока этого не достигнем — не остановимся».

Виталий МАЛЫШЕВ. «Поступью командора и пророка»:

«В его судьбе была трещина. Родители Полукарова были раскулачены, и это оставило неизгладимый след в душе безусловно одаренного мальчика, ставшего потом хорошим студентом, аспирантом и ученым. А как он

Buketov University

Created by free version of 2PDF

знал Фета, Тютчева, Некрасова! Не потому ли, что они способны утешить, понять страдание и взывать к справедливости? Последнее не столь уж и субъективно в свете новейшего отношения к личному труду, подсобному хозяйству, семейному подряду. В наших, теперь уже бывших братских странах, как-то обошлось без раскулачивания, и там продовольствием обеспечивают не хуже нашего, а то и лучше. Полукарова приняли на работу. Он сразу же адаптировался и вскоре начал выдавать научную продукцию — изобретения, статьи и так далее. Позднее его "слабость" сошла почти на нет и переключилась на бильярд, к которому его пристрастил все тот же Евней Арстанович. ...Евней Арстанович воспринимал его как чистый звук некоего общественного камертона, любил его рассказы о жизненных передрягах и многое прощал. Да, хороший человек Алексей Николаевич... Пока не ушел на пенсию, всегда работал с юношеским задором, оставаясь одним из наиболее продуктивных изобретателей и ученых. Самое удивительное, кто бы ни обращался к нему за советом или помощью, он бескорыстно всем старался помочь. И за это ничего не требовал. Даже тем, кто его по приезде в Караганду встретил недоброжелательно, впоследствии он никогда не отказывал в помощи...»

В лаборатории Букетова пирометаллургические процессы (проходящие при высокой температуре при обжигах или во время выплавки металла) никак не налаживались. Металла по-прежнему отделялось мало. В истории науки такое бывает сплошь и рядом, иные исследователи трудятся десятилетиями и не достигают успеха. Но, как принято говорить в таких случаях, «отрицательный результат — тоже результат».

И вот однажды вечером Алексей Полукаров заглянул в кабинет директора ХМИ:

— Евней Арстанович, я долго думал о преследующих нас неудачах и пришел к выводу, что с этим сырьем у нас ничего не получится. Надо его менять.

Директору института трудно было признать свое поражение. Он и сам догадывался: что-то идет не так,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

но не мог решиться на прекращение опыта. А теперь об этом завел речь коллега. Очевидно, он прав. Придется признаться, что опыты потерпели крах. И это случилось в самое неблагоприятное для него время...

* * *

Профессора Хайлова привело в ярость то, что молодой директор ХМИ открыто игнорировал его замечания. Распоряжения Евнея Арыстанулы он воспринял как выпад против него лично и во всеуслышание объявил, что его эксперименты — сплошное дилетанство и скоро позорно провалятся. В своих очередных жалобах на имя президента Академии наук М. И. Хайлов писал, что, «не отдающий отчета своим действиям всего-навсего кандидат наук поставил перед коллективом института непосильную задачу, чтобы скорее получить докторскую степень, при этом ни с кем не считается...». В пылу полемики, как правило, высказывается много разных обвинений, а здесь маститый оппонент разбивал своего противника сильной демагогической логикой, доказывая, что сам директор ХМИ, человек, ни одного дня не работавший на производстве, не просто недооценивает — он не понимает важности его, Хайлова, исследований по усовершенствованию существующей технологии выплавки стали и чугуна, а это, кстати, обещает настоящий переворот в металлургии. Причина его противодействия — сугубо эгоистические амбиции, стремление поставить свое «я» выше интересов науки...

Конечно, Евней Арыстанулы и его сподвижники старались дать соответствующий отпор необоснованным обвинениям старого профессора и всех тех, кто его поддерживал в этой все более разгорающейся распре. Но скандал нарастал, как снежный ком, и выплеснулся за пределы института. Жалобы дошли не только до руководства Академии наук, но и до райкома, и до обкома партии. А жалобы, понятно, надо рассматривать. Это было железным правилом тех времен. Тем более жаловался известный ученый, действительный член Академии наук Казахской ССР. Второе лицо, подпи-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

савшее эти письма-доносы в вышестоящие инстанции, — тоже не рядовой сотрудник, а заведующий лабораторией электрохимии того же института, кандидат технических наук, член партии и участник Великой Отечественной войны П. Л. Холод. А под иными жалобами были подписи десятка человек, все они были из той группы, которую привел сюда сам М. И. Хайлов с Урала. В общем, они ополчились на директора ХМИ дружно и очень активно...

Комиссий, проверявших деятельность ХМИ, поступки его директора «с диктаторскими замашками» было не счесть: из райкома, горкома партии, иногда из самого обкома. Партийные органы держали под контролем каждый шаг Букетова: кого он принимает на работу, кого увольняет, как расходуются государственные средства. И конечно, по каждому пустяку велось расследование... На все надо было давать ответ в письменном виде, писать объяснительные не на одну-две, иногда на десятки страниц. Некоторые комиссии, более солидные и с большими полномочиями, устраивали публичный разбор почти на целый день. Такие собрания нередко заканчивались ночью. Хочешь не хочешь — всем участникам приходилось высказываться. В результате сотрудники института на следующий день смотрели друг на друга как на врага, подолгу не разговаривали, даже не здоровались. Не обошлось без оскорблений. В общем, кто-то, как всегда, мутил воду. Разборки, кроме вреда, никому ничего не приносили. От них все устали. Особенно Евней Арыстанулы. Он уже плохо ориентировался в том, что происходило в институте, не мог сосредоточиться на исследованиях. К тому же собственные неудачные опыты вовсе его обескуражили, и порою ему казалось, что хайловская группа абсолютно права, обвиняя его в том, что он пошел в науке не тем путем.

* * *

Не случайно сказано: «Беда беду накликает». Но коли пришла беда, крепись, наберись терпения и выдержки. Беда и вымучит, беда и выучит.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Неудачи, начавшиеся в институте осенью 1961 года, продолжались всю зиму и лето, не давая спокойно работать Евнею Арыстанулы. И, как на зло, к этим конфликтам прибавился разлад в семье.

Вроде бы ничто не предвещало грозу. Алма разрешилась второй дочкой. Евней назвал ее Даляпраз, в память давно скончавшейся сестры отца. Она подрастала, становилась шустренькой, как Акслу, ее ласково звали — Дакенай. От ее голоса стало в доме веселее. Известно, что радость приходит в каждую семью с появлением ребенка, счастье любого шанырака — детские голоса, их беззаботный, звонкий, заливистый смех.

Евней приходил домой усталым, постоянно поздно. О неладах в институте он никогда не рассказывал дома. Алма, как женщина чуткая, догадывалась о них. Скорее всего, была отчасти информирована из доходящих до нее разговоров. Муж же теперь чувствовал себя как бы побитым. Временами у него не было даже желания поиграть с детьми, не то что общаться с женой. Хотелось завалиться в постель и отоспаться, забыть все раздоры и споры. Только сон на время снимал нервное напряжение.

К сожалению, такое невнимание стало раздражать жену, она стала допекать его упреками и слезами, лишив покоя и дома. И обстановка в семье все более накалялась...

На мой письменный запрос по этому поводу Камзабай Букетов из Караганды прислал вот такой ответ: «Однажды ночью, когда мы уже спали крепким сном, проснулись от продолжительного звонка в дверь. Разбудил нас в два часа ночи мой брат — Евней. Оказалось, среди ночи наша молодая сноха опять затеяла ссору, и он, не выдержав, ушел из дома. Мы его уложили на диван в гостиной. Всю ночь он, ворочаясь, не сомкнул глаз, мы тоже с супругой Бикен не спали до утра. Утром брат объявил нам, что больше он с Алмой жить не сможет, что его терпение иссякло... Ушел на работу, поручив нам принести его одежду и все нужные деловые записи к нам домой. Мы хотели предот-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

савшее эти письма-доносы в вышестоящие инстанции, — тоже не рядовой сотрудник, а заведующий лабораторией электрохимии того же института, кандидат технических наук, член партии и участник Великой Отечественной войны П. Л. Холод. А под иными жалобами были подписи десятка человек, все они были из той группы, которую привел сюда сам М. И. Хайлов с Урала. В общем, они ополчились на директора ХМИ дружно и очень активно...

Комиссий, проверявших деятельность ХМИ, поступки его директора «с диктаторскими замашками» было не счесть: из райкома, горкома партии, иногда из самого обкома. Партийные органы держали под контролем каждый шаг Букетова: кого он принимает на работу, кого увольняет, как расходуются государственные средства. И конечно, по каждому пустяку велось расследование... На все надо было давать ответ в письменном виде, писать объяснительные не на одну-две, иногда на десятки страниц. Некоторые комиссии, более солидные и с большими полномочиями, устраивали публичный разбор почти на целый день. Такие собрания нередко заканчивались ночью. Хочешь не хочешь — всем участникам приходилось высказываться. В результате сотрудники института на следующий день смотрели друг на друга как на врага, подолгу не разговаривали, даже не здоровались. Не обошлось без оскорблений. В общем, кто-то, как всегда, мутил воду. Разборки, кроме вреда, никому ничего не приносили. От них все устали. Особенно Евней Арыстанулы. Он уже плохо ориентировался в том, что происходило в институте, не мог сосредоточиться на исследованиях. К тому же собственные неудачные опыты вовсе его обескуражили, и порою ему казалось, что хайловская группа абсолютно права, обвиняя его в том, что он пошел в науке не тем путем.

* * *

Не случайно сказано: «Беда беду накликает». Но коли пришла беда, крепись, наберись терпения и выдержки. Беда и вымучит, беда и выучит.

Created by free version of 2PDF
Viktor University

Неудачи, начавшиеся в институте осенью 1961 года, продолжались всю зиму и лето, не давая спокойно работать Евнею Арыстанулы. И, как на зло, к этим конфликтам прибавился разлад в семье.

Вроде бы ничто не предвещало грозу. Алма разрешилась второй дочкой. Евней назвал ее Даляпраз, в память давно скончавшейся сестры отца. Она подрастала, становилась шустренькой, как Акслу, ее ласково звали — Дакенай. От ее голоса стало в доме веселее. Известно, что радость приходит в каждую семью с появлением ребенка, счастье любого шанырака — детские голоса, их беззаботный, звонкий, заливистый смех.

Евней приходил домой усталым, постоянно поздно. О неладах в институте он никогда не рассказывал дома. Алма, как женщина чуткая, догадывалась о них. Скорее всего, была отчасти информирована из доходящих до нее разговоров. Муж же теперь чувствовал себя как бы побитым. Временами у него не было даже желания поиграть с детьми, не то что общаться с женой. Хотелось завалиться в постель и отоспаться, забыть все раздоры и споры. Только сон на время снимал нервное напряжение.

К сожалению, такое невнимание стало раздражать жену, она стала допекать его упреками и слезами, лишив покоя и дома. И обстановка в семье все более накалялась...

На мой письменный запрос по этому поводу Камзабай Букетов из Караганды прислал вот такой ответ: «Однажды ночью, когда мы уже спали крепким сном, проснулись от продолжительного звонка в дверь. Разбудил нас в два часа ночи мой брат — Евней. Оказалось, среди ночи наша молодая сноха опять затеяла ссору, и он, не выдержав, ушел из дома. Мы его уложили на диван в гостиной. Всю ночь он, ворочаясь, не сомкнул глаз, мы тоже с супругой Бикен не спали до утра. Утром брат объявил нам, что больше он с Алмой жить не сможет, что его терпение иссякло... Ушел на работу, поручив нам принести его одежду и все нужные деловые записи к нам домой. Мы хотели предот-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

вратить эту семейную катастрофу. Вечером, пригласив Алму Бекжанкызы домой, расспросили ее. Она тоже сказала нам, что к прошлому нет возврата, примирения не будет, все решено окончательно. На наши доводы не разрушать семейный очаг, простить друг друга, не делать двух малышей при живых родителях сиротами... она не отозвалась. Евней взял материальную сторону обеспечения детей на себя, оставил квартиру целиком Алме, лишь забрал свои книги и все необходимые бумаги для работы, одежду. И пока временно поселился в нашей квартире...»

С Алмой Бекжанкызы, как было сказано в предыдущей главе, я встретился в Алматы, летом 2003 года. Привожу краткое изложение ее немногословного рассказа: «Евней был гостеприимным человеком, он любил не только в гости ходить, но и к себе приглашал очень часто: это были сотрудники института, просто знакомые или земляки с Северного Казахстана, которые заходили к нему в кабинет с различными вопросами. Раз пришел гость, надо прилично его встретить, есть или нет что-нибудь в холодильнике, он вовсе не думал об этом. Дети были маленькие, часто болели. Я очень уставала от домашней бесконечной сутолоки. Как вышла замуж, фактически толком и не работала. Если говорила об этом Евнею, он отвечал: "Надо терпеть, дети должны расти здоровыми, а в садике они будут болеть, поэтому ухаживай за ними сама". Что я с дипломом университета сижу дома, не работаю, мужа вовсе не интересовало. Он только и говорил, что достаточно зарабатывает, на все расходы вполне хватает. В общем, он был склонен, чтобы я была только домохозяйкой. Короче говоря, на этих чисто бытовых спорах наши отношения разладились, часто стали ругаться... Нет, все-таки то, что мы разошлись еще молодыми, сейчас я думаю, это было правильно. Я стала кандидатом наук, здесь, в Алматы, в одном высшем учебном заведении преподаю, профессорского звания добилась. Можете оценить, что для одинокой женщины-казашки в современном мире эти достижения не так уж и плохи. После развода с ним мне в Караганде

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не было смысла оставаться, обменяв квартиру на Алматы, переехала сюда насовсем...»

Семейные неурядицы Букетовых на этом не кончились: в мае 1962 года тяжело заболела их мать Бальтай. Ей исполнилось шестьдесят четыре года.

После того как Камзабай получил здесь работу, она переехала к нему. Двое младших ее сыновей после окончания политехнического института здесь же женились, они жили отдельно со своими семьями. А младший сын Еслямбек учился на третьем курсе Карагандинского политехнического института, жил вместе с ней. Бальтай была довольна своей судьбой и всегда благодарила Всевышнего за то, что все сыновья живы и здоровы, и все они, слава Аллаху, заняли свое место в жизни. Дом Камзабая, в котором она жила, по ее желанию, стал «кара шаныраком» Арыстана, то есть главным очагом всех Букетовых. Она, простая, неграмотная женщина, оставшаяся в сорок два года вдовой, поставила на ноги пятерых сыновей. Из них четверо уже обзавелись семьями, у всех по двое-трое детей. Конечно, тяжелые переживания, неустанный, вечный труд без отдыха ради благополучия детей теперь, в старости, дал о себе знать. Запущенная болезнь печени вдруг к весне обострилась, и вот она первый раз в своей жизни оказалась в больнице. Срочная операция не помогла ей, а может, даже ускорила роковой час...

Мудрая мать, почувствовав близкий час расставания, одного за другим позвала своих детей в палату. Всем высказала свои думы и пожелания на их будущее. А когда с ней остались двое старших сыновей, Евней с Камзабаем, завела непростой разговор: «Несмотря на то, что до нашего родного аула отсюда почти тысяча верст, прошу вас, милые мои, похороните меня возле вашего отца. Сегодня я видела сон, он уже зовет меня к себе... — чуть передохнув, тяжело дыша, она посмотрела на старшего сына, который гладил ее похолодевшие руки, и, вздохнув, печальным голосом продолжила: — Евнейжан, внимательно выслушай меня, родную мать. Мне очень больно, что у тебя в шанираке нет ладу... Сноху мою, которая не смогла оценить тебя по

Created by free version of 2PDF

Buketov University

достоинству, и двух дочурок, которых ты так долго ждал и беззаветно любишь, — нисколько не жалею. У них, наверное, Всевышним предначертанная своя судьба, лишь бы были живы-здоровы!.. Ты у меня — первенец, самый любимый и теперь самый старший в нашем роду, ты не похож на других ни характером, ни умом. Чтобы родная твоя мать на том свете чувствовала себя спокойно и тихо спала в сырой земле, прошу тебя, сходись с прежней снохой моей — Зубайрой. Я чувствую и предрекаю тебе, твое семейное счастье и благополучие будет только с ней!..» Сказала и по привычке закрыла глаза, дав понять, что хочет отдохнуть.

Через несколько часов после этого разговора она отошла в мир иной.

Последнее ее пожелание дети выполнили. Привезли ее тело на старый могильный курган у берега Есиля, где покоятся предки, и похоронили рядом с мужем. Все ритуалы, связанные с похоронами, совершили в ауле Баганаты, где по-прежнему проживали родные и близкие. В то же лето установили возле могил родителей два надгробных камня. На камне с северной стороны были высечены слова: «Арыстан Тумырзаулы (Бокет) 1884—1942, атыгаец, из баимбетовского рода», а на камне рядом: «Умсын (Бальтай) Байжанкызы, 1898—1962, из рода Акан-Барак».

V

Охватывая мысленном взором всю жизнь моего героя, могу твердо сказать, что 1962 год — для Евнея Арыстанулы оказался самым тяжелым. Как будто бы кто-то хотел испытать его на прочность, ибо со всех сторон в том году на него обрушились напасти. Разумеется, они не остались без последствий...

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Я решил отказаться от должности директора. Нельзя сказать, что пришел к этому решению внезапно. Я, казалось, много думал, но мою разгоряченную голову

Buketov University

Created by free version of 2PDF

занимали почему-то разнообразные варианты тех решительных мер, которые должны были привести к немедленному успеху, но которые при серьезном обсуждении с самим же собой лопались, как мыльные пузыри. Я трусливо отталкивал от себя трезвые соображения о путях преодоления трудностей, потому что был в обиде на себя же самого, что совершенно не готов к достижению целей, требующих длительной выдержки, упорства, настойчивости и методичности. Я явственно обнаруживал свою беспомощность, и мне не оставалось ничего иного, как подать заявление на имя президента об освобождении от занимаемой должности, что немедленно и сделал...

Но как только отправил свое заявление, мне стало легче, я впал в безмятежность, даже мои научные дела, думать о которых не переставал ни при каких обстоятельствах, стали маячить в каком-то зыбком отдалении, и я впервые испытал невиданное блаженство от равнодушия к ним... Я приходил в институт, не особенно утруждая себя расспросами, легко подписывал бумаги и убивал время на пустые разговоры с Бокеновым (с Тюленовым Ж. Т. — *М. С.*)... *Он сидел в кабинете довольный собою, находя, что молодой руководитель становится человеком, вполне оценивающим его достоинства. Начал нравиться и Хайлову, ибо вместо того, чтобы задавать заместителю беспокойные вопросы, я уезжал кататься на служебной машине по городу и окрестностям, занимая себя только одной мыслью, когда же придет ответ на заявление. О работе не думал, утешая себя тем, что у нас в стране безработных нет... Ждал почти месяц, пока, наконец, не получил телеграмму с приглашением приехать. Я понял, что эта телеграмма предвещала серьезный разговор, поскольку такие вопросы, как смещение директора института, с маху не решаются.*

...Пока ехал, передумал десятки вариантов, как себя вести, пока не пришел к заключению: следует просто сказать о своем решении кратко, четко, далее молча настаивать на своем...»

— Ебеке, вы расстроили меня. Вас так расхваливали ваши наставники из ученого мира и некоторые друзья — поклонники вашего таланта... Но вы оказались

Created by free version of 2PDF

не тем, кого я в вашем лице хотел видеть на посту директора института. Мне всегда больно, когда я ошибаюсь в людях... — Президент Академии наук вынул из папки заявление Букетова, взглянул краем глаза на него и резко отодвинул листок подальше от себя. — Академическому институту найти руководителя нетрудно... Но меня удивляет одно обстоятельство: вроде бы мы с вами при первой встрече договорились о многом. Вы, помнится, в тот раз говорили о своих научных планах, говорили с большим энтузиазмом. И от всего этого вы отреклись за один год. Почему так быстро разочаровались?

Когда Каныш Имантайулы устало посмотрел прямо в лицо молодому коллеге, Евней от стыда молча опустил голову.

Президент академии продолжил свой монолог в том же духе. Каждое слово будто било в сердце.

— Прежде чем вас вызвать сюда, я еще раз просмотрел вашу автобиографию, пытаясь найти ответ на вопрос, в чем же я ошибся. И, кажется, нашел: вы оказались уроженцем кочевого казахского аула... И мне стало понятно, отчего вы испугались тех временных трудностей, с которыми столкнулись в Караганде...

Евней Букетов поднял голову и, посмотрев удивленно на Каныша Имантайулы, подумал: «Неужели есть в моих предках какие-то недостатки или изъяны, на что же он намекает?..»

— Наш народ до двадцатого века в основном занимался животноводством, которое давало ему продукты для существования, иных забот почти не было. Степняки думали, что если есть у них десяток овец и коз, пара верблюдов, косяк лошадей и несколько коров, то не умрут с голода, проживут кое-как. В вашей биографии я увидел именно эту самоуспокоенность. Однако вы, хотя и родились в степном ауле, очевидно, не желая отстать от своего времени, решили получить техническое образование. Бог помог вам встретить хороших учителей-наставников. Природа вас одарила неплохими способностями, и они, вкупе с вашим трудолюбием, ввели вас в мир науки...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Евней Арыстанулы не мог возразить уважаемому человеку.

— Все это вы достигли малым трудом, ваш путь в науку был усыпан цветами, сплошное везение! «Да, он рано повзрослевший джигит, из него будет толк!» — думали мы, доверяя вам руководство институтом... Вы знали, что вам предстоит очень тяжелая работа. Я хорошо помню ваш ответ насчет этого, Ебеке...

Канеке, снова посмотрев на его заявление, которое все еще лежало на краю стола, покачал головой. На его широком лбу собрались морщины, лицо его опечалилось. Вынув из стола агатовую шакшу*, высыпал на ладонь щепотку насыбая, аккуратно положил под нижнюю губу, потом твердо сказал:

— Конечно, поднять новый институт непросто. Даже в цивилизованной Европе. А нам, сынам кочевников, только вчера, как говорится, занявшимся наукой, тем более это сделать очень трудно. Потому что все надо начинать с нуля. Мир науки — это путь в непознанное и овладеть ее тайнами за каких-то пару лет намного сложнее, чем вы думаете. Ваше решение быстрее поставить на ноги ХМИ, притом чисто административными мерами, наивно. Да, да, я знаю, мне уже рассказали, что вас спровоцировали на скандал некоторые люди, которые давно сделали науку дойной коровой, ничего не делая, вернее, создавая видимость исследований. К тому же вам не повезло с собственными опытами, которые вы начали в спешке, без надлежащей подготовки. Все это вынудило вас, в конце концов, просить у меня отставки. Но, дорогой мой, сознайтесь, это же самый легкий путь, фактически вы хотите сбежать от трудностей. Вот так-то, Ебеке. Правду, хоть она горькая, надо признавать. А как вы думаете, скажите напрямик, в Академии наук, которой я руковожу, нет трудностей и проблем? Их очень много и разных. Во всяком случае, на мою седую голову хватает, я давно по горло сыт ими! И что прикажете

---

* Сосуд для жевательного табака, вырезанный из камня.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

делать, если я тоже, как вы, побегу к руководству республики с заявлением об освобождении с президентского поста?.. Нет, если я так поступлю, выйдет так, как думали наши предки в стародавние времена: «Аллах милостив, он не дает мне умереть с голоду сегодня, одарит и завтра. Была бы цела голова да живы дети, остальное переживем...» Так нельзя жить, Ебеке! Долгий сон нашему народу боком вышел... Не так уж давно один наш большой акын сказал по этому поводу: «Спишь ты целый век, неужели за долгое время не выспался еще, а есть ли для сна причина круче?!..»* Хорошо, что не исчезли с лица земли, кое-как дожили до двадцатого века. Со дня организации Академии наук скоро исполнится двадцать лет. Но вы, как вижу, еще не избавились от привычки выбирать протоптанный и потому более легкий путь. Пусть трудной тропой идет другой, только не я... Тому пример — ваше заявление. Не обижайтесь, что говорю очень резко. А я вам верил. Вы это знаете. А кому доверяешь — с того и спрос большой. Вы, наверное, знаете пословицу: «У той страны, у которой нет будущего, никчемные ее сыновья всегда затевают пустые тяжбы». Вы тоже затеяли тяжбу со стариком, не нашедшим себе до старости лет пристанища в необъятной России. Вступив с ним в спор, столько времени потеряли впустую и чего добились?..

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Когда так сказал аксакал, я выпрямился, обратил взор на президента и спросил:

— Вы не могли бы вернуть мне эту жалкую бумагу?

— Пожалуйста.

— Вы разрешите мне ее порвать?

— Рвите... Все? А сказать есть что?

— Есть много чего. Но все противоположное тому, что вам говорил до сих пор...»

---

* Из стихотворения А. Байтурсунова «Всякое о жизни», запрещенного в то время поэта, известного политического деятеля 1920-х годов.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

— ...Хорошо, Ебеке, теперь-то мне ясно, — сказал президент, выслушав объяснения Евнея Арыстанулы. — Трудности, которые вы сейчас изложили, не преодолеть за один день и даже за год. Что касается Хайлова, мы не в праве отнять у него докторскую степень и профессорское звание, а также лауреатскую премию... Не можем уволить его за несоответствие занимаемой должности. Если подпишем такой приказ, он не прибавит авторитета ни вам, ни мне. Поэтому Михаила Исаковича и его единомышленников придется терпеть до поры до времени. Местная власть относится к ним с уважением — ведь они прибыли с Урала, считаются крупными специалистами, тем более у них солидные ученые регалии! Когда узнает истинную их цену, перестанет поддерживать их...

Каныш Имантайулы помолчал, задумавшись, потом продолжил:

— Иван Павлович Бардин был крупным ученым, долгие годы стоял у руля Академии наук СССР. Его вклад в развитие казахстанской черной металлургии, также и вашего ХМИ — неоценим. Потому к его рекомендациям я относился с вниманием... То, что он с умыслом переправил к нам досаждавшего ему своими никчемными притязаниями Хайлова, я понял поздно. У больших людей и ошибки бывают большими! Покойному Бардину мы уже не можем предъявить претензии, так что придется и вам, и мне мыкаться с этим человеком... Михаил Исакович на днях был у меня, он вроде затеял большое исследование и просил выделить средства. Я ему ничего определенного не ответил, а вам скажу: эти средства выделю через вас; пусть получится так, что вы оказали ему действенную помощь...

— Канеке, я сомневаюсь, что он начнет эти испытания. Хотя я не знаток в черной металлургии, все же мне пришлось изучить его программу и даже посоветоваться с его старыми коллегами с Магнитогорского и Челябинского комбинатов, их мнение отрицательное, все говорят, что он с этой идеей носится уже почти двадцать лет... Дело в том, что то сырье, которое соби-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

рается использовать в эксперименте, он толком не изучил, потому и предстоящие трудности не представляет...

— Ебеке, разве вы не знаете, что половина научных опытов в Советском Союзе проводится именно так, на авось?..

— Хорошо, Канеке, пусть будет так, как вы хотите...

Президент, сразу же приободрившись, заметил:

— Ебеке, намотайте на ус еще одно мое пожелание... Я не специалист по выделению редких элементов. Но думаю, что ваша лаборатория, занимаясь выделением только одного вольфрама, поставила перед собой сугубо узкую задачу, и пока у вас это не получается... А наш Центральный Казахстан богат не только вольфрамосодержащими рудами, у нас много других, нуждающихся в ваших исследованиях... Изыскания надо проводить комплексно. Расширить поле деятельности. Это сложная работа, которая будет длиться десятилетия. По этой же тематике можно защитить десятки кандидатских, докторских диссертаций. И вам советую идти по этому пути, надо ведь вам также и в ученом звании расти...

— Об этом я уже думал, Канеке. Планов и мыслей много...

— Хорошо, Ебеке. Считаю, мы поняли друг друга. Сегодняшней беседой я доволен. Если что-то неприятное сказал, не обижайтесь. Примите как наказ любящего вас старшего брата... Желаю вам успехов в предстоящей работе!

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Научное исследование — это поиск, проникновение в тайны природы. Это удается тем, кто абсолютно честен, настойчив и решителен. Исследователь, прежде всего, должен быть честным перед своей совестью. Только такой человек может искать и находить новое, удивлять мир научными открытиями...

Евней БУКЕТОВ.
Лениншил жас,
22 марта 1975 года

Created by free version of 2PDF

Buketov university

Глава 7

«В НАУКЕ ТОТ ДОСТИГНЕТ ВЫСОТ, КТО СЕРДЦЕ И РАЗУМ ЕЙ ОТДАЕТ»

I

В ходе споров академик Хайлов всем внушал, что исследование, которое он наметил, важнее всех других, его нужно поставить во главу угла, и все институтские лаборатории должны, на время приостановив свои эксперименты, всячески ему помогать.

После беседы с Канышем Имантайулы и директор института также стал утверждать то же самое. Правда, он не собирался сворачивать работу в других лабораториях. Михаил Исакович между тем развил кипучую деятельность, о своих авантюристических замыслах, которые он вынашивал долгие годы, рассказывал не только ученым, но и чиновникам партийно-советского аппарата, убеждая всех, что осуществление его проекта станет большим событием в отечественной металлургии.

Однажды Хайлов в возбужденном состоянии, с раскрасневшимся лицом влетел в кабинет директора

ХМИ и, потирая руки, сообщил, что на Урале он получил в свое распоряжение отработавшую срок старую доменную печь и на этой домне скоро начнет долгожданное испытание. Поэтому несколько сотрудников из своей лаборатории хочет послать туда, уже нашел им временное жилье в рабочем общежитии. Разумеется, если институт на себя возьмет все расходы на дорогу и оплату суточных, он большего и желать не может.

Евней Арыстанулы несказанно обрадовался такому обороту дела: «О, вы это отлично провернули, от души поздравляю вас! Ведь об уральских металлургах идет добрая слава, это замечательные специалисты. Вы на верном пути, коллега, желаю удачи, а о затратах не беспокойтесь. Сколько нужно — столько и получите!..» Михаил Исакович, разволновавшись, даже прослезился и стал каяться в своих прежних грешках: «Эх, что теперь ворошить, я человек очень доверчивый, иногда принимаю наветы недобрых людей-шептунов за чистую монету, сколько я вам из-за этого навредил... А вы, Евней Арстанович, оказывается, незлопамятный человек, вы благороднее, чем я думал. Спасибо вам! Я тоже по мере возможности буду оказывать вам помощь, не останусь в долгу...»

Группа Хайлова, растрезвонив повсюду о своих грандиозных планах, наконец-то уехала на Урал. Коллектив института, уставший от бесцеремонных нотаций ученого и высокомерия его сподвижников — суетных и шумливых, получил долгожданную передышку. Правда, в конце каждого месяца кто-то из группы приезжал за зарплатой и командировочными. Но сфинксовой загадкой оставалось поведение руководителя группы. Сам академик со дня отъезда ни разу не появился в Караганде. А его люди заверяли, что он якобы там работает и днем, и ночью, не отходя от домны, где идет реконструкция по его заданию. Будто бы уже близок день испытаний, и он стал еще более беспокойным...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

* * *

В начале 1962 года в кабинет директора зашел заведующий электрохимической лабораторией П. Л. Холод, как всегда, с кожаной, потертою папкой под мышкой и, сделав многозначительную мину, заявил:

— Евней Арстанович, мне не нравится поведение сотрудницы моей лаборатории З., слишком она вертлявая и ветреная...

— Молодая ведь... — удивленно поднял голову директор.

— Так-то оно так, но слишком легкомысленная, часто судачит в рабочее время в коридоре с К. А он — семейный человек, в прошлом году я несколько дней занимался устройством в детский сад его малыша...

Евней Арыстанулы знал, что Холод человек строгих правил, по институту ходил, по-военному печатая шаг, хмурым взглядом как бы оценивая каждого встречного. И если замечал, что в коридоре кто-то устраивает шум, травит анекдоты, над которыми гогочут довольные дружки, он устраивал бедняге головомойку с назиданиями, как вести себя в общественном месте. И на этот раз, зайдя к директору, он завел разговор о том, что надо вовремя остановить двоих любезничающих молодых людей, считая их поведение аморальным. А Евней Арыстанулы с некоторых пор сам стал опасаться вести с ним разговоры наедине. Дело в том, что Порфирий Леонтьевич постоянно писал жалобы на него в вышестоящие инстанции, сочинял всякие небылицы, выставляя себя гонимым и обиженным, упрекая директора в том, что он его не уважает как человека преклонного возраста, ветерана партии и войны, публично оскорбляет. В общем, как оса, всегда вился рядом и искал куда бы вонзить свое жало.

Поэтому директор ХМИ пригласил к себе секретаря партийной организации, председателя профкома и ученого секретаря института. Холод, не ожидавший такой реакции на свое сообщение, беспокойно заерзал на стуле, покраснел, зашевелил ноздрями, как будто к чему-то принюхивался. Достав из нагрудного

Buketov University

Created by free version of 2PDF

кармана листочек, отдал его директору. А в нем были четко зафиксированы все несанкционированные встречи двух любителей пошептаться наедине, дни, часы, минуты.

Когда все приглашенные расселись вокруг большого стола, Букетов сказал:

— Порфирий Леонтьевич, уже прошел месяц, как вы мне обещали представить письменный отчет о работе, проделанной руководимой вами лабораторией...

Холод не сразу нашелся, что ответить, стушевался, поняв, что разговор пошел по другому руслу. Лицо его стало покрываться пятнами.

— Вам ведь известно, что комиссия Академии наук, проверявшая нас в конце года, сделала очень серьезные замечания по вашей лаборатории... — продолжал Букетов.

Холод обреченно начал рыться в папке.

— Я знаю, что вы будете показывать. Там лежат ваши научные публикации. Но они меня совершенно не интересуют, так как все они десятилетней давности. Мне также известен список опубликованных вами трудов, он тоже старый. А нам нужен отчет о работе за прошлый год...

— Извините, Евней Арстанович, я зашел к вам не по этому поводу... — попытался изменить направление беседы Холод. — Я хотел предупредить вас о неблагополучном нравственном климате в институте, предосудительном поведении двух молодых людей. Мы с вами должны их поправить. Жан Тюленович, как вы думаете? — обратился Порфирий Леонтьевич к секретарю партийной организации, умоляюще глядя ему в лицо и явно надеясь на его поддержку. — Ведь мы должны воспитывать у наших сотрудников высокие моральные качества строителей коммунизма, они должны быть безупречны и в общественных отношениях, и в семье, и в быту. И я считаю с моральной точки зрения это более важным, чем выполнение ими взятых научных обязательств...

Но Жармак Тюленулы воздержался от поддержки коллеги. А Евней Арыстанулы хотел как-то вразумить

Buketov University

Created by free version of 2PDF

этого своего рода отставного унтер-офицера Пришибеева, добровольного блюстителя порядка:

— Уважаемый Порфирий Леонтьевич, у каждого своя личная жизнь, надо ли нам постоянно совать в нее нос? Я вам советую с сегодняшнего дня прекратить свои наблюдения из-за угла и вообще не тратить драгоценное время на слежку за сотрудниками института... Лучше займитесь своими прямыми обязанностями, за это вы получаете зарплату, притом немалую. Это, во-первых. Во-вторых, годовой отчет я прошу вас сдать срочно. Скажите сейчас, при всех, когда вы его принесете?

— Я собирался еще об одной проблеме предупредить вас наедине. Но теперь приходится говорить при всех...

Холод, догадавшись, куда клонит директор, начал вести себя более агрессивно, так как знал, что лучший способ защиты — нападение, на такой случай он всегда копил компромат на директора и всех своих коллег. И теперь он готов был шантажировать настроенного против него Евнея Арыстанулы. И его понесло.

— Об этом я не могу молчать, как коммунист. Полукаров, которого вы, Евней Арстанович, притащили аж из самой Одессы, чуждый нашему обществу человек. Он постоянно клевещет на нашу советскую власть, передовую науку. Притом публично. По его мнению, в нашей стране — застой, нет условий для технического прогресса, и он часто критикует наше правительство и руководство Коммунистической партии. Кстати, об этом я и раньше сигнализировал. А вы не принимаете мер...

— А вы сами, Порфирий Леонтьевич, что сделали для ускорения технического прогресса? — спросил ученый секретарь Сагынтай Исабаев. — С тех пор как вы защитили кандидатскую диссертацию, прошло двенадцать лет. За это время ни один ваш научный труд не появился в печати, ни одно из ваших научных изобретений, якобы подтвержденных свидетельствами, не внедрено в производство... А Алексей Николаевич, которого вы считаете вредным для общества человеком,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

в отличие от вас, после приезда в Караганду только в прошлом году опубликовал две статьи в научном журнале, сделал одну заявку в Государственный комитет по изобретениям...

— Товарищи, я вас что-то не понимаю. Это похоже на сведение счетов или попытку удалить меня из ХМИ?!.. — возмутился Холод и с угрожающим видом стал собирать бумаги, намереваясь уйти.

— Товарищ Холод, не берите грех на душу, не передергивайте факты, — остановил его директор института. — Как бы вы ни старались увильнуть от отчета об исследованиях, все-таки придется отчитываться. Недели вам достаточно?

— Нет, потребуется не меньше двух недель...

— Так и запишу в календарь.

В разговор снова вмешался ученый секретарь института:

— Товарищи, все, что здесь было сказано, надо запротоколировать, потому что через некоторое время все наши слова и ответы Порфирия Леонтьевича будут переиначены и могут дойти до руководства академии, до горкома партии в совершенно искаженном виде. Извините, товарищ Холод, эта привычка у вас в крови. И на Урале, оказывается, вы занимались доносительством. Таким способом вы и Ердена Нигметовича выжили из этого кабинета, а теперь стараетесь от меня отделаться, потому что я требую от вас положенное по инструкции. Например, в последней своей жалобе в горком партии вы обозвали меня директорской дубинкой...

Холод, с трудом встав с места, медленно поплелся к двери.

II

Большинство диссертаций, посвященных техническим исследованиям, имеет конкретную цель: взамен отжившего свой век, устаревшего открыть новое и поставить его на службу людям; но не всем соискателям удается добиться такого успеха...

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Так было и с темой кандидатской диссертации Е. А. Букетова, которую он успешно защитил в 1954 году. Читатель знает, что она была посвящена извлечению молибдена из идущих в отвал отходов Балхашского медеплавильного комбината, но идея соискателя осталась невостребованной. Евней Арыстанулы и после защиты два-три года бился за свое детище, но прагматичные руководители комбината и металлурги, занятые выполнением государственного плана по меди, не желали возиться с сопутствующими металлами. Молодому ученому пришлось признать свое поражение. Однако «любовь» диссертанта к молибдену не угасла, и когда в Караганде опыты извлечения вольфрама из руд зашли в тупик, он тут же вытащил из шкафа свою диссертацию...

Он вручил ее своим помощникам, указав, на что особо обратить внимание, потом все вместе обсудили важные моменты, после чего составили, как сами называли, «наиболее приближенные к промышленным условиям» варианты эксперимента. И вскоре на площадку все той же печи были доставлены с Балхаша отходы — молибденосодержащее сырье, благо его было хоть отбавляй, аж с конца второй пятилетки накопилось целые горы...

Провели тщательный химический анализ «отходов»: определили количество молибдена в них — а его в отвалах было не много, вычислили объем различных примесей, которые будут мешать при дополнительном обогащении и при обжиге. Евней Арыстанулы внимательно следил за действиями подчиненных, лишь в крайних случаях вмешиваясь в процесс изучения сырья.

Молодые исследователи подошли к этому делу очень серьезно, старательно проработали возникавшие побочные явления. Наконец настал день первого обжига шихты.

И произошло чудо: итоговый пирометаллургический процесс, длившийся почти полчаса, дал ошеломляющий результат!.. Даже на глаз было видно, что в остатке, осевшем на дне вертящегося пода печи, присутствует молибден, в новой форме. Он полностью от-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

делился от массы отходов, притом в таком количестве, что хоть греби лопатой — килограммами, пудами. В тот час всем им, «молибденщикам» (так их впоследствии называли в ХМИ), много месяцев безрезультатно бившимся над вольфрамосодержащим сырьем, это казалось сном наяву. Пробу блестящего дорогого металла понесли в химлабораторию...

Процент извлечения молибдена был намного выше, чем у производственников, занимавшихся этим металлом. Значит, затея стоящая, надо закрепить успех, повторить обжиг многократно. Не спеша загрузили еще раз шихту, обжигали ее в тех же условиях. Результат был стабильным. Но руководитель не унимался и требовал форсировать опыты. Они уже были проведены более 20 раз с разным составом шихты при варьирующихся температурных режимах. Выход металла неуклонно повышался. Все свидетельствовало о том, что разработанная аспирантом Букетовым еще девять лет тому назад технология, к сожалению, не получившая путевку в жизнь из-за бюрократических заморочек производственников, очень эффективна в новом варианте исполнения. Она намного экономичнее применяемых на медных заводах страны. Значит, надо идти в атаку, стучаться во все двери и в первую очередь — в Министерство цветной металлургии, благо, в те годы в республике уже было такое самостоятельное ведомство. Между прочим, его предприятия давали почти одну шестую часть всего дохода Казахстана.

Чтобы довести успешно начатые исследования до победного конца, дирекция ХМИ создала исследовательскую группу, которая стала заниматься только этой проблемой.

(Полупромышленные испытания в этом направлении позднее проводились в Балхаше, в экспериментальном цехе комбината (во всех исследованиях, касающихся извлечения молибдена, ответственным исполнителем был В. П. Малышев, с ним работали Л. И. Меклер и Б. М. Акимов. Все они впоследствии защитили кандидатские диссертации). Старания их не пропали даром: через годы в технологию Балхашского

Created by free version of 2PDF
Buketov University

гиганта были внесены изменения — десятки лет уходивший без возврата в отвалы молибден стал ежегодно приносить прибыль комбинату, исчисляемую миллионами рублей. «Молибденщики» Меклер и Акимов впоследствии пошли работать на производство и там сделали стремительную карьеру.)

На этот раз ученым ХМИ крупно повезло. А сколько свежих, здравых, оригинальных идей похоронено в стенах книгохранилищ (в том числе и закрытых) в виде диссертационных разработок. Таких разработок и в жизни нашего героя было немало, о некоторых из них мы расскажем ниже...

* * *

На всех металлургических заводах привычной картиной являются громадные горы шлаков. С первых дней своего существования лаборатория, руководимая Е. А. Букетовым, занялась разработкой технологии их повторного использования.

...Осенью 1957 года в кабинет директора Карагандинского филиала Всесоюзного НИИ угольной промышленности вошел подросток, небольшого роста, щуплый, с черными, взъерошенными волосами, коротким, вздернутым носом. Он вел себя довольно дерзко, без приглашения уселся в кресло. Директор филиала с удивлением посмотрел на него, взял бумаги, которые тот подал. Оказалось, он вовсе не подросток, а полноценный джигит, закончивший Казахский горно-металлургический институт, и приехал сюда по направлению. «Что-то в нем есть необычное. В неполных шесть лет пошел в школу, закончил среднюю школу с медалью, в шестнадцать лет он оказался в престижном высшем учебном заведении. Кроме того, он уроженец этих мест, родился в семье колхозника, в ауле, который находится недалеко от города, а среднее образование получил в одной из школ Караганды...» — думал директор, читая документы.

— Ну, инженер-металлург, чем же ты думаешь заниматься в Угольном институте?..

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Директор обладал громким голосом, но его рокочущий бас не смутил молодого человека.

— У вас есть лаборатория по обогащению руды. А в рудах Центрального Казахстана из-за малого содержания недоизвлекается огромное количество цветных металлов. Хочу заняться обогащением этих руд. В скором времени эта проблема будет очень актуальна, например, когда исчерпают запасы богатых руд... — спокойно объяснил выпускник КазГМИ.

На руководителя филиала произвели благоприятное впечатление его рассуждения, особенно то, что молодой инженер заранее обдумал то, чем будет заниматься. Видно птицу по полету — толк будет. Короче говоря, из кабинета директора Жанторе Нурланулы Абишев вышел уже младшим научным сотрудником.

Должность эта во всех НИИ по сути — неблагодарная и рутинная, на младших сотрудников обычно сваливают все второстепенные поручения, и они фактически в любом институте выполняют роль «мальчиков на побегушках». Жанторе тоже немало погоняли. За два года пребывания в Угольном институте он ни на йоту не приблизился к своей научной цели.

Впереди тоже не виделось просвета, и когда он уже начал присматриваться куда бы удрать, в его родной Караганде вдруг открылся Химико-металлургический институт. Радости Жанторе не было предела, его лабораторию по обогащению руды передали новому институту. Вскоре здесь открылась аспирантура. Такую возможность грех было не использовать. Несмотря на то, что он уже обзавелся семьей, отправился в Алматы, в КазГМИ, на кафедру своего наставника В. Д. Пономарева...

В молодости перед человеком мыслящим открывается обширнейшее поле деятельности. «Твори, выдумывай, пробуй», — провозглашал поэт Владимир Маяковский. Жанторе Абишев по существу наметил себе совершить прорыв в металлургии. Он научно доказал экономически выгодный способ выплавки ванадия, входящего в состав высококачественных сталей, из шлаков — отходов доменного производства. К этой тайне, как говорят его коллеги, он вплотную подошел на третьем году по-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

иска... Но руководству Темиртауского комбината черной металлургии (Кармет) было не до фантазий никому не известного аспиранта, ему был нужен план и еще раз план по выпуску проката стали, как и балхашским металлургам, о чем мы вели речь чуть раньше.

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Однажды вечером, после работы, он, Торебай (Жанторе Абишев. — *М. С.*), *зашел ко мне и начал рассказывать своим будничным голосом о том, что он давно думает о путях разложения одного распространенного природного минерала из химического и металлургического сырья, и стал толковать о найденном им способе. Я чуть не подскочил и уставился на него, как будто ко мне в виде этого Торебая спустился оракул и указует вещим перстом на то явление, которое до сих пор всем нам было известно, но никто не думал о том, что оно может быть использовано для решения казавшейся неразрешимой проблемы, как это предлагает этот невозмутимый молодой человек, продолжающий повествовать все так же спокойно о выполненных и задуманных опытах. На мои нетерпеливые вопросы и высказываемые тут же соображения он отвечал таким ординарным, ровным голосом, что я уже начал злиться и пенять на бога, наградившего меня таким учеником, как... этот Торебай, который родился, наверное, с какими-то природными огнетушителями, чтобы никто не заметил внутреннего горения.*

С этого началось то большое дело, которым теперь занимается Торебай, успев втянуть в него немало энтузиастов, включая даже очень авторитетных ученых Москвы, Алма-Аты. Работа уже нашла промышленное применение, что является, по-видимому, лишь началом. Недавно Торебай со своими друзьями-москвичами ездил за границу, вызвав своим докладом большой интерес на международном научном симпозиуме...»

Евней Арыстанулы здесь тепло, со свойственной его перу легкой иронией описал сущность и историю крупного открытия, сделанного на основе идеи, когда-то озарившей Жанторе Абишева...

Created by free version of 2PDF

Группа ученых ХМИ (Ж. Н. Абишев, Е. А. Букетов, Н. З. Балтынова и В. П. Малышев) из концентрата, в составе которого есть и пирит (железная руда), сумели оригинальным способом, придуманным ими самими, выделить ряд полиметаллов, а после чего и сами металлы. Так была найдена совершенно новая технология, более экономичная и очень выгодная для производства. Сотрудники института за это открытие получили пять свидетельств. Затем, в 1983—1984 годах, право на обогащение руды их методом приобрели такие страны, как Канада, США и Австралия, а в последующие два года — Швеция, ФРГ и Франция, в 1987 году — Япония и Италия (по опубликованным позже сведениям в целом около 14 стран).

Эти исследования, кстати, помогли Кармету использовать для своих доменных печей железосодержащие руды Лисаковского месторождения.

В 1984 году большая группа специалистов во главе с генеральным директором комбината за успешное внедрение прогрессивной технологии получила Государственную премию СССР. Но самое удивительное и парадоксальное — имен первооткрывателя и всех, с первых дней занимавшихся разработкой новаторского способа обогащения руд — ученых ХМИ, в списке лауреатов не оказалось. Когда эту работу выдвигали на премию, это было летом 1983 года, в списке претендентов имя Ж. Н. Абишева, в то время директора ХМИ, стояло первым, а когда в газете «Известия» назвали награжденных, его фамилии среди них уже не было. Вместо него почему-то оказался другой ученый, директор Института металлургии и обогащения, президент Академии наук КазССР А. М. Кунаев...

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Однажды, придя утром на работу, увидел в приемной аксакала, сидевшего, опершись на трость. Я по-старинному приветствовал его и пригласил в кабинет. Аксакал оказался отцом нашего аспиранта Торебая.*

---

* Уважительное обращение у казахов к пожилым, буквально: «белобородый».

Created by free version of 2PDF

Buketov University

— Свеча моя, говорят, ты ученый человек. Да сопутствует тебе и дальше удача (...) Беспокоит меня единственный кормилец, мой сын Торебай, который здесь, внизу, под твоей комнатой, возится с утра до вечера с какой-то грязной водой, похожей на болотную жижу и разлитой во множество верблюдошеих склянок. Я смотрю на него и думаю: умру я вот так, ни на один день не освободившись от забот о собственном пропитании... Между тем один из сверстников Торебая — директор совхоза, другой главный агроном, их отцы режут на согум не менее двух лошадей в зиму, а я еле наскребаю денег на пол-лошади... А ведь мой Торебай учился намного лучше их. Спрашиваю Торебая — он молчит и улыбается. Теперь у него учение такое, что Коран на моей могиле не прочитает, так хоть на земле перед смертью пожить бы в достатке...*

— Аксакал, — ответил я, — вы говорили все правильно. И, несмотря на это, вам надо радоваться, а не печалиться, что вам бог дал такого одаренного сына.

Поняв, что аксакал не очень меня понимает, прекратив пустые хвалебные слова о сыне, перешел на понятную ему тему:

— Вы хорошо знаете великого Абая?

*— Казаху, свеча моя, стыдно его не знать... Он из рода Тобыкты, в большом перекрестном родстве с каракесеками**, а мы, в свою очередь, в родстве с последними... — старик оживился и начал рассказывать чуть ли не обо всей родословной Абая, пересыпая речь стихами великого поэта, и я даже позавидовал многознанию аксакала.*

— Вы, аксакал, Абая не хуже меня знаете, но вы, наверное, не слышали, что стихи Абая были напечатаны лишь через пять лет после его смерти. А вот ваш сын еще только начал заниматься наукой, а напечатал уже статью. Русские буквы знаете? Давайте посмотрим: Жаппеисов Торебай Нуртаевич. Жаппеис — ваш отец, Нуртай — вы, Торебай — ваш сын. Это напечатано в толстой книге, которая никогда не пропадет. Через де-

---

* Заготовленное на зиму мясо.

** Название рода, населяющего бывший Каркаралинский уезд.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

сятки, сотни лет какой-то неведомый наш потомок возьмет и прочтет мысли и думы вашего сына... Раньше казах, помните, хотел иметь сына, чтобы его упоминали хоть в одном поколении. А сколько поколений теперь будут читать ваше имя, имя вашего сына и вашего отца... Теперь рассудите, стоит это того, чтобы на вашем дастархане одной лошадью было бы больше для угощения родных, близких и соседей... Ведь лошадь вам для этого требуется? Надо надеяться, и это ненадолго... Рассудите также, могли ли вы делать то, что делает ваш сын, когда вы были сами молоды? Не могли... Значит, надо радоваться и не всегда мерить жизнь по дастархану... Между тем, воспитав такого талантливого сына, и вы немало сделали для жизни.

Пока я говорил, старик уставился в страницу журнала, где была напечатана статья сына, водил толстым указательным пальцем по своей фамилии, пока по еле знакомым буквам твердо не вывел ее. Я заметил, как с удовольствием прошептал он имя своего отца, как при этом разгладились на лице морщины. (...) Он посмотрел на меня и сказал:

— Спасибо, свеча моя, спасибо. Надоумил меня, старого и темного. По очень хорошим законам вы теперь живете. А это мы не всегда понимаем. Путь моего единственного сына, оказывается, правильный, с таким ученым человеком он не пропадет. Спасибо! Разреши, свеча моя, не занимать твое время. Да наградит вас обоих Аллах здоровьем, счастьем, пусть сбудутся ваши мечты! Больше ничего не могу сказать, теперь дома буду спать спокойным сном... — от души говорил он, почтительно прощаясь со мной».

В 1961 году на Павлодарском алюминиевом заводе открылась лаборатория по глинозему, ставшая подразделением ХМИ. Фактически она стала вторым после Темиртауского научным филиалом, открытым в другом городе, на этот раз далеко от Караганды, на берегу Иртыша, притом на новом алюминиевом гиганте, что сулило большие перспективы на будущее. Потому Евней Арыстанулы назначил заведующим новой лабо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

раторией своего питомца Жанарыстана Садыкова, одного из первых среди его ровесников, защитивших кандидатскую диссертацию в КазГМИ.

Он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны еще в студенческие годы не только порядочностью, дружелюбием, но и преданностью науке. За что бы он ни брался, делал основательно, без спешки. Жанарыстан переехал в Павлодар и начал сколачивать творческую команду единомышленников. И результат превзошел все ожидания их руководителя: по тематике исследования глинозема за три-четыре года защитили кандидатские диссертации А. Шындаулетова, А. Рахимов, Ж. Абишев, С. Исабаев, С. Ахметов, А. Алькенов и другие...

III

Евней Арыстанулы, находясь в доме младшего брата, при всем желании не мог изменить привычный распорядок дня, которого придерживался с аспирантских лет. Он уходил на работу очень рано, а домой возвращался вечером. Поужинав, иногда засиживался за своими бумагами до глубокой ночи. А у Камзабая были еще маленькие дети, и Евней чувствовал, что стесняет семью брата, целиком занимая одну комнату. Пришлось кое-кому из руководителей области дать знать, что он живет у брата на птичьих правах. К нему отнеслись с пониманием и вскоре выделили неподалеку от института двухкомнатную квартиру. Обустройством новой квартиры занялись опять же младший брат и сноха, они привели ее в порядок, купили кровать, стол и стулья, туда перенесли его книги и бумаги. Ради соблюдения обычая в новой квартире организовали дастархан. Во время распития первого чая разговор зашел о том, что Евней не приспособлен к домашнему быту, со своим общительным характером вряд ли он сможет жить тут один, поэтому ему посоветовали пригласить Касена, сына Маутая Букетова с женой, которые лишь недавно создали семью.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Ответ Евнея был кратким:

— Я согласен...

После этого его быт вроде бы нормализовался, жить с молодыми стало веселее. С тех пор прошло два года. Он не поддерживал разговоры близких людей о создании своего семейного очага, кое-кто предлагал свою помощь в поиске невесты со спокойным характером, но он отделывался шутками. Евней всецело отдавался исследованиям. Он шел на работу, как на праздник. Лишь в воскресные дни навещал семью Камзабая или младших братьев, которые уже заимели семьи. У всех Букетовых было по двое-трое детей. Пока готовили дастархан, он с удовольствием играл с детьми, старшие из них уже ходили в школу. В летнее время он всех детей сажал в машину, выезжал за город на речку. Сам отдыхал и наслаждался покоем на лоне природы, и дети целый день купались, загорали, резвились на берегу. Младшие Букетовы, как и Камзабай, называли его «бапа» (он привык к такому обращению и всякий раз смеялся, говорил, хорошо еще, что не зовут «ата», что означает дед). Дети очень привязались к нему. Его отличало от других взрослых то, что с ними он общался всегда на равных, даже с маленькими. Он знал много загадок, сказок на казахском и русском языках, стихов и песен. Чтобы подзадорить малышей, устраивал между ними соревнование, кто больше помнит сказок или песен, кто лучше продекламирует стихи, победителей одаривал игрушками, книгами, давал деньги на мороженое...

Все братья и снохи, особенно младшее поколение Букетовых понимали его состояние, щемящую сердце тоску по семье и своим крошкам-дочерям. Видимо, играя с детьми, он как-то забывался, отвлекался от тяжелых дум. И поэтому все старались бапе угодить, не оставлять его одного, наедине со своей печалью и тоской.

Из рассказа Алмы БЕКЖАНКЫЗЫ (август 2003 года):

«...После нашей размолвки прошло некоторое время. В один из своих приездов в Алматы Евней через мою маму передал свою просьбу, чтобы я дала разрешение на

Created by free version of 2PDF

Buketov University

встречу с детьми, чтобы их не разлучала с ним, хотя и изредка он хотел быть вместе с ними... К этому времени я уже остыла от обиды к нему, решила не возражать на его просьбу. И после этого отношения между нами стали ровными и спокойными, наше внимание было сосредоточено на воспитании совместных детей.

И такие встречи стали его обязательным ритуалом: когда Евней приезжал в Алматы, постоянно приглашал дочек к себе в гостиницу или, приехав на машине, забирал их с собой, несколько часов играл с ними в саду, иногда вез их в горы. Потом, когда уже дети повзрослели, на зимних и летних каникулах он увозил их в Караганду. Дочери к нему привязались, ведь они всегда чувствуют истинную любовь к себе, часто беспокоились, если не было известий от отца два-три месяца, спрашивали меня, почему папа не приезжает, тосковали в ожидании, гадали, какой подарок он привезет...»

«А жизнь все прекрасна, — поется в песне, — течет и течет, состаришься ты или молод. И она всегда может преподнести сюрприз. Как растение, человек всегда тянется к солнцу, к радости жизни, к своему счастью...»

Вот и Алма снова встретила любовь. По беспроводному телеграфу, «узун кулак», дошло до Евнея известие о том, что она вышла замуж. Что поделаешь, он не мог встать на ее пути к счастью, не имел права запретить ей снова сочетаться браком, ведь он сам пошел на окончательный разрыв с нею, хотя все близкие потом советовали им ради детей сойтись снова, смирив свои слишком упрямые характеры. Но этого не случилось, за годы раздельного проживания оба охладели друг к другу, а возможно, никак не могли преодолеть прежних обид. А теперь он остро переживал, поняв, что навсегда потерял и Алму, и дочерей. Несколько ночей подряд, просыпаясь, он словно наяву видел перед собой всех их — Алму, Аканай и Дакенай, а дочери, громко рыдая, тянулись к нему и жаловались, что вынуждены называть чужого человека «коке», они хотят быть только с ним, с родным папой; но Алма отчужденным

Created by free version of 2PDF
Buketov University

взглядом останавливала их, вставала между ними и отцом. Потеряв сон, он лежал в темноте, не зная, что предпринять, воспаленное воображение рисовало самые бредовые картины, будто любимых его чад тиранит отчим, а они плачут и молят отца о защите. Посреди ночи он отчетливо слышал их голоса, будто они просят маму отпустить их к отцу... Порой, вставая с постели, он вслух звал дочерей к себе. Эти навязчивые мысли о детях преследовали его и днем, и ночью. После таких беспокойных ночей он чувствовал себя больным, совершенно разбитым. А что делать, как избавиться от этого кошмара — не знал...

Камзабай раньше и острее всех близких почувствовал мучения Евнея, разрывающие его больное сердце на части. Однажды утром в воскресный день он пришел к нему домой. Незадолго до того исполнилась годовщина смерти матери, лето уже подходило к концу. Начав ни к чему не обязывающий разговор, Камзабай как бы невзначай напомнил ему последний наказ матери.

— Первое ее желание мы исполнили — похоронили рядом с нашим отцом, пусть земля будет ей пухом. А насчет второго... не знаю, как подступиться к тебе. Боюсь сказать, может быть, не пожелаешь выслушать меня и ослушаешься ее наказа... Между прочим, мать наша была умная, справедливая, и мы никогда не перечили ей... Она для нас, пятерых братьев, в течение двадцати трех лет была и отцом и матерью. — Камзабай говорил медленно, растягивая слова. Чувствовалось, что говорит давно обдуманное. — Младшие братья не решаются прямо объясниться с тобой, но хотят того же, что и я. Короче говоря, мы хотим вместо матери — иметь Зуке... Между прочим, наша Зуке женщина покладистая, она единственная могла бы терпеть твой не ангельский характер, тщательно следила бы за твоим здоровьем, требующим особого ухода, и всегда находила бы подход к тебе... И мать, зная это, завещала, чтобы вы вновь воссоединились. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше — тебе и нам, Евней. Это наказ и просьба всех нас, Букетовых. Оставаясь одиноким,

Buketov University
Created by free version of 2PDF

всецело отдаваясь работе и ночным бдениям, ты губишь себя и мучаешь нас...

— Но с чего вы взяли, что Зубайра согласится на мое повторное предложение? Она сейчас кандидат технических наук, у нее хорошая работа, приличная квартира. Я ее жестоко обидел, первым объявив талак*... Сколько лет прошло! Давно погасшую любовь и прежние симпатии друг к другу вряд ли теперь восстановишь...

— Эту проблему оставь нам! — заявил Камзабай. Видимо, он уже был готов, не откладывая, осуществить задуманное. — Лишь бы ты нам разрешил действовать!..

— Ладно уж, делайте, как вам хочется...

Через пару месяцев после этого разговора Евней Арыстанулы по служебным делам оказался в Алматы, он всегда останавливался в гостинице «Алматы». Ему пришлось задержаться здесь дней на десять. Была суббота. И пришел к нему близкий родственник, потомок Алыпкаша-батыра, отпрыск его второго сына Тастена — Сураган Ерденов, и пригласил в гости. Пришлось идти, тем более приглашала молодая семья, только недавно создавшая свой очаг. Он думал, что будут и другие гости. Но оказался в единственном числе, хотя сноха Бахыт накрыла щедрый дастархан. Изобилие стола и набор отменных напитков вызвали у него подозрение.

— А где другие гости?

— Да, вообще-то, мы приглашали... но тут у нас вышла заминка... — смутился Сураган, переглянувшись с женой. — Угощайтесь, ага, берите мясо. А может, стопочку отменного вина выпьете?.. Разрешите открыть?

— А ну, выкладывай, что у тебя там за пазухой, какими-то загадками говоришь...

Зная крутой характер Евнея Арыстанулы, Сураган виновато посмотрел на жену, словно не решаясь открыться. Она тоже засмущалась, опустила голову, по-

---

* Отречение от жены. Если приходится снова сойтись, то надо опять идти в мечеть и там закрепить повторный союз, держа руки на Коране.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

том снова посмотрела на мужа, давая понять, чтобы он сам обо всем рассказал.

— Позавчера нам позвонил дядя Камзабай из Караганды и дал очень ответственное поручение. По этому поводу мы, то есть я и Бахыт, вчера разыскали нашу женеше Зуке, душевно, как могли, побеседовали с нею, ну а потом, как видите, хотели вас обоих свести за нашим дастарханом... — Сураган вдруг умолк, не решаясь дальше продолжать.

— И Зубайра отказалась встретиться со мной?! — Евней Арыстанулы хотел спросить об этом небрежно, но внезапно севший голос выдал его волнение.

— Нет, ага, — успокоила Бахыт. — Сураган сегодня отправил меня к ней, чтобы я ее привела сюда, на обед. Но она отказалась... Вообще же, встретиться с вами тетя Зуке не против... Мне думается, ей неудобно после всего случившегося объясняться с вами в нашем «отау уй», в доме молодых... Потому она сказала: «Если я ему нужна, пусть приходит сам!..» Это ее истинные слова, ага.

Лицо Евнея Арыстанулы залила краска, он как-то встряхнулся и громко рассмеялся, затем с волчьим аппетитом набросился на угощение. Это были уже признаки радости.

— Евней ага, как-никак Бахитка принесла приятную новость. Ради этого, думаю, стоит пропустить рюмку вина?

— Ладно, наливай уж чего-нибудь покрепче...

И с этого момента у него в душе всколыхнулось что-то давно забытое. Это почувствовали и хозяева. Молодые супруги, от всей душой любившие ученого родича, по-своему переживали его семейную неустроенность, длившуюся вот уже несколько лет, и сейчас обрадовались, что наметилась перемена в лучшую сторону и что они тоже внесли в это свою лепту. Когда встали из-за стола, они затараторили наперебой:

— Мы купили цветы и подарок, чтобы вы отнесли нашей женеше. Мы сами донесем их до двери ее квартиры и тут же вернемся обратно, если, конечно, вы разрешите...

Created by free version of 2PDF

Осенью двухкомнатную квартиру в Караганде Евней поменял на трехкомнатную. Так получилось, что новую квартиру он получил в доме № 56 по улице Ленина, где жил брат Камзабай. Когда привели в порядок это жилище, он отправился в Алматы. Но на этот раз не один, а с тремя младшими братьями. Все трое горели желанием перевезти дорогую им женеше Зуке в новый дом, свою готовность во всем ей служить они проявляли такими словами: «Если прикажете — мы ее до самой Караганды можем нести на руках!»

Вновь восстановленный семейный очаг Евнея и Зубайры никогда не был без гостей, накрытый для них дастархан, можно сказать, никогда не убирался. Вместе с Зубайрой Дуйсенкызы в шанырак старшего Букетова вошли желанный уют, счастье, озаренное улыбками и гомоном детей. Дело в том, что той осенью, ни с кем не посоветовавшись и никого не спросив, к ним неожиданно из Агадыря, рабочего поселка вблизи Кайрактинского рудника, приехали Жартас с женой Шамшией и годовалым сынишкой по имени Мажит. Гости буквально огорошили старших Букетовых таким заявлением:

— Ага и женеше, этот малыш с этой минуты — ваш! Вот свидетельство, вот наше письменное согласие на это... Поздравляем вас с сыном! Пусть ваш Мажит будет счастливым, станет хозяином и хранителем вашего очага. Теперь уж разрешите нам устроить для вашего сынишки шилдехану...*

(Доброе пожелание их исполнилось, можно сказать, полностью: сейчас Мажит Евнейулы Букетов живет в Караганде, он уже отец двух дочерей — Альмиры и Динары.)

А когда Мажит уже вовсю бегал, поступок Жартаса повторили самый младший брат Ебеке, Еслямбек и его жена Рымкеш. Младшие Букетовы работали в Жезказгане, на руднике. Они тоже приехали без приглашения в Караганду со своим семимесячным малышом и сказали: «Бапа, чтобы ваш Мажит не рос одиноким, считайте и нашего мальчугана, Рашида, — вашим!..»

---

* Вечеринка, устраиваемая по поводу рождения ребенка.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Евней писал брату Еслямбеку, делясь своими тревогами: «Я этого ребенка у тебя не просил, но когда ты преподнес своего первенца, я понял, что ты ставишь меня на уровень с отцом... И сейчас так это понимаю... Его чистая душа и то наслаждение, которое мы с Зуке получаем от малыша, делают нас снова молодыми... Если этот ребенок будет впереди среди своих сверстников, буду бесконечно радоваться, если же он вдруг окажется не впереди — мне все равно, если буду жив, я постараюсь, чтобы он ни в чем не нуждался и ни от кого не зависел. Но я не знаю, как сложится его судьба, когда он останется один...»

А вот что Евней написал Еслямбеку спустя много лет:

«Еслямбек, Аллах свидетель, я не набиваю себе цену, говоря, что я тебя воспитывал с младенческих лет. Когда ты принес к нам своего первенца... мои заслуги с лихвой были возвращены. Наверное, никто лучше, чем ты сделал, не покажет уважение к старшему брату. Тогда я тебе выразил свою благодарность от всего сердца...»

Преобразившийся и помолодевший шанырак Евнея Арыстанулы и Зубайры Дуйсенкызы, фактически созданный из обломков, благодаря благородным поступкам младших братьев, превратился в уютный семейный очаг. Таким образом, были созданы все условия для плодотворных и спокойных занятий наукой.

IV

Коллектив института, насчитывавший 300 человек, проводивший химико-металлургические исследования, а также занимавшийся проблемами горной и геологической науки, в 1963 году неожиданно оказался как бы на распутье. Никто не знал, в каком направлении будет развиваться институт, что будет с ним завтра. Кое-кто в институте полагал, что все это происходит из-за неразберихи в руководстве ХМИ, из-за

Bukeev University
Created by free version of 2PDF

вечных споров директора и его заместителя по научной работе за лидерство в коллективе...

(«Беспрерывный тяжелый труд во время становления института для меня не прошел без последствий, к этому добавился... конфликт с директором, который тоже повлиял на здоровье. После инфаркта, когда уже пошел на поправку, я прихватил двухстороннюю пневмонию, сопровождавшуюся удушьем. Врачи вынесли мне вердикт: "Нет у вас здорового места в организме, нервы износились совершенно. Надо вам бросать работу и выходить на пенсию!" — писал в своем письме в редакцию журнала «Простор» Жармак Тюленов. — Не было другого выхода, пришлось подчиниться...»)

Холод, строгий страж порядка и благопристойности в институте, как заведующий лабораторией электрохимии, ничего не делал и после вторичного напоминания о необходимости представления научного отчета, очевидно, поняв, что время синекуры, когда должность не требует труда, ушло, подал заявление об освобождении от обязанностей заведующего. Порфирий Леонтьевич надеялся, что его станут упрашивать еще пару лет поработать, но Евней Арыстанулы сразу же подписал приказ о его освобождении. Не ожидавший такого поворота, Холод сник и чуть не плача стал говорить о тяжелом семейном положении... На Букетова это подействовало: как-никак Порфирий Леонтьевич — кандидат наук, а таких в институте пока еще немного, к тому же он человек в годах, участник войны... Пришлось оставить его рядовым научным сотрудником. Но потом Евней Арыстанулы пожалел о своем опрометчивом решении: на первых порах Холод вел себя покорно, держался тише воды, ниже травы, но потом, должно быть, ему надоела такая пресная жизнь, он стал часто выступать на собраниях в своем привычном амплуа, демонстрируя прежнюю партийную активность, мало того, опять стал писать доносы в вышестоящие органы на диктатора Букетова...

Когда исследовательская группа М. И. Хайлова отправилась на Урал, чтобы там, наконец, приступить к

Buketov University

Created by free version of 2PDF

давно вызревшему большому эксперименту, в коллективе ХМИ почти на полгода установилась сущая благодать, каждый занимался своими делами. Некоторые даже стали шутить, что уже соскучились по байкам Михаила Исаковича.

На опыты группы была выделена солидная сумма из годового бюджета ХМИ, а как она расходуется, на что уходят десятки тысяч рублей из государственной казны, никто не знал. От руководителя группы не было ни слуху, ни духу. Чтобы навести справки о «без вести пропавшем» ученом, бухгалтер института однажды сам поехал на Урал...

Через пару недель он вернулся усталый, в совершенно подавленном состоянии. Его рассказ об увиденном потряс директора института: оказывается, старая домна, полученная от уральских металлургов, ни разу не разжигалась, никаких опытов там не проводилось и не было даже намека на то, что они начнутся в этом году... Главбух увидел около старой печи лишь нескольких копошившихся рабочих и то всего до обеда, а потом и их след простывал, ни одного научного сотрудника он у печи ни разу не застал. Когда же их ему удалось «поймать», на его недоуменный вопрос: чем же они занимаются, горе-экспериментаторы уклончиво отвечали, что подолгу сидят в библиотеке или в техническом отделе завода за чертежными досками... Понаблюдав за ними, бухгалтер раскрыл и эту хитрость: после сытного обеда в столовой все они — и рабочие, и сотрудники института — подавались в пивнушки... Бухгалтер ХМИ также установил источник их каждодневного веселья: оказывается, в их довольно длинную ведомость по зарплате, где указывались рабочие, участвующие в реконструкции домны, был включен добрый десяток «мертвых душ»; кстати, многие из них вовсе не проживали в этом городе, а некоторые вообще не существовали. Самое занятное, что все, кто числился на ремонтных работах, оказались членами семей тех же сотрудников. Ясно, никто из них ни одного дня не работал на восстановлении печи. Однако все они аккуратно получали зарплату в течение не-

Created by free version of 2PDF
Bykebov University

скольких месяцев... И еще хуже: бухгалтеру ни разу не удалось встретиться с руководителем группы, он словно в воду канул.

Бухгалтер не поленился поехать в Свердловск. Но и там академика Хайлова не нашел. По разговорам выходило, будто бы он уехал в Москву, чтобы выбить дополнительные финансы у самого президента Академии наук СССР на якобы уже начатый и успешно идущий эксперимент...

Доложив обо всем, главный бухгалтер поставил вопрос ребром:

— Ебеке, я дожил до седых волос, но такого безобразия сроду не видел. Это настоящая афера, расхищение государственных средств. В конце концов за их махинации отвечать будем мы с вами по уголовной статье как транжиры и ротозеи. Хайлов — лауреат Государственной премии, академик, его никто не отдаст под суд. А мы, простые смертные, сядем в тюрьму...

Директор института задумался. Бухгалтер, честный труженик, был абсолютно прав. Хайлов и его группа — настоящие мошенники.

...В прошлом году Евней Арыстанулы вместе со своим аспирантом ездил в Москву. На базе Академии наук он сумел-таки удачно приобрести дефицитную и дорогую аппаратуру. Но ее опасно было сдавать в багажный вагон, могли повредить. Посоветовавшись со своим спутником, он решил купить не два билета, а четыре в одно и то же купе. Занесли аппаратуру в купе, расположили на нижней полке, охраняли ее днем и ночью и привезли в целости в Караганду.

И когда он отчитывался за командировку, возник конфликт. Главный бухгалтер отказался принять от одного человека два билета на одну и ту же поездку, так как это противозаконно, поэтому согласился оплатить только один, а стоимость второго билета решил удержать из зарплаты.

— Но если бы мы отдали этот прибор в багажный вагон, то за страховку заплатили бы в два раза дороже! — доказывал директор, уламывая несговорчивого бухгалтера. Однако дотошный счетовод не сдался.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

— Как директора я вас очень уважаю, но, извините, ради вас я не могу нарушить закон!

Выход из этой курьезной ситуации подсказал аспирант:

— Ебеке, вы сами неоднократно говорили нам, что наука без жертв не продвинется вперед. Вы оплатите один билет, а я — второй.

Так и поступили. Узнав об этом, сотрудники, считавшие директора непреклонным, поразились, как он терпит такого «законника», а не отправит его на все четыре стороны, не подберет себе более покладистого человека... Евней Арыстанулы сказал: «Нет, именно такой непоколебимый и честный бухгалтер мне и нужен».

И вот этот человек, наверное, интуитивно почуяв неладное и следуя неизменной своей привычке — все лично проверять, съездил на Урал, развязал узел, завязанный именитым академиком... «Да, бухгалтер по-своему прав, — размышлял директор. — Но что мне делать, ведь ему не скажешь, что мошеннически растранжиренные Хайловым деньги — не институтские, они выделены по прямому распоряжению президента, а я обещал ему не мешать...»

— То, о чем вы сейчас мне доложили, изложите письменно. Я посоветуюсь наверху. Но пока об этом никому ни слова...

— Я знал, что вы так и скажете, потому уже написал отчет, — ответил бухгалтер. — Вот он, распишитесь на втором экземпляре, он останется у меня, а первый вы можете использовать, как вам заблагорассудится...

* * *

В начале 1963 года Н. С. Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС и глава Союзного правительства, возомнивший себя всезнающим специалистом во всех областях — в сельском хозяйстве, в промышленности, дипломатии, распространил свои командные методы и на науку: Тимирязевскую академию, не согласную с его рекомендациями, он приказал выселить из Москвы —

Created by free version of 2PDF
Buketov University

нечего, дескать, ученым пахать на асфальте; затем провозгласил, что пора реорганизовать Академию наук. «Там ученые безрезультатно десятилетиями тратят государственные средства, а какую выгоду от их замшелой науки получает народное хозяйство страны? Надо немедленно сократить НИИ, некоторые передать в ведение производственников. Тогда они будут ближе к жизни, а то ученые совсем оторвались от действительности, занимаясь десятилетиями теоретическими разработками, польза которых вообще сомнительна...» — примерно так рассуждал лидер Советского государства.

И, конечно, на местах, особенно в республиках, указание первого секретаря ЦК восприняли как директиву к действию. Сразу же повсеместно развернулась кампания по сокращению штатов в НИИ, соответственно свертывались исследования, рассчитанные на многие годы.

В Казахской ССР в этот, так называемый черный список на сокращение первыми попали новые институты — нефтехимии в Гурьеве, ХМИ в Караганде и один НИИ в Усть-Каменогорске. Но зато в городе Темиртау, в соответствии с идеей Н. С. Хрущева приблизить науку к производству, срочно открыли филиал Всесоюзного института черной металлургии, теперь уж под эгидой союзного министерства. Директором филиала был назначен М. И. Хайлов. Наконец-то осуществилась его давняя мечта возглавить крупное научное учреждение. И только тогда стало понятно его коллегам, почему он бросил на полдороге свои производственные опыты на Урале и почему месяцами сидел в Москве. Чутье не обмануло старого интригана: он раньше всех угадал, куда дует ветер... Разумеется, новый коллектив составили те же люди, которые приехали с ним с Урала, кто ему безоговорочно подчинялся и поддакивал в ХМИ, в общем более сорока сотрудников руководимой им лаборатории перевелись в новый филиал. И в этой суматохе (это кажется странным и сегодня), без проверки и отчетов, забыты были истраченные на Урале многие тысячи рублей, они ушли как вода в песок...

Created by free version of 2PDF

Brikelov University

Евнею Арыстанулы радоваться бы такому исходу дела — он отделался от самого беспокойного противника вместе с такими же его единомышленниками. Но директор ХМИ был огорчен случившимся, так как у института отняли самую значительную лабораторию во главе с доктором наук. Это был ощутимый удар по коллективу. Мало того, почти сразу же он получил приказ о передаче производственным коллективам лабораторий по добыче руды, геологии и еще углехимии. Это была уже катастрофа. Случившееся выбило из колеи не только директора, но и весь коллектив. Оставшиеся сотрудники приуныли. Некоторые стали уже заранее подыскивать себе место...

В течение каких-то четырех-пяти месяцев из коллектива ушли более двухсот человек. Повальное сокращение коснулось и лаборатории по цветным, редким и легким металлам. Осенью 1963 года в Алматы, в родной КазГМИ уехал Жанарыстан Садыков, руководивший глиноземной лабораторией в Павлодаре. Его сотрудники перешли в ведение алюминиевого завода. Теперь, после сокрушительного разгрома научных подразделений, в ХМИ остались только две вышеназванные лаборатории и та самая, которой руководил Е. Н. Азербаев, лаборатория органиков, находившаяся в Темиртау.

Однажды к директору ХМИ без звонка и приглашений приехал Ерден Нигметулы. Евней Арыстанулы догадывался, о чем будет разговор.

— Евней, я знаю, тебе тяжело сегодня, как никогда. Будь мужественным до конца... Не обессудь, я пришел просить твоего разрешения: хочу подать свои документы на конкурс в КазГУ... — тихо сказал старший коллега. — Как-никак я прожил здесь более пяти лет, уступив просьбе дорогого Канеке. Пора уж мне возвращаться в Алматы. А здесь есть кому работать, кому меня заменить...

Мог ли Букетов возразить человеку, который был намного старше его, отдавшему всю свою жизнь без остатка науке? Ерден Азербаев, успешно защитив докторскую диссертацию, уже готовился к участию в вы-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

борах Академии наук. Видать, его пригласили в единственный и престижный университет республики. Конечно, он достоин того, он настоящий ученый и ему пора передавать свои обширные знания молодежи. Обидно только, что и он покидает институт! Ерден Нигметулы сумел воспитать в своей лаборатории органической химии замечательные кадры. За годы работы здесь он привил своим питомцам качества пытливых и настойчивых исследователей, которые уже оказывали практическую помощь здешним производственникам. Но задерживать маститого, много пережившего ученого в такое неопределенное время Букетов не мог. Сам директор ХМИ в эти дни был похож на капитана судна, потерпевшего кораблекрушение и идущего ко дну.

— Счастливого пути, Ереке, вы покидаете нас в нелегкое время. Дай Бог, встретиться нам в лучшие дни! — пожал ему руку Евней Арыстанулы.

А кампания по оптимизации научных учреждений между тем, набирая обороты, напрямую задела и филиал ХМИ в Темиртау. Сотрудники филиала перешли в экспериментальные цеха или же стали ведущими специалистами технических отделов производств, находившихся в Караганде и Темиртау, таких как заводы пластмассовых изделий, синтетического каучука (позднее слившиеся в объединение «Карбид»). В результате научная школа, заложенная Е. Н. Азербаевым, стала сдавать свои позиции.

Уже всем было понятно, что скоро настанет черед и директорской лаборатории цветных, редких и легких металлов. И ждать «черную метку» не было смысла. Евней Арыстанулы и его сотрудники впали в пессимизм. Они, правда, продолжали свои опыты, но без прежнего энтузиазма. И поэтому директор ХМИ в конце года, приехав в Алматы, начал искать ту соломинку, за которую можно было бы зацепиться. К сожалению, ничего у него не вышло. Члены президиума Академии наук, даже те, кто ему симпатизировал, не скрывали, что будущее его института туманно, вопрос о его закрытии уже висит в воздухе. Это относилось не только к ХМИ, но и к некоторым другим НИИ — в

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Москве, Ленинграде, Свердловске. А друзья утешали Букетова: «Да что ты переживаешь? Вокруг Караганды и вообще в Центральном Казахстане столько металлургических заводов-гигантов понастроено, в них столько цехов по твоей специальности. В одном из них откроешь лабораторию и будешь сидеть там, как король. Была бы шея — хомут найдется... Где это слыхано, где это видано, чтобы в Стране Советов кандидат наук был безработным?» — «А что я скажу своим молодым сослуживцам, которых я из разных мест собрал? Тем более что сейчас мы приступили к очень важному этапу в исследованиях. Есть хорошие результаты, которые заинтересуют производственников, у некоторых научные труды уже готовы к защите...» Между тем кое-кто из Академии наук внушал Букетову: «Наш уважаемый Канеке хотя и из благих побуждений, но явно перестарался; открыл в республике слишком много научно-исследовательских институтов, даже в областных центрах. Никита Сергеевич сто раз прав — наука у нас часто существует для науки, ученых много, умных мало, кандидатов, докторов наук, академиков — хоть пруд пруди, а толку нет. Он жизнь знает и всех видит насквозь... Евней, ты тоже, как простак, попался на удочку своего кумира, уважаемого Канеке, в результате потерял теплое место в Политехе, а теперь смотри, как бы не остаться у разбитого корыта, крепко подумай!..» Самое обидное для Евнея Арыстанулы было то, что так говорили те люди, которые раньше подобострастно взирали на президента Академии наук, лебезили перед ним. Чуть позже он понял причину таких разговоров: оказывается, Каныш Имантайулы был тяжело болен, он долго находился в Москве на лечении; и лизоблюды уже толковали о его близкой кончине...

Евней Арыстанулы совсем затужил, у него уже не осталось никакой веры в будущее ХМИ. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он потерял отца-кормильца, и теперь как будто вернулись те наполненные скорбью дни, его душой снова завладело чувство безраздельного одиночества и сиротства. Высокие звания

Created by free version of 2PDF
Buketov University

и громкие похвалы теперь ему казались ничего не значащими. Стоит разразиться буре, и жизнь, как с корнем вырванная степная трава, полетит в тартарары...

Вдруг он вспомнил неожиданный приезд президента Академии наук зимой 1962 года в Караганду (в канун выборов в Верховный Совет СССР) и его посещение ХМИ.

...Президента сопровождали секретарь промышленного обкома партии и председатель местного совнархоза. Они на двух машинах заехали во двор института без предупреждения, ранним утром. Сотрудники высыпали в длинный коридор бывшего общежития. *Каныш Имантайулы — что отличало его от многих высокопоставленных деятелей — поздоровался с каждым* за руку, спросил у всех имена и отчества, заодно поинтересовался научными успехами. Сам Евней, услышав оживленный разговор в коридоре, выбежал из кабинета, почтительно встретил президента у порога.

Канеке вначале расспросил о здоровье, о жизни всех, кто столпился в небольшом кабинете директора ХМИ, затем неожиданно перевел разговор на стесненное положение института, разместившегося в ветхом здании.

И тут секретарь обкома начал оправдываться:

— Каныш Имантаевич, в этом нет ни малейшей нашей вины. Недавно директор института сам отказался от неплохого, на наш взгляд, намного большего по площади, чем это, здания. И вот теперь перед вами мы краснеем...

Президент удивленно взглянул на Букетова, как бы спрашивая, что это означает. Тот ответил:

— Нам предложили старый автопарк и старое общежитие, где отдыхали водители после ночной смены. Для того чтобы там могли работать наши химики и металлурги, по крайней мере, надо было года два подряд вести капитальный ремонт. Канеке, нам нужно новое здание, построенное по специальному проекту, с современными лабораториями. А пока будет строиться такое здание, — закончил он, — мы хотим остаться здесь...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— Ебеке, ваши мысли мне по душе. Это взгляд ученого, который думает о будущем науки. Дорогие товарищи, здание для института будет построено в ближайшие десять лет. Мы ведь планируем в Караганде создать академический центр всего Центрального Казахстана, он станет вашей гордостью, поднимет культуру города, слава о нем пойдет по всему Союзу... — потом Каныш Имантайулы обратился к секретарю обкома и председателю совнархоза: — Вы, дорогие, не совсем правильно оценили значение этого института для вашего города, поэтому не уделяете должного внимания нуждам ученых, ограничились тем, что предоставили им это ветхое здание. А ведь когда-то здесь будут работать ваши дети и внуки, будут продвигать науку вперед. Вам надо пересмотреть свою позицию, взглянуть на это с высоты будущего. Старый автопарк — это то же самое, что конюшня, и как можно шагать в ногу с веком, работая в конюшне?..

В тот день авторитет директора института в глазах всех, особенно у руководителей области, неизмеримо вырос. Позднее в своих записях о К. И. Сатпаеве Евней Арыстанулы признавался: «Канеке, видимо, специально заехал в институт, чтобы поднять мой вес в глазах руководителей области, которые не только не удосуживались до этого зайти в ХМИ, но иногда подолгу у себя не принимали меня. На этот раз Канеке показал местным "богам" кто я, зачем в этот город прибыл... Это же пример на всю жизнь, достойный уважения...»

По иронии судьбы в 1964 год коллектив ХМИ вступил, имея всего две лаборатории. Работников в институте осталось 40—50 человек. Но громкое звание академического института за ним пока сохранилось.

Первого февраля союзное радио с прискорбием сообщило о кончине Каныша Имантайулы Сатпаева. Евней Арыстанулы на следующий же день вылетел в Алматы, чтобы проводить в последний путь своего великого наставника. Во время траурного митинга он думал о том, что волновало и всех: «Кто же заменит Сатпаева? За пятнадцать лет руководства академией

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Канеке довел численность научных институтов и вспомогательных научных учреждений в Казахстане — до 47, благодаря ему были открыты ботанические сады, станции, расширены различные научные центры и увеличено количество работающих в них — до десяти тысяч человек. Кто же сможет руководить этой громадой дальше, как он?..»

— Что бы ни произошло, будем выходить из положения вместе, — сказал Евнею Букетову один из членов президиума Академии наук в день похорон Сатпаева. — В Казахстане чисто химических институтов три. В основном, они дублируют друг друга. Даже если мы сохраним два института в Алматы, которые открылись первыми и работают со дня создания Казахстанского филиала АН СССР, и то будет хорошо. А о твоем не знаю, дорогой...

В Академии наук уже началось сокращение штатов: только в Институте геологических наук уволили 500 человек, по разговорам сведущих людей — это было началом превращения Академии наук в удобно руководимое учреждение...

«Как-то в воскресенье Букетов пришел ко мне домой. Супруга Куляш приготовила мясо по-казахски. Чувствую, человек без настроения, потому на стол выставил спиртное, — вспоминал ученый секретарь ХМИ С. М. Исабаев. — Ебеке наотрез отказался от крепкого напитка, налил себе только слабого сухого вина. И посоветовал:

— Эй, батыр, ты тоже переходи на сухое. — Затем перешел к главному. — Положение наше аховое, можем потерять, что имеем. Проект приказа о закрытии ХМИ, говорят, уже готов. Что будем делать?

— А вы сами что думаете? Куда пригласите — туда и поеду. В Караганде для меня подходящего ничего нет. От науки я не хочу отказываться, — говорю я. — Это мое сокровенное.

— А что будут делать твои друзья? Я говорю о Жанторе и Токене...

— Они тоже от вас не уйдут. По-моему, и Малышев, и Полукаров присоединятся к вам, не задумываясь, —

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ответил я. — О Марке Залмановиче затрудняюсь сказать что-либо определенное. Но, наверное, он тоже не захочет с вами расставаться, он человек благоразумный, хотя и слабохарактерный, командует им его бойкая жена...

— Хорошо, батыр, я понял тебя. Спасибо за доверие! Но разговор этот держи при себе. Не надо создавать панику! Есть два варианта: первый, выпросить отдельную лабораторию в столичном родственном институте. Если дадут, вместе с группой переехать туда; но там я долго не смогу задержаться, сердце шалит, мне здешний климат больше подходит... Второй путь: открыть лабораторию на Балхашском комбинате. Пока есть силы, пока молоды, надо поработать на большом производстве и скорее получить докторские степени. Балхаш — не окраина казахской степи, неплохой город на берегу пресного озера, и комбинат — один из мировых гигантов...

— Агай, как вы скажете, так и будет.

— Вот черт побери, только по-настоящему приступили к исследованиям, и возникли такие преграды. Неужели на Хрущева нет управы в нашей огромной стране, а? Впрочем, такова вся наша система, если какой-то дурак доберется до вершины власти, будет делать то, что в голову взбредет. И весь 250-миллионный народ будет беспрекословно выполнять то, что он прикажет, даже несуразности... Да, еще будем угодничать: "Что, мол, еще прикажете?!" А какая сильная система?!..»

Но им неожиданно повезло: президентом Академии наук Казахской ССР избрали преданного соратника Каныша Имантайулы — Шапыка Чокыулы Чокина. На общее собрание Академии наук был приглашен и директор ХМИ. Когда он подошел поздравить нового президента с назначением, Шапык Чокыулы сказал ему: «Не уходи, в конце рабочего дня жду тебя в кабинете».

Евней Арыстанулы, услышав эти слова, заволновался, еле дождался вечера.

— Евней, я знаю, что у тебя скверное настроение... — сказал Шапык Чокыулы. — Я это кресло занял, чтобы

Created by free version of 2PDF
Buketov University

продолжить завещанное Канеке, сберечь для нашего народа его богатое наследие. Твой ХМИ — тоже его детище! Понятно говорю?.. Короче, зря не волнуйся, исследования, которые начали в Караганде, продолжайте и доводите до победного конца!..

— Понятно, Шаке! Постараемся не подвести вас...

— Постараемся?!.. — повторил новый президент. Видимо, ему не понравился уклончивый ответ коллеги. — Нет, ты соверши такое, чтобы это прогремело на весь Союз, тогда я никому не позволю тронуть твой ХМИ и тебя также. Подумай об этом, Евней! Крепко подумай!..

Buketov university

Created by free version of 2PDF

Много ли надо человеку? Совсем не много. Стоит это понять, как человек перестанет врать и обманывать, главное — честность к самому себе, друзьям, людям. Честность и бескорыстие.

Евней Букетов.
Детские годы Каныша

Created by free version of 2PDF

Buketov university

Глава 8

«УСПЕХ В НАУКЕ ПРИНЕСЕТ БОГАТСТВО, СЧАСТЬЕ И ПОЧЕТ»

I

Неожиданная потеря покровителя и благодетеля Каныша Сатпаева на какое-то время выбила у Евнея Букетова почву из-под ног, но, к счастью, ненадолго. А назначение на место Сатпаева — Шапыка Чокина фактически было для него подарком судьбы, так как именно он по поручению президента Академии наук Казахской ССР четыре года тому назад представил Е. Букетова коллективу ХМИ в качестве его нового руководителя. Разговор с новым президентом Академии наук позволил Евнею Арыстанулы вновь обрести уверенность в себе. Вернувшись из Алматы, он немедленно собрал сотрудников, которых к весне 1964 года осталась буквально горстка, и с воодушевлением произнес:

— Друзья мои, наш новый президент надеется на нас и просит активнее, с удвоенной, утроенной энергией внедрять результаты своих исследований в производство. Это главное условие, чтобы мы остались в со-

ставе Академии наук. Так что, коллеги, времена неизвестности, блуждания в потемках, разочарований прошли. Лично я буду работать ежедневно десять, если нужно, даже и по пятнадцать часов. Тот, кто решил посвятить себя науке, должен выдержать такую нагрузку, а те, кто не может и не хочет, — пусть скажут мне открыто, я готов без обид расстаться с ними...

(На всякое зло всегда находится противодействие — это закон жизни. Преобразования, которые очертя голову проводил в жизнь Никита Хрущев, нехорошо аукнулись в мире: его безудержная болтовня привела к охлаждению отношений с Китаем; грубая выходка на трибуне ООН со стучанием туфлей вызвала всеобщее презрение; зрело недовольство им и внутри страны. И, наконец, нашлись в его окружении люди, почувствовавшие, что дальше терпеть его самоуправство опасно...

13 октября 1964 года он в одночасье стал персональным пенсионером. Как известно, эту перемену в руководстве страны все советское общество восприняло с радостью и огромным облегчением.)

Изменение политической обстановки в стране ощутили и в коллективе ХМИ: статус института стараниями нового президента был сохранен, сферой его деятельности по-прежнему оставались исследования по химии и металлургии; но отнятые у него в ходе прошлогодних пертурбаций лаборатории не были возвращены, зато в качестве компенсации — в лаборатории цветных металлов и редких металлов штат удвоился. Перед институтом была поставлена конкретная задача: в ближайшие годы обеспечить комплексное извлечение всех металлов, в том числе цветных и редких из полиметаллических руд Центрального Казахстана; вместо лаборатории черной металлургии было рекомендовано открыть лабораторию ферросплавов*, так как потребность использования их в качестве специальных добавок при выплавке мартеновской стали в

* Техническое название сплавов железа с марганцем, хромом, вольфрамом, молибденом и другими элементами.

Created by free version of 2PDF

Vitebsk State University

местной металлургической промышленности из года в год возрастала.

Директор ХМИ вскоре решил еще одну существенную проблему: для института были выделены солидные средства на обучение аспирантов в центральных городах.

— Ну вот, молодежь, перед вами открыты все дороги — в Москву, Ленинград, Свердловск, Новосибирск, Алма-Ату — всюду, где функционируют солидные научные центры, — объявил директор. — Все финансовые расходы берет на себя президент Академии наук, за три года вам предстоит защитить диссертации и вернуться в ХМИ... Без этого у нас не будет роста! Эти слова я обращаю к тебе и к тебе... — Евней Арыстанулы поименно назвал каждого, кого лично хотел отправить в аспирантуру...

По инициативе Ш. Ч. Чокина в Академии наук был составлен перспективный план развития научно-исследовательских институтов в Центральном Казахстане на ближайшие десять лет. На базе ХМИ намечалось подготовить кадры для создания 5—6 новых институтов, с тем чтобы в будущем в Караганде открыть отделение Академии наук. В связи с этим значительно должен был расшириться состав коллектива: вновь организованы отделы органического синтеза и углехимии, фитохимии (научный центр по разработке природных веществ из лекарственных трав и растений), лаборатории по комплексному исследованию земной коры, отделы научного обоснования торговых связей и счетно-математической обработки материалов исследований...

Не было бы счастья, да несчастье помогло: вместо сокращения — укрупнение института. Сразу же прекратилось растаскивание НИИ по промышленным объектам. Заодно бесславно почили пресловутые совнархозы, передав свои полномочия вновь созданным отраслевым министерствам. В общем, произошло то, что должно было произойти. Политическое руководство страны решительно применяло давно испытанные административные рычаги управления хозяйственными

Created by free version of 2PDF
Buketov University

объектами и научными учреждениями. Конечно, не обошлось без жертв: Карагандинский филиал Всесоюзного института черной металлургии после полуторагодичного функционирования был закрыт за ненадобностью...

Летом 1966 года академик М. И. Хайлов, оставшийся без работы, пришел к директору ХМИ и попросил принять его хоть в каком-либо качестве в институт. Ученый жаловался, что на старости лет оказался один на обочине жизни, все его ученики и коллеги отвернулись от него.

Директор ХМИ задумался: что делать с именитым человеком, покинутым прихлебателями. Ему по-человечески стало жаль одинокого старика. С другой стороны, он понимал, что институту от него не будет никакой пользы, ведь за годы пребывания здесь Хайлов не подготовил ни одного кандидата наук, не имел на своем попечении ни одного аспиранта, не вносил никакого вклада в науку.

Михаил Исакович, уловив двойственное настроение коллеги, тут же перешел в атаку:

— Евней Арстанович, я знаю, что вы в ХМИ создаете новую лабораторию, которая будет заниматься разработкой новых видов ферросплавов... Возьмите туда хотя бы консультантом. Вынужден признаться, что кроме вас у меня здесь не осталось никого, к кому бы я мог обратиться за помощью. Я не требую от вас, чтобы вы вновь восстановили мою лабораторию и приняли в нее всех специалистов, приехавших вместе со мной с Урала... Но я как-никак — доктор наук и вам пригодится мое научное звание... Мне уже за семьдесят, я один, как перст, — ни учеников, ни соратников, никому не нужен. — Скорее всего для виду академик пустил слезу, еле слышным голосом проговорил: — Умоляю вас, дайте мне умереть хотя бы во дворе ХМИ...

Расчет его оправдался, директор института в конце концов сдался:

— Успокойтесь ради бога, Михаил Исакович, приму вас старшим научным сотрудником. Ваши обязанности — научные консультации... Но я прошу вас бо-

Created by free version of 2PDF
Dikeiev University

лее не вмешиваться в дела молодежи, тем более что среди них есть люди с горячей головой, которые вас не поймут, могут резко отшить и обидеть... Это — первое условие. Второе, если будете жаловаться наверх по старой привычке, предупреждаю вас, в тот же день отправлю на отдых, куда вам действительно пора...

— Согласен. Конечно, согласен, буду служить вам честно и до конца жизни, дорогой Евней Арстанович. Я знал, что вы благородный человек!..

Академик М. И. Хайлов числился в штате ХМИ почти до конца 1972 года, то есть до ухода Евнея Арыстанулы из этого института. О его участии в исследованиях история умалчивает, во всяком случае мы не нашли его заметного следа в ХМИ...

(В августе 2003 года я задал профессору В. П. Малышеву, который оказывал мне помощь в разработке научных концепций, щекотливый вопрос, давно занимавший меня как писателя. Я знал, что М. И. Хайлов на Урале и в Темиртау так и не проводил опыты, о которых столько лет всем талдычил, они так и остались на бумаге. Тем не менее созданный вокруг него ореол помогал ему оставаться в центре внимания научной общественности, он получал ежемесячно солидную заработную плату и даже награды. Ясно, он жил бывшими и мнимыми заслугами в науке.

— Как можно было терпеть такого никчемного человека в науке и вдобавок интригана? Удивительный экземпляр выдающегося человека с отрицательным результатом!..

Виталий Павлович удивленно посмотрел на меня, будто я свалился на нашу грешную землю с Луны...

— За рубежом такие люди ни одного дня не смогли бы удержаться ни в одном университете, ни в частной компании, но у нас все было наоборот. Медеу Сарсекеевич, мы с вами жили в такое время, когда властвовали сплошные неучи. Какое образование имели все наши вожди. Тот же Сталин или Хрушев и иже с ними? У Сталина — незаконченная духовная семина-

Created by free version of 2PDF
Вилейский университет

рия. У Хрущева — рабфак, еще какие-то высшие курсы, если верно указал в своей биографии. Только у Брежнева — высшее образование металлурга. Однако он мало работал по своей профессии. И эти люди управляли страной более шестидесяти лет... Мы верили им. Верили в их пустые заявления, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. А они безоговорочно верили тем, кто мог больше пообещать, — «чародеям» науки. Вспомните, что происходило в биологической науке, которой безраздельно управлял при Сталине и Хрущеве знаменитый лжеученый-мичуринец Т. Д. Лысенко, уничтоживший генетику, выводивший и так и не вырастивший чудо-пшеницу со ста колосками... — И Виталий Павлович, с горечью вздыхая, заключил: — И наша металлургия не была исключением, *были такие — михайловы-хайловы, что поделаешь*... В условиях насилия над личностью комфортно чувствовали себя лишь карьеристы, приспособленцы. Всевластие административно-принудительной системы привело к фатальным последствиям. Бюрократический аппарат приучил людей к пассивности, отбил охоту к инициативе, предприимчивости... Все ориентировались на указания сверху — нам, мол, думать нечего, если думают вожди. Целые поколения выросли в обстановке, когда инициатива не только не поощрялась, но и наказывалась, это относится и к науке. А для показухи, которая всегда устраивала верхи, идеально подходил такой ученый, как Хайлов...)

Поздней осенью 1964 года Евней Арыстанулы, вызвал к себе в кабинет Жанторе Абишева и сделал ему неожиданное предложение:

— Жанторе, наши судьбы связаны с этим институтом, и наше будущее зависит от внедрений наших научных разработок в производство. Но мы не знаем, где и когда проводить опыты и полупромышленые испытания, мы зависимы от всех. В результате многие наши научные наблюдения и выводы не можем проверить на практике... Для того чтобы выйти из этого

Created by free version of 2PDF

Buketov University

тупика, я решил открыть в ХМИ постоянно действующее производство. Президент Академии наук эту идею одобрил и обещал финансовую помощь. Скажем, вот ты, чтобы получить ванадий, мучаешься вот уже шесть-семь лет в поисках подходящего производства, еще столько же времени будешь без толку ходить по разным инстанциям... Короче, батыр, на этом «заводе» я буду «директором», а тебе поручаю должность «главного инженера»! В порядке поощрения я разрешаю тебе первый опыт провести по своей теме! Договорились?

Так и сделали: финансы, приборы, оборудование добывал директор, а их установку и запуск и все остальное взял на себя Жанторе Абишев. Теперь они были сами себе хозяева и даже начали принимать заказы от других институтов...

Спустя два года, зимой 1966 года Жанторе Нурланулы Абишев отправился в Алматы, на научном совете политехнического института он успешно защитил кандидатскую диссертацию. Перед этим диплом кандидата технических наук получил Марк Залманович Угорец. И эти увенчавшие их лавры вызвали спортивный азарт у молодых коллег. Между ними началось негласное соревнование. И соискатели один за другим пошли защищаться.

II

Еще будучи преподавателем КазГМИ, Евней Арыстанулы прорабатывал разные варианты извлечения из полиметаллических руд редких элементов, в частности, селена и теллура. Подтверждение тому — статья, опубликованная в журнале «Металлургическая и химическая промышленность Казахстана» (№ 1, 1959 год). Статья называется: «Исследование по обжигу медеэлектролитных шламов в смеси с содой в кипящем слое» (соавторы В. Д. Пономарев, В. З. Тарасенко, М. З. Угорец), где сказано, что опыт проводился в 1957 году в лаборатории КазГМИ.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Автор этой книги тоже занимался извлечением селена из полиметаллической руды, где он присутствует в мизерном количестве. Я учился на четвертом курсе, как студент должен был выполнить курсовую работу по профилю будущей профессии. Было это, помнится, в 1957 году.

В том месте, где сейчас стоит гостиница «Казахстан», находилось небольшое здание. Там размещалась кафедра легких и редких металлов, а на нижнем этаже была лаборатория.

Получив сырье, хранившееся в лаборатории, взвесив его на аналитических весах, я начал составлять шихту, внося в нее различные добавки. Затем долго толок ее ступой в фарфоровой чашке, пока она не превратилась в мелкий порошок. После чего залил ее дистиллированной водой. Когда шихта начала густеть, скатал из нее небольшие «шарики» (так называемые гранулы), высушил их на обыкновенной электроплите. Старшей лаборанткой в то время в лаборатории была пожилая, добродушная женщина, звали ее Мария Алексеевна. Видимо, она наблюдала за моими действиями, и когда я закончил свои приготовления, подошла ко мне и посоветовала: «Не спеши и внимательно следи: как только гранула затвердеет, сразу же снимай ее с огня, а то опять испортишь...» Дело в том, что это была моя третья попытка извлечь селен, первые две окончились неудачно. Конечно, я ее послушался и стал действовать осмотрительнее и не спеша.

Подготовка шихты к обжигу продлилась несколько дней. И вот, наконец, настал день последней операции: твердую, как камень, гранулу я положил на поддон жаропрочной ступы с отверстиями, похожей на сито; горлышко ступы замазал обычной глиной и поставил замурованную посудину перед лаборанткой. Мария Алексеевна всплеснула руками: «Ой, так не пойдет. Ты все отверстия наглухо замазал, а откуда будет поступать кислород для окисления?» Тогда, соскоблив глину с горловины ступы, я показал ей картонные затычки. Она удивилась: «Оригинально! Сам придумал или кто-то подсказал? Все правильно: в печ-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ке бумага сгорит, и из всех отверстий в ступу пойдет воздух...»

Пришлось ждать еще двое суток, пока не высохла глина на горловине ступы. На третьи сутки, наконец, поместил ступу внутрь герметически закрытой электропечи. Не отходя от печи, я следил, чтобы температура в ней не опускалась ниже 550 градусов. Мне нужно было, чтобы гранулы полностью выгорели, это главное условие для успешного прохождения реакции. Через полчаса вынул ступу из печи, пришлось ждать еще столько же, пока она остыла.

И вот с помощью молотка и долота открыв крышку ступы, вижу на самом дне ее еле заметный комочек красноватого цвета, величиной с воробьиное яйцо. Вроде не напрасно жарился у печи. Достав его длинной ложкой, несу на весы. Вышло всего-навсего два грамма.

— Это — селенит. Можно считать, голубчик, ты своего достиг. На сегодня ты свободен... — простилась со мной добрая Мария Алексеевна.

— Ну, батыр, для начала это неплохо. Можно было, конечно, добиться и большего выхода селенита... Тогда ты смог бы опубликовать статью в журнале о научном достижении, но что поделаешь, чуть не дотянул до рекорда, однако для курсового задания достаточно!.. — покровительственно похлопал меня по плечу Евней Арыстанулы, принимая мой отчет.

Реплику наставника я принял за юмор. Я же тогда не знал, что он в то время уже «болел» проблемой получения селена, добиваясь извлечения его до шестидесяти процентов.

— Во время опыта нельзя спешить, батыр, — сказал Евней Арыстанулы. — Состав шихты у тебя правильный, но объем гранул слишком большой... И все-таки ты в лабораторных условиях достиг сорокапроцентного выхода металла. Это же довоенный уровень советской промышленности по селену... Вот так, дорогой, для дилетанта, как ты, это — большой скачок. Вообще, ты подумай об аспирантуре, через десять лет я сделаю из тебя классного специалиста по извлечению селена

Created by free version of 2PDF
Buketov University

и теллура в Казахстане. Ты знаешь, откуда пошло название селен?

— Сначала стал известен теллур, а не селен. Теллур открыл немецкий ученый Рейхенштейн в 1782 году, название происходит от латинского слова «теллурис» — Земля, в соответствии с принятой тогда традицией давать вновь открытым элементам названия планет. А селен, если не ошибаюсь, открыл знаменитый шведский химик и минералог Йёнс Берцелиус в 1817 году, до этого открывший ряд других новых химических элементов и определивший их атомные веса. По своим свойствам селен оказался очень похожим на теллур, потому его, уподобив спутнику Земли — Луне, назвали селеном... — отчеканил я, вспомнив страницы учебника химии для средней школы.

— Молодец, историю открытия редких металлов ты знаешь назубок. Это пригодится тебе в будущем. Словом, батыр, я готов тебя вести дальше по тропе науки... — сказал Евней Арыстанулы.

* * *

Как известно, вторая половина XX века — это эпоха научно-технической революции. В этот период труд и творческий гений ученых и изобретателей позволил реализовать самые смелые мечты человечества. Люди уверенно стали штурмовать космос, изучать Луну, Марс, Венеру и другие планеты. Они открыли новые источники энергии. Химики создали такие материалы, которые даже не существуют в природе, а превосходят по своим качествам естественные — это полимеры, искусственные волокна.

Надо признать, что многие полезные вещи и явления были открыты и внедрены в жизнь с помощью редких и рассеянных элементов. (Кстати, редкое свойство селена до этого использовали лишь в стекольном производстве. Например, добавление 20—30 граммов селена в одну тонну жидкого стекла придавало ему исключительную прозрачность, не позволяя мутнеть под действием ультрафиолетовых лучей солнца, рент-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

геновского или гамма-излучения.) Позднее химики установили: если всего один грамм селена добавить в сплав нержавеющей стали, он приобретает приятный, светлый оттенок. Таким образом, варьируя его количество, стали получать никелированные, хромированные стали и использовать их для изготовления бытовых предметов — ложек, вилок, ножей, посуды. После добавления селена в некоторые виды красок они прекрасно выдерживают горячую и холодную температуру и не поддаются окислению... А это дает художникам-дизайнерам широкую возможность применять такие краски в оформлении интерьеров. В общем, в конце прошлого века не только строительная, но и автомобильная, стекольная и еще множество отраслей промышленности, благодаря селену, получили отличные красители...

В 1960-е годы в обиход стали входить изделия электронной и радиотехнической промышленности. В этих изделиях используются элементы из группы халькогенов (халько — по-гречески медь). Всего таких элементов 19.

Изучив их свойства, ученые одарили человечество качественно новыми вещами. Без них нашу жизнь сегодня трудно представить. Это, к примеру, мобильные спутниковые телефоны, умещающиеся на ладони, позволяющие выйти на связь с любой точкой на Земле без проводов.

В результате спрос на халькофильные элементы возрос в сотни раз. Естественно, во всех странах, обладающих высокоразвитой химико-металлургической промышленностью, начали добиваться их массового извлечения из руд цветных металлов. Например, и селен, и теллур накапливались в отработанных шламах при производстве меди и золота. Поэтому эти шламы-отходы в 1960-е годы являлись основным источником получения халькогенов.

Именно потому Министерство цветной металлургии СССР в те годы, выделив средства на строительство вспомогательных цехов вторичного обогащения медных электролитных шламов на всех производствах

Created by free version of 2PDF

Buketov University

цветных металлов Средней Азии, форсировало выпуск этих элементов.

Но, увы, отлаженной технологии извлечения по существу еще не было. Она находилась в зачаточном состоянии, извлечение халькогенов не достигало даже пятидесяти процентов...

Евней Арыстанулы знал эти проблемы как никто другой. Впервые соприкоснувшись с ними во время учебы в аспирантуре, он горел желанием усовершенствовать технологии извлечения редких элементов. Потому начатые в Алматы исследования он продолжал в Караганде. Такие исследования проводились и в других регионах страны. Его первый наставник, профессор В. В. Стендер, экспериментировал в этом направлении на Украине, член-корреспондент Академии наук КазССР, профессор В. И. Смирнов — на Урале. Возглавляя группу энтуазистов, он добился определенных успехов и уже проводил полупромышленные испытания на заводе в городе Верхная Пышма. Результаты их были обнадеживающими. Но не были по достоинству оценены руководителями предприятий, не хотелось им нововведений. Поэтому группа Смирнова была распущена.

«Неужели и нас ждет такая же участь?.. — размышлял Букетов. — Нет, у нас размах побольше, как-никак здесь целый НИИ и группа наша мощнее. Молодо и зелено, но зато мои ребята напористее, они не привыкли отступать. У нас все должно получиться, иначе быть не может!.. Но нам надо поспешить, тем более то, что мы ищем, лежит горами в отходах везде и всюду на территории заводов цветной металлургии Казахстана. В Жезказгане, в рудах медного сульфида видны явные "следы" селена и теллура, а они не используются. Уходят в отвалы дорогостоящие рений, осмий, германий и еще множество редких, рассеянных элементов. Мы даже не задумываемся об их извлечении и теряем миллионные прибыли. Огромное количество жезказганской руды (в сутки один эшелон — значит, три-четыре тысячи тонн) с 1941 года ежедневно отправляется на Балхашский медный гигант и там до

Created by free version of 2PDF
Buketov University

1960 года совсем не занимались вторичной обработкой медеэлектролитных шламов с целью получения халькогенов. Потом спохватились, но работали теми же дедовскими способами, кое-как, лишь бы выполнить задания Госплана. И по-прежнему нетронутым лежало колоссальное количество "сырья" — десятки тысяч тонн. Значит, при удаче можно извлечь селена и теллура не килограммы, а сотни центнеров — только сумей!..»

* * *

Евней Арыстанулы с молодыми коллегами, взвесив все плюсы и минусы нового наступления на неподатливые элементы таблицы Менделеева, запланировал вести исследования в двух направлениях: первое — использовать пирометаллургическую технологию, то есть произвести обжиг сырья в печи при невысокой температуре: второе — испытать гидрометаллургический метод, с применением растворов. Для этого он создал две самостоятельные группы. Первую группу возглавил В. П. Малышев, вторую — М. З. Угорец.

Марка Залмановича Угореца, как уже говорилось, Евней Арыстанулы пригласил в первый же день работы в ХМИ, в Караганду... А Виталий Павлович Малышев — питомец Свердловского политехнического института, приехал в ХМИ по рекомендации своего первого наставника по институту, профессора В. И. Смирнова.

«...С самого начала исследования группе повезло: нам помогли химики-органики И. Н. Азербаев и И. В. Кирилюс, — пишет М. З. Угорец в своих воспоминаниях «Евней Арстанович и халькогены». Речь идет о начале исследовательской работы, о событиях 1961 года. — Они отдали вращающийся автоклав. По тем временам это уже было целое богатство. Я помню, как все мы радовались этому приобретению и в первую очередь сам Евней Арстанович. Ведь мы могли уже работать с растворами щелочей, с подачей любого газа, в том числе кислорода. Начались технологические опыты. Основные усилия мы направили на окис-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лительное щелочное выщелачивание соединений селена и теллура с переводом их в раствор. Здесь хотелось упомянуть два момента. Во-первых, отметить удивительную научную интуицию Евнея Арстановича. Через два года... мы узнали, что одновременно с нами подобные работы велись и в Англии, США, Канаде. И второе — его черту бороться и искать, сомневаться и ошибаться, но не сдаваться. Приведу пример: мы обнаружили, что без подачи кислорода в раствор в окисленной форме переходит подавляющая часть теллура. И это было нам непонятно».

Марк Залманович рассказывает, как во время одной из поездок с Е. А. Букетовым на Жезказганский горно-металлургический комбинат они встретили на производственной площадке академика Андриана Лукьяновича Цефта, своего профессора из КазГМИ. Евней Арыстанулы поделился с профессором своими заботами, поведал о том, в какой он оказался растерянности в связи с непонятным «поведением» теллура. Большой знаток медной технологии тут же высказал ему свое предположение: «Оксид меди, а также и его гидрооксид — очень сильные окислители, может быть, они стали помехой...»

Исследователи ХМИ ломали головы над досадной осечкой уже более года, а по возвращении в Караганду, тщательно проверив все этапы эксперимента, убедились, что на самом деле образовавшийся в ходе его оксид меди мешал им довести реакцию до желаемого результата. Таким образом, процесс получил непредвиденное направление. Но, что поделаешь, открытия делаются именно благодаря исследованию случаев, которые являются исключением из правил. Молодой соискатель К. М. Ахметов, которому поручили заняться этой загадкой, через три года, успешно разрешив ее, защитил кандидатскую диссертацию. А трое исследователей — Е. А. Букетов, тот же К. М. Ахметов и М. З. Угорец позднее опубликовали монографию по этой проблеме.

Конечно, на этом не закончились проблемы исследователей. Разрабатываемая ими технология по извле-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

чению селена и теллура из шлама под действием щелочи из года в год усложнялась. На седьмом году исследований Евней Арыстанулы внес в технологию усовершенствование: предложил вдувать в автоклав чистый кислород, что должно было значительно ускорить окисление халькогенов... Испытав это, группа Угореца убедилась в правоте своего руководителя. Процесс извлечения пошел намного быстрее. А это послужило нескольким исследователям группы — Х. И. Байкенову, О. И. Семиной, З. Б. Сагындыкову темой для их диссертаций...

Другая группа из пяти человек с помощью автоклава из уже полученной окиси сумела наладить извлечение селена и теллура в чистом виде. И эта же группа, возглавляемая М. З. Угорецом, после десяти лет исследований в конце концов освоила извлечение халькогенов гидрометаллургическим путем, предложив производственникам совершенно новую технологию, позволяющую наиболее полно выделять из шлама селен и теллур. Дело оставалось за заводчанами...

А сам Букетов, стоически преодолев все невзгоды и трудности, которые встречались ему на пути, стал доктором технических наук. Все его сотрудники, помогавшие в этих разработках, успешно защитили свои диссертации, все они стали кандидатами технических наук, некоторые — и докторами.

Эти опыты, продолжавшиеся более тридцати лет, закончились успехом (по этому методу в ХМИ проводились дополнительные исследования до конца прошлого века). Государственный комитет по регистрации новых изобретений и открытий в 1973—1974 годах выдал карагандинским исследователям по этой теме несколько свидетельств. Группа Марка Залмановича, под руководством Евнея Арыстанулы, в 1974—1976 годах проверила эффективность своей технологии на медном заводе в Алмалыке. «Очень много усилий Евней Арстанович затратил на организацию полупромышленных испытаний в Узбекистане, — вспоминает М. З. Угорец. — Сам он, будучи ректором КарГУ, несмотря на огромную занятость, побывал с нами в Ал-

Created by free version of 2PDF
Viktor University

малыке на АГМК. Такие испытания мы провели там в 1975—1976 годах. Они были успешны, но аппарат — электролизер для выщелачивания был далек от совершенства. Лишь позже, в 1982 году, совместно со Свердловским конструкторским бюро Министерства цветной металлургии СССР мы сами создали новый аппарат. Евней Арстанович увидел наяву первое удачное применение своего детища, предсказанного им за десяток лет до этого...»

Идею извлечения редких элементов с использованием небольшого автоклава Е. А. Букетов впервые выдвинул в 1961 году. Значит, более двадцати лет он пробивал свою идею, а сколько при этом преград возникло перед ним — нам не сосчитать никогда. Отрадно то, что ученый не отказался от первоначального замысла и вел вперед группу одержимых, таких как М. З. Угорец и его единомышленники, пока не достиг желанной цели.

Приходится с сожалением сообщить читателю и такой факт, о котором вспоминает его ученик Марк Залманович: «В целом все эти наши исследования были достаточно оригинальны, в Советском Союзе подобных работ не было, и, можно сказать, они были признаны, например, попали в учебники по химии и технологии редких и рассеянных элементов. Но нам реализовать на практике автоклавные методы сразу не удалось. Из зарубежной литературы лишь в 1982 году нам стало известно, что автоклавное щелочное выщелачивание медеэлектролитных шламов в конце 70-х годов было осуществлено в ГДР на заводах Мансфельда, причем со ссылкой на наши работы. Узнав об этом, Евней Арстанович очень был обрадован. Когда я ему показал статью из научного журнала, он прямо возликовал: "Вот видишь, Марк, метод, который мы пробивали в науку, служит человечеству! Молодцы, деловой и хваткий ум у немцев!.."»

Евней Арыстанулы занимался извлечением халькогенов из медного шлама с некоторыми перерывами более пяти лет в Алматы. А в Караганде он решил повторить эти опыты: тот же шлам он по-прежнему об-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

жигал с содой, выход металлов при этом был намного больше, чем при использовании других способов, а процесс окисления в «кипящем слое» шел быстрее, но, к сожалению, за полчаса не только селен, но и большая часть теллура улетучивались в виде пыли из трубы — с такой потерей нельзя было мириться... Для улавливания халькогенов из пыли надо было сооружать специальную сетку-уловитель, а это громоздкое и дорогостоящее сооружение, с ним не захотят возиться производственники. Причина же потерь была в слишком высокой температуре в печи «кипящего слоя», а при ее снижении пропадал «кипящий слой». В общем, как в пословице: нос вытащишь — хвост увязнет. И здесь ученого осенила мысль: обжиг произвести в обыкновенной шахтной печи...

«В начале 1961 года мы уже начали обжиг гранул в шахтных печах...» — писали Е. А. Букетов и В. П. Малышев в опубликованной в 1969 году монографии «Извлечение селена и теллура из медеэлектролитных шламов».

Свой метод обжига они тщательно проверяли более года и убедились в его абсолютной безотказности. Кстати, в последних опытах они добились почти 90-процентного выхода селена в окиси, извлечение теллура также было на уровне расчетного. Фактически это был лучший результат в мире, своеобразный рекорд по извлечению халькогенов!.. Авторы новой технологии свои открытия представили в Госкомитет по делам изобретений и открытий. 1 февраля 1962 года Е. А. Букетову и В. П. Малышеву комитет выдал свидетельство под № 158416.

Виталий МАЛЫШЕВ. «Поступью командора и пророка»:

«Сложили модель этой печи в чемоданчик, привезли на уральский завод в Верхнюю Пышму, показали в действии — всем понравилось, анализы хорошие, культура! Но главный инженер изрек: "Дело это сложное, потребует реконструкции, отразится на себестоимости продукции, сорвет план". В общем, была обычная "государственная" песенка. Вернулись мы ни с чем, подавленные.

Created by free version of 2PDF

Bilstoy university

Рассказали, что да как, но такой оборот ничуть не удивил Евнея Арстановича, только раззадорил: "Двинемка мы в Унипромедь, у них там своих свежих идей в этом деле нет, попробуем действовать в одной упряжке!" А что такое Унипромедь? Это головной проектный и исследовательский институт по медной промышленности не только Урала, но и других регионов бывшего Союза. Расположен в Свердловске, рядом с Верхней Пышмой, имеет свой опытный завод. Никого там лично не знаем».

Поездка Е. Букетова и В. Малышева в 1963 году в Свердловск принесла свои плоды: новая технология сначала прошла испытание в лаборатории Унипромеди, сразу же после этого на Елизаветинском опытном заводе под Свердловском. Провели полупромышленное испытание. Результаты были отличные, можно сказать, почти фантастические! Итоги испытаний совместных исследований опубликовали в союзном журнале «Цветные металлы» № 4 за 1965 год: «Шахтное опекание медеэлектролитных шламов» (Е. А. Букетов, Ю. Д. Бурдаков, Л. Д. Кирр и В. П. Малышев).

Но, увы, в который раз нам придется делать оговорки, ниже мы приводим подробный рассказ участника этих событий, он красноречиво характеризует систему, в которой мы жили.

Из книги В. П. МАЛЫШЕВА «Поступью командора и пророка»:

«Поехали через некоторое время в Пышму, оказывается, прежний главный инженер перешел в Министерство цветной металлургии, в Москву, а новый — бывший начальник шламового цеха, нам заявил: "Сейчас мы испытываем новую технологию по обжигу в печи 'кипящего слоя', и пока ее не испытаем, к вашей приступать не будем. Завод — не полигон для проверки всяких идей, нам нужно заниматься производством». Потянулись долгие месяцы ожидания конца испытаний, которые шли хуже некуда, хотя цех был напичкан сложной управляющей аппаратурой и там денно и нощно трудились предста-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

вители известного института. Признаться им в несостоятельности своей технологии даже в те, уже потеплевшие времена было страшно. Обвинение в разбазаривании государственных средств, крах карьеры, падение научного авторитета, личная трагедия ученого — вот что стояло за этим. Испытания остановились, новый участок цеха напоминал какую-то вымершую цивилизацию. Никто не хотел ставить точку над i, — вспоминает эту грустную историю ученик Букетова. — *Мы, совместно с Унипромедью, не раз обращались в министерство с просьбой разрешить нам испытания нашей технологии, но неизменно получали короткий отказ с явно надуманной мотивировкой: "Не спешите, как поступят положенные финансовые средства, так и приступим к испытанию..."*

Евней Арстанович ходил чернее тучи, не зная, что предпринять. Но вот однажды прямо с раннего утра вызывает меня к себе в кабинет, долго молчит, о чем-то сосредоточенно думает. Молчу и я, жду чего-то необычного, больно уж не похоже это на нашего лидера. И в самом деле: "Виталий Павлович, я думаю так: надо написать письмо Брежневу. — Он помолчал. — Не от меня, как от директора, а от тебя, как от молодого специалиста и ученого. Что ты возмущен тем, с чем столкнулся при внедрении нового в производство, что потеряны годы и утрачивается вера в технический прогресс в нашей стране. Писем от директоров у него — пруд пруди, а от молодых, думаю, нет. До него письмо, конечно, не дойдет, но в аппарате, может, как-то сработает".

Я согласился и на следующее утро принес проект письма. Он взял его в руки, нахмурился. Стал читать — вижу усмехнулся, потом начал хохотать, как обычно, до слез. Понравилось то, как я, чтобы быть доходчивым для генсека, сравнил размер нашей печи с местом, которое занимают три рядом стоящих и бесконечно спорящих директора: нашего института, Унипромеди и завода. Юмор же был в том, что все три директора были очень крупные — наш за 100 кг, да и те, если уступали по росту, то в диаметре явно превосходили. Облегченно вздохнув, махнул рукой: "Пойдет! Посылай! Может, это хоть их зацепит".

Created by free version of 2PDF

Письмо было отправлено, и буквально недели через две — звонок из Унипромеди: приезжайте, есть телеграмма из ЦК, приступаем к немедленному внедрению. Оказывается, в министерстве сидел соавтор печи "кипящего слоя" и все наши прежние письма оседали у него. Что и говорить, мы за три месяца спроектировали, поставили и внедрили на заводе шахтные печи, которые работают до сих пор...

Думаю вот о чем. Если бы Евней Арстанович держался традиционных путей "пробивания" или казенных служебных записок — ничего бы не получилось. Он нашел и поддержал единственно вероятный шанс, исходя из понимания человеческой психологии и реалий того времени — это и есть мудрость...»

Поверите ли, читатель, — хотя мы уже знаем, что все закончилось удачно, — исследователи ХМИ в содружестве с коллегами из Унипромеди потратили на это дело в общей сложности семь лет. После всех трений, проволочек и мытарств технологию обжига медного шлама в шахтной печи начали применять в 1969 году на заводе в Верхней Пышме, а в 1974 году на новом Жезказганском медьзаводе. В 1977 году на Балхашском комбинате изготовленные из молибденсодержащих пылей гранулы стали обжигать в так называемых печах КС (в «кипящем слое»). Такие печи начали применять в 1980-е годы на Новофосфорном заводе в Таразе и в Карагандинском производственном объединении «Карбид»...

Впоследствии эта технология была признана лучшей из всех существующих в мире. Некоторые зарубежные страны купили патент на ее внедрение у себя. С тех пор она служит и будет служить, можно сказать, всему человечеству, поскольку нужда в халькогенах никогда не иссякнет...

И тут возникают закономерные вопросы: почему новой технологии постоянно ставились препоны на пути внедрения в производство, хотя ее эффективность была налицо? Понес ли какое-нибудь наказание чиновник, который в этом виновен? Нет ответа на эти

Created by free version of 2PDF
BUKATOV UNIVERSITY

удобно делать вам, русскому ученому, замечания по стилю русского языка". Вполне понятно, я был огорчен, даже пошел на обострение: "Согласен защищать при любом вашем отзыве". Евней Арстанович остался непоколебим. Ни разъяснения, ни просьбы председателя докторского совета и его заместителя не повлияли на его решение. Пришлось защиту перенести на месяц; к моему несчастью, срок полномочий ученого совета к этому моменту истек. И только через год, в феврале 1980 года, состоялась защита. Е. А. Букетов дал хороший отзыв, голосование единогласное, через полгода пришло утверждение ВАКа. Год не прошел для меня даром еще и потому, что я достал опубликованные художественные произведения Букетова Е. А., с удовольствием их прочитал, отмечая про себя живость языка и сочность образов. Признаюсь, я внимательно просмотрел еще раз ряд монографий под авторской редакцией Е. А. Букетова; стилистически они были написаны совершеннее, чем моя докторская диссертация.. Не скрою, было обидно, даже сгоряча непонятно; но, оценивая эти события по временному фактору, сознаю: урок я получил поучительный и незабываемый. Стараюсь максимально обдумывать построение и изложение фразы, мысли. Конечно, я благодарен за такую встряску. И однозначно так поступить мог не только сильный, но и убежденный в своей правоте человек».

Весной 1966 года Евней Арыстанулы отправился в Москву. Там единогласно констатировали, что диссертацию можно защищать перед любым самым взыскательным составом ученых. Много времени ушло на выбор места. В конце концов защиту включил в свой план ученый совет Московского института стали и сплавов. Защита была назначена на 10 октября.

Из рассказа Сагинтая Макатулы ИСАБАЕВА, доктора технических наук:

«...Ебеке, поднявшись с места, энергично, гулко ступая по деревянному полу, быстро направился к трибуне. Сидящие в зале смотрели вслед ему с удивлением, будто бы спрашивая, что нужно этому степняку в научном ми-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ре, пас бы в своей степи табуны лошадей и отары овец, по виду как раз ему это подходит — истинный кочевник, огромный, неуклюжий, как верблюд, ходит аршинными шагами... Я почему-то сразу почувствовал открытую неприязнь незнакомой нам аудитории, очевидно, вызванную его богатырским ростом и угловатым движением по залу, безусловно, эта неприязнь еще более усиливалась раздражающим скрипом деревянного пола под его ногами. Все это вызвало нездоровое оживление в зале, чувствовалось мелкое злорадство в предвкушении его неминуемого провала. К тому же, диссертант не вмещался своими огромными габаритами в маленькую трибуну, сооруженную на сцене, потому положив свои бумаги, Ебеке вышел оттуда наружу.

Ебеке начал спокойно, даже свой привычный грохочущий голос сдерживал. Но постепенно увлекся, начал говорить в быстром темпе, как всегда, остроумно, будто бы декламировал стихи. Можно сказать, через четверть часа он уже овладел вниманием присутствующих. После этого посыпались вопросы. Особенно усердствовали ученые с кафедры профессора Н. С. Грейвера. К счастью, Евней Арыстанулы не стушевался, отвечал конкретно, точно, лишь изредка вытирая пот, часто выступавший на лбу...

И вот началось обсуждение. Четыре оратора один за другим поддержали диссертанта. После них в самом конце выступил крупный ученый, член-корреспондент АН СССР М. Н. Плаксин, он же председатель ученого совета. Маститый ученый сразу заметил, что разработка обсуждаемой темы и общий объем проведенных исследований тянут не на одну, а на три докторских диссертации, и особо подчеркнул, что нужно было соискателю защитить ученую степень еще несколько лет тому назад. Мнения всех выступивших сошлись как раз на том, что обсуждаемая работа — достойна присвоения диссертанту ученой степени доктора технических наук, на этот счет не может быть никаких сомнений. Е. А. Букетов мог быть удостоен докторской степени и без защиты диссертации, за свои многочисленные опубликованные научные труды и авторские свидетельства, но сам соиска-

Created by free-version of 2PDF

тель не пожелал идти по этому пути, он проводил сложные исследования, на это он потратил долгие годы и в результате создал новую технологию, которая должна принести экономике страны огромную прибыль, некоторые его разработки уже внедрены в производство, чем он доказал жизненность открытого им способа...

Когда объявили итоги голосования, стало известно, что все 12 членов ученого совета проголосовали за присуждение ему докторской степени, сидящие в зале ученые встретили это сообщение громкими аплодисментами. Кто-то с заднего ряда крикнул: "Молодец, степняк!" А я, разволновавшись и радуясь за своего наставника, помню лишь шептал: "Есть, оказывается, справедливость!" И не заметил, что нет уже рядом сидевшего Ебеке, увидел его только тогда, когда он поднимался на сцену, чтобы поблагодарить членов ученого совета...»

В начале следующего года ВАК без проволочек утвердил Е. А. Букетова в ученой степени доктора технических наук. Вслед за этим он получил звание профессора.

Разумеется, присуждение докторской степени руководителю института и выпавший на его долю особый успех при защите в Москве резко подняли научный престиж руководимого им ХМИ. Самое главное, сразу же возросло доверие производственников к исследованиям, которыми руководил доктор наук Е. А. Букетов. Его принимали на заводах с почтением, к его советам теперь прислушивались руководители области и старались его просьбы исполнять без проволочек. Он стал знаменитостью, ведь его единогласно признала высшая каста научного мира. Своей ученостью он прославил родной край. В Караганде, где докторов наук тогда можно было пересчитать по пальцам, перед ним буквально преклонялись... Пресса часто брала у него интервью, а в предпраздничные дни это стало традицией. Его теперь приглашали участвовать в научных конференциях и симпозиумах. В 1967 году профессор Букетов в составе делегации ученых Советского Союза ездил в Канаду на выставку «ЭКСПО-67».

Created by free version of 2PDF

Buketov University

В знак особого уважения к нему на многочисленных торжествах Евнея Арыстанулы избирали в президиум. Ученый три созыва подряд был депутатом областного Совета, он также входил в состав областного партийного комитета. Кстати, эти общественные поручения и обязанности были нелегкой ношей. Волей-неволей приходилось часами просиживать на пленумах, сессиях, собраниях, которые созывались в неделю несколько раз. Что делать, как коммунист и народный депутат, он вынужден был присутствовать на всех курултаях, скучая и досадуя из-за напрасно потерянного драгоценного времени, которого ему было отпущено судьбой не так уж и много.

Возросший авторитет руководителя, естественно, благотворно повлиял и на учеников. Самое важное, результаты исследований стали быстрее, чем раньше, внедряться в производство. Увеличилось число лабораторий, возрос штат научных сотрудников...

Защита диссертации директором ХМИ неожиданно помогла сдвинуть с мертвой точки и еще одну проблему.

Когда он вернулся в Караганду, ему позвонил президент Академии наук Казахской ССР Ш. Ч. Чокин:

— Дорогой Евней, поздравляю тебя с успешной защитой. С меня причитается подарок. Чего бы ты хотел? Скажи, не стесняйся, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Евней Арыстанулы ответил, не задумываясь:

— Шаке, помогите нам построить новое здание для института.

Президент Академии наук был несколько удивлен: Букетов ничего не просил для себя, а мог бы попросить о включении его в список на ближайшие выборы в академии, чтобы стать членом-корреспондентом или академиком, ведь среди директоров академических институтов лишь он один не имел такого престижного звания... Его личная скромность импонировала Шапыку Чокулы.

— Ладно, Евней, постараюсь на днях предпринять что-нибудь конкретное... — сказал он.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Хотя Казахстан был самостоятельной республикой, все важные вопросы, в том числе и хозяйственные, решались в Москве. Поэтому директор ХМИ вскоре отправился с письмом президента республиканской Академии наук в столицу.

Ходатайство Ш. Ч. Чокина возымело действие. Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш принял Е. А. Букетова, подробно расспросил об исследованиях, проводимых в его институте. Келдыша интересовало всё: главные направления исследований, внедрение в производство новых технологий, дальнейшие перспективы. Он остался доволен услышанным и дал добро на разработку проекта здания для ХМИ. Таким образом, аудиенция у президента АН СССР благополучно завершилась. Евней Арыстанулы был счастлив: то, о чем он мечтал все годы своего директорства, разрешилось в течение получаса. Поблагодарив Мстислава Всеволодовича, Букетов хотел уже попрощаться... «Но, дорогой, чтобы это дело окончательно довести до конца, вопрос надо согласовать с заместителем председателя Совмина СССР, председателем Комитета по науке и технике товарищем Кириллиным», — сказал Келдыш...

«...В это время в кабинет вошел подтянутый, моложавый, красивый мужчина. Хозяин кабинета вышел из-за стола и поздоровался с ним, — рассказывал мне Ебеке. — Мне бы чуточку подождать, хотя бы узнать, кто этот человек. Ведь можно было догадаться, что он — не мелкая сошка, раз заходит в кабинет президента АН СССР без звонка и доклада. Нет, я показал себя, как настоящий провинциал. Едва кивнув вошедшему, повернулся к нему спиной и снова обратился к Келдышу: "Мстислав Всеволодович, наверное, такой высокий чин, как зампред Совмина СССР, вряд ли примет меня, директора института из провинции, лучше я поеду в Алма-Ату, выйду на комитет через нашего президента..."

И тут хозяин кабинета прервал меня и улыбнулся:

— Дорогой казахстанец, зачем вам ехать в Алма-Ату, думаю, сегодня-завтра вопрос будет улажен. По-

Created by free version of 2PDF

тому что тот недоступный для вас высокий чин — ваш коллега, крупный физик и энергетик, академик Владимир Алексеевич Кириллин сидит за вашей спиной...

Я понял, какую допустил оплошность, и растерялся. Из этого состояния меня вывел добрейший Мстислав Всеволодович, представив меня зампреду Совмина СССР и лестно отозвавшись о возглавляемом мной институте, основу которого закладывали двое известных союзных академиков И. П. Бардин и К. И. Сатпаев.

— Скоро наши коллеги полностью обеспечат страну редкими металлами, — сказал Келдыш.

— Вы думаете, дефицит селена решится в ближайшие годы? — обратился ко мне Кириллин. — Я об этом немного информирован. Скажите, если есть какие-то затруднения, проблемы.

— Владимир Алексеевич, технология, которую разработали наши специалисты, уже частично внедрена на Балхашском комбинате. Идет также подготовка к ее апробации и на Урале, в частности, на старом заводе в Верхней Пышме. Полагаю, уже в этой пятилетке, во всяком случае, в следующей страна получит столько селена, сколько потребуется...

Я никогда не думал, что зампред Совмина СССР знает проблему с селеном так же досконально, как и мы, профессионалы.

Кириллин, поднявшись с места, подошел ко мне.

— Коллега, скажите, как специалисты вашего института решают проблему обезвреживания от мышьяка полиметаллических руд? Мне известно, что это очень сложное дело. Но это не причина для того, чтобы сидеть сложа руки...

В нашем ХМИ в свое время была создана группа, которая занималась мышьяком. Года три она вела исследования. Но ощутимых результатов мы пока не достигли. Честно признавшись в этом, я пояснил, что в годы сокрушительной атаки Н. С. Хрущева на науку наш институт лишился финансирования, сел на мель... Только теперь начали понемногу приходить в себя. Если будет от союзных учреждений материальная поддержка, если они проявят заинтересованность, мы го-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

товы заняться не только селеном, теллуром и мышьяком, но и всеми девятнадцатью элементами из группы халькогенов, для этого у нас есть научные кадры и огромное желание решить эту проблему...

— Хорошо, товарищ Букетов, все ясно. Поскольку вы приехали издалека, сегодня вечером для вас найду четверть часа, подготовьте свои бумаги и приходите, — сказал Кириллин и назвал номер телефона своего помощника...»

III

Научно-исследовательский институт крепок не только научной базой, но и кадрами.

Е. А. БУКЕТОВ. «Научное творчество и жизнь». «Простор», 1971 год, № 2:

«Сталь и чугун, как известно, это сплавы железа с углеродом: чугун — высокоуглеродистый сплав, сталь — малоуглеродистый. Следовательно, получение последней из чугуна сводится к выжиганию углерода для того, чтобы довести его содержание до определенных пределов, тогда чугун становится сталью. Эта операция и проделывается в конверторных и мартеновских печах металлургических заводов. Однако такое выжигание не обходится даром. В стальном расплаве накапливается избыток кислорода, и поэтому вслед за "окислением" (выжигание углерода) следует обязательный процесс "раскисления" (удаления кислорода). Раскисление, как правило, осуществляется введением в стальной расплав таких добавок, которые, присоединив к себе кислород, всплывают на поверхность ванны, образуя шлаки. Наиболее распространенными раскислителями являются марганец, кремний, алюминий — элементы, активно реагирующие с кислородом с образованием всплывающих окислов. Марганец и кремний вводятся в расплав, как правило, в виде ферромарганца, ферросилиция — специально приготовленных сплавов с железом (ферросплавов), и лишь алюминий употребляется в виде металла технической чистоты.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

...Для весьма ответственных марок стали такие комплексные раскислители составляются дорогим путем — плавлением ферросплавов и чистых металлов. Поиски более дешевого пути получения этих комплексных сплавов-раскислителей привели наших ученых к мысли о выплавке их непосредственно из марганцевых руд в электродуговых печах, ибо руды марганца в основном и состоят из природных окислов марганца, кремния, алюминия и железа. Эта идея и лежала в основе предложения Г. В. Медведева, сотрудника ХМИ, который этим занимался основательно с 1960 года. Самое удивительное заключается в том, что его предложение было очень простым, особенно устраивало нас то, что в казахстанских условиях его можно было быстро ввести в производство...»

Евней БУКЕТОВ. «Шесть писем другу»:

«Как-то иду в лабораторное здание, которое достраивается медленно (...) иду, потому что знаю, есть такой инженер Лапин (это выше представленный автором Геннадий Васильевич Медведев. — *М. С.*), *который на нижнем этаже недостроенного корпуса, соорудив себе опытную установку, трудится не покладая рук. Впервые вижу в институте опытную установку, на которой ведется эксперимент, и радуюсь. Меня встречает высокий мужчина средних лет, представляется инженером Василием Гавриловичем Лапиным* (имя и отчество — тоже переиначены. — *М. С.*)».

— Я о вас наслышан и пришел познакомиться. Говорят, вы взялись доказать чуть ли недоказуемое и что у вас неплохо получается, но до меня доходили и насмешки некоторых ваших коллег. А теперь расскажите, что у вас на уме...

— Это правда, уважаемый директор, — говорит Медведев. — У меня что-то наклевывается, да пока мало кто этому верит. Я ведь доказываю самое простое, как дважды два: на агрегатах, на которых все работают, можно из бросового материала получать ценнейший продукт, стоит только несколько изменить параметры... Вот этот самый сплав. Металлурги мне не

Created by free version of 2PDF
Buketov University

верят, пусть попробуют сами. Вы тоже не верите?.. Пожалуйста, сейчас я вам дам пробу из полученного мною сплава. Проверьте его не у нас, а в лаборатории Кармета...

— Понял вас, я верю, — не стал спорить Букетов. — А вы можете получить на этой печи ферросилиций?

— Почему бы и нет, но на это нужно время.

Марганцевое сырье, часто встречающееся в недрах Казахстана, из-за незначительного содержания марганца на металлургических заводах обычно не использовалось, между тем, если обжигать его дешевым топливом Экибастуза, можно получать ферросплавы. Самое главное, исследователь досконально изучил состав этих углей и рационально использовал их компоненты. Он выявил, что более шестидесяти процентов экибастузских углей не сгорают, безвозвратно уходят в золу, а они состоят из кремнезема (фактически это то же самое, что силиций. — *М. С.*) и обыкновенного алюминия. Медведев способом, который сам придумал, в своей электропечи получил готовые ферросоединения.

Евней Букетов пишет, что легко уловил принцип предлагаемой технологии, но с трудом верил в нее именно из-за ее чрезвычайной простоты.

— Вот и вы повторяете сплетни моих недругов! — рассердился Медведев. — У нас сейчас всезнаек и советчиков, как в каждой бочке затычек. Если предложишь что-то очень простое, сразу же начинают на голову показывать, мол, перегрев, из ума выжил. Мне не верят, что ферросплавы можно выплавлять из тех материалов, которые у нас валяются под ногами... Короче, как бы вы ни отнеслись к моей затее, может быть, и вы посчитаете меня бесшабашным, а то и чокнутым, из Караганды я никуда не уеду, если будет нужно, костьми лягу возле своей печи. В этот город я приехал с далекого Урала по настойчивой просьбе вашего заместителя М. И. Хайлова. Приехал потому, что знал: в Казахстане — горы такого бросового сырья. Однако с Михаилом Исаковичем мы не спелись, если выразиться точнее, мою идею он не признал, он хотел меня использовать как подсобника для своих экспериментов,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

да не на того напал... Рассорившись с ним, я поехал к вашему наставнику, академику Пономареву. Виктор Дмитриевич, несмотря на то что он специалист по цветным металлам, понял меня и повел к президенту Академии наук. Президент, как всем известно, ученый-геолог, не металлург, но он видит дальше иных специалистов. Академик Сатпаев без колебаний поддержал меня и выделил средства для этой опытной печи и закупки необходимого оборудования. Вот видите, настоящие ученые, не имеющие никакого отношения к моей сугубо узкой специальности, помогли мне во всем. А вы? Если вы так уверены в себе, попробуйте опровергнуть их. Нет, не сможете. Потому что я уже в первый же год получил эти сплавы. Вот они перед вами...

Действительно, Г. В. Медведев получил новый сплав из считающегося очень бедным по содержанию марганцевого сырья (18%), обжигая его вместе с экибастузским углем (кремнезема в нем было — 45%, а алюминия всего — 8%). Поскольку основой его были алюминий, марганец и силиций, исследователь назвал свою продукцию — АМС. Получил на него авторское свидетельство. Кстати, его АМС высоко оценили металлурги — его можно было использовать как раскислитель при плавке качественной стали. Но, чтобы окончательно это доказать, надо было провести полупромышленные испытания. В лаборатории ХМИ их не проведешь. А металлурги Карметкомбината по-прежнему использовали дорогостоящие ферросплавы, иначе говоря, не желали менять привычную технологию и варили сталь по старинке. Никто не хотел заниматься новым сплавом, найденным рядовым инженером. Вся загвоздка была в том, что за внедрение новшеств производственникам не платили, а свои кровные ежемесячные премиальные в случае просчета и брака они могли потерять. Фактически это была порочная практика... Самое парадоксальное и трагикомическое заключалось в том, что никто не был против нововведения Медведева, но и претворять его в жизнь никто не брался. Словом, создавалась тупиковая ситуация...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Изобретатель и руководители ХМИ, тогда еще слишком уверенные в своей правоте и уповавшие на скорый успех после первых удачных опытов в 1960 году, начали обивать пороги в различных инстанциях. Надо отдать им должное, после двухгодичных хождений им удалось добиться специального постановления Совета Министров Казахской ССР, согласно которому испытание новой технологии возлагалось на Актюбинский ферросплавный завод. А там, к их удивлению, его провели без всяких проволочек и получили АМС отличного качества. Расчеты показали, что экономическая выгода от применения новой добавки огромна. Инженер Медведев оказался прав. Производственник-экспериментатор, считавший, что ученые регалии ему ни к чему, добился выдающихся практических результатов, суливших Кармету многомиллионные прибыли.

Однако изобретателю не повезло, его новшество не было внедрено. Как говорят, не последнюю роль в этом сыграл неуживчивый, скорее всего, болезненно-эгоистичный характер самого инженера, не пожелавшего иметь соавторов. Еще, думается, ему не повезло потому, что, когда завершились производственные испытания в Актюбинске, в самом ХМИ начался раскардаш. Лабораторию черной металлургии, где работал Г. В. Медведев, отделили от ХМИ и вместе с ней автоматически всю группу создателей нового сплава перевели в филиал Центрального института черной металлургии СССР. А там изобретатель, уже на деле доказавший эффективность новой технологии, как ни странно, стал посмешищем для своих же ученых-коллег: поводом для этого послужила его статья о результатах полупромышленного испытания на Актюбинском заводе, опубликованная во всесоюзном журнале «Сталь» (1962 год, № 2). Публикуя научный отчет инженера-испытателя, редакция журнала сопроводила его противоречивым, даже отрицающим его ценность заключением: «Результаты проведенных опытов следует считать предварительными. Сплав указанного состава непригоден для раскисления...» Для изобретения —

Created by free version of 2PDF

Piktotv University

это убийственный, безапелляционный приговор, похожий на некролог... Кстати, в дальнейшем эта статья с бездоказательным, беспощадным резюме послужила директору филиала ЦНИИ Чермет М. И. Хайлову поводом для сокращения исследовательской группы Г. В. Медведева «из-за невостребованности в производстве», а самого инженера, вышедшего из его повиновения, из-за его строптивого характера уволили.

Медведев довольно долго, почти два года безрезультатно ходил по кабинетам, доказывая свою правоту и требуя справедливости. Но тщетно. Пройдя огонь и воду на этом пути, в конце 1964 года, когда стабилизировалась обстановка в ХМИ, он по приглашению Евнея Арыстанулы вернулся в институт, стал заведовать вновь открытой ферросплавной лабораторией. И, конечно, настырный по натуре исследователь, которого как ни гнули, но так и не сломали, опять приступил к опытам.

Евней Арыстанулы, хорошо знавший таких людей, считал: «Если истинный ученый одарен неординарным, строптивым характером и талантом, то за что бы он ни взялся, в конце концов, у него это получится. Можно в этом не сомневаться. А от того, кто всем всегда угождает, нечего ждать путных результатов...»

Для неистового изобретателя Г. В. Медведева вроде бы наступила полоса удач.

Е. А. БУКЕТОВ. Статья «Научное творчество и жизнь»:

«Весь 1960 г. инженер Медведев Г. В. на свой страх и риск проводил лабораторные исследования и убедился, что сплав по задуманной им технологии получится. Требовались полупромышленные опыты. Они были проведены в 1962 году на Актюбинском заводе ферросплавов, в 1965 году на Зестафонском заводе ферросплавов и в 1968 году на Ермаковском (ныне Аксуский. — *М. С.*) *заводе ферросплавов. Продолжительность собственно исследований составила год и 8 месяцев (год лабораторных опытов и 8 месяцев опытно-промышленных испытаний на трех заводах). Следовательно, восемь с лишним лет ушли на увязывание, обсуждение, убеждение, переписку...*

Buketov University

Created by free version of 2PDF

...За этой бесхозяйственной растратой государственных средств надо видеть и другой не менее отрицательный эффект морально-психологического характера. За 10 лет исследований на одни командировки израсходовано более 17 тысяч рублей, написано около 300 писем, получено намного больше; имеются протоколы десятков совещаний, заседаний и др.; а сколько телефонных, устных переговоров, докладов, обсуждений, ожиданий в приемных... Здесь заключены не месяцы, а годы заведомо пустопорожнего труда самых ответственных, самых творческих работников института. Вот чем на самом деле оборачивается "экономия" на создании материальной базы научно-исследовательских учреждений.

За десять лет исследований на эту тему израсходовано около 600 тысяч рублей. Если бы институт имел надлежащую материальную базу, то те опытные данные, которые мы имеем сегодня, были бы представлены государству в течение максимум 1,5 лет. Между тем, поскольку институт не владеет лабораторной базой, соответствующей современному уровню техники, сами лабораторные опыты проводились в неприспособленных помещениях и печных устройствах слишком малой мощности. Опыты в более укрупненных масштабах мы уже не имели возможности проводить. Надо было выходить с такими, недостаточно "зрелыми" данными на широкую арену и убеждать соответствующие инстанции в необходимости продолжения исследований, в необходимости выделения опытных агрегатов предприятий. Все описанные выше сложные перипетии в ходе исследований и начинались с этого. Между тем опытная печь со зданием и со всеми приспособлениями стоит около 60 тысяч рублей. Институт же на опытные плавки израсходовал 220 тысяч рублей, без учета расходов по подготовке печей, которые предприятия принимали на себя.

...На Карагандинском металлургическом заводе готовится к пуску третья доменная печь, почти равная по мощности двум прежним печам вместе взятым. С пуском этой доменной печи завод будет выплавлять в год 4,0—4,5 млн. тонн чугуна. Недалеко то время, когда завод будет выдавать 10 млн. тонн чугуна в год. Это будет

Created by free version of 2PDF

Vitebsk University

действительно Казахстанская Магнитка. Между тем уже сейчас Каражальско-Атасуское месторождение, расположенное западнее Караганды, с трудом обеспечивает прожорливое чрево этого гиганта железными рудами. Завод, поэтому, собирается переходить на плавку руд Лисаковского месторождения, находящегося в Костанайской области, где строится горно-обогатительный комбинат, первая очередь которого будет перерабатывать 30 с лишним млн. тонн руды в железорудные концентраты.

...Однако, как это ни парадоксально, завод ожидает получить из этой очень дешевой руды очень дорогой чугун. Дело в том, что свойства этой руды таковы, что принятые ныне на горно-обогатительных предприятиях рецепты обогащения руд и заложенные в проект Лисаковского комбината не дают эффективного обогащения и поэтому концентраты получаются бедными по железу. Из таких концентратов при плавке в доменных печах будет получаться много шлака и мало чугуна. Между тем нашим институтом при поддержке других научных учреждений предлагаются новые и более рациональные методы обогащения, а также плавки с учетом того, что в лисаковских рудах наряду с железом содержится глинозем (алюминиевое сырье), фосфор и ванадий. Детальные лабораторные опыты дают весьма хорошие результаты, но им никто не верит. Необходимы укрупненные и полупромышленные испытания. Республика подобными агрегатами не располагает. И остается воз и ныне там. "Экономия" одного или двух миллионов рублей на создание опытных установок и на соответствующие испытания завтра обернется для государству в десятки миллионов рублей потерь...»

* * *

В «ферросплавной эпопее», длившейся в ХМИ тридцать с лишним лет, с ветряными бюрократическими мельницами сражался не один инженер Медведев. В бесславной, унизительной, безнадежной борьбе было много подобных участников. И жизненный путь каждого из них по-своему поучителен...

Created by free version of 2PDF

Летом 1960 года, переведясь в Караганду, Евней Арыстанулы заинтересовался месторождениями, находящимися в Каркаралинском районе. В Кентских горах он обнаружил в нескольких местах железосодержащую руду, она лежала близко к поверхности земли. Набрав несколько килограммов образцов руды, Букетов повернул обратно, но его молодой водитель, хотевший лихо, с ветерком перескочить степную речушку, явно не рассчитал силы, и автомашина застряла в грязи. Время было позднее, уже наступали сумерки. Убедившись, что институтский старый ГАЗ-69 без помощи не выберется, Евней Арыстанулы поднялся на близлежащую сопку, стал осматривать окрестности. Вдруг он увидел дым, поднимавшийся вдали, за холмами, и пошел в ту сторону. Через некоторое время ученый добрался до чабанской юрты... Хозяин очага оказался добродушным стариком, он тут же отправил своего помощника с нужной оснасткой на подмогу незадачливому шоферу, а гостя пригласил в юрту. Когда вытащили автомобиль, уже наступила ночь. Пришлось путникам остаться здесь, хозяева угостили нежданных гостей мясом годовалого ягненка, специально зарезанного по этому случаю.

— Я рад, что вы погостили у нас... — сказал чабан за утренним чаем. — Вижу, многое вы лучше нас знаете, на то вы и ученый человек. А я своим куцым умом не могу одно дело уразуметь. С моей грамотой это трудно, известно, из воды масло не выжмешь. Может быть, вы, Ебеке, мне все растолкуете?

— Скажите, аксакал, что вас волнует...

— Я со своей старухой почти всю жизнь провел в степи, ухаживая за колхозным скотом, а теперь совхозным. Мы довольны прожитой жизнью и лучшей не желаем. Немало претерпели мы невзгод и хотим, чтобы детей наших они миновали. Тем, кто из них имел тягу к учению, не стали поперек дороги, сделали все, чтобы они учились в хороших школах. Наш первенец Токен, можно сказать, гордость нашего рода, закончив Каркаралинскую школу с серебряной медалью, захотел дальше учиться в Алма-Ате... И вот, два года тому

Created by free version of 2PDF
Buketov University

назад став инженером, устроился работать на Карагайлинский рудник. Оттуда ежедневно вагонами вывозят руду, только не знаю куда...

— Рад слышать это из ваших уст, аксакал! — оживился гость. — Однако, извините меня, я сразу не догадался. Вас зовут Габдулла, а Токен — ваш сын... Я ведь хорошо знаю этого молодца... Выходит, мы ночевали у отца моего институтского питомца Токена Габдуллина!.. А я не видел вашего первенца со дня окончания института, он же неплохо учился, джигит с головой!..

— Он здоров, женился, работает на руднике... — сказал чабан, почему-то глядя в сторону. — Наверное, мы виноваты — требовали, чтобы он жил поближе к нам, или это судьбой предначертано, не знаю, дорогой ученый гость... В общем, хваленый воспитанник ваш пока размахивает кувалдой... на кузнице. Только я этого не понимаю: неужели надо было учиться пятнадцать лет, чтобы стать молотобойцем...

Евней Арыстанулы растерялся, не зная, что ответить аксакалу.

— Не знаю, Габеке, как объяснить этот случай, но ваш намек понял. Ответ мой услышите от своего же первенца, — нашелся он наконец.

Проселочная дорога вскоре привела путников на автотрассу. Через десяток верст они оказались на развилке дорог, дорожный щит указывал: в одну сторону — Карагайлы, в другую — Каркаралы. Евней Арыстанулы, не раздумывая, скомандовал водителю:

— Сворачивай налево, заедем к сыну Габдулла аксакала...

Вскоре они оказались в рабочем поселке Карагайлы, где у подножия горы раскинулся горно-обогатительный комбинат, снабжавший свинцовые заводы республики дорогостоящим сырьем. Расспросив, где расположен ремонтно-механический цех, наши путники сразу направились в кузницу. Евней Арыстанулы сам пошел туда. В душе он не очень поверил словам Габдулла аксакала. Мог же тот ошибиться. Однако все оказалось так, как говорил чабан: его питомец в фартуке стоял у наковальни с кувалдой в руках; а другой

Created by free version of 2PDF
Buketov University

кузнец переворачивал раскаленную, брызжущую искрами заготовку у огня...

— Эй, молотобоец, подойди сюда!

Человека, закрывавшего своим огромным телом дверной проем, молотобоец сразу узнал. Растерявшись, не зная куда деваться от стыда, суетливо вытирая почерневшие от угля руки об фартук, он медленно приблизился к двери.

— Ассалаумагалейкум*, агай!

— Уалик салам**. Как дела? Чем ты занимаешься здесь?

— Да сегодня заболел наш молотобоец... — смущенно ответил Токен Габдуллин, глядя вниз, — пришлось временно заменить его...

— Ясно, а когда же у вас перерыв?

— Скоро, через час...

— Снимай фартук и садись в машину! — приказал бывший наставник, не оставляя возможности джигиту и дальше врать. Заметно было, он не в шутку расстроен, кажется, и разгневан.

Приехав в контору рудоуправления, зашли к директору. И там Евней Арыстанулы будто прорвало:

— Коллега, я возмущен вашим пренебрежительным отношением к молодым специалистам!.. Неужели у нас дипломированных инженеров развелось так много, что вы часть из них решили превратить в молотобойцев. Или это у вас такая практика, чтобы принизить местные кадры?!..

Директор стал бестолково оправдываться.

— Это только отговорки. Короче говоря, пишите приказ об освобождении инженера Габдуллина от его кузнечных обязанностей, я его забираю с собой... — перебил смущенного, ошарашенного директора Евней Арыстанулы.

Токен Габдуллин по воле случая, вернее, благодаря участию в его судьбе своего бывшего наставника попал в ХМИ, в лабораторию черной металлургии. По-

---

* Традиционное мусульманское приветствие.

** Ответ на приветствие.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

скольку вакантных мест не было, пришлось вначале оформить его лаборантом. Через год назначили инженером этой же лаборатории. Затем он поднялся еще на одну ступеньку — стал младшим научным сотрудником. Так проходили годы, они стали временем его становления и закалки. Честно говоря, у Токена не хватало смелости сказать Евнею Арыстанулы (в этом он мне признался, как близкий друг по институту, однажды при встрече в Караганде), что мизерная зарплата лаборанта, младшего сотрудника его не устраивала, ведь на нее трудно содержать семью, тем более у него были маленькие дети. В научной среде такие разговоры пресекались. Тех, кто их поднимал, презирали, считая разговоры о зарплате мелочными, не достойными будущих ученых. Существовало незыблемое правило: раз выбрал себе этот путь — надо терпеть...

Дело в том, что когда Т. Г. Габдуллин попал в лабораторию черной металлургии, эта отрасль науки в Казахстане была еще в стадии формирования. В республике еще не было специальных учебных заведений по этой специальности, а производственным объектом оставался лишь Кармет. Лаборатория черной металлургии, открытая в 1958 году в ХМИ, была единственным научным коллективом в республике, призванным вести исследовательские работы в этой отрасли.

Читателю уже известно, что приглашенный для развертывания в Караганде новой отрасли доктор технических наук М. И. Хайлов с этой задачей не справился и мешал всем, кто мог его заменить... В результате попавшая в эту лабораторию молодежь, в том числе и Токен Габдуллин, фактически долгие годы вынуждена была топтаться на месте без всякой перспективы научного роста...

В начале 1965 года, когда положение в ХМИ стабилизировалось, Евней Арыстанулы пригласил Токена Габдуллина в свой кабинет:

— Меня тревожит твоя судьба, батыр, надо что-то предпринимать, иначе ты останешься младшим сотрудником до седой бороды. Придется научного руководителя тебе искать на стороне, а здесь, в Казахстане,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ничего у тебя не получится, у нас нет таких ученых. И так ты потерял целых пять лет! Мне стыдно перед твоим отцом... Вообще-то, я давно думаю, пора нам ковать свои кадры — специалистов по черной металлургии и по ферросплавам, чтобы развернуть настоящие исследования. Иначе мы будем ждать у моря погоды, надежды же на приезжих из центра питать нечего. Не можем мы рассчитывать и на Медведева, он — не теоретик, а инженер-экспериментатор и не организатор, потому плохо справляется с обязанностями заведующего лабораторией... Теперь тебе ясна задача? — спросил Евней Арыстанулы и отправил своего питомца в научную командировку за пределы республики.

— Я пробыл в Тбилиси почти месяц, — рассказывал мне Токен, вспоминая те годы. — Это была фактически моя вторая поездка в этот город. В первый раз, в 1961 году, я познакомился с заместителем директора Металлургического института при Академии наук Грузинской ССР, доктором технических наук, профессором Михаилом Алексеевичем Кекелидзе. И в этот раз специально ехал к нему: мне было известно, что он поддерживает научные связи с нашими ферросплавными заводами, готовит для них новую технологическую разработку... Словом, Михаил Алексеевич, пойдя навстречу моей просьбе быть научным руководителем, предложил несколько тем. «Казахстанские недра богаты не только железом, но и компонентами для получения разных добавок, необходимых при плавках металлов. Поэтому, молодой человек, рекомендую вам заняться разработкой новых ферросплавов. Это будет не только престижное, но и очень полезное исследование и для вас и для дальнейшего развития вашей же промышленности...» — сказал он. Благожелательный, добросердечный от природы Михаил Алексеевич мне определил и пути, и направления поиска. Договорились, что теоретическую подготовку я буду проходить у него в институте, а лабораторные и производственные опыты проводить в Караганде, повторно-контрольные — в Грузии, на ферросплавном заводе в старинном городе Зестафони, в 180 километрах от Тбилиси...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Великий Абай учил: «В науке тот достигнет высот, кто сердце и разум ей отдает». Т. Габдуллин теперь ясно видел перед собой цель и ни при каких обстоятельствах не собирался сворачивать с намеченного пути, трудился он день и ночь. Его поиски на первом этапе исследования, как я знаю, затянулись на целых четыре года. В конце 1969 года Токен Габдуллин стал кандидатом технических наук, а через двадцать четыре года, в 1993 году он успешно защитил и докторскую диссертацию.

Ступая на эту стезю, мой друг не думал, не гадал, что станет основоположником теории и технологии производства ферросплавов в Казахстане. Поначалу он стремился просто нагнать своих сверстников, которые ушли далеко вперед, скорее защитить кандидатскую диссертацию... От лаборатории ХМИ, которую возглавлял Токен Габдуллаулы в начале 1970-х годов, жизнь требовала создания новых видов ферросплавов — добавок для выплавки качественных марок стали. И горсточка исследователей откликалась на эти насущные запросы производства. С развитием, расширением производств, их переоснащением росли и масштабы исследований ученых. В результате за сравнительно короткий срок, за каких-то десять лет в ХМИ родилась и окрепла своя научная школа. Основателем ее был Токен Габдуллин, первый доктор наук в этой отрасли. Его фундаментальные исследования легли в основу новых способов получения марганцевых и других комплексных ферросплавов, без которых невозможно получение качественных марок сталей. Под его научным руководством была разработана технология выплавки новых раскислителей — модификаторов ФАСК (ферроалюмосиликокальций) и ФАСКБа (ферроалюмосиликокальций с барием) с использованием отходов производства. С созданием этих сплавов Карметкомбинат уже смог быстро организовать выпуск новых марок — ланжеронных и судовых сталей.

Лаборатория ферросплавов института, набирая опыт, из года в год постоянно расширяла тематику исследований, оперативно решая все возрастающие проблемы черной металлургии в Казахстане.

Created by free version of 2PDF

Сайлаубек БАЙСАНОВ, доктор технических наук:

«С Евнеем Арстановичем я впервые встретился через два года после окончания института, осенью 1976 года, когда поступал к нему в аспирантуру. Предварительно с руководителем лаборатории Т. Г. Габдуллиным были оговорены тема и объем работы. Работа нам виделась как технологическая, в основном была направлена на решение проблемы одного месторождения марганцевых руд Казахстана. Но первая же встреча с Букетовым, если честно признаться, полностью разрушила мои представления о предстоящей работе. Теперь, конечно, можно представить, каково было тогда мое состояние. Помню лишь одно, что настроение было никудышным. Во-первых, вроде бы ясный план исследований был забракован, а во-вторых, та задача, которая была предложена Евнеем Арстановичем (рекомендовал он изучить поведение марганца при высокотемпературной плавке и на этой основе подойти к решению проблем руд), представлялась совершенно туманно.

Тем не менее через месяц пошел к нему с кое-как составленным планом, который должен был отразить этапы решения задачи. По всей видимости, и в этот раз вышла осечка. Евней Арстанович вернул мой план исследований: "Даю тебе полгода, разберись, как ведет себя марганец в условиях электроплавки, и выясни, какие трудности в этом вопросе, когда разберешься, тогда можно будет взяться и за план, и за работу".

Теперь, конечно, я понимаю, что так он хотел в первую очередь научить меня искать и исследовать. Евней Арстанович вникал в каждое уравнение, обоснованность каждого предложения и вывода. В итоге более двух лет мы затратили на обобщение полученных данных. Помню, несколько раз он мне говорил: "Ты, Сайлау, наверное, думаешь, почему меня этот старик держит, не выпускает, так дотошно вникает в детали. Но, поверь, все это потом тебе пригодится, спасибо мне скажешь". Работая с Букетовым, я понял, что такое наука и научный поиск, научился преодолевать трудности...»

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Присадка марганца позволяет получать сверхпрочную сталь (она применяется в машиностроении и оборонной промышленности — для литья брони танков, самолетов, пушек), а новизна исследований карагандинских ученых-металлургов состояла в том, что, используя бедные по содержанию марганца руды, которые раньше уходили в отвалы пустых пород или пока вовсе не разрабатывались, например, таких месторождений, как Жайрем, Ушкатын, Жезды и Атасу, они добивались высокого выхода марганца, стало возможным ввести бедные руды всех вышеназванных месторождений в оборот экономики. Это был перспективный путь увеличения производства сверхпрочных сталей...

Ученые-ферросплавщики из ХМИ не побоялись трудностей. Они смело взялись за решение назревшей проблемы. Надо сказать, их многолетний труд был вознагражден, в результате были созданы новые сплавы. По их инициативе на Аксуском заводе были построены два новых цеха, а затем по их предложению — экспериментальный завод ферросплавов на Украине, в городе Никополе. Кстати, они успешно работают и поныне. Точно такое же производство введено в строй в начале XXI века в Экибастузе, где получают отличные добавки к стали.

В тяжелое время, из-за разрыва экономических связей между республиками бывшего СССР Карметкомбинат и машиностроительные заводы Казахстана оказались отрезанными от производителей марганцевых сплавов. И тогда по рекомендации Т. Г. Габдуллина АО «Химпром» (г. Тараз) в 1993 году организовало производство углеродистого ферромарганца и силикомарганца из сырья Казахстана. Эти сплавы теперь используются Карметкомбинатом для получения высококачественных марок сталей. Под руководством Токена Габдуллаулы в Караганде были начаты опыты по налаживанию производства марганцевых ферросплавов и в ПО «Карбид», впоследствии на основе экспериментальных цехов родилась новая отрасль промышленности. Кстати, это позволило полностью

Created by free version of 2PDF
Buketov University

удовлетворить потребности Республики Казахстан в марганцевых ферросплавах и даже экспортировать их в страны ближнего и дальнего зарубежья.

В 2001 году за внедрение в производство безотходной технологии, отвечающей мировым стандартам, выпуск сплавов ферросиликоалюминия и серной кислоты семь ученых: Жанторе Нурланович Абишев (посмертно), Абдурасул Алдашевич Жарменов, Байсанов Сайлаубай, Светлана Ершуровна Дуйсебаева, Манат Жаксыбергенович Толымбеков, Алма Жолдасовна Терликбаева, Болат Пешатович Хасен удостоены звания лауреатов Госпремии Республики Казахстан. Между прочим, все они начали свои исследования в открытой по почину Е. А. Букетова лаборатории ферросплавов...

Т. Г. Габдуллин скончался в 1994 году от сердечного приступа в возрасте пятидесяти девяти лет, во время выборов в Академии наук Казахской ССР (он баллотировался в члены-корреспонденты НАН, но не был избран). Наверное, явная несправедливость, проявленная учеными-коллегами при закрытом голосовании, послужила для него смертельным ударом, не выдержало сердце.

* * *

Но вернемся к проблеме извлечения мышьяка, которую председатель Комитета по науке и новой технике СССР В. А. Кириллин обсуждал с директором ХМИ.

Дело в том, что извлечение мышьяка оставалось многие годы вне внимания производственников и ученых. В составе почти всех полиметаллических руд он был в сульфидной форме (значит, с серой), а в процессе отделения цветных металлов он вместе с бурыми облаками сернистого газа тоннами уходил в атмосферу. В довоенные годы, да и после все заводы Страны Советов, имевшие дело с этими рудами, на это закрывали глаза, не считаясь даже с тем, что ядовитые выбросы отравляли воздух, а при выпадении на землю в виде осадков — и почву. Ведь мышьяк очень токсичен,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

это его свойство применялось издавна при королевских дворах, когда хотели кого-то спровадить поскорее на тот свет. Самое удивительное — экологические организации, призванные охранять атмосферу, окружающую среду от загрязнения, делали вид, будто от мышьяка никакого вреда нет.

Положение резко изменилось в 1960-е годы, когда в моду стала входить химизация полей. На заводах, где получали медь, никель, свинец, цинк, начали улавливать сернистый газ, раньше уходивший в небо, спешно понастроили дополнительные цехи, на заводских трубах установили уловители. Теперь газ стал источником серного ангидрида, основы серной кислоты, а та, в свою очередь, использовалась для производства азотных удобрений. Вместе с сернистым газом фильтры улавливали и мышьяк. А куда девать его и где хранить сильный яд — никто не знал. Попадание его в удобрения, в почву, воду или воздух грозило экологической катастрофой. За этим строго следили международные организации, они могли наложить многомиллионные штрафы, устроить мировой скандал, что било по финансам и престижу Советского Союза. Короче говоря, вопрос отделения мышьяка от всей массы руды или улавливания его в горловине дымоотводов, а также хранения многих тысяч тонн яда — стал перед учеными во весь рост, решение его уже нельзя было откладывать на завтра...

Что это когда-нибудь произойдет, знали все ученые и специалисты, имевшие дело с полиметаллическими рудами. Предвидел это Евней Букетов. С опасным элементом он столкнулся, занимаясь выделением селена и теллура. Но в то время он имел дело с малыми объемами, соединения мышьяка хранил в сейфе. Он каждый год включал исследования по мышьяку в тематический план института, но, увы, из-за ограниченных средств каждый раз переносил их на следующий год. Думается, напоминание академика В. А. Кириллина о мышьяке дало толчок его мыслям в этом направлении. Тем более отделение и утилизация мышьяка становились задачей не только союзной, но и

Buketov University

Created by free version of 2PDF

мировой науки. Удачное решение ее неизмеримо подняло бы авторитет любого НИИ. Почему бы не взяться за это ХМИ?..

«Работая с медеэлектролитными шламами, мы, конечно, знали о проблемах электролитического рафинирования меди. И вот в 1969—1970 годы по инициативе Евнея Арстановича мы взялись за выведение примесей, в первую очередь мышьяка, сурьмы и никеля из электролита рафинирования. Определенные успехи и здесь были достигнуты, а в плане реализации существенно большие, чем с халькогенами. По этой теме под руководством Евнея Арстановича были защищены диссертации Е. Е. Дюсембаевой, С. Н. Новик, М. Ш. Шариповым, А. В. Стряпковым и А. А. Жарменовым. Это направление в ХМИ продолжает развиваться. В 1978 году академик В. И. Спицын на первом Всесоюзном совещании по халькогенам предложил мышьяк занести в число халькогенов...» — писал М. З. Угорец в воспоминаниях о своем наставнике...

Событие, когда элемент, который прочно стоял в таблице Д. И. Менделеева на своем законном месте в течение почти ста лет, согласно своему атомному весу, вдруг присоединяют к группе халькогенов, для химиков далеко неординарное. Сенсацию среди ученых это сообщение вызвало еще и потому, что об этом официально заявил на Всесоюзном совещании ведущих химиков страны не докладчик, выступавший от имени коллектива ХМИ, где велись эти исследования, а москвич, авторитет в области химии, директор Всесоюзного института физической химии, академик В. И. Спицин. Его активно поддержала другая докладчица, заведующая кафедрой МГУ, профессор МГУ, Герой Социалистического Труда, академик Александра Васильевна Новоселова.

Практически это была самая высокая оценка достижений группы Букетова, занимавшейся около двадцати лет мышьяком, в результате чего были решены проблемы выделения его из общей массы и хранения. Кто же эти первопроходцы? В своих воспоминаниях Марк Залманович Угорец поименно называет пятерых

Created by free version of 2PDF
Buketov University

исследователей. А мы к ним присоединим и шестого, притом главного «виновника» переворота в истории халькогенов.

В «Шести письмах другу» Евней Арыстанулы подробно рассказывает о своем ученике — Акылтае Игембаеве, ставшем правой рукой его в первые годы работы в ХМИ: «Акылтая... мы назначили ученым секретарем, польстившись на то, что он неплохо показал себя как младший научный сотрудник, отличаясь вдумчивостью и исполнительностью. Переводя на должность ученого секретаря, мы его предупреждали, чтобы он не забывал свои исследования, в которых имел заметный задел. Между тем Акылтай, очень аккуратно и усердно исполняя свои должностные обязанности, понемногу охладел к науке, и я это заметил сразу. Он оказался из тех, кто не может успешно заниматься двумя делами одновременно. Не отличаясь честолюбием, он со временем решил, по-видимому, довольствоваться тем, что есть... Все же мы решили перевести Акылтая на научную работу, где он продвигался спокойно и уверенно, благодаря своему усердию и аккуратности и был избран руководителем лаборатории, и, видимо, недалеко то время, когда он станет доктором наук».

Но, как видим, автор повествования не раскрывает, чем же Акылтай Игембаев конкретно занимался. На то были причины — тема-то была секретной. Поэтому Е. Букетов намеренно умалчивает об объекте исследования — мышьяке. Сейчас, по прошествии десятков лет, об этом уже можно писать.

Во-первых, сразу же раскроем секрет автора «Шести писем другу»: названный в книге Акылтай Игембаев — это в действительности Сагынтай Макатулы Исабаев. В ХМИ он начал работать с осени 1958 года, то есть со дня основания, вырос и, можно сказать, постарел вместе с этим коллективом (сейчас ему уже более 70 лет). Он учился в КазГМИ вместе со мной в течение пяти лет на одном факультете. Позднее, хотя мы жили в разных городах Казахстана, расположенных друг от друга в семистах с лишним километрах, посто-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

янно общались, поэтому у моего друга никогда не было тайн от меня, я знал, чем занимался Сагынтай Исабаев на научном поприще... Ниже приводится отрывок из письма доктора технических наук, профессора С. М. Исабаева, написанного мне в августе 2003 года:

«В 1972 году Евней Арстанович меня ориентировал на проблему очистки газовой серы от мышьяка. И с этого момента при постоянном и внимательном отношении Ебеке мне пришлось со своей группой изыскивать нетоксичные формы мышьяка, методы его вывода из состава руд и дальнейшего обезвреживания и утилизации... Наш поиск оптимальных путей решения этой сложной задачи длился долгие годы, о масштабности проводимой работы свидетельствует даже такой красноречивый факт: только в 1991 году, через двадцать лет после начала исследований, я смог защитить свою докторскую диссертацию в ученом совете Иркутского политехнического института; фактически она охватила все аспекты, касающиеся выделения мышьяка в цветной металлургии; а через год после защиты я получил звание профессора по специальности металлургия цветных и редких металлов... Но зато я могу теперь уверенно заявить, что с честью выполнил поручение своего наставника. Проблему выделения мышьяка и его утилизации мы решили, в частности, по очистке от него всех руд цветных и благородных металлов.

Между прочим, в свое время наши исследования были приоритетными для Казахстана в рамках союзного министерства, особенно для многотысячного коллектива Главалмаззолото. Нашими изобретениями по этой проблеме заинтересовались зарубежные компании. Мне довелось по их приглашениям неоднократно выступать с докладами перед своими коллегами в Китае, Германии, США и Австралии... Ебеке радовался нашим успехам, как будто все это сам осуществил. Помню, когда я выезжал в загранкомандировки с научными докладами и на научные консультации в зарубежные фирмы и компании, то по приезде домой Ебеке дотошно, с жадным интересом, подробно расспрашивал меня об исследованиях у них,

Created by free version of 2PDF

об уровне их науки. Когда я говорил, что они не совсем уж далеко ушли вперед, даже кое в чем отстают, Евней Арстанович, как мальчишка-школьник, ликуя, хлопал меня по плечу: "Вот видишь, батыр, мы вовремя раскрутили это дело, значит, этот успех надо скорее закрепить. Тебя, Сагынтай, ждет мировая слава!.." Надо признать прямо, в таких вещах он, наш наставник, отличался удивительной проницательностью, и хотя мы уже были учеными со степенями, он глубже нас всех вникал в суть любой научной концепции. И, конечно, видел дальше нас. После неожиданной смерти учителя мы, его ученики, осиротели и разом лишились этого дара...»

* * *

Не всем ученым, как Ньютону, падает яблоко к ногам. И не всем открывается закон всемирного тяготения или теория относительности. Немало бывает у ученых и зря потерянных дней. Они так же ошибаются, как и все смертные, и не все предположения и ожидания их сбываются. Но все-таки божья искра, которой они наделены, иногда вдруг по-новому осветит привычное и, казалось бы, незначительное явление и заставит задуматься. Научная интуиция порой подсказывает верный путь к открытиям.

Особым научным чутьем обладал Евней Букетов. Основой его интуиции были фундаментальные знания. Он мыслил категориями термодинамики и кинетики, а точнее — законами самой синтетической науки — физической химии. Это позволяло ему, не вдаваясь в детали, которые он оставлял на разработку своим ученикам, определять стратегические направления исследований. Безусловно, помогало и его художественное воображение, и писательское ви́дение.

Однажды Е. А. Букетов попросил кандидата физико-математических наук Нурахметова (в автобиографическом труде Евней Арыстанулы так называет академика НАН Зейноллу Молдахметова), в те годы работавшего в другом коллективе, исследовать одно химическое соединение с помощью математического

Buketov University

Created by free version of 2PDF

анализа. «Я предложил ему заглянуть в молекулярную природу соединения, которое мы синтезировали и свойства которого хотели досконально изучить, — пишет Букетов. — Работая с этим соединением, Нурахметов убедил меня, что необходимо приобрести дорогой, стоивший не один десяток тысяч рублей прибор, способный фиксировать энергетическую напряженность внутри вещества на молекулярном уровне. По показаниям этого прибора он вывел такие математические уравнения, суть которых мой неискушенный, теряющийся в лабиринтах математики ум не мог постичь даже при самых предельных усилиях, хотя конечные выводы из этих уравнений были понятны и очень удовлетворяли — это он специально нас морочит и пишет "китайскими иероглифами", чтобы их никто из нас не мог прочитать, — зубоскалили над Нурахметовым его товарищи...»

Любопытно, чем закончились математические умствования молодого физика: по совету директора ХМИ он поехал в Москву и показал свои уравнения тамошним светилам. По правде говоря, попытка заглянуть «внутрь» химического элемента и объяснить все происходящее там языком математики была очень смелой и оригинальной. Молодой физик, сам того не ведая, вручил своим коллегам заветный ключ, открывающий тайны химических соединений. Словом, получилось так, что этот способ очень помог им, заодно и химической науке, и впоследствии с помощью этого метода стало возможным более точно исследовать химические соединения.

Московские ученые на ура встретили нововведение молодого физика, они единогласно заявили, что ему можно за это сразу дать ученую степень доктора наук без защиты диссертации. З. М. Молдахметов вскоре стал доктором химических наук, вокруг него сгруппировались молодые ученые, его последователи. «Пришел... сегодня навестить меня спокойный, улыбающийся, красивый брюнет, молодой доктор химических наук Нурахметов. Он — бывший кандидат физико-математических наук, и тем не менее он считает себя

Buketov University

Created by free version of 2PDF

моим учеником, поскольку его, физика, мы удачно переделали в химика...» — завершает автор «Шести писем другу» свой рассказ о Зейнолле Молдахметулы.

Зейнолла Молдахметов впоследствии стал ректором Карагандинского университета, действительным членом Академии наук Казахской ССР. А из его талантливых учеников через годы выросли крупные деятели науки.

* * *

Евней Арыстанулы сумел собрать вокруг себя исключительно способных, одаренных молодых людей. Их было много, о каждом из них можно написать целостный рассказ о том, как под руководством своего устаза-учителя они дружно покоряли один бастион науки за другим. За 23-летнюю трудовую деятельность Букетова в Караганде под его личным руководством защитили кандидатские диссертации 60 человек, впоследствии из них 24 стали докторами наук, а 13 ученых из этой когорты за последние десять лет удостоены Госпремии Республики Казахстан. Все они вложили немалую лепту в укрепление экономической мощи государства, обогатив научную школу, основанную своим наставником, блестящими изобретениями. И невольно возникает вопрос: как бы мы продвинулись вперед, если бы каждый доктор наук после себя оставил такую плеяду талантливых учеников?!.. К сожалению, не всем это удается, не всем дано пожинать такие плоды. Наверное, поэтому из уст Евнея Арыстанулы я лично неоднократно слышал, что он счастлив своими учениками...

Хочу обратить внимание на одно важное обстоятельство: Евней Арыстанулы был по духу интернационалистом, никогда не различал и не делил попавших под его непосредственное руководство молодых специалистов на жузы и кланы, не спрашивал о национальности (между тем тогда в Казахстане обычно отбирали приближенных по принципу землячества, процветало кумовство). Для Букетова главными факторами служили деловые качества, способности, стрем-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ление к научным исследованиям и еще трудолюбие и честность. В ХМИ учились и работали молодые парни и девушки со всех концов Казахстана, из России — из Новосибирска и Томска, Кыргызстана. Добавим к сказанному, что из ХМИ не убегали в другие институты в поисках более выгодного местечка, если были таковые — то единицы. Не случайно здесь укрепилось железное правило: кто попадал в коллектив ХМИ, тот обязательно получал научную степень.

Это кредо: «оценивать человека только по труду и умению» помогло высоко поднять престиж нового института.

IV

Неустанные научные поиски дали свои плоды. Об этом рассказано в «Шести письмах другу»: «Приходилось прибегать ко всякого рода изобретательности, чтобы порой не столько убедить, сколько прорвать, пробить удивительное равнодушие инженеров-производственников и руководящего звена, не высказывавших как будто никаких принципиальных возражений, но не предпринимавших ничего, чтобы нам помочь. Это, конечно, приводило к неописуемым трудностям... Необходимо было, скажем, проводить испытание на месте, на самом предприятии, привлекались к делу заводские инженеры, которые сразу же попадали в ранг чуть ли не научных сотрудников нашего института и впоследствии, вначале под моим руководством, а затем под руководством моих учеников, продолжая научные изыскания, они становились кандидатами наук. Такими воспитанниками института мы очень гордились, на производстве они были активными проводниками наших идей, облегчали хлопоты по внедрению многих наших работ».

Наглядное свидетельство тому — продолжавшаяся много лет плодотворная совместная работа с Балхашским горно-металлургическим комбинатом, которая

Created by free version of 2PDF
Rikeon University

привела к коренному изменению технологии и извлечению редких элементов в таких объемах, что предприятие получило многомиллионный доход. За такие достижения Е. А. Букетову и нескольким ведущим инженерам этого предприятия в 1969 году была присуждена Госпремия СССР.

* * *

Чуть раньше мы говорили о том, что группа М. З. Угореца, которая занималась извлечением халькогенов гидрометаллургическим методом, впервые в Советском Союзе применила автоклавы. Этот метод хотя и не сразу получил широкое распространение, но все же постепенно вошел в практику производственников. И тут надо отметить заслугу двух исследователей ХМИ — Владислава Григорьевича Шкодина и Нуралы Султановича Бектурганова, которые стали инициаторами внедрения автоклавов в производство. В частности, большой эффект это дало на Жезказганском медном заводе. От нововведений коллектив завода получил миллионы рублей прибыли. А затем этот автоклав стал применяться и на Жамбулском заводе фосфорных солей.

* * *

В 1980-е годы в ХМИ работала уже добрая сотня первоклассных научных сотрудников, им помогали столько же отлично подготовленных лаборантов, младших научных сотрудников, инженеров. Здесь проводились крупные исследования по разным направлениям металлургической науки, разработки ученых ХМИ, хотя и с задержками, стали внедряться в производство по всему Союзу и приносить огромные прибыли. С повышением спроса на ряд редких элементов, особенно на халькогены, слава ХМИ, как головного института в этой отрасли науки, шагнула за пределы республики. Желающих, чтобы Букетов стал оппонентом соискателей докторских степеней, было немало...

Created by free version of 2PDF

Buketov University

В 1969 году Евней Арыстанулы впервые принял участие в выборах Академии наук Казахской ССР. Видимо, у него не было сомнений, что он станет членом-корреспондентом по отделению технических наук. Ведь докторскую диссертацию свою он с блеском защитил в самой Москве; одна из главных его разработок внедрена в производство, за что он уже был включен в число претендентов на Госпремию СССР; ученый почти десять лет возглавлял крупный академический институт; под его руководством защитил диссертации добрый десяток аспирантов, он фактически создал свою научную школу; а с 1967 года наряду с научной работой он совмещал должности заведующего кафедрой общей химии и профессора Карагандинского политехнического института...

Но, увы! При голосовании недобрал два голоса. Что поделаешь, значит, сам виноват. После сессии Академии наук вернулся в Караганду. Своим коллегам и близким он так объяснил свой провал: «Получилось, как во всем известной сказке, проиграл я эти выборы, подобно верблюду, который, понадеявшись на свой высокий рост, не предпринял никаких действий, думая, что победа ему достанется просто так... Но ничего, от этого моя работа нисколько не пострадает...»

По правде сказать, завет К. И. Сатпаева: «Развивать науку с чистым сердцем и благородными намерениями» постепенно стал забываться. Некоторые высокопоставленные лица без зазрения совести стали протаскивать в академию своих земляков, сородичей и единомышленников. Именно по этой причине кандидатура Евнея Букетова не прошла в тот год. Поэтому он не захотел вторично участвовать в выборах, дополнительно объявленных весной следующего года. Но друзья из Алматы, в том числе и один сочувствующий коллега из канцелярии президента Академии наук, настоятельно ему советовали: «Ебеке, зря обиделись. В Казахстане ученых, таких как вы, лауреатов Госпремии СССР — единицы. Попробуйте еще раз, думается, что вы на этот раз наверняка пройдете. Между прочим, это предположение и президента Академии наук...»

Created by free version of 2PDF

Скрепя сердце пришлось еще раз сдать положенные документы. А президентом академии уже был его близкий друг со студенческих лет — Шахмардан Есенов, которого избрали три года тому назад вместо академика Ш.Ч.Чокина, как говорил ученый мир, снятого из-за своего упрямого характера и оказавшегося в немилости у первого лица в республике...

Со второй попытки ученый-металлург был избран членом-корреспондентом АН Казахской ССР. А через пять лет Е. А. Букетов удостоился и звания академика.

V

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.

Так начинается знаменитая поэма Сергея Есенина «Анна Снегина». К сожалению, мои современники долгие годы не имели доступа к замечательным творениям легендарного поэта. Советская идеология объявила их упадническими и не позволяла их публиковать. Лишь в 1955 году, после шестидесятилетия со дня рождения Есенина, в стране вновь зазвучали его чистые и нежные стихи.

Одним из первых, кто заинтересовался в Казахстане наследием Сергея Есенина, как ни удивительно, был не профессиональный литератор, а Евней Букетов, который считал себя всего лишь любителем русской поэзии. Отдыхая в 1962 году на берегу Черного моря, где родились знаменитые есенинские «Персидские мотивы», ученый-металлург начал переводить «Анну Снегину». Мы уже говорили, что он еще в школьные годы увлекался стихами Есенина, которые ходили в списках. А теперь взрослым джигитом безраздельно завладела полная страсти и муки неповто-

Created by free version of 2PDF
Buketov university

римая музыка есенинской лиры. Он работал ночью и утром и через две недели завершил перевод.

Трудно передать все нюансы перевода, сохранившего всю простоту, напевность, искренность произведения русского гения, но нельзя не признать, что переложение его на казахский язык, на наш взгляд, сделано мастерски. Чтобы убедить читателя в этом, мне пришлось бы цитировать большие части оригинала и перевода, сравнивая отдельные строки, слова, и доказывать их идентичность. Тогда получился бы целый филологический трактат. И это увело бы повествование в сторону от основной темы, поэтому отмечу лишь одну характерную особенность новой работы Евнея Букетова. Тщательно сличив перевод с оригиналом, я убедился, что он с первой и до последней строки сохраняет неповторимые интонации Есенина, точно, как истинный художник слова, описывая село, раздолье полей и переломное время в деревне, когда «брат на брата лез». Впечатление такое, как будто поэма писалась по-казахски. Переводчик передал не только смысл, но и эпический, неторопливый ритм повествования. Сохранен и размер. Но одновременно внесены такие характерные слова, делающие произведение близким казахскому читателю. Например: обобщенное есенинское определение в четвертой строке — «наши места» при переводе вдруг превращается в конкретное понятие — «даламыз», что означает — «наши степи». Это сделано не просто ради рифмы, а сознательно, чтобы наш читатель поэму воспринял так, как будто она написана автором на казахском языке. И такие штрихи, придающие поэме местный колорит, прослеживаются до конца перевода. Такова творческая палитра Евнея Букетова.

Нашей читающей публике широко известно восьмистрочное стихотворение Иоганна Гёте, написанное экспромтом в 1780 году на стене охотничьего домика в окрестностях города Ильменау, у подножия горы Кикельхан, названное впоследствии «Wanderers Nachtlied» — «Ночная песня странника». В стихотворении описывается первозданная природа, философски

Created by free version of 2PDF
Buketov University

осмысливаются царящие в ней мир и покой. Шедевр поэтического творчества Гёте переведен почти на все языки мира. Переводили его и русские поэты, известны десятки вариантов. Один из них принадлежит М. Ю. Лермонтову. А через него эти строки дошли и до казахских степей. В 1893 году их перевел классик казахской литературы Абай Кунанбаев. Поразительно то, что эти чудные восемь строк у Гёте, Лермонтова и Абая звучат на родном языке по-разному, спящую природу каждый из них изображает по-своему. У Абая, например, чудным сном дремлют горы в казахской степи («Карангы тунде тау калгып, уйкыга кетер балбырап»); а у Лермонтова — «Горные вершины / Спят во тьме ночной»... У каждого поэта стихотворение воспринимается как истинно родное. Это и есть мастерство. И нельзя их обвинять в том, что они переиначили по-своему, исказили первоисточник. Нет, они передали его в соответствии со своим национальным восприятием и сделали это гениально.

Разумеется, Евней Букетов, воспитанный на лучших образцах мировой и национальной поэзии, стремился следовать классическим примерам.

Есенин — поэт чуткого сердца и светлой печали, тоскующий о чуде и радости чистой любви, кровно связан с Русью. По определению М. Горького, он «сгусток всего русского характера, собравший в себе все его черты». Передать всю святую правду, горечь и трагизм стихов, созданных таким чародеем, как Есенин, — очень сложно. Переводы его произведений на казахский язык по разным причинам откладывались на неопределенный срок. Что нужно, чтобы лирика такого поэта, как Есенин, глубоко национального по духу, зазвучала во всей своей мощи на казахском языке? Нужен талант переводчика, способного подняться на высоту поэта...

Казахские литераторы, в том числе симпатизировавшие Евнею Букетову, считали его большим ученым-химиком, но скептически относились к его литературным занятиям. Разумеется, они были очень удивлены, прочитав его поэтические переводы. Он не-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

плохо справился с переводом комедии В. Маяковского «Клоп», впоследствии по ней были поставлены спектакли в некоторых казахских театрах... А увлечение Букетова Есениным не закончилось «Анной Снегиной», позднее он перевел его знаменитую «Русь Советскую», стихи «Собаке Качалова», «Письмо к женщине». «Евней Букетов дивную поэзию Есенина превращает в истинно казахские стихи, нисколько не обедняя первозданную суть русской речи. Эти, присущие русскому языку черты удивительно сохранены в переводе, потому что переводчик глубоко постиг содержание и эмоциональность стихов русского поэта...» — писал известный критик Мухамеджан Каратаев о первых пробах ученого-химика в этом жанре.

Впоследствии Евней Арыстанулы перевел стихи А. К. Толстого, С. Надсона, поэму В. Маяковского «Хорошо!». Казахские зрители знали замечательный перевод Мухтара Ауэзова — «Укрощение строптивой» Вильяма Шекспира. Но после Ауэзова, скончавшегося в 1961 году, никто у нас не брался повторить своеобразный подвиг истинного мастера художественного слова и перевести другие произведения английского классика. А в 1970-е годы Евней Арыстанулы по заказу режиссеров казахских театров перевел с русского две драмы Шекспира — «Макбет» и «Юлий Цезарь». Они были поставлены на сцене Карагандинского драматического театра, роль Цезаря великолепно сыграл замечательный актер казахской сцены, специально приглашенный из Алматы, народный артист Казахской ССР Нурмахан Жантурин. Эти драмы не сходили со сцены много лет. Мне посчастливилось посмотреть новую постановку «Юлия Цезаря» в 2005 году. Думается, успех шекспировских шедевров на сцене казахских театров объясняется не только мировым именем автора, но и великолепным переводом Евнея Букетова.

Однако вернемся к переводу «Анны Снегиной». Эта работа Букетова впервые увидела свет в декабре 1962 года в карагандинской областной газете. А республиканская литературная газета «Казах адебиети» опубликовала его перевод только 8 января 1971 года.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Отдельной книжкой его переводы С. Есенина были изданы алматинским издательством «Жалын» лишь в 1978 году под названием «Моя любовь».

Я не раз задумывался: почему Евней Арыстанулы вдруг занялся Есениным, притом его самой сокровенной поэмой? Притом он наверняка знал, что будут трудности с изданием. Чтобы ответить на этот вопрос, придется вкратце пересказать содержание поэмы...

Типичное русское село — Радово (читатель в нем угадывает Константиново — родное село поэта), средняя полоса России, конкретно — Рязанщина. В поэме описаны жители — крестьяне-труженики, деревенская беднота, есть единственный барский богатый дом на бугре, из его хозяев выделена молодая помещица Анна Снегина, «девушка в белой накидке». Время здесь идет медленно: сеют хлеб, убирают, каждый размеренно ведет свое хозяйство, иногда гуляют; выпукло показан крестьянин-бедняк Оглоблин Прон, постоянно мечтающий о лучшей доле в будущей жизни, рядом с ним живут бунтари-крикуны и бездельники, такие как вечно пьяный «герой» Лабутя; часто сходятся и дерутся парни Радова с соперниками из соседнего села... И вот грянул 1917 год. И вихрь революционных бурь за какие-то три-четыре года на корню разрушил старый уклад деревенской жизни: хозяйства крестьян пришли в упадок; барский дом отобран бунтарями-крикунами и в пылу кровавых баталий бессмысленно сожжен, а хозяев дома судьба разбросала по белому свету; «девушка в белой накидке» — Анна Снегина оказалась в Лондоне... Оглоблин Прон теперь носится с мечтой быстрее открыть коммуну, однако ему мешают «отсталые» мужики, те самые закоренелые собственники... Словом, все обитатели Радова ушли далеко от привычной жизни, все, что у них было, — разрушено, но и к новой жизни еще не прибились — нет согласия и организованности. Короче говоря, уже нет прежней русской деревни...

В душе поэта тяжелый осадок: щемящая грусть о безвозвратно канувших в прошлое днях молодости, эту грусть не утопить в вине, не развеять никакими путе-

Created by free version of 2PDF
Библиотека Университета

шествиями ни по России, ни по Европе, ни по Америке, и, устав от всего, он возвращается в родное Радово. Здесь его ждет залежавшееся письмо к нему Анны из Лондона, которое передал ему добрый мельник. И происходит чудо: герой поэмы и его первая юношеская любовь — «девушка в белой накидке» через годы, после краха всего, разора и многолетней разлуки, теперь понимают друг друга, важную даму и знаменитого поэта объединяет тоска по утерянной Родине; оба как бы на расстоянии мыслями и сердцами соединяются в единое целое. Это ярко выражено в признании Анны Снегиной:

Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.

У поэта-рассказчика такие же чувства, он готов отвечать ей взаимностью.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были!..
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас...

«Анна Снегина» — последняя крупная вещь Сергея Есенина. Мы никогда не узнаем, получила ли героиня ответ поэта и что стало с ней в дальнейшем. Но читателю ясно: ту Россию уже не вернуть, и он и она потеряли ее и друг друга — навсегда. Хотя автор не говорит об этом открыто, но мы отчетливо осознаем, что во всем этом повинен пожар революции, Гражданская война, потрясшая Россию...

Вот почему эта поэма не была широко растиражирована, ее старались не замечать, а публикуя, обязательно сопровождали послесловиями, относя произведение к заблуждениям «малограмотного» деревенского поэта, не понявшего «революционных преобразований»...

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Теперь, читатель, вспомните, что случилось в те же и более поздние годы в казахской степи: то же разрушение старого уклада жизни кочевников-степняков, в результате чего массовые перемещения бывших животноводов в глубину России, в Китай и Монголию; исчезновение с лица земли казахских аулов; гибель от голода почти половины степного населения... Об этом шла речь в первой главе настоящего повествования, когда мы рассказывали о мытарствах трех семей Букетовых.

И у Евнея была, как у автора поэмы, неразделенная любовь. Личная драма и трагедия народов сближали поэта и переводчика.

...Мы сидели на берегу водохранилища, названного Сергеевским, перед нами сверкала на солнце водная гладь, простиравшаяся вдаль на много десятков километров. Два восьмидесятилетних старика — друзья детских лет Евнея Арыстанулы рассказывали мне о старом ауле Алыпкаш с тремя его разветвлениями, расположенными издавна в этих местах. Вспоминая свои аулы, они указывали место на поверхности водохранилища, где когда-то стояли родные дома, теперь все три аула исчезли, они остались на дне появившегося здесь рукотворного озера. Правда, сохранился могильный курган предков этих стариков и в том числе и Букетовых.

Летом 1962 года все Букетовы приезжали сюда, на родину, на этот старый могильный курган, чтобы похоронить скончавшуюся в Караганде мать Бальтай. А через некоторое время Евней Арыстанулы оказался на берегу Черного моря, в Одессе. И тогда, думается мне, в эти дни еще не улегшейся скорби он, вдруг вспомнив отроческие годы и все пережитое им, своих аульчан-земляков, снова прочитав «Анну Снегину», стал по-казахски перекладывать разбередившую его сердце лиро-эпическую поэму русского гения. Что получилось из этого, читателю известно...

Сознаюсь, все это мне открылось только летом 2003 года, когда я посетил родные места Евнея Арыстанулы.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Студенческие годы — счастливейшее время. Каждый студент полон высоких помыслов и романтических мечтаний, в каждом сидит эдакий Васька Буслаев или Камбар-батыр, готовые перешагнуть любые расстояния и свернуть любые горы. Сила-то у них по жилам так и переливается. Долг университета, значит, и долг каждого преподавателя направить эту силу по нужному руслу, никак не лишая молодость вечных ее качеств — восприимчивости, любопытства, задора.

Е. А. БУКЕТОВ.
Второй в республике

Глава 9

«ДРУЗЬЯ, ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПУСТЬ КАЖДЫЙ ВСТРЕТИТ, КАК ЕВНЕЙ»

I

В первых числах нового, 1972 года директора ХМИ пригласил к себе первый секретарь Карагандинского обкома партии В. К. Акулинцев. Василий Кузьмич, по заведенной в те годы незыблемой традиции, был посланцем Москвы. Первого руководителя этой огромной области, центра угольной и металлургической промышленности всегда направляли из столицы Союза. В отличие от других Василий Кузьмич был знающим и компетентным человеком, хорошо разбирающимся в многоотраслевом хозяйстве области, волевым, опытным организатором.

Василий Кузьмич приветливо встретил ученого, поздравил с окончанием строительства нового корпуса ХМИ:

— В нашем регионе впервые построено такое великолепное типовое здание для научного учреждения, это не только для вас, ученых, но и для нас огромная

Created by free version of 2PDF
Buketov university

радость!.. Хочу, уважаемый Евней Арстанович, специально поехать и поглядеть на него. Хороший подарок получили к Новому году!..

Директор ХМИ, в свою очередь, поблагодарил первого руководителя области за его личное участие в успешном завершении затянувшегося строительства здания института.

В 1941 году Акулинцев окончил Магнитогорский горно-металлургический институт, трудовую биографию начал технологом на Златоустовском металлургическом заводе, потом работал начальником смены, в общем, боевое крещение прошел у доменной печи. Евней Арыстанулы узнал эти подробности из уст самого Василия Кузьмича в день знакомства.

— Евней Арстанович, — обратился к ученому первый секретарь, — вы, разумеется, в курсе, что в прошлом году Совет министров СССР принял постановление об открытии в Караганде государственного университета? Это будет второй университет в республике. Наверное, излишне будет объяснять вам значение этого события.

— Василий Кузьмич, — живо откликнулся Букетов, — я могу сказать одно: страна, в которой есть хотя бы один университет — уже просвещенная страна, а если в стране несколько университетов — это уже страна высокой культуры и науки... Для нас открытие второго университета — историческое событие. Это седьмое высшее учебное заведение в Караганде, здесь уже действует академический институт, в перспективе откроются новые, в общем, закладывается мощный научный центр...

— Рад, что вы с таким энтузиазмом восприняли это событие! — ответил Акулинцев. — Евней Арстанович, мы тут посоветовались и решили назначить вас ректором нового университета. На вас, можно сказать, возлагается историческая миссия!..

Евней Арыстанулы, приподняв голову, растерянно озирался вокруг, будто бы тесно стало ему в огромном кабинете первого руководителя области. Перевел взгляд на стену, где висел портрет В. И. Ленина, потом

Buketov University
Created by free version of 2PDF

на кусок стального литья на столе секретаря и умоляюще посмотрел на Акулинцева:

— Василий Кузьмич, ваше предложение мне льстит. Обязанности ректора вуза мне знакомы. Я не боюсь трудностей, связанных со становлением нового университета, но меня беспокоит другое. Поймите меня правильно: сколько сил и труда я вложил в укрепление ХМИ, ведь наши исследования только-только начали давать ощутимые результаты. Как же мне все это оставить в такой момент?.. Мне будет очень жаль, если опыты останутся незаконченными, потом за это я буду всю жизнь корить себя! Как ученый-металлург, я уже кое-что сделал, но сколько еще планов. Да и, поверив мне, очень многие молодые люди пришли в институт. Десятки соискателей готовятся к защите кандидатских диссертаций, а некоторые — уже докторских!.. Извините меня, Василий Кузьмич, не могу я расстаться со своей наукой. Наставником-педагогом молодых я уже был. Знаю, не по мне это занятие!..

— Евней Арстанович, посмотрите, сколько ученых в Москве, не отрываясь от науки, работают в вузах. Я понимаю вас: бросать своих учеников на полдороге не по-джентльменски. Но я же не заставляю вас совсем покидать стены ХМИ, — сказал секретарь обкома.

— Одно дело, Василий Кузьмич, каждый день быть с ними в лаборатории и проводить опыты, другое — давать советы из кабинета ректора университета.

— И все-таки, уважаемый Евней Арстанович, подумайте о нашем предложении! Вы же сами говорите: если к шести вузам и вашему ХМИ прибавится университет, то откроется путь к созданию нового научного центра в Казахстане... И создание университета — важное звено, а может быть, и главное в этом деле. Кому же его возглавить, если не вам?..

Последние слова первого секретаря поколебали сопротивление Евнея Арыстанулы. Все, кто близко знал Акулинцева, утверждали, что он человек действия, если за что-то взялся, обязательно добьется своего.

«Кажется, он взялся за меня всерьез», — подумал Букетов и поднялся с места.

— Я подумаю, товарищ секретарь.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

II

В начале марта в конференц-зале педагогического института собрался весь цвет интеллигенции Караганды — ректоры вузов, областное руководство во главе с В. К. Акулинцевым и С. К. Досмаганбетовым (председателем облисполкома), секретари горкома и горрайкомов партии, представители общественности, местные ученые. Заместитель министра высшего и среднего специального образования С. К. Кенжебаев зачитал постановление праьительства об открытии Карагандинского госуниверситета и приказ о назначении академика Е. А. Букетова его ректором. Затем с поздравительной речью выступил первый секретарь обкома КП Казахстана...

14 марта 1972 года, заняв освободившийся кабинет бывшего ректора пединститута, Букетов приступил к исполнению своих новых обязанностей. Вставал в шесть утра, приходил на работу раньше всех, заканчивал рабочий день зачастую в девять часов вечера; все помыслы Евнея Арыстанулы были направлены на то, чтобы 1 сентября этого года все восемь факультетов нового университета распахнули двери своих аудиторий...

Новый университет создавался на базе педагогического института. В начале 1970-х годов на его шести факультетах обучались 5440 студентов, действовали 22 кафедры. По своему уровню Карагандинский пединститут был одним из ведущих высших учебных заведений республики, он имел первую категорию. Только в последний год работы он выдал 890 выпускникам дипломы педагогов.

С сентября 1972 года Карагандинский пединститут должен был перейти на университетскую программу обучения. На 38 кафедрах (через несколько лет их будет уже 59) восьми факультетов планировалось готовить кадры по 15 специальностям. В первый же учебный год новый университет принял на первый курс 625 студентов, а когда будет увеличено количество факультетов, численность поступающих приблизится к

Buketov University

Created by free version of 2PDF

двум тысячам. Как отмечала газета «Правда» в своей передовице 2 сентября: «Новому университету, который открылся в Караганде, предстояло стать не только учебным, но, прежде всего, научно-методическим центром». Для успешного осуществления такой важной государственной задачи университету требовались высококвалифицированные кадры. А в пединституте работали всего 277 преподавателей, из них только 59 были кандидатами наук и лишь двое наставников имели звания профессоров...

Вопрос о реорганизации Карагандинского пединститута поднимался давно. Еще в 1965 году правительство республики приняло постановление об открытии в Казахстане второго университета. Совет министров Казахской ССР 14 апреля 1967 года утвердил технический проект будущего КарГУ; были построены два общежития на 1100 человек, столовая на 500 посадочных мест; освободившееся в центре города старое здание площадью две тысячи квадратных метров, принадлежавшее Министерству угольной промышленности по улице Ленина, было передано на баланс педагогического института... Но, увы, застарелая болезнь советской системы и здесь проявилась во всей полноте: строительство нового городка велось черепашьими темпами. Многие важные пункты этого постановления не были выполнены из-за расхлябанности и безответственности исполнителей. Проект «Университетского городка», разработанный московским институтом «Гипровуз», был реализован лишь на одну десятую часть.

Что ж делать, в феврале 1972 года Совмин Казахской ССР вынужден был принять повторное постановление о срочных мерах по завершению этого «долгостроя» — нового «Университетского городка»...

Первым делом к осени обеспечивались оборудованием, учебно-методическими пособиями два новых факультета — юридический и экономический, заново переоснащались и перешедшие из пединститута факультеты: математический, физический, химический, биологический, филологический и исторический. Все

Created by free version of 2PDF
Вікевічы.univer.by

восемь подразделений университета надо было укомплектовывать дополнительными преподавателями с научными степенями. Таких специалистов в Караганде было трудно найти.

Поэтому ректор дал задание деканам всех факультетов подбирать талантливую молодежь, желающую повышать свои знания, и направлять в аспирантуру Московского университета и других крупных вузов Союза. Предварительно он добился увеличения в несколько раз численности аспирантов. Но, для того чтобы аспиранты стали квалифицированными преподавателями, требовалось не менее пяти-шести лет. И все-таки ректор сознательно пошел на этот шаг: потому что посланцы КарГУ, пройдя подготовку в крупных научных центрах страны, стали бы золотым фондом университета, залогом будущего.

А что делать до этого, с кем начать занятия в университете?..

Пришлось, собрав в кулак всю свою энергию и используя личный авторитет, обойти все учебные заведения Алматы.

Первыми учеными, которых Евней Арыстанулы «завербовал» в Караганду, были его давние друзья, супруги Перевертуны: Алексей Иванович был физиком, а Мария Александровна преподавала высшую математику, оба работали доцентами в КазПТИ (бывший КазГМИ, ныне — Национальный технический университет им. К. И. Сатпаева). Он не скупился на посулы, обещал, что при первых вакансиях они оба станут профессорами, получат в центре города просторную квартиру, какой во сне не видели (в этом амплуа Евней Арыстанулы был превосходным агитатором): «В Алма-Ате доцентами пруд пруди. А в Караганде вы станете важными учеными персонами. Так что не упускайте случая!..» Удалось-таки уговорить. И действительно, супруги Перевертуны сразу же после переезда получили квартиру в центре города, оба стали заведующими кафедрами. Впоследствии М. А. Перевертун долгие годы была деканом математического факультета...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Лидия ИЛЬИНА. «Отдавший жизнь ради других»:

«В марте 1972 года мой коллега по работе Алексей Иванович Перевертун сказал мне, что со мной хочет поговорить ректор только что открытого в Караганде университета Евней Арстанович Букетов. Разговор состоялся в приемной заместителя министра высшего и среднего специального образования республики Софрония Платоновича Попова. Евней Арстанович предложил мне ехать в Караганду на должность заведующей кафедрой общей и теоретической физики. Я страшно испугалась. Новый незнакомый город, новые люди, новая очень ответственная работа. Ничего не получится! Так все и выложила. Евней Арстанович рассмеялся громко, раскатисто, от души — как мог смеяться только он, что я поняла позднее, и начал говорить. Он говорил о своей Сары-Арке, о своей Караганде, о том, каким будет университет, о том, что ему нужны молодые, энергичные, знающие специалисты, что все будет хорошо, и посоветовал переговорить с родными. А потом мы разговаривали с ним вдвоем — мой муж и я были всецело покорены обаянием этого большого человека. Не верить ему, не соглашаться с ним было невозможно.

В июне я была в Караганде. Евней Арстанович прислал в аэропорт свою машину, позаботился о комнате в общежитии, а через 20 дней мы получили квартиру в самом зеленом уголке Караганды. Мне до сих пор не верят, что так может быть, вот так, вроде бы просто, пообещал и сделал. Таким он был во всем, жизнерадостный, жизнелюбивый, человечный, внимательный, даже в мелочах.

Не позже первого сентября нам предстояло начать учебный год в корпусе, где ранее располагался весь пединститут, в аудиториях, где ранее находились кафедры и кабинеты истории, марксистско-ленинской философии, политэкономии, которые мы должны были за два месяца превратить в оснащенные физические лаборатории.

Честное слово, если бы сейчас мне сказали, что такое можно сделать, я бы не поверила. Евней Арстанович всегда верил людям, он тогда сказал: "Все эти перегородки убрать! Зачем нам такие клетушки. Студенты

Created by free version of 2PDF

Вклюг University

Карагандинского университета будут учиться в просторных, светлых аудиториях". Он понимал, что это особенно важно для кафедры общей физики, которая должна была принять первокурсников первого университетского набора. Пройдите по третьему этажу физфака по Кирова, 16, и вы увидите, что ему отданы лучшие помещения. А оборудование? А его монтаж? Евней Арстанович говорил: "Делайте все, что считаете нужным". И мы делали все, потому что не делать было нельзя, ведь нам так верили, на нас так надеялись. Физический факультет начал занятия в просторных университетских лабораториях...»

Для укрепления преподавательского состава этого факультета Букетов пригласил физиков со всего Советского Союза: «Некоторые штрихи, характеризующие наш физический факультет, могут дать представление и об университете в целом. Его преподаватели — преимущественно молодые люди, кандидаты наук, только что начавшие путь. Они собирались с разных концов. Б. И. Минаев приехал к нам из Томского университета, А. И. Турмаганбетов и К. З. Альжанов из КазГУ. К. Т. Ермагамбетов до Караганды работал в Новосибирске, в Сибирском отделении АН СССР, Г. А. Кецле — в Московском университете, Л. И. Ильина — в Казахском политехническом институте. Среди физиков только доцент А. И. Перевертун обладал большим преподавательским и научным опытом. Деканом факультета стал у нас кандидат наук Ж. С. Акылбаев, воспитанник КазГУ, а заведование кафедрой радиоэлектроники возложили на кандидата наук Л. А. Краусса, перешедшего из Карагандинского политехнического института...» — пишет Букетов в статье «Второй в республике», посвященной пятилетию университета. Этот список физиков мы, со своей стороны, дополним кандидатом физико-математических наук Т. А. Кокетаевым, блестяще закончившим аспирантуру Казахского политехнического института, талантливым физиком С. Д. Дарибековым, защитившим в то время диссертацию в Москве. Успешно закончившая аспи-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

рантуру Тартуского университета (основанного в 1632 году в Эстонии) Б. К. Кусаинова тоже попала в поле зрения Евнея Арыстанулы.

Молодые ученые нового учебного заведения, влюбленные в физику, придавали в своей оригинальной методике большое значение практическим занятиям, памятуя слова академика Ландау, что «верховным судьей всякой физической теории является опыт». Научные исследования, разумеется, находили горячую поддержку со стороны ректора университета. В частности, при его содействии к изысканиям университетских ученых были подключены Академии наук СССР и Казахской ССР.

«Вспоминаю, с какой настойчивостью просили меня Л. Краусс и Ж. Акылбаев приобрести так называемую гелиевую установку, — пишет Е. А. Букетов в вышеназванной статье. — И теперь, когда установка доставлена в университет, наши физики с помощью молодого специалиста В. Бурудуна, специально приглашенного из МГУ, с огромным увлечением ее осваивают. Это, в сущности, миниатюрный завод, сложное химическое предприятие. Многочисленные емкости, моторы, компрессоры, автоклавы соединены между собой переплетающимися трубами и трубками. Процессом управляет сложное электронное устройство. Когда установка будет пущена, а это произойдет в самом скором времени, впервые в республике мы начнем осваивать редкий, но надежный способ получения самой низкой, теоретически возможной на земле температуры в минус 273 градуса, то есть абсолютного нуля. Это достигается при многократном сжатии газов до сжижения, при мгновенном расширении после каждого сжатия. В условиях такого холода многие вещества приобретают новые уникальные свойства, а изучение их представляет исключительный интерес для науки».

Для занятий физиков были созданы самые благоприятные условия. Этому факультету был предоставлен отдельный корпус, учебные аудитории и лаборатории были оснащены самыми современными приборами. После такой подготовки факультет уже мог приглашать

Created by free version of 2PDF

для чтения лекций известных ученых из Москвы, Ленинграда, Томска и Новосибирска. На физическом факультете работали всего 45 преподавателей, но большинство их были уже кандидатами наук, а через четыре-пять лет некоторые из них защитили докторские диссертации. И самое главное — все свои научные исследования они проводили здесь, в аудиториях КарГУ.

Приглашенные из солидных университетов страны педагоги-физики показали себя с самой лучшей стороны. Практически они задавали тон всем преподавателям других факультетов.

Темиргали КОКЕТАЕВ, профессор. «Светлый облик лидера»:

«Мне сказали, что меня разыскивает ректор. Когда я пришел, Ебеке выразил обиду:

— У тебя есть хоть какое-то уважение к старшим? Постоянно создаешь шумиху. Прибор, который заказал для себя, нахально забираешь, по какому праву? Немедленно верни!.. — так Ебеке нажимал на меня, не давая рта раскрыть.

Ректор есть ректор, хозяин-барин, к тому же это самоуверенный Букетов — попробуй с ним поспорить...

Я уже догадался, за кого он так сильно заступается. Это был его закадычный друг с аспирантских лет — Алексей Иванович Перевертун (царство ему небесное!), мой коллега по факультету, человек, приехавший по приглашению Ебеке в Караганду. Он, пользуясь какими-то знакомствами и связями, заказал на оптико-механическом заводе в Ленинграде типовой спектрофотометр СФ-4. Я этого не знал, видимо, он хотел получить прибор тайком от меня. Но я там же заказал такую же аппаратуру для своей кафедры. Услышав, что заказанная мною аппаратура поступила на склад, оформив нужные документы, я получил ее, стал устанавливать. Узнав про это, Алексей Иванович прибежал в лабораторию... А мои сотрудники позвонили мне домой, что наш спектрофотометр забирает Перевертун. Приехал на такси, вижу, Алексей Иванович со своими людьми укла-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

дывает аппаратуру в ящик. Началась перебранка, шум и гам, чуть не дошли до рукоприкладства. Аппаратуру не отдал, коллегу выставил из кабинета...

Взяв документы со склада, на следующий день пошел к ректору. Я доказал, что мой заказ на заводе выполнили раньше, а аппаратура для Перевертуна находится в пути (прибыла через неделю). "Ебеке, в чем моя вина? В паспорте аппаратуры ведь не написано, что надо отдать ее в первую очередь Перевертуну, как старшему по возрасту", — говорю, украдкой поглядывая на него.

Ректор вызвал Алексея Ивановича.

— Почему ты меня обманул? — тут же приструнил его Ебеке. — Кокетаев аппаратуру получил первым, значит, она останется у него. Больше так не делай, ясно?!

У нас имелись кристаллы для эксперимента, через несколько дней, подготовив аппаратуру к работе, пригласил Ебеке. Предварительно объяснив что к чему, снял первые показания прибора. Ученый есть ученый, сразу понял. Был доволен, заулыбался.

— Ты, оказывается, шебутной, шумливый. Даже хуже меня. В тот раз я тебе много лишнего наговорил, не обижайся, у начальника такие срывы бывают, на то он и бастык!.. А вот в научных вопросах твое упрямство мне нравится, за свою идею надо биться до конца, иначе тебя живьем съедят неучи, ясно?! Только так добьешься результата!.. — сказал примирительно добрый в душе Ебеке.

...Как-то ректор пригласил меня в свой кабинет, — продолжает Кокетаев. — "Тебе уже пора открывать аспирантуру, — заявил он. — У тебя наука идет хорошо. Подготовь документы!" Я ему возразил: "В Москве такое предложение не пройдет, потому что есть жесткое правило: кандидат наук не может руководить аспирантурой".

"Это только твои отговорки, — сердито прервал меня ректор университета. — Составь план-проект научно-исследовательской работы, список опубликованных статей, перечисли научные достижения. Резюме я сам напишу. Вообще, не спорь со старшими, делай то, что я тебе говорю!"

Created by free version of 2PDF

Через три-четыре месяца он снова меня вызвал и положил передо мной разрешение ВАКа на открытие аспирантуры по специальности "Физика твердого тела" под моим руководством. Такого добивается только человек, который постоянно проявляет беспокойство о насущных делах, стараясь все делать лучше и не откладывая на завтра. Это присуще только таким людям, как наш Ебеке, который предан науке, повседневно думает о ее проблемах, хочет все интересы подчинить только науке. Дальше все решают неустанный труд и поиски неизведанного. Из аспирантуры, которую мы открыли с помощью Евнея Арыстанулы, вышло более десяти кандидатов наук, один доктор. И сейчас, продолжая эту традицию, ВАК разрешил мне открыть докторантуру. Эх, если бы все это видел незабвенный наш Ебеке, как он безмерно радовался бы!..»

* * *

Проблем в новом университете было не счесть...

Самым больным местом была нехватка учебных аудиторий. Первые четыре года работы на восьми факультетах КарГУ, размещенных в разных зданиях, притом удаленных друг от друга, студенты учились в две смены. Начиналась учеба в восемь утра, заканчивалась в восемь вечера.

Евней Арыстанулы, за которым уже закрепилась кличка «главный прораб», ежедневно прочесывал огромную строительную площадку, где возводились корпуса «Университетского городка», участвовал в планерках. Позднее командировал туда своего представителя, который должен был контролировать от его имени ход строительства и информировать об этом руководство университета.

— Обо мне все говорят, что я ученый-металлург. Это не так, это совершенно не соответствует тому, чем я занимаюсь в жизни... — говорил Евней Арыстанулы коллегам в ХМИ, когда ему было особенно невмоготу. — Нет, наука для меня стала второстепенным занятием... Скорее всего, я строитель, это моя главная профессия. Когда я стал проректором в Алма-Ате, на-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

чалась закладка нового здания КазГМИ, нынешнего политехнического. Учитывая мою буйную молодость и напористость, ректор института Умирхан Байконуров, уважаемый мною аксакал, бросил меня контролером на этот участок. За два года, которые я там крутился, как белка в колесе, я многого поднабрался, узнал все хитрости строителей. Праздновать окончание той стройки, разрезать красные ленточки мне не пришлось. Когда первые институтские корпуса уже были готовы к сдаче, я уехал в Караганду. В ХМИ провел двенадцать лет, из них половину потратил на строительство: сначала ремонтировал старые здания, приспосабливая их под лаборатории; потом пробивал в верхах проект нового типового здания для ХМИ. Началось строительство, и в течение пяти лет я постоянно пропадал на стройплощадке. Наконец, переехали в новое здание. Но, увы! Не суждено мне было наслаждаться новыми прекрасными кабинетами и лабораториями родного ХМИ — перевели меня в университет, что я мог поделать?.. И здесь я снова выполняю незавидную роль «пробивного прораба». Здание по улице Гоголя, 38 проектировали, как среднюю школу, а мы, построив над нею еще четвертый этаж, через пять месяцев открыли в школьном здании КарГУ. Уложились в предельно сжатый срок и вовремя начали занятия — такого в истории Караганды еще не бывало!.. В 1974 году начали строительство «Университетского городка»... И опять я в самом пекле, на стройплощадке. Кто же я, как не строитель, притом не очень везучий. Запомните мои слова, как только «Университетский городок» сдадут, меня куда-нибудь снова выдвинут или задвинут, и кто-то из счастливчиков придет на все готовенькое, вальяжно устроится в ректорском кабинете, вот посмотрите, так и будет...

На стройке давно уже примелькался человек богатырского телосложения, все рабочие знали, что это ректор университета. Евней Арыстанулы часто беседовал с ними. Однажды спросил каменщика:

— Сколько лет вашим детям?

Каменщик с гордостью ответил, что у него старший сын через два года окончит среднюю школу.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— Как у него с успеваемостью?

— Порядок, товарищ ректор! У моего Бориса оценок ниже четверки не бывает, а в основном — пятерки!

— Тогда почаще приводите своего старшего сына сюда, на стройку, покажите эти корпуса, которые вы возводите своими руками. Пусть он представит себя студентом этого университета. Поверьте мне, видя, какие чудеса творит его отец, какие сооружает дворцы для Карагандинского университета, он станет мечтать об учебе в этих прекрасных зданиях.

Каменщик растерялся:

— Ой, не знаю, сможет ли мой сын поступить в такое заведение?!.. Наверное, ему на роду написано, как и мне, не расставаться со строительным мастерком... Ведь моего заработка не хватит, чтобы «отблагодарить» экзаменаторов.

— Куда гнете? — нахмурился ректор-великан, как прозвали его рабочие. — Когда ваш сын окончит школу, сами приведите его ко мне. Если в аттестате будут одни четверки и пятерки, на вступительных экзаменах Борис пройдет без труда!.. Только давайте договоримся. Если вы хотите, чтобы ваш сын в этом здании получил хорошее образование, вы должны работать на совесть. Не замазывайте брак, трещины в стенах раствором, когда-то это вылезет наружу. В прошлом квартале наши контролеры во втором корпусе обнаружили перекосы в стене, кладку пришлось разобрать и вести заново... А вы прекрасно знаете, во что это обходится...

Рабочий сокрушенно покачал головой:

— Я понял вас, товарищ ректор, наша бригада такого брака не допустит. Поверьте моему слову! — сняв рукавицу, он протянул Букетову мозолистую руку. — Так что будем держаться нашего мужского договора!..

* * *

КарГУ должен был стать ведущим вузом Центрального Казахстана, ему также отводилась роль своеобразного учебно-методического центра по переподготовке преподавателей высших учебных заведений

Buketov University

ближайших пяти областей республики. По замыслу учредителей выпускник университета наряду с получением специальности должен был овладеть основами знаний по искусству, литературе и истории. «...Нашему студенчеству необходимо интенсивно и целеустремленно приобретать знания и подходить к этому творчески, то есть так, чтобы каждый из вас и в будущем, и сейчас к этим знаниям мог прибавить новые знания, новые истины», — наставлял ректор первокурсников. Он давал им своего рода нравственные уроки. Впоследствии они были подытожены в его газетной статье под названием «Первый урок»: «Я думаю, что творческое приобретение знаний должно стать самой интересной, самой увлекательной стороной вашей жизни. Организуйте и участвуйте в самодеятельности, в многочисленных культурных мероприятиях, раскрывающих ваши разнообразные способности в области искусства, музыки, литературы и так далее. Это будет способствовать вашему взаимопониманию и взаимовоспитанию, вашему интеллектуальному возвышению, здесь раскроются для вас удивительно красивые стороны человеческого бытия и человеческой души. Выпадет время, будут возможности — путешествуйте, узнавайте свою страну, земной шар, в обустройстве которого вы готовитесь стать активными участниками. И, наконец, в свободное время принимайте участие в производительном труде старших, это для страны никогда не лишне, а для вас, студенты, это тоже ступень физического и нравственного воспитания. И тогда увидите, что у вас не останется времени и места для скуки».

Возглавив университет, Е. А. Букетов стремился полностью изжить характерные для вузовского образования того времени формализм, догматизм, казенщину. Учебный процесс он ориентировал не на середнячков, думающих шаблонно, а на студентов, способных к самостоятельному мышлению и творческому поиску. Естественно, и в отношении к преподавателям он придерживался новых принципов: не ограничивать их инициативу, а всемерно помогать им, не запрещать, а направлять, руководить, а не командовать.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

В Карагандинском педагогическом институте общественные и гуманитарные науки преподавали педагоги с солидным стажем. Когда институт был реорганизован в университет, они все перешли в КарГУ. Состав преподавателей-общественников увеличился в два раза. На третьем году численность преподавателей университета достигла 410 человек, 125 из них имели ученые степени, а по прошествии семи лет уже насчитывалось 700 педагогов, из которых более одной трети имели ученые степени.

Одним из ведущих гуманитариев был профессор Д. А. Шаймуханов, воспитанник знаменитой школы казахстанских историков, основанной печально известным и несправедливо гонимым ученым Е. Бекмахановым. Будущий профессор начинал свою деятельность секретарем Карагандинского обкома комсомола, потом несколько лет работал в областном комитете партии, перейдя в высшее учебное заведение, занялся исследованием истории промышленных предприятий области.

Первым деканом исторического факультета стал Дуйсетай Аймагамбетулы, одновременно он исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории. Кафедру политэкономии возглавил доцент Талгат Абдразаков, бывший вожак казахстанского комсомола в 1950-е годы, имевший богатый опыт работы в партийно-советском аппарате, хорошо знавший административно-командную систему, прекрасный оратор, не боявшийся острых тем и умевший разъяснять противоречия социализма законами политической экономии. Кафедрой марксистско-ленинской философии заведовала Р. А. Клещева. Она одной из первых в Казахстане исследовала сложные вопросы социального положения шахтеров Карагандинского угольного бассейна. А философ Т. И. Абжанов, сам из угольщиков, ничем не уступал алматинским коллегам, мог им составить достойную конкуренцию. Евней Арыстанулы в своей статье «Второй в республике», перечисляя ведущих ученых КарГУ, первым назвал имя доктора педагогических наук Г. А. Мейрамова. Профессор, замеча-

Created by free version of 2PDF

тельный лингвист Мейрамов разработал первое методическое пособие для казахской молодежи по ускоренному овладению русским языком. Он собрал вокруг себя незаурядных педагогов, создал свою школу...

Таких авторитетных специалистов в университете был добрый десяток. В своей созидательной работе ректор целиком опирался на них. Это был практически здоровый костяк педагогического коллектива КарГУ.

Евней БУКЕТОВ. «Второй в республике»:

«Как-то не без удивления заметил я на своем рабочем столе изящные журнальные оттиски на немецком языке. Взглянул на первую страницу и прочитал знакомую фамилию — Скопин. Ну, конечно же, это наш доцент. Сразу припомнил, что я знаю о нем. Факультетские зоологи очень сдержанно отзывались о своем пожилом коллеге. Дескать, мало в чем себя проявил. К тому же ему скоро исполняется шестьдесят, и он как будто собирается на пенсию.

Но когда я увидел две научные статьи, напечатанные... в серьезном берлинском журнале, то посчитал необходимым ближе познакомиться с Николаем Георгиевичем Скопиным.

— Слышал я, Николай Георгиевич, вы на пенсию собираетесь, на отдых? — спрашиваю его.

— Да, Евней Арстанович, устал. Очень прошу вас пойти мне навстречу.

Благодарю Скопина за журнальные оттиски, понятно, что он передал их мне с какой-то целью, спрашиваю:

— Может быть, этими статьями вы мне что-нибудь хотели сказать?

— Да нет... Никакой скрытой мысли не имел. Просто хотелось, чтобы перед моим уходом на пенсию обо мне подумали чуть лучше, чем раньше. Мол, все-таки старый доцент делает и такое, что находят интересным и за рубежом.

Я смеюсь. Он продолжает оставаться серьезным.

— Николай Георгиевич, может быть, вы мне расскажете о себе, своих занятиях.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— Отчего не рассказать, пожалуйста. Окончил Среднеазиатский государственный университет в 1938 году, а насекомыми стал интересоваться еще в студенческие годы. И не просто насекомыми — главным образом так называемыми жесткокрылыми жуками.

Я про себя подумал: надо быть большим энтузиастом, чтобы всю жизнь отдать жукам... И, словно подслушав мое невысказанное недоумение, Николай Георгиевич, преобразившись, утратив прежнюю скованность, увлеченно стал рассказывать о природе Центрального Казахстана и, конечно, о насекомых и прежде всего — о жуках. Негодовал, что люди порой неразумно вмешиваются в природу, нарушают в ней равновесие, злоупотребляя химикатами, применяя нерациональные агротехнические приемы.

Я решаюсь напрямик спросить его:

— А вы не думали стать доктором наук?

После некоторой паузы ответил:

— Когда-то думал, но упустил время. Ведь каждый год, выезжая со студентами на полевую практику, получал все новые и новые любопытные данные. Материал накапливался, а вот обобщить и систематизировать его так и не собрался, теперь, конечно, поздно...

И тут я перешел в наступление:

— Николай Георгиевич, вы уже настроились уходить на пенсию, а вам докторскую надо защищать и продолжать учить молодежь. Охрана природы стала у нас государственным, общенародным делом. А жуки разве не природа? Ваш опыт и знания не должны уйти с вами на пенсию. Будем считать, что вы о ней даже не заикались...

Он ответил не сразу. Можно было догадаться, что Николай Георгиевич принадлежит к тем людям, которые обдумывают свои решения медленно, а приняв, не меняют их. Наконец он произносит слова, которые меня, в общем, не приводят в восторг:

— Вам, вероятно, виднее. Что ж, могу и поработать.

...Прошло дней десять. Николай Георгиевич снова появился у меня в кабинете, на этот раз с огромной сумкой. Он извлек свыше шестидесяти оттисков своих на-

Created by free version of 2PDF

учных работ и множество превосходно выполненных рисунков, изображавших в увеличенном виде части тел насекомых в соответствии с принятой в зоологии методикой. Его комментарии были интересными и обнаруживали глубокую эрудицию...

Мы с ним договорились, что в положенные шесть месяцев творческого отпуска он завершит и представит свою диссертацию, которая уже сейчас вырисовывалась достаточно убедительно.

...Кончилось все тем, что в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук СССР Николай Георгиевич с блеском защитил докторскую диссертацию. Его оппоненты заметили, что в монографии, представленной доцентом Скопиным, научного материала хватило бы на две диссертации, ему надо бы защищаться лет 10—15 назад. Так в университете появился еще один доктор наук. Николай Георгиевич без устали занимается со своими студентами, передает им свою увлеченность. Однако теперь и к ректору он стал предъявлять свои требования. Дескать, надо создавать условия будущим молодым специалистам. Заполучив нового доктора, я приобрел и дополнительные неотложные хлопоты...»

Так как основной специальностью ректора университета была химия, он старался укрепить и химический факультет. Это было делом его профессиональной чести. Евней Арыстанулы считал также своим святым долгом поставить на новые, современные рельсы методику преподавания этой науки. Как профессор химии, он видел серьезные упущения в учебном процессе.

Начинать борьбу за глубокие знания надо было, во-первых, с подбора сильных, хорошо подготовленных преподавателей. Во-вторых, практические занятия, опыты в лабораториях необходимо было максимально приблизить к производству — металлургическим заводам и химической промышленности. Ректор готов был поднять преподавателей на уровень сотрудников научно-исследовательских институтов. Таким образом, ассистенты, старшие преподаватели химических кафедр

Created by free version of 2PDF

через четыре-пять лет должны стать кандидатами наук, а кандидаты и доценты — докторами и профессорами. А пока на химическом факультете ректор — единственный профессор.

Цель, которую Букетов поставил перед коллегами на своем факультете, постепенно стала осуществляться: в том же году, когда основался университет, было открыто три новых кафедры. Через три года он довел их количество до шести. Сам Евней Арыстанулы вел факультативные занятия по неорганической химии, заведовал новой кафедрой физической химии. Надо особо отметить одно обстоятельство: во всех университетах Советского Союза было всего две кафедры квантовой химии, одна из них была организована в КарГУ... Этот факт свидетельствует о том, что в новом университете была начата коренная реорганизация преподавания химии. Нововведения проводились с далекоидущими намерениями. На факультете вошло в традицию приглашение молодых ученых-химиков из других вузов и НИИ, часто это делал сам ректор университета: так, из ХМИ Евней Арыстанулы пригласил несколько остепененных научных сотрудников, чтобы они совмещали практическую исследовательскую работу с преподавательской деятельностью. Это были: М. З. Угорец (Марк Залманович работал профессором в КарГУ, фактически до переезда на историческую родину — в Израиль), В. Г. Шкодин, З. М. Молдахметов, В. П. Малышев, М. Л. Ли, а также ученые-металлурги второго поколения — А. Б. Баешов, Ш. Д. Досмаганбетов, М. Ш. Шарипов, С. И. Жамбеков. Видимо, под влиянием отца Акслу Евнейкызы тоже перевелась в КарГУ, она специализировалась по квантовой химии...

Заслуги Букетова как руководителя огромного учебного заведения, его созидательная деятельность были признаны всеми. В 1972 году он был избран членом совета Государственного комитета по науке и технике Совета министров СССР. Это было высокое доверие, которого не удостаивался ни один ученый из Казахстана, кроме К. И. Сатпаева.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

III

4 июля 1975 года республиканская молодежная газета «Лениншил жас» опубликовала статью Евнея Букетова «Как дела, художественный перевод?». По признанию самого автора, появление ее в печати было символичным: «После долгого молчания я вернулся к литературному творчеству, когда снова почувствовал, что появились свежие мысли, есть определенные идеи, которыми хотелось бы поделиться с читателями, выразить их художественно. А как это получилось, не мне судить...»

Занятия литературой с юных лет для него были отдыхом души, своего рода страстью. Время от времени он писал стихи, переводил русских поэтов или записывал мысли о прочитанных книгах, свои наблюдения — это позволяло отвлечься от кабинетной рутины, всяческих передряг. Почерк у него был четкий. Добиваясь простоты и ясности, он часто переписывал свои работы, отшлифовывая каждую строку. Временами тулпар — крылатый пегас вдохновения возносил его к высотам поэзии.

«...Литература мне, ученому, дает почувствовать, если так можно выразиться, беспредельность человеческого разума. Передо мною распахиваются такие романтические дали, рождаются такие возвышенные и благородные устремления, что невольно обретаю крылья и пускаюсь в полет. Ну и еще: образованность без воспитанности — лишь грива скакуна, но не сам скакун. Воспитание чувства — от песен, литературы, живописи, от всего того, что составляет великолепное ощущение жизни. У поэтов и ученых в сущности одна задача — поиск красоты, совершенства. Все самое доброе и полезное на земле создается по законам красоты. И хочется всем этим делиться с окружающими, и поэтому я с душой занимаюсь литературой...» — писал Евней Арыстанулы своему другу, московскому литератору Сергею Исаковичу Никитину.

В биобиблиографической справке Е. А. Букетова указано, что он был принят в 1971 году в члены Сою-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

за писателей СССР. Отметим, что в это время у него не было собственных литературных произведений, хотя в общих сборниках или отдельными книгами издавались его переводы. Между прочим, далеко не все, кто занимается переводами, становятся членами творческого союза. Значит, для Евнея Букетова было сделано исключение, возможно, учли и его ранние превосходные критические статьи...

В 1972 году широко праздновалось пятидесятилетие Союза ССР. Разумеется, это событие имело громадное политическое значение для всего человечества. Как-никак Советский Союз объединял более сотни наций, славу и мощь социалистической страны признал весь мир...

В связи с этим главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Знамя» Вадим Кожевников, разыскав известного казахского писателя Габита Мусрепова, приехавшего в Москву на очередное заседание секретариата Союза писателей СССР, где он исполнял должность секретаря правления, попросил написать очерк об успехах Советского Казахстана за прошедшие пятьдесят лет... А Габит Махмудулы давно не писал такие заказные материалы, но, очевидно, желая помочь коллеге по литературному цеху, предложил обратиться к Евнею Букетову...

От заказа солидного московского журнала, издававшегося в те годы тиражом два миллиона экземпляров, Евней Арыстанулы не стал отказываться, хотя забот у него в связи с организацией КарГУ было по горло. Через несколько недель очерк был готов, он опубликован в восьмом номере журнала за 1972 год под названием: «Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники».

Человеком, родившимся на верблюде, то есть во время откочевки казахского аула на джайляу, на летние пастбища, был известный государственный и общественный деятель, долгие годы работавший министром здравоохранения Казахской ССР, член-корреспондент Академии наук Казахстана и Медицинской академии

Buketov University

СССР — Ишанбай Каракулов. Автор очерка, выбрав для завязки сюжета неординарное, но привычное для степняков событие, случившееся в 1909 году, далее ведет неторопливый рассказ о жизни Ишанбая, сына бедного пастуха. Ясно, что биография широкоизвестного всем казахстанцам И. Каракулова — это и биография всей страны, путь, пройденный всем казахским народом за 50 лет.

Евней Арыстанулы рассказывает в очерке и о других известных людях, прославивших свой народ: это — историк, этнограф, путешественник Чокан Валиханов, первый просветитель и поэт Абай Кунанбаев, академики — Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, Алькей Маргулан, Абикен Бектуров, Найля Базанова... В очерке названы десятки ученых, проявивших себя в разных отраслях науки, писателей и деятелей культуры. На примерах биографий лучших ученых казахского народа автор показывает, как формировался передовой отряд казахской интеллигенции, элита нации, ее ум и совесть.

Публикация очерка в популярном журнале вызвала горячие отклики. Все, кто прочитал его, восторженно отзывались об авторе, его мастерстве. Говорили, что он великолепно описал исторические события, жителей казахской степи, современного индустриального Казахстана.

Между тем наиболее требовательная часть интеллигенции ждала от него более серьезных художественных произведений. Однако он не спешил публиковать свои творения, даже готовые к изданию труды. Пролить свет на это обстоятельство мы, к сожалению, не можем. Что этому мешало — чувство ли высокой ответственности или желание довести вещь до совершенства? Что касается прогремевшего на всю страну очерка, то понятно: он был написан на русском языке, между тем как истинный казах Е. Букетов хотел, чтобы его произведения издавались и на родном языке...

И его чаяния сбылись: первая книга Евнея Букетова на казахском языке «Человек, родившийся на верблюде» была выпущена издательством «Жазушы» осе-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

нью 1975 года. В нее вошли шесть произведений писателя: одноименный очерк; «Два великана поэзии» — очерк-исследование о поэзии А. Пушкина и В. Маяковского; критическая статья «О переводе произведений В. Маяковского на казахский язык»; совместно с К. Куандыковым написанный обзор «Звездная плеяда» — об известных деятелях казахского театрального искусства и о проблемах национальной драматургии; очерк о коллективе, в котором он сам работал, о перспективах роста второго университета в республике и размышления ученого-педагога о молодых современниках...

Когда человек, как говорится, на коне, все ему удается. А когда ему не везет, то и на верблюде собака укусит. Евнею Букетову в этот период во всем сопутствовала удача. Первую книгу его, увидевшую свет на казахском языке, республиканское общество восприняло с одобрением... Республиканские, областные газеты откликнулись на нее благожелательными рецензиями, все они в один голос утверждали, что известный до этого своими критическими статьями, переводами ученый-металлург теперь блеснул в новом амплуа — как очеркист; это похвально, и есть надежда, что этот успех он закрепит новыми произведениями...

Приведем письмо Ишанбая Каракулова, отправленное Букетову из Алматы 6 марта 1976 года. Письмо написано на казахском языке, я перевел его, пропустив некоторые житейские подробности...

«Милый Ебеке!

Четыре года тому назад по мановению вашего чудного пера я как бы заново родился, притом вы заставили меня появиться на свет на горбу самого сильного, крупного, терпеливо переносящего все лишения, самого заметного издалека, как корабль в морской дали, — славного верблюда. Многие с тех пор с завистью смотрят на меня. Что оставалось мне, я терпеливо выносил эти косые взгляды на меня... Конечно, родиться на верблюде — не такая уж невидаль, не такое уж приятное дело, тем более у нас вдоволь места в бескрайней степи. А я

Buketov University

нисколько не обижаюсь на вас. Наоборот, горжусь, что родился не на земле, а чуть выше и ближе к Богу, при этом постоянно думаю: потому я такой сильный и выносливый, одинаково терплю и холод, и жару, как верблюд, размеренно шагающий по нашим степям. И горжусь, Ебеке, вашим замечательным талантом, кто кроме вас был способен возродить меня заново, достигшего почти семидесятилетнего возраста...

Вы заставили меня снова появиться на белый свет наверху сильного и крупного двугорбого животного — верблюда-атана. Тем самым вы снова вознесли меня... За что выражаю огромное спасибо! Однако, Ебеке, я боюсь другого, что вы, поднимая мой ранг еще выше, заставите меня возродиться на горбу более почетного, почитаемого казахами святого животного — верблюда-аруана**. Но вы хотя бы спросили меня, согласен ли я на такое перерождение, тем более, возраст мой скоро перевалит за черту седьмого десятка. Нет, Ебеке, я уже не хочу появляться на таком узком и неудобном месте, ведь аруана бывает и одногорбым. Лучше оставьте меня там, где я в последний раз родился. Для меня верблюд-атан — большая честь.*

Напоследок скажу честно, что читавшие ваш очерк при встречах, особенно на больших собраниях, приглашая меня к трибуне, уже не перечисляют мои ученые и другие регалии, а попросту говорят, что слово, мол, предоставляется необычному человеку, который родился на верблюде... Бывает еще хуже: давнишние знакомые, уважающие меня сверстники, если увидят издалека, пальцем указывают на меня: "Вот идет человек, который родился выше всех нас от поверхности земли..." Короче говоря, Ебеке, из-за вашего чрезмерного восхваления в

---

* Кастрированный верблюд, способный нести тяжелые грузы во время кочевок. Автор письма тут иронизирует над тем, что книга Е. Букетова, первоначально названная «Человек, родившийся на верблюде», получила на казахском языке название «Атан комында туган адам», буквально это означает: человек родился не просто на спине верблюда, а наверху верблюда-атана, приспособленного к дальним кочевкам.

** Верблюдица.

Created by free version of 2PDF

своем очерке я стал известным человеком. Но, все же прошу вас, оставьте меня и мою покойную мать Аканай наверху того самого верблюда-атана. Нам этого достаточно, мы довольны этим!..

Я купил сразу 30 экземпляров вашей книги, как выйду из больницы, хочу раздать от вашего имени всем знакомым и друзьям. Если честно признаться, мне немного стыдно за то, что вы, уделив моей личности столько внимания, тем самым поставили меня в один ряд с нашими корифеями — Сатпаевым, Ауэзовым. Кто я по сравнению с ними? Разница ведь как между небом и землей. Они — вершины Гималаев, а я — маленькая сопка, на которую всяк может подняться...»

Вторая книга Евнея Букетова под названием «Грани творчества» на русском языке была опубликована алматинским издательством «Жалын» в 1977 году. Надо отдать должное издателям, они проявили завидную оперативность, скорее всего, спешили заполучить в свои авторы известного ученого-писателя, наверное, потому даже не считались с тем, что по содержанию эта книга повторяет ранее изданного «Человека, родившегося на верблюде»...

Для автора это всегда радость, и, конечно, она настраивает на новые литературные свершения.

По-видимому, результатом нового творческого подъема явилось исследование о преемственности в русской поэзии, о «героях своего времени» в произведениях А. Пушкина и В. Маяковского. Благоговевший перед гением А. Пушкина, Е. Букетов отчетливо представлял, какую ответственность берет на себя, пытаясь оценить пушкинского героя и сравнить его с героями другого времени, показанными в поэзии В. Маяковского. Онегин — красив, благороден и полон возвышенных чувств, но обречен на бездействие — в этом его трагедия. В лирике же В. Маяковского мятущийся, страдающий «герой», наконец находит себя, он настроен на обновление жизни, ему свойственны высокая гражданственность, пафос борьбы, созидания, вера в прекрасное будущее. Эта гуманистическая направлен-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ность и объединяет двух поэтов. Сопоставляя их «героев», Е. Букетов привел множество отрывков из поэтических произведений обоих поэтов, изложив это сначала на казахском языке, а потом и на русском под одним общим названием «Пушкин и Маяковский». Получился по сути и по объему новый научный трактат. Он был опубликован в альманахе «Жалын» № 3 за 1974 год. А чуть позже, когда автор предложил этот же труд журналу «Простор», с которым сотрудничал давно, в редакции журнала нашлись люди, не согласившиеся с концепцией Евнея Арыстанулы, объявившие исследование неприемлемым для издания.

Заведующий отделом критики Н. Ровенский 8 октября 1974 года отозвался вот таким коротким письмом: «Уважаемый товарищ Букетов! Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература. Ваша работа "Пушкин и Маяковский" не сообщает ничего нового, в литературном смысле она вторична. Публиковать ее не представляется целесообразным...»

Другой человек, возможно, сказал бы с досадой: «Ну, что же, восхваляющих титанов русской поэзии достаточно и без меня. Не хотят печатать, считая меня провинциальным критиком, ну и ладно, переживу как-нибудь...» — и на этом остановился бы. Но Букетов был ярым спорщиком, в научных спорах он стоял всегда до конца, если считал свои концепции верными. А в этом вопросе он сразу почувствовал пренебрежительное отношение к себе известного русского литературоведа. Самолюбивый Евней Арыстанулы не мог оставить письмо без ответа...

«Уважаемый товарищ Ровенский!

К сожалению, я не могу с Вами согласиться. "Об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина существует обширная литература" — это истина того же порядка, что и... "Волга впадает в Каспий". Я знаю эту истину (нужно ли этим гордиться?) и в своей статье пишу вовсе не об отношении Маяковского к художественному наследию Пушкина (хотя, думаю,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

что и эта тема пока не исчерпана). В данной работе, приводя самые известные места из поэзии Пушкина и Маяковского, я старался показать, что Маяковский являлся продолжением Пушкина, что их нельзя противопоставлять и что главный герой поэзии молодого Маяковского есть продолжение Онегина, продолжение плеяды лишних людей, характерных для дореволюционной русской общественной жизни и русской литературы. Мне показалось, что эта мысль нова, она мною давно лелеема, и я имел смелость ее представить на Ваш суд. Я полагал также, что эта связь, а также мысль, что даже Пушкин и Маяковский (а в нашей казахской поэзии, скажем, Абай и Сейфуллин) — ветви одного и того же могучего древа национальной поэзии...

Я не спорю, что эта мысль, да и сама статья, может оказаться несостоятельной. Но ведь необходимы доказательства, а не утверждения. Я — профессор, а Вы — известный литературовед и литературный критик, и мы хорошо знаем, как интерпретация одних и тех же фактов позволяет иногда находить связи, которые не улавливались до определенного времени. Это же зависит от диалектики мышления и от угла зрения, который выбирает исследователь. Иной, если он неглубок в диалектике мышления, выбирает такой угол зрения, что дальше собственного носа не видит, а другой выбирает такой угол зрения, что, основываясь на одних и тех же фактах, видит связь явлений дальше и глубже. Если Ваше утверждение, что "работа... в литературном смысле вторична" относится к фактам, то, согласитесь, что подобное суждение опрометчиво...

Уважаемый товарищ Ровенский! Скажу прямо, мне не понравился тон Вашего письма. Если бы я не знал Вас лично... я бы мог подумать, что это — письмо молодого человека, случайно перескочившего потолок своей компетентности... Я хорошо знаю, что Вы по занимаемому положению и по уровню Ваших возможностей еще далеки от своего потолка компетентности, и полагаю, что непозволительный тон Вашего письма есть не что иное, как... пленной мысли раздражение... ибо наша жизнь настолько стремительно урбанизируется и настолько пол-

Created by free version of 2PDF

на стрессовых состояний, что любой из нас может оказаться временно в плену нежелательных эмоций. И почему-то думаю (может быть, нескромно? — но как нам, творческим работникам, жить без веры в собственное дело?), что статья "Пушкин и Маяковский" достойна более объективного обсуждения.

Уважаемый товарищ Ровенский! Я хорошо знаю Вас... знаю Ваше имя и отчество, но я нарочито выдерживаю заданный Вами тон, чтобы показать, насколько нежелательны черствость и казенщина в наших взаимоотношениях. Мир тесен, особенно когда люди работают в одной и той же республике, на одной и той же ниве науки и культуры, пути Господни неисповедимы, неожиданно и часто перекрещиваются наши дороги и, ей-богу, необходимо твердо сохранять доброжелательность всем нам друг к другу в нашем социалистическом общежитии.

С неизменным уважением к Вам Букетов».

Хлесткий тон ответного письма и занятая его автором позиция не случайны. Евней Арыстанулы открыто и жестко выразил то, что у него накипело на душе, ответил зарвавшемуся критику с вызовом, сохраняя такт и достоинство...

Чтобы понять и в полной мере оценить демарш Е. Букетова, надо знать нездоровую обстановку, сложившуюся в те годы в русскоязычных литературных кругах Алматы. Им свойственны были зазнайство и высокомерие, так как только благодаря переводам на русский язык лучшие казахские произведения становились известными в Союзе, а некоторые в дальнейшем и во всем мире. Справедливости ради следует, однако, признать, что большинство русских литераторов, проживавших в Алматы, некоторые известные московские и ленинградские писатели-переводчики внесли немалую лепту в пропаганду казахской литературы за пределами Казахстана... Между прочим, в 1960—1970-е годы в самой Алматы появились мастера переводов, сумевшие адекватно донести до русскоязычного читателя лучшие творения второго, третьего поколения местных писателей и поэтов. Заполучить в

Created by free version of 2PDF

качестве переводчиков таких профессионалов пера, как Алексей Белянинов, Юрий Домбровский, Морис Симашко, Юрий Герт... стало своеобразной проблемой. И тогда же в Алматы образовалась целая группа литературных критиков, которые те же переводы расхваливали до небес или уничтожали на корню. А журнал «Простор», возглавлявшийся в те годы маститым русским писателем Иваном Петровичем Шуховым, был широко известен в Союзе (иногда читатели даже из Москвы и Ленинграда разыскивали этот журнал, чтобы прочитать острые вещи, которые не смели печатать московские издания).

Николай Степанович Ровенский долгие годы работал заведующим отделом критики этого журнала, как критик он был для нас недосягаем. Его хвалебные или уничтожающие рецензии на чьи-либо произведения на страницах «Простора» или в газете «Казахстанская правда» считались последним словом. С ним не спорили, старались быть в дружбе, особенно наши казахские литераторы. И он, человек по характеру мнительный, порой подверженный, как и все, человеческим слабостям, в те годы представлял себя вершителем судеб и, чувствуя свое привилегированное положение, не будем скрывать, иной раз доходил до низости, требовал за услугу магарыч в виде угощения... И вот этот столичный сноб, привыкший к заискиванию и угождению, получил отповедь, прямо-таки нагоняй от карагандинского ученого. Видимо, это подействовало на него отрезвляюще, как холодный душ, и в дальнейшей переписке он стал мягче и деликатнее.

«Уважаемый Евней Арстанович!

Рад был получить Ваше умное, веселое и язвительное письмо. С удовольствием обращаюсь к Вам по имени-отчеству, которое узнал только из "Правды"... Боюсь, спор о Вашей статье в эпистолярной форме ни к чему не приведет, для установления истины необходима аудитория, которая могла бы определить степень убедительности аргументов полемизирующих сторон. А как ее соберешь, такую аудиторию?

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Дорогой Евней Арстанович! Мы несколько раньше автора очерка в "Правде" знаем Вас как тонкого и точного критика, человека, любящего и понимающего литературу и искусство, их сложные и неисповедимые пути развития. Вы всегда хорошо чувствовали время в книгах, фильмах и спектаклях (не могу понять, что толкнуло Вас повернуть на скучные тропы академического литературоведения?!). Не согласитесь ли Вы отодвинуть наш неплодотворный спор на неопределенное время с тем, чтобы обратиться к вопросам более живым и актуальным. Сейчас у всех на устах — НТР. Не потому, что мода, а потому, что поджимает. Если Вы следите за выступлениями "Литгазеты", "Литобозрения" (посмотрите № 9 за этот год), Вам нетрудно вспомнить статьи, посвященные отражению НТР в литературе. Казахскую литературу Вы знаете не хуже иных профессионалов. Но Вы еще и большой ученый. Не смогли бы Вы написать статью, заметки, соображения о том, какое место занимает НТР в современной казахской литературе, и занимает ли, есть ли в ней правдивые образы ученых, инженеров, рабочих, есть ли в ней изображение современных промышленных предприятий, индустриальных коллективов. Такая статья насущно необходима. При Вашем умении писать остро, аргументированно, при Вашем научном авторитете статья могла оказать серьезное влияние на литпроцесс, освежить и динамизировать его. Что Вы на это скажете? Не отбирайте хлеб у литературоведов, поскольку Вы имеете возможность предложить здоровую пищу писателям, родной литературе.

Искренне недоумеваю, что показалось Вам в моем ответе непозволительным, нежелательным, казенным и черствым. Ответ написан с учетом подготовленности адресата. Делить нам нечего и ссориться абсолютно не из-за чего. А мир, действительно, тесен.

Доброго здоровья и успешной работы над поименованной статьей (в последнем пожелании я, пожалуй, излишне самоуверен?). Ждем Вашего ответа.

Ровенский Н. 30 октября, 1974 г.».

Created by free version of 2PDF

Vitebsk University

На это письмо Евней Букетов ответил более пространно, не уступил. Николай Степанович тоже повторил свои аргументы. В общем, обе стороны стояли на своем, оба бесконечно доказывали свою правоту. Кто, в конце концов, оказался прав, мы узнали из письма, хранящегося в архиве Е. А. Букетова. «С тяжестью на душе вспоминаю Вашу статью о Маяковском (моем самом любимом поэте), которая мне с первого чтения понравилась, но... мы все-таки ее не напечатали. Грязную роль тут сыграл Ровенский — не понимаю только, с какой целью. В то время я не в силах был противостоять той ораве, которую он представлял...» — это писал Евнею Арыстанулы 3 октября 1978 года новый главный редактор журнала «Простор», известный писатель В. И. Ларин.

Как видим, ученый-металлург, хотя и с некоторыми продолжительными перерывами в последние пятнадцать лет своей жизни, когда представлялась возможность, неизменно возвращался к литературе. В биобиблиографической справке ученого мы насчитали более 80 литературных публикаций, это книги, эссе, статьи и очерки. В это же время он активно участвовал в общественной жизни республики, по просьбе местных редакций писал статьи, часто выступал по радио и телевидению. Сейчас мало кто знает или помнит, что Евней Арыстанулы был ведущим и автором сценария документального телефильма «Южнее города Омска», снятого тележурналистами России и Казахстана, посвященного истории открытия, перспективам разработки гигантских угольных месторождений Караганды и Экибастуза, развитию металлургической промышленности Центрального Казахстана. А сколько научных трудов и статей он написал по химии и металлургии! Никогда никому из своих подопечных Евней Арыстанулы не отказывал в помощи при подготовке к изданию научных трудов. При этом он не ограничивался беглым их просмотром, мол, ладно и так сойдет, подписал — и с плеч долой. На полях рецензируемой книги или рукописи он оставлял свои замечания, исправлял допущенные ошибки... Более то-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

го, занимая высокую должность ректора университета, всегда до предела занятый текущими делами многотысячного коллектива КарГУ, профессор и литератор Букетов никогда не отказывался от руководства дипломными работами студентов филологического и химического факультетов. Диву даешься, как он выкраивал время для занятий литературой?

Осенью 1979 года студенты филологического факультета пригласили ученого-литератора на встречу, заранее передав ему свои вопросы в письменном виде, на которые Евней Арыстанулы ответил подробно и искренне.

— Как вы стали писателем?

— Судьба, рок? Не будем манипулировать этими понятиями. Я, как и всякий, много читающий человек, в детстве пытался писать, переводить. В мои школьные годы был широко отмечен юбилей А. С. Пушкина, который оставил в моей памяти неизгладимый след. Мне удалось достать огромного формата его юбилейный однотомник. Ясно, что после я стал грешить стихами.

— Жалеете ли вы, что стали химиком-металлургом, ученым?

— Нет! Эта работа творческая, она позволила мне изнутри познать жизнь производства, заглянуть в тайны материи, строения веществ, плавки металлов и в конце концов стать ученым. Но первая любовь — любовь к поэзии, литературе осталась. В «Гранях творчества» я рассказал о далеком и близком мне учителе. В другом произведении «Время светлой судьбы» нашли воплощение мысли о развитии современной науки, о будущем Казахстана, путях развития моего народа.

— В чем особенности вашей творческой кухни?

— Не знаю, есть ли они. Прежде всего в том, чтобы держать себя в узде. Ежедневно с 6.00 до 8.00 — полных два часа работы. Я считаю это время наиболее плодотворным. Исписываю много, но окончательного текста получается не более одной страницы.

— И это все ваше время, которое отдано литературной деятельности?

Created by free version of 2PDF
Buketov University

— Конечно, нет. Этот процесс беспрерывен, он продолжается и во время прогулок или поездок. Поводом, сюжетом для очередного произведения может стать рассказ попутчика или разговор, беседа на тему злободневную, актуальную для общества. Если пишешь, нельзя не читать как современников, так и классиков. Перечитываю Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других.

— Считаете ли вы себя дилетантом? Как вы относитесь к дилетантизму?

— Дилетант! Слово-то какое. А кого мы готовы окрестить так? Неужто это А. П. Чехов — врач по профессии и писатель по призванию, Л. Н. Толстой — недоучка в понимании чопорных ревнителей просвещения или А. М. Горький — все университеты которого состояли в скитаниях по Руси. И кого же из них назовем «дилетантом»? Вы читали прекрасные мемуары маршала Г. К. Жукова? Он мог бы написать второй роман «Война и мир», в 1941—1945 годах он организовал и провел не одно Бородинское сражение, материала у него больше, чем было у Л. Н. Толстого. И спасибо Жукову, что он не написал роман, а только мемуары (...) Тогда бы вы его тоже отнесли к разряду «дилетантов»?

Я не получил специального гуманитарного образования, но как писатель, как переводчик дилетантом себя не считаю. Уверен, что образованных бездарностей намного больше, чем плодовитых и вполне профессионально работающих людей без литературного образования. Последние вносят заметный вклад в науку, литературу. Это и С. Есенин — с его церковно-приходской школой, который, по его собственному признанию, по счастью, не поступил в учительский институт, и В. Маяковский, которого и до сих пор считают дилетантом...

IV

В 1975 году Евнею Арыстанулы исполнилось 50 лет. До этого он никогда не устраивал в дни рождения помпезные и шумные мероприятия. Когда приходили с поздравлениями братья, снохи, родственники, дру-

Библиотека ЛГУ

зья, он принимал всех за дастарханом, и на этом семейные торжества заканчивались. А теперь не знал, как поступить, колебался, нужно ли праздновать юбилей? Не зная, что делать, он тянул с окончательным решением. Но родственники и друзья постоянно напоминали, уговаривали его отметить эту дату... А он не очень-то жаловал чествования.

Между тем, пока он пребывал в сомнениях, в двадцатых числах марта начали поступать поздравительные письма и телеграммы со всех концов Союза.

«Дорогой Евней Арстанович! Сотрудники кафедры металлургии легких и редких металлов и проблемной лаборатории ЛГИ горячо поздравляют Вас со славным пятидесятилетием. Мы знаем Вас как блестящего ученого и организатора науки, создавшего школу, плодотворно работающую в различных областях химии и металлургии. Многие работы Вашей школы доведены до успешного промышленного внедрения и заслужили всеобщее признание. Ваша деятельность исключительно многогранна. Мы гордимся Вами — представителем металлургов в Союзе писателей СССР. Желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов...» — телеграфировали коллеги из Ленинграда, профессор Т. Н. Грейвер, М. Я. Остробород, В. М. Косовер, И. Г. Зайцева, А. М. Беленький.

Такие теплые поздравления от коллег, конечно, были очень приятны. Сюрпризом явилась неожиданная телеграмма, полученная по фототелеграфу из Москвы:

«Уважаемый Евней Арстанович!

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по казахской литературе поздравляют Вас с полувековым юбилеем. Мы, Ваши коллеги по перу, знаем Вас не только как вдумчивого литературного критика и переводчика, страстного пропагандиста творений Владимира Маяковского и Сергея Есенина, но и как крупного ученого, внесшего большой вклад в развитие химико-металлургической науки Казахстана. Ваши деяния на этом поприще заслуженно отмечены Государственной премией СССР. Ваши художественные очерки "Человек, родив-

Created by free version of 2PDF
BNTU.by University

шийся на верблюде", "В орбите кочевок", эссе о людях казахского театрального искусства сразу полюбились широкому кругу читателей. Дорогой Евней Арстанович, Вы, как лучший представитель технической интеллигенции, счастливо сочетающий в себе литературный талант с плодотворной научной деятельностью, безусловно, создадите еще много произведений о людях отечественной науки. Дорогой друг, от всей души желаем Вам доброго здоровья, новых свершений во имя расцвета науки и культуры нашей социалистической Родины.

Секретариат правления Союза писателей СССР».

Более сотни поздравлений хранится в архиве ученого. География поздравлений обширна — Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Баку, Казань, Фрунзе, Ташкент, Самарканд, Улан-Удэ и другие города. Разумеется, преобладающее число поздравлений поступило из Алматы и из областей Казахстана, из сел и аулов, где знали Евнея Букетова лично и уважали как большого ученого и замечательного человека. А некоторые близкие родственники из Северного Казахстана, земляки из Баганаты и других аулов с берегов Есиля, не ожидая приглашения, приехали, чтобы по-родственному обнять юбиляра... Много друзей и доброжелателей прибыло из Алматы, Петропавловска, Павлодара и Чимкента. Среди них — бывший однокашник по институту, министр геологии Казахской ССР, академик Шахмардан Есенов, закадычный друг со студенческих лет, известный ученый-филолог, писатель Зейнолла Кабдолов, поэт Какимбек Салыков из Жезказгана, коллеги, ученые-металлурги из бывшего КазГМИ... Возглавляла почетных гостей из Алматы семья Тажибаевых, хорошо знавшая юбиляра со студенческих лет. В актовом зале университета, где чествовали Е. А. Букетова, выступил Абдильда Тажибаев. Свои поздравления известный поэт позднее повторил в своей книге «Памятное»: «Я тогда сказал: "Евнейжан — оказывается, у тебя очень много друзей, значит, ты любим своими сверстниками. Кроме того, я знаю, что ты уважаем в народе, с радостью присоединяюсь к чествующим

Buketov University

тебя! Многие твои сверстники ныне достигли пятидесятилетия, ты тоже подошел к этому возрасту, притом с гордой головой, с добрыми делами, свершениями на благо народа, оставайся же всегда таким!.. Теперь свои чувства к тебе выскажу стихами, которые по приезде в Караганду сочинил экспромтом: Друзья, пятидесятилетний юбилей / Пусть каждый встретит, как Евней... На твоем торжестве я познакомился со знатными учеными — химиками и геологами. Все они выступали с поздравлениями с этой трибуны: русские, украинцы, грузины, и стар, и млад... — подытожил свои поздравления Абдильда-ага. — И все говорили от чистого сердца, от души об Евнее, о моем горячо любимом брате, что он истинный ученый, друг, прекрасный товарищ, замечательный человек. Мне приятно было слышать эти слова о тебе, я горжусь тобой, Евнейжан! Оправдывай и впредь наше доверие и будь здоров!..”»

Из воспоминаний Даляпраз Евнейкызы БУКЕТОВОЙ:

«В одно прекрасное лето, когда мне было 12 лет, он взял отпуск на 10 дней, и мы поехали в его родной аул Баганаты на машине. Он давно обещал мне такую поездку, и это было здорово. Я хорошо запомнила ночевку в машине в каком-то попутном лесочке, горячий чай из термоса и неловкую заботливость отца. Он одерживал верх в научных баталиях, был невероятно остроумным собеседником, но не умел ухаживать за детьми.

...И вот, наконец, мы приехали. Я была разочарована. Оказалось, что родина отца — обычный казахский аул. А в его рассказах все было как-то по-другому. Потом я поняла, что это его чувства и переживания расцветили эти места всеми красками. Люди в ауле были плохо одеты. Но на столе всегда была сытная еда. У каждого дома был загон, в котором блеяли бараны и мычали коровы. Все тогда так жили: плохо одеты, зато сыты. А для отца, пережившего годы страшного голода, унесшего жизни близких, это было очень важно.

Но что действительно стоило внимания, на мой взгляд, это — березовая роща, речка и зеленые поляны между деревьями, где папа косил траву в юности, заго-

Created by free version of 2PDF

тавливая сено к зиме. Отец сиял от счастья. Он гордо ходил по родным местам. Все его знали, любили и ждали. В ауле начался настоящий праздник. Зарезали кобылу и несколько баранов, устроили той на поляне. В огромных котлах варили плов и мясо, жарили баурсаки. Женщины наливали кумыс в большие пиалы всем желающим. Отец, естественно, сидел во главе дастархана, шутил, рассказывал о городской жизни. Заночевали мы в маленькой комнатке в доме папиного дяди, деда Маутая. Мне достался единственный топчан, а отцу постелили на полу. Он пошутил, что, мол, не всегда доведется увидеть академика на полу. И что, мол, избалованные городские девчонки никак не могут оценить прелести аульной жизни.

В то лето он учил меня ездить верхом на коне. К моей досаде, он выбрал самую смирную кобылу и водил ее за собой, не отпуская поводьев, как я его ни упрашивала. А потом мы сидели у речки на поваленном стволе, отец был задумчив и грустен. Неподалеку загорелые мальчишки гарцевали на своих скакунах. Один из них помчался в нашу сторону и прямо перед нами поднял коня на дыбы. Отец встрепенулся и сказал, покачав головой, чтобы я все-таки хотя бы улыбнулась, потому что этот спектакль устроен явно не в честь академика, а для того, чтобы некоторые девчонки из города не очень-то задирали нос».

Buketov University

Литература дает мне силу и энергию, чтобы заниматься научной работой. Если ученые не понимают музыку, литературу, они уподобляются птицам со сломанным крылом. Об ученом, не знающем литературу, не сказал бы, что он станет истинным ученым. Крупные ученые всегда были людьми высокой культуры, поклонниками литературы и искусства...

Е. БУКЕТОВ. «Лениншил жас»,
22 марта 1975 года

Created by free version of 2PDF

Глава 10

«НА ИЗВИЛИСТОЙ ТРОПЕ НЕ ПОСКОЛЬЗНИСЬ, СМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО, УВЕРЕННО ДЕРЖИСЬ»

I

Диапазон интересов Е. А. Букетова, служебных и общественных обязанностей был огромен: с неослабевающим вниманием он следил за возведением «Университетского городка»; формировал новые факультеты, переводил их на новую программу; обновлял и омолаживал преподавательский состав, строил новые планы — в общем, шагал вперед без оглядки. По правде говоря, у него не было времени даже дух перевести, особенно в первые годы. Но все же жизненная закалка и опыт помогали выдержать почти космические перегрузки. Помогало и то, что по всем вопросам, возникавшим ежедневно в процессе работы, ему оказывали постоянную поддержку и доверие руководители местных партийных и советских органов.

Однако бывали моменты, когда все валилось из рук и ректор не знал, к кому обратиться за помощью, попав в почти безвыходное положение...

Buketov university

Торежан ЖУНУСОВ. «Человек большой души»:

«Однажды Ебеке показал мне фотокопию с какой-то схемы. Сначала я не смог разобрать, что там такое, потому что весь текст был напечатан мелким шрифтом.

— Это произведение очень глупого человека, — пояснил Евней-ага. — Из-за таких глупцов наши казахи до сих пор делятся на роды, племена и жузы, постоянно враждуют, ставят подножки друг другу. Если кто-то чего-то достигнет в жизни, смотрят на него с черной завистью. Если плохо кому-то, ничем не помогут, наоборот, столкнут в яму. Поэтому мы во многом отстали, позднее всех вступили на путь просвещения и не можем воспользоваться его плодами, до сих пор с умом не можем распорядиться щедрыми дарами нашей богатой природы. Вместо этого тратим свое драгоценное время на всякие споры, кляузы, подсиживания, из-за этого у нас нет согласия. И этот зловредный пережиток прошлого мы никак не можем изжить... — возмущенно продолжал Ебеке; наконец я понял, почему мой научный наставник вдруг так расстроился, показывая мне злополучный листок.

Ебеке тут же открыл, что, как только его утвердили на должность ректора университета, он получил эту генеалогическую родовую схему. Кто-то ее с пояснительной запиской, аккуратно отпечатанной на машинке, положил в его домашний почтовый ящик. В родовой схеме был показан его подрод и даже колено атыгайцев, из которого он произошел, затем были перечислены все руководители города и области, выходцы из казахов, по их родам, с примечаниями каких людей и чьих родственников они в основном опекают... Ясно, родовая схема была составлена и подброшена с целью воззвать к его родовым чувствам.

Излив все свое раздражение, Ебеке заключил, что надо кончать с делением народа на роды, жузы, и выразил глубокое убеждение, что тот, кто думает достичь высоких чинов с помощью родовых и жузовых связей, в конце концов жестоко просчитается. К постам и званиям надо, особенно молодым людям, идти честным путем...»

Buketov University

О таких подводных камнях и течениях в общественно-политической жизни он даже не подозревал в годы работы в ХМИ. Но, увы, с такими грязными проявлениями клановости Евней Арыстанулы столкнулся с первых дней своего ректорства в университете: при любом удобном случае некоторые его помощники и почтенные люди напоминали о родичах, просили о протекции.

— Ебеке, — урезонивали они его, — долго занимаясь чистой наукой, вы, оказывается, совсем оторвались от действительности. У вас должен быть надежный тыл, своих верных людей надо расставить на самых ключевых местах.

Профессор Букетов поступил наперекор своим «доброжелателям»: первым проректором назначил кандидата философских наук Р. А. Клешеву; после нее эту ответственную должность занял Николай Федорович Пивень, направленный из Министерства высшего и среднего образования Казахской ССР; проректором вечернего и заочного отделения назначил историка, ветерана войны и труда, доцента Курмана Касымжанулы Ермагамбетова (обязанности проректора Куреке с честью исполнял до последних дней, почти до кончины в 1982 году, и до конца оставался правой рукой ректора). А деканами восьми факультетов стали люди, которые работали еще в пединституте, заведующие кафедрами также остались на своих местах. И лишь на вновь открытые 12 кафедр были приглашены ученые из других городов. Правда, бывшим руководителям пединститута, надеявшимся на высокие посты в университете, почему-то не были предложены имевшиеся вакансии. Но никто из них не остался без работы. Тем не менее в их лице ректор нажил довольно многочисленную оппозицию...

Камзабай БУКЕТОВ. «Друг мой, брат мой»:

«Обиженными оказались люди, занимавшие определенные руководящие посты в прежнем педагогическом институте. Они долго таили зло, а некоторые вредили как могли. В том году был такой случай. Один молодой

Created by free version of 2PDF

Buketov University

человек, наш земляк, окончивший медицинский институт, и дочь одного из бывших руководителей пединститута решили пожениться. Этот земляк попросил меня и еще нескольких близких людей пойти к ее родителям как свату. Когда мы появились, хозяева квартиры нас радушно приняли, помогли раздеться, провели в гостиную. Разговорились, стали знакомиться, и когда очередь дошла до меня и выяснилось, что я брат ректора университета, родители девушки, я заметил, изменились в лицах. Дальше разговор плохо клеился. Угостив традиционным чаем, хозяева проводили нас, пообещав, что свое решение о свадьбе объявят позже. Потом они категорически воспротивились, и этим молодым людям не суждено было соединить свои судьбы.

Причиной всему было одно: жених оказался земляком неуважаемого ими человека. Может быть, не так сложились бы их судьбы, не появись в качестве символического свата его родной брат, то есть я. Бывают же в жизни такие конфузы!..»

Быть заведующим кафедрой или деканом — очень хлопотно. Ведь их обязанность — организация учебного процесса, воспитательная работа среди студентов. В первые годы в КарГУ только на дневном отделении обучались около пяти тысяч студентов, и надо было следить, чтобы они не нарушали общественный порядок, соблюдали режим, не выпивали, не пропускали занятий и успешно сдавали экзамены.

В. А. БРЕННЕР, доктор технических наук. «Таким он был, таким остался в сердцах людей»:

«Он считал, что равноправие в получении знаний — основа нашего развития. Этой аксиомы он четко придерживался в своей деятельности на посту ректора. Мне приходилось неоднократно присутствовать при решении судьбы отдельных преподавателей и студентов, не отвечавших требованиям вуза. Звонки авторитетных лиц, национальный вопрос, запугивание, шантаж и другие воздействия не влияли на выработанную им линию на создание высококвалифицированного кол-

Created by free version of 2PDF
Library of University

лектива. Сколько такта и мужества проявлял при этом Евней Арстанович, но редко когда отходил от принципиальных позиций. И все это для него не прошло бесследно...»

«Бойся данайцев, дары приносящих», — говорили древние греки. Благодетели были опасны. Подлинное свое обличье они показали на приеме первых же экзаменов в КарГУ. Для них период вступительных экзаменов был самым прибыльным сезоном года. Некоторые преподаватели, вошедшие в приемные комиссии, воспользовались представившимися возможностями пополнить свои кошельки: кто брал за положительную оценку, зачисление в вуз деньгами, кто — зимним согымом*; словом, обирали родителей до нитки.

Мздоимство в вузах было поставлено на поток: какой-нибудь пронырливый и нечистоплотный городской делец собирал с родителей дань, обещая протолкнуть их чад, выпускников школ, в любой вуз. Набрав десяток подростков, он начинал торговаться с экзаменаторами... В результате абитуриент с хорошими знаниями, но не умевший или не хотевший «подмазать» экзаменатора или посредника, — оставался с носом. Но «счастливчик» заваливал первую же сессию, и бедные родители снова начинали бегать туда-сюда, чтобы лентяя и недоучку не выкинули из вуза. Опять на выручку приходили те же «спасатели», чтобы его вытянуть на экзамене хотя бы на троечку. Для обеспокоенных родителей — это опять дополнительные расходы. Да и для экзаменатора был определенный риск, мог возникнуть каверзный вопрос: как же такой недотепа набрал высокий балл при поступлении?!..

Это продолжалось из года в год. А вечный «троечник» в конце концов получал заветный диплом об окончании вуза и возвращался в свой аул. Для того чтобы он стал действительно стоящим специалистом, нужны были годы и годы жизненных университетов. Если он на беду детишек становился учителем, то, яс-

---

* Заготовка мяса на зиму, в основном из конины.

Created by free version of 2PDF

Virtual University

но, не учил их, а калечил. Ведь сам учитель ничего не знал, а что он мог дать своим подопечным?

Евней Арыстанулы до прихода в университет знал об этой «эпидемии», поразившей высшие учебные заведения. А теперь он непосредственно столкнулся со злоупотреблениями со стороны педагогов, с взяточничеством и жульничеством. Что делать, как бороться с этой напастью?

В объявлениях о приеме в КарГУ повсюду рекламировалось, что здесь в основном будут готовиться специалисты широкого профиля. И, конечно, желающих учиться в новом университете оказалось очень много: в среднем на одно место претендовали шесть абитуриентов. На юридическом и экономическом факультетах — даже двадцать.

Евней Арыстанулы решил первый набор провести чисто и честно, без всяких закулисных хитростей, чтобы на первый курс в престижный вуз пришли действительно победившие в конкурсе. Поэтому ректор взял под свой контроль весь процесс приема: провел беседы с преподавателями, принимавшими вступительные экзамены; строго предупредил всех о их ответственности за честность и прозрачность приема, по каждому предмету назначил наблюдателей; кроме того, не допустил некоторых преподавателей к приему экзаменов...

...За месяц до начала экзаменов к ректору университета пришел пожилой преподаватель, который проработал в пединституте более двадцати лет, доцент гуманитарного факультета А. К. с жалобой на то, что его без объяснения причин отстранили от приема экзаменов.

— Вы принимали вступительные экзамены десять лет подряд, аксакал, — объяснил ректор. — Отдохните год, другой...

— Ебеке, вы сначала выслушайте мои аргументы. Студентов, которые завтра станут учителями, я должен отбирать сам. Это — очень важно и принципиально. Молодые коллеги мои могут допустить ошибки...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— Партийное бюро университета приняло решение о ежегодном полном обновлении состава приемной комиссии. Это будет способствовать духовному очищению, оздоровлению коллектива преподавателей. Вы были долгие годы членом партбюро, как коммунист и заинтересованное лицо в поднятии престижа нашего учебного заведения должны поддержать это решение.

— Именно поэтому, Ебеке, я специально пришел к вам. Я десять лет участвовал в приеме экзаменов, и меня вдруг отстранили, когда институт получил статус университета... Для меня это — наказание. Получается, что ректорат мне не доверяет. А я — известный ученый, у меня немало наград...

— Если я вас включу в состав приемной комиссии, получится, что я не считаюсь с решением партбюро. В ваших же интересах отдохнуть от этих утомительных экзаменов, это мое окончательное слово...

— Ну, что ж, Ебеке, не обижайтесь, я этот вопрос доведу до партийных органов...

Ректор университета хорошо знал, что этот человек был известен в Караганде как большой скандалист. Бывших руководителей пединститута он своими бесконечными претензиями доводил до нервных срывов. Букетов понимал, что, отказав доценту А. К., приобрел закаленного в склоках противника. Все же решил не уступать жалобщику, за ним ведь придут и другие...

Через неделю ему позвонил секретарь райкома партии:

— В вашем университете, Евней Арстанович, среди преподавательского состава не так уж много членов партии, а А. К. — известный активист, он всегда добросовестно выполняет задания райкома партии... Почему вы ему не доверяете? Непонятно. А мы ему верим на сто процентов!..

Ректор КарГУ тоже не остался в долгу:

— Товарищ секретарь, меня назначили руководить университетом, наделили определенными правами, наверное, не для того, чтобы я выслушивал несправедливые нагоняи от секретаря райкома. В конце концов, каких преподавателей поставить на приемные экзаме-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ны — это уж, извините, моя прерогатива. Я же не вмешиваюсь в ваши кадровые вопросы...

Через неделю ректора вызвали к заведующей отделом науки, образования и высших учебных заведений обкома партии. Опять возник тот же вопрос: «Почему обижаете известного в области ученого? Вы что, не знаете его задиристый характер. Для вас и для нас будет лучше, Ебеке, если бы вы с ним поладили...» — так началась там беседа.

С заведующей отделом, обаятельной женщиной, Евней Арыстанулы был в дружеских отношениях. В служебных делах она помогала ему, поэтому Букетов не стал играть с ней в дипломатию, открыто изложил свою твердую позицию по существу конфликта.

— Знаете, почему этот доцент так рвется в группу экзаменаторов? Только в прошлом году он устроил в пединститут десять абитуриентов с юга. А почему он не тянет абитуриентов из наших районов, скажем, из Каркаралинского или Ульяновского районов, а постоянно помогает выпускникам школ из Чимкента и Жамбула?.. Вы, надеюсь, поняли, на что я намекаю. Я этому доценту не только в этом, но и в следующем году не позволю принимать вступительные экзамены! И не только ему, но и всем, кто экзамены принимает по расчету и кумовству. Пора уже в высших учебных учреждениях искоренить всех любителей брать на лапу. Что мы хотим: дать молодым людям знания или превратить вузы в место торговли и обогащения алчных прихлебателей?!

— Боритесь, Ебеке. Лучше сразу, чем потом. Желаем вам успеха! — ответила заведующая отделом обкома партии.

Все промахи августовского приема студентов в КарГУ вылезли наружу позднее: в ходе первой экзаменационной сессии из прошедших в вуз по конкурсу 625 студентов каждый пятый не смог сдать текущие экзамены; некоторые один и тот же предмет сдавали по три раза и получали при этом неудовлетворитель-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ные оценки, часть из них к весне распрощалась с университетом. Кто виноват в случившемся?..

Этот вопрос Евней Арыстанулы поднимал не только на заседании ректората, но и на специально созванном по этому поводу партийном собрании с участием всех деканов и заведующих кафедрами. Пришлось поднимать с места всех преподавателей и ректорских контролеров, которые прошлым летом принимали вступительные экзамены. Но ни от кого ректор университета вразумительного ответа не получил. У всех были общие отговорки: что в высших учебных заведениях такие явления бывают часто, потому что уровень знаний, получаемых выпускниками в средних школах, — весьма низкий, особенно в аульных и сельских школах; вузу остается поступивших слабых учеников доводить до среднего уровня, вообще будущих студентов надо готовить на подготовительных курсах, без этого, мол, не обойтись...

По убеждению ректора КарГУ, приемные экзамены были проведены нечестно, имели место кумовство, подачки, подарки. В результате в университет прошли слабые абитуренты, которые в школах получили весьма посредственные знания, а наиболее сильные и лучшие претенденты не смогли пробиться в вуз, потому что им ставили явно заниженные оценки. Потому этих слабеньких придется переучивать по основным предметам заново...

Иногда он своих коллег спрашивал:

— Каким химиком вы меня считаете?

— Вы знали, конечно, химию на отлично и поэтому стали профессором...

Евнея Арыстанулы это всегда веселило:

— В аттестате зрелости у меня по химии четыре, а когда поступал в КазГМИ, кое-как получил тройку... Тайну этой науки я понял в годы учебы в институте с помощью прекрасных преподавателей по химии. Если сейчас я кое-что знаю по этому предмету, это — их заслуга и еще результат моего терпеливого труда, стремления что-то знать и чего-то достичь... В мои годы внимание преподавателей к студенту и честность, доб-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

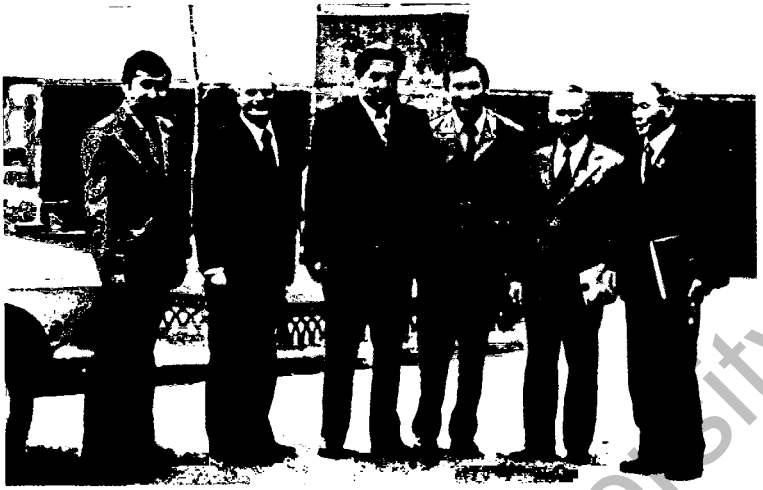
Академик Е. А. Букетов. *1980 год*

В день торжественного открытия КарГУ.
Сентябрь, 1972 год

Во время встречи с известным писателем Сабитом Мукановым (крайний слева). У микрофона — председатель облисполкома С. Досмаганбетов. Рядом с ним — Е. Букетов.
Осень, 1972 год

Buketov University

Created by free version of 2PDF



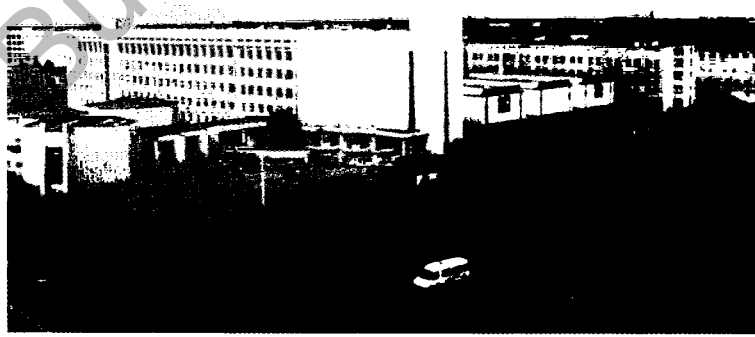
Участники Менделеевского съезда химиков. В центре — академик АН РК Е. А. Букетов. *Москва, 1975 год*

Главный редактор журнала «Знамя» В. Кожевников в кабинете ректора КарГУ. Рядом с ним — М. Смагулов и Е. А. Букетов

Created by free version of PDF

Обсуждение проекта Университетского городка. *1974 год*

В 1991 году на стене главного корпуса этого городка появится надпись: «Карагандинский госуниверситет им. Е. А. Букетова»



Created by free version of 2PDF

Buketov university

Встреча гостей в КарГУ, слева направо: доктор медицинских наук А. Ракишев, Е. Букетов, министр просвещения Казахстана К. Балахметов, его заместитель В. Сидоров и министр здравоохранения республики Т. Шарманов

Отдых на природе с учеными-физиками КарГУ, слева направо: Л. Краус, Ж. Акылбаев, Е. Букетов, А. Перевертун и Т. Кукетаев

Created by free version of 2PDF

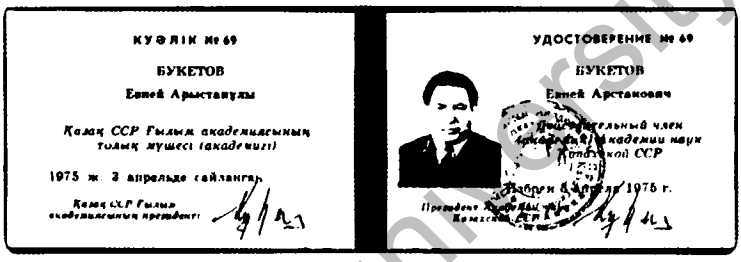
Талантливый продолжатель дела Е. А. Букетова — доктор технических наук, директор ХМИ Жанторе Нурланулы Абишев

Московский ученый-химик, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР В. И. Спицын в лаборатории ХМИ. *1978 год*

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Академики АН СССР В. В. Келдыш и А. А. Александров с ведущими учеными Казахстана. В третьем ряду — Е. А. Букетов. *Москва*


КУӘЛІК № 69

БУКЕТОВ

Евней Арыстанұлы

Қазақ ССР Ғылым академиясының толық мүшесі (академигі)

1975 ж. 3 апрельде сайланған

Қазақ ССР Ғылым академиясының президенті

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 69

БУКЕТОВ

Евней Арстанович

Действительный член Академии наук Казахской ССР

Избран 3 апреля 1975 г.

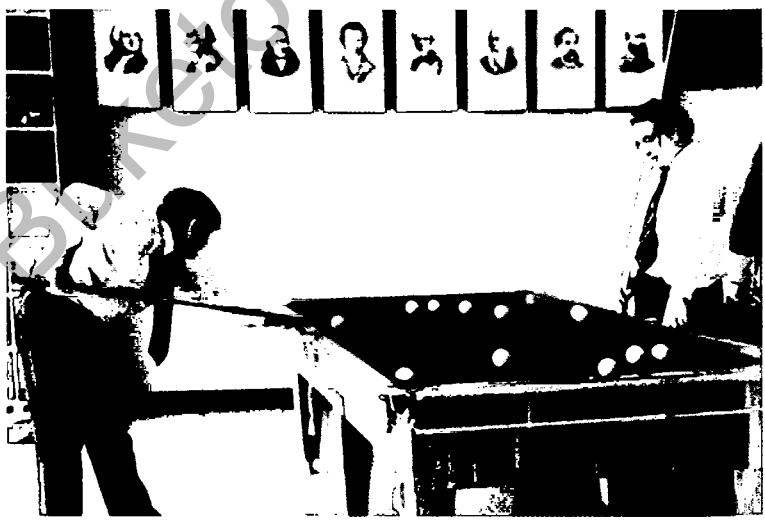
Президент Президиум

Отдых в Каркаралинских горах, слева направо: писатели А. Жаксыбаев, Е. Букетов, Герой Социалистического Труда Г. Мусрепов и др.

Created by free version of 2PDF

Академик АН РК Е. А. Букетов был великолепным оратором

Одно из увлечений Евнея Арыстанулы



Buketov univ

Created by free version of 2PDF

25 наурыз 2005 жыл

Білім - арзымайтын байлық
Знание - капитал, не подверженный инфляции

СКМУ

ПАРАСАТ

жұма
пятница
№ 12

Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан мемлекеттік университеті
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

Е.А.Бөкетовтің туғанына 80 жыл толуына арнап шығарылған

Специальный выпуск газеты, посвященный 80-летию Е.А. Букетова

«Я не знаю, что будет после меня, но, если хоть одно зерно, посеянное мной, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком»

Е.А. Букетов

Бүгінгі саннан оқитындарыңыз:

ЕВНЕЙ БӨКЕТОВТІҢ ҒЫЛЫМИ МҰРАСЫ
2-бетте

РУХЫ БИІК, ТАЗА ДАРЫН ИЕСІ
6-бетте

ЕВНЕЙ АҒА РУХЫНА
7-бетте

ЖАРҚЫН ЖҮЗІ КӨЗ АЛДЫМДА
10-бетте

ҚҰРДАС ЕДІК
12-бетте

Начало пути...
стр. 3

Ученый с мировым именем
стр. 4-5

Литературная деятельность...
стр. 8-9

Воспоминания о Е.А. Букетове
стр. 9,11

Первая страница многотиражной газеты Северо-Казахстанского государственного университета, посвященная 80-летию Е. А. Букетова. *25 марта 2005 года*

Репозиторий СКГУ им. М. Козыбаева

Международная научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Е. А. Букетова. У микрофона — ректор КарГУ, профессор Е. К. Кубеев. *Караганда, 23 марта 2005 года*

На трибуне — талантливый продолжатель научных поисков Евнея Арыстанулы — директор НИИ фитохимии академик С. М. Адекенов

Created by free version of 2PDF

Конференция в ХМИ. На трибуне — академики Г. Р. Бекжанов и А. А. Жарменов

Участники конференции Северо-Казахстанского ГУ почтили память Е. А. Букетова. На снимке: академик З. Молдахметов, аким области Т. А. Мансуров, ректор СКГУ О. Ашимов, писатели К. Салыков и М. Сарсеке.
Петропавловск, март 2005 года

Created by free version of Zone

Эйнштейн Максу Борну:

«Что должен делать каждый человек — это давать пример чистоты и иметь мужество серьезно сокращать этические убеждения в обществе учителей. С давних пор я старался поступать таким образом — с переменным успехом»

Он же в 1953 г.:

«Собаки и маленькие дети имеют между добротой и злом ... вуют первым и прямо ... восхищением. Большею ... назывался свой маленький ... медлительный и не ведущий ... полей»

Жорес (не дословно):

В пустоте, куда ... шествуя свои пути, ... прошлому, но не к цепи.

Мариан Сл

Сегодня в полдень пущена ракета,
Она летит куда быстрее света,
И в день прибудет в семь утра... вчера.
Скорость света 300 000 км/сек — предельная скорость,
Быстрее и быстрей не может лететь быстрее света... Неделя

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Страница из записной книжки Е. А. Букетова

Младшие братья Е. А. Букетова: Камзабай, Жартас, Шабдан и Еслямбек

Created by free version of DocuPen

Счастливый отец с дочерьми Акслу и Даляпраз

В 1977 году Евней Арыстанулы с сыновьями Мажитом и Рашитом посетил могилу Абая, находящуюся в Жидебае

Created by free version of 2PDF

Младшие Букетовы со своим любимым дедом — «Бапой»

Камзабай Арыстанулы у могилы старшего брата.
Автор памятника Ю. В. Гуммель

Buketov University

Через 27 лет после несправедливого изгнания из КарГУ 12 декабря 2006 года он вернулся в родной университет, носящий теперь его имя. *Автор памятника А. П. Билык*

Created by free version of 2PDF

росовестность были не сравнимы с нынешними. Поставить заведомо завышенную оценку студенту по чьей-либо просьбе тогда считалось позором, такое предложение любой преподаватель расценивал как оскорбление. А в школах строгие, требовательные учителя оставляли недоучек-учеников на второй год — тогда это вовсе не считалось недопустимым. Такая болезнь, как «процентомания», появилась только в 1970-е годы, а завышать заведомо оценку, брать за это взятку — упаси боже, ни одному преподавателю высшего учебного заведения не только наяву, но и во сне такое не могло присниться...

Но как бы Евней Арыстанулы ни старался, отстраняя нечистых на руку преподавателей от работы, кумовство и поборы за восемь лет своего ректорства так и не смог до конца искоренить. В какой-то степени умерил аппетиты наиболее наглых взяточников, теперь они чувствовали себя не так вольготно и безнаказанно.

В воспоминаниях Камзабая Арыстанулы приводится такой случай:

«Люсе Тихой, соседской дочери, очень понравилась специальность эпидемиолога. После окончания десятилетки она подала документы в Карагандинский медицинский институт. Но не прошла по конкурсу, не хватило всего полбалла. После этого она сдавала еще пять раз. И всегда не хватало полбалла или одного балла. Жили они с Евнеем в одном подъезде. Отец ее, рядовой шахтер, проработавший на одной шахте около сорока лет, мама — счетный работник... После шестого раза Люся и мама со слезами на глазах шли к дому. Евней оказался во дворе. Увидев их расстроенные лица, он расспросил, в чем дело. Узнав подробности, успокоил их. На следующий день он пошел к ректору медицинского института и попросил поднять архив за пять лет. Оказалось, что, действительно, Людмила Романовна Тихая шесть раз сдавала экзамены и, ни разу не провалив, не проходила по конкурсу. Тогда Евней спросил своего коллегу: "Кого же мы будем учить, как не преданных избранному делу людей?" Люся Тихая была зачислена. Успешно закончив институт, работает

Buketov University

сейчас в Актау, воспитывает сына, которого назвала Женей, думаю, не случайно...»

Евней Арыстанулы мечтал поднять на высокий уровень учебно-воспитательную работу в университете, и уже забрезжила надежда, что все его мечты сбудутся. Но в жизни не всегда бывают безоблачные, ясные дни. И в солнечный день налетают ветер и гроза. Его стремление делать добро постоянно отравляли явная ложь, ядовитая клевета коллег, и ему волей-неволей приходилось от них защищаться. Не прекращались нападки обиженных на его действия людей, которых он лишил приварка к зарплате, и тех, кто претендовал на более высокую должность, не имея на это никаких оснований — ни ученой степени, ни таланта, ни способностей, зато амбиций у них было с избытком. Они доносили о «грехах» ректора, демонстративно попирающего принципы коллегиального руководства... Разумеется, эти жалобы писались с умом, били в уязвимые точки, так как авторы были в курсе университетской жизни и, конечно, указывали на недостатки и упущения, которые всегда случаются в любом коллективе. Но всю вину за это валили на ректора и его ставленников, как говорилось в письмах, «на любимчиков ректора», которых «Букетов притащил из Алматы, чтобы с их помощью всех давить, угнетать и единолично властвовать». Ясно, все жалобы и доносы преследовали только одну цель: создать негативное мнение об ученом, которого невозможно было ни запугать, ни подкупить никакими подарками. Капля за каплей вода и камень точит, на это и надеялись противники Букетова.

Кляузничество, доносительство, внедренные в сознание людей партией коммунистов почти с первых дней своего правления, можно сказать, были хронической болезнью советского общества. Всем известно, что партийные органы брали на заметку любой донос, воспринимая его как критику снизу. Потому анонимщики распоясались вовсю. Ведь, не открывая своего имени, под грифом «Доброжелатель», «Активный коммунист», «Искатель правды», «Общественник», «Рабо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

чий», «Колхозник»... можно было без риска для себя изрядно насолить, попортить кровь начальству, а то и свести счеты с кем угодно. Анонимные письма с такими подписями отправлялись в райкомы, городские, областные, республиканские партийные комитеты, иной раз еще дальше — в Москву, в ЦК КПСС, в газету «Правда». Как правило, такие жалобы на действия ректора возвращались в университет, чтобы там, на месте разобрались что к чему. Тяжбами занималось партбюро КарГУ под надзором райкома партии. Конечно, в действиях любого руководителя можно найти десятки ошибок, и в каждом коллективе бывают недовольные люди, от этого никто не застрахован. Тем более руководитель такого большого учебного заведения, как КарГУ, насчитывавшего более десяти тысяч преподавателей и студентов.

...Однажды Евней Арыстанулы пригласил к себе упоминавшегося нами А. К., доцента с гуманитарного факультета. Он вошел, улыбаясь, даже попытался побратски обнять ректора, но Букетов уклонился от объятий и не очень приветливо предложил ему место перед собой. Потом положил перед ним отпечатанные на машинке семь-восемь страниц текста на казахском языке. Тот, бегло прочитав их, стал возмущаться, всем своим видом показывая крайнее огорчение.

— Ебеке, кто же этот анонимщик? Кто бы ни был, это явная ложь, дело скандальное. И все, что здесь написано о вас, — вранье... Но как все складно сочинено. Ебеке, такой пасквиль нельзя оставить без последствий, непременно надо найти автора и вывести его, негодяя, на чистую воду!..

— Это можно... Ведь автор этой анонимки — вы, аксакал, вы доносили наверх обо мне неоднократно. Это ваша пятая жалоба за последние три года... И все они лежат в этой папке...

А. К. выразил наигранное удивление:

— Ебеке, вы сильно ошибаетесь, я привык открыто говорить обо всем, что меня не устраивает. Вы это

Buketov University

Created by free version of 2PDF

знаете... Я о вашем стиле работы и недостатках не раз говорил с трибуны партийных собраний. А это, еще раз утверждаю, настоящая клевета на вас! Кто-то специально стравливает нас, немедленно извинитесь за оскорбление чести и достоинства, если нет, то я вынужден буду обратиться в партбюро...

— Ну хватит, аксакал, играть в прятки... — Евней Арыстанулы достал из стола несколько страниц, это была статья доцента, опубликованная в областной газете, небрежно бросил ему. — Это ваша статья?

— Моя, — ответил А. К.

— Теперь прочтите этот документ, — ректор положил перед ним отпечатанный листок, заверенный печатью и подписями. Это было официальное заключение научно-криминалистической лаборатории областного управления внутренних дел о том, что представленные руководством КарГУ пять «анонимок» и опубликованная статья в газете доцента А. К. отпечатаны на одной пишущей машинке...

А. К. пошел на попятную и признал свою вину. Стал говорить, что он очень сожалеет, просил прощения, клятвенно обещал, что больше никогда такое не повторится.

— Ваши обещания, аксакал, я уже слышал много раз. Не верить вам имею полное основание... Ваши доносы меня доконали. Честное слово, стыдно за вас. Не в том дело, что мне тяжело перенести все это и отвечать на ваши кляузы, выдуманные вами, всю эту грязь, клевету я могу вовсе забыть и простить. Но я не за себя, а за вас, за наш народ переживаю, поймите меня правильно: мы ведь не молоды, у нас есть научные звания и известность; и мы, солидные два казаха, не поделили что-то и ссоримся постоянно, нехорошо это, согласитесь, аксакал... Теперь подумайте и скажите прямо сейчас: ваши новые и старые письма я взял у секретаря партбюро, а он намерен, приложив заключение экспертизы, обсудить ваше поведение на общепартийном собрании университета. При обсуждении, конечно, коллектив разделится: часть людей поддержит вас, думаю, большинство коммунистов будут за-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ступаться за меня... Как бы то ни было, коллектив разделится на два лагеря, начнется перепалка. Самое обидное, пострадает наша работа, которой мы с вами отдаем все силы. Для того чтобы не было этого, я вам предлагаю: давайте расстанемся с миром.

— Скажите, Ебеке, в чем конкретно заключается ваше предложение?

— Перед тем как вас пригласить, я переговорил с ректором здешнего политехнического института Абылкасом Сагиновым. Высказал ему, как старшему, свою обиду на вас... — сказал Евней Арыстанулы, кивком показав на телефонный аппарат. — Абеке человек мудрый и чуткий. Я ведь, жалуясь на вас, просил у него совета. Он пожалел, видимо, и меня и вас. Короче, аксакал, он приглашает вас в свой институт... Перейдете туда доцентом, зарплата такая же, как у нас, никаких к вам претензий не будет. А дальнейшие ваши успехи целиком будут зависеть от вашего поведения. Я в этом деле вам не советчик...

— Я согласен, Ебеке. Заявление вам сейчас писать? — А. К. виновато улыбнулся: — Если два академика решили мою судьбу, не согласиться — с моей стороны будет глупо и вообще нетактично. Ебеке, я понял только сейчас, что перешел всякие границы и совсем запутался. Стыдно мне, — сказал он, подавая ректору заявление...

* * *

Люди всегда сопротивляются переменам. Инерция. Крутые меры, предпринятые Е. А. Букетовым для поднятия престижа и учебно-образовательного уровня Карагандинского госуниверситета, не пришлись по душе некоторым преподавателям, и, конечно, их противодействие не прекратилось с уходом одного доцента-кляузника. Сигналы «бдительных» анонимщиков продолжали поступать наверх. Хотя ни один из них не подтверждался, тем не менее они рассматривались, что отнимало у ректора (не только у него, но и у всего коллектива, в том числе и партбюро университета) много

Buketov University

Created by free version of 2PDF

времени, необходимо было давать и письменные объяснения. Парадоксальным было то, что приходилось давать ответы неизвестному лицу, скрывавшемуся под вывеской «Честный коммунист». И, злясь на свою беспомощность, Евней Арыстанулы иной раз пытался образумить чиновников вышестоящих органов, говоря, что вообще пора прекратить практику рассмотрения анонимок. «Если он человек честный и настоящий коммунист, пусть подписывается своим именем и фамилией, тогда я буду с ним разговаривать на равных и, возможно, сообща мы устраним те недостатки, о которых он сообщает в своих жалобах...» — писал ректор КарГУ.

Но, увы, институт анонимщиков, как мы знаем, благополучно просуществовал почти до 1990-х годов...

* * *

Как-то Евней Арыстанулы зашел в университет поздно вечером после собрания областного актива, чтобы взять бумаги, которые намеревался прочитать дома. Встретив в приемной казашку в годах, но еще не растерявшую красоты, одетую по-городскому, он кивком головы из приличия поздоровался с ней. Женщина улыбнулась. Блеск ее черных глаз Евнею кого-то напомнил. Но он не стал разговаривать с незнакомкой, не задерживаясь в приемной, быстро прошел в свой кабинет.

Однако не успел разобрать бумаги, как вошла секретарь.

— Агай, эта женщина ждет вас. Пришла после обеда и не уходит... Будто бы она вас хорошо знает. Но себя не называет...

— Я тоже будто бы где-то ее видел, Сара, только не могу вспомнить ни имени, ни города. Ладно, пригласи.

Женщина вошла в кабинет раскованно, подала ему руку, где на среднем пальце сверкнуло массивное золотое кольцо. Светские женщины первыми не подают руку мужчинам, с них достаточно кивка головы. А посетительница будто бы специально пренебрегла манерами.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

— Неужели не узнал меня, Евней. Я удивлена! — проворковала она. — Значит, уже годы взяли свое...

Голос ее был звонкий и знакомый Евнею до боли. Да и блеск ее черных глаз, все еще по-молодому жгучих, и кокетливая, мягкая улыбка вдруг пронзили его сердце. Он узнал ее. И, быстро отодвинув свое кресло в сторону, шагнул к ней навстречу.

— Бог мой, неужели ты, Карагоз, потерянная мною навсегда? Удивлен, не ждал, конечно, потому и не узнал. Сколько зим, сколько лет прошло с тех пор... Тридцать четыре, нет, тридцать три года, как мы не виделись. — Он все не выпускал ее пальцев из своих рук, говоря первое, что пришло на ум. Не отдавая отчета своим действиям, скорее подчиняясь порыву сердца, вдруг притянул ее к себе и заключил в объятия, сначала поцеловал в обе щеки, а потом, осмелев, прильнул к ее губам.

Это был счастливый миг встречи двух влюбленных, потерявших друг друга на дорогах жизни. О долгожданной этой встрече каждый из них грезил во сне и наяву, лелеял ее в своих мечтах, представляя по-разному. И вот она произошла в этот зимний вечер, и все былое как бы ожило. Обоим уже было за пятьдесят, но в этот час они почувствовали себя снова молодыми, с волнением вспоминали юные годы: маленький аул Баганаты, как с наступлением сумерек они в обнимку спускались с высокого обрыва к роднику; и, взявшись за руки, долго гуляли среди берез; Евней вполголоса, проникновенно читал ей новые стихи, иногда и свои, посвященные ей, Карагоз. А потом полетели дни, месяцы, годы разлуки — она уехала в Алматы, училась в университете; а Евней остался учительствовать в сельских школах, чтобы спасти от нищеты своих братьев-сирот; и теперь только в письмах они говорили друг с другом, делясь в них своими по-юному чистыми чувствами.

А теперь они долго стояли, обнявшись и исступленно целуясь, будто бы им снова было по семнадцать лет. В этот сладостный миг они забыли, что годы их осыпаются, как листья в саду золотой осенью жизни. Вот так, не думая ни о чем, можно было стоять вечно. Но, увы!

Created by free version of 2PDF

Радость встречи прошла быстро, слишком быстро, как внезапно вспыхнувшее в ночи пламя и сразу погасшее. Они сели в кресла, расположенные в углу кабинета. Евней попросил секретаря принести чай. Когда Сара принесла чайник с посудой, он сказал ей: «Можешь идти домой...»

— Ну, дорогая, рассказывай, откуда ты свалилась к нам, в Караганду? — спросил Евней свою гостью. — Не буду тебя мучить долгими расспросами о том, куда ты пропала в тот год, когда я приехал в Алматы. Не буду также рассказывать тебе, как я горевал, потеряв тебя, и как долго искал. Не буду и все. Это пройдено, прожито и возврата к тому уже нет... И не будем друг друга винить. Договорились?.. Только я поведаю тебе об одном необыкновенном случае, произошедшем со мной, дорогая Карагоз: однажды пожилая цыганка, поймав меня на улице, нагадала мне, что я потерянную свою девушку обязательно встречу через долгие годы, когда у нее и у меня появятся на лице морщины и начнут седеть волосы, и если я не буду мстить ей за доставленное мучение, прощу ее, то буду безмерно вознагражден и получу истинное удовольствие... Вот видишь, мы встретились, я никогда не верил всяким гадалкам и предсказателям судеб. А теперь начинаю верить. Ну, хватит об этом, слушаю тебя, красавица моя!..

— Что рассказывать? Живу в Актюбинске. Работаю старшим преподавателем на кафедре русского языка в пединституте... О твоих успехах наслышана. Ты многого добился, поздравляю от души!.. Кстати, я знала без предсказаний цыганки, что ты станешь известным человеком, у тебя были для этого задатки с молодых лет. О чем теперь жалеть. Не суждено было нам жить под одной крышей, такое уж предначертание Аллаха...

Евней, протестуя, замахал рукой.

— Судьбой своей я довольна. Живу в достатке. Муж три года назад умер... Дети наши выросли, старшие уже живут отдельно, имею внуков.

— Ну что ж, Карагоз, я рад за тебя! Особенно за то, что ты, подобно ветвистому дереву, начинаешь обрастать большой семьей...

Created by free version of 2PDF

— Сегодня прилетела, прямо из аэропорта поехала сюда. В Караганде кроме тебя я никого не знаю, да и дело мое только к тебе, Евней... Секретарь твой оказалась на редкость добродушной девчонкой, спасибо ей, напоила чаем. И вот тебя дождалась, значит, везучая. Я рада, что наконец с тобой встретилась!..

— Значит, тебе надо найти место на ночлег?

— К тебе домой напрашиваться не буду. Устрой меня в гостиницу, если это трудно, найди мне койку на пару дней в общежитии университета...

Евней позвонил брату домой.

— Камзабай, у меня сидит гостья, наша общая знакомая. Та самая красавица-кудаша*, след которой мы потеряли давным-давно. Теперь вот нашлась... Вспомнил?.. Тогда скажи Бикеше, чтобы ужин готовила. Про нее особо не распространяйся — она может превратно понять... — Он говорил с братом по привычке в приказном тоне. И тот воспринял его деликатное поручение без возражений. — Через четверть часа я ее подвезу к дому, встречай...

Но гостья вдруг сказала с укоризной:

— Я, честно говоря, с братом твоим рада встретиться, но мне трудно предстать перед вашей матерью. Лучше я в гостиницу пойду, как-нибудь устроюсь до утра...

Евней взял ее теплые руки в свои и успокоил:

— Можешь не остерегаться, она давно лежит в сырой земле, рядом с нашим отцом...

— Прими мое соболезнование, пусть земля ей будет пухом...

— Чуть позже покажу тебе и свой очаг, Карагоз. Будешь желанной гостьей. О наших отношениях супруга моя, кажется, информирована через моих ровесников из Баганаты. Но ты особо не стесняйся ее, она женщина добрая и понятливая, не будет ревновать. Ладно, не будем отвлекаться. Расскажи, тебя привела ко мне какая-то нужда?.. Выкладывай, красавица, прямо сейчас.

---

* Свояченица — сестра невесты брата.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Гостья, покраснев, опустила глаза.

— Если желаешь спать спокойно, расскажи сейчас. И мне тоже будет легче...

— Как твое здоровье, Евней? По лицу вижу, что тебе уже будто бы за шестьдесят, хотя знаю, что до этих лет тебе еще далеко... — начала гостья издалека. — Болеешь, что ли?..

— Не волнуйся, на красавицу вроде тебя у меня еще сил хватит. Не забывай, что я потомок батыра, — засмеялся Букетов. — Ты, Карагоз, не тяни. Наверное, о своих детях беспокоишься?..

— Ты догадлив, — кивнула женщина. — У меня единственный сын, младшенький, рожденный мною после трех дочерей, можно сказать, выпрошенный молитвами у Всевышнего... Парень он смышленый, не лишен здравого ума. Окончил неплохо среднюю школу, в аттестате у него нет троек... В общем, желая стать химиком, как ты, сын мой два года подряд сдавал документы в КазГУ, на химический факультет, но, увы, постоянно не добирал балла. По-моему, там ему не удастся добиться справедливости... Вот и приехала посоветоваться с тобой. Как мне быть? У него к лету уже будет два года рабочего стажа...

— Ты уже не хочешь отправлять его в КазГУ в третий раз попытать свое счастье? Да и после школы он кое-что подзабыл...

— В Алматы моему сыну отбили охоту поступать. Словом, я довольно долго раздумывала над этим, Евней. Ехать или не ехать, с какими глазами явлюсь к тебе, примешь ли меня?.. На днях решилась все-таки, какникак мы старые друзья. Как говорится: «У кого большой размах — у того и тень надежнее для укрытия»...

— Это изречение принадлежит нашему мудрецу Абаю, правильно будет так: «У кого большой чин — к тому и за подмогой обратись...»

— Вот и я прошу тебя: будь опорой для моего сына. Я уже наслышана, что ты подбираешь обездоленных, но талантливых молодых... Я также знаю, что к тебе идут со всех концов Казахстана и находят приют под твоей опекой. Сын мой — не слабак, у него в школе был фанати-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

чески увлеченный химией учитель, он-то и пристрастил его к этой науке. Возьми его к себе в университет, понаблюдай, на что он способен. Будет толк, оставь его при себе, под своим крылом, и мне будет спокойнее, Евней. Вот единственная просьба моя к тебе!..

Вдруг зазвонил один из телефонных аппаратов, стоявших на журнальном столике. Букетов взял трубку:

— Сейчас, Зуке, минут через десять выхожу.

Потом с усмешкой посмотрел на гостью, ждавшую его ответа, и тихо сказал:

— Звонила жена, беспокоится из-за моей задержки, кажется, догадывается, с кем я сижу в такой поздний час, у вас, женщин, тонкий нюх, никогда не обманешь... Ладно, Карагоз моя, я все сделаю так, как ты хочешь!.. Я благодарен судьбе, которая привела тебя ко мне, считаю это подарком Всевышнего за долгие годы ожидания...

А. И. ПЕРЕВЕРТУН. «Я счастлив, что знал Букетова»: *«Женщины были неравнодушны к Евнею Арстановичу,* — свидетельствует ученый, который дружил с ним и тридцать два года своей жизни провел вместе. — *Его деликатность, импозантность привлекали женщин. Они не понимали, что он однолюб. Хорошее отношение, легкость общения принимались за флирт, к чему он никогда не стремился. Были и нежные письма, и устные объяснения. Сколько они ему приносили неприятностей!..»*

II

Прощаясь с коллективом ХМИ, Евней Арыстанулы сказал своим коллегам:

— Все свои научные исследования я проводил вместе с вами, друзья. Поэтому я попросил, чтобы меня не разлучали со ставшим мне родным институтом... Словом, постараюсь не отрываться от вас, будем продолжать начатые исследования...

Через некоторое время он получил официальное разрешение, подписанное президентом Академии наук и

Created by free version of 2PDF

Buketov University

министром образования Казахской ССР. В связи с этим у него появилась возможность хотя бы один день в неделю работать в своей лаборатории, всецело отдаваться любимой науке. Этим днем была среда, по народному обычаю самый удачный, благоприятный день недели.

Все восемь лет ректорства в КарГУ, как говорят очевидцы, Евней Арыстанулы каждую среду приходил в ХМИ. Устав от нескончаемых университетских дел, особенно от ежедневных утомительных заседаний, многочисленных, часто назойливых посетителей, постоянно просивших то квартиру, то должность, то творческий отпуск, он, дождавшись среды, с раннего утра приходил в лабораторию редких и рассеянных элементов, заново укомплектованную в новом корпусе ХМИ, и сразу же подключался к делу. Его моментально окружали молодые исследователи, у которых накопилось к нему за неделю много вопросов, да и самого руководителя переполняли свежие идеи, которые хотелось проверить на практике.

После обеденного перерыва ученый поднимался на второй этаж, где в просторном холле был установлен бильярд. В отдельном шкафу хранились личные кии Евнея Арыстанулы. Заядлый игрок Полукаров поджидал ученого в вестибюле. Сражение шло с переменным успехом. Оба были равными игроками. Алексей Николаевич к бильярду пристрастился, когда окончательно завязал с «зеленым змием». Проигрывать Алексей Николаевич не любил, но, разгорячившись, часто мазал, иногда посылал шары через борт. Евней Арыстанулы держался хладнокровнее, бил расчетливее, точнее. Притом его выручали большой рост и длинные руки. Пользуясь своим преимуществом, он любой шар метко клал в лузу... Через час-другой ученый, хлопнув в ладоши, громогласно объявлял: «Хватит, пошли работать!»

И работа продолжалась до поздней ночи...

По признанию самого ученого, каждая среда, проведенная в кругу своих сослуживцев в ХМИ, давала такой же заряд энергии, бодрости, как отдых за городом, на природе, на берегу речки или степного озера. Здесь, в лаборатории, он отдыхал душой.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

А воскресенье он отдавал домашним: играл с маленькими Букетовыми, вывозил их по-прежнему за город, на озеро, образовавшееся на месте бывшего угольного карьера. Кстати, заполучив этот участок, он организовал там спортивную площадку для студентов и пляж.

* * *

Кузнец Баеш, коренной житель большого села Жанакорган, что в Кызылординской области, воспитал семерых детей. Средний сын Абдуали, закончив в 1964 году в городе Кентау среднюю школу с отличием, видимо, под влиянием старших братьев, которые здесь же преподавали химию, поступил в Чимкентский химико-технологический институт. Через пять лет он закончил это учебное заведение с красным дипломом. Интерес Абдуали Баешова к химии, кстати, проявился очень рано, будучи студентом третьего курса, он опубликовал статью в научном журнале, посвященную разгадке одной из проблем электрохимии. Несомненный, самобытный, природный талант студента был замечен его институтскими наставниками-химиками Равилем Вахидовым и Муратом Журиновым. Они намеревались оставить способного молодого человека в аспирантуре. Но ректор Чимкентского ХТИ смотрел на парня из далекого аула, сына рядового кузнеца как на выскочку, которому не место в аспирантуре. Это привилегия белой кости, считал он, и отдал это место отпрыску одного из руководителей области, который учился весьма посредственно. А Абдуали Баешова, пришедшего к нему с обидой, с ходу обругал: «В аспирантуре тебе нечего делать, иди на производство!..» — и выставил из кабинета.

Прошел год.

Попав по направлению на Петропавловский машиностроительный завод, Баешов работал рядовым аналитиком в химлаборатории. Он уже привык к своему положению серого, незаметного, никому не нужного среднего специалиста. Но вдруг получил от своего институтского наставника, заслуженного деятеля науки

Created by free version of 2PDF

Башкирской АССР Р. С. Вахидова вот такое, взбудоражившее его письмо: «Дорогой мой Абдуали, оказывается, в этом мире изредка бывает и справедливость, нашелся один человек из твоих казахов, который заинтересовался тобой. Найди время и съезди в Караганду. Там живет крупный ученый Евней Букетов, своим внешним видом он напоминает нашего башкирского легендарного богатыря Урала, и научный размах у него, можно сказать, поистине богатырский. Я недавно ему рассказал о твоих склонностях и способностях, и он сразу проникся к тебе сочувствием, как человек милосердный, да пошлет ему Аллах крепкое здоровье и удачу!.. Он твердо сказал мне: "Я ценю талантливых людей и ищу их повсюду... Отправьте ко мне вашего подающего надежды ученика, посмотрим, на что он годен..." Милый Абдуали, прошу тебя, съезди в Караганду, не сомневаюсь,что ты своих наставников не подведешь...»

Получив письмо, молодой специалист уже не мог, как это было изо дня в день, делать скучные, однообразные анализы. Наскоро собравшись, отправился в путь.

— Пассажирский поезд, в который я сел, прибыл в Караганду поздно вечером, — рассказывал мне Абдуали Баешов. — Знакомых в городе не было. В гостиницах висели характерные для тех лет вывески: «Мест нет». Пришлось переночевать в зале ожидания на вокзале. Как назло следующий день оказался воскресеньем. Что делать, проведя еще сутки на вокзале, утром с горем пополам добрался до приемной директора ХМИ. Все так и получилось, как писал Равиль Самиевич. После непродолжительного разговора Евней Арыстанулы распорядился: «Пиши заявление!» Вначале принял рядовым инженером, а через некоторое время я поступил в аспирантуру при институте...

Абдуали БАЕШОВ. «Наш наставник — лидер электрохимии»:

«Несмотря на свою занятость административными и другими делами, Евней Арстанович всегда находил время для того, чтобы проконсультировать нас, молодых.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Мы всегда восхищались тем, что он умел выкроить час-другой для беседы со всеми научными сотрудниками... Если нам не удавалось по какой-нибудь уважительной причине встретиться с ним на работе, мы в любое время дня и ночи, когда он был свободен, могли к нему прийти домой. Дома встречала нас с доброй улыбкой его супруга, уважаемая Зубайра Дуйсеновна, которая хорошо знала не только в лицо, но даже по имени всех учеников Евнея Арстановича.

Наши научные рукописи никогда не залеживались у Евнея Арстановича. Стоило их ему отдать, он удивительно быстро их прочитывал, вносил поправки и делал замечания. Работал он очень много. Для беседы по научной работе он мог вызвать нас и в 7—8 часов утра, и в 10—11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье, когда, казалось бы, он должен был отдыхать. Он искренне радовался каждому авторскому свидетельству, полученному нами, каждой опубликованной статье своего ученика, зная, что это результат и признание большого труда, и каждый раз поощрял нас даже подарками, вдохновляя на новые дела.

...Одной из характерных черт Ебеке была справедливость. Мне запомнился один случай, который произошел в 1972 году. Мы обсуждали с ним результаты моих экспериментов. Как-то незаметно возник научный спор. По своей молодости и неопытности, наверное, я был слишком уверен в своей правоте, словом, я упорно отстаивал свою точку зрения и, конечно, обидел его. Только на следующий день я, поняв свою ошибку, пришел снова к нему, домой, попросил извинения. Выслушав меня, Евней Арстанович сказал: "Ты вообще молодец, что сам разобрался, более того, не побоялся спорить со мной, научным руководителем, отстаивать свою точку зрения. Помни, что в научном споре все равны, только в споре рождается истина, не надо бояться ни титулов, ни регалий". Затем добавил: не ошибается тот, кто не работает и не думает...»

Абдуали Баешов не заставил краснеть за себя своих наставников из Чимкента и Караганды. Более двадцати лет проработав в ХМИ, он заслужил всеобщее призна-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ние как ученый-электрохимик. Кандидатскую диссертацию защитил в 1977 году, а через четырнадцать лет — докторскую. Много лет заведовал химлабораторией этого НИИ, заодно вел курс общей химии в КарГУ. В своих воспоминаниях о Е. А. Букетове профессор Абдуали Баешулы в знак большого уважения и истинной привязанности к своему покровителю многие свои научные достижения, большие и малые, связывает с именем Евнея Арыстанулы, как бы выполняя свой человеческий долг перед ним. «Только благодаря Е. А. Букетову, его железной воле и необыкновенной пробивной силе, — пишет он, — многие наши идеи были своевременно внедрены в производство». А таких новшеств мы насчитали только за годы руководства А. Б. Баешова химлабораторией ХМИ — 15. Одно из них стало полезным ноу-хау для Жамбулского новофосфорного завода. Кстати, оно зарегистрировано в Госкомитете по новой технике СССР как «Метод Букетова—Баешова по определению фосфора в фосфорном шламе».

Напоследок расскажем еще об одном весьма интересном ноу-хау любимого ученика Евнея Букетова. Известно, что титан — тугоплавкий металл, температура плавления его 1725 градусов, только на 3227 градусе он доходит до точки кипения. Как легкий и очень твердый металл он вводится в специальные сплавы, предназначенные для космических кораблей, они используются также в аппаратах, применяемых в агрессивной среде (например, морской). Короче, иметь дело с титаном весьма хлопотно.

И вот супруги Баешовы — Ажар Коспанкызы и Абдуали Баешулы, оба профессора-химики, после десятилетних изнурительных экспериментов запатентовали свое ноу-хау: тугоплавкий и считавшийся до XXI века нерастворимым в кислотах, даже в так называемой «царской водке»*, титан растворили в специальном

* Смесь концентрированных кислот — соляной и азотной (3:1 по объему), жидкость желтого цвета, растворяет все металлы, в том числе и золото. Отсюда и название «царская водка», данное алхимиками, которые считали золото «царем металлов».

Created by free version of 2PDF
Buketov University

растворе температурой ниже 100 градусов... А это уже вносит принципиальные изменения в технологию его извлечения из руд.

Ажар Коспанкызы была уроженкой аула Баганаты, родины ученого, к тому же из рода одного из многочисленных потомков известного читателю Алыпкаша-батыра. Она окончила Городецкую среднюю школу с золотой медалью, в которой в годы войны работал учителем молодой Евней Букетов. В 1974 году, закончив химический факультет КазГУ с красным дипломом, она была направлена на преподавательскую работу в КарГУ.

Здесь она попала в поле зрения Евнея Арыстанулы. Просмотрев ее аттестат зрелости и приложение к диплому, где стояли одни лишь пятерки, он сказал: «Дорогая Ажарка, тебе надо учиться дальше, подавай заявление в нашу аспирантуру». Ажар прислушалась к совету старшего, она успешно защитила кандидатскую диссертацию, а впоследствии и докторскую. Начиная с 1974 года она опубликовала по проблемам химии 230 научных и учебно-методических трудов (из них 12 с участием своего научного руководителя Е. А. Букетова).

В 2003 году супруги Баешовы за заслуги в науке и образовании были удостоены Государственной премии Республики Казахстан. В разгар реформ и новых веяний в независимом Казахстане они внесли весомую лепту в организацию и становление Казахско-Турецкого университета в г. Туркестане. В настоящее время оба работают в Алматы, в НИИ химии и органического синтеза при АН РК. Между прочим, на научную стезю вступили и их дети... Три года назад республиканские газеты по поводу вручения супругам-химикам престижной Госпремии РК писали: «Баешовы повторили научный подвиг четы Кюри-Склодовской — Пьера и Марии, всемирно известных французских физиков, лауреатов Нобелевской премии, открывших явление радиоактивности, полоний и радий... — Газетчики выражали горячую надежду, что и наши химики-супруги еще порадуют нас новыми открытиями...» Конечно, такие панегирики газет ко многому обязывают. Пусть же им сопутствует удача!..

Buketov University

Created by free version of 2PDF

* * *

Развивая университет, академик Букетов ни на минуту не забывал и о своем ХМИ, питомцы которого все увереннее заявляли о себе на производственных объектах Центрального Казахстана. Между тем бюджетных ассигнований в то время на ХМИ отпускалось намного меньше, чем на университет, что ощутимо сказывалось на подготовке квалифицированных специалистов. Университет для ученых был предпочтительнее. Евней Арыстанулы приглашал в университет специалистов с научными степенями из ведущих вузов страны, вне очереди обеспечивал их жильем (надо сказать, острый квартирный вопрос ректор постоянно использовал как главный козырь в таких делах). Конечно, не всегда удавалось пополнить ряды преподавателей такими подготовленными людьми. Тогда ректор изыскивал другие резервы. Одним из них было приглашение своих остепененных, с научными званиями питомцев из ХМИ... Это позволило значительно укрепить преподавательский состав химического факультета университета. Между прочим, именно в университете вновь принятые приступили к первым исследованиям, показав пример своим коллегам. Они там же основали лабораторию «Технологии халькогенов и халькогенидов». Первым ее заведующим был кандидат технических наук Б. К. Жакибаев (кстати, мой однокашник по КазГМИ), способный, перспективный ученик Евнея Арыстанулы. Он быстро наладил тесный контакт с крупными комбинатами, такими как Жезказганский ГОК, Уралэлектромедь, Центрказгеология, Балхашмедь, подключил к выполнению их заказов коллективы НИИ Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири и Средней Азии и начал в широком масштабе комплексные исследования по халькогенам.

Балтабай Жакибаев с молодых лет выделялся среди своих сверстников деловитостью, мог, как говорится, в любую щель пролезть, иногда, правда, зарывался, брал на себя лишнее. Но тут, под руководством строгого руководителя, хорошо знавшего его сильные и

Created by free version of 2PDF

Buketov University

слабые стороны, он по-настоящему развернул исследовательскую работу в своей лаборатории. В первый же год здесь были разработаны методы более эффективного использования сырья борофосфата на производстве, дополнительного извлечения редких металлов из заводских шламов, переработки некоторых руд с небогатым содержанием металлов. Под руководством заведующего кафедрой органической химии А. В. Казанцева в лаборатории из соединений фосфора и азота были получены активные биологические вещества и на их основе налажен выпуск новых видов лекарств. Кафедра коллоидной химии и экологии под руководством М. И. Жамбекова занялась оздоровлением условий труда и профилактикой производственных заболеваний на Карметкомбинате, в объединении Карагандаэнерго, в тресте Экибастузуголь и новом ГОКе в Жайреме.

Творческий союз с производственниками оказался для преподавателей химфака полезным и в научном, и в материальном плане и послужил примером для других факультетов.

* * *

Студент химического факультета Сергазы Адекенов стал первым обладателем ленинской стипендии в университете и получал ее три года подряд до окончания. В 1978 году он успешно окончил КарГУ с отличием. Его сверстники, да и он сам ожидали, что отличнику учебы, молодому выпускнику университета, откроется зеленая улица в аспирантуру Москвы или Алматы...

А у Евнея Арыстанулы было правило: обстоятельно беседовать с одаренными юношами наедине, чтобы узнать, чем они живут.

— Сергазы-батыр, вижу, ты спешишь стать аспирантом, — сказал ректор университета. — А не лучше ли тебе сначала потянуть лямку лаборанта в нашем ХМИ. Ведь все теоретические знания, которые ты получил за пять лет учебы, а их у тебя в голове уже предостаточно, надо закрепить на практике. Если ты так

Buketov University
Created by free version of 2PDF

поступишь, тебя потом уже на мякине не проведешь, будешь знать все тонкости будущей научной работы. А я или другой преподаватель за тебя думать не будем и выбирать тему для диссертации не станем. Лучше и вернее будет, чтобы ты сам натолкнулся на эту тему. Это во-первых... — выдержав паузу, Евней Арыстанулы продолжил: — Я знаю, что ты старший в многодетной семье, у тебя еще пятеро братьев и сестер. А с отцом твоим, Мынжасаром, я знаком. Работая директором крупного совхоза, он сумел защитить кандидатскую диссертацию. Это редкий случай среди нас, казахов, ведь многие из наших братьев изо всех сил стараются удержаться за свои кресла бастыков, а он потянулся к науке... Так вот к чему я завел этот разговор. Я думаю, твои родители, люди сознательные и образованные, с пониманием отнесутся к твоему выбору. Пойдешь в ХМИ — не пожалеешь, там тебе откроется прямой путь в науку. Используй эту возможность, айналайын*, даже с женитьбой пока повремени... У семейного человека, Сергазы-батыр, возникает множество житейских проблем — это закон жизни. Так что, дорогой, мой второй совет: сначала найди свое место в науке, я верю: у тебя — большое будущее!..

Сергазы Адекенов в то же лето стал лаборантом в ХМИ. В следующем году уже исполнял обязанности инженера, а потом работал младшим научным сотрудником...

В конце благодатного августа и в первых числах сентября 1980 года, когда все травы в степи высыхают, в окрестностях Каркаралы, Егинды-Булака и на Абралинской стороне широкой долины, на холмистых предгорьях можно было увидеть бродивших молодых людей с мешками за плечами, временами они останавливались и маленькими лопатками выкапывали полынь и другие травы с корнями. Те, кто встречал их за таким занятием, удивленно спрашивали:

— Эй, джигиты, вы что, не могли найти этой дрянной полыни в окрестностях Караганды?

---

* Милый.

Created by free version of 2PDF

Какой степняк пройдет мимо без расспроса, каждого встречного съедало любопытство: кто они, откуда родом? И когда узнавали, что один из них — синеглазый, миловидный паренек — сын знатного человека этих мест, лет десять тому назад работавшего в двух районах первым секретарем райкома, а в другом — председателем райисполкома Мынжасара Адекенова, его первенец — Сергазы, недоумевали еще больше и настойчиво приглашали их погостить в своем ауле и как следует отдохнуть. Даже, потешаясь, говорили, что этой полыни и других трав, которые они выискивают целыми днями так рьяно в безлюдной степи, во дворах у них навалом. Но, увы, молодые люди отказывались, продолжали свои нехитрые поиски, все дальше и дальше углубляясь в бескрайнюю степь...

Сборы степных трав под предводительством Сергазы Адекенова (он уже стал руководителем научной группы в ХМИ) продолжались в течение семнадцати лет. Старожилы тех мест уже привыкли к непонятным действиям ученых и даже старались им помочь верховыми лошадьми. Некоторые так и не могли угомониться. «Эй, Сергазы, что это за наука дергать траву, чему тебя учили в университете пять лет? — вопрошали они и с досадой добавляли: — Будет ли толк и польза от этого?..»

Между тем охотники за растениями в жару и непогоду упорно продвигались вперед, преодолевая степные овраги и речки, карабкаясь по обрывам и кручам гор. Образцы растений были им нужны для исследования их химических свойств. На основе полыни (жусана — по-казахски) и других трав богатой флоры казахской степи позднее стали создаваться лекарственные препараты. Исследователи также ставили перед собой задачу — определить масштабы вредного воздействия на природу минеральных удобрений и ядохимикатов, применяемых для уничтожения сорняков и насекомых на полях. В результате долгих и изнурительных исследований в лаборатории фитохимии* в

* От греческого слова: phyton — растение, отрасль науки, занимающаяся химическим воздействием на растения с определенной научной целью.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ХМИ с учетом опыта народных целителей и последних достижений науки были синтезированы лекарства, не имеющие аналогов в мировой медицине, а также ряд препаратов сельскохозяйственного назначения.

Перспективность нового направления в науке к 1990-м годам стала очевидной, и руководство Академии наук Казахской ССР пошло в связи с этим на создание самостоятельного научно-исследовательского института фитохимии. Сергазы Мынжасарулы Адекенов по праву первопроходца этого направления науки в Казахстане стал его директором. Возглавив институт, он сгруппировал вокруг себя настоящих единомышленников, фанатов своего дела, верящих в чудодейственную силу фитохимии, во все возрастающую ее роль в обеспечении здоровья и долголетия народа. Их усилия принесли ощутимые плоды. За годы неустанных поисков коллективом института из 150 видов растений, растущих в степи, получено 205 лекарственных препаратов (из них 42 — новых, до этого не известных врачам), помимо этого в распоряжение казахстанских провизоров поступило 360 соединений, из которых можно было создать новые лекарства.

Лично С. М. Адекенов за эти годы опубликовал более 800 научных трудов, получил 71 патент за свои новшества. Он является автором известного в мире «Арглабина», ставшего одним из эффективных средств при лечении некоторых видов онкозаболеваний (это лекарство сейчас применяется для лечения в таких странах, как США, Великобритания, Япония, Швейцария, Франция, Австрия, Италия, Нидерланды, Швеция, Германия, Пакистан, Китай, Индия, Турция, Россия, Узбекистан и Кыргызстан). Кстати, потребность в «Арглабине» растет из года в год, притом заказы уже измеряются миллионами ампул, десятками миллионов таблеток. В этом же институте созданы также эффективные средства, применяющиеся для быстрого заживления открытых ран, — «Биалм» и «Калиор», оригинальный препарат «Цепсеудин» и другие...

С крушением СССР ушел в небытие прежний приток субсидий науке. В условиях внезапно провозгла-

Created by free version of 2PDF

шенной рыночной экономики все НИИ Республики Казахстан и стран СНГ как бы повисли в воздухе, никому не было до них дела, поэтому многие из них самораспустились, другие остались без средств существования. Перестройка, как говорили тогда острословы, заставила затянуть пояса потуже. И тогда Сергазы Адекенов, обсудив со своими коллегами катастрофическое положение, в которое они попали, в начале 1995 года предложил руководству Национальной академии наук Казахстана перевести институт фитохимии на самофинансирование. Это был довольно смелый, одновременно рискованный шаг. Но весь расчет строился на том, что препараты, созданные в институте, должны окупить расходы на содержание НИИ. Оставалось поставить выпуск лекарств на поток...

Ученые института фитохимии просчитали все варианты, учли все свои возможности и силы, даже то, что основные виды диких растений, как основного сырья для производства, придется выращивать на собственных плантациях. Детально разработанный бизнес-проект был представлен в НАН Республики Казахстан. Инициатива НИИ была поддержана правительством республики: в центре Караганды институту выделили 44 гектара земли, из них 3 гектара — под опытное поле; а в пригороде было организовано подсобное хозяйство на площади 600 гектаров для искусственного выращивания лекарственных растений. На территории института был срочно возведен новый корпус (сейчас, в связи с увеличением заказов на «Арглабин» из России и из других стран, строится более просторный, четырехэтажный производственный комплекс, где будут размещены новые мощности), а в Астане открыли филиал института со своей аптекой, как и в Караганде, где реализуются лекарства с маркой фитоинститута... Кстати, в Караганде уже несколько лет действует Российско-Казахстанский фармацевтический институт, который также работает под эгидой этого НИИ...

Фитоинститут интенсивно набирает обороты. Ценность выпускаемых им лекарств в том, что они состоят из компонентов, созданных самой природой, и не

Buketov University
Created by free version of 2PDF

оказывают побочных воздействий. Естественно, тут же возникает вопрос: «А как обстоит дело с научной стороной?» Посудите сами: в 1999—2001 годах институт фитохимии провел две международные конференции, в них приняли участие 185 ученых с шести континентов земли; тем самым было подтверждено лидерство в этой отрасли науки казахстанских фитохимиков... В институте в настоящее время занято около трехсот научных работников, в 16 лабораториях ведут исследования 6 докторов, 33 кандидата наук... Сам С. М. Адекенов в 1992 году стал доктором химических наук, через три года был избран членом-корреспондентом НАН, а в 2003 году — академиком. За выдающиеся успехи Сергазы Мынжасарулы награжден серебряной медалью имени Аль-Фараби Национальной академии наук Казахстана и знаком «За особые заслуги перед наукой РК». Кстати, признание в своем отечестве ученый получил после того, как его по достоинству оценили за рубежом. Оказывается, казахский ученый еще в 1994 году (значит, за девять лет до членства в НАН) был избран членом Нью-Йоркской академии наук, а в 2001 году Кембриджский (Великобритания) Международный научный центр присвоил ему звание «Лучший ученый 2001 года» и наградил «Золотой медалью».

* * *

В конце 1970-х годов казахстанские химики в лабораторных условиях выделили редко встречающийся в природе и очень ценный элемент рений. Присутствие рения в медных рудах Жезказгана впервые обнаружили в 1958 году ученые НИИ геологических наук АН Казахской ССР: Т. А. Сатпаева — супруга Каныша Имантайулы и ее коллеги С. К. Калинин и Э. К. Файн. Извлечен рений из этих руд исследовательской группой ХМИ. А идею заняться им подсказал опять же Евней Арыстанулы. Научное предвидение и чутье его и на этот раз не подвели, его ученики с блеском выполнили поставленную задачу. Это был феноменальный успех для того времени! Между прочим, тогда же впервые в Казахста-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не и во всем мире стали форсировать производство этого драгоценного и очень дорогого элемента.

Такое бывает в жизни ученых очень редко, можно сказать, карагандинские химики попали в струю. В те годы прошлого столетия началась настоящая рениевая лихорадка: один грамм его стоил десятки тысяч долларов США. Но, как ни странно, история с удачным выделением одного из редких элементов на этом не закончилась. Ниже мы расскажем о счастливом продолжении ее на примере другого, еще более дорогого элемента...

Когда я писал эту книгу, в начале 2004 года почти все казахстанские газеты сообщили сенсационную новость: специалисты Национального центра комплексного использования минерального сырья (этот центр основал Ж. Н. Абишев, кстати, туда же в 90-е годы был передан ХМИ) получили самый чистый в мире 187-й изотоп осмия в промышленных условиях. Все заметки сопровождались интригующей информацией о том, что один грамм его стоит более 27 тысяч долларов США и что первая партия осмия уже продана в Чехию за 40 миллионов долларов США; а также, что предприятие «Жезказганредмет», работающее в составе Национального центра, получило заказы на этот изотоп осмия из пяти государств мира — Англии, США, Китая, Германии и России...

Я навел справки у специалистов и узнал такие подробности: оказывается, этот элемент научились извлекать и в США, но чистота полученного там изотопа значительно ниже — 70%. У нашего осмия она выражается четырьмя девятками — 99,99%. Однако казахстанцы, не зная истинной цены этого металла, продали первую его партию почти в три раза дешевле, а чешские провизоры-химики из него изготавливают дефицитные лекарства и продают их втридорога...

Организатор извлечения осмия на предприятии «Жезказганредмет» академик Абдрасул Алдашулы Жарменов, ученик Е. А. Букетова и Ж. Н. Абишева, мне сказал: «В природе еще много тайн, одна из них — наличие рения и осмия в рудах Жезказгана; нигде

Buketov University

Created by free version of 2PDF

больше пока таких руд нет, потому мы занялись их переработкой, затратили много времени и не зря».

Таких побед в повседневной жизни ХМИ было много, фактически они начались с 1970-х годов, одерживаются и поныне. Кстати, краеугольный камень в фундамент этих успехов заложил Евней Арыстанулы, открывший наиболее оптимальные и экономически выгодные условия извлечения халькогенов из отходов полиметаллических руд еще в 1960 году, когда он пришел в руководство НИИ. Читатель уже знаком со всеми перипетиями той поры, радостями и огорчениями, взлетами и падениями, успехами и неудачами... В конце концов оба метода выделения редких элементов, предложенные научным руководителем, — пирометаллургический и гидрометаллургический, себя оправдали. Последнее слово — за металлургами, и все теперь зависит от уровня оснащения производств...

Вот как резюмирует это доктор технических наук, профессор В. П. Малышев в своем труде «Поступью командора и пророка»: «Мы делили себя на “мышьячников” и “селенщиков”, на “гидриков” и “пириков”, на химиков и металлургов, теоретиков и практиков, технологов и аналитиков. Евней Арстанович был един во всех этих лицах. Именно он объединил все эти достаточно самостоятельные направления в одно мощное, дав ему по-менделеевски глубокое имя “Химия и технология халькогенов и халькогенидов”».

В 28-м томе БСЭ, увидевшей свет в 1975 году, на 179-й странице дана краткая характеристика халькофильным элементам. Там же приведены данные о содержании всех этих 19 элементов в рудах тяжелых цветных металлов. Сказано даже о том, что их в теоретическом плане можно извлечь в чистом виде... Авторы энциклопедической статьи подробно описывают их химические и физические свойства, но не дают ответа на вопрос: как их извлечь? Ясно, что в то время этого еще не знали...

Теперь обратимся к официальным документам, раскрывающим историю того, как постепенно менялись представления о халькогенах. Начиная с 1980-х

Created by free version of 2PDF
Rudgeu University

годов и до конца XX века элементам халькогенной группы и методам их извлечения были посвящены пять научных конференций ученых-химиков Советского Союза, и все они проходили только в Караганде (самая первая — в 1978-м, вторая — в 1982 году, в обеих конференциях академик Е. А. Букетов был председателем организационного комитета и вел общие заседания). Такой чести, как правило, удостаивался руководитель коллектива, лидирующего в данной области знаний. Значит, ХМИ АН Казахской ССР своей двадцатилетней плодотворной деятельностью доказал, что он впереди всех. В этих достижениях львиная доля принадлежала самому Е. А. Букетову. О его заслугах с трибуны конференций говорили многочисленные ученые-химики, приехавшие из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Новосибирска, Киева, Алматы, Чимкента, Усть-Каменогорска. Тон в этом задавали его московские коллеги, маститые ученые, посвятившие всю свою жизнь проблемам создания технологии извлечения редких металлов: Герои Социалистического Труда академик Виктор Иванович Спицын и заведующая кафедрой МГУ, профессор Александра Васильевна Новоселова. Следует подчеркнуть их подлинную человечность, способность понять и оценить труд собрата-ученого и воздать ему должное, что присуще настоящим подвижникам и всегда было в традиции русских корифеев наук. Как ни странно, это не заведено среди наших казахских ученых, наоборот, у нас часто из-за тайной зависти или открытой злобы стараются принизить, не заметить, предать забвению заслуги своих коллег, даже оклеветать их, как это позднее и случилось с академиками Сатпаевым и Букетовым.

Третья конференция прошла в 1986 году, а последняя, пятая — в 1997 году. Таким образом, талантливые последователи Е. А. Букетова держали пальму первенства в этом направлении до конца прошлого века. Научный мир независимого Казахстана может гордиться мировыми достижениями своих химиков!..

Все говорит о том, что родиной новой отрасли «Химия и технология халькогенов и халькогенидов»

Buketov University
Created by free version of 2PDF

стал Центральный Казахстан, точнее, ХМИ. С 1972 года по почину Е. А. Букетова новое направление в несколько измененном виде начало обретать последователей и в Карагандинском университете. Здесь в течение тридцати лет не только готовили специалистов по этому профилю, но и занимались комплексными исследованиями, все больше расширяя и приближая их к современному производству. Поскольку и университет, и ХМИ курировал один научный руководитель, содружество коллективов оказалось плодотворным.

Сам Евней Арыстанулы с присущей ему целеустремленностью и неиссякаемой энергией пропагандировал в научных изданиях идею объединения новых методов обработки материалов — металлургического и химического и внедрения комплексной технологии.

Этот период ознаменовался тремя важными ноу-хау:

первое: термомагнитное обогащение пиритосодержащих материалов; при новом методе ненужный в цветной металлургии пирит — соединения железа и серы сразу выводился в начальной стадии обогащения, чем обеспечивалась последующая облегченная переработка громадной массы сырья; после нее малопригодные, бедные полиметаллические концентраты становились богаче по основным металлам, намного уменьшались их потери;

второе: из бедного рудного сырья выводился ненужный кварц путем растворения его в щелочном растворе при повышенных температуре и давлении, для чего применялись автоклавы, чего вообще не было до этого в металлургической практике;

третье: плавка бедных марганцевых руд в смеси с высокозольным коксом; в результате такого совмещения в электропечах получался сплав железа, кремния, алюминия; в шлам же ничто не переходило, все компоненты шли в дело, почти как при предварительном обескремнивании медных концентратов; целесообразность метода была налицо.

Все три новшества Е. А. Букетов свел к общему знаменателю и назвал «Термохимическим обогащением полезных ископаемых». Этому процессу он дал глу-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

бокое теоретическое обоснование, тем самым показав, что он не только смелый, пытливый экспериментатор, но и бесспорно превосходный теоретик.

В обогащение руд Е. А. Букетов намечал позднее внести еще одно принципиальное изменение: путем гидротермальной обработки окисленных руд цветных металлов он намеревался сразу получить сульфиды, а дальше бы все пошло по знакомой цепочке. К сожалению, эту задумку довести до конца ему уже не удалось. После кончины ученого его питомцы провели соответствующие опыты, разработали оптимальные условия обогащения. И все получилось так, как он предсказал. Кстати, выгоду первыми от этого извлекли в России. Там, на Дальнем Востоке, благодаря использованию метода Е. А. Букетова было запущено производство на месте давно разведанного, богатейшего Удоканского месторождения окисленных руд цветных металлов...

А теперь, читатель, вернемся к началу 1960 года. Мы тогда вскользь упомянули о задачах, поставленных президентом Академии наук Казахской ССР К. И. Сатпаевым перед молодым ученым, кандидатом технических наук Е. А. Букетовым, согласившимся поехать в Караганду, чтобы там в перспективе организовать новый научно-исследовательский центр. Смысл всего сказанного в тот день главой казахстанской науки сводился к тому, чтобы силами ученых в ХМИ внедрить в производство новейшие научные и технические достижения, позволяющие комплексно использовать природные кладовые Центрального Казахстана. Речь, таким образом, шла об экономически выгодных, по-современному говоря, безотходных технологиях извлечения всех полезных ископаемых без исключения. Задача по тому времени — трудная. И она, несмотря на сложность, была полностью выполнена благодаря уникальным, разносторонним талантам Евнея Букетова. Программа модернизации металлургии, начатая внедряться в производство Евнеем Арыстанулы, успешно реализована его верными учениками, новой технологией сейчас охвачены все металлургические мощности Республики Казахстан...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Нам известно, что на втором этапе своих поисков, условно это можно отнести к 1970—1983 годам, Букетов занялся геохимическим анализом всех имеющихся в составе казахстанских руд цветных, редких, легких и благородных металлов, его новые научные концепции в этом направлении в основном были одобрены ведущими учеными всего Союза, в итоге проблемы геологии и металлургии стали рассматриваться в одном аспекте. Кстати, это дает нам право сказать, что ученый-металлург Е. А. Букетов, развивая металлогеническую теорию своего великого учителя, основоположника этой науки К. И. Сатпаева, создал теоретические и практические предпосылки освоения безотходной технологии при извлечении всех металлов и элементов халькогенной группы. По мнению научных коллег, находившихся всегда рядом все эти годы с Е. А. Букетовым, он, как новатор и первопроходец, воплотил замечательную идею Сатпаева о комплексном использовании полезных ископаемых в жизнь...

«Обобщение геохимической классификации, с включением сюда металлургии, сделанное под руководством Е. А. Букетова и получившее всесоюзное признание, роднит геологию и металлургию, а значит, и К. И. Сатпаева и Е. А. Букетова, — писал мне В. П. Малышев 26 августа 2003 года на мои конкретные вопросы. — Если основная заслуга К. И. Сатпаева состоит в разработке металлогении на основе присутствия всех сопутствующих, так сказать, металлофильных элементов соответствующих месторождений, то заслуга Е. А. Букетова видится в разработке такой химии и технологии металлов, в которой равное внимание уделяется им каждому из металлов и элементов, прямо или косвенно связанных с основным "маркером" месторождений тяжелых цветных металлов — серой. Опять-таки здесь увязываются, обобщаются геологические и металлургические аспекты, идеи К. И. Сатпаева и идеи Е. А. Букетова. Металлогеническая концепция К. И. Сатпаева, конечно, шире чисто халькогенной концепции Е. А. Букетова, так как первая охватывает не только тяжелые цветные металлы.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Но с дополнением по ферросплавам, причем именно комплексным ферросплавам, халькогенная концепция распространяется и на чисто оксидные соединения металлов, будь они в составе как промышленных месторождений, так и забалансовых и даже в виде пустой породы в угольных месторождениях.

Тем самым геологическая металлогения соединяется с технологической металлогенией, как и судьбы двух ученых... Самое главное, у обоих есть талантливые продолжатели. Тому свидетельство: в начале XXI века девять талантливых учеников Е. А. Букетова стали лауреатами Государственной премии Республики Казахстан...»

С великим удовольствием сообщаю, что этот список лауреатов через два года пополнился еще двумя его учениками: Н. С. Бектургановым и автором вышеприведенного письма В. П. Малышевым.

III

Благодаря Евнею Арыстанулы в ХМИ фактически были созданы все предпосылки для открытия отделения Академии наук в Центральном Казахстане.

Но открытие его откладывалось на неопределенные сроки.

На то были веские причины, не зависящие от директора ХМИ. Главной из них была частая сменяемость руководства самой Академии наук. Президентами избирались вроде бы известные ученые, солидные мужи Ш.Ч.Чокин, Ш. Е. Есенов, каждый из них крепко брал в руки вожжи, старался идти в ногу со временем. Но, увы! Эти ученые пришлись не по нраву высшему начальству республики. Словом, не по своей воле они быстро покидали президентский пост. В 1974 году президентом Академии наук Казахской ССР стал А. М. Кунаев.

Весной 1975 года Евней Арыстанулы был избран действительным членом Академии наук республики. К тому времени он уже три года был ректором КарГУ.

Buketov university

Created by free version of 2PDF

Все больше втягиваясь в жизнь университета, Букетов не часто посещал АН. Но вскоре после вступления в ряды академиков, чем он очень гордился в то время, возможно, в эйфории нахлынувших радостных чувств, он напросился на прием к президенту. Тем более Аскар Минлиахмедулы был его коллегой, он уже несколько лет возглавлял Институт металлургии и обогащения, открытый в 1941 году и издавна считавшийся головным научным учреждением в системе АН.

— Асеке, открытие отделения Академии наук в Караганде было заветной мечтой Каныша Имантаевича Сатпаева, — сказал Букетов. — Ваши предшественники не успели это сделать. Видимо, осуществить это предначертано вам. Вы войдете в историю!.. — Евней Арыстанулы увлек президента захватывающими научными и экономическими перспективами этого нововведения в структуре академии... — Надо, Асеке, поставить этот вопрос перед правительством. А мы, если нужно будет, ваше предложение активно поддержим в Караганде...

Новый президент быстро уловил огромное значение предлагаемого структурного развития Академии наук.

— Ебеке, спасибо вам! Превосходная идея! Безусловно, этот вопрос обязательно прозондируем в верхах. Только вы мне дайте немного времени. Ведь открытие нового отделения — это не моя прерогатива, надо заручиться поддержкой Союзной академии, может быть, и ЦК КПСС... В общем, я займусь. Я уже сделал себе пометку...

Евней Арыстанулы ушел от президента Академии наук окрыленным, довольным тем, что ему удалось давно назревший вопрос сдвинуть с мертвой точки, он внутренне ликовал: теперь-то у них наверняка будет свое отделение академии со всеми научными подразделениями. Но он в то время не очень хорошо знал Аскара Минлиахмедулы и даже не подозревал, что у него семь пятниц на неделе, что он больше горазд на обещания. Все кончилось тем, что из ХМИ забрали несколько лабораторий и на базе их организовали три

Created by free version of 2PDF
Buketov University

новых института. Никакой речи об открытии отделения Академии наук даже не шло.

В повседневной жизни Евнея Букетова, разумеется, больше всего беспокоило строительство «Университетского городка». А оно шло ни шатко ни валко. Этому препятствовали разные обстоятельства: средства, которые каждый год выделялись для нового городка, строители осваивали не полностью; для них это было нормой, и областные руководители эту практику не могли изменить, хотя и привыкли ломать строителей через колено. В итоге из-за отсутствия помещений хромал учебный процесс на обе ноги... После бесконечных выяснений отношений, хождений по инстанциям терпение ректора КарГУ лопнуло, и однажды он записался на прием к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана...

Во время долгого ожидания приема у высокопоставленного государственного и партийного деятеля близкие друзья наперебой его поучали: «Разговор с секретарем начни с того, что открытие второго университета в республике и назначение тебя туда ректором — личная заслуга Димеке. Благодаря этому мы сегодня имеем в Центральном Казахстане современный университет. Если бы не ты, такого высшего учебного заведения не было бы еще десять лет... Поблагодари секретаря и заверь, что потомки не забудут его деяний. После этого обязательно скажи, что ты думаешь, недалеко то время, когда многомиллионное население Сары-Арки обратится к правительству с просьбой присвоить КарГУ твое имя. И, пожалуйста, нисколько не стесняйся. Ничего в этих словах зазорного нет. Патриархи нашего ленинского Политбюро к таким дифирамбам давно привыкли. Как, например, превозносят дорогого Леонида Ильича руководители республик, какие помпезные приемы ему устраивают, как льстят, лицемерят и прогибаются перед ним. За одну встречу по 40—50 раз называют мудрейшим из мудрейших и даже устраивают между собой соревнование, кто лучше скажет. Не веришь, возьми газету, просмотри отчеты о любом приезде Брежнева в Казах-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

стан. Специально подсчитай, сколько раз сам Димеке его так безудержно восхвалял под долго несмолкающие аплодисменты. Когда "верный ленинец", награжденный 200 орденами, присвоивший себе звание Маршала Советского Союза и даже претендовавший на лавры классика литературы, выступал в Ташкенте, Шараф Рашидов его назвал мудрым 44 раза, а наш Димеке — 54 раза! А ты колеблешься, вроде неудобно. Ерунда!.. Такие соловьиные песни и наш не прочь слушать, он уже привык к ним... Ну, возможно, ради приличия или проверки твоей верности он, нахмурившись, может ласково пожурить: "Да вы что, бросьте!..", а ты не отступай, продолжай в таком же духе... А затем, в конце своей долгой тирады скажи: "Я к вам пришел с большой просьбой, дорогой Димеке, помогите ускорить строительство КарГУ, без вас нам с этим не справиться..."»

Слушая своих доброжелателей, ректор КарГУ не на шутку задумался. Совесть не позволяла ему так унижаться, льстить и славословить, в лицо говорить такие несуразные, дешевые глупости. Ведь Д. А. Кунаев разбирается в людях, видит их насквозь и может с первых фраз остановить: «Бросьте приписывать мне лишнее — КарГУ открылся, потому что он был жизненно необходим этому региону...» — что я ему тогда отвечу? Нет, не годится кривить душой...

И вот его пригласили в кабинет первого секретаря. После вежливого приветствия он сел в кресло напротив Динмухамеда Ахметулы и начал не спеша рассказывать о делах КарГУ: об укомплектованности профессорско-преподавательскими кадрами, учебном процессе, заметил, что занятия вынуждены вести в две-три смены, притом в восьми корпусах, расположенных далеко друг от друга, что все это мешает осуществлять учебный процесс, и, наконец, дошел до наболевшей проблемы:

— Димеке, выход из этого тупика только один. Необходимо как можно быстрее закончить строительство городка КарГУ. Средства для этого отпускаются в достатке, но они плохо осваиваются строителями, нужно

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ужесточить требования к ним со стороны министерства. В прошлом году, например, наши подрядчики освоили отпущенные средства только на сорок процентов... Как выправить положение, я не знаю, у меня нет таких полномочий, чтобы воздействовать на них. Словом, Димеке, вся надежда на вас, если вы не поможете, не знаю, как дальше быть?!..

Динмухамед Ахметулы удивленно поднял голову:

— В республике строится множество обьектов, все они важны, притом все должны быть сданы в установленные сроки. Самое странное, я везде должен быть толкачом-прорабом и непременно должен за всех разгильдяев, за вас устранять все перекосы и разгребать завалы. Нет, товарищ Букетов, ради этого могли бы не приходить. Проект «Университетского городка» давно утвержден, нужные средства выделены. Засучив рукава, не отвлекаясь на другие дела, говорят, вы и на это способны, вам надо заняться своими прямыми обязанностями. А если строительные организации подводят, Караганда — большой город, у него мощная база строительной индустрии, почаще бейте тревогу, идите к своим местным руководителям... — и еще добавил несколько неприятных и хлестких слов.

Видимо, это означало окончание аудиенции. Надежда на помощь могущественного Д. А. Кунаева потерпела крах. Евней Арыстанулы только сейчас почувствовал, что хозяин «Большого дома»* к нему отнесся недоброжелательно, чем-то был недоволен. Значит, следовало, не раздражая его далее, скорее уйти. А он не мог так просто встать с места и выйти из кабинета. Получив незаслуженную оплеуху, он хотел как-то ответить на удар, оправдаться, ведь кто-то его перед ним очернил...

Но вместо этого он сказал совсем другое:

— В Караганде и вообще в Центральном Казахстане плодотворно трудится около тысячи научных работ-

* Так окрестили в народе громоздкое здание ЦК Компартии Казахстана, выстроенное в 1960-е годы на бывшей площади им. В. И. Ленина в Алматы.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ников. Среди них — десятки докторов, сотни кандидатов наук... Это большая сила, Димеке, и нам нужен объединяющий научный центр. Мне кажется, наступило время для открытия Центрально-Казахстанского отделения под эгидой Академии наук республики... Если эту идею одобрит Центральный комитет, то... — как только Букетов это проговорил, секретарь, круто обернувшись к нему, неожиданно постучал карандашом по столу.

Евней Арыстанулы умолк, не зная, продолжать разговор или остановиться...

— Вообще вы, ученые, народ интересный, но и настырный... Если что-то пришло вам в голову, тут же стараетесь непременно довести до меня... Товарищ Букетов, вы действительный член Академии наук, у вас есть избранный вами президент. То, что вы предлагаете мне, сообщите Аскару Менлиахметовичу. Хотя я его старший брат, не стану присваивать себе его полномочия, как надо поступить в этом случае, ему виднее, так что идите к нему, во-первых... Во-вторых, когда есть республиканская академия, избранный вами президиум для руководства всеми делами, нужно ли в Казахстане открывать вторую академию наук, я не вижу необходимости в этой надуманной надстройке. Может быть, вам нужен самостоятельный научный центр под вашим руководством?.. В таком случае я вынужден вас огорчить, опять же это ни к чему, нечего раздувать штаты академии, они и так раздутые... Что еще у вас?

— Больше мне нечего сказать. Простите, что занял ваше драгоценное время!

Букетов поднялся с места, не дожидаясь разрешения секретаря.

* * *

Эти вопросы — о строительстве «Университетского городка» и открытии нового отделения Академии наук в Караганде, которые Е. А. Букетов поднимал в личной беседе с первым секретарем ЦК КП Казахстана,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

были в то время самыми животрепещущими. Они возникли неслучайно, и Евней Арыстанулы, беспокоясь за их благополучное и своевременное разрешение, вынужден был обратиться к Д. А. Кунаеву с самыми честными намерениями. Ничего предосудительного в этом не было, и если он не смог склонить на свою сторону первое лицо республики — значит, просто не сумел как следует разъяснить важность их. Скорее всего, он попал к нему в неудачный день, не под настроение, наверное, неправильно построив свой разговор, просто рассердил его. «Такое тоже бывает со всеми, ведь Димеке тоже человек, с присущими всем смертным слабостями... — думал Евней Арыстанулы, позднее анализируя ход беседы в «Большом доме». — А теперь совесть моя чиста, я, как коммунист и ученый, открыто высказал ему все, что наболело. Как решать эти проблемы — ему виднее...»

Между тем, приехав в Караганду, о своем визите к первому секретарю он подробно доложил руководителям области. А тех, должно быть, насторожила сердитая реакция Д. А. Кунаева, как бы то ни было, ход строительства «Университетского городка» они взяли под свой контроль, в результате стал заметен кое-какой сдвиг на строительной площадке, во всяком случае перестали срывать строителей оттуда на другие объекты...

А решение второго вопроса затянулось на восемь лет. Только весной 1983 года в Караганде наконец было создано Центрально-Казахстанское отделение АН Казахской ССР. В конце концов все получилось так, как предлагал Е. А. Букетов еще в 1975 году.

Однако тот день оставил в его душе тяжелый осадок, на торжественное открытие нового научного подразделения Академии наук его «забыли» пригласить. Ни в обкоме, ни в оргкомиссии никто недодумался прислать ему пригласительное извещение (о причинах этого досадного случая мы расскажем в следующей главе более подробно). И как потом передали мне очевидцы того торжества, академик Е. А. Букетов, проглотив обиду, сам пришел на торжественное собрание,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

сидел в зале вместе со всеми, с радостью аплодировал, когда огласили постановление правительства об открытии долгожданного центра науки в родном крае...

Евней Букетов был не последним человеком в республике, крупной личностью, широко известным ученым. С этим должен был посчитаться Динмухамед Кунаев как лидер нации, большой руководитель, целых двадцать пять лет возглавлявший Казахстан... Мог же найти общий язык, с надлежащим уважением отнестись к нему, скажем, сев за стол, серьезно обговорить со всех сторон все, что волновало ученого. К сожалению, этого не произошло. Наверное, виноваты оба. В общем, эти видные представители своего времени не смогли понять друг друга, договориться между собой. Тем более предложение ученого, хотя и поздно, было осуществлено. Значит, он был абсолютно прав. И все-таки почему эти недоразумения имели место в жизни?..

Возможно, это объяснит отрывок из воспоминаний М. И. Есеналиева, человека, как сейчас говорят, «из его команды», проработавшего целых 12 лет заведующим отделом культуры ЦК КП Казахстана, то есть по времени это полностью совпадает с годами секретарства Динмухамеда Ахметовича в республике.

М. И. ЕСЕНАЛИЕВ. «Величие и слабость». «Казах адебиети», 7 января 1997 г.:

«Димаш Ахметович из окружающих, особенно тех, кто поступал самостоятельно, кому было чуждо подхалимство, не очень жаловал, в этих случаях он становился необъективным. Во всяком случае, он выше всего ставил свои личные амбиции и завышенно оценивал себя. Если говорить прямо, он, как руководитель, начал пренебрегать жизненной мудростью, означающей: чем выше твое общественное положение, тем надо быть с окружающими тебя людьми доброжелательнее и вежливее... А преграды, возникавшие на его пути, постоянно убирал. После этого невольно задумываешься: где же провозглашенные им демократизм и интеллигентность?

Обидно то, что, уважая как личность покойного Димаша Ахметовича, нельзя умолчать о его любимчиках,

Created by free version of 2PDF

доносчиках и "серых кардиналах" внутри дворца, к доносам которых, к сожалению, он часто прислушивался. А они, особенно в решении кадровой политики, не ушли от местническо-трайболистской психологии. В 70-е годы наши некоторые языкастые, но в целом порядочные люди о негативных явлениях, которые проникали в повседневную жизнь, придумали и пустили в оборот такую язвительную поговорку: "Если даже подходит биография, не подходит твоя география для служебного роста". Очень жаль! По этой же негласной установке некоторых быстро продвигали по служебной лестнице вверх, а некоторых годами держали "на привязи", мешали их росту. А иным, зачастую непокорным, по пустякам устраивали разносы, организовывали за их спиной скандалы. Это, конечно, и нашей республике, и Димашу Ахметовичу было не на пользу, наоборот, снижало его рейтинг как руководителя, а в целом это очень вредило национальному единению...

Авторитет Каныша Имантаевича Сатпаева не только в мире науки, но и во всем обществе Казахстана был очень высок. Казалось бы, партийный лидер, государственный деятель, который четверть века был первым лицом в республике, такому славному ученому и общественному деятелю гигантского масштаба должен был воздать должное и вместе со всем народом гордиться им. Но, увы, этого не случилось, даже после кончины К. И. Сатпаева он, Кунаев, если говорить прямо, не проявил никакого стремления увековечить его имя в литературе, кино, изобразительном искусстве. А научные заслуги старался предать забвению. Документальный фильм, созданный на "Казахфильме", руководство республики после первого же просмотра запретило показывать, не потому, что фильм профессионально поставлен неудачно, а по причине, что в фильме, мол, чрезмерно восхваляется личность К. И. Сатпаева. По этой же причине книгу Медеу Сарсекеева "Сатпаев", выпущенную в серии "ЖЗЛ", в Москве, запретили издавать в Алма-Ате на казахском языке. На второго такого же талантливого ученого, академика, известного в обществе Е. А. Букетова, один из помощников Д. А. Кунаева организовал в печати грубый и грязный пасквиль...»

Created by free version of 2PDF

IV

Вначале приведем небольшой отрывок из записанной на магнитофонную ленту беседы, состоявшейся в Караганде, на квартире Е. А. Букетова.

Букетов: *Это было, значит, в июне 1931 года?*

Карасартов: *Ну да, в июне. (...) Значит, мой отряд, состоявший из 13—15 человек, подъехал к Чингизским горам* (он прочесывал местность со стороны Тайланского аулсовета, примерно в 50 километрах севернее. — *М. С.*), *я, вооружившись биноклем, стал осматривать окрестность. Обнаружив со стороны Караула* (районного центра. — *М. С.*) *едущего к нам навстречу одинокого всадника, я распорядился всем спрятаться за сопкой, а сам, взяв с собой Абдраима Шарабаева, поскакал ему навстречу... Когда мы с Абдраимом приблизились к нему, мой подручный сказал: «Ой, это тот самый Шакарим!..»*

Букетов: *Вы уже знали его произведения? Слышали, что он поэт?*

Карасартов: *Имя его мне было давно известно. Некоторые его стихи я еще маленьким знал наизусть, даже иные пел, сопровождая игрой на домбре. Ведь я сам с детства баловался стихами, была такая тяга к творчеству. А его, как поэта, я очень уважал... Потому, услышав, что одинокий всадник именно знаменитый Шакарим, я слез с коня, чтобы почтительно приветствовать его... Он был одет налегке, на голове — борик*. Длинную, красивую бороду его я сразу запомнил, рослый конь его был вороной масти. На седле с одной стороны была привязана огромная саба**, а с другой — бунчук***. Я ему сказал, что давно хотел с ним увидеться, навестить его шушалу-домик****, но не удается, все время в разъездах...*

---

* Легкий головной убор.

** Кожаная емкость для кумыса, напитка из кобыльего молока.

*** Переметная сума.

**** Охотничий дом.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Представим участников беседы: ведущий — Евней Букетов; на его вопросы отвечал — пенсионер Абзал Карасартов, кадровый работник бывшего ОГПУ; предмет разговора — трагическая гибель Шакарима Кудайбердиева, широко известного в степи ученого-историка, философа, выдающегося поэта, талантливого продолжателя поэтической школы классика казахской поэзии Абая Кунанбаева (к тому же двоюродного его брата).

Беседа была записана 20 апреля 1978 года, то есть по прошествии 47 лет с того рокового для Шакарима дня, когда по приказу того же Абзала Карасартова, «очень уважавшего и высоко ценившего его как поэта», он был безжалостно расстрелян — 2 октября того же 1931 года. Значит, от случайной встречи и знакомства в степи, как свидетельствует сам начальник политического сыска Чингистауского района, до уничтожения 73-летнего патриарха казахской поэзии оставалось всего-навсего три месяца...

Что же произошло за эти девяносто дней? Почему известный всему народу ученый, литератор, живший отшельником в отдаленном и безлюдном месте в горах, всецело отдавшись творчеству, был расстрелян без суда и следствия?

На кассете идет разговор о событиях, происходивших в основном во второй половине 1931 года в Чингизских горах. Читатель уже догадался, на какую редкую, драматическую историю напал Евней Арыстанулы: в смертельном поединке как бы вновь столкнулись с одной стороны — опальный поэт, объявленный советской властью «ярым врагом народа», с другой стороны — его хладнокровный убийца, уничтоживший немало классовых врагов; а его собеседник — тактично, не совсем раскрывая истинную цель, ведет свой «допрос», как беспристрастный судья, постепенно выявляя подробности, скрытые детали всего, что так давно произошло, но историей не забыто.

Зубайра Дуйсенкызы приоткрыла завесу этой встречи лишь в 1989 году, когда наступили другие времена (решением бюро ЦК КП Казахстана опальный

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ученый, поэт Ш. Кудайбердиев весной 1988 года был полностью оправдан). Оказывается, Евней Арыстанулы случайно узнал в гостях, что Абзал Карасартов здравствует и живет в Егиндыбулакском районе Карагандинской области, и добрые знакомые помогли ему встретиться с ним в Караганде. «Однажды он послал за ним свою машину, Карасартова привезли к нам домой, они проговорили наедине целый день. Беседа их продолжалась и на следующий день, уже с записью на магнитофон, — вспоминала она. — Старик был уже немощным, сгорбленным, плохо слышал, рассказывал он медленно, обдумывая подолгу свои ответы на конкретный вопрос, уставал быстро, часто отдыхал, тем не менее Евнею удалось вытащить из него много сведений...»

А встрече ученого с Карасартовым предшествовали и другие обстоятельства: за год до этого, летом 1977 года, Евней Арыстанулы, взяв с собой двух сыновей, школьников, совершил паломничество на родину Абая, находящуюся в шестистах километрах от Караганды на территории Семипалатинской области; там он лицезрел сиротливо выглядевшую могилу все еще опального поэта в ста метрах от величественного памятника, сооруженного над могилой Абая Кунанбаева, в отличие от него на этой могиле была лишь скромная надпись, что здесь покоится прах Шакарима Кудайбердиева. (В 1995 году, в год всенародного празднования 150-летнего юбилея со дня рождения великого поэта, здесь воздвигли величественный мавзолей, разумеется, на этот раз не обделив и Шакарима Кудайбердиева. Таким образом подобающие почести выдающемуся поэту и ученому наконец были возданы.)

Евнею Букетову и раньше были отчасти знакомы замечательные творения Шакарима. Побывав на родине поэта, поклонившись его праху, он стал все больше задумываться о несправедливом отношении к его памяти. А жестокий убийца все еще дышал, ходил по земле, обагренной кровью безвинного поэта...

Короче говоря, Е. А. Букетов, записав свою беседу с Абзалом Карасартовым, положил кассету в ящик

Created by free version of 2PDF
Buketov University

стола, и там она пролежала 11 лет, до публикации в трех номерах республиканской литературной газеты «Казах адебиети» за 10, 17 и 24 февраля 1989 года. Кстати, эта запись опубликована в собрании сочинений ученого.

Мы далее не будем пересказывать ее содержание, ставшее поистине изобличающим документом. Однако следует подчеркнуть то, что Евней Арыстанулы, ведя беседу, не задавал собеседнику каверзных вопросов: «Неужели было так?» или вроде: «Вы не лжете?» В тексте нет ни одного слова, где были бы заметны одобрение или протест. Ведущий представляется просто внимательным слушателем, лишь изредка он задает наводящие вопросы, чтобы заговаривающийся от старости собеседник не уходил от основной темы. И такая тактика ведущего, сумевшего расположить к себе, усыпить бдительность бывшего красного палача, оправдала себя полностью. В итоге он выведал всё, что до этого тщательно скрывалось...

Вот еще один весьма характерный отрывок из той беседы:

Букетов: *Вы не отзывались когда-нибудь в общественных местах плохо о Шакариме? Скажем, так: «Что и говорить, поэт-то он одаренный, но все же враг?!..»*

Карасартов: *Нет, такого кощунства в отношении покойного я никогда не допускал. Ну, бывало иногда, когда любопытные спрашивали о нем, я рассказывал им, что он был трудолюбив, всегда собран, опрятно одет, располагал к себе. Был он мастером на все руки: сапожничал, мог сам сложить печь, приготовить себе горячую еду, бывая у него, я своими глазами видел письменный стол, который он сам смастерил из камня, в его доме было тепло и уютно. Словом, только хорошее я мог о нем сказать. Плохого никогда не говорил...*

Правда о гордом и несломленном даже после смерти поэте все больше распространялась в народе. В ЦК КП Казахстана поступали сотни заявлений и запросов от трудящихся Семипалатинской области. В Абайском

Belarusian University
Created by free version of 2PDF

районе в 1963 году было собрано более 300 объяснений трагических событий, написанных земляками Шакарима. Во всех звучало одно требование: реабилитировать опального поэта; справедливое требование народа поддержала комиссия Союза писателей Казахстана во главе со своим председателем, известным поэтом Хамитом Ергалиевым. Еще раньше, в 1959 году, литературная газета «Казах адебиети», после оправдания Верховным судом Казахской ССР Ш. Кудайбердиева, опубликовала на двух страницах целый разворот стихов поэта. Почитатели таланта поэта торжествовали, это был подлинный праздник, после многих лет запретов его стихи звучали повсюду. Не радовался только один человек, все тот же Абзал Карасартов. Он поднял шум и, дойдя до секретаря ЦК КП Казахстана по идеологии Н. Жандильдина, прямо обвинил его: «Вы позволили оправдать ярого врага советской власти, если не дадите отбой, то я поеду в Москву, буду жаловаться самому Н. С. Хрущеву и на всех вас найду управу...» И комиссия ЦК, возглавленная партийным функционером и явным перестраховщиком, остерегавшимся «как бы чего не вышло», решив не рисковать, сразу же протрубила отбой. И о несчастном поэте снова не было произнесено ни слова целых тридцать лет. Разумеется, Е. А. Букетов знал об этом факте, в своем архиве он хранил тот газетный разворот. Потому он с подковыркой задал Карасартову вопрос о его отношении к Шакариму. По ответам его собеседника видно, как он бессовестно выкручивается и лжет.

Наверное, пора перейти к рассказу о том, как совершилось подлое злодеяние, в котором главным действующим лицом был Карасартов.

В сентябре того же года в Чингистауском (ныне Абайский), Абралинском и Чубартауском районах вспыхнуло восстание казахов, издавна населяющих эти места, против советской власти. Поводом послужила всеобщая коллективизация, с насильственным изъятием в колхозы в общее пользование всего наличного скота. Бунт нескольких сотен безоружных людей ни к чему не привел. Например, в Чингистауском районе они

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не смогли даже взять районный центр — Караул, разбежались после первых выстрелов отряда А. Карасартова. Однако при этом были зверски убиты супруги-учителя, открывшие начальную школу в колхозе «Байкошкар», и начальник районной рабоче-крестьянской инспекции. На подавление бунта из Семипалатинска прибыл отряд красноармейцев. Под предводительством того же А. Карасартова этот боевой отряд потопил в крови стихийно возникшее волнение, отдельные участники его едва унесли ноги, попрятались по ущельям Чингизских гор. Вылавливание беглецов продолжалось почти месяц. Каратели никого не щадили. Даже не спрашивая, кто этот человек, почему бродит по горам, пешего, верхового ли — всех брали на мушку и расстреливали на месте...

Кстати, в архиве сохранились письменные свидетельства многих очевидцев о том, что предводители восстания, прежде чем выступить, были у Шакарим-кажди и просили его возглавить народное сопротивление, наверное, хотели воспользоваться его высоким авторитетом. Но он сказал им: «Вы напрасно это затеяли. Советскую власть сейчас, на ее 14-м году безраздельного правления, не одолеете. Погубите себя и ваших детей, много крови напрасно прольется. Лучше откажитесь от выступления!..» Увы, никто его не послушался. И случилось то, от чего он предостерегал.

...Злодеяние над поэтом свершилось ранним утром 2 октября 1931 года. День выдался пасмурным, видимость была плохая. И это тоже сыграло определенную роль. Семидесятитрехлетний поэт спустился с небольшой сопки в сопровождении среднего сына по имени Зият и еще одного аулчанина. Сам старик шел пешком, держа в поводу своего коня, а спутники были верхом на лошадях. Карасартов со своими людьми сидел в укрытии, по-видимому, это была своеобразная волчья тактика, так удавалось врасплох настигать беглецов, не подозревавших о засаде. И эти трое также сами шли навстречу ему. Когда они оказались ближе, Карасартов дал команду своему подопечному, начальнику районной милиции Халикову, сразить первым

Created by free version of 2PDF
Viktor University

почему-то пешего. Грянул прицельный выстрел. И тот высокий, с тымаком на голове, вскрикнув «Ах!», опустился на колени, бывшие позади быстро развернулись, кони их были резвые, и следующие пули их не достали, да и густой туман помог им скрыться. А раненый человек остался на месте. Стрелявший начальник милиции, Карасартов и неизменный спутник его, рядовой милиционер Шарабаев Абдраим, подошли к нему, все трое сразу узнали Шакарима. Он тоже узнал их и дрожащим голосом закричал: «Не стреляйте, вы же мусульмане! Прошу вас, отвезите меня к представителям власти, за что же мне такое наказание?..» Те двое, услышав его отчаянную мольбу, растерялись, стояли как вкопанные, наверное, еще испугались последствий содеянного. А Карасартов не дрогнул. Должно быть, у него уже созрел коварный план. И он заорал: «Идиоты, чего вы стоите?! Вот он, перед вами — главный бандит, вдохновитель всех этих бунтовщиков. Наконец попался нам. Стреляйте, пора заткнуть ему глотку, стреляйте же!..» Не раздумывая, Халиков выстрелил в него в упор. Старый поэт вскрикнул в последний раз и сразу затих...

Так был убит Шакарим Кудайбердиев. Вдали от людских глаз, двумя выстрелами — сначала в ногу, а затем — и в самое сердце. Тело его было без всяких почестей и прочтения молитвы сброшено в старый колодец. Карателя думали, что тем самым они навсегда сотрут из памяти людей его имя и следы преступления. Но не получилось, нашелся смельчак, который, несмотря на угрозу быть пойманным и также расстрелянным, высмотрел, куда было спрятано тело покойного каджи. И когда через тридцать лет Ахат Шакаримулы в преклонных годах начал поиск останков своего отца, он-то ему и показал то место...

Как уже догадываетесь, хитрый и коварный начальник политического сыска сделал всё, чтобы замести следы кровавой расправы над известным поэтом, представить убийство в другом свете. Спешно был составлен акт, ложно свидетельствовавший о том, что во время завязавшейся перестрелки с двух сторон был убит

Created by free version of 2PDF
Buketov University

главарь антисоветского бунта, он же духовный вдохновитель сопротивления колхозному строю, бывший волостной, известный богослов исламист-каджи Шакарим Кудайбердиев. И это «клеймо» на светлом облике Шакарима по воле Абзала Карасартова оставалось много лет, вплоть до 1988 года. Кстати, все действия и отчаянные попытки оправдаться, угрозы, высказанные в адрес секретаря ЦК КП Казахстана, — все это говорило о том, что Карасартов не хотел остаться в памяти народа беспощадным, зловещим убийцей выдающегося поэта и ученого...

«20 апреля 1978 года. Запомним эту дату как историческую. Именно в этот весенний день наконец-то состоялся суд совести над убийцей Шакарима Кудайбердиева, второго великого властителя дум после Абая. Хотя этот суд проходил в так называемый "период застоя", тем не менее он состоялся. От имени народа, взяв на себя полномочия судьи, следователя и обвинителя, выступил писатель-академик, доктор технических наук, профессор, лауреат Госпремии СССР Евней Арыстанулы БУКЕТОВ. А преступник, он же исполнитель кары, державший ответ перед историей — бывший сотрудник ОГПУ 30-х годов, 78-летний Абзал КАРАСАРТОВ... — писал в послесловии к первой публикации этой беседы в газете «Казах адебиети» ученый-писатель Бейбут Сапаралы. — Как видим, всякое черное дело ничем не обелить, и за сотворенное когда-то преступление рано или поздно придется отвечать. И случилось то, что должно было случиться...»

Нам остается добавить к сказанному, что эта памятная запись, своего рода гражданский подвиг Е. А. Букетова, совершенный в 1978 году, явился прологом дальнейших событий, произошедших через одиннадцать лет, когда имя и творения Шакарима были возвращены своему народу. И мы с удовлетворением сообщаем читателю, что после 1988 года все сохраненные в архивах, в памяти людей поэтические, прозаические произведения, исторические, философские труды Шакарима Кудайбердиева были неоднократно переизданы, некоторые из них уже переведены на русский язык.

Buketov University

Created by free version of 2PDF.

В 2008 году будет широко отпразднован 150-летний юбилей со дня его рождения. К этой дате Семипалатинский государственный педагогический институт имени Ш. Кудайбердиева, где создан научный центр по изучению творческого наследия великого поэта, готовит 10-томное собрание сочинений и научных трудов этого замечательного художника слова, поэта и мыслителя.

В последнем томе этого солидного юбилейного издания будет помещена запись беседы академика Е. А. Букетова с А. Карасартовым, озаглавленная «Суд истории».

Buketov university

Created by free version of 2PDF

Да, высокий дар Аллаха для человека одновременно и наказание. Как бы низко не хотел он склонить голову, талант выдает его. Дар Аллаха сильнее слабого человека. В этом проклятие таланта...

Из записной книжки
Е. А. БУКЕТОВА

Глава 11

«ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ, А ТАК...»

I

Автобиографическое повествование «Трагедия светлой судьбы» Е. А. Букетов вначале назвал скромнее: «Записки научного работника», но в редакции журнала «Простор» сочли заголовок маловыразительным и заменили его высокопарным штампом, оставив авторский в подтексте. Записки были опубликованы в номерах 8—9 за 1978 год. Сам Евней Арыстанулы предварил свое произведение вот таким вступлением: «Наша наука по возрасту, может быть, даже моложе меня. Тем не менее свершился тот удивительный взлет, который позволил нам войти в русло большой науки, счастливо включившись в тот великий авангард мировой культуры и мирового прогресса, каковым ныне является наша большая Родина. Можно полагать, что такой резкий скачок не мог не сказаться на всех нас, на нашей психологии, на наших взглядах на окружающее, на нашем быте и на многом другом. Ибо

Created by free version of 2PDF
Buketov university

это была ломка с переоценкой устоявшегося; ломка, не обходившаяся без борьбы и потерь. — Далее автор так объясняет причину рождения и публикации своего повествования. — ...Мне хотелось рассказать о времени, о себе. Теперь я вижу, что у меня не получилось ни то ни другое. И все же я смею представить на суд читателя эти записки, ибо в них, несмотря на многие недостатки, в какой-то степени отражен опыт работника советской науки, которая сыграла великую и прекрасную роль в судьбе моего народа».

Ученый-труженик, находившийся на гребне волны научно-технической революции, просто и без прикрас рассказывает о своих жизненных путях-дорогах, приведших его в науку. Автор подробно описывает довоенное время, которое за каких-то пару десятков лет буквально перевернуло привычный уклад жизни в степи. До этого отцы, деды и прадеды казахов кочевали. Так было сто и тысячу лет назад. Умирая, предки завещали кочевать своим потомкам. Но теперь то время стремительно и безвозвратно уходило в прошлое. По степи, где прежде, вздымая пыль, шли верблюжьи караваны, пролегли стальные магистрали. В небе появились невиданные птицы-аэропланы. Ввысь взметнулись трубы фабрик и заводов. Появление крупных населенных пунктов — районных центров, рабочих поселков, очагов индустриализации заставило степняков изменить свои занятия: прежние скотоводы становились трактористами, шоферами, токарями, а их дети — уже механиками, агрономами, ветеринарами, иные учителями; ясно, это было уже интеллектуальное пробуждение... Над степью всходила новая заря. Перед одаренной, горячей, неистовой молодежью открывались заманчивые перспективы, путь в науку. Этот путь выбрал и юноша из бедной семьи, жившей в старом казахском ауле на берегу Есиля, Мажит Муканов. Как он учился в школе, институте, как долго карабкался в гору, к холодным и неприступным вершинам науки, наконец, что получилось из этого — об этом и повесть.

Что можно сказать о такой повести, кроме одобрения? Ясно, намерение — хорошее, идея — прекрасная!

Created by free version of 2PDF
Belgov University

Остается только радоваться, что среди нас нашелся человек, который сумел отразить интеллектуальный рост своего народа, стал его своеобразным летописцем...

«Как я стал ученым? Этот вопрос часто приходит мне на ум... Перед глазами всплывают картины прошлого, которые отнюдь не давали повода к тому, чтобы мне предрекать стезю служителя науки...» — таким признанием начинается повествование. Рассказ ведется от первого лица, подростка Мажита.

Что здесь нескромного в описании тяжелого детства, неспокойной юности, научных поисков ученого, возраст которого уже перевалил за пятидесятилетний рубеж? Ведь это был типичный путь представителя нового поколения.

Не будем далее пересказывать содержание повести, написанной увлекательно, живым, сочным языком, мы более чем достаточно в этой книге использовали отрывки из нее. Думаю, читатель уже получил достаточное представление об этом произведении Е. Букетова.

(Кстати, позднее сам автор отказался от навязанного ему «Простором» заголовка и назвал повесть «Шесть писем другу», поскольку весь рассказ был построен в виде писем-исповедей другу, живущему вдали от него и мало знакомому с жизнью казахов. Притом, заново переписывая свое произведение, где-то добавил, где-то сократил. В итоге получилось около 16 печатных листов. К сожалению, последний вариант не был опубликован при жизни ученого, повесть вышла в свет через шесть лет после смерти автора (в 1989 году), а на казахском языке под названием «Алты хат» только в 1996 году.)

Новую повесть Е. Букетова читатели встретили очень тепло, даже чересчур восторженно, и в конце концов неумеренные похвалы и шумные проявления восхищения, высказываемые публично в адрес автора, оказали ему медвежью услугу.

В начале 1979 года из Москвы пришло письмо от Владимира Константиновича Покровского (адрес: 6-й Ростовский переулок, дом 4, кв.1): «Самый легкий литературный жанр — мемуары, ибо весь материал готов

Buketov University

Created by free version of 2PDF

раньше, чем автор возьмется за перо. Самые бездарные мемуары, которые известны, — актрисы Яблочкиной. Среди лучших — Ваш. Поздравляю, если Вы слышали много похвал напечатанному Вами... в "Просторе", все-таки Вы не осознаете изумительной высоты своего творения. По историческому значению "Былое и думы" А. Герцена выше, по блеску выше стоят мемуары И. Эренбурга, но Ваши можно сравнивать с такими эталонами. С первых страниц не только импонирует, но и озадачивает неимоверная простота. Она озадачивает своим высоким коэффициентом полезности... Ваши мемуары не только знакомят с пройденным жизненным путем одного из ученых, но дополнительно показывают развитие национальных культур. Меня, я старше Вас на 25 лет, а по национальности я русский, раздражало открытие университетов в Элисте и Чебоксарах... В показе людей физического труда Вы сопоставимы с Шолоховым. А он выше мною названных Эренбурга и Герцена...»

В письме А. Мееровича от 21 мая 1979 года, отправленного из Усть-Каменогорска, есть такие слова: «Не из желания польстить академику, а от души и чистого сердца, как старый товарищ, говорю: мне понравилось твое повествование в своей основе, как благодарная память о людях, с которыми тебе пришлось встретиться на жизненном пути, сыгравших определенную роль в научном становлении. С моей точки зрения, в отдельных местах ты на себя напрасно роптал. Возможно, это литературный прием, о котором мне трудно судить? И еще. Почему ты не довел рассказ до сегодняшней вершины твоего восхождения как ученого? Я имею в виду все титулы по линии АН республики...»

Главный редактор «Простора» В. И. Ларин после завершения публикации «Время светлой судьбы» 3 октября 1978 года также написал Евнею Арыстанулы благодарственное письмо: «Искренне рад — Вы написали очень интересную и талантливую книгу. Думаю, что это самое большое событие в литературе в последние годы. Больше того, Ваша повесть новаторская и

Created by free version of 2PDF

Buketov University

по содержанию, и по манере письма, и даже по теме — и не только для казахской литературы. (...) Очень хотел бы, чтобы Вы продолжали свою связь с "Простором". Вы нас серьезно поддержали. Большое спасибо и за повесть, и за поддержку журнала! Счастья и творческих успехов Вам!»

Все три письма, отрывки из которых мы привели выше, свидетельствуют о том, что новое произведение Евнея Букетова читатели журнала приняли доброжелательно. Ради справедливости надо сказать, что в бочку меда кое-кто постарался бросить ложку дегтя. Были и раздражительные отклики от людей, которые в повествовании были в какой-то мере задеты за живое, хотя все они были названы вымышленными именами. Назовем одного из них. Это знакомый уже читателю пенсионер-карагандинец Жармак Тюленов (в повествовании — Жантак Бокенов).

Бокенов был показан как чистый прагматик, не видящий ничего дальше стен своей лаборатории, которому явно недоставало творческой мысли. Чтобы компенсировать это, он имитировал бурную общественную деятельность, старался показать себя ретивым администратором, давал всем советы, показывая, что он во всем хорошо разбирается... Видимо, дав свободу художественной фантазии, писатель слишком увлекся и создал собирательный образ исследователя, который наукой, как фиговым листком, прикрывает свою наготу.

Впрочем, это право каждого художника слова. А Жармак-аксакал почему-то узнал в этом повествовании себя и обиделся не на шутку. Как-никак он внес в становление ХМИ свою лепту. Конечно, ему не хотелось в свои преклонные годы стать персонажем-недоумком. Хотя между образом Жантака Бокенова, созданным автором, и истинным обликом Жармака Тюленова была огромная разница. Совпадало лишь название лаборатории. Но, что поделаешь, мы все наделены определенными чувствами, у каждого из нас свои понятия о чести и о заслугах... Так что обиду старого производственника, которому уже было за семьдесят лет, можно понять и простить...

Created by free version of 2PDF

Однако тут подозрительно другое: в майском номере журнала «Простор» за 1979 год, в обзоре писем под рубрикой «Читатель и журнал» ни с того ни с сего был напечатан краткий отрывок из письма-отклика Ж. Т. Тюленова: «...Е. Букетов незаслуженно много и похвально говорит о себе, допускает неоправданные выпады против многих, с кем ему довелось работать. И хотя в повести не обозначено место действия, а фамилии реальных людей заменены псевдонимами — многим с первых же строк становится ясно, кого имеет в виду автор. Строгая документальность и партийная объективность — вот что должно характеризовать подобные произведения».

Почему редакцию журнала осенило такое запоздалое прозрение и положительная оценка о повести сменилась на прямо противоположную прежнему заявлению главного редактора «Простора»: «Вы нас серьезно поддержали...» Что случилось? Невольно возникает странное ощущение, что в редколлегии журнала совершился переворот, что всех там заменили другими людьми. Но нет — и редактор, и сотрудники отдела прозы оставались на местах... Получается, что просторовцы подверглись нажиму сверху, и слабовольные по своей натуре Вениамин Иванович Ларин и Юрий Михайлович Герт, заведующий отделом прозы, не выдержав прессинга, опубликовали отрывок из письма-осуждения ученого коллеги автора. Не зря говорят: кусочек бараньего помета может испортить целый бурдюк масла.

А это были еще цветочки. Ягодок пришлось ждать недолго. И событие, внесшее ясность в противоречивые действия просторовцев, произошло в том же месяце. Молодежная бойкая газета «Ленинская смена», выходившая в то время почти полумиллионным тиражом, четверть века тому назад опубликовавшая первую критическую статью аспиранта Евнея Букетова, тем самым открывшую ему путь в мир литературы, да и после этого с большой охотой постоянно печатавшая все его статьи, иногда и написанные по заказу самой редакции, вдруг в номере от 19 мая 1979 года помести-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ла пространный пасквиль на него под таким кричащим названием: «В соавторстве с... Хлестаковым». Строкой ниже броского заголовка, также набранного крупным шрифтом, было уточнено: «О записках научного работника Е. А. Букетова». В конце статьи указан автор — Ю. Рощин, кандидат исторических наук. А мы в свою очередь назовем и редактора газеты — Ф. Игнатов.

Цель пасквиля — принизить, развенчать перед общественностью академика, ректора Карагандинского госуниверситета, известного писателя не только в Казахстане, но и в Союзе. Опорочить его перед людьми, сведя на нет его новое произведение. Это заметно даже по названию статьи.

Всем известен главный герой бессмертной комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» — Хлестаков, принятый в провинциальном городе за чиновника-ревизора. Хлестаков склонен к вранью, хвастовству, надувательству. Чиновники захолустного городка, привыкшие к низкопоклонству, трепещут перед ним, и, пользуясь этим, он беззастенчиво обирает и городничего и всех его подчиненных, которые и сами не пропустят того, что им плывет в руки...

И как можно было сравнивать пустого, лживого щеголя «без царя в голове» с профессором Е. А. Букетовым, лауреатом Госпремии СССР, широко известным в Казахстане новаторскими исследовательскими трудами, мало того, всю свою сознательную жизнь посвятившим воспитанию молодой смены и научных кадров, в чем же его сходство со знаменитым персонажем Гоголя? Хлестаков — типичный пройдоха, вечно безденежный, личность, можно сказать, совершенно никчемная. А Букетов — честный труженик, человек, влюбленный в науку, первый руководитель десятитысячного коллектива КарГУ, его заслуги отмечены орденами, он депутат Карагандинского облсовета, писатель, пишущий на двух языках...

По мнению Ю. Рощина, академика Букетова с гоголевским Хлестаковым роднит одна черта их характера — бахвальство. Невероятно, но такой вывод навязывается читателям буквально с первых строк разобла-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

чительной статьи. «А как и почему?» — спросит с недоумением читатель. Да потому, разъясняет Ю. Рощин, что в опубликованной в «Просторе» автобиографической повести Е. А. Букетов сам себя расхваливает безудержно, повесть написана с целью рекламы его раздутых научных заслуг. Подробное описание взятых высот в науке, безграничного трудолюбия, ссылки на талант от Бога — все это, мол, подано простому и наивному читателю от первого лица и не что иное, как самовосхваление. «"...Мне хотелось рассказать о времени, о себе. Теперь я вижу, что у меня не получилось ни то ни другое", — имитируя естественность интонации, констатирует автор в предисловии, но все-таки от намерения представить на суд читателя свои "записки" не отказывается... — заявляет Ю. Рощин. — Все-таки будем говорить правду. Между тем о времени в них сказано мимоходом. Более всего в "Записках" — о себе...»

Время и окружение, в котором Е. А. Букетов жил, описано в повествовании на каждой странице. И вымышленный им герой жил не в безвоздушном пространстве. Его взрастили, открыли ему глаза на мир, сделали ученым окружавшие его люди. Этого мог не видеть только незрячий. А автор газетной статьи в повести ищет только негатив. Зачастую он вырывал из букетовского текста только половину фразы, выставляя автора в неприглядном, искаженном свете. И человек, не читавший повесть, мог легко поддаться на ложь критика. Если бы Рощин соблюдал хотя бы приличия, он не обрывал бы абзац на середине, а цитировал бы его до конца. Например, вот такие слова из текста: «К моему счастью, самодовольство не так долго длилось, если бы продолжалось, ни к чему хорошему не привело бы...» Автор статьи этого не сделал и не хотел, у него была задача любыми средствами облить грязью Букетова, потому и записал его собратом Хлестакова...

Свидетельством явно предвзятого отношения к ученому-писателю является и то, что автор статьи не только высмеивает «Записки научного работника», его раздражают переводы Е. Букетова избранных произве-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дений Пушкина, Маяковского, Надсона, Есенина и то, что он взялся довести до казахского зрителя драмы В. Шекспира: «Вряд ли правомерно браться за поэтический перевод с иностранного, если он сам без обиняков указывает в анкете, что владеет им слабо. Но это обстоятельство ничуть не смущает Е. А. Букетова, когда он "осуществляет" переводы из английской драматургии XVI—XVIII веков... Кто следующий окажется под прицелом творческого вдохновения Е. А. Букетова? Михайло Ломоносов? Бернард Шоу? Глеб Успенский?..»

Похоже, что автор скрупулезно изучил биографию Евнея Арыстанулы. Похвальное стремление. Но это сделано опять же для унижения человека, который, плохо зная английский язык, осмелился взяться за перевод классических драм великого Шекспира, притом имя драматурга критик вовсе не упоминает. Это тоже пример того, что Рощин по-своему подтасовывал любые факты...

(А мы, его коллеги по литературному цеху и режиссеры, работавшие с ним, знали, что, перед тем как приступить к переводам «Макбета» и «Юлия Цезаря», Евней Арыстанулы тщательно изучил все переводы этих драм с английского на русский и выбрал те, что прошли испытание временем. Например, драму «Макбет» он перевел по варианту, сделанному Б. Пастернаком.)

Но Ю. Рощину было наплевать на муки слова, он зацепился за запись Е. Букетова в его автобиографии о том, что он «по-английски знает слабо», и этого оказалось достаточно, чтобы свести переводы одним росчерком пера на нет.

Думаю, нет необходимости далее опровергать каждое предложение или абзац пасквиля Ю. Рощина, занявшего три колонки на газетной полосе, местами набранного очень мелким, но жирным шрифтом, в котором все передернуто и искажено. В итоге критик без всяких доказательств выдал свое убийственное резюме: «Самоотверженность и верность общественному долгу, высокий порыв и чистота помыслов, умение быть в большом и малом кристально честным, слитым со всеми делами партии и народа, — все это, увы, во

Created by free version of 2PDF
Buketov University

многом оказывается за пределами напечатанного. Идейно-воспитательный заряд "Записок" в лучшем случае равен нулю».

Ясно, что это был прицельный выстрел, тщательно рассчитанный, с явным намерением свалить ректора КарГУ с его высокого поста. Обычными методами, скажем, выискиванием недостатков в учебно-педагогической работе ректора солидного университета снять было непросто, хотя в принципе и такое было возможно, но это слишком рутинный путь. Тем более в университете он развернул кипучую деятельность и пользовался авторитетом. А если покопаться в его литературных трудах? Почему бы нет? Ведь в любом произведении, если поискать, можно найти изъяны. И публикация его «Записок» и ажиотаж вокруг них были очень кстати его противникам.

Статья нанесла глубокую рану, в самое сердце. Но Букетов не свалился, как ожидали организаторы провокации, продолжал трудиться, как и раньше. Не собирался сдаваться на милость победителя, а думал о наступлении... Он верил в справедливость. И решил добиваться ее там, где была сотворена эта пакость. Пришлось ехать в Алматы. Было у него намерение обратиться в ЦК КП Казахстана в отдел пропаганды и агитации, который ведал всеми печатными органами республики, попросить создать авторитетную комиссию, с ее помощью и доказать свою правоту. Это заняло бы всего лишь пару дней, достаточно было сравнить текст его «Записок» с критическим выступлением газеты, чтобы выявить явную нестыковку, натаскивание фактов. И еще — всего лишь полчаса времени, чтобы выслушать его самого. Но, увы, все двери «Большого дома» для ректора КарГУ, академика Букетова оказались наглухо закрытыми. И секретарь ЦК, ведавший идеологией, был вечно занят.

Здесь же Евней Арыстанулы узнал, что Ю. Рощин — вовсе не казахстанец, он проживал в Москве, лишь иногда прилетал в Алматы. У него была репутация весьма посредственного историка и скандального литератора. Самое удивительное было в том, что он

Created by free-version of 2PDF

свой пасквиль написал в начале года и тогда же предложил газете «Казахстанская правда», но ее главный редактор Ф. Михайлов, человек принципиальный и честный, к тому же опытный журналист, продержав у себя статью пару месяцев, вернул автору со словами: «Тут вы много несправедливо нагородили и в целом напортачили. А ректора большого университета сравнивать с Хлестаковым — вообще нонсенс. Тем более академик Букетов — уважаемый автор нашей газеты...» А молодой редактор «Ленинской смены» Федор Игнатов не мог отказать залетному столичному критику, хотя тоже не горел желанием печатать очередной опус Ю. Рощина, пользовавшегося дурной славой. Но когда ему кто-то из партийных боссов многозначительно намекнул: «Ты, Федя, гляди на потолок и хорошо смекай что к чему!» — тот не устоял...

По прошествии восьми лет, летом 1987 года, Камзабай Букетов приехал в Алматы с последним отредактированным автором вариантом рукописи «Записки научного работника», чтобы лично вручить его директору издательства «Жалын», который вознамерился выпустить в свет в прошлом заклейменную, ошельмованную повесть в виде книги, почуяв ветер перемен. Обрадованный таким вниманием к труду покойного брата, Камзабай Арыстанулы решился еще на один шаг. Сдав рукопись в издательство, он, как на крыльях, помчался к главному редактору «Казахстанской правды», тому же Федору Игнатову (видимо, за безукоризненное выполнение указаний из «Большого дома» его повысили в должности, но он там недолго удержался). В приемной редакции он назвал свою фамилию и сказал, что специально приехал из Караганды и просит, чтобы его принял самый главный...

«Секретарь зашла в кабинет редактора, — вспоминал позднее Камзабай Букетов, — а я задумался, как ему сказать в лицо: что он погубил моего брата, именно его поступок смертельно ранил больное сердце. Хотелось спросить: мучают ли его угрызения совести по ночам и есть ли у него намерение публично попросить

Created by free version of 2PDF

прощения у аруаха* покойного или же я буду искать восстановления справедливости в ЦК партии... Не успел я настроиться на волну мщения, вдруг широко распахнулась дверь кабинета, оттуда стремительно выбежал сам редактор, стал меня тянуть за руку к себе.

— Пожалуйста, проходите, Камзабай Арстанович! Очень рад, что вы пожаловали ко мне... И это примета нового времени. Настали другие времена, и политическая обстановка изменилась! Старое теперь — на свалке истории!.. Все труды незабвенного и дорогого Евнея Арстановича, его научное и литературное наследие — бесценны, настало время опубликовать их, все подряд! Да, да, пришло его время, дорогой Камза-еке, поздравляю вас от души!.. — Ф. Игнатов воскурил запоздалый фимиам в честь Евнея Букетова. — Да, Ебеке был неординарной личностью, он намного опережал свое время, — ораторствовал он. — Мы этого, к сожалению, в то время не поняли. Мешали узость мышления, закостенелость и клановые распри. Сейчас мне юлить нечего, были в нападках на него очень заинтересованные люди, один из них — я, который сидит перед вами — Федор Игнатов... Виноват, очень виноват, я совершил глупость, которую уже нельзя исправить. Я в вечном долгу перед памятью такого большого ученого, которым гордится весь Казахстан...

Он не давал мне рта раскрыть. Игнатов сидел передо мной, жалкий, пришибленный и виноватый, и все продолжал оправдываться. Мой визит оказался для него неожиданным, он никак не мог успокоиться, говорил часто невпопад, что подворачивалось на язык, не щадя себя. Я понял, что у него, как сейчас говорят, крыша поехала. Перед этим же некоторые верные друзья мне советовали, как войду в его кабинет, схватить Игнатова за шиворот и плюнуть ему прямо в лицо, сопроводив это крепким мужским ругательством. Но после его отчаянного, безжалостного самобичевания я совсем забыл те слова, которые приготовил заранее. Он умолял простить его грехи и этим меня полностью

---

* Дух.

Created by free-version of 2PDF

Buketov University

обезоружил — что я мог после этого ему сказать? У нас, у Букетовых, не было такого в роду, чтобы кому-то мстить или держать на кого-то зло...

Игнатов пристал ко мне как смола:

— Вы что-нибудь привезли? Опубликую на этой же неделе. У Евнея Арстановича не было слабых произведений, давайте любое, Камза-еке...

Вижу, что он человек без своего "я". Такие всегда плывут по течению. Притом всегда оказываются в выигрыше. И у меня прошло по отношению к нему все зло, не стал дальше его мучить. Да что с него взять-то? Он же несчастный стрелочник. А мне уже не оживить моего брата!

— Ладно, товарищ Игнатов, я поверил вам, наконец вы поняли свою ошибку... — сказал я примирительно. — Опубликовав ту скверную статью, вы сильно навредили моему брату, теперь вам же предстоит исправить допущенную оплошность. Больше мне нечего сказать...

— Кто из друзей вашего брата может выступить в газете? Было бы хорошо, если бы это был кто-нибудь из видных наших литераторов. Это было бы возвращением имени Евнея Арстановича народу...

— Алексей Брагин, Юрий Герт, Леонид Кривощеков, Галина Черноголовина... — я начал перечислять сразу пришедшие на ум фамилии его приятелей.

Игнатов, сняв телефонную трубку, начал их обзванивать. Наудачу нашел писателя Брагина, объяснил ему ситуацию. Добрейший Алексей Иванович сразу же согласился подготовить статью, так как он и Герт часто общались и переписывались с братом, они были настоящими его друзьями».

И вот 19 июля 1987 года «Казахстанская правда» опубликовала большое воспоминание-эссе А. Брагина под названием «И все-таки он победил». Эта вещь обрадовала многих его друзей, а некоторых, скажу прямо, даже испугала. Зато для всех Букетовых это был настоящий праздник. Ведь в течение долгих восьми лет, с мая 1979 года, когда увидел свет тот самый пасквиль, его имя было под запретом. А теперь офи-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

циальный орган ЦК Компартии Казахстана как бы снял с него негласную опалу. Между прочим, печатая замечательное эссе о нем, редакция сопроводила его такой аннотацией: *«В республике осуществляются мероприятия по увековечению памяти этого известного деятеля культуры и науки, готовятся к изданию его научные труды и литературные работы. В Союзе писателей Казахстана создана комиссия по литературному наследию Е. А. Букетова...»*

Алексей БРАГИН. «И все-таки он победил»:

«...Он был человеком не только широкой, но и распахнутой души. И эта распахнутость, эта откровенность едва ли не яснее всего выразились в его "Записках научного работника".

Публикация этого произведения сыграла трагическую роль в жизни Евнея Арстановича Букетова. (...) Ю. Рощин появлялся на страницах многих алматинских газет. И если ему начисто было отказано судьбой стать властителем дум, то многие чужие судьбы ему удалось поломать. Кто из нас, поеживаясь, не думал: а вдруг моя повесть (рассказы, стихи, критические строки) не приглянется всесильному Рощину и он вынесет свой безапелляционный приговор... Он увидел в "Записках..." "скособоченную общественно-политическую картину", произвел Букетова в "прямые родственники" горьковскому Климу Самгину и леоновскому Грацианскому (а ведь это не просто сравнение, а политическое обвинение!), заявил, "что мифологический Нарцисс в сравнении с автором выглядит могучим коллективистом", обвинил Евнея Арстановича во всех смертных грехах, в том числе во лжи, зазнайстве, хвастливости, фальсификации. В фельетоне обдуманно подчеркнута и должность Букетова — ректора Карагандинского государственного университета. Словом, ракета взвилась: начинайте травлю. И начали.

С болью и гневом значительная часть литературной и научной общественности восприняла фельетон Ю. Рощина, в котором явственно прослушивалось: "Ату его!" Но те, кто и мог бы защитить, молчали, ибо догадыва-

Created by free version of ZPDF

лись — сигнал к травле исходил из "Большого дома", как тогда принято было говорить. Молчали, ибо знали, что такая неординарная личность, как Букетов, невыгодно оттеняет тогдашнего бесцветного президента Академии наук республики и должна быть во что бы то ни стало развенчана...»

Однако вернемся к лету 1979 года...

Некоторые единомышленники убеждали Евнея: «Есть в твоем университете заинтересованные люди, которые завидуют твоим достижениям, стараются тебя опорочить, и организаторы этого опуса они...», а другие уверяли: «Ебеке, за этим стоит кто-то из сильных мира сего...» И, сокрушенно покачав головами, загадочно умолкали. Никто из них не сказал: «Как же мы все терпим публичное избиение нашего товарища? Нет, не отдадим тебя на растерзание заезжему прохиндею! Это позор для нас, нашей национальной интеллигенции!..» Хотя бы один такой смельчак нашелся, встал бы на собрании и с трибуны, публично выразил бы свое возмущение совершаемым произволом. А не шептался бы об этом на кухне. Кто его там мог услышать? Разве только жена и то, если она была не далеко, а близко. Но, увы, не нашлось такого пламенного трибуна, второго Марата, известного разоблачениями своих противников в революционной Франции. Друзья, товарищи, коллеги, которые всегда его горячо поддерживали, клялись в любви и гордились им, теперь смущенно отводили глаза от него. Конечно, страх перед власть предержащими сковывал. Народная мудрость по такому поводу гласит: «Пуганый заяц и пенька, не только живого волка, боится». Один из почитателей ученого, аксакал Ишанбай Каракулов, в своих воспоминаниях о Букетове, озаглавленных «Дружба, продолжавшаяся годы», писал: «Однажды мне Евней сказал, что наука в застое и не только наука. Мораль, правда, справедливость, честность, гордость — все попрано. До каких пор это будет продолжаться? — говоря так, он сильно переживал. Видя его очень подавленное настроение, я насильно потащил его к нашим

Created by free version of 2PDF
Buketov University

старым друзьям, старался отвлечь от тяжелых дум». Похоже, что ветеран труда и партии вспоминает как раз те черные дни, когда Евней Арыстанулы оставался один на один со своей бедой... Никто из них не попросился на прием к высшим партократам, чтобы бросить им в лицо: «Почему вы позволяете такое, почему молодежная газета печатает подобные опусы, бессовестно унижает одного из лучших представителей казахской интеллигенции. Ведь такие же газетчики так же безнаказанно шельмовали цвет нации, первых борцов за свободу, навешивая им ярлык "иностранных агентов", подставляя всех подряд под пресловутую 58-ю статью, таким образом целенаправленно уничтожая всех мыслящих не по установленному порядку и уставу. Это было в проклятом 37-м году. А сейчас, слава богу, время другое, на календаре 1979 год...» И ничего не случилось бы с ними, с этими ходоками, не отвалился бы у них язык. Из почтения к тому же Каракулову или известному поэту Абдильде Тажибаеву им бы сказали: «Уважаемые аксакалы, мы разделяем ваше недовольство. Подумаем, примем меры...» И тот же партийный чиновник, проводив их, может быть, задумался бы и, возможно, впредь не допустил бы таких пакостей, кто знает? Однако не нашлось никого, кто бы заступился за него. Те, кто четыре года тому назад, в день его пятидесятилетия возносили его до небес, теперь отрешенно молчали. Никто не хотел высовываться...

Между прочим, эта была распространенная тогда «болезнь» среди нашей интеллигенции (интеллигенты ли они? Лично я сомневаюсь). Рассуждения: «моя хата с краю» или же «своя рубашка ближе к телу» — определяли поведение многих ученых, писателей, деятелей культуры. Это был горький плод долгого служения власти, низкопоклонства и раболепства перед ней. Тем, кто угождал, пресмыкался перед властью, доставались награды, почетные звания, у них издавались избранные сочинения... А власть имущие, убедившись в покорности своих подданных, совсем распоясались. Раз за разом они все больше наглели, чувствуя свою безнаказанность.

Created by free version of 2PDF

Теперь настала очередь академика Е. А. Букетова.

Свои мысли по этому поводу Евней Арыстанулы поведал в 1978 году своему старому другу, поэту Музафару Алимбаеву, отдыхавшему с ним вместе в санатории «Алатау»: «“Сергей Есенин, Владимир Маяковский никогда не молчали, не таились, а подчиняясь разуму и велению сердца, всегда резали правду-матку. Кто может сравниться с нашим Махамбетом*, который даже перед обнаженным мечом палача не страшился говорить правду! А мы все, писатели и поэты, поголовно стали осторожными. В последнее время не слышно ни ярких выступлений, ни острых стихотворений... Я не для того говорю, чтобы только прослыть правдолюбцем. Просто не могу молчать, молчание — это тоже непростительный грех. Слыша беззастенчивое вранье, не замечая его, мы делаем вид, что всем довольны, и даже улыбаемся... Что это? Это же подлость. Мы не останавливаем лжеца, не сгоняем его с трибуны, а потом начинаем верить ему сами, мало того, еще стараемся убедить в этом и других. Позор всем нам!..” Евней был отчаянным, честным человеком. Душа его давно истосковалась по истине! Это свойственно мыслящим, страдающим за народ людям!..»

Летом того же 1979 года вышло в свет совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». В связи с этим в июле в Алматы состоялось совещание с участием всех руководителей вузов и учебных заведений среднего и специального образования, а также ведущих ученых-педагогов. На нем выступил секретарь ЦК КП Казахстана С. Н. Имашев; критически перечисляя ряд неприглядных фактов, он отметил: «Некоторые ректоры, вместо того чтобы добросовестно выполнять ответственное поручение партии и правительства, еже-

---

* *Махамбет Утемисов* — поэт-бунтарь, участник восстания Исатая Тайманова против ханской власти, погиб в первой половине XIX века.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

дневно заниматься улучшением учебного процесса и в результате поднять на высокий уровень воспитание молодежи, зачастую увлекаются второстепенными делами и свое дорогое время тратят на написание мемуаров, в которых, притом, непомерно превозносят самих себя. Например, ректор второго в республике Карагандинского госуниверситета коммунист Е. А. Букетов, к сожалению, в последнее время увлекся именно таким творчеством...»

Таким образом, и секретарь ЦК КП Казахстана практически полностью одобрил выступление молодежной газеты. Это уже считалось официальным мнением Центрального Комитета. Всем стало понятно, откуда ноги растут, кто благословил газету. Одновременно стало ясно и то, что вопрос о снятии Е. А. Букетова с поста ректора КарГУ уже решен...

В свою очередь, это придало храбрости тем, кто раньше исподтишка пытался нагадить руководителю университета, оклеветать его, создать о нем отрицательное мнение, но эти наскоки прежде тормозились местным начальством. После выступления секретаря ЦК жалобщики воспряли духом, поняв, что теперь можно действовать без оглядки, более нахраписто. И они кинулись строчить доносы, не гнушаясь сплетнями и домыслами. Все они, кстати, отправлялись в ЦК КП Казахстана...

«Без сомнения, объективную оценку событий, роли отдельных личностей даст время. Не дело нам, уральцам, со стороны пытаться разобраться во взаимоотношениях, сложившихся между учеными северных и южных провинций Казахстана. Но если спросить мнение уральцев, знавших и участвовавших в развитии и становлении научной мысли на казахской земле, без сомнения, имя академика Букетова Е. А. они бы назвали в ряду талантливых сынов Казахстана К. Сатпаева, М. Ауэзова» — так однозначно выразил свое мнение о подвергнутом преследованиям Евнее Арыстанулы хорошо знавший его ректор Уральского политехнического института, профессор Станислав Набойченко в своих воспоминаниях.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Впрочем, и в Казахстане нашлись горячие головы, которые пытались развеять наветы на Е. А. Букетова, разогнать сгустившиеся над ним тучи. В архиве ученого хранится шестистраничное письмо-протест, написанное в мае того же года кандидатом экономических наук Б. Кажыкаримовым. Оно адресовано ЦК КП Казахстана и Карагандинскому обкому партии и озаглавлено: «Когда искажается истина». В письме приводятся красноречивые факты, начисто опровергающие все домыслы и измышления автора фельетона в газете Ю. Рощина. Не оставив камня на камне от статьи-пасквиля, автор с возмущением требует, чтобы автор этого опуса и редактор газеты за нарушение 36-й статьи Конституции Казахской ССР (в ней было сказано о праве гражданина на литературное творчество) предстали перед судом и понесли ответственность перед партийными органами...

Нам известно, что такие же письма готовились и в коллективах КарГУ и ХМИ: В. П. Малышев, Ж. Н. Абишев, Т. К. Кокетаев и другие собрали подписи сотен людей в защиту Е. А. Букетова. Они хотели направить свои протесты в ЦК КПСС, нашлись патриоты, готовые ехать в Москву, в редакцию «Правды» за справедливостью... Но сам Евней Арыстанулы, узнав об этом, не дал ходу коллективному заявлению (видимо, и вышеуказанному письму тоже), он строго-настрого запретил отправлять эти письма-протесты, заявив всем: «Литература — мое личное дело, и за свои творения я буду отвечать сам, более никто...»

И все-таки настоящим утешением для опального ученого в те дни стали письма-отклики его почитателей. Они поступали в редакции, в партийные органы, большинство — в ректорат КарГУ.

«Здравствуйте, тов. Букетов!

Хочу сказать Вам, что возмущен неприличной рецензией на Ваши записки. Выступление "Лен. смены" напомнило мне черные дни 1950/51 гг., когда в печати топтали ногами представителей казахской интеллигенции только за то, что они позволили себе иметь свою точку

Букетов University

Created by free version of 2PDF

зрения. Я внимательно и с интересом читал "Записки научного работника" ("Время светлой судьбы" — заголовок елейный и не совсем грамотный) и думал выступить с их критическим разбором, но решил подождать отдельного издания, так как показалось, что в журнальном варианте не обошлось без сокращений. В Ваших воспоминаниях многое мне понравилось. Я не знаю другой такой попытки рассказать о том, как мальчишка из аула поднялся к вершинам науки и при этом остался в чем-то мальчишкой — живо мыслящим человеком, свободным от той ложной этики, которая подчас рядит в академическую тогу надменную лень и сытую тупость.

По-настоящему обаятельны образы трудовых людей из аула, Ваших учителей, рассказывая о них, Вы углубляете и расширяете представления, с которыми пришел в советскую литературу Чингиз Айтматов. Да, пишете Вы художественно слабее, нет селекции фактов. Но не было на Вашу прозу жесткого и любящего редактора. Это особенно сказалось в той части записок, где Вы говорите о научной деятельности, об атмосфере исследовательских институтов. Здесь есть и аульное самолюбование — вот, дескать, как высоко Евней взлетел! Есть и слишком лобовые характеристики коллег...

Помните, Станиславский учил своих актеров: "Изображая лжеца, ищите, в чем он все-таки правдив; рисуя скупца, старайтесь выявить, в чем он щедр". Вам же в изображении ряда научных работников не хватает как раз доказательств и мотивировок, дающих объемность образов. Зато есть начало горькой правды, зато есть смелость, зато Вы там и здесь срываете эту самую академическую тогу с научной недобросовестности и безнравственности. Ах, как это необходимо нашей казахстанской науке! В общем, хочу, чтобы в эти неприятные для Вас дни Вы знали, что у Вас есть не только противники, но и сторонники. Верю, что Ваша работа над "Записками" будет продолжена. Сочетая способности "физика" и "лирика", Вы сможете рассказать о пережитом, о научных проблемах увлекательно и доступно. Верю: Вы можете представить веские доказательства того, что Ваш родной народ умеет рождать настоящих

Created by free version of 2PDF

ученых, простых, веселых, неутомимых тружеников науки, не перестающих думать с получением первой же научной степени.

Возможно, Вы меня помните. В дни Вашего студенчества я заведовал отделом литературы в "Ленинской смене" и готовил к печати Ваши отзывы о книгах и театре. Вы тогда были просто — Женя. Желаю Вам бодрости и рабочего состояния.

А. Розанов, Усть-Каменогорск, 22 мая 1979 г.».

Автором этого послания был Андриан Сергеевич Розанов, сотрудник газеты «Ленинская смена» (в то время он работал собственным корреспондентом молодежной газеты по Восточно-Казахстанской области). Он был известен как смелый борец за справедливость, как бескорыстный и правдивый журналист. И на этот раз он остался верен себе. Видя явную гнусность, хотя должен был по долгу службы выражать солидарность с родной газетой, отстаивать «честь мундира», он не опустился до этого, сохранил свое лицо, отправив письмо в Караганду на третий день после публикации статьи Ю. Рощина...

Таких теплых, дружеских писем было немало. Беспрерывным потоком шли они все лето, осенью, а некоторые находили адресата даже и в следующем году.

* * *

После совещания работников высших учебных заведений, где Евнею Арыстанулы устроили публичный разнос, старый приятель К.*, дождавшись его у выхода Дворца имени Ленина, пригласил в гости. Евней не

---

* «Медеу, я не возражаю, чтобы ты написал про нашу беседу без утайки обо всем, что я тебе расскажу сегодня, но прошу тебя не называть моего имени. Люди могут судачить, что я столько лет молчал, а когда дожил до старческого возраста, стал, мол, соловьем заливаться... Некоторые могут понять мою откровенность превратно. А я рассказываю тебе об этом только для того, чтобы ты правду знал. Да еще светлая память моего старого друга Евнея обязывает. Словом, включай свою аппаратуру...» — после такого уговора имя рассказчика я вынужден не упоминать, хотя его уже и нет среди нас.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

хотел никуда идти, но этому человеку не мог отказать, тем более приглашал тот на дачу в горы, приютившуюся среди вечнозеленых тяньшанских елей, где воздух был чист и прозрачен и царили такой покой и тишина, каких ему давно недоставало.

Они взяли такси, через полчаса добрались до дачи. Хозяин, включив электрочайник, обратился к гостю:

— Байбише* моя сейчас больше беспокоится о внуках и внучках, чем обо мне. Подготовив все, что необходимо для ужина, как видишь, отправилась в город... Наверное, хотела, чтобы мы поговорили наедине, умница она, — улыбнулся К. и, чуть повременив, спросил: — Что ты предпочитаешь из спиртного? Я склонен к коньяку, тем более это знаменитый КВК**...

— Ну, тогда я присоединяюсь к тебе, — ответил гость.

Он уже понял, что друг студенческих лет хочет рассказать о чем-то давно наболевшем. Для того и пригласил в дачный домик. Несколько лет они не встречались вот так один на один, только в окружении знакомых. А вот так посидеть по-мужски, как в молодые годы, давно не приходилось, хотя они друг к другу тянулись. Но, что поделаешь, постоянно не хватало времени. А сейчас все было для такой задушевной беседы: первозданная тишина гор, сгущающиеся сумерки, простой и от души предложенный хозяином дастархан...

— Устал я сегодня от этой пустой говорильни, что от нее толку. Давай, Евней, воздадим должное этому благородному напитку! — поднял стопку хозяин.

— Давай.

Выпили залпом. Закусили.

— Как твои дела? Ты что-нибудь предпринимаешь для самообороны? Этот, как его, наш идеолог-секретарь сегодня тебя поддел, конечно, напрасно. Я заметил, что сидящие в зале отнеслись к его критике безучастно, аплодисментов он не дождался. И поделом ему! Эх, если бы кто-то еще выкрикнул: «Товарищ се-

---

* Жена, здесь в смысле хозяйка очага.

** Коньяк высшего качества.

Created by free version of 2PDF

Выкладушкевичу

кретарь, это же клевета!» — вот вышла бы хохма, но, естественно, такого камикадзе не нашлось. Ему бы потом не сносить головы...

— О чем горевать? — встряхнулся Евней. — Придется слагать ректорские полномочия, но я об этом ни капли не жалею. Сброшу эту обузу и сразу полностью переключусь на науку, литературу. Я никогда не стремился к высоким чинам, наградам. Многие лопаются от гордости, удостоенные их. Прав был Гаврила Державин: «Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами». Перо никто из моих рук вырвать не сможет, а я не отдам! А наука — для меня родная стихия. Ты когда-нибудь слышал, чтобы академик остался без работы? Ну, если не дадут снова директорствовать в ХМИ, тоже не обижусь, вернусь в свою лабораторию. Если в тридцать лет я мог многое стерпеть, то уж, наверное, в пятьдесят не потеряю рассудка. Мысли и знания остаются при мне, и я остаюсь все тем же Евнеем...

— Силен ты, молодец, гордый ты человек! Необузданный у тебя характер. Ты как строптивый конь в степи, привыкший к воле, — давний друг пришел в приподнятое настроение, аж похлопал в ладоши. — Иншалла*, та дурацкая статья тебя не загнала в угол. Я искренне горжусь тобою! — Быстро наполнив рюмки, он бодро воскликнул: — Пью за твою несгибаемость, и хотя великий физик Паскаль сравнивал человека со слабым тростником, тебя, я вижу, не сломят никакие бури!..

— «Не пугай меня грозою, / Весел грохот вешних бурь! После бури над землею / Светит радостней лазурь», — Евней громко продекламировал начало известного всем стихотворения. — А ну-ка, скажи, чьи это стихи? Только быстро!..

— «После бури, молодея, / В блеске новой красоты, / Ароматней и пышнее / Распускаются цветы!» — продолжил К. — Иван Бунин, перевод нашего Абая. Черт побери, крепкая у тебя память, сто тысяч строк помнишь не только казахских, но и русских поэтов...

---

* По-арабски: слава Аллаху.

Created by free version of 2PDF

Viktor Univ

А я, хоть и профессор словесности, не могу с тобой состязаться. Феномен ты, ей-богу! Между прочим, можешь свой хлеб зарабатывать декламацией мировой поэзии...

Гость только пригубил коньяк. «Значит, не пьется ему, — подумал друг. — То, что сейчас он хорохорится, — это напускное, а внутри у него по-прежнему кошки скребут. Легко ли быть битым ни за что? Как его вывести из этого состояния?..»

На какое-то время каждый предался своим думам.

— В том, что эта статья написана по заданию, нет сомнения, — прервал молчание хозяин дачи. — Истинный автор не Ю. Рощин — другой... Ты знаешь об этом? — Евней неопределенно развел руками. — Но сначала выпьем еще по одной рюмке, сейчас я тебе раскрою на все глаза, только не падай! — поднял рюмку К. и, не дожидаясь гостя, залпом выпил, возможно, тем самым желая погасить свое волнение. А затем, пристально посмотрев на Евнея, тихо сказал: — Это подстроил тебе помощник первого секретаря, русский писатель... Мой информатор — большой чин из "Большого дома". Он тебе сочувствует, врать не будет. Помощник первого тебя совсем не знает, никаких дел ты с ним не имел. И как такой человек мог сделать такую подлость, не понимаю... Или было что-то между вами?

— Прошлой осенью, в конце года, мы с ним случайно встретились в вестибюле «Большого дома». Владислав Васильевич сам меня остановил, мы познакомились во время поездки Димеке в Караганду, тогда и немного побеседовали о литературных новостях...

— Что ты говоришь, значит, вы знакомы?

— «Как у вас дела?» — спросил тогда меня помощник. «Вроде неплохо, — ответил я, — кажется, мы с вами вместе подняли тираж "Простора", осенние номера журнала идут нарасхват». Может быть, мне не надо было говорить так. Дело в том, что его новая повесть «Закон Бернулли» была опубликована в том же 9-м номере, где печаталась вторая часть моих «Записок». «Вам понравилось мое произведение?» — пристал ко мне Владимиров. Видимо, он ждал, что я скажу что-то

Created by free version of 2PDF
Buketov University

лестное о нем. Наверное, для него был очень важен мой положительный отзыв. Но я не оправдал его надежды, отделавшись общими словами. А он уже ухватился за отдельные мои мысли: «Евней Арстанович, напишите рецензию. А куда поместить, я скажу вам позднее...» Мне надо было сказать: «Подумаю», но, что поделаешь, я отказался: «Нет, Слава, я уже не пишу рецензий, давно отошел от жанра критики...»

— Эх ты, провинция! Сам же себе накаркал беду, — запричитал друг. — Он надеялся, что ты с радостью согласишься, ведь ему в Алматы никто ни в чем не отказывает. А теперь Владимиров затаил на тебя обиду. Говорят, что он очень злопамятный...

— Но что я сделал такого, чтобы он так мстил? Неужели он не понимает, что сказанное мною — комплимент. У него, думаю, для этого ума достаточно. Нет, батыр, твоя версия неправдоподобна. Я, вообще, не верю в то, что задание устроить мне пакости исходило оттуда, притом что в этом замешан помощник Димеке. Нелогично. Димеке — большой человек, и он на такие мелкие козни не пойдет. Тем более у меня к нему нет никакой ненависти...

(Восемь лет спустя, в начале 1987 года, этот вопрос в разгар всеобщей критики прежнего партийного руководства стал предметом обсуждения на пленуме обкома КП Карагандинской области. Председатель областной ревизионной комиссии М. Имашев с трибуны во всеуслышание заявил: «А что кунаевская компания сделала с академиком Е. Букетовым, крупным ученым, замечательным писателем, в котором они подозревали претендента на должность президента Академии наук? Это они ускорили его кончину, оклеветав, смешав с грязью руками помощника Кунаева — жулика Владимирова» — эти слова мы взяли из отчета с пленума из газеты «Индустриальная Караганда».)

Точно такое же обвинение предъявила ему через тринадцать лет (в 1992 году), поставив последнюю точку в этом спорном вопросе, республиканская газета

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«Кооперативные новости», опубликовав на своих страницах заметку «Это не “Записки”. Это донос»: «Нам кажется, деликатность в таких принципиальных вопросах излишняя. Ведь автор этого доноса сделал всё, чтобы талантливая поэтесса Тамара Мадзигон молодой ушла из жизни. Молодым умер Анатолий Тарасов. После гнусного фельетона всем хорошо известного анонима погиб академик Е. Букетов...» И газета называет имя этого человека — Владислав Владимиров. А статья сопровождена вот такой редакционной аннотацией: «Как бы хотелось, чтобы В. Владимиров подал на “КН” в суд за клевету. Мы готовы отчислить любую сумму за экспертизу авторства доноса. Мы готовы выслушать показания множества свидетелей. Замечательный должен бы получиться процесс. Это был бы процесс над теми, кто пока ушел от заслуженного ответа...»)

— Ладно, Евней. Веришь, не веришь — дело твое... Я тебе скажу откровенно, в чем ты провинился, только слушай меня не перебивая... — продолжал хозяин. — Я недавно заново прочел твой очерк «Человек, родившийся на верблюде», тот самый первый вариант, опубликованный в московском журнале «Знамя». На это меня подтолкнули слова нашего доброжелателя из «Большого дома»... Все твои нынешние беды начались именно из-за этого очерка. Даже сегодняшние наскоки секретаря ЦК на тебя — тот же отзвук. Это только начало, самое плохое еще впереди. Ты уже уловил, как они ловко срежиссировали свои действия: сначала фельетон в массовой газете; теперь вот такая критика с трибуны республиканского совещания вузовских работников, а потом пойдут письма-доносы...

Евней хотел возразить, но друг, подняв руку, жестом попросил не перебивать.

— Дорогой Евнейжан, неужели ты такой наивный, не понимаешь, что натворил? Я знаю, что ты прямой потомок легендарного батыра, теперь-то я убедился окончательно: только настоящие батыры идут, как ты, напролом... — И, взяв с полки тот самый номер «Зна-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

мени», открыл страницу с очерком Евнея. — Вот, прочитал твой очерк с карандашом в руке, ты назвал здесь 72 казахстанских ученых, среди них — русские, казахи, татары, украинцы, евреи... Начал перечень с Абая и Чокана, заканчиваешь Шапыком Чокиным, Шахмарданом Есеновым. Конечно, Сатпаева и Ауэзова особо выделил, я бы сказал, с любовью описал их. Даже ученых среднего поколения, таких как Байконуров, Дарканбаев, Толыбеков, никого не забыл. Всем им даешь отличные характеристики, кое-кого вообще сочно описал, например Ишанбая Каракулова... Однако в твоем очерке нет имен двух ученых. Кого же? Нет обоих братьев Кунаевых! Ты, наверное, их не считаешь настоящими учеными, раз не отметил среди светил казахстанской науки...

Евней прокашлялся, дав знать, что хочет привести свои аргументы. Но хозяин дачи уже не мог остановиться.

— Вчера я снова перелистал подаренные тобою книги на казахском и русском языках. Где напечатан «Человек, родившийся на верблюде», изданные в 1975 и 1977 годах, надеялся, что ты свою «политическую» ошибку, допущенную пять лет тому назад, уже исправил... Нет, никого из них, ни старшего, ни младшего Кунаева — в твоих книжках не нашел. Значит, твоя «забывчивость» по этому щепетильному вопросу не случайна, это уже выглядит как открытый вызов им. «Не хочу говорить о вас. И все. В конце концов, кто мне нравится, а кто нет и как о них писать — мое писательское право» — так, дружище, получается...

— Ты хоть пожалел бы меня...

— Это и есть тот случай, Евней, когда истинный друг говорит правду тебе в глаза, какой бы она ни была беспощадной, — выпалил он. — Возможно, подхалимы из окружения первого секретаря — ты не считай их ротозеями, они все умные — не в рабочем кабинете, а во время отдыха, держа твои две книги в руках, могли, как сексоты, сказать такое: «Димеке, странно, но у нас издают такие книги, как эти. Посмотрите, это книги известного вам Евнея Букетова, которого все

Buketov University

Created by free version of 2PDF

возвеличивают. Все его считают истинным ученым, непревзойденным литератором. Он так высоко вознесся, что, перечисляя ученых Казахстана в своем очерке, вас, как уважаемого и старшего по возрасту и Аскара, как младшего его собрата, ученого-коллегу, он вообще не упоминает. Всех известных ученых Казахстана, даже и сереньких называет. Только не удосужился упомянуть вас, двух Кунаевых. Почему? Не понимаю, видимо, это делается с умыслом, специально. Это по существу неприкрытая наглость, как можно так? Что ваш род сделал ему, непонятно?.. Димеке, надо его хорошенько одернуть, а то он вообще сядет на голову, надо дать ему такого пинка, чтобы запомнил, да и другим чтобы неповадно было». Подумай, Евней, могли же так преподнести достопочтенному Димеке твою маленькую оплошность? Вполне могли!..

— Остановись, батыр, я согласен: Аскар Менлиахметович — человек наивный, может легко поддаться наушничеству мнимых его друзей. А Димеке — крупная личность, его-то не втянешь в такие мелкие склоки. Как ты можешь утверждать, что большой государственный деятель такого масштаба мог обидеться за очерк, за то, что я не упомянул их, братьев. Ведь эта публикация — однодневка, сегодня прочитают, а завтра уже забудут. Нет, не убеждай меня, хоть убей, ни за что тебе не поверю...

Евней не стал дальше спорить.

К. решил проявить покладистость.

— Димеке — высоко парит. Он на мелочь не размениваться. Говорят, если он захочет кого-то наказать, скажем, убрать с поста, никогда он сам этим не будет заниматься. Такие манипуляции он проделывает чужими руками. Но ты не забывай, что он тоже человек из плоти и крови. И, конечно, кто-то из его приближенных, имея на тебя зуб, а возможно, просто, чтобы выслужиться, мог его убедить в твоем неприятии их клана. И он заподозрил, что ты держишь камень за пазухой... Конечно, все это предположительно. Но я не сомневаюсь: кто-то накапал на тебя Димеке, и он выразил недовольство тобой. А рядом с ним всегда находятся

Created by free version of 2PDF
Buketov University

проверенные и преданные служаки. Такие, как Саттар Имашев, которые держат ухо востро. Они сразу поймут что к чему, и начинают думать, как тебя наказать...

— Подожди, друг мой. А что, разве народ вечно будет безмолвствовать? Ведь все видят, что это организованная травля. Когда-то всё выйдет наружу. Время всё расставит по своим местам. Не знаю, как отнесутся потомки к моим литературным опытам, но научный вклад они должны признать и оценить.

— Правильно рассуждаешь, Евнейжан! Научное наследие твое переживет тебя! Даже «Записки» твои!.. Но ты — умный человек. О том, что я сейчас тебе сказал, подумай хорошенько, крепко подумай! — И он, разволновавшись, придвинулся к нему ближе. — В том очерке, не спорь со мной, не знаю, как тебе доказать, ты допустил много промахов... Ну, я понимаю, что достойно показал историческую роль и заслуги Канеке в открытии Академии наук, но тут же ты мог пару теплых абзацев посвятить и Димеке. Тем более он принял храм науки из рук Сатпаева в такое тяжелое время, когда в Казахстане свирепствовали репрессии 1950-х годов, санкционированные Москвой. Надо было хотя бы отметить достойно его трехгодичный труд во главе академии, там же подчеркнуть, что он вернул Академию наук в целости и даже обогатившейся новыми кадрами и институтами своему наставнику К. И. Сатпаеву... А ты об этом ни словом не обмолвился, как будто Динмухамеда Кунаева не было в анналах науки. А младший Кунаев, твой бастык и ученый-металлург, вот уже пять лет как президент академии. Ты его тоже не жалуешь. Почему бы не сказать несколько добрых слов в его адрес, от тебя бы из-за этого не убыло. Ведь он уже избран членом-корреспондентом союзной академии. Удостоен Госпремии СССР. Наград у него также хватает...

— Еще получит.

— Правильно. Наша казахская пословица гласит: «У кого брат надежный покровитель, тот легко пойдет в гору». Всем известно, и это уже не тайна, что Димеке, чтобы своего младшего брата посадить в кресло президента Академии наук, заблаговременно убрал с

Created by free version of 2PDF

его дороги таких крупных ученых, как Чокин и Есенов. А в своем очерке ты вовсю расхваливаешь их обоих. Прочитав, я вчера подумал, что ты это делаешь назло братьям Кунаевым, в пику им превозносишь до небес своего друга Шахмардана. С удовольствием читал. Но?.. Тебе и об этом надо было немного подумать. Ан нет, в итоге ты сам дал в руки камчу тем, кто искал у тебя изъяны, чтобы хулить тебя. Это во-первых. Во-вторых, среди ученых-коллег за твоей спиной распространяется мнение об Аскаре, как человеке недальновидном, а приписывается это тебе, и ты в этом случае не сможешь оправдаться — потому что в своем очерке Аскара вообще не назвал... А он единственный и любимый брат Димеке, продолжатель их рода. Так что ты и в этом плане допустил непростительную ошибку! А я слышал, что он ради защиты чести и имени Аскара любому свернет шею, не считаясь ни с чем и ни с кем...

К. говорил громко, запальчиво, он даже немного охрип и вспотел. Подойдя к холодильнику, он достал воду и жадно выпил целый стакан.

— Я тебе всю правду выложил, но я вовсе не собирался тебя совсем вышибить из седла, я просто хотел тебе открыть на всё глаза. У тебя есть противники и завистники, они-то и хотят тебя живьем закопать в землю. Начали с твоего хобби, литературных произведений, теперь возьмутся за университет, а потом и за научные занятия...

В какой-то миг вспомнив, что он хозяин этого очага, К., будто почувствовав угрызения совести, глубоко вздохнул и наполнил рюмки коньяком. Затем посмотрел на гостя с прищуром:

— Сейчас, Евней, каждый наш шаг, каждое слово, даже идти или не идти в гости — уже политика. Где ты сидишь, о чем говоришь, все приобретает особое значение... В гостях сидишь и только и думаешь, как бы что-нибудь лишнее не ляпнуть... Тут нас только двое. И опасаться нам некого. Давай еще выпьем...

Гость, хохотнув, поднял свою рюмку.

— Ты что это — вместо того чтобы плакать, смеешься?

Created by free version of 2PDF

Виктор University

— А что прикажешь теперь делать? Что наломал дров — это я уже понял, так уж получилось. Вначале хотел и о них написать, в первую очередь о старшем Кунаеве. Но потом подумал, что это будет выглядеть так, будто я перед ним угодничаю, считал это неудобным в моем положении. Исправить теперь это трудно, просить прощения уже поздно.

— Я хочу тебе дать два совета, — вдруг воодушевился К. — Напиши большой очерк о братьях: как они росли, как достигли научных высот. Что мне учить тебя? Сам знаешь, как это делать. Назови свой очерк «Династия ученых». Редактор «Простора», который провинился, напечатав твое очередное, притом сильное произведение, и за это получил уже взбучку от Имашева, сразу же его напечатает. Этим ты возьмешь реванш.

— Наверное, не смогу. Если что не по душе — и пишется плохо.

— А ты сначала взвесь свое нынешнее положение, прежде чем сказать нет. Наш общий друг Жубан Молдагалиев однажды, обидевшись на старшего Кунаева, написал обличительное стихотворение «Письмо секретарю». Там были примерно такие строки: «Вы сегодня — секретарь партийный — царь и бог в одном лице. А я поэт — уважаемый и читаемый, мы оба смертны — это закон жизни. Завтра нас не будет, вас — совсем забудет народ, а меня и мои стихи — будут помнить...» И что же? Редактора журнала «Жулдуз» скинули с поста. А Жубан был два года безработным, но он, умник, — написал целую поэму, назвав ее «Сель», где главным героем — спасителем Алматы от грозной стихии выведен Димеке. И сразу стал хорошим человеком для власти, его избрали членом ЦК, он теперь в фаворе... От этого он не переломился и живет теперь нормально, и преуспевает, и процветает...

— Ладно уж, выкладывай второй совет!

— То, что я предложу, не так уж сложно, сразу согласишься, — улыбнулся друг. — В твоем университете много нерешенных проблем. Подумай, выбери самую горячую и под этим предлогом попросись на прием к первому секретарю ЦК, а истинную цель не раскрывай

Created by free version of 2PDF
Buketov University

никому. Когда попадешь к первому, сразу покайся от чистого сердца: «Димеке, я виноват перед вами, я согрешил относительно вас и Аскара. Ну, с Аскаром я сам объяснюсь, как-никак он младше меня и коллега. Вы для меня — как старший брат, прошу вас, выслушайте меня... — начнешь так и, как провинившийся, нагрешивший человек, униженно начни свое печальное повествование: — Вы меня так высоко подняли, назначив ректором КарГУ, а Аскар помог мне стать действительным членом нашей Академии наук. А я возомнил, что всего этого достиг своим трудом, и ходил, высоко подняв голову, малость зазнался. Виноват я перед вами... Теперь я снял камень с души, что хотите, делайте со мной, столкнете вниз или, поверив мне снова, поддержите — ваша воля. Моя судьба в ваших руках, дорогой Димеке...» — так с дрожью в голосе и со слезой на глазах закончишь. Ничего с тобой не случится. А он тоже человек не железный, если сумеешь затронуть его слабые струны, уверяю тебя, ей-богу, Димеке не выдержит и скажет: «Ой, дорогой Евней, подними голову, у меня нет ни малейшей обиды на тебя, это все нагородили сплетники...» Конечно, он при тебе не признается в своей оплошности... Но едва ты выйдешь из кабинета, он позвонит по вертушке Имашеву: «Оу, Саттар, этот Букетов, оказывается, неплохой джигит, он только что вышел от меня. Ты посмотри там, мне кажется, эти газетчики, да и анонимщики наговаривают на него лишнее. Он же ученый с перспективой...» На этом разом закончатся все твои беды, в ближайшие пять лет тебя никто пальцем не тронет, дорогой...

Евней смотрел в темную ночь за окном и не проронил ни звука в течение всей тирады друга.

— Я закончил, — сказал тот. — Как быть, решай сам. Обдумай, посоветуйся с друзьями, есть же у тебя верные люди...

— Ладно, ты меня основательно просветил. Благодарю за сердечное отношение ко мне. Подумаю, буду делать так, как мне совесть подскажет... — ответил Евней, поднимаясь из-за стола.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

* * *

Представьте себе, читатель, что бывает с человеком, когда он попадает в зону сильного землетрясения, когда все, что под ногами, проваливается с грохотом в бездну.

Нечто подобное случилось с Евнеем Арыстанулы. С лета 1979 года, после злополучной статьи в газете несчастья обрушились на его голову. Все пошло кувырком. Как бы он ни старался не думать о неприятных для него событиях, идя на работу или во время привычной утренней пробежки, ложась вечером спать, воспоминания о них нет-нет и оживали вновь, и тут же начинало щемить сердце. После всего этого уже не было ему покоя. До утра сверлили мозг раздумья: «За что, кому я навредил, что я плохого сделал власть имущим?..»

Постоянное переутомление, сильный эмоциональный стресс сделали свое дело. Нарушился сон. Временами в области сердца возникала острая боль, распространявшаяся по всей груди, возникало ощущение подавленности и смертельной тоски, на лбу выступал холодный пот. Ночью порой на грудь наваливалась какая-то огромная тяжесть, ему казалось, что сердце останавливается и жизнь его вот-вот погаснет.

После завершения очередных приемных экзаменов пришлось обратиться к своему лечащему врачу. А он сразу же, взяв за руку, не отпуская никуда, повел его в палату. Может быть, тем самым на время спас от опасного кризиса.

II

Нервотрепка, начавшаяся весной, продолжалась до глубокой осени, но уже в другом аспекте...

Неожиданно в Караганду приехала комиссия, организованная отделом науки ЦК КП Казахстана. В составе комиссии были профессора, доценты крупных алматинских вузов. Они начали скрупулезно и дотошно исследовать учебно-педагогический процесс в уни-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

верситете (в это время на дневном отделении обучались 7,5 тысячи студентов, вместе с заочными факультетами число студентов превышало десять тысяч, преподавателей было около семисот), по-прежнему функционировали восемь факультетов, более пятидесяти кафедр. Члены комиссии по своему выбору посещали лекции некоторых профессоров, доцентов, ходили на практические занятия, которые вели ассистенты. Ничего крамольного не раскопали. Но разве бывают люди без грехов? Однако у членов комиссии было конкретное задание, и они должны были костьми лечь, но найти недостатки. И, конечно, нашли...

Проверявший кафедру высшей математики профессор Тайцман, прослушав лекции старшего преподавателя А., на кафедре заявил о низком уровне прочитанного курса. Но в конце своего выступления заметил: «Молодой человек, мы застали вас врасплох. То, что вы лекцию прочитали не совсем на уровне, я это могу понять и простить. Но вы свой предмет знаете, только вам надо готовиться к лекциям более тщательно...» На следующий день профессор Тайцман снова посетил лекцию А., притом вместе с заведующим кафедрой Т. Г. Мустафиным. К чести преподавателя, на этот раз А. оказался на высоте, и комиссия, снова собрав членов этой кафедры, вынесла благодарность молодому преподавателю... «Вывод можно сделать такой: А — достаточно квалифицированный специалист, но не всегда тщательно готовится к лекциям. Здесь есть и моя вина — надо было почаще контролировать. Но есть и объективная причина — он перегружен учебной и общественной работой. В связи с этим хочу отметить, что вот уже третий год члены нашей кафедры имеют нагрузку в среднем по 1100 часов — это, конечно, не способствует повышению качества лекций», — сказал Т. Г. Мустафин на ученом совете КарГУ, посвященном обсуждению результатов проверки.

Заведующая кафедрой физики Л. Ф. Ильина на том же ученом совете отметила, что комиссия ЦК проверяла ее кафедру с не меньшим усердием, чем активи-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

сты 1930-х годов. Проверяла два раза и в обоих случаях внезапно, в 8 часов утра, чтобы удостовериться — на месте ли преподаватели-физики и сотрудники лаборатории; в результате было выявлено, что почти половина физиков на работу приходила с опозданием. «...Проверка осуществлялась днем, но ведь надо же было иметь в виду, что на многих кафедрах, в том числе и на нашей, в это время преподаватели находились в школах на педпрактике, а занятия велись на вечернем факультете, — говорила Ильина на том ученом совете (ее слова, как и других, которые цитируем здесь выборочно и со значительными сокращениями, мы взяли из протокола заседания, состоявшегося 17 ноября 1979 года). Кто об этом знает? Только заведующая кафедрой знает, где находится рабочее место любого преподавателя, любого сотрудника. Но ведь меня об этом даже не спросили. И потом пришлось некоторым товарищам доказывать, что они не могли в указанное время находиться на кафедре, потому что вместе со студентами собирали картошку. Или второй пример — еще одна проверка, которая была проведена перед ноябрьскими праздниками. Проверка велась на физическом факультете по расписанию физического факультета, а, например, наша кафедра работает по восьми расписаниям, а с декабря будет работать по девяти, притом в пяти учебных корпусах. Для того чтобы во всем разобраться, достаточно было лишь зайти на кафедру, посмотреть расписание кафедры, переговорить с заведующей кафедрой, и опять это не было сделано. ...На научно-методическом совещании заведующих кафедрами общей физики вузов республик Средней Азии и Казахстана, которое состоялось в октябре 1979 года в Ташкенте, о структурно-логических схемах и технологических картах говорили несколько докладчиков. Мы можем сделать такой вывод, что в этой работе физический факультет КарГУ идет на уровне республик Средней Азии и Казахстана, а в некоторых вопросах даже впереди, — продолжала Лидия Федоровна. — Вот протокол того заседания, из чего можно понять: комиссия ЦК сделала вывод, что у нас нет

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дисциплины... а среди Союзных республик преподавание физики в КарГУ признано лучшим. Я вам напоминаю, что между двумя проверками прошел всего один месяц...»

Из многочисленных протоколов, отчетов, различных справок и объяснений отчетливо видно, что члены комиссии ЦК работали очень старательно и въедливо. Все же учебно-педагогическая работа, проводимая ректоратом КарГУ и деканатами факультетов, особенно подразделениями точных наук, не могла быть сведена к нулю. Ясно было, что, в общем, дела идут неплохо, занятия ведутся на уровне и успеваемость студентов тоже в порядке. Мало того, они еще занимаются научно-исследовательскими изысканиями. Высокая комиссия в этом существенных недостатков не нашла, наоборот, проверяющие отметили, что академик Букетов уделял этим факультетам особое внимание, в результате кафедры высшей математики, физики, химии укомплектованы крупными учеными, тем самым фактически это и позволяло поднять ведение учебного процесса на современный уровень.

На том же заседании ученого совета первый проректор Н. Ф. Пивень сказал: «Мне, как преподавателю, как доценту, как ученому, комиссией никаких замечаний высказано не было, наоборот, отозвались о моей работе весьма положительно. Что же касается служебной стороны, то тут мне заслуженно досталось, потому что очень многие серьезные вопросы у нас в университете не решаются, а нести персональную ответственность должен, прежде всего, проректор по учебной работе, потому что в университете учебная работа стоит на первом месте...»

В ходе проверки выяснилось, что на гуманитарных факультетах было очень мало преподавателей с учеными степенями. По этой причине успеваемость на этих факультетах была низкой, предостаточно было и нарушителей дисциплины. Комиссия также констатировала, что в университете нет системы в воспитательной работе. Из всех поступивших заканчивают

Buketov University

Created by free version of 2PDF

университет только 78,3 процента. На каждом экзамене из десяти студентов двое получают неудовлетворительные оценки, много пересдач на экзаменационных сессиях. «А это результат некачественного проведения вступительных экзаменов...» — было записано в протоколе.

Особенно много недостатков было выявлено на юридическом факультете. Об этом с сожалением говорил на ученом совете декан факультета Мажит Имашев: «Не секрет, что те недостатки, которые отметила комиссия, были известны нам давно, но, тем не менее, они у нас были. Анализируя эти недостатки, я обнаружил, что в них есть и объективные факторы и субъективные. Я буду говорить об объективных факторах. Прежде всего — это материально-техническая база. Как всем известно, наш факультет в течение шести лет скитался по различным уголкам нашего города, и, наконец, мы получили новый корпус университета, на эту сторону члены комиссии почему-то не захотели обратить внимание. Далее, относительно ТСО. Наши студенты своими силами изготовили большое количество слайдов для факультета, а где их демонстрировать? Строительные организации города до сих пор не сдали в эксплуатацию поточные аудитории, которые должны быть оснащены всеми приспособлениями для использования ТСО — технических средств обучения. И опять об этом ни слова. Кадры на нашем факультете, который начал с нуля, — это вообще проблема. Минвуз за семь лет к нам не направил ни одного человека для укрепления факультета...»

После отъезда комиссии состоялось заседание ученого совета университета, как мы говорили выше, с повесткой дня: «О мерах по устранению недостатков, отмеченных комиссией ЦК КП Казахстана». С докладом выступил ректор университета Е. А. Букетов. Соблюдая узаконенную традицию и партийную этику, все выступавшие, в том числе ректор и секретарь парткома А. Ф. Лепешкин, признавали замечания комиссии, заверяя в своей готовности устранить недочеты и поправить положение в университете.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Из беседы автора с доктором философских наук Садуакасом ТЕМИРБЕКОВЫМ:

«Осенью 1979 года меня пригласил к себе секретарь ЦК КП Казахстана С. Н. Имашев. Я тогда уже более года работал заместителем заведующего отделом науки, высшего образования и школ ЦК.

— Беспрерывно идут жалобы на ректора Карагандинского университета: в своем кабинете он, мол, бывает только два-три дня в неделю; часто болеет; он не выполняет свои прямые обязанности, больше занят литературным творчеством; руководство университетом полностью переложил на своего друга Н. Ф. Пивеня, которого перетянул из Алматы; а этот человек пренебрежительно и высокомерно относится к местным кадрам... Короче говоря, придется тебе ехать в Караганду с группой людей. То, что пишут в жалобах на Букетова, проверь тщательно на месте, — сказал секретарь. — А в комиссию включи представителей разных специальностей из институтов, чтобы состав был солидным. Не забывай, это щепетильное дело, многие смотрят на проверяющих с недоверием, если найдете вопиющие нарушения — надо их подкрепить доказательствами, чтобы ни у кого не возникло сомнений...

Я сразу понял, что поручение ответственное. А с Евнеем Арыстанулы я был не только хорошо знаком, он был с давних пор для меня близким, уважаемым человеком. Но есть служебный и партийный долг. Пришлось обдуманно формировать состав комиссии... Через неделю, когда она полностью включилась в работу, приехал в Караганду. До переезда в Алматы я был ректором Чимкентского института культуры, так что вузовская работа мне была знакома... Супруга Ебеке родом из Туркестана, и поэтому я его называл жезде, а он меня балдыз. Он обрадовался, что именно я возглавляю эту, не совсем приятную, комиссию, нежданно нагрянувшую с проверкой.... Если не считать того, что он давал нам кое-какие разъяснения, в ход проверки ректор не вмешивался. Человек он высококультурный, строго соблюдал этикет.*

---

* Зять.

Created by free version of 2PDF

Но однажды он пошутил:

— Оу, балдыз, сестра твоя на тебя сердита, ты не заходишь даже поздороваться.

— Она права. Если поможете добраться до нее, готов приехать... — ответил я.

В тот же день поехали к ней. Оказалось, она уже приготовила угощение. Сели за стол, втроем, без свидетелей, поговорили по душам. О делах университета ни он, ни я не заводили разговор. Хозяин дома проявил светскую деликатность. Что я заметил, лекарства он глотал целыми пригоршнями...

— Ебеке, что вы делаете? — проявил я тревогу.

— Да, вот такое состояние здоровья.

Я убедился в том, о чем мне говорил секретарь ЦК. Видимо, Ебеке догадался по выражению лица о промелькнувших у меня мыслях:

— Ты, балдыз, в поте лица ищешь недостатки в моей работе и зря... А ты знаешь, я уже думаю, чтобы вас далее не мучить, написать заявление об уходе с поста ректора по собственному желанию, — неожиданно заявил Ебеке. — Вот и сестра твоя каждый день пристает ко мне: написал ли я заявление...

На это я ему ответил так:

— Как вам поступить — решайте сами. Вы старше меня, ума, знаний у вас больше, чем у меня.

Разговор за дастарханом на этом закончился...

— Говорят, Ебеке в том году на вас очень обиделся. Как писателю, исследующему его жизненный путь, многие обстоятельства его жизни мне известны, и все, что его касается, я не пропускаю мимо ушей, поймите мой вопрос правильно... — заметил я.

— То, что вы слышали, Медеке, правда, — сказал Садуакас Темирбеков простодушно. — Он обиделся за то, что я по-дружески не раскрыл ему главную цель проверки. Надо было мне сказать об этом, когда я был у него дома... Вы, наверное, знаете, в партийных делах не должно быть никаких родственных отношений. То, что тебе поручил вышестоящий начальник, не положено разглашать никому. Видимо, я не смог переступить эту этику. Но Ебеке, добрейший, большой души человек, че-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

рез два года, на одном из совещаний в Академии наук, случайно встретив меня, сказал: "Твоей вины в том деле нет, потому я прощаю твой грех!.." — и тут же заключил меня в свои объятия. С меня как будто сняли тяжелый груз после его признания...

— Саке, еще один момент, — осмелев от того, что разговор идет в открытую, задал я собеседнику следующий вопрос: — Когда вы отправились в Караганду, вы знали, что задание поступило от Димеке?..

— Нет, в партийной работе было так называемое правило субординации. Имашев никогда не скажет никому, что это задание "Большого человека". И мы не спрашивали, как он, Димеке, к этому отнесется... Я понял ваши мысли, Медеке. Как некоторые сплетничали тогда, проблемы Букетова вы хотите связать с именем Кунаева. По-моему, пора отбросить эти домыслы и всякие догадки. Сколько лет прошло. И в Коране говорится, что нельзя плохо говорить о покойном, если даже были ошибки у покойного, то надо их простить... Зачем вам это все снова ворошить?

— Но тогда как я объясню сегодняшнему обществу, что Ебеке мы сами сократили жизнь. Первый секретарь очень хорошо знал Букетова, его труды, его достоинства и славу. Зная все это, он не защитил его от несправедливых нападок?

— Между прочим, на ситуацию, в которую он попал, я смотрю и философски: ему предначертана была Всевышним такая судьба...»

Коренных перемен в университете не произошло. Все остались пока на своих местах: ректор, проректор, деканы, заведующие кафедрами. Те, кто ждал больших перетрясок, остались недовольными...

* * *

Как раз в это время, когда положение у Евнея Арыстанулы было неопределенным и, как говорится, каждый день он ждал новых ударов из-за угла, нежданно-негаданно в его доме произошло событие, ко-

Created by free version of 2PDF

торое взбудоражило не только его семью, но и всех Букетовых.

Это случилось во второй половине ноября, в субботу. Ближе к вечеру к нему на квартиру без приглашения и звонка заявились трое незнакомых людей, судя по виду, они приехали издалека. Пришлось пригласить их в гостиную. Когда они уселись, один из них, пожилой мужчина, с волнением в голосе начал:

— Уважаемые Ебеке и Зуке! Вы, наверное, удивлены, что за люди ввалились к вам без приглашения. Мы приехали к вам из Алматы специально, по очень важному делу. Этот молодой человек, что сидит с краю, мой старший сын, зовут его Нурлан. И он, и ваша дочь Акслу полюбили друг друга, решили, если на то будет ваше благословение, соединить свои жизни. Короче говоря, дорогие Ебеке и Зуке, мы приехали познакомиться с вами. Меня зовут Садык. Если вы одобрите, готовы с вами породниться...

В квартире Букетовых на несколько минут наступила напряженная, благоговейная тишина. Добрая весть, услышанная из уст гостя, будто лишила хозяев голоса, они просто растерялись.

Зубайра Дуйсенкызы не смогла сдержать себя. Из ее глаз покатились слезы. Евней, едва придя в себя, проговорил:

— Неужели моя Акслушка уже стала невестой, не верится! Недавно ведь она еще бегала с бантиком в косичках. Когда же и как она выросла? Да, да, похоже так, она давно уж студентка, учится в том же институте, где я был студентом, даже на том же металлургическом факультете, должна нынче закончить. Ей уже двадцать один год. Да, она уже выросла, как быстро. Она была первенцем в нашей семье, солнышко мое! И вы приехали издалека просить ее руки?..

Поднявшись с места, он подошел к гостю:

— Что мне сказать вам, дорогой Саке, если уж вы ворвались в мой шанырак и сидите здесь как гость, значит, такова воля Всевышнего. Пусть будет добрым, счастливым ваш приезд! Наши предки по такому случаю обычно говорили: «Пусть сопутствует счастье сна-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

чала вам, а потом и нам! Раз наши дети хотят этого, что нам остается, только пожать друг другу руки и благословить своих детей!..» Мы рады вашему приезду!..

Евней и Садык по казахскому обычаю обнялись.

Волнение хозяина дома передалось теперь и гостям. Они ведь, войдя в этот дом, чувствовали себя не в своей тарелке: примут ли их с достоинством, все-таки хозяева — люди знатные, занимают высокое положение; а гости — простые труженики из-под Алматы... Но все оказалось очень просто. И они почувствовали себя так, как будто век были знакомы друг с другом. Евней Арыстанулы подошел к Нурлану, обнял его и поцеловал в лоб:

— Будь счастлив с моей Акслушкой, пусть она станет тебе верной спутницей в жизни!

Затем ритуал приветствия сватов повторила Зубайра Дуйсенкызы. Потом она спешно стала обзванивать всех Букетовых, живших в Караганде, приглашая их немедленно приехать. Первыми прибыли Бикен и Камзабай, затем и другие. И тут уже пошел пир горой в честь сватов...

Ниже приводим письмо Евнея Арыстанулы (начало и конец письма, первый и последний абзацы были написаны на казахском языке) от 19 ноября 1979 года бывшей супруге Алме Бекжанкызы.

«Дорогая Алма!

Приехали сваты. И сват, и Нурлан очень понравились нам. Видно, спокойные характером, простые, трудовые люди. Со сватом нашим довольно долго беседовал. В разговоре он пересказал мне твои слова: "У дочери есть отец, съездите к нему, хотя я воспитывала и вырастила дочь, — она, мол, поистине, дочь своего отца..." Спасибо тебе, эти слова много значили для меня...

Теперь буду писать на русском языке.

Я тебя очень благодарю, это было с твоей стороны благородно. Ты показала себя дочерью своего отца Бекжана, которого я видел и чувствовал, что это человек, наделенный человечностью и большим благородством.

Еще хочу сказать. Приезжает Акслушка ко мне ред-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ко, да и во время приездов мы не успеваем как-то поговорить, потому что, как ты сама знаешь, я вечно занят. Но все же я оценивающе приглядываюсь к ее поступкам и не нахожу никаких таких недостатков, в чем я мог бы упрекнуть тебя. Выросла она скромной, умной и вдумчивой. Может быть, со мной она могла бы вырасти и не такой. Ты знаешь, как я ее безмерно баловал, а это ведь не всегда дает положительные результаты.

Теперь недоразумения молодости прошли, и мы должны трезво смотреть на вещи, чтобы будущее детей было счастливым. Считаю, что Аканок и Нурлан будут жить во взаимопонимании и любви. И еще хочу у тебя просить прощения за то, что не смогу присутствовать на свадьбе. На это много причин. Главная из них — состояние здоровья, усугубляемое служебным беспокойством, которое, как ты знаешь, в этом году по известным причинам особенно усилилось. Иногда хочется бросить к черту все и сидеть в лаборатории, где бы я делал серьезное научное дело. Недавно была проверка ЦК и теперь интенсивно готовлюсь к отчету, хотя врачи настаивают немедленно лечь в больницу (к аритмии прибавилось давление, резкое повышение сахара в крови). Но, может быть, самое опасное — какой-нибудь негодяй обязательно напишет анонимку, припишет мне, что будто бы я провожу свадьбу за счет родителей своих студентов. Пока докажешь, что ты ни при чем, знаешь, сколько нервов и здоровья это будет стоить.

И поэтому, дорогая Алма, на меня не обижайся. Передай от меня приветствие Калтаю и Фариде и мое им пожелание, они всегда помогали и на этот раз на свадьбе нашей дочери пусть помогут, заменив меня как близкие родственники.

С уважением Евней».

На свадьбу Нурлана и Акслу собралось много друзей-товарищей, родственников с двух сторон. Из Караганды приехала большая группа родственников во главе с Камзабаем и Бикен, они присутствовали на всех свадебных церемониях и остались очень довольны. Евней Арыстанулы не смог приехать. И, конечно,

Created by free version of 2PDF

его мучили угрызения совести, ведь невозможность присутствовать на свадьбе любимой дочери — наказание тяжелое, и ему, как бы ни было трудно, пришлось пережить и это...

(Акслу Евнейкызы сейчас живет в Алматы. Она выбрала себе нелегкую стезю научного работника, пока кандидат технических наук. Тем самым продолжает дело родного отца. У нее двое сыновей — Адил и Акан. По словам Алмы Бекжанкызы, внешностью, высоким ростом и телосложением и даже характерами в какой-то мере они очень напоминают дедушку Евнея.)

В начале студеной зимы, когда уже в Караганде выпал глубокий снег, по «беспроволочному телеграфу» дошла-таки до карагандинцев удручающая весть, что в Алматы, в «Большом доме» пересмотрели выводы комиссии, которые были объявлены месяц тому назад в коллективе КарГУ. 18 декабря 1979 года ЦК КП Казахстана принял специальное постановление «О работе ректората и парткома Карагандинского госуниверситета по идейно-политическому воспитанию студентов и по совершенствованию подготовки специалистов в свете требований XXV съезда КПСС»...

События теперь стали развиваться стремительно. Один из секретарей обкома партии пригласил Евнея Арыстанулы и ознакомил его с постановлением Центрального Комитета. Пятистраничный документ состоял из девяти пунктов, и почти каждый абзац содержал критику восьмилетней созидательной работы ректора. Персонально указывалось: «не смог организовать», «недостаточно занимался», «не придавал должного значения воспитательной работе среди молодежи», «пустил на самотек подготовку научных кадров»... Не было забыто затянувшееся строительство «Университетского городка». В частности, там было записано, что «из отпущенных в 1979 году на строительство 990 тысяч рублей освоено только 295 тысяч»...

Прочитав текст постановления, Букетов понял, что его судьба уже решена. У него пропало желание спо-

Created by free version of 2PDF
Library University

рить, что-то доказывать. Евнея Арыстанулы совершенно выбил из колеи последний пункт партийного документа о затянувшемся строительстве, где его, ректора КарГУ, прямо обвиняли в бездействии, хотя он лично информировал об этом первого секретаря ЦК КП Казахстана, а теперь виноватым оказался сам.

Букетов попросил листок чистой бумаги, вынул из кармана авторучку и тут же написал заявление на имя первого секретаря обкома партии А. Г. Коркина и министра высшего и среднего специального образования республики Т. И. Катаева: «Прошу вас освободить от обязанностей ректора КарГУ в связи с ухудшением здоровья...» Подписав, поставил дату, попросил разрешения покинуть кабинет. И секретарь, без единого вопроса приняв его заявление, поднялся с места, чтобы попрощаться с ученым, к которому питал глубокое уважение.

Молчание обоих в эти минуты значило очень многое. Оба хорошо понимали, что и ректор, и секретарь обкома в этой ситуации бессильны и искать виноватого не стоит. Оба они были лишь винтиками давно устоявшейся и уже отживавшей свой срок системы...

В двадцатых числах января 1980 года Евней Арыстанулы, придя утром в университет, собрал свои бумаги и записи, затем пригласил к себе в кабинет всех деканов, некоторых коллег и соратников с кафедр.

— Дорогие друзья, я хочу с вами попрощаться, — обратился он к ним. — Почти восемь лет мы с вами плечом к плечу строили здание КарГУ, сплачивали коллектив, растили кадры, вместе преодолевали препятствия, непонимание, инерцию, даже сопротивление недругов и вражду. В совместной работе нашей всякое бывало, может быть, кого-то сгоряча и обидел зря, поймите, это не со зла, сказывалась повседневная напряженка, поэтому прошу вас всех по-братски простить меня и принять мою благодарность за вашу солидарность во всех моих действиях... Восемь лет я не щадил себя, заслужил награду за это — орден Трудового Красного Знамени. Это мое единственное личное приобретение! Придет время, восстановится справед-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

ливость, и тогда снова вспомнят наши имена: и первого ректора КарГУ, и всех, кто закладывал его надежный фундамент, чтобы стоял наш университет крепко и несокрушимо годы и десятилетия. Мои перспективы на будущее: я потерял очень многое, самое главное — здоровье, и несколько отстал от современной науки, чему я прежде целиком себя посвящал, даже литературные задумки и кое-какие планы пришлось отложить... Может быть, мой уход с поста ректора станет для меня благом, как говорят, нет худа без добра. Вернувшись в свою лабораторию, начну новые исследования. Если удастся, завершу незаконченные литературные труды. Вообще, планов у меня много, словом, без дела не останусь... Надеюсь на лучшее, я все-таки оптимист! До свидания, дорогие друзья, трудитесь, дерзайте во имя светлого будущего нашего общего детища КарГУ!..

III

Удар, который был нанесен Е. А. Букетову, всякого бы уложил на лопатки. В ту пору человек, оказавшийся в немилости ЦК, сразу становился отверженным, терял вес в обществе, стремительно катился вниз по служебной лестнице. Резко сужался круг его друзей и знакомых. Трудно было в такой момент сохранить самообладание. Евней Арыстанулы не смирился со своим поражением. «Все к лучшему в этом худшем из миров», — писал Жан Жак Руссо. И действительно, часто мы просто не знаем, где потеряем, где найдем.

В общем, освободившись от повседневной суеты, он сразу почувствовал, будто спали сковывавшие его цепи: «Вот теперь хоть месяц-другой вдоволь высплюсь; а потом возьмусь за документальное повествование о Сатпаеве; одновременно буду готовить новую редакцию "Записок", название теперь будет такое: "Шесть писем другу" — кажется, неплохое, во всяком случае, без претензий; затем надо собрать все написанное для "Избранного", хотя бы в двух томах... Должно полу-

Buketov University
Created by free-version of 2PDF

читься! Кто теперь мне будет препятствовать? Кто мне будет мешать заниматься литературным творчеством? Хорошо, что я написал это заявление об уходе! Вообще-то, это надо было сделать намного раньше...»

Но получилось так, как говорил известный марксист Г. В. Плеханов: «Человек предполагает, а тайная полиция располагает». Буквально через месяц после ухода Е. А. Букетова с поста ректора две рукописи, находившиеся в алматинских издательствах «Жазушы» и «Жалын», уже включенные в планы выпуска 1980 года, были возвращены автору. Издательства сопроводили их краткими письмами почти одинакового содержания: «Пока у нас нет возможности опубликовать ваше произведение в ближайшее время...»

Эти письма Евней Арыстанулы истолковал однозначно: пока не рассеются тучи над его головой, издательства не станут рисковать своей репутацией и не осмелятся публиковать его произведения... Если дело обстоит так, стоит ли уподобляться незадачливому садовнику, который поливает песок и ждет, когда на голом месте появится цветущий сад? Какой смысл заниматься бесполезным трудом, от которого не видишь результата? А когда блеснет свет в конце тоннеля — неизвестно.

Самым обидным было то, что труды, предложенные научным изданиям, тоже придержали, мотивируя тем, что направили их рецензентам, или находили в них сомнительные места, что требовало проверки... «Это было тяжелейшим ударом для него. Его лишили общения с массовым читателем как литературных, так и научных трудов... — писал Камзабай Арыстанулы в главе «Тернии» своих воспоминаний «Друг мой, брат мой». — Евней не унывал, хотя иногда мы заставали его задумчивым, а однажды он воскликнул: "Не век же жить хану Кене, придет время, и над нами прояснится небо!" Как я узнал позднее, это были слова русского офицера, безуспешно участвовавшего в многолетней погоне за мятежным ханом Кенесары Касымовым. Произнеся эти слова, Евней громко захохотал. Когда душа у меня разрывалась от обиды, я брату говорил:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

“Может быть, тебе надо съездить в ЦК, попроситься на прием к Кунаеву, объясниться с ним”. “Но ведь я абсолютно ничего плохого не сделал ни одному из Кунаевых, о чем же буду говорить, зачем я буду унижаться и оправдываться?..” — возразил Евней».

Писатель А. Брагин в своем эссе «И все-таки он победил» воспроизвел эту безвыходную обстановку: «Директор уважаемого издательства, в котором должны были выйти в свет “Записки...”, не без грусти сказал мне, рецензенту книги: “Я сам за ее издание. Но вы же понимаете...” Молчал он. Молчал я. Молчали мы. Молчал и Букетов, понимая, что силы не равные...»

Последние отказы издательств опубликовать его рукописи совсем подкосили Евнея Арыстанулы. Мысли путались, перо, которое раньше легко скользило по бумаге, теперь выпадало из рук. Понапрасну промучившись за письменным столом целый час, исписав несколько страниц, уходил на прогулку. И это продолжалось изо дня в день...

В такие минуты собственного бессилия он с болью в душе перечитывал свои «Записки научного работника», ставшие для него «дитем незаконнорожденным», думая внести какие-то поправки, но тоже не мог. Чтобы просто убить время, взялся писать новый вариант «Записок» на казахском языке...

В один из таких бессмысленных и опустошенных дней его навестил директор ХМИ Жанторе Абишев.

— Что случилось, батыр? Зачем пришел?

— Ебеке, то, что вы безвылазно сидите дома, нам всем действует на нервы. Особенно мне. Куда бы ни пошел, везде мне с укором говорят: «Почему ты не освобождаешь директорское кресло для своего учителя? Кто сделал ХМИ — институтом, а тебя — ученым? Всем ты обязан Букетову, он же для тебя больше, чем родной брат!..» Ебеке, давайте вместе поедем к президенту академии, там я напишу заявление и уступлю директорство в ХМИ — вам, законному его основателю... — заявил Жанторе.

— Батыр, зря не кипятись и не переживай, ты здесь ни при чем. Сейчас мне не позволят руководить не

Buketov University

Created by free version of 2PDF

только институтом, даже моей лабораторией. Да я уже и наруководился, сыт по горло. Понял мое состояние? Если понял, никуда меня не тяни. Ты неплохо руководишь ХМИ, продолжай дальше. Вот только затянул с защитой докторской диссертации, без этого не сможешь продвигаться вперед...

— А как мне терпеть презрение сослуживцев? — заупрямился директор института. — Короче, я пришел вас пригласить на работу в ХМИ и все ваши ученики тоже просят вас об этом. Хватит вам бездельничать!..

— Если возьмешь меня старшим научным сотрудником, я не буду в претензии...

— А я хочу вас видеть своим заместителем по научной работе.

— Нет, не буду. Дай мне небольшой отдельный кабинет. И все. Ясно тебе, сын аксакала Нурлана?

— Ну, тогда берите на себя заведование своей же лабораторией, от чего вы еще в 1969 году сами отказались в пользу Виталия Малышева. Вы академик, не гоже вам быть в подчинении у своего ученика... Кстати, и Виталий не против такой рокировки, он сильно переживает за вас...

— Ты о своих проблемах думай, уважаемый директор, а мои оставь мне, — нахмурился Букетов. — Во-первых, просить работу и согласовывать ее в Академии наук я не намерен, принципиально не хочу, и ты это должен понять... Во-вторых, мне как раз будет на руку, что именно ты возглавляешь ХМИ, будем продолжать исследования. Все лавры, награды, премии достанутся тебе, а вкалывать буду я... В конце концов от этого выиграет наука, и окончательная победа будет за нами. Вот так-то, батыр. Так что действуй!

Он вернулся в родной ХМИ. И это оказалось кстати. Проводить целые дни в одиночестве и без настоящего дела было тяжело, он привык трудиться всегда на виду у людей. И, окунувшись в привычную атмосферу, Букетов на время забыл о напастях.

Год назад семья академика переехала в дом-особняк по улице Дзержинского, 65/2 (ныне Ермекова) в квартиру № 1. Это был двухэтажный коттедж. В то

Buketov University

Created by free version of 2PDF

время такой дом воспринимался как дворец: на нижнем этаже находились большая прихожая, кухня, огромный зал — гостиная и его небольшой кабинет; лично я постоянно беседовал с ним в этой уютной комнате, на второй этаж никогда не поднимался — сколько комнат там, я не знаю...

Лечащий врач из клиники партактива сделал заключение: «Работа в лаборатории — как раз теперь для вас, она поможет вам прийти в себя, поправить здоровье лучше всяких лекарств»... И действительно, привычная обстановка помогла преодолеть хандру, он весь преобразился, стал, как прежде, добродушным, общительным. В какую бы лабораторию или кабинет он ни заходил, его встречали с радостью, рассказывали о своей работе, советовались... И все готовы были ему услужить, теперь уже не из чинопочитания, а из уважения. Порою, забывшись или решив вспомнить молодость, Букетов с прежним жаром принимался руководить новыми исследованиями...

Придя снова в ХМИ, он взялся и за своих учеников-соратников — Жанторе Абишева, Сагынтая Исабаева, Токена Габдуллина, Кадишу Сембинову: упрекнул их в том, что они, накопив богатейший исследовательский материал, непростительно затянули с защитой докторских диссертаций, и предложил немедленно ехать в Москву, Ленинград, Свердловск и защищаться.

— Никто вам не принесет на блюдечке с голубой каемочкой ученые звания, — журил он их. — Привыкли, что я вас водил, как маленьких, за руку. Почему вы не берете пример с ваших товарищей Малышева, Угореца, которые начинали вместе с вами?! Они уже доктора наук! А вы? Так не пойдет, друзья! Товарищ директор, ты первым садись за диссертацию. И ты, Сагынтай... Я не дам вам покоя, пока не станете докторами. Благодарите того, кто постарался вернуть меня в ХМИ...

Он начал гонять своих учеников, как прежде, не давая им прохлаждаться. В общем, стал прежним требовательным Евнеем-ага. Посторонний человек мог подумать, что директор института — не Жанторе Абишев,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

а Евней Букетов — как и раньше, он говорил приказным тоном, строго следил за выполнением поручений.

(Положа руку на сердце, скажу: лично я неоднократно наблюдал такую картину, когда по творческим делам приезжал в Караганду, удивляясь, спрашивал самого Ебеке с подковыркой: «Кто здесь директор — вы или Жанторе?» А он серьезно отвечал: «Не завидуй, сглазишь! Я же тебе говорил, что счастлив своими учениками. Я здесь директор без портфеля и печати...»)

Даляпраз Евнейкызы БУКЕТОВА. «Про премьеру»:

«Отец специально прилетел на премьеру в Алма-Ату. (...) В это время уже начались годы его опалы, а спектакль поставили. Один из ляпов наших властей. Что называется — не уследили!

Отец давно говорил об этой премьере и хотел, чтобы я посмотрела ее. Я не любила общественных мероприятий, потому что, когда он прилетал в наш город, люди уже толпились в его гостиничном номере. Весь день у него был расписан. Все хотели его видеть, беседовать, и мы, дочери, обычно не могли к нему пробиться. И побыть с ним наедине практически не удавалось, так он всем был нужен. Писатели, ученые, аспиранты, журналисты... Он щедро дарил себя людям.

Когда мы подошли к театру, нас никто не встретил ни в вестибюле, ни в холле, ни в зале для гостей. В театре было полно народу, но никто с нами не заговорил. Я удивилась, что мы с отцом одни, а ведь это его праздник, и люди пришли сюда благодаря его таланту. Там было много знакомых и известных людей... Самые смелые из них подбегали, быстро здоровались и убегали. А потом мы пошли в зал. Оказалось, что в первом ряду сидим только мы с отцом. Никто к нам не присоединился, как будто мы были прокаженными. Тогда я вдруг поняла, что мы одни в толпе, что нас разглядывают.

Мы с отцом посмотрели весь спектакль. Честно говоря, я не понимала, что происходит на сцене, но не отрывала глаз от нее. Мне казалось, что артисты были ярко раскрашены и слишком все утрировали, но, пожалуй, они были единственными настоящими друзьями одинокого ав-

Created by free version of 2PDF

тора в тот вечер. Отец был спокоен и даже что-то мне говорил, а я все это время тихо умирала. Я знала, что у него большие неприятности, но не знала, что все так плохо. Я до сих пор не могу понять, как он все это выдержал. Эта выдержка и разрушала его сердце. Он был спокоен, но очень бледен, и я физически чувствовала, как ему больно. Я и сейчас помню эту боль. Потом мы вернулись в его гостиницу, он собрал вещи и поехал в аэропорт. В тот вечер мы говорили с ним о судьбе Маяковского, о моей сессии, о том, как развлекается нынешнее студенчество, но только не о том, что никто не пришел его поздравить.

Он был очень сильным человеком. Он знал, что так будет, и пошел на это. До последнего надеялся... Давал шанс этим людям».

Спектакль «Кандала» (перевод комедии В. В. Маяковского «Клоп» на казахский язык, сделанный Е. А. Букетовым еще в 1957 году), который смотрели отец и дочь, ставили не столичные театры, а гастролировавший летом 1980 года в Алматы Гурьевский (ныне Атырауский) областной казахский театр. Постановка режиссера Мен Дон Ука, главную роль, говорят, очень хорошо сыграл заслуженный деятель культуры Республики Казахстан Шапай Зулкашев...

* * *

Прошлогодние стрессы не прошли бесследно для здоровья Букетова. Сердечный приступ настиг его в конце лета 1980 года, когда все думали, что худшее позади. Одно спасло: случилось это дома. Врач «Скорой помощи», прослушав его сердце, вызвал специализированную бригаду, выезжавшую в экстренных случаях, которую сами медики называли «инфарктной группой».

Музафар АЛИМБАЕВ, поэт. «Простота в сочетании с человечностью»:

«Сердце у него начало болеть очень рано. К этому еще добавился сахарный диабет. Но он старался вести активный образ жизни, в этом я убедился, когда мы бы-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ли вместе в санатории "Алматы"; несмотря на слабое сердце, он ежедневно поднимался с постели раньше всех, выходил в сад и бегал трусцой. Притом бегал так долго и усердно, что, придя в комнату, всегда выжимал обильный пот из своего нательного белья. И так каждый день. "Для тебя это большая нагрузка, ведь ты перетруждаешь свое без того слабое сердце", — предупреждал я. "Это рекомендация одного знаменитого профессора-медика, у меня аритмия, нажитая из-за чрезмерно большого веса... Да еще донимает меня и так называемая экстрасистола", — пояснил мой друг. Наивность, говорят, характерная черта богатырей, Евнею, обладавшему истинно богатырским телосложением, она была также присуща... Сейчас я думаю: не утренний ли бег стал причиной нарушения нормальной работы его сердца?..»

Пролежав на больничной койке целых два месяца, Евней Арыстанулы вернулся домой.

В архиве ученого мы нашли письмо, написанное, очевидно, дома, когда недуг уже начал его отпускать: «Глубокоуважаемый дорогой Вениамин Иванович! В этом году не повезло: два месяца пролежал с модным инфарктом и еще два-три месяца положено... выздоравливать. Болезнь, хотя и интересная, по-настоящему дает чувствовать цену жизни, но друзьям своим и Вам в том числе этой болезнью болеть не пожелаю...» Евней Арыстанулы в этом письме сообщал редактору «Простора» В. И. Ларину, что он скоро закончит статью об угле и нефти, которую заказывала редакция журнала. Видимо, этим сообщением он хотел дать знать просторовцам, что жив и по-прежнему готов выполнять их заказы. А известный перестраховщик Ларин уже целый год норовил держаться от него подальше. Сотрудники журнала тоже знали, что впредь ни одно произведение Е. Букетова редактор не включит в номер. Этого не знал только Евней Арыстанулы. Догадался об этом лишь через год, когда, предложив свое новое произведение «Святое дело Чокана», получил из отдела прозы очередную отписку.

Был у него добрый приятель, журналист из газеты

Created by free version of 2PDF

«Известия» Павел Новокшонов, который из Караганды переехал на север России, в Вологду. В одном из писем Е. А. Букетов просил друга найти издательство в Москве, где бы смогли напечатать это произведение. «Святое дело Чокана» по своему художественному уровню превосходило все ранее созданное Евнеем Букетовым. Впрочем, дадим слово П. А. Новокшонову. «Произведение крупное, цельное, своеобразное, — писал он в своем ответном письме Евнею Арыстанулы в июне 1981 года. — В нем нет дилетантизма русских авторов и безоглядно-приторного восхваления героя, как это, наверняка, сделали бы многие авторы-земляки. Это серьезное, почти беспристрастное исследование. Характеры поданы объемно, зримо. Нечто большее, чем обычное жизнеописание выдающегося человека, сделано Вами. Вторым планом просматривается мысль о благотворном слиянии разных культур и отнюдь не разноуровневых, как автор скромно оговаривается (европейской цивилизации и дикой степной), а древней казахской и через нее вообще восточной и западной. И не только Валиханов был счастливым продуктом слияния. Целый ряд фигур можно выстроить, вам хорошо известных. И я посмел бы включить в этот ряд и Вас самого. Такие чоканы и впредь будут рождаться на стыках культур... И честное слово, по сравнению с тем, что уже читал прежде, этим Вы поднялись сразу на несколько ступеней. В общем, получился Чокан! Но и на солнце есть пятна. И кое за что должен Вас покритиковать... Предложения таковы: а) Показываю в "Дружбе народов" или в "Современнике" так, как есть; б) Правлю начало и конец (12—15 страниц растянуты, много лишних экскурсов), но прежде копии правки высылаю Вам... Ну, что еще? Словно вновь вдохнул аромат степи, посидел за бесбармаком*. И даже пожалел, что в Казахстане мало пробыл... Вспоминаю наши поездки по степи. Все же здорово, что судьба подкинула мне встречу с Вами, дорогой киргиз-кайсак!..»

---

* Мясо по-казахски.

Created by free version of 2PDF

Библиотека ВГУ

У современного читателя может возникнуть вопрос: «Почему писатель обращался все время в журнал “Простор”?» В то время в Казахстане ведь издавалось множество газет и журналов, особенно на казахском языке?.. Вопрос резонный и вполне понятный. Просто нынешний читатель не знает ситуацию тех лет, когда в любой республике правил балом один человек. От него и вели все нити, поступали негласные указания. При той административно-командной системе господствовало так называемое «телефонное право», оно всегда действовало безотказно. Звонок от первого лица сверху считался законом, ослушаешься — сам загремишь вниз. Потому, когда была дана команда на публичную дискредитацию Е. А. Букетова, все издательства, газеты и журналы, как по уговору, от него шарахались в сторону, никто не осмелился нарушать табу!.. Все редакции разом вернули ему рукописи, даже ранее заказанные статьи, очерки спрятали под сукно. Перестали, как прежде, брать у него интервью. Поверить трудно, но мы говорим о беспрецедентном факте в многострадальной жизни нашего героя.

Вот вам характерный случай, относящийся к тому «застойному времени». Это было на пятом году игнорирования его имени. Евней Арыстанулы, заработав второй инфаркт, лежал в больнице. И когда ему стало немного лучше, он написал письмо заместителю редактора областной газеты «Орталык Казахстан» Сулейменову: «Милейший Рымкул! Когда долго лежишь прикованный к больничной койке, начинаешь сочинять всякую ерунду. Это тоже образец всякой всячины. Прочти, если понравится, прошу опубликовать под псевдонимом Арыстанов Кабиден (отца звали Арыстан, мое настоящее имя — Ибн-Кабиден). Если же невозможно опубликовать, то знайте, что я все понимаю, обиды не будет. С приветом ваш брат Евней, 28 января 1983 года».

То была рукопись его небольшого рассказа «Червь зависти». И он также пролежал в ящике стола «милейшего Рымкула» восемь месяцев. Только благодаря смелости редактора этой газеты Рамазана Сагынбекова

Buketov University
Created by free version of DocuFreezer

(ныне покойного) рассказ был опубликован 24 сентября 1983 года (фактически за два месяца до кончины автора) под псевдонимом Кабыкен Арыстанов. В настоящее время этот номер газеты экспонируется в мемориальном музее ученого с таким шокирующим посетителей пояснением: «Последняя прижизненная публикация Е. А. Букетова. Редакция не смогла указать настоящее имя автора».

Между прочим, это единственный рассказ, опубликованный, и то в областной газете за последние одиннадцать лет его жизни (с весны 1979 года по осень 1989 года).

И тут уместен вопрос: за что, за какие грехи такое наказание?

В 1976 году Евней Арыстанулы в интервью писателю Оралхану Бокееву так объяснял похожую ситуацию: «Сейчас не время словесных баталий, споров до хрипоты, неприличных перепалок, а время психологических противостояний, значит, и наука, и люди науки стали намного сложнее, и это положение с каждым годом усугубляется, становится труднее, мы живем в такое время...»

Словом, с тем, что он четыре года тому назад предполагал интуитивно, пришлось столкнуться самому. Он не видел выхода из тупика, в который его загнали. В годы политических репрессий, развязанных власть имущими, все было ясно: гонимому навешивался ярлык иностранного шпиона или космополита, а в республиках — буржуазного националиста, и он, горемыка, подчиняясь своей тяжелой судьбе, молча переносил свою трагическую участь в холодных краях или в тюрьме... А за что же наказывали академика Е. А. Букетова: ведь никто его — ни власть, ни репрессивные органы ни в чем не обвиняли; с ректорского поста он ушел по собственному желанию; у него не было ни одного замечания и выговора по партийной линии... Тогда почему и по какому праву его лишили (ведь письменных распоряжений по этому поводу не было) общения с читателями, за что был наложен строгий запрет на упоминание его имени и трудов в печати?

Buketov University
Created by free version of 2PDF

К сожалению, у нас нет ответа на этот вопрос. Остается признать, что фактически это было возмездием, изощренной местью за упрямство, за нежелание раболепствовать перед партийной элитой. А разве за такое наказывают, есть ли в кодексе такая статья? Нет, конечно. Тогда спрашивается, за что?

Да, однажды в своем очерке он случайно или преднамеренно не упомянул братьев Кунаевых в числе известных ученых республики, но разве это повод для того, чтобы систематически, долгие годы преследовать ученого-писателя? А ведь он был гордостью всего народа! Гонители его попрали традиционные национальные добродетели, законы Степи и исламской религии о милосердии, сострадании, любви к ближнему. Но есть глас народа, есть суд истории! К сожалению, приговор его тогда так и не свершился. Главный организатор и исполнитель травли — Саттар Нурмашулы Имашев, успешно завершив свое зловещее дело, пошел на повышение: в 1980 году он был избран Председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР. А новый секретарь ЦК по идеологии Закаш Камалиденов к этому делу не имел никакого отношения. Разумеется, и желания исправить несправедливость, допущенную предшественником. Значит, остается лишь одно лицо — главный человек, он же верховный правитель в республике.

Динмухамед Ахметулы Кунаев в своих мемуарах «О моем времени» и «От Сталина до Горбачева» не прошел мимо этого вопроса: «В 1988 году в № 9 журнала "Простор" была опубликована статья К. Букетова "Мой брат". Приведенные в ней данные абсолютно далеки от истины. Автор выносит на страницы журнала ложные сведения и на их основании делает свои выводы. Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Евнею Букетову я не испытывал. С ним вообще я лично знаком не был и никогда не беседовал. На приеме у меня он никогда не был. Ссылка на мой разговор с Букетовым — это сплошная выдумка автора. Букетова я заочно знал по его работе в должности ректора Кара-

Created by free version of 2PDF

гандинского университета. Ради объективности надо отметить, что когда он баллотировался в академики в 1972 году, в то время, когда президентом был Есенов, Букетов на выборах не был избран. Академиком Букетов стал, когда президентом был Аскар Кунаев — в 1975 году, который на выборах оказывал ему всестороннюю поддержку. О какой в данном случае неприязни, гонениях и преследовании может идти речь?..»

После прочтения этих строк у читателя может возникнуть сомнение в правдивости утверждений Камзабая Букетова, обвинившего бывшего первого руководителя республики в неблаговидных делах. Динмухамедом Ахметулы приведены как будто убедительные факты. Кунаев признает, что лишь заочно знал, кем был и чем занимался академик Букетов, по его словам, с Евнеем Арыстанулы они в жизни вообще не встречались. Таким образом, отказавшись от всего, он и в этой весьма неприятной ситуации желает выйти сухим из воды.

Однако не спешите, читатель, делать преждевременные выводы.

Дело в том, что в его мемуарах прослеживается типичная несуразность. Когда Димеке поневоле приходится признать свое прямое вмешательство в иные события, он, не думая о последствиях, пишет явную нелепицу. Например, когда объяснял мотивы освобождения от своих обязанностей президентов Академии наук Чокина и Есенова. «Ш.Чокин проработал небольшой срок и был освобожден от обязанностей президента по его просьбе», — писал он в своей книге «О моем времени». «Спустя семь лет в связи с назначением Есенова министром геологии ученые освободили его от обязанностей президента. Впоследствии он перешел на педагогическую работу...» (там же) — так он по-своему трактует «перемещение» двух соратников К. И. Сатпаева. В этих его заявлениях нет ни капли правды — об этом знают все казахстанцы. Оба были им фактически изгнаны с президентского поста, чтобы выдвинуть на него своего родного брата. Об этом уже написаны книги, в том числе мемуары само-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

го Ш. Ч. Чокина, где приведены совершенно противоположные утверждениям Димеке факты.

Так что мы вправе с недоверием отнестись к высказываниям почтенного пенсионера. Читая вышеприведенные строки из мемуаров Димеке, мы задались вопросом: почему же Динмухамед Ахметулы, зная Букетова, не препятствовал отстранению его от науки, наложению вето на публикации его литературных произведений, не запретил людям из своего окружения подло и низко мстить ему? Кстати, об этих гнусных вещах автор мемуаров совершенно умалчивает. «Возможно, Димеке не знал о них? Ведь руководитель большой республики не обязан знать обо всем, тем более многое могло твориться за его спиной...» — возразят иные. Но, увы, он знал, есть даже письменные свидетельства...

Байкен АШИМОВ, бывший председатель Совета министров Казахской ССР. Из его книги воспоминаний «Доверие народа — самое дорогое»:

«Когда я приезжал в Москву по служебным делам или во время отдыха, часто встречался и подолгу беседовал с Нуреке (речь идет о Нуртасе Дандибайулы Ондасынове, в 1938—1951 годах он был председателем Совнаркома Казахской ССР. — *М. С.*). *Однажды, когда мы снова встретились на отдыхе в санатории Барвиха, он, расспрашивая о делах на родине, вдруг начал разговор об академике Евнее Букетове, говорил, что он подвергается незаслуженным гонениям. Я сказал, что Евней Арстанович — крупный ученый, человек с многосторонними знаниями, высокими человеческими качествами, и я его очень уважаю. Когда он был назначен ректором нового университета в Караганде, как руководитель правительства я помогал ему в укреплении материально-технической базы, создании условий для преподавателей и студентов. А насчет его преследований сказал, что это делают завистливые люди, доносчики и сплетники. Узнав об этих происках, я решил, что это надо остановить, говорил Димеке несколько раз. Он всегда вроде бы со мною соглашался, но потом шел на поводу у своего окружения. Я об этом ему также откровенно сказал.*

Created by free version of 2PDF

— Когда вы были главой казахстанского правительства, Кунаев около десяти лет был вашим заместителем, можно сказать, что он ваш воспитанник. Вы, Нурекe, сами разъяснили бы ему, что происходит явная несправедливость по этому вопросу... — подсказал я, желая поправить положение Букетова.

Нурекe с досадой ответил мне:

— Я его несколько раз убеждал, что эти преследования надо остановить, но поддержки и понимания с его стороны не получил...»

На тяжелые обвинения Д. А. Кунаева в свой адрес Камзабай Арыстанулы ответил в воспоминаниях «Друг мой, брат мой» в главе «Возвращение»: «Я написал в своей статье то, что слышал из уст брата. Разумеется, у меня сейчас нет документальных доказательств: ни телевизионных съемок, ни протокольных записей, свидетельствующих о том, что он встречался с ним и беседовал о делах КарГУ. Но в одном я уверен, что из уст брата никогда, ни разу не слышал неправды. Это во-первых. Во-вторых, в Караганде и сейчас еще живы очевидцы-свидетели, которые присутствовали при беседах Д. А. Кунаева и Е. А. Букетова, когда Димаш Ахметулы посещал Карагандинский университет. У нас в музее хранятся фотографии, часть из них экспонируется на стендах, где запечатлены Д. А. Кунаев, Н. А. Назарбаев, Е. А. Букетов и руководители области все вместе. Кстати, некоторые из них в свое время были опубликованы в республиканских и областных газетах. После такого утверждения Димеке, что он никогда не встречался с Евнеем Букетовым, что нам делать с ними, этими фотографиями, они-то не врут, не могу же я убрать оттуда лицо брата или куда-то их спрятать, чтобы не подвести уважаемого в народе человека? Как быть?»

А вот мнение не рядового человека об этом запутанном деле, а самого Президента Республики Н. А. Назарбаева, высказанное, когда он был первым секретарем ЦК КП Казахстана, в интервью корреспонденту «Правды» Г. Дильдяеву, опубликованном 23 февраля

Created by free version of 2PDF

Buketov University

1990 года: «**...Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди — наша национальная гордость — долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...**»

Нурсултан Абишулы в этом интервью впервые за долгие годы открыто заявил о том, что никто в Казахстане не осмеливался прежде сказать так громко. Это стало началом возвращения имени Евнея Букетова родному народу...

Придется признать очевидное: как бы ни оправдывался задним числом почтенный Димеке, во всем случившемся с его коллегой и знаменитым современником Евнеем Арыстанулы Букетовым основная вина все-таки ложится на него. Он хорошо знал, в каком трудном положении находился опальный ученый, но для того, чтобы исправить допущенный произвол, негласно санкционированный им же, ничего не предпринял. Обидно и прискорбно и то, что эти преследования продолжались и после кончины Е. А. Букетова, пока Д. А. Кунаев находился у власти. А то, что он пишет в мемуарах, — далеко от истины...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Книга о Каныше Имантаевиче — это моя отрада и мое мучение... Не знаю, что получится. Пока движется плохо. Верю в просветление. Главное в моих думах — многосторонний глубочайший дух, магический кристалл, через который можно просветить всю нашу жизнь...

Чем больше вживаюсь в образ этого человека, тем больше сознание всей сложности проблемы, от которой кружится голова...

Из письма Е. А. БУКЕТОВА
к М. К. САТПАЕВОЙ,
24 июля 1981 года

Глава 12

«ОН НЕМНОГО НА ЗЕМЛЕ ПРОЖИЛ, НО ПАМЯТНИК ВЕЧНЫЙ ЗАСЛУЖИЛ»

I

Евней Арыстанулы в течение многих лет лелеял мечту написать документально-художественную книгу о жизни и деятельности академика К. И. Сатпаева, которого боготворил. Почему он поставил перед собой такую трудную задачу?

Я об этом подробно рассказал в своих воспоминаниях-эссе «Через тернии», увидевших свет в 1994 году на казахском, а в 2002—2003 годах дважды — и на русском языке. Теперь же возникла необходимость дополнить повествование новыми данными, обнаруженными в архиве ученого.

* * *

Таисия Алексеевна, спутница жизни Каныша Имантайулы Сатпаева, после его кончины стала задумываться о создании достоверного жизнеописания вы-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дающегося ученого. Однажды она напросилась на прием к первому секретарю Союза писателей Казахстана, замечательному художнику слова Габиту Махмудовичу Мусрепову...

— Она попыталась уговорить меня написать книгу о жизни Канеке, — рассказывал мне Габеке. — Но я постарался убедить ее, что мне в моем возрасте это уже не по силам. — «Уважаемая Таисия Алексеевна, — сказал я, — по моему глубокому убеждению, Канеке — это высочайшая вершина в мире науки, человек необыкновенного ума, неукротимой энергии и смелого размаха, он много испытал на своем веку, многого достиг. Чтобы воссоздать образ такой исполинской личности, нужно как минимум затратить 15—20 лет, а есть ли у меня, уже шагнувшего за шестьдесят лет, в запасе столько времени? Сомневаюсь...» И тебе говорю, внук старика Сарсеке, описать жизнь Сатпаева — гражданина и человека — задача очень ответственная. — Супруга Канеке задумалась, а потом попросила: «Уважаемый Габит Махмудович, тогда назовите мне такого "писателя-альпиниста", у которого не закружилась бы голова от восхождения на такую высоту. Разумеется, я надеюсь, вы уговорите его, если у него самого не хватит смелости на этот шаг...» Ей, почтенной вдове дорогого Канеке, трудно было отказать в чем-либо. И она знала это. Теперь задумался я. Честно признаюсь, я не назвал ей твое имя, хотя знал, что ты уже на подступах к этой теме... Я считал, что автором должен быть ученый человек, обязательно из круга Канеке, притом и литератор. Потому я назвал Евнея Букетова, коротко охарактеризовав сферу его деятельности, отметив, что он пишет одинаково хорошо на двух языках... Таисия Алексеевна сразу заинтересовалась его кандидатурой, высказала лишь опасения: не помешает ли ему его чрезмерная занятость в университете. Словом, я позвонил в Караганду, к моей радости, Евней тоже загорелся этой идеей...

С Ебеке я встретился в Алматы. Это было, кажется, зимой 1973 года. Он пригласил меня в свой номер в гостинице «Алматы». Там он поведал мне о своей дого-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

воренности с Таисией Алексеевной о том, что по ее настоянию уже приступил к изучению биографии Канеке.

— Я знаю, что ты к этой теме давно прицеливаешься, Медеу, — сказал Ебеке. — Не переживай, батыр, мы друг другу не будем мешать. Перед нами такой простор, что не только нам двоим, но и другим писателям не будет тесно. Дело в том, что у каждого будет свой Сатпаев, каким он его видит и понимает, это — закон литературы... Но у меня, Медеу, дефицит времени, потому прошу тебя: поделись со мной материалами о нем...

Таким образом, мы оказались как бы двумя пахарями на одном поле. Мало того, в журнале «Простор» уже была опубликована документальная повесть Алексея Брагина «Сокровище медного купола» о деятельности геолога Сатпаева, а полный текст ее готовился к выходу в свет издательством «Жазушы». Я знал, что Алексей Иванович года два тому назад плодотворно работал в Жезказгане, там он подружился с сатпаевцами, особенно с начальником Жезказганской ГРЭ, Героем Социалистического Труда В. И. Штифановым. А еще прошлым летом с той же целью известный ученый-литератор, академик Кажым Жумалиев объездил все сатпаевские места — Баянаул, Караганду, Улутау. Я же с 1963 года, по рекомендации земляка и зятя Каныш-ага археолога, академика Алькея Хаканулы Маргулана, начал свои изыскания. С тех пор прошло десять лет. Я побывал в спецархивах Геолкома в Ленинграде, в архивах СНХ в Москве, добрался даже до фонда Г. К. Орджоникидзе в ИМЛ, ездил в Томск, Жезказган, работал в архивах Павлодара, Семипалатинска, Караганды и Алматы. Словом, за эти годы я собрал огромный материал. Но главную свою идею пока держал при себе. Это должен был быть роман-дилогия под условным названием «Большой Жезказган». А пока готовил документальную книгу об ученом...

Теперь увидел, что к нашей троице сатпаевцев, желавших по-своему разработать эту интересную тему, присоединился Евней Букетов, человек безусловно талантливый и большой знаток научного наследия Каныша Имантайулы, притом близко с ним общавшийся...

Created by free version of 2PDF
Viktor University

— Ебеке, желания ваши мне понятны, — сказал я. — Но вы должны себе ясно представить весь огромный объем работы, необходимой для всестороннего освещения жизни ученого, притом во многих случаях скрытой от посторонних глаз. Выписки из его биографии вам не помогут. В архивах много таких тайн, истинную цену которых может знать только сам автор повествования. Это одна сторона медали, Ебеке... — Видя, что учитель мой призадумался, я решил открыть ему все свои карты: — Поделиться всеми собранными в архивах материалами я не могу... Дело в том, что многие мои записи сделаны в тетрадях и блокнотах. Это как бы для памяти, чтобы ими воспользоваться в нужный момент. Например, у меня записаны воспоминания более четырехсот его соратников. Как поделиться ими с вами? Это значит месяцами переписывать их...

— Ясно. Но ты ведь наверняка нашел другие документы, письма, например, адресованные Канеке. Вот такими редкими материалами ты можешь со мною поделиться. А я обязательно укажу, что это ты их нашел.

— Хорошо, Ебеке. Но хочу предупредить вас. Вы не рядовой писатель, как я. Вас в республике знают, вы академик, мало того, у вас высокая должность... Поднимать на щит Сатпаева сейчас — для вас чревато неприятностями, это может плохо отразиться на вашей научной и творческой карьере... — Когда я это сказал, Букетов как-то с обидой посмотрел на меня. Мне бы остановиться на этом, а я решил до конца высказать свои опасения. — Подлинную причину я не знаю, но твердо уверен, что в данный момент документальная книга, повесть или романы о Сатпаеве будут встречены нашим руководством в штыки...

— Перестань чушь нести! — рассердился Евней Арыстанулы. — Если о Сатпаеве не писать, то о ком же?!.. Кто это может нам запретить, кто и зачем? Странный, несуразный по сути затеял ты разговор. Какие-то сплетни собрал в кулуарах Академии наук и Союза писателей. Это завистники распространяют всякую чепуху, которые сами ни на что не способны, болтают, что им вздумается...

Created by free version of 2PDF

— Все-таки мой совет вам: до завершения рукописи никому ее не показывайте и не говорите о ней.

— Странный совет, что мне скрывать?..

— Ебеке, я все сказал. Дай бог, чтобы я ошибся!..

Что поделаешь, тому, что я говорил в тот вечер Евнею Арыстанулы от чистого сердца, он не придал значения.

* * *

Рукописи, хранящиеся в архиве ученого, свидетельствуют о том, что он не сразу взялся за жизнеописание Сатпаева, долго к этому готовился. Мне было известно, что он ездил в Баянаул, посещал родственников, проживавших близ Караганды, знакомился с материалами в Геологическом институте, собрал сведения о детских годах Каныша Имантайулы. Все это, по обыкновению, он долго изучал...

Первый очерк Е. А. Букетова «Промелькнувший метеор в Млечном Пути», посвященный 70-летнему юбилею К. И. Сатпаева, был опубликован в газете «Орталык Казахстан» 3 апреля 1969 года. Очерк, охватывавший всю жизнь замечательного ученого, он завершил такими словами: «Академик Веселовский, восхищаясь тем, что сделал за свою короткую жизнь на стезе науки Чокан Валиханов, добившийся огромных успехов, сравнивает его с промелькнувшим метеором. Каныш Сатпаев оказался намного счастливее Чокана. Канеке не промелькнул быстро в небе своей страны, он превратился в большую звезду на небосклоне, которая и сегодня светит нам. А вокруг нее уже скопилось много малых звезд. Символически можно сказать, что целая плеяда ученых казахстанцев, окружая Канеке, уже стала млечным путем».

К описанию деятельности своего кумира Евней Арыстанулы вновь возвратился в своем нашумевшем на весь Союз очерке «Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники». Значит, с образом Каныша Сатпаева он никогда не расставался.

Между тем были люди, которые побуждали его и дальше писать об этом выдающемся человеке.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

А. Х. МАРГУЛАН — Е. А. БУКЕТОВУ, 7 апреля 1973 года (перевод с казахского):

«Дорогой Евке! (...) Конечно, не так-то просто писать о Каныше, однако писать надо. Не всякому это удается, а писатель, который хорошо знает инженерное ремесло, тем более, как Вы, человек, владеющий техническими знаниями, может взяться за эту тему. А другой, не представляющий эту сторону его жизни, может сделать общеописательную вещь, где в тени могут остаться самые главные деяния героя. Для Вас инженерная деятельность Каныша вполне понятна, Вы увидите и найдете в ней много интересного, я даже думаю, ни у кого не будете спрашивать, будете писать свободно и с интересом — только было бы у Вас время, и, конечно, берясь за этот период, надо писать обдуманно и не спеша. Но Вам не очень известен период — детство Каныша, прошедшее в ауле: в каком окружении он вырос, какое воспитание получил?.. По моему понятию, писать о Каныше это — равноценно тому, что писать в целом о казахском народе. "Путь Абая", который создал Мухтар (Ауэзов. — *М. С.*), *не просто повествование о жизни одного Абая, мудрого поэта, это картина жизни всего казахского народа — быт, социально-политическое положение, история... — все там есть. Я не думаю, что когда Вы будете писать о Каныше, то все это тоже надо охватывать, повторять в новом времени, но все же в какой-то мере это должно отразиться.*

Геологов, друзей-товарищей Каныша всегда поражали его глубокие знания, удивительно общительный характер, природная вежливость и искренность, многие его черты, редко встречающиеся даже в цивилизованных странах. На одной встрече, посвященной его памяти, профессор И. И. Бок спросил меня: "Разве из такого дикого, во многом невежественного кочевого народа мог выйти такой выдающийся человек?" Ясно, что он говорил так, следуя устоявшемуся стереотипу в обществе, не понимая ни сути, ни натуры казахского народа, тем более, не зная отца Каныша. Все положительные черты его характера, знания, вежливость Канышу достались от отца. Он и я с юных лет выросли под опекой этого

Created by free version of 2PDF

мудрого и глубоко образованного человека. Каждый день он, Имеке, увлекательно рассказывал о прошлом. Он прекрасно и глубоко знал географию, исторические легенды своего народа. Его рассказы о времени правления Есима и Тауке ханов (XV—XVII вв.) были для нас — ничуть ни хуже, чем написанные исторические книги.

Имантай Сатпаев, отец Каныша, с такими знаниями мог бы учить многих профессоров, которые сейчас преподают в университетах. Он своими познаниями оказал большую помощь Г. Н. Потанину. Об этом удивительном человеке, хранителе старины, о том, как я в студенческие годы впитывал его знания, я подробно писал в своих воспоминаниях, озаглавленных "Светлая личность". В них же рассказал и о юношеских годах Каныша, подробности можете узнать оттуда.

...Прежде чем начать писать о Каныше, прочитайте многие книги из серии "Жизнь замечательных людей". Считаю, самой полезной из них для Вас будет — "Александр Гумбольдт". Его жизнь, деятельность, взгляды очень близки Канышу. О Каныше, Мухтаре, Шокане пишут многие, но таких, кто бы показал всю глубину их мировоззрения, пока не встречал ни одного. Вся надежда на Вас. Всей душой желаю, чтобы Вы написали хорошую вещь. Если будут какие-то вопросы, обращайтесь, готов служить Вам».

Нет на свете мук сильнее муки слова. Настоящий писатель всегда недоволен собой. То, что сегодня ему кажется хорошо написанным, завтра может не понравиться, и труд нескольких дней идет насмарку. Это для писателя — в порядке вещей. Приступив к повествованию о Сатпаеве, Ебеке тоже менял свои планы. Перечеркивал уже написанное и заново принимался за это же...

Т. А. САТПАЕВА — Е. А. БУКЕТОВУ, 21 января 1973 года:

«При первой встрече Вы говорили, что ранних лет касаться не будете, а начнете с образа ученого и организатора, что так совпадало с моими желаниями. (...)

Created by free version of 2PDF

Buketov University

А в последнее свое посещение Вы уже сообщили, что подробно будете отражать ранний период Кан. Им., начиная с его рода и племени, Чормановых и т. д. (...) что и расстроило меня...»

Через пятнадцать дней, в письме от 6 февраля Таисия Алексеевна рассматривает этот период в другом ракурсе:

«Конечно, творческий период Кан. Им. является самым трудным для авторов. Я Вас вполне понимаю при многообразных Ваших обязанностях. В это надо вжиться и посвятить специальное время, чтобы не урывками от разных дел заниматься такой темой. Это уже Ваше личное дело, которое Вы и можете только решать сами. Желаю Вам всяческих успехов!..»

В архиве ученого сохранились письма, которые Ебеке получал со всего Союза. Однако его собственные письма не всегда удается отыскать. В том числе те, которые переадресованы им вдове К. И. Сатпаева. Поэтому мы не можем судить о всех нюансах их переписки. Приблизительно лишь догадываемся, о чем шла речь. Например, в письме, отправленном 18 августа 1973 года, Таисия Алексеевна сообщает ему любопытную новость, притом для меня, будущего автора этой серии, совершенно неожиданную: «В связи с Вашей поездкой в Москву и предстоящим изданием книги о Каныше Имантаевиче я мечтаю, чтобы она была опубликована в "Молодой гвардии", о чем договаривался с главным редактором наш Шафик Чокинович. Вам надо заранее "застолбить" себя там...»

Т. А. САТПАЕВА — Е. А. БУКЕТОВУ, 26 ноября 1973 года:

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович!

Получила Ваше письмо и "Вместо предисловия". Меня порадовало, что Вы как будто решительно, наконец, собрались писать о Каныше Имантаевиче. Ведь когда "вживешься" во что-либо, то тебя уже тянет к этому.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

По Вашему "Вместо предисловия" видно, что Вы уже глубоко в это вникли.

"Марию Кюри" я Вам давала совсем не для подражания в написании, а как чудесную книгу, чтение которой доставляет истинное наслаждение. Данина я не очень люблю, какой-то у него тяжеловесный стиль. Но таких людей описывает, что приходится читать. Чего стоит фраза Евы Кюри: "Она не умела быть знаменитой". Так много здесь сказано о ее знаменитой, поистине великой, ученой матери. В то же время сама Мария Кюри написала о своем супруге — Пьере, где только перечислены научные идеи, над которыми он работал, а самого человека-то и нет. Очевидно, ее мозг был всецело поглощен вопросами науки, над которыми она трудилась...

Вы, конечно, напишете как-то по-своему. Хотелось бы, чтобы книга была интересна и доступна широкому кругу читателей и отображала его всесторонне. Леонид Ильич (Брежнев. — *М. С.*) *сказал о нем как о выдающемся геологе, а он был и крупнейший организатор, государственный деятель и обаятельный человек. Ну, а слово "великий" — придержите. Одно, о чем буду Вас очень просить, не упоминайте меня и немного переделайте свое "Вместо предисловия", подайте его не в виде письма ко мне, а просто как Ваши размышления... Желаю творческого вдохновения!»*

Как видим, Евней Арыстанулы, собрав необходимый для разбега материал, уже пробовал свое перо в этом направлении.

Евней БУКЕТОВ. «Вместо предисловия»:

«Глубокоуважаемая шешей Таисия Алексеевна!*

Прошло более двух лет с тех пор, как Вы убедили меня, что я (и никто другой!) должен написать биографию академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Правда, Вы тогда не говорили буквально: "должны, обязаны", но из всего Вами сказанного я сделал такой вывод.

...Прежде всего, как писать? Самое опасное заключа-

* Мать.

Created by free version of 2PDF

ется в том, что, имея исключительно добрые намерения, можно отойти от истины. Легкое, недостаточно взвешенное отношение к памяти людей, деяния которых стали достоянием народов, часто, как мы знаем, приводит авторов к заблуждению: будто их собственное примитивное мышление отражает мысли и соображения большого человека. Вы говорили мне о том, что такие примеры имеются в нашей казахской литературе. Очень не хотелось бы, чтобы к подобным писаниям прибавились и мои.

...Особенно объективно необходимо, на мой взгляд, писать об академике Сатпаеве, первом великом человеке из нашего народа, поднявшемся во весь рост. Может быть, написать чисто научную биографию, год за годом прослеживая, как у Каныша Имантаевича зарождались те или иные идеи и как они находили теоретическое, научное и практическое воплощение. Это было бы очень интересно. Однако я не специалист в той отрасли знаний, в которую дальше и глубже других заглядывал академик Сатпаев, поэтому не могу претендовать на достаточно верное и в то же время достаточно доступное для широкого круга читателей изложение его идей и замыслов. Для этого необходимо быть специалистом высокого класса в данной области знаний.

...Вы дали мне прочитать книгу о Марии Кюри, написанную ее дочерью Евой. Слов нет, написана биография хорошо и читается с интересом. Однако здесь многое связано с колоритом личных взаимоотношений — матери и дочери. И в этом неповторимом колорите заключены лиризм и привлекательность повествования. Естественно, это для меня невозможно, ибо я имел с Канышем Имантаевичем чисто деловые взаимоотношения, да и то в последние годы его жизни. Кроме того, очень рискованно проводить какую-то параллель и делать сравнения на основе данных жизни и деятельности этих двух ученых. У этого ученого с мировым именем вся деятельность могла проходить и проходила буквально на глазах рядом находящегося человека. Попробуйте представить себе таким академика Сатпаева! Вы же сами мне рассказывали, как Вам легко было вести повествование (я имею в виду Ваши записи-воспоминания) до перевода Каныша

Created by free version of 2PDF

Имантаевича на работу в Алма-Ату. Это, понятно, в Жезказгане Вы оба, страстно преданные любимому делу геологии, работали постоянно рядом, непрерывно делясь трудовыми и жизненными впечатлениями. Но после переезда в Алма-Ату резко расширился диапазон научной и научно-организационной деятельности ученого, стало трудно следить близким, даже Вам, за всеми деталями его работы, так как постепенно изменялась обстановка, позволяющая Вам ежедневно охватывать всю деятельность Каныша Имантаевича. И здесь Ваши записки, основанные на личных впечатлениях, естественно, не могли сохранить тот колорит, полноту, которая характерна для доалматинского периода. Отсюда следует, что для написания биографии ученого-организатора и общественного деятеля, который мог, благодаря нашему строю, авторитетно ставить вопросы о решении научных и научно-хозяйственных проблем на самых высоких уровнях в стране и претворять свои идеи в жизнь в колоссальных масштабах, по-видимому, совершенно не подходит повествование с позиции человека, лично связанного с ним.

...Я уже говорил о том, насколько опасна погоня за занимательностью и излишняя беллетризация. Однако элементы художественного осмысления отдельных фактов из жизни большого человека, наверное, необходимы, ибо все же надо стараться представить читателю зримый облик человека, а это можно сделать, описав его деяния динамично и объемно. Надо стараться, чтобы жизнеописание было по возможности нескучным, особенно, когда речь идет о таком жизнерадостном и оптимистичном человеке, каким был Каныш Имантаевич. Один из специалистов в этой области недавно назвал биографии, публикуемые под рубрикой "ЖЗЛ", художественным жанром, чем изрядно расстроил меня. Я совершенно не уверен в том, что мне удастся эта сторона при выполнении поставленной задачи. Но, мне кажется, право автора на элементы художественной интерпретации в некоторой степени облегчает дело, так как он получает определенную свободу действия для предположений и гипотез, для отображения в тех или иных случаях действий и поступков, которые, возможно, на самом деле не имели места,

Created by free version of 2PDF

но могли быть с точки зрения исторической верности и жизненной правды. Словом, трудностей предвидится довольно много. Наш первый академик, слава нашего народа, в устах дореволюционного акына, поэта-импровизатора, выглядел бы былинным богатырем, ибо он поистине достоин монументальных и эпических произведений. Ныне на это, вероятно, необходимо время. Произведения непреходящего значения не создаются вдруг. А наша молодежь, наш читатель хочет знать об академике подробно и больше сегодня, сейчас. В связи с этим постараемся выполнить эту задачу в чрезвычайно скромных пределах, стараясь хотя бы отдаленно приблизиться к его сложной и неисчерпаемой духовной сути, опираясь на документы и факты. Будем стараться отбирать то, что будет казаться, на наш взгляд, самым характерным, самым ключевым, и строить на этом наши суждения».

Как видно из этого своеобразного вступления к повествованию (следует учесть, что мы его представили в более сжатом виде, сохраняя лишь главные мысли автора), Евней Арыстанулы довольно подробно пояснил свою основную цель, исходя из вопроса: «Как воссоздать в книге необъятную фигуру Сатпаева?» Он всесторонне продумал подходы к осуществлению этой задачи, показал, с каким багажом подступает к теме, тем самым ясно представил фабулу — стержень, на котором будет строиться повествование. Внимательному читателю понятно, что это предисловие написано в особом ключе, оно в корне отличается от привычных документальных произведений. Автор не скрывает от Таисии Алексеевны, что хочет показать богатую событиями совместную, счастливую и содержательную работу ученых-геологов, проживших тридцать восемь лет под одной крышей. Ориентируясь на главные вехи в биографии своего героя, он предполагал описать личную жизнь Канеке в тесной связи с его научной и производственной деятельностью. Это желание автора. А как получится? Покажет время.

Первые главы повествования дались нелегко. Все же после многомесячных терзаний ему удалось войти

Created by free version of 2PDF
Buketov University

в ритм произведения. Стояла золотая осень 1973 года — пора трудов и вдохновения.

Об этом мы узнаем из письма Таисии Алексеевны от 12 октября: «Спасибо за поздравление с праздником. Более того, меня порадовала приписка к поздравлению, что Вы начали писать о Каныше Имантаевиче. Пословица говорит: "Лиха беда начало". Может быть, это начало вдохновит Вас и Вы будете находить время для этой работы. А я буду об этом молиться Аллаху, так как здоровье мое разрушается на глазах и хочется быть уверенной, что это дело не замрет...»

Работа его набирала обороты. Рука просилась к перу, перо — к бумаге. Даже во время утренних пробежек он обдумывал текст, нужные слова, сравнения, фразы, произнося и проверяя их на слух. Придя домой, быстро приняв душ, сразу садился за письменный стол. Память у него была феноменальной: ни одно слово, ни одну фразу, сложенную на бегу, он не забывал. Утренняя свежесть, бег на чистом воздухе всегда прекрасно действовали на него, бодрили, и мозг хорошо работал, мысли текли легко, обгоняя одна другую, и за утро рождалось три-четыре страницы текста...

Супруга Зубайра в такие счастливые часы старалась его не беспокоить, не приглашала к телефону, к утренним визитерам, даже и на завтрак. Ждала, пока он, выполнив утреннюю «норму», выйдет из кабинета. Из-за полуоткрытой двери она лишь наблюдала за ним, склонившимся над столом, стараясь не греметь посудой при приготовлении завтрака, чтобы не отвлекать его от работы.

Писатель Акселеу СЕЙДИМБЕК. Из дневника:

03.12.1973 года. *«Был дома у Ебеке. Он мне прочитал первые главы своего нового произведения о Каныше Сатпаеве. Основательно описана среда и окружение великого человека, аул, где он родился и вырос. Без лишнего художественного вымысла нарисована картина старого аула. По этому поводу сам Ебеке высказал такую мысль:*

— Долг тех, кто в жизни встречался с Канеке, получил от него наставления — запечатлеть это, как было,

Created by free version of 2PDF

Buketov University

и оставить потомкам. Это фундамент будущих художественных произведений.

Далее он завел разговор о своих писательских муках. Оказывается, из того, что уже изложил на бумаге, он многое перечеркивает, убирает, заново переписывает. После этого говорили о том, что надо уметь выбрать из множества источников — самые нужные. Он мне показал пять или шесть папок материалов, собранных о Канеке».

11.10.1974 года. *«Сходил на работу к Евнею Арыстанулы. (...) Он сказал, что в прошлые субботу и воскресенье съездил в Баянаул, посетил места, где проходили юношеские годы Каныша».*

Осень и зима 1973 года для Евнея Арыстанулы оказались весьма плодотворными, он написал о детских годах Каныша (об овладении мусульманской грамотой, обучении в русско-казахской школе в ауле Чормановых). Две главы будущей книги, условно назвав их «В орбите кочевок», читал знакомым, несколько раз от руки переписывал, окончательно подчистив, отдал машинистке. Получилось 120 страниц (из них 12 страниц «Вместо предисловия»). И все это в нескольких экземплярах отвез в Алматы.

Т. А. САТПАЕВА — Е. А. БУКЕТОВУ, 13 апреля 1974 года:

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович! Прочитала оставленную Вами рукопись будущего большого произведения о Каныше Имантаевиче. Очень интересно написано. Прочитала два раза "с чувством, толком и расстановкой". Много таких особенностей, характеризующих национальные черты быта народа. Прекрасен образ отца, врожденный такт его и влияние на детей. Конечно, ни один русский автор этого совершенно не знает и не отразит в своих "домыслах". Я думаю, Вы уже одержимы этой работой и я спокойна за дальнейшую ее судьбу.

Каныш Имантаевич о себе не очень распространялся. Кое-что хотелось бы при личной встрече обсудить с Вами. В письме получится многословно, да можно и не совсем правильно понять. Только будьте уверены в моей доброжелательности.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Родственники читают Вашу рукопись, им она также нравится. Кемаль Акишев — сын сестры Каныша Имантаевича что-то пишет о своем детстве, о матери...»

11 апреля 1974 года в газете «Ленинская смена» был опубликован очерк Евнея Букетова «Первый академик», посвященный 75-летию со дня рождения К. И. Сатпаева. Для Таисии Алексеевны, которая каждый месяц посылала по нескольку писем в Караганду, беспокоилась и постоянно напоминала, что она «полезная старуха» (эти слова она писала по-казахски: «кара кемпирь»), — новая публикация Е. Букетова была радостным событием, о чем свидетельствует письмо, которое мы предлагаем вниманию читателей.

«Глубокоуважаемый и дорогой мой писатель Евней Арстанович!

...Хотела бы лично поблагодарить Вас за чудесную статью, опубликованную в "Ленинской смене". Очень хорошо Вы подобрали фактический материал и с большой выразительностью показали нашего героя. Прекрасный его портрет, сопровождающий статью, вижу впервые, ни в личном его архиве, ни в домашнем этого портрета нет. Пожалуйста, сообщите, где нам достать негатив или копию фото. Буду очень Вам благодарна.

Радуюсь Вашей смелости в изложении материала, принципиальности и непоколебимости в наше "смутное время" в АН. Такое поведение людей всегда импонировало Канышу Имантаевичу. Я надеюсь на Вашу одаренность и чувство долга перед светлой памятью этого редкостного человека, а это Вас должно привести к "одержимости" в работе над его образом и большому успеху для Вас. Те "крылья", которыми так щедро одаривал Каныш Имантаевич своих сподвижников, понесут Вас высоко и далеко...

Признательная Т. Сатпаева, 16 апреля 1974 г.».

Уже приблизившаяся к своему семидесятипятилетию, всю свою вдовствующую жизнь без остатка посвятившая систематизации огромного научного наследия ученого супруга, Т. А. Сатпаева готовила его

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«Избранные научные труды» к изданию в пяти томах, преодолевая на этом пути яростное сопротивление тайных и скрытых противников. Изрядно уставшая от всего этого, но не унывающая Таисия Алексеевна, разумеется, радовалась каждой строке, вышедшей из-под пера талантливого писателя Евнея Букетова. Она за него болела всей душой. Письмо ее к Е. А. Букетову имеет подтекст. Ее особая признательность ему объясняется тем, что в очерке «Первый академик» Букетов высказал мысль о приоритетной роли К. И. Сатпаева в развитии науки в республике, притом несмотря на «неустойчивое время». Е. А. Букетов смело, без оглядки провозгласил в своей статье историческую правду. Кто-кто, а Таисия Алексеевна хорошо знала все подводные камни, истинную подоплеку искусственно созданной вокруг Каныша Имантайулы «проблемы»...

«Свой экземпляр я передала Сакену Чакабаеву (любимый ученик К. И. Сатпаева, в 1970-е годы он работал министром геологии и охраны недр. — *М. С.*) по его просьбе, а Ханиса (старшая дочь Канеке, доктор медицинских наук. — *М. С.*) академику, химику, нашему родственнику А. Б. Бектурову. Они, в свою очередь, передали кому-то, и где теперь искать, даже не знаю. Но вообще-то все высказывают похвалу Вам, так что будьте спокойны, да и пишите, когда есть время и вдохновение...» — писала Таисия Алексеевна в своем очередном послании в Караганду 25 августа 1974 года. В этом письме есть важнейший совет: «Не надо, по-моему, так широко собирать мнения людей о своей работе, не все ведь доброжелательны. А "ложка дегтя" может многое испортить...»

Фактически Таисия Алексеевна предостерегала, правда, в тактичной форме, Букетова от того же, от чего предостерегал и я. Но Евней Арыстанулы, наверное, считал, что на литературном поприще ему никаких преград не будет, тем более если произведение написано на основе документальных материалов, неопровержимых фактов и посвящено национальной гордости Казахстана — Канеке.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Святая наивность ученого и привела Евнея Арыстанулы впоследствии к поражению, более того — сокрушительному разгрому всех его планов.

Накануне пятидесятилетия со дня рождения Е. А. Букетова литературная газета «Казах адебиети» обратилась к профессору, его другу Зейнолле Кабдолову с просьбой написать статью об ученом под названием «Селен и стихи». Заполучив рукопись этой интересной статьи, главный редактор газеты, известный поэт Сырбай Мауленов (он также был другом Ебеке), позвонил в Караганду и попросил Букетова срочно выслать какое-либо ранее не публиковавшееся, небольшое по объему произведение. И Евней Арыстанулы, видимо, не очень раздумывая о последствиях, отправил окончательный вариант 12-страничного «Вместо предисловия». Этот материал вместе со статьей профессора З. Кабдолова был опубликован в газете за 21 марта 1975 года на двух внутренних полосах.

Естественно, друзья руководствовались добрыми побуждениями: очень старались достойно отметить полувековой юбилей Евнея Букетова. И стотысячная читающая публика тоже восприняла публикацию о Сатпаеве с одобрением. «Молодец, Евней! Это прекрасно, только быстрее заканчивай, порадуй нас, заодно и свой народ!..» — говорили друзья.

На имя писателя теперь шли потоки восторженных писем. Ниже мы приводим одно из них, в нем, кстати, было и дельное предложение. Перед вами письмо-исповедь в сжатом виде, написанное на казахском языке. Судя по тексту, с рукописью Букетова «В орбите кочевок» автора письма ознакомил сам Евней Арыстанулы.

Турсунбек КАКИШЕВ, доктор филологических наук, 6 апреля 1975 года:

*«Дорогой Ебеке!**

Рукопись прочитал полностью. Во-первых, хочу Вас поздравить с тем, что Вы взялись за это дело, засучив рукава. За жизнеописание такого Человека-гиганта,

* Письмо приводится в переводе автора книги.

Buketov University
Created by free version of 2PDF

как Каныш, должен был взяться именно такой же, подобный ему человек, со своим "Я", как Вы. Во-вторых, автор должен владеть в совершенстве казахским и русским языками и отлично знать психологию этих двух народов. В-третьих, он должен знать не только науку Канеке, но и быть ученым, который может проследить и понять пути развития науки, культуры страны в целом. Об этом же Вы вскользь упоминаете в своем открытом письме Таисии Алексеевне. Я считаю правильным, что этим человеком оказались Вы.

В письме-предисловии Вы превосходно продемонстрировали свой уровень знаний. И читатели тоже чувствуют, что имеют "дело" с автором широкого диапазона. Но все-таки не помешает эту часть чуть-чуть сократить и вместо многословных объяснений, почему Вы так разогнались, лучше признаться, что к этому Вас обязывает убедительная просьба Таисии Алексеевны и Ваш "долг" перед Канеке. Для этого нужна Ваша искренняя любовь к Канеке. Это у Вас есть. Поэтому Вы и взялись за перо. Но надо так сказать, чтобы все читатели почувствовали эту святую обязанность и верность памяти великого своего современника. Через Вас, через Вашу любовь должно быть ясно видно, что это — любовь к нему всего народа и страны. А Ваше заявление о том, что Вы приступили к этому повествованию только по просьбе Таисии Алексеевны, по-моему, как-то легковесно.

Вы хорошо, уверенно, с широким размахом пишете по-русски. Поздравляю! Но все-таки, думаю, надо обратить внимание на одно деликатное обстоятельство. Истинно русские свою мысль выражают точно и кратко. Конечно, у таких художников слова, как Толстой, Леонов, мы встречаем и длинные, витиеватые предложения... А наши казахи, евреи... и другие писатели разных народов, как правило, стараются писать по-русски пространно... Отголоски этого есть и у Вас... Я думаю, чтобы предложение было ясным и художественным, не обязательно загромождать текст потоком пустых слов. Погоня за красивостью слога — один из отрицательных моментов у наших казахских писателей, это Вы сами хорошо знаете...

Created by free version of 2PDF

"В орбите кочевок" — 12 страниц предисловия, а всего 120 страниц текста. Здесь Ваша главная цель — показать кочевой образ жизни казахского народа. Потому там очень много этнографических картин, местами они романтизированы. Каждый может задать Вам вопрос: для чего и кому все это нужно? И этот вопрос меня также заставил задуматься. И вразумительного ответа не нахожу. Описывая эту сторону жизни довольно пространно и красочно, Вы не выделили мальчика Каныша, его детство, характерное только для него отрочество, это осталось в тени. Я боюсь, Ебке, такие подробные описания — как кочевье, зимовка-джайляу, осеневка-зимовка, достаточно известны по эпопее "Путь Абая" М. Ауэзова и роману "Пробужденный край" Г. Мусрепова. Описания эпизодов обучения ловчих птиц, рыбалки, сева, уборки урожая очень подробны и длинны. На уборке урожая Вы показываете Андрея, "тамыра" Имантая, — это не ново и не нужно... Такие же лишние детали есть и в описании ловчих птиц. Эпизод с щукой и сомом тоже не реален. Случай с огромным сомом, который, пропахав брюхом, выскакивает на прибрежный ил, неправдоподобен. Сюжет этого рассказа затмевает главную цель повествования. Думаю, надо говорить о роде Чормановых, Садвакасе, но они не должны оставлять в тени Имантая и Каныша. Следует как-то ненавязчиво показать, что среди казахов были такие по-русски образованные люди. (...) Наши ретивые "активисты" могут поднять шумиху, что Вы изрядно перехваливаете род Чормановых, так что подумайте...

Мои мысли могут Вас в чем-то заставить засомневаться: продолжать ли дальше писать или остановиться — такие беспочвенные мысли и сомнения могут возникнуть. Решительно заявляю: надо писать! И это будет правильно, если именно Вы будете писать. Только Вы можете это осилить. Эти слова не для того, чтобы Вас успокоить... Вы только что приступили к благородной и ответственной работе. Окончание ее должно стать Вашей главной целью. Потому что любящее Ваше сердце, Ваша преданность памяти дорогого всем нам Канеке обязывают Вас к этому.

Created by free version of 2PDF

...Вы описываете один год жизни Канеке, период поступления его в начальную школу Вы растянули на 110 страниц. Жизненный путь ученого не короток, впереди у него — учительская семинария, мир знаний, полученных в Томске, долгие поиски полезных ископаемых в недрах казахской степи, все это описать не так-то просто. У каждого периода его большой жизни есть свои нюансы. (...) После всего начинается пора президентства Канеке. И Вы знаете, что и здесь были разные эпизоды, были годы счастливые и трагические. Его вклад в развитие новых отраслей науки надо особо подчеркнуть, необходимо также показать его громадное содействие культуре и литературе. Моя особая заинтересованность и придирчивость вызвана недостатками Вашего труда. В таком виде, Ебеке, первая глава у Вас не получилась, она чересчур разбавлена этнографическими этюдами. (...) Начать с детства и довести описание до конца жизни — это путь, давно протоптанный до Вас, так можно легко написать книгу. А если попытаться передать мысли мудрого Каныша Имантайулы в лирических отступлениях в разные периоды его жизни?..

Ваш труд заставил меня сильно призадуматься. В нем есть рациональное зерно. Его надо выпестовать, как мать пестует своего дитя. Я не стал расхваливать Вами созданное, думаю, этим никакой помощи Вам бы не оказал, а специально и откровенно говорю о недостатках, копая глубже. Если от этого будет польза — буду очень рад, а если не прислушаетесь к советам — не обижусь...»

Жизнь бежит как вода с гор. Евней Арыстанулы переступил пятидесятилетний рубеж, считай, половина пути уже позади. Все ближе он к преклонному возрасту. Единственное утешение: болезнь сердца стала отступать, правда, ради этого месяцами пришлось быть прикованным к больничной койке, но зато появилась возможность писать... После поневоле затянувшегося перерыва он снова взялся за главу «В орбите кочевок», теперь уж более пристально вглядываясь в прошлое, годы юности Каныша. И уже не мог остановиться.

Created by free version of 2PDF

«Узнала на днях от Бекена Кульджанова (геолог, старший научный сотрудник Института геологических наук им. К. И. Сатпаева. — *М. С.*), что Вы лежите в больнице из-за своей аллергии. Вот навязалась же гадость. Сейчас это почти поголовное заболевание. (...) Я страдаю ею уже 18 лет... Но Вы ведь могучий дуб и победите эту дрянь, в чем я не сомневаюсь. (...) Дорогой мой, поправляйтесь скорее, дел-то у Вас полно и надо их делать. Желаю скорее поправиться и чтобы никакие неприятности не заглядывали под Ваш шанрак...» — писала Таисия Алексеевна Букетову 1 февраля 1974 года.

Из этого письма следует, что он закончил главы о детстве Каныша уже в 1974 году. Это не совсем так — он сам хорошо знал. Вроде бы все известные ему детали из автобиографии ученого, по-своему, литературно обыгрыв, он перенес на бумагу. Но по-прежнему не был уверен, что это получилось правдоподобно и убедительно, поэтому дал для прочтения свою рукопись тем, кто соприкасался с Сатпаевым и знал его с детских лет. Их мнение для него было решающим, так как у него еще не рассеялись сомнения: осилит ли он вообще эту тему или нет?..

Чтобы получить ответ на этот вопрос, Евней Арыстанулы послал свою рукопись Таисии Алексеевне и другим людям. С тех пор прошло несколько месяцев. Он был готов к беспощадной критике, к нелицеприятному разговору. Но в полемику с ним никто не вступил, никаких подсказок он не дождался.

В архиве писателя за период 1974—1979 годы я не смог найти ни одной рецензии или короткого отзыва на его труд, кроме вышеприведенного разбора, сделанного профессором Т. Какишевым. В письмах супруги Каныша Имантайулы часто говорилось о том, что «рукопись все родственники, друзья читают, всем очень нравится», но самих откликов не обнаружено. К удивительному безразличию этих добровольных читателей добавилось то, что 40 страниц рукописи куда-то бесследно исчезли.

Страницы, посвященные детству Каныша, не могли не задеть чувствительные струны души благосклон-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ного читателя: на них воспроизведена своеобразная атмосфера, окружавшая подростка, яркими мазками описаны облик и быт кочевого аула, духовный мир его предков. Это среда, где родился и вырос будущий первый казахский академик. В рукописи как бы снова зазвучали песни, сказания, былины, сложенные народом о своих батырах, защитниках родной земли — это был тот самый чистый, животворный родник народного творчества, откуда черпал свои силы одаренный от рождения мальчик, младший сын волостного бия Имантая...

Евней Букетов решительно отступил от укоренившихся идеологических установок, в соответствии с которыми сами факты рождения и становления ученых искусственно приписывались советской власти. Разумеется, читавший эти страницы в какой-то мере был шокирован, возможно, в душе и торжествовал, что наконец-то нашелся писатель, который отважился сказать, что в Степи и до советской власти было немало широко образованных людей, существовала древняя культура, что у казахов был довольно хороший уровень знаний, передававшихся из поколения в поколение. Это и было питательной средой, сформировавшей будущего академика.

Читатели не могли упрекнуть автора в отсутствии собственной позиции и оригинальности. Но, выражая одобрение, они не могли не считаться с тем, как это отразится на их собственном служебном положении. Власть имущим из «Большого дома» это вряд ли могло понравиться. И те же люди, ученые, в душе оставаясь сатпаевцами, подстраховывались, делали вид, что ничего не знают и не читали...

Кстати, об этом же писала Таисия Алексеевна Букетову 9 января 1975 года: «Ваш проект о широком обсуждении написанного... Никто Вам ничего не написал, а попадет в руки какого-нибудь писателя вроде Брагина — и Ваши данные будут без зазрения совести присвоены...» Это была горькая правда того времени, подтверждавшая пословицу: «Джигита молчать и лгать нужда заставляет». Многим приходилось

Buketov University

Created by free version of 2PDF

тогда жить не по совести, приспосабливаться, прогибаться перед власть имущими.

(Мы не можем категорически утверждать, что все, кто читал рукопись Евнея Букетова, затаились и струсили. Может быть, некоторые свое мнение автору выразили в устной форме. Но многие все-таки, ссылаясь на нехватку времени, просто отказывались с нею знакомиться. Между прочим, и мою рукопись о Сатпаеве в том же 1974 году некоторые солидные ученые, бывшие сподвижники президента Академии наук Казахской ССР, тоже отказались читать. Их имена мною названы в эссе «Через тернии».)

Но следует отдать должное мужеству Евнея Арыстанулы, который, несмотря на такое прохладное отношение к своему произведению, не отказался от своего намерения. Он по-прежнему видел в К. И. Сатпаеве не ученого минувших дней, другой эпохи, а своего современника, устремленного в будущее, истинную оценку научного подвига которого дадут благодарные потомки. В общем, он не отступил от задуманного...

В этом его поддерживала и Таисия Алексеевна. В коротком письме в Караганду от 14 ноября 1974 года читаем: «Вы хотели описать один день Каныша Имантаевича. Я занялась этим, когда позволяло здоровье... О Вашем Каныш-ага пишу буквально, что вспоминаю. По его записям стараюсь восстановить заботы одного дня. Надо еще материал дорабатывать. Надеюсь, к 1 декабря 74-го года закончу...» Через три месяца Таисия Алексеевна снова вспоминала об обещанном в своем послании от 5 марта 1975 года: «Что касается одного дня Каныша Имантаевича, то ведь для Вас я об этом писала, где правда перемешивается с абстрактностью. Прочитает Ваш Шафик-ага (академик Шокин. — *М. С.*) и скажет мне, как Миза (дочь К. И. Сатпаева. — *М. С.*) — "Не так это все было". А мне хотелось показать большую занятость Кан. Им. И его, как организатора...»

Судя по письму, Ебеке, раздав людям первую часть своего повествования для чтения, не сидел сложа руки. Но, как видно из нового письма из Алматы, работа шла не так, как надо.

Created by free version of 2PDF

«А Вы пока что начинайте учить подрастающего Каныша в аульной школе, в Павлодаре и в Семипалатинске, — советовала Таисия Алексеевна 5 сентября того же года. — Прочитала вчера в "Казправде" Вашу прекрасную статью "Стремиться к идеалу" и поразилась, сколь же разнообразны и сложны пути Вашей деятельности. А я, глядя на развитие науки в Казахстане после ухода нашего Канеке, часто думаю, начать бы Вам деятельность не с создания нового университета, а хотя бы с вице-президента АН КазССР...»

«А Вы пишите, пишите, дорогой, у Вас ведь хорошо получается. Да ниспошлет Вам Аллах вдохновение, свободное время и крепкое здоровье...» — такими пожеланиями Евнею Арыстанулы Таисия Алексеевна заканчивает свое письмо от 12 января 1976 года. Значит, между Карагандой и Алматы шла беспрерывная переписка единомышленников, понимавших друг друга с полуслова.

В одном из писем говорится о найденном Ебеке новом документе, копию которого он выслал Таисии Алексеевне. «Спасибо за копию прошения отца Каныша Имантаевича директору семинарии. Несомненно, это прошение писал и подписывал не сам Имантайата. Скорее всего, оно написано Абикеем Зеиновичем Сатпаевым, учившимся в свое время в этой же семинарии. (...) Посылаю Вам фото для Вашего произведения. Оно прислано Сарсекеевым М. С. по нашей просьбе. Задержка отправки Вам обещанных материалов произошла из-за меня. Я предполагала, что в 1-х числах марта Вы сами приедете в Алма-Ату и я их передам Вам лично... Желаю Вам творческого вдохновения!» — писала Т. А. Сатпаева 26 февраля 1976 года.

Продолжая повесть, Евней Арыстанулы «отправил» своего героя летом того же года в областной центр, в Семипалатинск, на шесть лет для продолжения учебы (Каныш Сатпаев, как известно, четыре года подряд учился здесь в учительской семинарии, затем полтора года преподавал на двух годичных курсах учителей аульных школ. Таким образом, он прожил в этом городе с 1914 по 1919 год). Евней Букетов собрал все не-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

обходимые материалы об этом периоде жизни своего героя (наибольшую часть из них он получил от меня, собирался и сам приехать в Семипалатинск — город юности Каныша, чтобы, как говорил Ебеке: «Подышать воздухом Семея на берегу Иртыша и походить по местам учебы семинариста Сатпаева». Но поездка ему в том году не удалась). Ебеке не терпелось скорее перейти от описания юности Каныша к главным этапам его деятельности. В частности, Каныша-инженера, создателя нового города в Улутауской степи...

Я был ознакомлен всего с 31 письмом Т. А. Сатпаевой к Евнею Арыстанулы Букетову (все они написаны в 1971—1976 годах, общий объем — 70 страниц, хранятся они в Карагандинском областном архиве). Самое последнее датировано 26 января 1976 года. Для сведения читателей сообщаем: Таисия Алексеевна, в девичестве Кошкина, с Канышем Имантаевичем познакомилась в Семипалатинске, когда работала лаборанткой в учительской семинарии. А вновь они встретились в аудитории Томского (Сибирского) технологического института, когда учились там в 1921—1926 годах. Создав с Канеке семью, они жили под одним шаныраком с 1926 года. Таисия Алексеевна Сатпаева ушла из жизни весной 1976 года.

II

Теперь придется, как бы тяжело ни было, подробней рассказать о том прискорбном случае, когда не только мне, но и Евнею Арыстанулы поневоле пришлось на время прекратить писательские занятия...

В начале 1974 года я завершил свою документальную книгу «Каныш Сатпаев», заказанную мне издательством «Жазушы». Более года рукопись ее проверялась во многих инстанциях, тем не менее она успешно прошла научную и литературную экспертизу и потому была включена в тематический план выпуска 1975 года в объеме 20 печатных листов. Затем рукопись с успехом прошла и редактирование, издательство готови-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ло ее выпуск в новой серии, предназначенной для молодежи, «Замечательные люди». Как помнится, в июле того же года она была отправлена в типографию. А я, изрядно уставший после напряженной работы, продолжавшейся более десяти лет, но чрезмерно счастливый успешным ее завершением, отправился с семьей отдыхать на Рижское взморье, в город Дубулты, где был Дом творчества писателей. В общем, оставалось пожинать плоды долгого труда — подписывать сотни экземпляров книг для друзей и близких, в том числе и всех сатпаевцев, помогавших мне в поисках.

Но моему благому намерению не суждено было осуществиться. В сентябре того же года по письменному приказу председателя Казгоскомиздата набор моего «Каныша Сатпаева» был остановлен без объяснения причин. Тогда же мне стало известно, что такое указание ему дал сам секретарь ЦК КП Казахстана С. Н. Имашев. Таким образом, мои худшие опасения подтвердились. Притом первым пострадавшим оказался я сам...

Моя борьба за своего «Сатпаева» с власть имущими в родном Казахстане продолжалась два года. Я просился на прием к первому секретарю ЦК, дважды писал официальные заявления на его имя, но допущен к нему не был. В конце концов, после настоятельной просьбы первого секретаря Семипалатинского обкома КП Казахстана Н. Е. Морозова — это было уже на втором году моих мытарств и хождений по кабинетам «Большого дома» — автора «арестованной» рукописи милостиво соизволил принять С. Н. Имашев (в книге моих воспоминаний-эссе «Через тернии» эти «приключения» и сама аудиенция у секретаря ЦК подробно описаны, и поэтому я здесь не буду повторять весь наш с ним разговор).

Буду краток: о причине запрета на мою книгу Саттар Нурмашулы, человек умный и наделенный огромной властью, не мог сказать ничего вразумительного, в качестве довода привел смехотворные объяснения. Вот его слова: «Алексей Брагин, Евней Букетов и ты, Медеу, являясь членами Коммунистической партии,

Buketov University

Created by free version of 2PDF

до небес возносите заслуги Сатпаева, тогда как XX съезд КПСС политически осудил и развенчал вредный по сути "культ личности", вы же своими произведениями тянете нас назад. Культ крайне опасен для нас. Это отступление от марксизма-ленинизма. Мы не допустим такого безыдейного сползания к ревизионизму!..»

В этот день я был настроен решительно, вел себя очень агрессивно, потому что был в отчаянии от явной несправедливости, допущенной по отношению к памяти К. И. Сатпаева и ко мне лично. Словом, я не собирался легко сдаваться и обрушился на секретаря ЦК с обвинениями:

— Саттар Нурмашевич, вы меня нисколько не убедили. Каныш Сатпаев — большой патриот Советской страны, он отдал все свои знания и силы укреплению экономической мощи Советского Союза, его имя известно во всем мире. Но среди вас есть люди, которые завидуют его заслуженной посмертной славе, хотят принизить его роль и значение в развитии науки Казахстана. Вы тоже льете воду на мельницу этих завистников... Но учтите, это вам никогда не простят ни народ, ни история. Слава Канеке вечна, она перешагнет через головы партийных секретарей и правительств, через стены вашего высокого кабинета и выйдет на широкий простор! Как вы тогда посмотрите людям в глаза, как вы тогда объясните свое нелепое указание о запрете документальной книги о нем, а также и документального фильма о Сатпаеве? Ведь запретами вы не искорените его имя из памяти народа! Свет, зажженный им, будет всегда светить людям...

Когда я произнес эту тираду, точнее, выплеснул свой гнев, секретарь ЦК вскочил с места и стал нервно ходить из угла в угол по кабинету. Я молчал. И тут, к моему великому изумлению, Имашев наклонился ко мне и как-то покаянно, стараясь меня утешить, тихо произнес:

— Братишка Медеу, почему ты обвиняешь только меня? Есть в этом доме и другие чины, повыше меня, а я лишь стрелочник в этой заварушке...

Услышав такое признание, я растерялся. Значит, то, о чем смутно догадывался, оказалось жестокой прав-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

дой. Между тем до этой минуты я считал, что хозяин «Большого дома» Динмухамед Ахметулы Кунаев стоит выше мелких и грязных интриг, наивно верил, что он не способен на всякие козни против своего же научного наставника, незабвенного Канеке.

Пока я переваривал то, что неожиданно услышал, хозяин кабинета уже опомнился, поняв, что ляпнул лишнее:

— Давай, Медеу, так договоримся. Прекрати свои хождения по кабинетам... Подожди годика два, и мы вернемся к твоем вопросу. Постараемся решить... Тебе только сорок лет, еще напишешь много книг, надо потерпеть. Зачем ты спешишь издать эту книгу?!

В тот час во мне рухнули вера в партию и высокие идеалы вместе с надеждой на лучшее. Я сделал для себя неутешительный вывод, что, пока верховодят в «Большом доме» Кунаев и его приспешники, как этот Имашев, справедливости здесь не найти и мне не дадут издать ни романа, ни документальной книги о Сатпаеве.

— Нет, Саке, — возразил я, — отсрочка меня не устраивает. Вот вам мое заявление. Дайте, пожалуйста, письменный ответ: почему мне отказано в издании «Сатпаева»?

Кстати, ту главу «Через тернии» о безуспешном визите к секретарю ЦК по идеологии впоследствии я закончил такими словами: «Погас слабый лучик надежды. Я расстался с последними иллюзиями и решил не искать больше правды и справедливости в Алматы».

Думаю, и Евнею Арыстанулы через «узун кулак» стало известно, что набор моей книги остановлен (об этом факте я не очень-то распространялся вслух, тем более 1975—1976 годы для меня были самыми тяжелыми, фактически я один на один остался со своей бедой). Наверное, только тогда Евней Арыстанулы, наконец, осознал все коварство власть имущих. Думаю, про себя он размышлял: «Если всеми одобренный труд Медеу запретили издавать без всяких объяснений, то и мой ждет та же участь. Проблема не в том, кто и как написал о жизни Канеке, вся загвоздка — в скрытой

Created by free version of 2PDF
Buketov University

неприязни первого лица республики к личности героя... Стоит ли мне так фанатично заниматься этой темой? Может быть, подождать, как дальше будут разворачиваться события?..»

К тому же с лета 1976 года у него начались осложнения со здоровьем, усилия местных врачей уже не помогали. Пришлось поехать на лечение в московскую клинику. Сердечные приступы и после этого не прекращались, ему стало легче только на Кавказе, к зиме.

Начиная с 1977 года до весны следующего года, то есть в течение полутора лет, Евней Арыстанулы все свое свободное время был занят автобиографической повестью «Записки научного работника». Еще раз напомним читателю, что «Записки» были опубликованы в 1978 году в осенних номерах «Простора», а весна следующего года уже стала предвестницей грозы, надвигавшейся на автора; он попал под обстрел неуемных критиков, били сверху и снизу... Можно ли было в этих условиях спокойно продолжать писать о Сатпаеве?

И все же факты свидетельствуют, что, несмотря на гнетущую, безрадостную обстановку, он постоянно возвращался к написанному, редактировал, шлифовал «Детские годы Каныша», особенно вариант на казахском. Удивительно, но это так: он постоянно держал оба варианта рукописи на своем письменном столе, ежедневно вычитывал текст.

Африкан БАЛЬБУРОВ, бурятский писатель, сентябрь 1979 года:

«Дорогой Евней Арстанович!

Рукопись о Сатпаеве прочитал до конца, прочитал с неослабевающим интересом. Совершенно ясно одно: Вы на абсолютно правильном пути! Если уберете, как мы говорили, отступления-переносы во времени, почистите построже язык — то читатель получит прекрасную книгу о детстве Каныша, будущего Сатпаева. Думаю, что Вы очень хорошо сделаете, если рукопись перепишете заново или внимательнейше передиктуете — само собой устранятся все композиционные разрывы, многие не-

Created by free version of 2PDF

брежности, мелкие смысловые огрехи. Все это в рукописи есть. Да это и естественно — работа ведь в черновом виде.

В чем, на мой взгляд, сила Вашего произведения?

Во-первых, в том, что Вы превосходно знаете казахский аул прошлого, быт этого аула, и знаете не в виде общего темного фона, а в подробностях, в деталях. Когда-то, кажется, Бальзак сказал: "Талант — это подробности". Именно они, употребляемые Вами обильно, но не навязчиво, целесообразно, придают вещи самое нужное любому художественному произведению свойство — абсолютную достоверность. Это свойство особенно важно, когда речь идет об исторической личности, избранной в герои художественного произведения. Тут надо, чтобы читатель верил автору во всем и точно так же, как паломник, идущий в Мекку, верит в существование пророка!

Во-вторых, у Вас есть несомненный дар художника, которому доступна портретная живопись словом. Это, как известно, дело труднейшее и для живописца, работающего кистью, а для писателя, в чьем распоряжении такое приблизительное средство, как слово, тем более. Этот дар — удел редких (если не сказать "редчайших") писателей. Им обладали все великие и особенно Толстой. Можно сказать: обладание именно этим даром определяет ту незаурядность таланта, которая позволяет писателю вырваться из ряда средних в ведущие. (...) Вам удалось в рукописи о Сатпаеве так же, как и в автобиографической вещи, неудачно названной "Время светлой судьбы", без натуги, непринужденно, очень естественно вывести перед читателем целую галерею живых фигур из казахского аула прошлого... Старый и мудрый Имантай Ваш не однолинеен, не однозначен — именно этим замечательно удался Вам этот сочный и интереснейший образ. Он мудр, но и житейски хитер, он — обладатель неисчерпаемого кладезя доброты к близким, а в особенности к своему Канышу, но в то же время он властен и проводит довольно резкую грань между "лично своими" и "не совсем своими". Образы маленького Каныша, также Нурум, Бокеша, промелькнувшей добрым ви-

Created by free version of 2PDF

Belarusian University

дением Алимы, улыбчивой и ласковой, — все у Вас живет полнокровно, истинно, сочно! Хороши и эпизодические персонажи и даже мимолетные фигуры, введенные в произведение — такие как Андрей и его жена Маруся.

В-третьих, Вы владеете в хорошей степени искусством рассказчика, умеете естественно и непринужденно развертывать сюжет — он у Вас как бы раскрывается, развертывается сам по себе, ниток, которыми сюжет сшит, у Вас не видно нигде. По мере развертывания сюжета Вам удаются картины, среди которых такие яркие, как выезд аула Имантая из кыстау на джайляу. Многие подобные картины выписаны у Вас превосходно.

В-четвертых, авторскую главную идею умеете проводить в своем сочинении ненавязчиво, не грубо-оголенно, а незаметно, но настойчиво, упорно... Это — большое умение и его надо Вам беречь, развивать, совершенствовать.

Есть ли слабости в Вашем творчестве и в чем они и как выражаются? Мне показалось, что этих слабостей у Вас немало.

Первая и серьезная слабость — это неровность языка. Он у Вас сложился, он у Вас есть — текучий, местами яркий, богатый и сочный. С таким языком писателю можно жить! Но если обнаруживаете умение создавать такие языковые образчики, то Вы обязаны сделать так, чтобы хороший язык не местами проявлялся, а стал нормой для всего развертываемого полотна... У Вас есть в языковом отношении два опаснейших врага — это повторы и употребление (довольно обильное!) книжных слов и выражений, штампованных сочетаний. Повторов особенно много в местоимениях "я" и "он".

...Вы не должны ни на минуту забывать, что Вы казах, и, хотя Вы и обязаны владеть русским литературным языком не хуже, а порой даже лучше русского, Вы должны пропускать отбираемые Вами русские слова через свое казахское сито — и штампы будут отсеиваться, а язык Ваш будет приобретать неуловимо казахскую национальную окраску, дышать неповторимой прелестью, оригинальностью. Таков язык прозы Чингиза Айтматова, таков поэтический язык Олжаса Сулейменова.

Created by free version of 2PDF

Viktor University

...Хочу повторить: рукописи я прочитал не только с неослабевающим читательским интересом, а с наслаждением! Они хорошо написаны, они несут столько информации, что я радуюсь заранее за того человека, который возьмет в руки Вашу будущую книгу».

«Глубокоуважаемый, дорогой Африкан Андреевич!

...Благодарю за высокую оценку моих писаний и за точные, конкретные замечания. Теперь задача состоит в том, чтобы как-то постараться писать получше. Это, конечно, очень трудно, но Ваш покорный слуга, поверьте, приложит все силы и старания. Надо быть на уровне Вашей похвалы, в которой я не могу не видеть некоторый аванс...» — ответил Евней Арыстанулы 2 октября 1979 года на обстоятельную рецензию А. А. Бальбурова.

Народный писатель Бурятии, лауреат Государственной премии Бурятской Республики Африкан Андреевич Бальбуров как раз в это время попал в полосу неудач, став неугодным местной власти (разумеется, из-за своего неуправляемого, своенравного характера, не желая поступать по принципу: «Чего изволите?»), он вынужден был покинуть Бурятию и переселиться в Алматы. Но, к сожалению, и здесь он не благоденствовал, жил с семьей на случайные заработки. Тем не менее этот гордый человек продолжал писать давно начатую им повесть «Черная пасть». При каких обстоятельствах он познакомился с Евнеем Букетовым — нам неведомо. Судя по письму, они сразу нашли общий язык, ведь их преследовали схожие напасти. Бальбуров наступал на те же грабли, что и Букетов. Летом 1979 года Африкан Бальбуров с семьей приехал в Караганду, много дней гостил в доме Евнея Арыстанулы. А в дальнейшем они поддерживали связь письмами. По свидетельству близких, Е. А. Букетов оказывал гонимому писателю и материальную помощь...

К сожалению, дружба их, так удачно и плодотворно начавшаяся почти со дня приезда бурятского писателя в Казахстан, оказалась недолговечной. В начале 1980 года Африкан Андреевич Бальбуров скоропос-

Buketov University

тижно скончался в Алматы. «Слишком многое Вас связывало с Африканом Андреевичем, — писала Букетову Эржена Бальбурова, супруга писателя, 24 марта 1980 года. — Ваша переписка — самая постоянная из последних связей писателя Бальбурова. (...) Я болела долго и не могла Вам писать, приехать. И в настоящее время не вполне здорова. И это сейчас, когда надо работать, действовать! Спасибо Вам, глубокоуважаемый Евней Арстанович, за то, что живете на этом свете. Берегите себя!.. Перед тем как окончательно решусь покинуть Алма-Ату, то есть перед встречей с Вами, позвоню непременно».

* * *

Африкан Бальбуров был профессионалом и по своему уровню стоял значительно выше многих его казахстанских коллег, пишущих на русском языке. В своем письме он высказал Евнею Арыстанулы все, что думал о его произведении, без всякой лести. Под свежим впечатлением от этого письма Е. Букетов снова пересмотрел, переосмыслил свои записи. «Детские годы Каныша» по объему уже разрослись до двухсот страниц. Набело перепечатанную рукопись автор отослал в редакцию журнала «Простор».

Почему он так поступил? Ведь было известно, что редакция журнала с лета 1979 года от него отвернулась. Может быть, он надеялся, что все-таки просторовцев заинтересуют детские годы прославленного ученого, тем более они раньше с удовольствием печатали повесть Алексея Брагина о его зрелых годах. Но ожидания его не оправдались. Заведующий отделом прозы Юрий Герт, всегда благожелательно относившийся к его литературным трудам, на этот раз на официальном бланке прислал ему такую отписку: «...И все-таки, несмотря на все достоинства, напечатать в "Просторе" повесть мы не сможем. Она скорее предназначена для отдельной книги, чем для публикации в журнальном варианте. Другое дело, если бы Вы рассказали о Сатпаеве в период расцвета его деятельнос-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ти, более интересном для широкого читателя "Простора"... Таково, глубокоуважаемый Евней Арстанович, мнение всей редакции...»

Витиеватый, скользкий ответ с отказом печатать «Детские годы Каныша» не удивил автора. Значит, «грех» его еще не прощен. По справедливости он должен был написать сердитое письмо в журнал, но Евней Арыстанулы сдержал себя и, как ни странно, направил Ю. И. Герту письмо вполне джентльменского содержания. Хотя мы не видели и не читали этого письма, но настрой его становится нам ясным из ответного письма того же Ю. Герта от 28 сентября, отправленного с Западной Украины, из санатория «Трускавец», в Карпатах, где он лечился: «Евней Арстанович, мне было приятно получить Ваше письмо — приятно по многим причинам, в том числе и потому, что, как я убедился, Вы не обижены, Вам все ясно, и роль "черного вестника", выпавшая на мою долю, не осложнила и не оборвала наши отношения. Ведь она так горька, эта роль...» Эти слова сразу же выдают автора и то, что первое письмо им было написано вынужденно, по заданию главного редактора. Далее он переходит к вопросу, который особенно волновал автора повести: «Вы задумали, судя по письму, труд колоссальный, и Вам необходимо знать, удачен ли разбег? Это серьезное дело, тут нужны не общие слова... притом объективные, дельные... Короче говоря, в деталях свое мнение я выскажу при повторном, более внимательном чтении...». Юрий Герт попросил выслать ему самый последний вариант рукописи «Детские годы Каныша» на его домашний адрес в Алматы.

Жизнь — не математическое уравнение, где всегда известен ответ. Мы знаем то, что было. Но не знаем, что нас ждет. В это самое время произошло своего рода ЧП, неординарное по своей сути событие, которое взволновало и даже встряхнуло автора повести «Детские годы Каныша», приведя его в неописуемый восторг...

Получив в 1976 году от ворот поворот в «Большом доме», несколько опомнившись от удара, я сел за пе-

Created by free version of 2PDF

ревод на русский язык своего «Сатпаева». Тем самым мне очень хотелось дать понять власть имущим, что их грязные действия меня не обескуражили и никак не парализовали. Благо, я тогда понял, что ходить по инстанциям, жаловаться на сильных мира сего, как они себя представляли, — мартышкин труд. Поэтому я выбрал обходной путь, чтобы добиться издания своего труда в московских издательствах...

Летом 1977 года готовый подстрочный перевод я повез в Москву, он был принят редакцией популярной серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Редакция «ЖЗЛ», приняв мой труд, поручила проверку его научных и литературных достоинств авторитетным рецензентам. Его прочитали в Академии наук СССР, в Московском геологическом институте, литераторы. К моей радости, мнение всех рецензентов было единым: предложенное произведение достойно публикации. Спасибо всем, поистине благородным и интеллигентным людям, сказавшим свои веские, добрые слова о моем скромном труде!.. Словом, в начале 1979 года меня пригласили в издательство, прикрепили ко мне в качестве переводчика молодого писателя Сергея Николаевича Плеханова, с которым мы должны были вместе подготовить «Сатпаева» для издания. Напряженная работа с переводчиком началась в марте там же, в Москве, а закончилась в конце сентября в Семипалатинске.

Здесь должен сделать одну оговорку: со дня подготовки подстрочника и до сдачи готового перевода, значит, в течение почти четырех лет я держал все мои приготовления в тайне, опасаясь, чтобы никто в Казахстане о моей авантюрной операции не узнал. Если бы просочились об этом хоть какие-то сведения, я уверен, не миновать бы беды: противники К. И. Сатпаева нашли бы управу и на руководство «Молодой гвардии», чтобы и там задержать выход в свет моей книги. Но мне здорово повезло на этот раз: в редакции «ЖЗЛ» меня приняли доброжелательно; мало того, достойно оценили мой многолетний труд; и главное, никто на родине не ведал, чем я занимался там, в Моск-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ве. Издательство выпустило книгу тиражом 100 тысяч экземпляров.

Мой «Сатпаев» увидел свет в 1980 году. Сигнальный экземпляр мне доставили, хорошо помню, в последних числах ноября. Я был беспримерно счастлив, держа отлично изданное свое детище в руках. Помню радость всех друзей, когда они пришли ко мне домой, ведь от них я тоже скрывал, что готовлю такой сюрприз... Диким это кажется сейчас и не верится, что такое святое дело надо было скрывать от всех, даже от друзей. Но обстоятельства вынуждали идти и на это. В такое уж время жили, приходилось по-всякому выворачиваться — обидно и прискорбно!..

Ю. ГЕРТ — Е. А. БУКЕТОВУ, 18 декабря 1980 года:

«Три дня назад я вернулся из командировки в Талды-Курган, там бригада наших писателей проводила совещание молодых литераторов трех областей. Первым, кого я увидел в Талдыкурганской гостинице, был Медеу Сарсекеев, он привозил своих питомцев на это совещание. Медеу с вполне понятным торжеством показал мне своего "Сатпаева" в издании ЖЗЛ, и я одновременно обрадован был — и за Сатпаева, и за Медеу (в целом эта книга стоила ему 13 лет работы и жизни!) и — за Вас, Евней Арстанович. Мне кажется, во-первых, что рано или поздно, а истина восторжествует: появление книги о Сатпаеве — восстановление справедливости, радостное для всех нас; книга не только хорошо переведена, хорошо издана, — в ней сохранено многое из периода гонений 50-х гг., как мне показалось при беглом просмотре — это честная книга.

Медеу рассказал, что был Вашим студентом; он очень Вас чтит. Выходу его книги, без сомнения, Вы тоже рады. Помимо всего остального, она очистит атмосферу и облегчит — в пределах республики — появление Вашей повести — спустя некоторое время, разумеется, когда приугаснут страсти, вызванные книгой Медеу.

Теперь о не менее важном — о Вашей книге.

На этот раз я прочитал Вашу повесть, не торопясь, вникая в каждую фразу, — прочел с большим удовольст-

Bukeov University

вием. Спасибо за доставленную мне радость, Евней Арстанович! Для меня очень важен ее дух: взаимосвязь и взаимопроникновение национального и общечеловеческого. В этом отношении Вы не декларируете (чем любят — и совершенно впустую у нас занимаются), а идете вслед Абаю, если говорить о казахской литературе, и, прежде всего — Толстому — в русской и мировой. Мне понравилось, как просто, экономными средствами Вы достигаете художественного эффекта.

...Мне глубоко симпатично то, как Вы изображаете детство Каныша; Вы не реставрируете то, что не поддается реставрации, — то есть жизнь души, внутренний облик Сатпаева; Вы откровенно предлагаете свой вариант — и мягко, без настойчивых ссылок и доказательств... В этой тактичности больше убедительности, чем в настойчивом стремлении доказать, что вся истина — здесь и только здесь, в правом кармане автора!

Местами Ваше повествование чуть-чуть кажется перегруженным этнографией — но это, видимо, для нас, казахстанцев; для не казахстанского читателя описание обычаев Степи, с таким вкусом, такой сочностью — увлекательное чтение само по себе. По большей части превосходны стыки между прошлым и будущим, вход Сатпаева в страну своего детства; в двух местах это, на мой взгляд, не вполне удалось — там есть пометки... Мне очень нравится Ваш язык. В нем много пластики, фраза вроде бы лишена судорожного фатализма нынешней прозы, но — мягка, мускулиста, упруга. В ней — классичность, не бьющая на дешевый эффект, и уверенность в своей значительности и силе. В нескольких местах есть мои пометки — это во мне начинал играть редактор.

Меня вполне удовлетворяет тот вариант, который Вы прислали; его можно (и нужно!) печатать. Но необходимо, вероятно, немного переждать — посмотрим, какой будет реакция на книгу Медеу. При этом... на Вашем месте, Евней Арстанович, я бы послал повесть — как она есть! — в "Дружбу народов", сопроводив ее небольшим письмом Сергею Баруздину... А сейчас — пока! — мне хочется искренне поздравить Вас: повесть получи-

Created by free version of 2PDF

лась отличная, она будет жить — и долго! Мы с женой поздравляем Вас и Ваших родных с Новым годом, пусть принесет он всем Вам здоровье, удачу, исполнение самого заветного!..»

В архиве ученого хранятся копии его писем, написанных в 1980—1981 годах, к главным редакторам союзных журналов «Знамя», «Дружба народов», директору издательства «Советский писатель» В. Н. Еременко с просьбой опубликовать в периодической печати и издать отдельными книгами «Детство ученого», а также «Шесть писем другу». Из архивных источников нам стало известно, что поэт М. Д. Львов, он же председатель Совета казахской литературы в Союзе писателей СССР, а также старший редактор издательства «Советский писатель», писатель Ямиль Мустафин активно подключились к этому делу, стараясь выручить своего приятеля. Но, увы, и у них ничего не получилось (может быть, и в Москве стало известно негативное отношениие к автору на родине?). В архиве ученого хранится копия письма (довольно длинного и задушевного) Евнея Арыстанулы, отправленного 23 апреля 1981 года Ямилю Мустафину, где есть такие слова: «От судьбы не уйдешь, подробности расскажу при встрече...»

Значит, сколько бы преград ни возникало перед ним, он не отступал от сатпаевской темы.

А вакханалия вокруг имени Сатпаева не ослабевала. Издание запрещенного в Казахстане «Сатпаева» аж в Москве, в престижной серии — никого не образумило. Книгу объявили в Казахстане «персоной нон грата»: газеты, журналы, телевидение и радиовещание делали вид, что такой книги нет на свете, хотя многие тысячи экземпляров ее через книготоргующие организации были распроданы за неделю. А на «черном рынке» ее цена возросла в десятки раз...

Надо сказать особо и о том, что выход «Сатпаева» в знаменитой серии «ЖЗЛ», притом в годы негласного запрета на эту книгу в Казахстане, стал настоящим

Buketov University

праздником для всех истинных сатпаевцев! Я получил сотни писем, телеграмм с поздравлениями почти со всех концов республики.

Само собой подразумевалось, что теперь-то выход ее на казахском языке не за горами. Но, увы!? Издательство «Жазушы», где готовилось первое ее издание еще в 1975 году, в 1981—1982 годах дважды включало моего «Сатпаева» в тематический план, но Госкомиздат (председателем его в то время был известный литературовед, доктор филологических наук Ш. Р. Елеукенов) оба раза его снимал. Ясно, все делалось по указке «Большого дома». Не вытерпев этих издевательств, я попросил директора «Жазушы» Абильмажина Жумабаева более не включать мою книгу в план. «Я дождусь, Абеке, когда наступит оттепель. Это должно быть скоро», — сказал я издателю.

III

В начале нового года от своего наставника Евнея Арыстанулы я получил вот такое письмо-поздравление, привожу его в своем переводе на русский язык: «Медеу! Мне написали Герт и Брагин, что вышла твоя книга. Я говорю о книге про Канеке. Не было у меня давно такой радости на душе. Молодец, ты настоящий батыр-джигит, волевой же ты парень, спасибо! У нас пока еще нет этой книги. Если отправишь один экземпляр и вообще теперь будешь мне помогать и продвигать мою книгу, — буду только благодарен, потому что, думаю, я еще долго буду мыкаться с нею... С уважением твой брат Букетов. 18 января 1981 года, Караганда».

Что удивительно, считайте это интуицией или передачей мысли на расстоянии, как раз в тот день, 18 января, я, еще не получив поздравление Ебеке, отправил в Караганду по почте три книги, одна из них предназначалась ему. Прошел месяц. Я получил от Евнея Арыстанулы еще одно письмо. Привожу с некоторыми сокращениями:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

«...Медеу, я чувствую, ты вроде бы желаешь, чтобы я высказал свое мнение о твоей книге. Я имею в виду публично высказанное мнение. Конечно, это было бы очень кстати, я и написал бы, но кто это будет печатать? Подумай сам — куда направить. Если ты меня выбираешь для этого, я готов. Во всяком деле бывают недостатки и достижения, и каждый вправе высказывать свое мнение, я не претендую на то, что мое мнение самое правильное. В конце концов, проблема не в этом, а в том, как всему миру показать великий труд Канеке на благо народа, чтобы на него равнялись и брали пример. А кто может твой труд о нем вовсе перечеркнуть? Ведь об этом надо говорить всем, и о Канеке тоже надо веско сказать. Он жил ради людей, им отдал все богатство своей души и могучего ума, и мы помним о нем сейчас и не забудем завтра... Твоя книга, Медеу, — своевременна, она выйдет и на родном языке и не один раз, и ты каждый раз будешь ее исправлять, дополнять... Мне хотелось тебя поддержать именно сейчас, но, увы, для этого у меня нет пока возможности, не силен я! Такая уж обстановка, айналайын.

Самую полную из своих рукописей, которая не подвергалась сокращению, вручи мне. Я готов только хвалить твой труд и не посмею нигде и никогда его принизить. Мои намерения далеко идущие, но одолею ли, не знаю. Издательства пока от меня шарахаются, как от прокаженного, но надеюсь, что это временно. И все-таки, думаю, победа будет за мною. Не обращая внимания на временные неудачи, я полон решимости продолжать свою работу, как говорится, смело идти по "проторенному пути хана Касыма..." Отразить великую личность Канеке — вот мои думы и чаяния, что и составляет содержание и смысл всей моей жизни. Я сейчас на это дело смотрю именно так. И поэтому твоя толстая рукопись нужна мне и ты сам тоже, надеюсь, притом не один раз окажешь мне услугу...*

---

* Первая часть старинной пословицы нашего народа. Полностью она звучит так: «Лучше идти по проторенному пути хана Касыма, не уходя в сторону от традиции и времен хана Есима».

Buketov University

На этом заканчиваю. Передай привет снохе моей и детям твоим. Желаю тебе доброго здоровья!..

Евней Букетов, 22 февраля 1981 года, Караганда».

Возобновленная переписка между нами продолжалась теперь уж более оживленно. В первомайской поздравительной открытке в том же году Евней Арыстанулы спрашивал: «Когда же ты собираешься приехать к нам, в Караганду, ведь прошло немало времени после последней встречи с тобой? У меня есть вопросы, которые надо бы с тобой обсудить...»

В тот год меня приглашали во многие города Казахстана: настойчиво звали друзья из Жезказгана, весной же захотели увидеть меня у себя книголюбы шахтерского города. Я позвонил Евнею Арыстанулы и сообщил ему, что на днях собираюсь приехать в Караганду.

— Это хорошо, что собираешься, — сказал Ебеке. — Но ты можешь отложить поездку к нам на неделю. Дело в том, что я завтра с группой своих сотрудников собираюсь выехать в научную командировку в город Балхаш. А откладывать поездку уже поздно, билеты на руках, да и там нас ждут... А ты, батыр, мне нужен не на один день. Словом, я прошу тебя, приезжай к нам через неделю...

— А если я полечу в Балхаш? Меня приглашает в гости генеральный директор Балхашского горно-металлургического комбината Далабай Ешпанов.

— Это еще лучше, давай встретимся в Балхаше. Сообщи свой рейс...

Через пару дней я прилетел в Балхаш. Ебеке поручил встретить меня своему научному сотруднику Марку Угорецу. Я его в то время близко не знал. Устроив меня в люксе гостиницы комбината, он сказал:

— Вы здесь располагайтесь. Вторая койка — для Евнея Арстановича. Он сейчас на заводе, приедет к вечеру. И директора комбината тоже встретите здесь же. А сейчас отдыхайте, знакомьтесь с городом, обед вам подадут в номер, уже заказан, а мне разрешите откланяться...

Created by free version of 2PDF

В гостинице комбината мы прожили неделю. Днем Ебеке вместе со своими сотрудниками уходил на завод, первые дни я тоже вместе с ними ходил туда, посмотреть цехи знаменитого медного гиганта. Но потом, посчитав, что мешаю ученым, занимавшимся серьезной научной разработкой, я нашел себе другое времяпрепровождение... Через много лет я случайно услышал от Далабая Оспанулы (ныне покойного), дружившего с Ебеке со студенческих лет, что, зная шаткое положение Евнея Арыстанулы, он выделил для его группы крупные финансовые средства, создав благоприятные условия для новых научных исследований. Это была существенная поддержка в той тяжелой ситуации. Далабай Ешпанов буквально спасал своего опального друга, пострадавшего и морально, и материально по милости тогдашнего руководства Академии наук Казахской ССР.

В один из вечеров, это было, кажется, на третий или четвертый день нашего пребывания в Балхаше, мы с Ебеке уже выключили свет и легли спать. Но Ебеке все никак не мог уснуть. А когда на обыкновенной деревянной кровати без конца ворочался такой тяжеловес, как Ебеке, кровать не просто скрипела, а, можно сказать, стонала, готовая в каждую секунду рассыпаться. В конце концов я не выдержал:

— Что с вами, Ебеке, не спится?

— А, ты тоже не спишь? — Ебеке повернулся ко мне лицом. — Да, что-то сегодня сон не идет. Почему-то вспомнилось мне твое давнее предостережение...

— Неужели я вас чем-то огорчил?

— Нет, конечно. Но помнишь, мы с тобой однажды встретились в гостинице?

— Помню, — сказал я, зевая.

— Хочешь спать? — спросил Ебеке. — А я твоему беспечному сну завидую белой завистью. Видимо, на душе у тебя сейчас спокойно. Свою многострадальную, вымученную книгу выпустил, да еще вон где?!.. А я совсем не могу спать. Иногда всю ночь напролет в голове — круговерть, шайтан меня дернул заняться литературой. Сидеть надо было в лаборатории — ни клят, ни мят.

Buketov University

Я приподнялся с подушки:

— Теперь уж от этого вы не сможете отказаться! А с другой стороны, это к лучшему — раз вы и во сне думаете о своем сочинении, Ебеке. Когда вся книга в голове у вас полностью созреет, легко пойдут страница за страницей... Мне кажется, вы напрасно себя терзаете разными сомнениями: «Смогу ли я поднять эту тему? Да еще, моя ли это тема?» Я тоже первоначально робел. Но однажды подумал: «Будь что будет! Убьюсь — сделаю, я должен это сделать!» А утром решительно сел за стол...

— О, ты уже как пророк заговорил, батыр, — Ебеке сел на кровати. — Давай не будем зажигать лампочку. Побудем на время шакирдами, которых на Востоке перед посвящением в суфии оставляют на 40 дней в темном подземелье. Подвергая этому испытанию, их готовят к тому, чтобы они стойко переносили все будущие невзгоды, презрели все земные радости и блага. Давай хотя бы на миг уподобимся древним суфиям, чтобы в темноте ночи высказать все наши потаенные мысли. Пусть это будет нашим очищением перед совестью! Как говорится, только ночь и луна будут свидетелями нашего уединения... Так вот, напомню, тогда ты меня предупреждал, что о Сатпаеве нужно писать, не афишируя своих истинных замыслов.

— Я уже в то время был на подозрении, как говорят, на крючке, разве вы не знали?

— Я знал, но мне превратно все преподносили, будто у тебя не все клеилось с книгой. Значит, меня опять провоцировали, а все оказалось совсем по-другому... — глубоко вздохнул Ебеке. — Поэтому твоему предупреждению я не придал значения. А теперь понял: это была сермяжная правда... Меня начали особенно зажимать и третировать, когда я опубликовал в периодической печати ряд статей о Сатпаеве, отличающихся независимостью суждений, которые не понравились руководству... Ладно, оставим эту тему, кому о чем писать — в конце концов право каждого. Ты лучше мне скажи, почему наш Большой человек, я говорю о Димеке, так враждебно относится к Канеке? Почему

Created by free version of 2PDF
Buketov University

он, прекрасно зная о выдающемся вкладе его в развитие промышленности и науки Казахстана, несмотря на его громкую славу и популярность в народе, даже после его смерти, делает все, чтобы вычеркнуть его имя из истории? На всех официальных собраниях, юбилейных заседаниях, даже посвященных круглым датам, он ни разу не упомянул имени Канеке. Многие мне говорили, что Кунаев нарочно «забывает» называть его фамилию. А самый последний его непростительный поступок — запрещение издания твоего «Сатпаева» в Казахстане...

— По-моему, Кунаев просто завидовал славе Канеке, ведь он был любим в народе, о нем складывали легенды... — ответил я.

— Резонно. Но он же умный человек! Должен был сознавать, что на необъятной казахской земле остается место и для него?

— Вы абсолютно правы, Ебеке. Но перед ним были заразительные примеры других партийных мужей: после смерти Ленина Сталин, уничтожив всю ленинскую гвардию, стал единственным продолжателем его дела; то же сделал Никита Хрущев после кончины Иосифа Виссарионовича; самым тщеславным из них оказался Леонид Ильич Брежнев — он, четырежды Герой, Маршал Советского Союза, всех затмил собой. У него было 200 орденов (а Н. С. Хрушев имел 66 наград)... А почему нашему Димеке не быть единственным и неповторимым в истории Казахстана? Трижды Герой Социалистического Труда, четверть века правит Казахстаном, член Политбюро!.. А соперников у него уже нет — одни были смещены, другие уничтожены в годы репрессий и ушли из жизни. Ему мешала только посмертная слава Каныша Сатпаева. Вот к такому выводу, Ебеке, я пришел...

— Ты, Медеу, на историю нажимаешь. А может быть, они при жизни в чем-то не поладили? Бывают же разногласия. Канеке был президентом Академии наук, а Димеке — председателем Совмина. Не все же у них шло как по маслу...

— Если возникали размолвки, они были служебно-

Buketov University

го порядка. У меня есть немало таких фактов. Я знаю, как Димеке, став президентом Академии наук, разгонял сатпаевские кадры, а восемь человек из его близкого окружения, включая помощника и управделами академии, по его инициативе были отданы под суд. Он приказал выбросить на улицу все бумаги, книги и часть личного архива, которые Каныш-ага держал в летнем домике в Ботаническом саду... Я думаю, став первым секретарем ЦК КП Казахстана, Динмухамед Ахметулы должен был отрешиться от прежних своих взглядов и изменить свое отношение ко всем, в том числе к Сатпаеву, отбросив все личное и мелкое. Однако мы с вами видим совсем другое...

— Да, с точки зрения формальной логики ты прав. Притом ведет себя он в этом деле грубо, совершенно не задумываясь о последствиях. Ведь пройдет десять лет и все встанет на место, каждому будет воздано по заслугам...

— Канеке при жизни ни о ком никогда не отзывался в оскорбительном тоне, всегда был благожелателен. Я располагаю копией прекрасной характеристики Динмухамеда Кунаева, написанной Канеке 9 апреля 1952 года в Ленинграде, когда его мнение запросили из ЦК ВКП(б). Между прочим, ее зачитывали вслух на общем собрании нашей академии, когда Д. Кунаева избирали президентом Академии наук Казахстана.

— Ты не сочиняешь, батыр? Это невероятно! — удивился Ебеке.

— Полный текст этой характеристики сейчас находится у меня в портфеле, там же и самый первый вариант рукописи, не подвергавшийся цензуре и редакторской правке. Это я, как и обещал, привез вам. В ней вы найдете много такого, о чем говорить сейчас не стоит. Там, Ебеке, не пугайтесь, 830 машинописных страниц...

Он долго молчал. Мне показалось, что он не мог поверить в это. Посчитав, что наш затянувшийся разговор закончен, я собрался опять прилечь, но вдруг снова услышал голос Ебеке:

— Опять же удивляет меня наш Канеке, какой он добрый и бескорыстный. Удивительно гуманный чело-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

век, а!.. Если так, Медеу, то отношение Димаша к памяти Канеке — вообще кощунство, это не укладывается в моей голове. Это переходит всякие границы порядочности и приличия!.. Надо же такое совершить. Это же черная неблагодарность! И он после этого еще хочет остаться лидером нации?!..

— Да успокойтесь! Никто, даже член Политбюро не сможет уничтожить памятник, который сам себе воздвиг Каныш-ага своими свершениями, все наветы на него забудутся, все нападки на него утихнут, пронесутся, как ветер в степи. А он останется истинным Человеком на все времена!..

— Да, наш Канеке был благородным, редким человеком. Как жаль, что он мало прожил!.. Конечно, и у Кунаева — огромные заслуги, славу и почет у Димеке никто не отнимет. Он мог быть снисходительнее и почтительнее к своему старшему брату. Но что поделаешь?! В последние годы он не стал ни с кем считаться, собрал вокруг себя подхалимов, а людей, которые говорили ему правду в лицо, начал отдалять от себя. Пользуясь дружбой с Брежневым, возомнил себя бог знает кем... Но мы, к сожалению, ничего не поправим. Только боюсь, все это плохо кончится для него...

* * *

В Караганде меня ожидали встречи с читателями в КарГУ, политехническом институте, в областной, городской и даже в шахтерской библиотеках, потому в течение недели я не мог встретиться с Евнеем Арыстанулы. Оказывается, он не терял меня из виду. В тот день, когда состоялась встреча со студентами филологического факультета КарГУ в новом корпусе, расположенном на юго-востоке Караганды, ко мне подошел один из моих друзей студенческих лет и сообщил, что меня приглашает к себе домой Ебеке. Мне было известно, что в последние годы он редко ходил в гости, да и сам почти прекратил приглашать к себе. Это было связано с обострением болезни сердца. Но на этот раз он сделал исключение: кроме меня, были приглашены

Buketov University

все мои друзья, ученые-металлурги — Жанторе Абишев, Токен Габдуллин, Сагынтай Исабаев. Вечер был посвящен, как он выразился, «неординарному событию» — то есть выходу моего «Сатпаева» в Москве. Разумеется, надлежащее настроение нам создавал сам хозяин дома, мы говорили о многом, волновавшем нас тогда, но все же, помня о его состоянии здоровья, не очень-то увлекались...

И когда я, сославшись на усталость от напряженного дня, стал собираться в гостиницу, наставник мой остановил меня:

— Медеу, я хотел, чтобы ты почитал некоторые мои работы. Читай их с карандашом в руке. Прошу, не бери пример со своих друзей, которые, как ты заметил сегодня, меня оберегают, как младенца, от всяких волнений...

— О чем разговор, Ебеке, я готов помочь вам! Хоть сейчас загружайте меня...

— Тогда начни с этого, — и он вытащил из стола небольшую папку.

Раскрыв ее, я прочитал название: «Святое дело Чокана», эссе о Чокане Валиханове, 146 машинописных страниц. Мне были знакомы все труды Ч. Валиханова, нашего талантливого ученого-историка, путешественника, этнографа, прорубившего окно в Европу. В моей домашней библиотеке были оба издания его научных трудов — и четырехтомник, и последнее издание в пяти томах. Эти тома я часто перечитывал, получая истинное наслаждение, — настолько они оригинальны и постоянно будят мысль. Кроме того, я прочитал всё ранее написанное о Чокане Сергеем Марковым, Сабитом Мукановым, Алькеем Маргуланом, Сапаргали Бегалиным. Не буду скрывать, что, когда я положил перед собой эссе о Чокане, непроизвольно подумал: «А что же Ебеке нашел нового в наследии Чокана, ведь о нем давно всё сказано?..»

Но меня неожиданно захватила эта вещь, написанная на русском языке. Начав читать перед сном, я потом продолжил чтение с утра в гостинице. Перевернув последнюю страницу эссе, позвонил Ебеке домой:

Buketov University
Created by free version of 2PDF

— Ебеке, я вашу рукопись проглотил одним махом. Пока свежее впечатление, хочу им поделиться с вами. В какое время вам будет удобно встретиться?

— Медеу, подожди чуточку, — положив трубку, он куда-то отошел. Вернувшись через некоторое время, спросил: — Ты уже обедал?

— Нет еще.

— А у нас обед будет готов минут через двадцать. Откуда ты звонишь? Я пришлю за тобой машину из института.

— Не беспокойтесь, закрепленная за мной машина стоит у подъезда гостиницы...

Зубайра Дуйсенкызы на сей раз дастархан накрыла в кабинете ученого и оставила нас наедине. У меня разыгрался аппетит, я молча расправился с вкусными кушаньями.

— Что случилось, батыр, сегодня тебя будто подменили? — спросил Ебеке, наконец не выдержав долгого моего молчания.

— Просто, Ебеке, — улыбнулся я, — меня переполняют чувства после прочтения вашего эссе. Я взволнован, не знаю, как начать...

— Ну, давай, я тебя слушаю.

— Прежде всего, Ебеке, один вопрос: где вы нашли столько фактов?

— О, батыр, их не надо было искать в архивах, все они — в трудах Чокана.

— Сколько раз я их перечитывал, но почему-то не заметил многих моментов, которые вы так опоэтизировали здесь!..

— Знаешь, Медеу, каждый читает его труды по-своему... Кроме того, батыр, я, как ученый, мог что-то увидеть не так, как ты, уловить между строк какие-то не высказанные им мысли.

— Понятно, Ебеке. Я считаю, что этот ваш труд превосходит все ранее написанное о Чокане. Вы открыли и показали Чокана совершенно с другой и неожиданной стороны, при этом ваше эссе читается с интересом. Словом, я поздравляю вас, вы выдали произведение высокого уровня!..

Buketov University

— Неужели? Что-то ты говоришь слишком высокопарно! Неужели в нем — ни сучка ни задоринки?

— Почему же, есть у меня одно замечание... Вчера вы сами требовали от меня, чтобы я не скрывал от вас ничего...

Это уже было время чаепития по-казахски.

— Ну, выкладывай, а то ты перехвалишь меня... — засмеялся хозяин дома.

— Нужно сократить начало эссе. Вы начинаете его издалека, с рассказа о Федоре Михайловиче Достоевском, как он пришел в литературу, перечисляете его произведения излишне подробно, далее переключаетесь на его ссылку. А это общеизвестно. Лучше начать с того, что Федор Михайлович видит во сне Чокана, а проснувшись, упирается взглядом в сундучок, подарок друга... В таком случае ваш труд сократится на двадцать страниц и станет только лучше!

С моим предложением автор эссе не согласился. Мы немного поспорили, но я не смог его переубедить, каждый остался при своем мнении.

— Каким бы ни было произведение, повесть или рассказ, я не могу начинать его с ходу, как ты предлагаешь. Для того чтобы приступить к основной теме, я должен себя и читателя подвести к ней постепенно.

— Вам этот разгон, может быть, и нужен, но зачем это навязывать читателю?

— Ладно, я подумаю... — вроде бы согласился Ебеке. — Ты теперь подскажи мне: куда послать это эссе? Об Алма-Ате даже не упоминай — туда мне хода нет...Ты, кажется, в Москве заимел кунаков в литературных кругах, помоги мне выйти с ними на связь.

Это была трудная задача.

— Ебеке, будем действовать так! — воскликнул я, осененный идеей. — Я вас сведу с солидным издательством «Советский писатель», вернее, с хорошим и сильным писателем, имеющим авторитет в этом издательстве. Каждые два года это издательство массовым тиражом выпускает замечательный, очень популярный альманах «Пути в незнаемое». Авторы его — известные писатели, ученые. Там же публикуются материалы о

Created by free version of 2PDF
Vitebsk University

последних научных открытиях, об ученых, не отказываются они и от интересных исторических исследований... Ваше «Святое дело Чокана» как раз по содержанию подходит для альманаха. К тому же вы, наверное, знаете, что к научному наследию и имени Чокана русская интеллигенция всегда относилась с большим уважением...

— Да, это замечательная мысль!.. А кто там за главного? — загорелся Ебеке.

— Председателем редакционной коллегии альманаха и постоянным составителем является известный вам писатель и ученый-физик Даниил Данин. Я с ним немного знаком, имел контакт. Год назад я хотел напечатать отрывок из своего «Сатпаева» в этом альманахе, Даниил Семенович мне тогда сказал: «Давай, сам выбери, что поставить». Но я, подумав, предпочел не раскрывать себя раньше времени — вдруг в Алма-Ате догадаются, что я готовлю издание «Сатпаева» в Москве... А теперь я могу предложить вашего «Чокана».

— Ты говоришь об авторе известных книг «Резерфорд» и «Нильс Бор»? — оживился Ебеке. — О, он — сильный писатель! Я его книги перечитывал по нескольку раз. Он, можно сказать, мой кумир!..

— Он не только знаменитый писатель, но и замечательный человек, на которого можно положиться. К вам он должен отнестись по-свойски: вы академик, доктор технических наук, к тому же член Союза писателей. Так что прямо на него и выйдем...

— Согласен. Если не получится, никто с нас головы не снимет...

Сели за стол и сразу же написали два письма в Москву, каждый от себя. Копия письма Ебеке, сохранившаяся в архиве ученого, датирована 27 мая 1981 года. Значит, наш разговор об эссе Ебеке происходил примерно в то же время.

Через два месяца я получил из Москвы короткое письмо-открытку, в котором исключительно учтивый Даниил Семенович тепло поблагодарил меня за найденного мною для альманаха автора-ученого. Еще написал, что просит Е. А. Букетова войти в состав ред-

Created by free version of DBF5
Buketov University

коллегии альманаха «Пути в незнаемое». Несказанно обрадованный этим сообщением, в тот же день я позвонил в Караганду.

— Оу, батыр! — возбужденно отозвался Ебеке на мое приветствие. — Твой Даниил Семенович — мужик что надо. Принял «Святое дело Чокана» и обещал включить его в очередной, 18-й сборник... Но я виноват перед тобой, Медеу. Не послушавшись тебя, отправил эссе без сокращений. Однако Данин тоже настаивает на том, чтобы снять двадцать страниц о Достоевском, остальное его устраивает... — Ебеке также сообщил мне, что он уже дал согласие на членство в редколлегии альманаха...

— Поздравляю, Ебеке! Лед тронулся! Будем теперь ждать выхода очередного сборника «Пути в незнаемое»! Это станет сенсацией для ваших друзей, а для противников ваших это будет горше полыни... Только вы пока об этом никому ни слова, агай! Не забудьте: у вас много завистников, держите язык за зубами!..

— Эх, дружище, то же самое твердят мне Камзабай и Зубайра. Они настаивают, чтобы я придерживался в этом деле твоей тактики, когда ты тайком от всех издал «Сатпаева».

— Агай, так я поступил не от хорошей жизни. Это была вынужденная мера — скрываться от недоброжелателей. А теперь дело сделано. Победителей не судят. Так что и вы не пренебрегайте советом Зубайры Дуйсеновны.

— Ладно, пусть будет так, дорогой. Недавно я перевел стихотворение одного великолепного русского поэта, прожившего всего двадцать пять лет, умершего в конце XIX века. В нем скорбь и обреченность. Это созвучно моему настроению в последнее время. Прочту тебе лишь одну строфу: «Нет, я бы рад сойтись лицом к лицу с грозою, / Но жизнь вокруг меня так буднична и зла, / Что даже нет врагов, могущих вызвать к бою, / И только клевета шипит из-за угла»*. А заканчивает он свое стихотворение так: «Оставшуюся

---

* *Семен Надсон:* «Только утро любви хорошо...»

Created by free version of 2PDF

жизнь прожить хватило бы терпения...» Так и я говорю, дорогой мой брат: «Бог распорядился, и я подчинился». Поэтому я уже соглашаюсь с тобой. Будь здоров, батыр...

Что поделаешь, превратностей судьбы никому не избежать. Евнею Арыстанулы не суждено было увидеть 18-ю книгу «Пути в незнаемое».

(Конец весны 1984 года я провел под Москвой, в Доме творчества писателей в Переделкино. Там же я получил от Камзабая Арыстанулы письмо с просьбой узнать, как идет подготовка к печати «Святого дела Чокана». Когда я пришел в редакцию прозы издательства «Советский писатель», редактор этого сборника И. Ю. Ковалева собиралась отправлять в Караганду для читки набранные страницы.

— Поздно, автора уже нет в живых, — сказал я ей. — Дайте набор мне, через пару дней я вам его принесу, материал мне известен, можете справиться у Даниила Семеновича.

Таким образом я стал первым читателем последнего произведения своего учителя.

А 18-й сборник «Пути в незнаемое» вышел в свет в следующем году, в составе редколлегии альманаха имя, отчество и фамилия Ебеке были помещены в траурной рамке.)

Когда закончили обсуждение рукописи эссе, Ебеке пристально взглянул на меня:

— Медеу, теперь у меня к тебе другая просьба. Вот рукопись моего «Сатпаева», — и он пододвинул ко мне довольно увесистую папку, там было не менее двухсот страниц. — Прочти. Первоначальный вариант этой вещи я написал пять-шесть лет тому назад. А это самый последний. Ты на это взгляни глазами биографа Сатпаева, досконально знающего его жизнь, и, конечно, как писатель. Я намерен переделать некоторые главы, уточнить имена людей-очевидцев, чтобы не было расхождений с твоим «Сатпаевым»... Ты тут обошел меня, потому что работал быстрее. Чтобы избежать противо-

Created by free version of DBF
Buketov University

речий и повторов, мне нужно посоветоваться с тобой — в каком ракурсе я должен показать Канеке.

Эту рукопись я забрал с собой в Жезказган, где меня ждали встречи с читателями, и там в часы досуга, не спеша, притом несколько раз возвращаясь к началу повествования, аккуратно ее прочитал, на каждой странице карандашом делая свои замечания и пометки. На обратном пути заехал к Ебеке.

Он, внимательно слушая меня, включил диктофон. Эта запись, мне кажется, не сохранилась, но хорошо помню, что мои замечания совпадали с приведенными в этой книге мнениями Т. Какишева, Ю. Герта, А. Бальбурова. Потом я перевел разговор на общее построение произведения.

— Вы, Ебеке, собираетесь пересмотреть структуру своего повествования. Вам лучше отойти от хронологии. Возьмите какое-либо неординарное событие, а таких в жизни Канеке очень много, и через него покажите, как он стал корифеем науки. Думаю, надо увлечь читателя острым сюжетом. Например, книгу можно составить и из отдельных новелл. Такие примеры есть в литературе. Возьмите новеллы Стефана Цвейга. Разумеется, в каждой новелле будут разные реальные события... Именно в таком ключе вы писали «Святое дело Чокана», отлично получилось. Конечно, я не навязываю вам эту форму, все же пораскиньте умом...

На мое предложение я получил неопределенный ответ:

— Хорошо, батыр, надо все как следует взвесить...

IV

Летом 1982 года, в конце июля или начале августа я вернулся домой из поездки в какой-то аул, и тут раздался телефонный звонок моего приятеля по охоте, начальника Семипалатинского управления связи Нуралы Омарова. Он сообщил, что пару дней назад приезжал в Семипалатинск Евней Букетов, искал меня, на обратном пути из Усть-Каменогорска заедет еще раз.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— А когда он будет возвращаться?

— На следующей неделе.

— Нуреке, держите меня в курсе...

На следующей неделе снова позвонил Нуреке и сообщил, что гость, которого я жду, приехал рано утром и сейчас находится в доме отдыха связистов на берегу Иртыша.

— Ты наш дом отдыха не найдешь, — сказал Нуреке. — Поэтому пусть твоя жена готовит дастархан к обеду, а сам жди мою машину у подъезда. Учти, гость очень спешит, сегодня же собирается назад ехать...

Через час я уже был в доме отдыха связистов. Во время чаепития я поинтересовался у моих знакомых, где успел побывать гость. (С нами был Турсун Махметов — друг юности Букетова и его родственник по материнской линии, упоминавшийся в начале книги.) Узнав, что Ебеке увидел в Семипалатинске, я во всеуслышание заявил:

— Встречавшие вас, Ебеке, два моих старших брата не показали вам самые главные достопримечательности нашего города. Поэтому я предлагаю сразу же после чая всем ехать в Семипалатинск. После этого решайте, как быть: уедете от нас сегодня или нет...

Так и сделали. Мы начали знакомство с городом с дома Анияра Молдабаева, где подолгу останавливался Абай Кунанбаев (бывший музей поэта, где сейчас находится музей деятелей национальной Алашской партии). После этого посетили Дом-музей Ф. М. Достоевского на бывшей Крепостной улице. В этом доме часто встречались два друга — Чокан Валиханов и Федор Достоевский. Ебеке здесь обстоятельно побеседовал с директором музея...

— Ну как, батыр, закончим на этом? — спросил он.

— Нет, Ебеке, вы еще не дошли до того дома, где хранятся самые большие сокровища нашего города. Если не устали, то поедем сейчас же или пообедаем, потом посмотрите, — заговорщически подмигнул я.

— Ну тогда веди сейчас же.

Следующим местом, куда мы поехали, был историко-краеведческий музей.

Buketov University

Просторное здание, бывшее некогда резиденцией генерал-губернатора Семипалатинской губернии, было передано музею год назад, там еще шел капитальный ремонт, и все залы музея были пока закрыты. Я показал гостю здание музея снаружи. А потом попросил директора музея Балташа Ерсалимова ознакомить нас с основными фондами.

— В библиотеке музея когда-то хранилось около тридцати тысяч старых книг, газет, журналов. В последние годы часть их передали в музеи Абая и Достоевского, в областную библиотеку. А потом по приказу из министерства многие книги вывезли в Алма-Ату, в научную библиотеку Академии наук. Конечно, случались и пропажи книг... После всего осталось около десяти тысяч книг, — рассказал директор музея.

— На этих полках — дореволюционные издания, дальше — краевые газеты и статистические отчеты. Мы мешать не будем, посмотрите не спеша... — предложил я Ебеке.

Когда я вернулся туда через два часа, то застал Ебеке в огромном завале подшивок старых газет. А его спутник по поездке М. З. Угорец с интересом рассматривал отдельный том энциклопедии братьев Гранат, посвященный еврейской нации.

— Ну, как, Ебеке, мы все уже проголодались. И у вашего сына Рашида терпение уже лопнуло, давно хнычет, — сказал я, посмеиваясь. — Как быть дальше, эти газеты вы сегодня вряд ли одолеете?

— Медеу, перед всеми присутствующими хочу тебе сказать правду: твой Семипалатинск меня полонил! Твой город, оказывается, нельзя сравнить ни с Усть-Каменогорском, ни с Павлодаром, ни с Карагандой, даже с моим старым Петропавловском. Настоящий духовный и культурный центр. Теперь-то я понимаю, как Канеке с юношеских лет приобрел такие обширные знания. В молодости человек впитывает в себя знания, как губка, наверное, и Канеке целыми неделями просиживал в библиотеке музея. И, конечно, много чего набрался. Марк Залманович, ты знаешь, когда основался этот музей? В 1883 году! В те годы вряд ли

Buketov University
Created by free version of 2PDF

были в Алма-Ате музеи или библиотеки... Короче, ты прав, Медеу. Я сейчас понял, что в Семипалатинск заезжать попутно и пробыть тут пару дней — несерьезно... В общем, мы с директором музея уже договорились, что когда окончательно закончится реконструкция музея, через пять-шесть месяцев, в конце зимы я вернусь сюда, и Балташ-батыр обещает меня около десяти дней здесь держать взаперти...

— Агай, так и сделаем, вы будете довольны! — подтвердил Ерсалимов.

— А теперь пора обедать, Медеу, веди нас домой. И перед снохой моей Кларой неудобно, целый день заставляем ждать, — спохватился Ебеке, поднимаясь с места.

* * *

Мне известно, что Евней Арыстанулы в 1972—1983 годах несколько раз брался переделывать свое повествование о Каныше Сатпаеве. Таким образом появилось около пяти, если не больше, вариантов рукописи. Ему мешали сосредоточиться разные обстоятельства и чинимые его завистниками препоны, подводило и здоровье. В итоге литературный труд, ставший мечтой его жизни, остался незаконченным. А завершенные главы до конца прошлого века пролежали в архиве ученого. И это тоже один из парадоксов того времени.

Только в 2001 году была издана книга «Детские годы Каныша» на русском языке в Караганде. На казахском языке она вышла в 1999 году, накануне 100-летнего юбилея К. И. Сатпаева, в издательстве «Казахстан». Оба труда Е. А. Букетова трудно переоценить — это действительно произведения зрелого, настоящего мастера слова. Жаль, но эпопея оборвалась, как и его жизнь, на середине. Тут уже ничего не поделаешь, судьба!..

Buketov University

Дорогой Анатолий Сергеевич!
Воспомоществуй Христа ради насосами Высокого давления (хотя бы одним) для будущих бензиновых рек из угольного бассейна.
Премногим обязанный Твоему вниманию.

Е. А. БУКЕТОВ,
10 декабря 1983 года

Created by free version of 2PDF

Глава 13

«КАКОЙ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА УГАС, КАКОЕ СЕРДЦЕ БИТЬСЯ ПЕРЕСТАЛО!»

I

Когда в Караганде проходила первая Всесоюзная научная конференция по проблемам халькогенов и халькогенидов (осень 1978 года), с ее трибуны прозвучало немало деловых предложений. По сути все они были высказаны в надежде на то, что местные ученые учтут их в своих будущих исследованиях. Это было и проявлением доверия к ним. А когда на трибуну поднялся директор Института физической химии АН СССР, академик, Герой Социалистического Труда В. И. Спицын, уже убеленный сединами, все участники конференции встрепенулись, ожидая от него чего-то важного, неординарного. И московский ученый действительно заговорил о проблеме, имеющей большое научное и народно-хозяйственное значение. «Дорогие коллеги, — сказал он. — Караганда испокон веков стоит на громадной толще угольных пластов, и вас сама природа обязывает заняться ожижением угля. Вы

Buketov university

сидите на золотом кладе и почему-то не задумываетесь об этом. Конечно, ожижение угля сложно развернуть сразу, но и терять время тоже нельзя...» Ему дружно поаплодировали, а между собой вполголоса перешептывались: «Этой программы нам хватит на ближайшие пятьдесят лет, если не больше?!» Разумеется, поиронизировав, тут же забыли.

Но были ученые, которым это запало в душу. Одним из них был Евней Арыстанулы.

Проблема получения из угля бензина и множества других продуктов его увлекла всерьез. В своем письме, отправленном в 1979 году В. И. Спицыну (на втором экземпляре дата не проставлена, скорее всего, это было в начале года), он писал: «...Ввиду того, что на это направление исследований раньше не обращалось внимания, у нас отсутствуют необходимые для этого кадры. В ХМИ ныне работает по этой теме Л. А. Кричевский, ему помогает одна женщина — кандидат наук. Рядом с ними пока не видно энтузиастов, подающих какие-то надежды. В дальнейшем мы имеющимися у нас средствами все же будем развивать это дело, но это при малых наших возможностях ни в коей мере не будет соответствовать нашим запросам. В частности, я буду теперь постоянно вести беседу и по этому вопросу с нашими сотрудниками, может быть, кого-либо из них заинтересую. Это мне, пожалуй, нелегко будет делать, поскольку я не специалист в этой области, а возможно, настанет час, когда мы сможем ходатайствовать о создании проблемной лаборатории в университете, если рано или поздно сумеем выступить с каким-то достаточно весомым начинанием. Но у нас пока нет направляющей сильной идеи, нет свежей мысли, чтобы начать это дело. А как быть без них, в том и суть проблемы...»

На ловца, говорят, и зверь бежит. Вскоре появился первый энтузиаст. Молодой казах, кандидат наук А. Г. с радостью принял предложение ректора КарГУ и поехал на научную стажировку в Москву, в Институт горючих ископаемых (ИГИ), издавна занимавшийся этой проблемой.

Buketov University
Created by free version of ZPDF

В своем обстоятельном трактате «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике», вероятно, написанном для того, чтобы обобщить всю историю использования этих источников энергии и полезных веществ, Е. А. Букетов подробно рассказал, как человечество из века в век осваивало эти природные богатства, дал прогноз запасов на ближайшие два-три столетия вперед и того, что придет на смену нефти, когда ее ресурсы иссякнут. С научной стороны трактат ни у кого не вызывал сомнений.

В этом популярном научном труде говорится и о способах получения из угля жидкого топлива, описан мировой опыт. Готовя свой трактат объемом всего лишь в три печатных листа, он переворошил массу научной литературы, проштудировал переводы иностранной печати, систематизировал все публикации по этой проблеме, даже подготовил методическое пособие для начинающих исследователей. Видно, что он рассчитывал издать его отдельной брошюрой и тем самым привлечь внимание общественности к этой важной отрасли углехимии, в частности, к получению из угля дешевого бензина...

(Но, увы, опять сработала бюрократическая машина. И великолепный труд Букетова, созданный ценой неимоверных усилий, на больничной койке, между приступами тяжелой болезни, стал в ту пору никому не нужным и пробился к читателям лишь в 1994 году, через 11 лет после его кончины.)

Тем не менее медленно, но верно дело пошло, опыты по ожижению угля стали налаживаться. Для своих экспериментов группа Букетова выбрала высокозольный бурый уголь, нетронутые запасы которого в казахстанских недрах исчислялись несколькими десятками миллиардов тонн. Эти угли плохо сгорали в топках обычных котлов, их редко использовали в городских ТЭЦ. Как раз эти низкокалорийные угли, не востребованные производством, его группа и намеревалась использовать для получения дешевого бензина путем их органического синтеза. Как видим, задача ставилась «наполеоновская» — получить ценнейшее

Created by free version of 2PDF
Buketov University

топливо молниеносным натиском. Это был несколько авантюрный путь. И почему-то уже немолодой, не раз битый ученый избрал его...

Карагандинский уголь легко коксуется, и при плавке чугуна и стали ему нет пока адекватной замены. Экибастузский тоже хорош, от сжигания его в топках паровозов и ТЭЦ отдача тепла намного больше, чем от бурых углей. Исследователям было ясно, что этих углей им не видать. Можно было рассчитывать только на бурые угли, слава богу, во всем Советском Союзе, в частности, в недрах Казахстана имелись их огромные залежи. Только на Майкубинском месторождении, по прогнозам, их было более 5 миллиардов тонн! Хватало этого добра и в Тургайской низменности, притом почти на поверхности земли, по прикидкам геологов, его было в два раза больше, чем во всем Экибастузском бассейне, считавшемся по мировым масштабам огромным. Значит, углем обеспечены на 4—5 веков, даже еще больше. Лишь бы опыты с получением дешевого бензина дали желаемый результат!..

* * *

Идея получения жидкого топлива из твердых углей давно занимала умы ученых-химиков. Пожалуй, она возникла одновременно с изобретением двигателя внутреннего сгорания (то есть в конце XIX века), который стал основной движущей силой, заменившей тягловых животных. Разнообразное жидкое топливо — бензин, керосин, солярка — получалось путем крекинга нефти. Скважины, из которых била нефть, уходили уже на многие километры в глубь земли и дно морей, и цена добычи ее росла из года в год. В обозримом будущем нефтяные реки обмелеют и совсем высохнут. Что же делать тогда? Снова переходить на лошадиную, верблюжью тягу? А резерв рядом — это уголь...

Тайну превращения угля ученые открыли еще в первой половине XX века, тогда же родилась специальная наука — углехимия. Все достаточно просто: и уголь, и нефть состоят из углерода и водорода. Разни-

Created by free version of 2PDF

Bukatov University

ца лишь в атомарной структуре. Академик Букетов в своем трактате разъяснил, в чем суть: в угле соотношение водорода и углерода — 1:1, правда, атомный вес водорода — 1, а углерода — 12; и поэтому углерода больше, чем водорода, в 12 раз; в нефти соотношение этих двух элементов 1:2, то есть 2 атома водорода приходятся на один атом углерода, по этой причине нефть в два раза легче угля и встречается только в жидком состоянии...

Теперь всякому ясно, что, если в угле увеличить число атомов водорода в два раза, он превращается в нефть. Химики давно нашли заветный «ключик», научились «химичить» с углем. Чтобы не путать с природной нефтью, конечный продукт они назвали «синтетической нефтью». А процесс обогащения угля водородом назвали «гидрогенизацией угля» (гидроген — греческое название водорода), иначе говоря «ожижением угля».

Химики всего мира освоили несколько способов «ожижения угля». Один из них, пожалуй, самый совершенный, предложил немецкий химик Бергиус еще в 1912 году. Заключается он в следующем: в герметически закрытой печи уголь в присутствии водорода нагревают до 400—500 градусов без доступа воздуха, не давая ему гореть, под давлением 500—700 атмосфер; для ускорения процесса в качестве катализаторов реакции в уголь добавляют железо, никель, кобальт, молибден и некоторые соли редких элементов и еще — тонко измельченный уголь разбавляется жидкой нефтью; и в конце нефть начинает течь по трубам в виде жидкой массы... Можно сказать, азбука химии, если не считать, что при этом велики затраты электроэнергии на нагрев и приходится сооружать очень дорогое оборудование. И все-таки за рубежом еще до начала Второй мировой войны было построено 48 заводов, из которых почти половина работала по «методу Бергиуса»...

Уважаемый читатель, если вы выросли в деревенском доме, то, наверное, видели, как мелкий уголь смачивают водой для того, чтобы он лучше горел в

Created by free version of 2PDF
Buketov University

печке. Кстати, и на производстве постоянно пользуются этим простым крестьянским способом. Этому есть и научное объяснение: в присутствии воды в процессе горения в топке образуется «оксид углерода» (то есть обыкновенный угарный газ), и атомы водорода, находящиеся в газообразном состоянии, намного усиливают теплоотдачу. Зарубежные ученые Фишер и Тропш, неоднократно наблюдая за процессом обжига угля, догадались получить жидкое вещество, прогнав эти «угарные» и водородные газы через катализаторы. При этом чем больше был объем газов, тем больше получалось жидкости. А жидкость, вы уже догадались, — «синтетическая нефть».

Из всего сказанного можно сделать вывод: что из угля не так уж сложно выработать жидкую нефть; а из остающихся отходов можно дополнительно получить парфюмерию, синтетические материалы и множество других вещей; из той же нефти выделить бензин, керосин, моторные масла... Словом, дело испытанное и весьма полезное! Не перевозя миллионы тонн угля на дальние расстояния, можно там же, где они добываются, синтезировать жидкое топливо и другие продукты химии. Почти шестьдесят процентов ожиженного угля дает чистый бензин, а также другие виды топлива. А оставшиеся отходы пригодятся при укладке асфальтовых дорог. Следовательно, появляется возможность полностью избавиться от ГРЭС, ТЭЦ, от всех тепловых котельных, которые загрязняют воздух, делают черным чистое, голубое небо. В процессе сгорания жидкого топлива, как установлено, вовсе не выделяются ядовитые вещества, значит, наносимый окружающей среде вред будет в сотни раз меньше. Да, это здорово! Нужен лишь оптимальный способ получения дешевого жидкого топлива.

Эта проблема в начале XX века завладела умами зарубежных ученых и породила сотни исследователей-фанатиков, посвятивших ее решению всю свою жизнь. Самых удачливых, закрепивших свои способы изобретения патентами, мы уже назвали. Но, к всеобщему огорчению, предложенные ими методы получения

Belarusian University

жидкого топлива не получили должного распространения, так как при этом бензин и другие виды топлива обходились в три раза дороже, чем при перегонке природной нефти. Себе в убыток за рубежом никто этим заниматься не стал...

Ожижение угля производилось только при крайней необходимости. Например, по прямому указанию Адольфа Гитлера во время Второй мировой войны немецкие химики, используя бурый уголь Рурского бассейна, из-за нехватки нефтепродуктов вынуждены были производить более 4,5 миллиона тонн бензина на заводах, срочно построенных возле Мюнхена. Специалисты подсчитали, что в годы войны немецкие танки, самоходные установки и военные автомобили обеспечивались на 75 процентов жидким топливом, полученным с этих заводов... В брошюре Е. А. Букетова «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике» мы вычитали, что в 1940—1943 годах такие же заводы действовали в Японии, Италии, Англии, Франции, они произвели 7—8 миллионов тонн «синтетической нефти».

Вот еще один красноречивый пример. Во время экономической блокады Южно-Африканской Республики ее власти тайно доставили туда немецких инженеров, которые работали на заводах Мюнхена. И они в течение нескольких месяцев сумели наладить производство жидкого топлива из местного угля. Между прочим, гигантский завод, построенный ими в те годы, работает по сей день.

Советские химики тоже разработали технологию получения жидкого топлива из углей. По их проекту в середине 1980-х годов в Подмосковье был построен небольшой завод, где ожижалось 5 тонн местных бурых углей в сутки...

* * *

Приведенные нами факты, естественно, порождают у читателя недоуменный вопрос: почему же тогда академик Е. А. Букетов так увлекся давно решенной проблемой получения из угля бензина?

Created by free version of 2PDF
Viktor University

Когда мы встретились в Балхаше, между нами завязался разговор и на эту тему.

— Медеу, более года прошло, как я начал новые исследования по извлечению бензина из угля, — признался он мне.

— Это же область органической химии, и вообще, разве мало у нас нефти?

— Так рассуждают многие, не только ты, — сказал он. — Действительно, мы еще имеем огромные запасы нефти Эмбы и Мангистауского полуострова, зачем же нам возиться с углем, чтобы получать бензин в пробирках?.. Надо мной посмеиваются, называют фантазером. Сейчас во всем Союзе проблемой ожижения угля занимаются всего несколько фанатов-исследователей вроде меня. Да, в настоящее время мы богаты. Но как придет нужда, гласит казахская пословица, и крупинка соли будет дорога. Тогда и вспомнят меня...

Опыты с углем группа Букетова начала с опозданием. Причиной многомесячной задержки стал молодой исследователь, специально посланный в Москву на стажировку. Когда он вернулся через год, Евней Арыстанулы уже был руководителем без портфеля. Должно быть, А. Г. не захотел знаться с академиком, который потерял свой ректорский пост, да и кое-кто, наверное, посоветовал ему держаться от него подальше. В общем, работать с ним он отказался. Евней Арыстанулы тяжело переживал этот случай. Фактически им первый раз так открыто пренебрег ученик, получивший с его помощью кандидатскую степень. Что поделаешь, в жизни всякое бывает. Он молча перенес этот удар, отпустив его на все четыре стороны. Евней Арыстанулы начал подыскивать других помощников, теперь уж более обдуманно и осторожно (надо заметить, он в последние годы лично не занимался лабораторными экспериментами, поручал их своим помощникам, а сам только направлял их работу, теоретически обосновывая пути поиска). Подбор и выучка новых помощников, конечно, потребовали определенного времени. Наконец, подобрав главного помощника Болата Тлеуханулы Ермаганбетова, он и его отправил

Created by free version of 2PDF

в Москву. Ему он поставил задачу пройти стажировку не за год, а в течение шести месяцев. Когда, пройдя практику в солидных научных центрах, Б. Ермаганбетов вернулся, руководитель группы решил с ним серьезно побеседовать:

— То, что мы начинаем, Бокен-батыр, очень сложно, ты еще не совсем представляешь всех трудностей. Но не бойся, будем тянуть лямку вместе. Только скажи мне сразу: выдержишь, не сбежишь от меня, как твой предшественник? Учти, я человек очень требовательный...

— Агай, если бы я не был согласен — не поехал бы в Москву. Там мне удалось, как вы знаете, в свое время поработать в знаменитой лаборатории московского органика-синтетика Леонида Ивановича Закарина, под его руководством я защитился, готовился стать органиком, и тут вы вмешались, переориентировали меня на углехимию... Теперь-то куда я убегу от вас? — успокоил своего шефа Болат Ермаганбетов.

— Если так, дай руку, закрепим наш уговор! Коли ты настоящий мужчина, сдержишь свое слово. Выстоишь до конца — вся слава достанется тебе, а мне, как всегда, — палки...

С опозданием почти на год группа Букетова—Ермаганбетова наконец приступила к исследованиям по ожижению угля. Подобранные ими молодые химики не имели научных степеней, но у всех было горячее желание сказать свое слово в науке. То, что им предстояло сделать, казалось им волшебством, таким же, как превращение любого металла в золото, чем грезили алхимики в Средние века. А в их руках уголь должен был стать нефтью — тоже, как в сказке. Но они верили: так будет, они верили в своего руководителя; верили в его непререкаемый научный авторитет, в то, что он доведет начатое дело до победного конца...

Первоначально Евней Арыстанулы дал своим новым помощникам несложные задания: овладеть известными в мире старыми методами по ожижению угля, хотя бы в мизерном количестве получить бензин, а по-

Created by free version of 2PDF

Buketov University

том уже совершенствовать технологию, добиваться большей ее эффективности, рекомендовал для этого испытать новые виды катализаторов...

В начале 1980 года эта группа из Майкубинского бурого угля впервые получила несколько сот граммов бензина. Это был первый успех молодых энтуазистов. Обрадованные удачей, они удвоили свои усилия. Но внезапный инфаркт сердца, который свалил их руководителя в середине лета, и другие непредвиденные препятствия, искусственно созданные на их пути и возникшие по «закону подлости» именно в момент подъема, помешали завершить эти опыты. Вдобавок не было своего помещения, не хватало оборудования и приборов. Словом, в следующем году группа недовыполнила намеченный план исследований...

Но все это были внешние и временные причины. Они были поправимы. А упущенное можно было наверстать. Главной помехой в исследованиях было отсутствие новых идей.

И вот однажды Евней Арыстанулы, изучив проблему ожижения угля с разных сторон, неожиданно нашел ее простое решение и, как Архимед, воскликнув: «Эврика!», поспешил в свой институт.

Б. Т. ЕРМАГАНБЕТОВ, доктор химических наук, 26 июля 2004 года:

«Однажды Ебеке пришел в институт спозаранку и, встретив меня во дворе, сказал:

— Пошли, батыр, зайдем в здание, я, кажется, поймал золотую рыбку, — глаза его блестели, лицо озарилось радостью, не давая опомниться, он потащил меня в лабораторию.

Зайдя в лабораторию, попросил лаборантку Дилю принести колбу с щелочным раствором, разбавленным водой, и алюминиевую ложку. Когда она принесла все это, он положил ложку в слабый щелочной раствор. Из раствора начали выделяться газы.

— Эта реакция пришла мне на ум во время утренней пробежки... Поднимающийся из раствора газ — это чистый водород. Если мы найдем способ использования

Buketov University

этого водорода для ожижения угля — считай, то, что мы ищем месяцами, найдено. Водород произведет переворот при выделении жидкого топлива, реакция ускорится и процесс ожижения намного удешевится. Понял, батыр?

Я ничего одобрительного не сказал, хотя имел научную степень кандидата химических наук, все же не мог сразу поверить, что разгадка сложной проблемы, над которой мы уже бились более года, оказалась такой простой. Учитель понял, что я сомневаюсь, попросил Дилю пригласить своего любимца В. П. Малышева. В это время Виталий Павлович уже был доктором наук. Ему Ебеке снова продемонстрировал ту же реакцию.

— Прекрасная мысль! — одобрил Малышев. — Но, Евней Арстанович, использование алюминия для получения водорода обойдется вам очень дорого. Вместо него надо использовать недорогие ферросплавы. Дайте задание своему ученику Токену — пусть займется этим...

Ебеке, не желая откладывать эксперимент на долгий срок, вызвал институтскую автомашину, и мы поехали в лабораторию ферросплавов, где руководителем был Токен Габдуллин. Короче, его лаборатория получила задание подготовить новый вид ферросиликоалюминиевого сплава, после получения его у нас дело пошло быстрее, по сути, это было совершенно новое направление в нашем исследовании...»

II

Е. А. БУКЕТОВ — В. И. СПИЦЫНУ, 12 апреля 1981 года:

«Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Иванович!

Я хотел сообщить о порученных Вами делах при предполагавшейся встрече в Москве, поскольку такая встреча не состоялась, спешу сообщить письменно.

...За углехимические опыты я взялся нехотя и, честно сказать, только из-за уважения к Вам. Теперь же хочу от души поблагодарить Вас, ибо чувствую, как расширился, хотя бы в малой степени, круг моих интересов.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Недаром наш народ говорит: "От доброго человека — счастье, от недоброго — ненастье".

Речь же я хочу теперь повести о том, что, по-видимому, мы здесь нашли способ, который резко облегчит условия сжижения углей против тех, которые известны по литературе и по работам Вашего соседа — ИГИ. По способу последнего, который, по всей вероятности, теперь подготавливается к промышленному внедрению, к 40 процентам угольной массы прибавляется 60 процентов нефтепродуктов (чаще мазута), до 0,5 процента молибдена в виде соли, и эта шихта подвергается автоклавной обработке с водородом при 425 градусах С и 100 атмосферах давления в течение двух часов. Уголь должен быть предварительно просушен в инертном газе (последнее во избежание окисления), естественно, азота. Без разжижителя-нефтепродукта, без молибденового катализатора процесс не идет.

Так вот, хотел бы Вам сообщить, что мы, кажется, нашли способ сжижения, который исключает введение в ожижаемую смесь нефтепродуктов, молибденового катализатора, не требует предварительной сушки угля и, кроме того, снижает температуру процесса, по крайней мере, на 100 градусов; причем достигаются те же результаты на углях, менее склонных к сжижению, чем те, которые применяют в ИГИ. Мы здесь готовим бумаги на приоритет и просили бы Вас, как зачинателя, подписаться под представлением.

...Реляцию я Вам здесь начертал, как Суворов после взятия Туртукая. Конечно, процесс, принципы которого мы установили, потребует тщательнейшего изучения во многих аспектах... Шуметь о победах, может быть, пока не стоит, но важно, что открывается свое направление работ и направление, как нам кажется, многообещающее. (...) Где-то в конце мая, в начале июня мы могли бы, пожалуй, доложить Вам о предварительных данных, которые мы получили и которые могут, как мы полагаем, стать надежной основой для дальнейшего конкретного планирования исследования, а также для того доклада, о котором Вы говорили...»

Buketov University

В. И. СПИЦЫН — Е. А. БУКЕТОВУ, 26 мая 1981 года:

«Глубокоуважаемый Евней Арстанович, дорогой Еке!

...Основная Ваша идея — применять для гидрогенизации угля связанный водород — мне нравится. Я советую Вам сосредоточить сейчас свое внимание на процессе гидрогенизации угля и характеристике получаемых жидких продуктов. Вероятно, нужно добиваться максимальной гидрогенизации угля.

В определении состава получаемых жидких углеводородов мы можем помочь. Наш масс-спектрометр определяет состав летучих жидкостей по массам — за 5 минут. Накопите 10 проб и перешлите нам. Советую выбрать один из восстановителей, например — ферросилиций, и с ним уточнить условия гидрогенизации. Есть еще одна возможность: применить в качестве восстановителя металлические окатыши железа. Они содержат 90—95 процентов железа и получаются при прямом восстановлении руд Курской магнитной аномалии. Если у Вас нет такого материала, могу Вам выслать.

В своем описании Вы не пишете, сколько вводите воды в шихту. Или она имеется в виде влажности угля? В случае ферросилиция сырьем для получения водорода должны являться оба компонента. Напишите, какой у Вас автоклав. Мы имеем в Москве также опыт работы с автоклавами... Пишите о результатах».

Когда академик Букетов лишился своей высокой должности и стал рядовым научным работником, изгоем для широкой общественности, это принесло ощутимый вред и его прежним начинаниям: специальная лаборатория, которая должна была открыться в университете, — не открылась; но самым досадным было то, что новое здание, построенное десять лет тому назад им же и с таким неимоверным трудом, для экспериментов с углем оказалось совсем непригодным... Какое бы место в этом обширном здании он ни выбирал для установки нового оборудования, ответ пожарных был один и тот же: «Уважаемый аксакал, здесь никак нельзя! Вы же горючий материал хотите нагре-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

вать до 500 градусов. Это на нашем языке называется "чрезвычайно взрывоопасной ситуацией"! Еще вы собираетесь при опытах использовать водород — это же настоящая бомба! Когда же вы получите бензин, как конечный продукт, — это равносильно десятку бомб! И все это вы собираетесь устроить в здании, где работают пятьсот человек... Короче говоря, в таком взрывоопасном месте работать с углем мы вам не разрешим. Хоть мы вас очень уважаем, гордимся вами — но все же разрешение на проведение такого опасного опыта мы не можем дать. Его вы получите, если вам будет предоставлено отдельное здание, расположенное вдали от жилых районов. А пока этого не добьетесь — нас лучше не беспокойте!..»

Итак, ему опять надо было ломать голову: где найти подходящее здание? Поиск зашел в тупик. Такого, строго соответствующего противопожарным требованиям здания не нашлось. Решили строить сами. Вместе с помощниками набросали эскиз новой лаборатории, планируя построить ее на свободной площади, принадлежащей ХМИ. Подсчитали расходы на строительство. Сократив смету расходов до предела, довели их до пятидесяти тысяч рублей. Но помимо этого требовались специальные автоклавы, установка для обжига, насосы высокого давления для нагнетания газов в толщу угля, измерительные приборы и еще многое другое — на все это нужно было затратить не меньше средств, чем на строительство. Всего предполагаемые затраты подскакивали до ста тысяч рублей. А кто даст такие бешеные деньги? Знакомых производственников на перспективу получения дешевого бензина, которая еще вилами на воде писана, вряд ли купишь, а энтузиастов-патриотов днем с огнем не найдешь.

Что же делать? Ему не хотелось ехать с такой просьбой в Алматы, однако, пересилив себя, стал собираться. Ученого коллегу-металлурга, президента Академии наук, застать в рабочем кабинете было почти невозможно. В понедельник Букетову сказали, что его сегодня не будет — личный творческий день. Во втор-

Buketov University

ник помощник президента заверил, что он придет после обеда, хотя сам прекрасно знал, что Аскара Менлиахметулы искать во вторник бесполезно. Значит, оставалось ловить его в среду или в четверг. В среду Букетов пришел с утра и встретил президента прямо в приемной. Тот обещал принять после какого-то совещания. Итак, в условленный час Евней Арыстанулы оказался в знакомом ему еще со времен К. И. Сатпаева кабинете президента. Аскар Менлиахметулы, широко улыбаясь, внимательно выслушав просьбу академика Букетова, пригласил вице-президента, курирующего технические науки.

— Ебеке просит на новое исследование сто тысяч рублей, притом половину из них хочет получить в этом году, он уже договорился со строителями, планирует построить отдельную лабораторию. А на оставшуюся сумму закажет дефицитное оборудование... — разъяснил президент просьбу Букетова своему заместителю, кстати, не очень уверенно. Создавалось тягостное впечатление, что не он распоряжается средствами Академии наук, а его слишком шустрый заместитель. — Что скажем Ебеке? Найдете такую сумму?

— Асеке, в этом году ничего не получится. Все, что было, в прошлом месяце до последней копейки уже распределили. Ебеке желает получить половину запрашиваемой суммы в валюте. А это прерогатива правительства... Давайте оставим это на следующий год, пусть представит письменное обоснование. Да и вряд ли дадим сто тысяч — это очень много, если даже найдем половину, и то надо сказать «спасибо»...

— Если и всю сумму получу, никакой благодарности вы от меня не дождетесь!.. — вдруг взорвался Евней Арыстанулы. Он как облупленного знал своего коллегу, который был младше его на десять лет, его за глаза называли «обещалкиным», так как он никому ни в чем не отказывал, но и палец о палец не ударял, чтобы выполнить свое обещание. — Вы мне уже обещали в прошлом году, что нужная сумма будет выделена через ХМИ. Кроме того, на вашем столе уже два года без движения лежат мои заявки на другие исследования.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Их тоже вы обещали удовлетворить. Что толку от ваших пустых обещаний?.. — Евней Арыстанулы обратил свой взор на президента. — Асеке, я к вам специально напросился на прием: хотя бы на одну просьбу академика Букетова можно дать добро без волокиты? Я же не прошу средств на постройку собственного дома. Речь идет о крупном исследовании, которое, если все сложится удачно, непременно поднимет престиж казахстанской науки. Надо ставить вопрос перед правительством, просить дополнительные ассигнования — так поступали бывшие президенты. И они всегда находили средства!..

Президент академии понял прозрачный намек Букетова и несколько смутился:

— Ебеке, мы постараемся вам помочь. Свои бумаги оставьте, я сам ими займусь...

Через месяц из канцелярии президента академии Букетову сообщили, что его заявку перенесли на следующий год, так как «из бюджета все, что положено, распределено», однако заверили: «Президент дал задание помочь во что бы то ни стало, ждите...» Ебеке понял, что не видать ему средств как своих ушей. Что делать? Сколько раз этот вопрос вставал перед ним? К кому идти жаловаться, у кого просить помощи?..

Может быть, последовать совету некоторых друзей? «Того, что ты сделал для науки, Ебеке, наверное, хватит как минимум на сто лет! — говорили они. — Довольствуйся достигнутым. Поправляй здоровье, если для личной "Волги" нужен бензин, обеспечим сполна, надо — целую цистерну привезем во двор. Зачем тебе сдался на старости лет этот уголь и какой-то синтетический бензин?..»

Душевная подавленность, вызванная бесконечными отказами, требовала разрядки, и он переключился на продолжение задуманного эссе. Но, увы, не мог усидеть дома, ноги сами несли его в институт. Он знал, что на пути исследований угля будет еще много помех, но не в его характере было отступать, и его помощники ждали от него решительных поступков. Он не мог их разочаровать.

Buketov University

После долгих колебаний он позвонил помощнику первого секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана, прося личной аудиенции. О Коркине говорили, что он человек слова, открытый и прямой, за что ни возьмется, все у него отлично получается. Ответ помощника успокоил ученого: Александр Гаврилович обещал принять его в конце недели.

И ученый сразу же воспрянул духом. Главное — надо убедить секретаря в том, что он задумал крупное дело и расходы оправдают себя в ближайшем будущем. «А убедить я смогу», — настраивал себя на оптимистический лад Евней Арыстанулы, готовясь к встрече. Он составил для себя памятку, велел лаборантке налить в пробирку 100 граммов синтетического бензина, полученного из Майкубинского угля, и положил пробирку в портфель. Прихватил также с собой все письма ученых, полученные за последние два года из Москвы, считая их весомым аргументом в свою пользу.

А. Г. КОРКИН — Медеу САРСЕКЕ, 5 июня 2004 года:

«...Прежде чем ответить на вопросы, поставленные в письме, хочу Вас заверить в том, что я лично относился с уважением к многогранной деятельности Евнея Арстановича Букетова как ученого и восхищался его талантом писателя. О Букетове я знал за много лет раньше, до моего возвращения в Караганду в 1979 году.

...Помню, у нас с Евнеем Арстановичем была встреча после его освобождения с должности ректора. Он сказал мне, что устал от административной и хозяйственной работы в университете и практически не имеет времени заниматься наукой. И теперь он получил удовлетворение от того, что может посвятить себя полностью науке. Он рассказал, какими проблемами занимается. На одну из них (получение жидкого топлива из бурых углей) он обратил особое внимание. Мы с ним договорились, что я постараюсь организовать ему встречу с ведущими учеными Академии наук СССР. Я позвонил Президенту АН СССР Александрову Анатолию Петро-

Created by free version of 2PDF

вичу и попросил его выслушать нашего ученого Е. А. Букетова по его теме: "Получение жидкого топлива из бурых углей", учитывая колоссальные запасы их в нашей стране; Александров А. П. проявил к этому большой интерес и пригласил Букетова Е. А. в Академию наук СССР. Букетов Е. А. сделал доклад в АН СССР. Там его разработки одобрили, и по прибытии из Москвы Евней Арстанович с хорошим настроением доложил о своей поездке и плодотворной встрече в Академии наук СССР.

Помню, после его приезда из Москвы мною были даны поручения по созданию лаборатории и необходимых условий для его научной деятельности».

18 декабря 1982 года Евней Арыстанулы пишет московскому профессору А. Л. Бучаченко: «Вы меня очень и очень обрадовали своим человечным, теплым письмом...», затем рассказывает о служебных делах и сообщает подробности о приеме его президентом АН СССР: «В конце ноября 1981 г. звонит В(иктор) И(ванович) Спицын: "Не могли бы вы, Е. А., приехать к 30 ноября, вызывает президент Академии наук по проблемам сжижения углей". (...) Приехал. Явились к президенту к 10.00. В кабинете его — вице... Велихов, академики Эммануэль, Стырикович, Шейндлин и еще один товарищ. Докладывал проф. И. В. Калечиц (зав. отделом ГКНТ). В конце обсуждения президент обратился ко мне: "Что вы хотели сказать?" Вывесил схему, положил перед президентом... пробы нашей искусственной нефти и стал докладывать... Оглянулся, президент стоит возле меня и смотрит на схему: заинтересовал!.. Но тут невзрачный маленький академик в вязаной теплой кофте (это был, как я потом узнал, Стырикович), сидевший рядом с Эммануэлем, экспансивно и нервно стал задавать вопросы и тут же, не слушая меня, сам начал давать на свои же вопросы отрицательные ответы. Этим он сбил меня с толку, потому что не мог же я при президенте пререкаться, и, главное, пропал интерес у Анатолия Петровича к тому, что я говорил... Хотя потом президент сказал, что этим нужно заниматься, но надо обратить внимание на кан-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

церогенность полученного бензина (запах проб, лежавших перед ним, давал себя знать!). (...) Запомнилась смешная и, может быть, даже поучительная концовка этой истории. Выходим и садимся в машину В. И. Настроение у меня неважнецкое, казалось, что недостаточно четко доложил. Говорю об этом академику. "Нет, — отвечает он, — доложили вы, как надо, но разве эти старики поймут нас!" — в густом басе его почувствовал такую грусть, что не посмел посмотреть ему в лицо: оно, наверное, выражало глубокое разочарование. Когда, оказавшись в гостинице, взглянул в академический справочник, поразился ...сам Спицын, упрекавший "этих стариков", был старше их всех!..»

В сказках золотые дворцы строились в одну ночь. Но то в сказках. А в жизни, конечно, все иначе. Строительство скромного одноэтажного здания для работы всего десяти научных работников и лаборантов, размещения автоклавов, насосов высокого давления и нескольких других установок оттягивалось...

Е. А. БУКЕТОВ — В. И. СПИЦЫНУ, 3 июля 1982 года:

*«Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Иванович! Подвожу Вас, 23 апреля оказался в больнице и после двух с лишним месяцев лечения только позавчера оказался дома. Прескверный случай — инфаркт. Одно утешение — моден. Теперь под строгим контролем врачей должен сидеть дома чуть ли не до конца августа. Тяжело пережил свое отсутствие на Вашем юбилее (*в то лето академику Спицыну исполнилось 80 лет. — *М. С.). Думаю, что к сентябрьской конференции по халькогенам буду на коне. Иначе нельзя.*

Работа по сжижению движется, но не с такой скоростью, как бы хотелось. Бумаги по сжижению застряли и, по-видимому, надолго в недрах канцелярии нашего президиума, хотя все формальности выполнены и я сам лично обращался с просьбой к президенту. Словом, с открытием лаборатории (...) не торопимся...

Тут, вероятно, в связи с моей болезнью будет задержка и с претворением в жизнь постановления нашего областного комитета КПК (копия его у Вас имеется).

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Я попросил бы Вас послать письмо А. Г. Коркину, нашему первому секретарю...

С Комитетом по изобретениям придется, наверное, еще поспорить, там не совсем понимают значение предложенного метода. Но это с Вашей помощью. Не в отпуске ли Вы теперь? Позавчера и вчера пробовал к Вам дозвониться, не удалось. Отсюда трудно...»

В. И. СПИЦЫН — А. Г. КОРКИНУ, август 1982 года: *«Глубокоуважаемый Александр Гаврилович!*

Мне доставляет большую радость Ваше внимание к развитию исследований по сжижению углей у Вас в Караганде, знаменитом угольном центре страны... Постановление бюро ОК КПК от 09.03.1982 г. о строительстве базы по сжижению углей при ХМИ АН КазССР является примером оперативной помощи актуальному научному начинанию. К сожалению, академик АН КазССР Е. А. Букетов серьезно приболел и потребуется, по-видимому, еще 3—4 месяца, пока он сможет активно включиться в работу. Это вызывает у меня тревогу. Боюсь, что строительство базы задержится, поскольку оно еще не начато.

Я хотел обратить Ваше внимание на последнее обстоятельство. Научный совет по неорганической химии... проводит во второй половине сентября с. г. традиционное совещание по химии и технологии халькогенов... в г. Караганде и у меня будет возможность с Вашего разрешения доложить о наших научных планах по сжижению углей подробно...»

28 января 1983 года Евней Арыстанулы пишет В. И. Спицыну: «Лабораторию (отдельный домик площадью 260 квадратных метров), слава богу, достраивают, идет внутренняя штукатурка. Ваш толчок сказался...»

После изрядных мучений группа Букетова—Ермаганбетова в первом квартале того же года в новом помещении лаборатории возобновила прерванные опыты. «Кроме принципиальной доказанности сжижаемости наших углей, мы проделали еще, правда, несистематические, но пробные опыты с гудроном-мазу-

Buketov University

церогенность полученного бензина (запах проб, лежавших перед ним, давал себя знать!). (...) Запомнилась смешная и, может быть, даже поучительная концовка этой истории. Выходим и садимся в машину В. И. Настроение у меня неважнецкое, казалось, что недостаточно четко доложил. Говорю об этом академику. "Нет, — отвечает он, — доложили вы, как надо, но разве эти старики поймут нас!" — в густом басе его почувствовал такую грусть, что не посмел посмотреть ему в лицо: оно, наверное, выражало глубокое разочарование. Когда, оказавшись в гостинице, взглянул в академический справочник, поразился ...сам Спицын, упрекавший "этих стариков", был старше их всех!..»

В сказках золотые дворцы строились в одну ночь. Но то в сказках. А в жизни, конечно, все иначе. Строительство скромного одноэтажного здания для работы всего десяти научных работников и лаборантов, размещения автоклавов, насосов высокого давления и нескольких других установок оттягивалось...

Е. А. БУКЕТОВ — В. И. СПИЦЫНУ, 3 июля 1982 года:

*«Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Иванович! Подвожу Вас, 23 апреля оказался в больнице и после двух с лишним месяцев лечения только позавчера оказался дома. Прескверный случай — инфаркт. Одно утешение — моден. Теперь под строгим контролем врачей должен сидеть дома чуть ли не до конца августа. Тяжело пережил свое отсутствие на Вашем юбилее (*в то лето академику Спицыну исполнилось 80 лет. — *М. С.). Думаю, что к сентябрьской конференции по халькогенам буду на коне. Иначе нельзя.*

Работа по сжижению движется, но не с такой скоростью, как бы хотелось. Бумаги по сжижению застряли и, по-видимому, надолго в недрах канцелярии нашего президиума, хотя все формальности выполнены и я сам лично обращался с просьбой к президенту. Словом, с открытием лаборатории (...) не торопимся...

Тут, вероятно, в связи с моей болезнью будет задержка и с претворением в жизнь постановления нашего областного комитета КПК (копия его у Вас имеется).

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Я попросил бы Вас послать письмо А. Г. Коркину, нашему первому секретарю...

С Комитетом по изобретениям придется, наверное, еще поспорить, там не совсем понимают значение предложенного метода. Но это с Вашей помощью. Не в отпуске ли Вы теперь? Позавчера и вчера пробовал к Вам дозвониться, не удалось. Отсюда трудно...»

В. И. СПИЦЫН — А. Г. КОРКИНУ, август 1982 года: *«Глубокоуважаемый Александр Гаврилович!*

Мне доставляет большую радость Ваше внимание к развитию исследований по сжижению углей у Вас в Караганде, знаменитом угольном центре страны... Постановление бюро ОК КПК от 09.03.1982 г. о строительстве базы по сжижению углей при ХМИ АН КазССР является примером оперативной помощи актуальному научному начинанию. К сожалению, академик АН КазССР Е. А. Букетов серьезно приболел и потребуется, по-видимому, еще 3—4 месяца, пока он сможет активно включиться в работу. Это вызывает у меня тревогу. Боюсь, что строительство базы задержится, поскольку оно еще не начато.

Я хотел обратить Ваше внимание на последнее обстоятельство. Научный совет по неорганической химии... проводит во второй половине сентября с. г. традиционное совещание по химии и технологии халькогенов... в г. Караганде и у меня будет возможность с Вашего разрешения доложить о наших научных планах по сжижению углей подробно...»

28 января 1983 года Евней Арыстанулы пишет В. И. Спицыну: «Лабораторию (отдельный домик площадью 260 квадратных метров), слава богу, достраивают, идет внутренняя штукатурка. Ваш толчок сказался...»

После изрядных мучений группа Букетова—Ермаганбетова в первом квартале того же года в новом помещении лаборатории возобновила прерванные опыты. «Кроме принципиальной доказанности сжижаемости наших углей, мы проделали еще, правда, несистематические, но пробные опыты с гудроном-мазу-

Buketov University

том с Павлодарского нефтеперерабатывающего завода. Процесс идет легко...» — говорится в приложении к письму Е. А. Букетова в Москву.

В общем, дело сдвинулось с мертвой точки. Что отрадно, после переезда в новое здание исследователи избавились от дотошных, ежемесячных проверок пожарных. Поднабравшись опыта в прошлом году, теперь действовали увереннее. У некоторых впереди уже маячила защита диссертаций. В целом, было что показать скептикам, не верившим в рискованное начинание. На полках стояли десятки, сотни пробирок, наполненных бензином. Теперь его вонючий запах уже не так раздражал исследователей, ибо это был результат их кропотливого труда.

«Было начало 1983 года. Ебеке любил посидеть с нами в узком кругу в новой лаборатории, — писал мне 26 июля 2004 года Болат Ермаганбетов из Астаны. — Как-то, будучи в мрачном настроении, он сказал мне: "Ау, Бокен, вы, конечно, продолжите это дело дальше, увидите замечательные плоды, меня уже на свете не будет, я буду спать вечным сном под тенью кустарников, что растут на могильном кургане. Если к тому времени не забудете, будете изредка вспоминать обо мне, я буду доволен и буду лежать спокойно..." Я не знаю, почему он так заговорил, сам я от этого сильно расстроился, не зная, что сказать своему наставнику... Впрочем, такая хандра накатывала на него редко. Чаще он рассуждал о выгоде начатого дела, в доказательство приводил экономические расчеты. А когда расчеты показывали обратное, он часто повторял: "Значит, природу не обманешь хитро поставленными *опытами*..."»

К лету 1983 года в исследования внесли существенные коррективы. Суть их заключалась в том, что водород стали вдувать в горячие пробы угля, и поэтому все подготовительные операции, предусмотренные старой технологией, — то есть сушка угля, смешивание его с мазутом, вовсе отпали. Экономия? Конечно, многократная! Им было уже известно, что жидкое топливо можно получать при 325 градусах. Это надо было до-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

казать экспериментально, а потом уж разработать технологию, приближенную к производству. Самое главное — они научились в большом количестве вырабатывать водород, причем экономически выгодным путем. Теперь очередь встала за небольшим опытным заводом, где-нибудь за чертой города. Но для этого нужны были государственные субсидии.

Надежды на то, что ввод завода профинансируют в Казахстане, уже не было. Родная академия, в которой он был действительным членом, по-прежнему хранила молчание. А в то, что помогут угольщики, руководители самой богатой отрасли в казахстанской экономике, Евней Арыстанулы не верил. Для этого нужно было добиться специального постановления правительства республики. А это при его нынешнем положении было нереально. Значит, оставалась одна надежда — на Москву...

«Подготовил, как я уже говорил, доклад для любой инстанции, включая очень посвященных и не очень посвященных, — пишет Евней Арыстанулы столичному покровителю. — *Для первых — с целью квалифицированного обсуждения, для вторых — с целью ознакомления с сутью проблемы. Я доволен тем, что могу сказать: использование дешевых сплавов, получаемых электродуговой плавкой, — простой и выгодный путь получения углеводородов из углей, как путем непосредственного сжижения, так и путем синтеза их, углеводородов, из оксида углерода и водорода... Тут побывал в сентябре профессор А. Л. Бучаченко. Я ему рассказал, как мыслится наш новый подход к получению искусственных углеводородов из углей, и просил его посвятить в это академика В. А. Легасова, поскольку он занимается проблемами водорода. Академик В. А. Легасов, как сообщил профессор А. Л. Бучаченко, проявил интерес к идее, поэтому я ему отослал через Бучаченко копию доклада. Я там написал об истории вопроса и Вашей инициативе. Может быть, академик В. А. Легасов Вам об этом и скажет. Речь теперь идет о полной замене методов Бергиуса и Фишера-Тропша на новые методы, которые я*

Buketov University

объединил под одним заголовком: "Электродуговая восстановительная плавка минеральной части углей как основа технологии будущего углехимического комбината". Необходимо, как мне кажется, рассмотреть эту проблему детально у Вас в институте (то есть заслушать мой доклад и обсудить его с точки зрения исполнения, объединив силы Вашего института и ХМИ), а также обсудить среди ведущих специалистов (на каком уровне и как — решайте Вы)...»

Е. А. Букетов поставил в известность московских ученых о том, что в Караганде успешно испытывается новый метод ожижения угля, с расчетом, что вышестоящие коллеги из Центра поддержат его инициативу, когда возникнет необходимость внедрения его в производство. Он понимал, что и в Москве есть специалисты по этой части, например в Институте горючих ископаемых, которым покажется, что он хочет перебежать им дорогу. Возможны контрмеры. Им разве хочется, чтобы какой-то казахстанский испытатель оставил их позади? И поэтому руководитель группы ХМИ вышел на прямую связь с академиком В. А. Легасовым, одним из ведущих ученых, проектировавшим новые атомные станции, что важно — человеком из команды президента АН СССР А. П. Александрова, тоже ядерщика. Видимо, Евней Арыстанулы делал главную ставку на него, одобрение академика В. А. Легасова давало зеленый свет в нужном Е. А. Букетову направлении.

Испытатели наращивали обороты, чтобы представить обнадеживающие результаты на обсуждении в АН СССР. Опыты велись с начала года, все лето, до поздней осени, без остановок и без отдыха. Причины такой спешки имели под собой почву: при прошлогоднем обсуждении в Москве исследования карагандинцев были признаны перспективными, им было рекомендовано опыты расширять, а о полученных результатах предложено доложить на традиционном ежегодном ученом совете химиков 1984 года, после этого, при положительной их оценке, можно было выходить на президиум Академии наук СССР...

Created by free version of 2PDF

* * *

Передо мной — ксерокопии переписки 1979—1983 годов между Е. А. Букетовым и В. И. Спицыным. Всего девять писем. Их невозможно перечитывать равнодушно — в них пульсирует живая творческая мысль, вызывающая чувство гордости за обоих. Я поражаюсь тому, как могла возникнуть между ними такая крепкая спайка, как родилось необыкновенное взаимное доверие. Ведь у них разница в возрасте — более двадцати лет (я выяснил, когда Виктор Иванович закончил Московский университет им. М. В. Ломоносова в 1922 году, Евнея Букетова еще не было на свете). Академик Спицын долгие годы занимался химией редких элементов, внес весомый вклад в атомную промышленность, его оригинальные работы по обогащению урановых соединений принесли ученому мировую известность, несмотря на восьмидесятилетний возраст, он по-прежнему был активен, принимал постоянное участие во всесоюзных конференциях по халькогенам и халькогенидам, проходивших в Караганде. По-видимому, эти конференции и способствовали их сближению. И огромная разница в возрасте им нисколько не помешала поддерживать друг друга...

Теперь, читатель, вспомните нескончаемые и никчемные разборки Евнея Арыстанулы с профессором В. В. Михайловым в ХМИ, длившиеся около пятнадцати лет. Это было какое-то недоразумение. Ведь Е. А. Букетов легко сходился с людьми, мог ладить с ними. Неразрывная дружба связывала его с профессором В. В. Стендером из Ленинграда и В. Д. Пономаревым, уроженцем древнего Урала, с ними он был в прекрасных человеческих отношениях, оба они стали его наставниками, благодаря им он вошел в мир науки. Это была для молодого исследователя лучшая пора. Признанные ученые помогали ему быстрее встать в их ряды, расти. А теперь, когда приближалась осень жизни, по воле судьбы, он нашел опору в лице добродушного русского ученого Виктора Ивановича, они были едины не только в научных исканиях, но и общались

Buketov University
Created by free version of 2PDF

семьями. Кстати, в вышеприведенных отрывках писем мы выбирали сообщения только научного характера, опуская семейные подробности. А ведь в их отношениях это был немаловажный фактор...

«Глубокоуважаемый дорогой Вике! Мне было радостно слышать Ваш голос, и я постоянно нахожусь под впечатлением Вашего умения не забывать о работе и делах даже в воскресные дни, тогда как бездельники ждут этого воскресенья, будто они всю неделю горы ворочали, камни наверх таскали и уж, в крайнем случае, сено косили...» — писал В. И. Спицыну Евней Арыстанулы. А московский ученый в ответ слал своему коллеге телеграмму такого содержания: *«Дорогой Ебеке, получив Ваше письмо, начал сразу изучать образцы угля тчк Определяем параметры аппаратуры, которую Вы просили тчк Годен ли для опытов автоклав, который хотите применить зпт немедленно сообщите академик Спицын».*

Е. А. Букетов: *«...Немного по-другому складываются дела по углехимии. К сожалению, скоро сказка сказывается, да нескоро (и не споро!) дело делается... Тот товарищ, который у Вас стажировался, по некоторым обстоятельствам отошел от этих дел, получилось не очень хорошо, но иногда обстоятельства бывают сильнее нас».*

Это отголосок раннего письма, отправленного в 1980 году. А когда группа Букетова овладела многими тайнами ожижения угля, когда работа развернулась вовсю, письма Евнея Арыстанулы В. И. Спицыну были уже сугубо конкретными...

«Словом, мы хотим идти, пусть не оригинальным, но своим путем, ибо вести ожижение угля тем способом, который применяется в Московском институте горючих ископаемых, — неблагодарное занятие: большой расход молибденового концентрата, регенерация которого чересчур проблематична...» Приведя еще множество отрицательных сторон этого метода, Е. А. Букетов напоминает: *«Конечно, нам в дальнейшем нужны будут и автоклавы, и многое другое. Об этом тоже скажем.*

Buketov University

Created by free version of 2PDF

(...) — И добавляет: — *Очень просил бы Вас, если это возможно, поручить сделать перевод японской статьи, которую прилагаю».*

Еще в одном письме Евней Арыстанулы пишет: *«Я очень благодарен Вам за то, что нацеливаете меня на занятие углехимией. Я кое-что прочитал в этой области и почувствовал, что не боги горшки обжигают. Переговорил на месте. Интерес имеется...»* Надо полагать, что в это время он уже получил искусственную нефть путем ожижения угля, что подтверждается его сообщением своему московскому адресату: *«...Со временем, если найдете возможным выслушать, я доложу Вам данные о своей работе для совета и помощи. Есть и мелкие темы, которые вызывают интерес и которые, если ими заниматься, могут перерасти во что-то большее... Но, к сожалению, на все меня, по-видимому, не хватит, приходится смирять себя, становясь на горло собственной песне»*, — заканчивает он свое письмо с некоторой грустью.

«Без Вас, даже точнее говоря, без Вашей опеки, мне здесь не обойтись. Если такая опека с Вашей стороны будет иметь место, то дело, наверняка, пойдет, если же не будет, то есть опасность, что захиреет или, в лучшем случае, будет только тлеть, а сама идея будет растаскана по частям, как это в жизни бывает. У таких больших людей, как Вы, дорогой Вике, есть талант заряжать окружающих энергией и беспокойством. Вы меня втравили в это занятие, так теперь спасайте, это необходимо в моем теперешнем положении, когда я могу распоряжаться разве лишь собственными книгами... Я совершенно уверен, что игра стоит свеч. Буду ждать Ваших соображений и решений...» — сообщал Евней Арыстанулы В. И. Спицыну в письме от 16 мая 1981 года.

Самое занятное в этих письмах то, что ученые обращаются друг к другу на казахский манер: «Еке», «Вике», тем самым выражая свое почтение. В данном случае пример показывал старший по возрасту Виктор Иванович, видимо, сразу уловивший особенности национального этикета после поездки в Казахстан. Пер-

Created by free version of DocuFreezer
Buketov University

вое же письмо в Караганду он начал, как казах, словами «уважаемый Еке». А Евней Арыстанулы тоже стал писать «Многоуважаемый Вике!»...

В архиве ученого сохранился проект письма, написанного Евнеем Арыстановичем собственноручно. По всей вероятности, он предполагал отправить его по адресу после одобрения В. И. Спицыным. Потому в письме не проставлена дата. Как нам думается, написано оно осенью 1982 года, когда опыты по ожижению бурых углей в Караганде уже дали хорошие результаты.

«Заместителю председателя Совета Министров СССР
Академику Марчуку Г. И.

Глубокоуважаемый Гурий Иванович!

В Химико-металлургическом институте Академии наук Казахской ССР в г. Караганде совместно с Институтом физической химии СССР проведены поисковые исследования по ожижению бурых углей Казахстана по технологии, предложенной этими институтами. По этой технологии превращение угля в нефть осуществляется не свободным и инертным водородом, который в ныне известных способах производится отдельно и вводится в шихту для ожижения под принудительным давлением, а активным водородом, выделяющимся в самой шихте за счет разложения воды в щелочной среде дешевыми железистыми сплавами алюминия и кремния, выплавляемыми электродуговым способом из золы того же угля. По предварительным подсчетам производство синтетической нефти по этой технологии уменьшает расход энергии на 10—30 процентов, уменьшит также капитальные затраты.

Было бы весьма целесообразно, ввиду особой актуальности задачи получения жидкого топлива из углей, форсировать эти исследования, с этой целью необходимо было бы:

а) открыть проблемную лабораторию при Химико-металлургическом институте АН КазССР с персоналом в 30 единиц;

б) выделить специальные средства — в 500 тысяч руб. на приобретение оборудования в 1982—1983 годах;

Created by free version of 2PDF
Viktor Ivanovich University

в) создать в течение 1983—1984 гг. опытную установку при ХМИ АН КазССР для проведения укрупненных испытаний стоимостью в 1 млн руб.;

г) предусмотреть к концу текущей пятилетки разработку проекта опытно-производственной установки производительностью в 5—10 тн. в сутки по углю в районе Майкубинского месторождения Казахской ССР.

Убедительно просим Вашего решения по изложенному вопросу.

Академик АН СССР В. И. Спицын
Академик АН КазССР Е. А. Букетов».

* * *

Миновало бабье лето, с деревьев облетели последние листья, земля Сары-Арки покрылась снежным покрывалом. Группа Букетова, забыв о сне и отдыхе, подводила годовые итоги. Еще и еще раз проверялись сомнительные данные, уточнялись характерные параметры химических реакций. Словом, все старались, чтобы не краснеть на предстоящем обсуждении, чтобы не осрамиться перед московскими химиками. Докладчиком на совете должен был выступать сам Евней Арыстанулы.

Совет был назначен на 27 января 1984 года.

Тезисы доклада были уже готовы. Ебеке зачитал их перед своей группой, пригласив, как экспертов, некоторых коллег из ведущих лабораторий ХМИ. Засекли время, требующееся для доклада, уточнили цифры. Вроде бы получалось неплохо: за двадцать минут докладчик успевал разъяснить суть исследований; продемонстрировать образцы материалов, используемых в реакции ожижения, вплоть до первоначального сырья; и, конечно, пронумерованные пробирки с бензином и другими побочными нефтепродуктами — их, между прочим, набралось полных два ящика...

Когда все приготовления были закончены, Ебеке посетил поликлинику, где прошел основательный медосмотр, принял кое-какие общеукрепляющие лекарства и процедуры.

Buketov University
Created by free version of DocuFreeze

— А теперь, друзья мои, Болат, Мырзабек, Володя, считайте, что вы уже едете в Москву... Все складывается нормально. Я тоже собираюсь с вами, уговорил своего лечащего врача, разрешил-таки мне поехать. Только советует ехать заблаговременно, на 10—15 дней раньше, чтобы пройти адаптацию перед обсуждением. Наверное, так и сделаю, возможно, устроюсь в кардиологический центр, чтобы поддержать сердце. А потом вы приедете со всеми образцами... Бог даст, все будет о'кей, чувствую, мы вернемся с победой!.. Напоследок попрошу вас, ребята, воздержитесь от обильных застолий и хождений по гостям. Даже Новый год советую встретить поскромнее... Нам надо быть в Москве в хорошей форме... Почему-то я очень многого жду от этого обсуждения. Эх, проскочить бы без заминок, тогда четыре-пять лет подряд у нас не будет никаких забот, как сейчас. И мы выйдем на финишную прямую, возьмем курс на промышленные испытания!..

В конце первой декады декабря насос высокого давления, подающий на установку водород, неожиданно вышел из строя. Механик, вызванный из ХМИ, разобрал его и, вынув рассыпавшиеся детали, огорченно протянул:

— Все, Евней Арстанович, каюк насосу. Из него теперь ничего не выжмешь, самый главный узел полетел, это... как бы у человека сердце остановилось...

Академика словно кольнуло от нелепого сравнения рабочим парнем старого насоса с человеческим сердцем, он, тут же справившись с секундным замешательством, вытащил из нагрудного кармана авторучку и начал сочинять письмо.

Это коротенькое письмо, состоящее всего из четырех строк, которое сейчас демонстрируется в музее ученого (мы его привели в качестве эпиграфа в начале главы), стало последним в жизни Евнея Арыстанулы. По содержанию письма видно, что оно адресовано начальнику Карагандинского «Облтехснаба» А. С. Никонову, который всегда оказывал ему посильную техническую помощь.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

III

13 декабря Евней Арыстанулы проснулся рано. Еще не выходя из дома, он позвонил на квартиру Болата Ермаганбетова, трубку подняла его жена. «Дорогая Енлик, извини, что поднял тебя так рано, разбуди Болата. Сегодня мы собираемся пустить в эксплуатацию новый автоклав...» — объяснил он и вышел на улицу со своей собакой, внушительной и суровой на вид, пугавшей всех, кто видел ее даже издалека. Взяв ее на поводок, он стал прогуливаться. Дом, в котором жил ученый, находился на краю большого сада. Врачи его предостерегали: не гуляйте один, в последнее время даже ограничивали продолжительность утренних прогулок, просили ходить только вокруг дома. Придерживаясь их рекомендаций, он выбрал короткую тропу, длиной около ста метров с асфальтовым покрытием. В тот день он не отклонился от проторенной тропы. Прогуливаясь, ученый встретил соседского парня-студента. Приветливо поздоровавшись, проводил его до калитки сада. Потом встретил его брата, которого также проводил. Около восьми часов пошел домой.

Не дойдя до ступенек своего коттеджа три-четыре шага, он неожиданно схватился за сердце и упал в снег...

Первая бригада «скорой помощи», прибывшая через несколько минут, а затем и вторая констатировали, что его больное сердце остановилось навсегда.

Траурная процессия и похороны академика, доктора технических наук, профессора, лауреата Госпремии СССР, писателя Евнея Арыстанулы Букетова состоялись 15 декабря 1983 года. Приехали его ученики из нескольких областей Казахстана, верные друзья, соратники. Из Алма-Аты, Петропавловска, Чимкента, Туркестана, Жезказгана, Балхаша, особенно много друзей и знакомых — из Каркаралинска и Карагайлы. В траурной процессии участвовали тысячи студентов и представителей интеллигенции Караганды и Темиртау. Разумеется, было сказано много трогательных слов прощания с выдающимся ученым-писателем и Чело-

Buketov University

веком. Но никто из провожавших покойного в последний путь, пришедших на траурный митинг, по-своему сильно горевавших, не сказал вслух: «Почему мы не поддержали такого замечательного человека, как Евней Арыстанулы, когда он был жив, не сберегли? Его преследовали, унижали, в результате за последние три года он перенес три тяжелейших инфаркта. И теперь, когда его не стало, мы запоздало плачем. Да, жаль!..»

* * *

Когда трагическая весть о кончине Букетова дошла до В. И. Спицына, он, как говорят ученики Евнея Арыстанулы, не мог этому поверить. Его реакция была неадекватной: «А что мне делать без него, ведь 27 января на большом совещании химиков он должен был делать доклад. Кто может его заменить?», и повторял: «А что нам делать без него?» Эта патетическая фраза, произносимая известным академиком в минуты безутешного горя, означала, что без него, без лидерства Букетова, без его кипучего организаторского таланта программа ожижения угля в дальнейшем была обречена на провал. И этим отчаянным возгласом восьмидесятилетний ученый практически прощался с новым направлением в углехимии, чувствуя, что скоро идея получения дешевого бензина из бурых углей будет похоронена.

Дальнейшие события подтвердили предчувствие академика Спицына. Запланированные исследования без Е. А. Букетова тормозились во всех инстанциях. И в конце концов вовсе прекратились...

«Когда не стало Ебеке, нашлось много советчиков, очень желавших подключиться к этому делу, а некоторые, наверное, из-за зависти тайно вредили нам, — писал Болат Ермаганбетов автору этой книги. — Иные открыто говорили: "У вас ничего не выйдет. По сути, вы хотите заново изобрести велосипед..." Приходилось терпеть и понемногу продолжать опыты. Из преданных друзей Ебеке, которые нас морально поддержали, назову директора Карагандинского Института органического синтеза и углехимии Мурата Журинова. Он

Created by free version of 2PDF
Buketov University

постоянно подбадривал меня: "Не бросай на полдороге эту работу, ваше терпение со временем оправдается, добьетесь результатов — все дрязги забудутся..." Но для того, чтобы продолжать дело — нужны были средства, они находились в руках вышестоящего начальства по науке, а у него доверия и интереса к этому исследованию не было с самого начала... Потому нам, горсточке энтузиастов, пришлось выкручиваться по-всякому самим...»

Как видим, у группы Ермаганбетова теперь больше всего болела голова о том, как сохранить лабораторию, но и в этой отчаянной обстановке исследователи не опускали руки, старались довести испытания до создания полупромышленной установки, а там, рассуждали, уже будет видно, что делать...

«Через некоторое время В. И. Спицын меня пригласил в Москву, — писал Болат Ермаганбетов мне далее. — И сразу он начал с вопроса: "Почему затянул защиту докторской диссертации? Если нет среди вас вашего учителя, есть я, который остался верен заветам покойного Евнея Арстановича. До ста лет я не доживу. Поэтому, светоч мой, поторопись с защитой!.. Ради памяти дорогого Еке я для тебя все сделаю!" — так меня великодушно поддержал Виктор Иванович. Между прочим, сам он ходил с костылем, ему ампутировали одну ногу из-за тромбов сосудов. Эти слова благожелательного старца меня глубоко взволновали и заставили задуматься. Не только задуматься, но и активно сражаться за свое дело! Оказывается, проведенных нами опытов, давших положительные результаты, было достаточно, чтобы смело идти на защиту, что было и сделано мною...»

Б. Т. Ермаганбетов лишь через десять лет после смерти своего наставника, в 1993 году, на ученом совете Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева защитил докторскую диссертацию по теме «Ожижение угля водородом». По его следам пошли и другие, кого Евней Арыстанулы привлек к этим исследованиям, — Мырзабек Байкенов (через несколько лет он также стал доктором наук), Владимир

Buketov University
Created by free version of 2PDF

Хрупов защитил кандидатскую диссертацию, и таких было много. Таким образом, научный рост последователей Е. А. Букетова был налицо: кто стал доктором, кто кандидатом наук. В итоге ими за свои разработки по этой теме было получено 13 авторских свидетельств. А что касается самого получения дешевого бензина из бурых углей, приходится признать, что воз и ныне там*...

Удачно развернутые исследования по ожижению угля заглохли в начальной стадии. Почему так случилось? Кто виноват в том, что перспективное дело не пошло и не нашло истинных продолжателей после смерти академика Е. А. Букетова? Виноватых много, разбирать причины случившегося — долго и бесполезно, все же скажем: слабыми оказались его последователи, у них не хватило настойчивости и упорства, решимости идти до конца; кроме того, они попали в безжалостные жернова рыночной экономики; в конце 1994 года из 15 сотрудников, занимавшихся ожижением угля, осталось лишь 4 человека, и те по нескольку месяцев сидели без зарплаты. Можно ли было их обвинить в бездействии?..

IV

Осенью 1984 года мне домой позвонил из Караганды Камзабай Арыстанулы:

— Медеке, если вы будете дома, я бы хотел приехать к вам. У меня к вам есть большой разговор, хочу посоветоваться по некоторым вопросам...

— Приезжайте, Камза-еке, буду ждать, — пригласил я.

Родной брат Ебеке прилетел в Семипалатинск в субботу. Встреча наша произошла в моей квартире. Поговорили от души.

---

* Ради справедливости отметим: ученики Е. А. Букетова давно проектировали опытный завод для получения нефтепродуктов из Шубаркульского месторождения углей, но из-за отсутствия правительственной поддержки благие намерения остались на бумаге...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

— У Евнея осталось огромное наследие. Только литературные труды потянут на несколько томов. Что с ними делать? Может быть, вы дадите дельный совет?

Я не стал юлить и сказал напрямик:

— Камза-еке, рановато вы забеспокоились, время Ебеке еще не наступило. Но оно вот-вот придет, и тогда все проблемы, о которых вы сейчас говорили, решатся сами по себе. Мой совет вам: никуда не ходите, никто вам сейчас не поможет!.. Ничего не добьетесь, только напрасно будете трепать нервы, а вам надо жить да жить и за себя, и за Ебеке. Вам предстоит увековечить память о родном брате, дорогом всем нам человеке... Агай, те, кто преждевременно отправил его в сырую и холодную могилу, еще имеют силу и власть, они все еще не насладились мщением, и время пока работает на них. Я их немного знаю, поэтому советую вам: поостерегитесь...

— Выходит: кто задницу прижал, тот и бай!.. Нет, это не по мне... — распалился Камза-еке. — Как же мне сидеть сложа руки возле теплой печки?

— Другого выхода нет, Камза-еке. Вот вам наглядный и печальный пример: до сих пор не издан на казахском языке мой «Сатпаев». И я жду с нетерпением смены власти. Такое тяготеет над нами проклятие... Но мы не будем тихо сидеть на печи: все наследие Ебеке надо систематизировать и готовить к переизданию. На это занятие уйдет примерно год. Все его литературные труды, отпечатанные на машинке, и список тех, что остались в рукописях, доставьте мне в Семипалатинск. Все это я приведу в порядок. Это мой долг перед памятью учителя!.. А научные труды передайте его ученикам-ученым из ХМИ, пусть они тоже там поработают. В общем, все его наследие надо подготовить к изданию...

Вроде бы уговорил гостя, он улетел на следующий день.

По приезде он отправил увесистую посылку, в которой были упакованы все литературные труды покойного. И я сразу же начал их сортировать: в первую очередь отобрал — «Шесть писем другу», «Святое дело

Buketov University

Чокана», «Человек, родившийся на верблюде, и его сверстники», очерки — всего набралось примерно на три тома; во вторую стопку отложил художественные переводы произведений Маяковского, Есенина и других русских поэтов, также и драм Шекспира, литературно-критические статьи, публицистику и рассказы — на полных два тома; и, наконец, я собрал его незаконченные произведения — такие как «Детские годы Каныша», казахский вариант «Жас Каныш», многое было написано от руки и нуждалось в редактировании — набирался почти полный том... Продержав рукописи в Семипалатинске полгода, составил перечень всех литературных трудов, на титульных листах каждого произведения указал: какие заново перепечатать на машинке, какие уже готовы для издания. Все это тем же путем отправил в Караганду.

К счастью, вскоре произошло одно необычное событие, которое всем дало понять, что недалек уже тот день, когда наступит праздник для всех букетовцев...

Виталий МАЛЫШЕВ. «Поступью командора и пророка»:

«Стена молчания все-таки рухнула, и произошло это за месяц до всеобщей оттепели, а точнее сказать, ломки, названной перестройкой, после поворотного апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Правда, в Казахстане еще ничего не изменилось. В марте еще была зимняя стужа не только в климатическом, но и политическом отношении. Но именно в марте исполнилось 60 лет со дня рождения Е. А. Букетова, и пропустить это событие незамеченным было просто невозможно, тем более по прошествии уже полутора лет после его смерти — у нас (и в библейской старине) установился чуть ли не привычный порядок своеобразного воскрешения невинно погибших.

Видимо, в предчувствии серьезных перемен редакция "Индустриальная Караганда" решила заказать нашему институту статью о Е. А. Букетове. За два дня до юбилея меня вызвал директор института Ж. Н. Абишев и сказал об этом. Я всполошился — всего день-два на такое ответственное дело и после стольких лет молчания, но

Created by free version of 2PDF
Buketov University

и обрадовался, даже как-то воспарил мыслью. Наверное, это мне помогло успеть сделать к сроку, и, когда статья была готова, я принес ее Жанторе Нурлановичу, тем более, что я подписал статью его и своей фамилиями. Он внимательно прочитал статью, по обыкновению немногословно сказал что-то одобрительное и добавил: "Может, не надо мою фамилию?" Я ответил, что статью написал от имени учеников, и тут одному быть просто неудобно, к тому же будем подписываться без титулов. Он согласился. Газета вышла 22 марта, за день до юбилея, с двумя фотографиями Евнея Арстановича — одна на первой странице (анонс), вторая, более крупная — на третьей странице, с соответствующими по объему текстами. Статья получила большой резонанс, наверное, из-за неожиданности подобной публикации, а может быть, и из-за того, что этого долго ждали».

Нам осталось подчеркнуть громкое название этой первой ласточки: «Ученый, художник, гражданин». Но надо отметить, что через день, то есть в день рождения Евнея Арыстанулы, 23 марта 1985 года в областной казахской газете появилась еще одна статья, по объему ничуть не меньшая, чем предыдущая (авторы — профессор Д. А. Шаймуханов и историк З. Утемисов, оба преподаватели КарГУ). Между прочим, этой публикации предшествовало еще одно неординарное событие: на имя первого секретаря Карагандинского обкома КП Казахстана поступило групповое заявление, подписанное учеными-педагогами КарГУ, где они настоятельно требовали торжественно отметить 60-летний юбилей академика Е. А. Букетова; кроме того, в те дни у А. Г. Коркина побывали известный государственный деятель Н. Д. Ундасынов, специально приехавший из Москвы к юбилею своего зятя и его брат К. А. Букетов, они тоже просили первого руководителя области дать соответствующее разрешение на проведение юбилея покойного ученого. К чести Александра Гавриловича, с присущей ему смелостью, он не стал согласовывать этот щепетильный вопрос с ЦК КП Казахстана и четко заверил ходоков: «Академик Буке-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

тов вполне заслуживает такого торжества, все сделаем, как подобает...» И закрутились юбилейные мероприятия. Однако конкретные организаторы их, видимо, решили, на всякий случай, не засвечиваться: торжественное собрание общественности провели в маленьком зале ХМИ, вмещавшем всего 250 человек, где в 1983 году было устроено прощание с телом покойного. Ясно, что не все, кто хотел присутствовать на 60-летнем юбилее своего кумира, туда попали...

Между тем круг единомышленников и почитателей таланта Евнея Букетова уже не дремал, как в былые застойные времена. Отрадным фактом стало открытие на его могиле надгробного памятника из монолитного гранита (автор — карагандинский скульптор Ю. В. Гуммель). Следует отметить, что большую долю расходов на памятник взял на себя Совет министров Казахской ССР (документ об этом за подписью тогдашнего председателя Совета министров Н. А. Назарбаева хранится в музее ученого), часть оплатил литературный фонд Союза писателей Казахстана. А недостающую сумму собрали его ученики из ХМИ, пустив шапку по кругу... Чуть раньше коллективы ученых и студентов ХМИ, КарГУ и Центрально-Казахстанского отделения Академии наук Казахской ССР направили совместное обращение в ЦК КП Казахстана, там были предложения об увековечении памяти академика Е. А. Букетова, о присвоении его имени средней школе, где он учился, и одной из улиц на родине — в Караганде и Петропавловске. В письме также поднимался вопрос об установлении мемориальной плиты на здании ХМИ. Предложения были очень скромными, сочинители обращения явно старались лишними просьбами не раздражать высокое начальство...

Обращение многотысячного коллектива, как следовало ожидать, осталось без ответа. Мало того, некий самодержец из «Большого дома» раздраженно и цинично высказался по поводу этого обращения: «Каждому академику или каждому члену Союза писателей, ушедшему из жизни, мы не можем раздавать по улице или школе. Вообще, не надо людей приучать к такого рода

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ходатайствам...», и областному начальству было указано спустить дело на тормозах... И всем стало понятно: отношение к имени и заслугам покойного Е. А. Букетова пока остается без изменений, надежды и радости его единомышленников были преждевременны.

«После этого опять наступила тишина на длительное время, я упорно трудился над приведением в порядок и подготовкой к изданию его литературных трудов, подготовив их с помощью знающих людей, начал ходить с толстыми папками по кабинетам, но поддержки ни у кого не нашел...» — рассказывает Камзабай Арыстанулы в своих воспоминаниях «Друг мой, брат мой».

Прошло два года. В декабре 1986 года сменилось политическое руководство республики. Смена произошла не гладко. В разных местах общественность Казахстана проявила неожиданную активность: накопившиеся за многие годы проблемы выплеснулись на улицы; народ пришел в движение, спрятанные в надежных хранилищах архивы приоткрылись, незаслуженно и несправедливо забытые национальные деятели были реабилитированы. Наступило время гласности, всеобщего прояснения памяти и пробуждения народа от долгого сна...

Одним из первых почувствовал явные приметы духовного возрождения автор этой книги. В феврале 1987 года я поехал в Алматы, взяв с собой рукопись своего «Сатпаева» на казахском языке, лежавшую в моем письменном столе с осени 1975 года, когда был рассыпан набор. Я пришел к директору издательства «Жалын» Сейдахмету Бердикулову, писателю, с которым был хорошо знаком, и спросил его, что делать с моей отвергнутой книгой.

— После издания твоего «Сатпаева» в Москве прошло несколько лет, наверное, есть у тебя свежие факты, которыми ты хочешь дополнить книгу. Не откладывая, заново просмотри свою рукопись. Когда закончишь, вези ее ко мне. Медеу, я знаю твои мытарства и твою книгу без сокращений, в полном, обнов-

Buketov University

ленном объеме выпущу в свет в следующем году! — заявил издатель. — И не нужно тебе ходить по инстанциям, считай, время твое наступило...

Это были слова, которых я ждал целых тринадцать лет, если вести счет с 1975 года. Почувствовав ветер перемен, я сразу же завел речь о тяжелой судьбе книг Евнея Букетова.

— Медеу, хорошо, что ты вспомнил об этом необыкновенном человеке. Покойного Ебеке я знал, сколько он пережил в последние годы своей жизни... Есть ли у него готовые к публикации произведения? Приступим к изданию немедленно! — так Сейдахмет быстро отреагировал на мою просьбу, даже выразил чисто писательское нетерпение.

— Спасибо, Саке! Через три дня рукописи Ебеке будут на вашем столе. О, это будет нашумевшая в свое время и печально известная его повесть «Шесть писем другу»... — Потом назвал еще три произведения покойного писателя, добавив, что все они давно отпечатаны на машинке, их хоть сейчас засылай в набор.

— Вот это конкретный разговор.

В тот же вечер я сообщил по телефону Камза-еке долгожданную весть:

— Пришел час Ебеке! Теперь действуйте смело! Все литературные труды его будут изданы... — Брат ученого, услышав такое сногсшибательное известие, сразу не поверил:

— Медеке, это правда? Если тот человек, о котором вы говорите, берется все напечатать, — значит, он наш друг, крепкого здоровья ему! Я привезу ему все, что он просит... — Камзабай Арыстанулы повторял одни и те же слова по нескольку раз. Оказывается, и радость тоже выбивает любого из равновесия, подумал я, положив трубку.

О том, что произошло в то лето, уже известно читателю. Об этом также подробно рассказано в книге воспоминаний К. А. Букетова «Друг мой, брат мой». Повторяться нет смысла. Но надо сказать, издание

Created by free version of 2PDF

научных и литературных трудов Е. А. Букетова происходило гораздо медленнее, чем мы предполагали. Сказывалось и свойственное только нашему народу безразличное отношение к собственным «ньютонам». Вдобавок ко всему на ключевых руководящих местах по-прежнему уютно сидели те же люди времен «застоя» или же их единомышленники, когда-то устраивавшие Евнею Арыстанулы всевозможные провокации. Они же как могли вредили и дальше.

Но у жизни своя диалектика: как реку не заставишь течь вспять, так и прошлое не вернешь обратно. Время идет только вперед, и оно уже работало на Букетова.

Во многих периодических изданиях появились воспоминания о нем. В них освещалась многогранная деятельность ученого, отмечались его особые заслуги в зарождении и развитии новой науки — химии халькогенов и халькогенидов, живо и задушевно рассказывалось о том, как создавались и при каких обстоятельствах его литературные произведения... Тем не менее во всех публикациях о Букетове заметны были еще сдержанность, недосказанность, авторы воспоминаний обходили острые углы, не касались последних лет жизни, будто не было на него ни наветов, ни гонений, ни негласного запрета называть его имя.

Крутой перелом произошел лишь летом 1988 года. Авторы воспоминаний вдруг прозрели, да и редакторы изданий уже как бы соревновались между собой, ратуя за правду. Причины неожиданной открытости объяснялись просто: первый секретарь ЦК КП Казахстана Нурсултан Абишулы Назарбаев не единожды, а дважды, первый раз в газете «Казахстанская правда» за 5 июля 1988 года, а потом на страницах «Правды», главного печатного органа ЦК КПСС, высказал свои думы об академике Букетове без оглядки и довольно резко. И его слова о том, что «с чувством неизбывной вины... дорогое имя Евнея Букетова возвращаем народу», по нашему разумению, стали призывом ко всем, кто хотел выразить свое истинное отношение к Е. А. Букетову и его наследию...

Buketov University

ленном объеме выпущу в свет в следующем году! — заявил издатель. — И не нужно тебе ходить по инстанциям, считай, время твое наступило...

Это были слова, которых я ждал целых тринадцать лет, если вести счет с 1975 года. Почувствовав ветер перемен, я сразу же завел речь о тяжелой судьбе книг Евнея Букетова.

— Медеу, хорошо, что ты вспомнил об этом необыкновенном человеке. Покойного Ебеке я знал, сколько он пережил в последние годы своей жизни... Есть ли у него готовые к публикации произведения? Приступим к изданию немедленно! — так Сейдахмет быстро отреагировал на мою просьбу, даже выразил чисто писательское нетерпение.

— Спасибо, Саке! Через три дня рукописи Ебеке будут на вашем столе. О, это будет нашумевшая в свое время и печально известная его повесть «Шесть писем другу»... — Потом назвал еще три произведения покойного писателя, добавив, что все они давно отпечатаны на машинке, их хоть сейчас засылай в набор.

— Вот это конкретный разговор.

В тот же вечер я сообщил по телефону Камза-еке долгожданную весть:

— Пришел час Ебеке! Теперь действуйте смело! Все литературные труды его будут изданы... — Брат ученого, услышав такое сногсшибательное известие, сразу не поверил:

— Медеке, это правда? Если тот человек, о котором вы говорите, берется все напечатать, — значит, он наш друг, крепкого здоровья ему! Я привезу ему все, что он просит... — Камзабай Арыстанулы повторял одни и те же слова по нескольку раз. Оказывается, и радость тоже выбивает любого из равновесия, подумал я, положив трубку.

О том, что произошло в то лето, уже известно читателю. Об этом также подробно рассказано в книге воспоминаний К. А. Букетова «Друг мой, брат мой». Повторяться нет смысла. Но надо сказать, издание

Created by free version of 2PDF

научных и литературных трудов Е. А. Букетова происходило гораздо медленнее, чем мы предполагали. Сказывалось и свойственное только нашему народу безразличное отношение к собственным «ньютонам». Вдобавок ко всему на ключевых руководящих местах по-прежнему уютно сидели те же люди времен «застоя» или же их единомышленники, когда-то устраивавшие Евнею Арыстанулы всевозможные провокации. Они же как могли вредили и дальше.

Но у жизни своя диалектика: как реку не заставишь течь вспять, так и прошлое не вернешь обратно. Время идет только вперед, и оно уже работало на Букетова.

Во многих периодических изданиях появились воспоминания о нем. В них освещалась многогранная деятельность ученого, отмечались его особые заслуги в зарождении и развитии новой науки — химии халькогенов и халькогенидов, живо и задушевно рассказывалось о том, как создавались и при каких обстоятельствах его литературные произведения... Тем не менее во всех публикациях о Букетове заметны были еще сдержанность, недосказанность, авторы воспоминаний обходили острые углы, не касались последних лет жизни, будто не было на него ни наветов, ни гонений, ни негласного запрета называть его имя.

Крутой перелом произошел лишь летом 1988 года. Авторы воспоминаний вдруг прозрели, да и редакторы изданий уже как бы соревновались между собой, ратуя за правду. Причины неожиданной открытости объяснялись просто: первый секретарь ЦК КП Казахстана Нурсултан Абишулы Назарбаев не единожды, а дважды, первый раз в газете «Казахстанская правда» за 5 июля 1988 года, а потом на страницах «Правды», главного печатного органа ЦК КПСС, высказал свои думы об академике Букетове без оглядки и довольно резко. И его слова о том, что «с чувством неизбывной вины... дорогое имя Евнея Букетова возвращаем народу», по нашему разумению, стали призывом ко всем, кто хотел выразить свое истинное отношение к Е. А. Букетову и его наследию...

Buketov University

Думается, эти слова были произнесены Нурсултаном Абишулы не по наитию, не случайно, не ради красного словца и не ради только осуждения нелепых поступков бывшего руководства республики. Во время работы в Темиртау плавильщиком, в пору начала своей рабочей биографии он много слышал о необыкновенном ученом-металлурге из казахов. А потом, будучи секретарем парткома Кармета и Карагандинского обкома партии, он еще ближе узнал Букетова как крупного ученого, вносящего большой практический вклад в развитие металлургии Казахстана. Тем более именно в те годы Евней Арыстанулы был вхож во все кабинеты областных руководителей, его ценили и как самобытного писателя. А ХМИ, где он был первым руководителем, уже выходил на передовые позиции среди научно-исследовательских институтов страны. Ясно же, встретиться с известным академиком, к тому же умным, тонким писателем, поговорить с ним не только о производстве, науке и жизни, но и на отвлеченные темы — представляло немалый интерес для растущего, набирающего опыт молодого партийного вожака. Разумеется, эти встречи оставляли неизгладимое впечатление в душе у Нурсултана Абишулы (а мы знаем, каким был Евней Арыстанулы собеседником — знающим, живым и зажигательным)...

Именно потому Н. А. Назарбаев, зная тогдашнюю обстановку не понаслышке, назвал в своем интервью Е. А. Букетова в числе безвинно пострадавших, ему ведь хорошо были известны все нюансы грязных интриг, направленных против непокорного и гордого ученого, знавшего себе цену. И, конечно, стремился исправить допущенную не по его вине несправедливость.

Дальнейшие события: принятие без задержек решения об установлении надгробного памятника на могиле Е. А. Букетова и горячее одобрение последующих мероприятий, направленных на увековечение имени ученого, также объясняются этим обстоятельством. И в самом деле, почему не вознести его на пьедестал славы, не оценить, наконец, по достоинству его замеча-

Created by free version of 2PDF

тельный труд на благо республики? И почему одного из верных сыновей народа суверенного, свободного Казахстана не ставить в пример новому поколению? Нет, негоже не признавать его заслуг, тем более прежнее руководство, как прикованного Прометея, бросившего вызов богам, обрекло его на бесконечные мучения, не давая талантливому ученому развернуться во всю свою богатырскую силу...

В результате личного вмешательства и активной поддержки Н. А. Назарбаева, надо признать очевидное, взгляд казахстанской общественности на научное наследие Е. А. Букетова круто изменился — его признали истинным соратником К. И. Сатпаева, продолжателем его великого дела.

«Безусловно, эти высказывания первого руководителя республики Нурсултана Абишевича оказали неоценимую помощь в деле возвращения доброго имени моего брата и восстановления его памяти в народе, и за это от имени родных и близких Евнея, за его справедливость и человечность хочу сказать ему огромное спасибо!» — пишет в воспоминаниях «Друг мой, брат мой» Камзабай Арыстанулы.

31 января 1991 года было подписано постановление Кабинета министров Казахской ССР о присвоении имени Е. А. Букетова средней школе № 2 Шалакинского района Северо-Казахстанской области и улице, где находится эта школа; и в том же году Петропавловский горсовет присвоил имя ученого-земляка областной технической библиотеке и одной из центральных улиц города. Карагандинцы также не остались в долгу перед памятью Евнея Арыстанулы: у входа в новый корпус ХМИ была установлена мемориальная доска с барельефом ученого (автор Ю. В. Гуммель), еще одна такая мемориальная плита закреплена на стене дома по улице Фурманова в Алматы, где проживала семья Букетовых...

А главные и более значительные мероприятия, которых с нетерпением ждала общественность республики, были впереди. В 1990-е годы в республике образовалась группа энтуазистов, которые поставили себе

Buketov University

цель: добиться присвоения имени ученого государственному университету, где Е. А. Букетов проявил себя как большой организатор и ученый-педагог. Настойчивые и последовательные обращения этой группы в вышестоящие инстанции поддержал 15-тысячный коллектив университета, они нашли горячий отклик в стенах Академии наук Казахстана, в Союзе писателей республики, Карагандинском облисполкоме, а в периодической печати республики, в передачах телевидения и радиовещания все чаще стали выступать ученые, писатели, общественные деятели, заслуженные пенсионеры, также одобряя эту инициативу. Эти выступления продолжались в течение полутора лет. И всем стало понятно, что такой вопрос явно назрел и постановка его является закономерной.

Постановлением правительства республики от 16 августа 1991 года Карагандинскому государственному университету было присвоено имя академика Е. А. Букетова, основателя этого высшего учебного заведения. В таких случаях в народе всегда говорят: что должно было случиться — случилось, справедливость восторжествовала!..

Затем последовало и второе, немаловажное по своему значению событие: на втором этаже бывшего главного корпуса КарГУ, находящегося по улице Гоголя, дом 38, где был рабочий кабинет ректора, в котором Евней Арыстанулы проработал восемь лет, обширная приемная и комната отдыха с большой прихожей были переоборудованы, и там уже более 15 лет действует мемориальный музей ученого; немногочисленные сотрудники музея во главе с его братом К. А. Букетовым, человеком уже преклонного возраста, но все еще неугомонным и беспокойным, проводят огромную воспитательную работу. Народная тропа сюда, думается, никогда не зарастет.

Добрым знаком стало и проведение, начиная с 1995 года, мероприятий, посвященных 70 и 80-летию со дня рождения Е. А. Букетова. На них воздается должное памяти юбиляра, его научным заслугам. Эти мероприятия с успехом проводились в КарГУ и ХМИ, а также

Created by free version of 2PDF
Buketov University

на родине Е. А. Букетова, в аудиториях Северо-Казахстанского госуниверситета в марте 2005 года. Я это подтверждаю как неизменный участник этих юбилейных собраний. Но признаюсь, во всех случаях в душе оставалась все-таки горечь: почему этого не говорили, не чествовали его, когда Евней Арыстанулы был жив, размашисто шагал рядом, почему же?.. Да, нечего нам в оправдание сказать: опоздали мы с его признанием!..

«Мы — не молчим,
Хоть нет нам оправданья...
Но прошлое таланта — не мертво:
Ты, как Сатпаев,
Заслужил признанье
Посмертно.
У народа своего...» —

было сказано в «Реквиеме Евнею Букетову» известного поэта Какимбека Салыкова.

Поэт, создавший этот «Реквием» в 1991 году, в дни присвоения Карагандинскому госуниверситету имени его основателя, словно в воду глядел. Теперь же, когда писались последние главы этой книги, мы с Какимбеком Салыкулы вместе приехали в Караганду на открытие памятника покойному ученому. Это произошло 12 декабря 2006 года, в 12 часов дня. Находясь среди многих тысяч участников митинга, я размышлял: с той поры, как Евней Арыстанулы не по своей воле покинул территорию «Университетского городка», где сейчас высится первый корпус КарГУ и воздвигнут бронзовый монумент Е. А. Букетову местным скульптором А. П. Билыком, прошло ровно 27 лет. И теперь, по воле Всевышнего, на радость его соратникам и единомышленникам, тысячам поклонников его могучего таланта, он снова вернулся сюда. Вернулся навсегда, как говорят у казахов в таких случаях, победителем на белом коне!.. Не парадокс ли? Да, парадокс, мало того, ирония судьбы! Хотелось бы спросить: где же его гонители, им-то не ставят памятников, даже не вспоминают о их днях рождения, не собираются отмечать их юбилеи. Тоже своего рода парадокс, только уж в обратном смысле...

Buketov University

Created by free version of 2PDF

И еще я подумал в те минуты ожидания у величественного монумента на университетской площади, что мы по сути приравняли Евнея Букетова к великому сыну и гордости земли казахской Канышу Сатпаеву. Слава тебе, мой наставник, незабвенный Ебеке! Быть тебе и стоять здесь вечно!..

И вот мы, Какимбек Салыков — автор «Реквиема» и я — автор этой книги, под торжественную мелодию гимна Республики Казахстан сняли белое покрывало с памятника. Грянула музыка, рукоплескания не менее десяти тысяч людей ознаменовали исторический миг всенародного торжества.

Перед нами во всей красе и мощи, в полный рост предстала гигантская фигура знакомого всем нам Евнея Арыстанулы (высота памятника около семи метров, он установлен на небольшом пьедестале из красного мрамора. Сама фигура ученого возвышается на пять метров). В левой руке Евней Арыстанулы держит книгу, кажется, чьи-то стихи, а правой опирается на мраморную плиту, где изображена часть менделеевской таблицы элементов (отчетливо видны обозначения латынью галогенной группы — S, Se, Te...). Одет он в легкую накидку-пешмет, полностью распахнутую, видимо, это сделано для того, чтобы создать у зрителей ощущение стремительного движения вперед. Большая голова ученого слегка откинута назад. Взгляд задумчив и суров — все до боли знакомое, букетовское. В нем счастливо сочетались физическая мощь и мягкость, высокая нравственность и человечность, крайняя ранимость и несгибаемое мужество.

Скульптор сумел передать букетовский характер. В жизни Евней Арыстанулы был открытым, порою немного наивным, но по-своему упрямым и непокорным человеком. Он с презрением относился ко всякой лжи, никогда не терпел фальши в жизни, его всегдашняя готовность сражаться за справедливость, идти в бой ради науки — все это нашло воплощение в холодной бронзе памятника. Не знаю, как другим, но мне памятник понравился. Е. А. Букетов словно вернулся к

Created by free version of 2PDF
Букетов University

нам, как живой с живыми говоря. Спасибо Анатолию Петровичу Билыку, остановившему мгновение!

Этот час счастливой встречи с незабвенным Евнеем Арыстанулы для всех, приехавших из Астаны, Алматы, Павлодара, Петропавловска и Семипалатинска, стал поистине волнующим! Этот день для нас превратился в настоящий праздник, мы воочию видели торжество справедливости и победы правды над злом. Спасибо всем, кто принял участие в этом торжестве и кто оказал содействие в этом деле!..

* * *

Дело ákадемика Е. А. Букетова живет в его учениках. Научная школа, выпестованная им, шагнула в XXI век. Литературные произведения Е. А. Букетова вошли в национальный золотой фонд. Они уже изданы в шести томах, те, что еще не дошли до народа, — в ближайшие годы станут его достоянием...

И, думается нам, творения талантливого ученого будут долго служить обновленной Родине, он давно уже вошел в историю своей страны, его устремленная к облакам мощная бронзовая фигура — символ наших научных достижений, сегодняшних и будущих. Он останется Человеком на все времена!

Караганда — Алматы — Семипалатинск,
2003—2006 годы

Buketov University

Created by free version of 2PDF

Created by free version of 2PDF

Buketov University

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Оглядываясь назад с высоты нынешних моих семидесяти с лишним лет, я отчетливо вижу начало своей жизни, когда я семнадцатилетним юношей из глухого казахского аула в 1953 году приехал в вечно зеленую красавицу Алма-Ату и поступил в КазГМИ (ныне КазНТУ, носящий имя К. И. Сатпаева, Казахский национальный технический университет), на металлургический факультет. В те студенческие годы состоялось мое знакомство с доцентом нашего факультета Евнеем Букетовым. Несмотря на разницу в возрасте в целых одиннадцать лет, а в молодые годы это особенно заметно, мы быстро сблизились. Сдружила нас, как ни странно, неодолимая тяга обоих к литературе. Блистательно начавший свою научную карьеру молодой, статный и красивый преподаватель естественно стал моим кумиром. Оставаясь верным науке, Ебеке в те годы весь жар своего сердца отдавал поэзии, литературной критике. Как бескомпромиссного критика его ценили, боялись, мало того, за ним охотились многие маститые литераторы, чтобы именно он высказался о

их произведениях на страницах периодической печати. А я, увлекающийся литературой и начинающий писать студент, ясно же, чем-то старался походить на него...

Евней Арыстанулы стал большим ученым, а я — инженером-металлургом. Хотя мы жили в разных городах Казахстана, наши пути постоянно пересекались. Мы оба вступили на тернистый писательский путь, состояли в одном творческом союзе. Наши творческие замыслы в 70-е годы прошлого столетия по созданию в литературе образа легендарного народного академика К. И. Сатпаева уже неслучайно совпали. И мы оставались при разработке этой сложной темы единомышленниками, помогали и советовались друг с другом и, конечно, оба желали скорее завершить задуманное. Но, увы! Безжалостная система, которая управляла нами долгие годы в лице отдельных власть предержащих, не давала нам по-настоящему развернуться. Образно говоря, мы были связаны по рукам и ногам. В результате мы оба, в самые плодотворные периоды своей творческой жизни, вынуждены были скрепя сердце, каждый по-своему, искать способа, как вырваться из опутавшей нас паутины. В общем, мы оказались «друзьями по несчастью»...

Все перипетии нашей борьбы уже знакомы читателю. Но скажу, здесь еще было и другое: общая беда, постигшая нас, способствовала росту взаимопонимания. Наши взгляды на многие явления в жизни совпали, и, что важно, они выдержали трудные испытания, выпавшие на нашу долю. Именно этим объясняется мое активное участие в увековечении научных и литературных заслуг незабвенного, дорогого всем нам академика Евнея Арыстанулы Букетова, слишком рано покинувшего нас. К счастью, можно сказать, что почти все наши задумки уже осуществлены. В родном Казахстане признали Е. А. Букетова выдающимся ученым и оригинальным творцом художественного слова! Ему уже возданы подобающие почести.

И когда в начале 2003 года я получил предложение от его родного брата Камзабая Арыстанулы написать

Buketov University

Created by free version of 2PDF

документальную книгу о моем наставнике-устазе, у меня не оказалось доводов, чтобы отказать уважаемому аксакалу. Я попросил его доставить в Семипалатинск весь архив ученого, особенно все его письма, воспоминания о нем, научные и литературные труды, даже рукописи неизданных трудов. Что было сделано незамедлительно.

Как только я приступил к первым главам документального повествования, определенного мною как роман-эссе, все события, пережитые мною в молодые годы, все встречи мои с Евнеем Арыстанулы предстали передо мною как наяву. В процессе работы пришлось отбирать факты, события, отсеивать самые важные. У меня не было проблем, трудностей, даже боязни, что я не справлюсь с поставленной задачей, как было это, скажем, во время работы с аналогичной сатпаевской темой. Словом, «Евней Букетов» писался легко и быстро. Короче говоря, к 80-летнему юбилею со дня рождения Е. А. Букетова, который широко отмечался в Алматы, Караганде и Петропавловске в марте 2005 года, издательство «Казахстан» (владелец — известный журналист Нурмахан Оразбек) сумело его издать. Все расходы по изданию книги оплатил Национальный центр по комплексной переработке минерального сырья Республики Казахстан (генеральный директор академик А. А. Жарменов, питомец Е. А. Букетова по ХМИ). Отрадно, что по обоюдному согласию все две тысячи экземпляров 500-страничной книги мы раздали бесплатно участникам юбилейных мероприятий.

Жизнь тем и интересна, что она полна неожиданностей. Как бы в отместку за то, что живому герою моей книги, таланту-самородку Евнею Арыстанулы не давали в последние годы опубликовать ни одной строчки из его трудов, «Евнея Букетова» астанинское частное издательство «Фолиант» в 2005—2006 годах дважды выпустило в свет — в первый раз в своей серии «*Нартұлға*» («Прославленные личности»), во второй раз — включив в мои избранные сочинения в шести томах. Ясно, последние издания осуществлялись с учетом спроса читателей. Определяющим фактором яви-

Buketov University

Created by free version of 2PDF

лось громкое имя Е. Букетова. Выдающийся сын своего народа предстал перед непосвященными читателями да и молодым поколением казахстанцев в ореоле героя и мученика. Конечно, сказалось и то, что научная школа, созданная ученым, сегодня в расцвете сил, внедряемые ею в металлургию Казахстана новшества, между прочим, уже приносят значительную прибыль, исчисляемую десятками миллионов долларов США... И все это в совокупности, так мне кажется, сделало популярными издания «Букетова» на казахском языке и породило идею написать эссе на русском языке.

Таким образом, мне пришлось снова взяться за эту тяжелую работу. Хочу оговориться, что я не стал делать дословный перевод всего написанного ранее, как и при втором и третьем издании эссе, текст местами сокращен или дополнен новыми фактами из жизни Евнея Арыстанулы, ставшими мне известными после первой публикации.

Теперь выскажу несколько своих суждений, которые обязательны для данного издания:

первое, дотошный читатель здесь, безусловно, обнаружит разное написание отчества героя — Арыстанулы, впрочем, это слово так пишется по-казахски, исказить его при употреблении на русском языке я не мог (любое искажение воспринимается как неуважение к национальности). Но я, приняв во внимание замечания моих рецензентов и просьбу родного брата ученого, в диалогах, письмах и документах оставил отчество таким, каким оно было записано в паспорте, — Арстанович;

второе, мною в процессе написания эссе были использованы многие письменные свидетельства и воспоминания, все они были неотредактированными, в них зачастую повторялись факты, события. Мне пришлось при внесении их в текст книги редактировать, сокращать, конечно, сохраняя при этом основные мысли авторов. Тем не менее я выражаю всем своим корреспондентам искреннюю благодарность за ценные сведения! Все они помогли мне постичь всю глубину натуры моего героя;

Created by free version of 2PDF

Buketov University

третье, во время работы над казахским и русским текстами мне пришлось не раз выезжать в Караганду, Алматы, чтобы получить научные консультации у авторитетных ученых, соратников Е. А. Букетова. Всем им, особенно первым руководителям ХМИ и КарГУ — М. Ж. Толимбекову и Е. К. Кубееву, организаторам всех моих встреч, от души помогавшим в этом деле, я выражаю свою признательность и истинную благодарность, именно с их помощью я смог завершить эту работу. Особую симпатию и искреннюю благодарность хотел бы выразить профессорам Таисии Тимофеевне Савенко и Виталию Павловичу Малышеву — они прочитали текст книги в рукописи и, конечно, высказали много дельных и ценных замечаний, которые были учтены мною и внесены в окончательный текст «Трагедии светлой судьбы». Разумеется, самый низкий поклон — вдохновителю создания документального жизнеописания Евнея Арыстанулы как на казахском, так и на русском языке — Камзабаю Арыстанулы Букетову, хотя не во всех вопросах мы с ним были солидарны... Кстати, тут уж наши разногласия закономерны и понятны: Камза-еке требовал от меня абсолютной точности при описании любого события или факта; а я, как писатель, смотрел на это со своей позиции, отстаивая право на художественное отображение...

и последнее, это касается заголовков глав: они необычны и зарифмованы, а те, которые в кавычках, — взяты из стихов Абая Кунанбаева, Абдильды Тажибаева, Какимбека Салыкова, Владимира Высоцкого и Николая Некрасова. Авторы всех цитат, приведенных в тексте, указаны там же, а другие сведения читатель найдет в источниках, перечисленных в конце этой книги, — в библиографическом перечне использованных книг.

Медеу Сарсеке. 27 января 2007 года.
Семипалатинск, РК

Created by free version of 2PDF
Buketov University

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Букетов Е. А. Литературные и научные труды

Грани творчества. Очерки. На русском языке. Алма-Ата: Жазушы, 1977.

Святое дело Чокана. Эссе. Пути в незнаемое (Писатели рассказывают о науке). 18-й сборник / Сост. Д. С. Данин. М.: Советский писатель, 1985.

Нефть, уголь и вода в химии и энергетике. Караганда: Полиграфия, 1994.

Шесть писем другу. Алма-Ата: Жалын, 1989.

Детские годы Каныша. Публикация К. А. Букетова. Караганда: Арко, 2001.

Фундаментальные труды академика Букетова Е. А. / Под ред. В. П. Малышева. Караганда: Болашак-баспа, 1999.

Сокровенное. Критические статьи, воспоминания, путевые заметки, разные мысли и раздумья — на казахском и русском языках. В 2 т. / Сост. К. А. Букетов. Т. 1. Алма-Ата: Казахстан, 2000; Т. 2. Караганда: Арко, 2002.

Собрания литературных сочинений и научных трудов. В 6 т. На казахском и русском языках. Караганда: КарГУ, 2005—2006.

Букетов Е. А. Переводы на казахский язык

Василенко И. Артемка (соавтор перевода С. Тлеубаев). Алма-Ата: КМКАБ, 1953.

Золя Э. Рассказы и статьи. Алма-Ата: КМКАБ, 1956.

Маяковский В. Клоп. Сборник пьес. Алма-Ата: КМКАБ, 1957.

Маяковский В. Хорошо! Поэма. Впервые в полном виде публикуется в 6-томном собрании сочинений.

Вазов И. Под игом (соавтор перевода С. Тлеубаев). Алма-Ата: КМКАБ, 1959.

Есенин С. Моя любовь. Стихи и поэма «Анна Снегина». Алма-Ата: Жалын, 1978.

Шекспир В. Макбет. Юлий Цезарь. Исторические драмы. Впервые опубликовано в 6-томном собрании сочинений.

ЕВНЕЙ АРСТАНОВИЧ БУКЕТОВ. Биобиблиографический указатель

Сост. М. И. Жамбеков, К. Т. Рустембеков, З. М. Ким. Караганда: КарГУ, 1992.

Материалы к биобиблиографии. Сост.: В. П. Малышев, Г. А. Кулкыбаев, С. М. Алекенова, Е. К. Кубеев, Б. К. Касенов. Караганда, 2005.

Казахский политехнический институт им. В. И. Ленина. Алма-Ата: Казахстан, 1992.

Карагандинскому госуниверситету 20 лет. Караганда, 1992.

Карагандинский госуниверситет им. Е. А. Букетова. 1972—1997. Караганда: КарГУ. 1997.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Воспоминания об академике Е. А. Букетове

Малышев В. Поступью командора и пророка. Караганда, 1994.

Букетов К. Друг мой, брат мой. Караганда, 1994.

Дорога к истине. Книга воспоминаний. Караганда: КарГУ, 2003.

Есими ел есинде. На казахском языке / Сост. Г. Кадыралин. Петропавловск, 1996.

Наш Букетов. На русском языке. Караганда, 1997.

Биртуар. На казахском языке. Караганда, 1998.

Кыры — гылым, ори — олен. КарГУ им. Е. А. Букетова, 2001.

Евней булагы — Родник Евнея. Стихи Е. Букетова и стихи казахских поэтов, посвященные ему / Сост. К. А. Букетов. Караганда: Санат, 2000.

Ашенов Е. Академик Букетов. Воспоминания. Чимкент: Аскаралы, 2001.

80-летний юбилей академика Е. А. Букетова / Сост. К. А. Букетов, Т. Ж. Кикимов, А. К. Искакова. Астана: Руна, 2005.

Академик Е. А. Букетов. Сборник воспоминаний на казахском языке. / Отв. за выпуск Заркын Тайшыбай. Изд-во Северо-Казахстанского госуниверситета им. М. Козыбаева, 2005.

Buketov university

Created by free version of 2PDF

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВНЕЯ БУКЕТОВА

1925, 23 марта — родился в ауле Баганаты, Тонкерисского района Северо-Казахстанской области.

1931—1941 — учился в школах деревень Малый Кизяк, Макушино Мокроусовского района Курганской области РСФСР, затем учеба в Марьевской средней школе Октябрьского района СКО в Казахской ССР.

1941—1945 — учитель и завуч в начальных и неполных школах сел Соколовка, Ольгинка, Городец, Жалтыр и Двойники Октябрьского района Северо-Казахстанской области.

1945 — сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Марьевской школе.

1945—1950 — студент Казахского горно-металлургического института в Алматы.

1950—1953 — аспирант того же института.

1954 — защитил кандидатскую диссертацию на тему «Извлечение молибдена и его химанализ».

1954—1958 — ассистент, доцент кафедры металлургии легких и редких металлов в КазГМИ.

1958—1960 — заместитель директора по учебной работе КазГМИ.

1960—1972 — директор Научно-исследовательского химико-металлургического института Академии наук Казахской ССР.

1966 — защитил в Москве диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук на тему «Извлечение селена и теллура из медноэлектролитных шламов».

1968—1969 — профессор, заведующий кафедрой общей химии Карагандинского политехнического института (по совместительству).

1968—1970 — кандидат в члены Карагандинского обкома КП Казахстана.

1969, 1973—1980 — депутат областного Совета Карагандинской области.

1969 — удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники за разработку и внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате.

1970 — избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР, награжден юбилейной медалью «За доблестный труд».

1971 — принят в Союз писателей СССР.

1971—1981 — член Карагандинского обкома КП Казахстана.

1972—1979 — ректор Карагандинского государственного университета.

1972 — член научного совета «Гидрометаллургия» Госкомитета по науке и технике при Совете министров СССР.

1975 — избран действительным членом Академии наук Казахской ССР.

1976 — награжден орденом Трудового Красного Знамени, заведующий кафедрой физической химии КарГУ (по совместительству).

Buketov University

Created by free version of 2PDF

1978—1982 — организатор и председатель первой и второй Всесоюзных научных конференций по проблемам «Химия и технология халькогенов и халькогенидов» в Караганде; организатор первой проблемной лаборатории в КарГУ и кафедры «Химия и технология халькогенов и халькогенидов».

1980 — профессор кафедры неорганической химии в КарГУ (по совместительству).

1980—1983 — старший научный сотрудник ХМИ, г. Караганда.

1983, 13 декабря — скоропостижно скончался, похоронен на Карагандинском городском кладбище.

Buketov university

Created by free version of 2PDF

СОДЕРЖАНИЕ

Уроки учителя. *Мурат Журинов* 5

Глава 1. К Уральским предгорьям с берегов Есиль-реки катился голодный люд в надежде спасти души . . . 14
Глава 2. Возвратились к берегам Есиля снова, нет милее сердцу берега родного 55
Глава 3. В Алатау он отправился... тогда, с юностью простившись навсегда 84
Глава 4. «О Боже, где же эти годы, полные радости и любви» 111
Глава 5. Птица мечты парит в вышине, с нею хотел он быть наравне 145
Глава 6. Что делать — ради науки пришлось жить с семьей в разлуке 185
Глава 7. «В науке тот достигнет высот, кто сердце и разум ей отдает» 241
Глава 8. «Успех в науке принесет богатство, счастье и почет» 276
Глава 9. «Друзья, пятидесятилетний юбилей пусть каждый встретит, как Евней» 338
Глава 10. «На извилистой тропе не поскользнись, смотри внимательно, уверенно держись» 376
Глава 11. «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...» 433
Глава 12. «Он немного на земле прожил, но памятник вечный заслужил» 494
Глава 13. «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!» 550

Послесловие 596
Краткая библиография 601
Основные даты жизни и деятельности Евнея Букетова . . 603

Buketov University

Created by free version of 2PDF